

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
Артиллерии, инженерных войск и войск связи

Адрес музея: 197046, Санкт-Петербург,
Александровский парк, 7.
Тел./факс: (812)498-09-32, 232-02-96
E-mail: artillery@yandex.ru
www.artillery-museum.ru

ВОЙНА И ОРУЖИЕ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Труды Восьмой Международной
научно-практической конференции
17–19 мая 2017 года

Часть I

Департамент культуры Минобороны России
Российская Академия ракетных
и артиллерийских наук
Военно-исторический музей
артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие

Новые исследования и материалы

**Труды Восьмой Международной
научно-практической конференции**

17–19 мая 2017 года

Часть I

Санкт-Петербург
ВИМАИВиВС
2017

УДК 351.852.1 + 355.48

ББК 79.1 + 68 + 63

В 65

Печатается по решению Ученого совета ВИМАИВиВС

Научный редактор – *С.В. Ефимов*

Организационный комитет конференции

«Война и оружие. Новые исследования и материалы»:

В.М. Крылов, директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, заслуженный работник культуры Российской Федерации,

С.В. Ефимов, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи по научно-просветительской и выставочной работе, кандидат исторических наук,

С.В. Успенская, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат культурологии, заслуженный работник культуры Российской Федерации,

В.И. Кобякова, начальник научного отдела сохранности памятников культуры и истории Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат технических наук

Война и оружие

Новые исследования и материалы

Труды Восьмой Международной
научно-практической конференции

В четырех частях

Часть 1

Информационная поддержка

Иллюстративный материал предоставлен авторами статей

ISBN 978-5-7937-1432-7

© ВИМАИВиВС, 2017

© Коллектив авторов, 2017

© СПбГУПТД, 2017

Дорогие друзья, уважаемые коллеги!

От Департамента культуры Министерства обороны Российской Федерации рад приветствовать организаторов и участников Восьмой Международной научно-практической конференции «Война и оружие. Новые исследования и материалы».

Сегодняшняя конференция объединяет представителей органов государственной власти, общественных организаций, а также ведущих ученых и музейных специалистов из различных регионов России, Беларуси, Австрии, Польши, Швеции, Германии, Литвы и других стран.

Считаю, что это уникальная возможность для всестороннего обсуждения результатов новейших исследований, посвященных военной истории, и обмена опытом.

Конференция приурочена к значимым для российской и мировой истории юбилеям – 100-летию русской революции 1917 г. и 70-летию принятия на вооружение легендарного АК-47, созданного великим отечественным конструктором, «оружейным гением» XX в. – Михаилом Тимофеевичем Калашниковым.

Большое внимание будет уделяться вопросам сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и дальнейшего развития форм патриотического воспитания граждан.

Уверен, что Международная научно-практическая конференция «Война и оружие. Новые исследования и материалы», которая ежегодно привлекает все большее количество участников из разных стран, наглядно продемонстрирует пример столь необходимого в современных условиях профессионального диалога, основанного на исторических фактах, и будет способствовать дальнейшему укреплению международных культурных связей.

Спасибо за внимание. Желаю всем плодотворной работы и дальнейших творческих успехов.

Директор Департамента культуры
Министерства обороны
Российской Федерации

с уважением,

В. Бuzдыган

Уважаемые участники конференции!

От лица Российской Академии ракетных и артиллерийских наук поздравляю вас с началом работы Восьмой Международной научно-практической конференции «Война и оружие. Новые исследования и материалы».

Со дня проведения первой конференции Академия традиционно выступает в качестве одного из организаторов и участников, поскольку одной из задач ее деятельности является налаживание тесного взаимодействия академической, вузовской и отраслевой науки с целью комплексного решения проблем развития вооружения, военной и специальной техники.

В этом году отмечаются два значимых события, связанные с историей отечественной артиллерии. В 1382 г. во время обороны Москвы от войск золотоордынского хана Тохтамыша впервые на Руси были применены первые артиллерийские орудия. В 1577 г. первый русский царь Иван Грозный учредил Пушкарный приказ – один из первых органов артиллерийского управления в России. Безусловно, эти славные даты также нашли отражение в тематике представленных на конференции докладов.

Замечательно, что среди многочисленных участников конференции, приехавших в Санкт-Петербург из различных регионов России, стран ближнего и дальнего зарубежья, достаточно много специалистов в области истории создания ракетного, артиллерийского и стрелкового вооружения и боеприпасов.

Важным для столь значимой конференции всегда являлось своевременное издание ее трудов – ко дню открытия. Своевременное введение в научный оборот новых материалов и исследований способствует их широкому распространению не только среди профессионалов, но и среди всех интересующихся проблемами военной истории, истории создания военной техники и вооружения, а также музееведения, сохранности и реставрации памятников прошлого.

Желаю всем участникам конференций плодотворной работы и конструктивной дискуссии, а также новых успехов и достижений в вашем научном труде!

Президент Российской Академии
ракетных и артиллерийских наук

В.М. Буренок

Дорогие участники конференции!

Приветствую вас в Санкт-Петербурге, в стенах музея, собрание которого начало формироваться 314 лет назад по личному распоряжению Петра I. Более трех веков поколения сотрудников музея сохраняли военно-исторические памятники и реликвии и пополняли их число.

Конференция проходит в сложное и очень важное для нашего музея время. По распоряжению Министра обороны Российской Федерации, с 2015 г. ведется масштабный капитальный ремонт здания музея и обустройство территории Кронверкского острова, где он расположен. Этого долгожданного ремонта не было несколько десятков лет.

Сотрудники музея работают над созданием новой, современной музейной экспозиции, посвященной военной истории России с древнейших времен и до настоящего времени.

Музей не прерывает сложившейся за много лет доброй традиции проведения ежегодной Международной научно-практической конференции «Война и оружие. Новые исследования и материалы». Это еще раз доказывает, что коллектив решает не только текущие хозяйственные и организационные вопросы, но и живет активной и плодотворной научной жизнью.

Участники конференции – это исследователи из различных регионов России, ближнего и дальнего зарубежья. По сложившейся традиции музей сумел подготовить сборник трудов конференции к началу ее работы.

Научность, актуальность и новизна докладов, высокий рейтинг трудов конференции, их цитируемость не только в нашей стране, но и за ее пределами убеждают меня, что мы действуем в верном направлении.

Благодарю всех, кто смог принять участие в работе. Надеюсь, что конференция как всегда пройдет на высоком научном уровне, в доброжелательной дружеской атмосфере, не исключаяющей, впрочем, жарких научных дискуссий и споров.

Директор Военно-исторического музея
артиллерии, инженерных войск и войск связи
доктор исторических наук
заслуженный работник культуры
Российской Федерации
член-корреспондент РАН

В. Крылов

М.О. Акишин (Новосибирск)

ПРАВО ВОЙНЫ В ХОДЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (XVII ВЕК)

Введение

РОЛЬ НАСИЛИЯ при включении территории и населения Восточной Сибири и Дальнего Востока в состав Русского государства является дискуссионной. Теории завоевания этих земель придерживались Г.Ф. Миллер, С.В. Бахрушин, С.А. Токарев, Ф.Г. Сафронов, А.С. Зуев и др. Однако они делали оговорку о добровольном подчинении некоторых «землиц». Напротив, О.В. Ивонова впервые постулировала: «Присоединение Якутии к Русскому государству проходило в основном мирным путем»¹. Эту позицию поддержали Г.П. Башарин и В.Н. Иванов. Преобладание мирных средств при присоединении Забайкалья и Приамурья обосновал В.А. Александров.

В этой давней дискуссии не поставлены два принципиальных вопроса. Во-первых, не было раскрыто само понятие войны в классическом международном праве XVII в., а также ее понимание русскими и аборигенами. Во-вторых, отдельные факты жестокости служилых людей требуют не эмоциональных оценок, а исследования вопроса закрепления в русском законодательстве законов и обычаев права войны и их применения в процессе присоединения Восточной Сибири и Дальнего Востока. Эти два вопроса и рассматриваются в настоящей работе.

Исторические источники для исследования поставленных проблем представлены, прежде всего, нормативно-правовыми актами (шертные записи, государевы указы и грамоты, наказы сибирским воеводам и наказные памяти служилым людям), документами официального делопроизводства, челобитными сибиряков. Воззрения народов Восточной Сибири на процесс их

включения в состав Русского государства позволяют реконструировать фольклорные материалы (якутские исторические предания, цикл легенд об Эллее, мифологические сказания эвенков и энцев и т. д.).

Понятие войны

В XV–XVII вв. в Европе и России формируется доктрина, согласно которой война могла вестись только между суверенами, обладавшими правом «двигать войну». Необходимым требованием, предъявлявшимся к справедливой войне, было ее торжественное объявление. Эта доктрина использовалась российскими самодержцами в Сибири. Во вновь «приисканные земли» от имени российского царя направлялись государевы служилые люди, которые были обязаны «всякие дела» делать «по государеву указу и по памятям». В «новых землях» служилые должны были вступить в переговоры с местной знатью о принесении «шерти» на подданство. Эти переговоры включали элемент насилия: местных правителей предупреждали, что если они окажутся «непослушны и непокорны», то будут приведены в подданство «ратным боем». При этом служилым людям предписывалось обращаться с «иноземцами» «ласкою, а не жесточью»².

Против тех ясачных людей, которые после принесения шерти «учнут государю изменять», также было узаконено применение вооруженной силы. Ее использование градировалось. Если «непослушным» было небольшое число «иноземцев», живущих неподалеку от острога, их требовалось «смирять войною небольшим разорением», а «лутчих людей» захватывать в аманаты. В случае, если «учнут... изменники... государевых служилых, и торговых и промышленных людей... побивать... приходиться войною», предлагалось над ними «поиск учинить» и «смирять огненным боем», зачинщиков сажать в тюрьмы и держать до особого указа царя³.

Народы Восточной Сибири и Дальнего Востока не имели в XVI–XVII вв. своей государственности, не были знакомы с принципами и нормами классического международного права и европейским пониманием подданства. В условиях государственности империи Чингис-хана они усвоили институт кыштымной зависимости слабого племени от более сильного, которая могла включать в себя и чисто номинальное признание верховенства, и крайне жесткую эксплуатацию. Требование подданства служи-

лые люди сопровождали процедурой подарков – отдарков, которая могла восприниматься аборигенами как меновая торговля, и пиром-угощением.

Можно предположить, что, соглашаясь шертовать на подданство, аборигены считали, что только номинально признают власть «белого царя». Характер зависимости – номинальный или реальный – они пытались определить позднее, что и являлось причиной вооруженных конфликтов уже после принесения шерти. В этих столкновениях местная знать решала вопрос о пределах своей власти в ясачных «волостях» и «улусах», уже вошедших в состав Русского государства. Характерно, например, отношение якутских князцов Нарыкана, Буруха, Кореня, Бойдона, Ногуга, которые первыми на реке Лене в 1630 г. столкнулись с отрядом А. Добрынского. Поначалу они мирно шертовали и внесли ясак, позволили служилым построить острожек на своей земле. Но в ноябре 1630 г. неожиданно перешли к боевым действиям: со своими «улусами приступали к острожку жестокими приступами», продолжая осаду до мая 1631 г. Понеся большие потери и убедившись в том, что острожек взять не удастся, якуты вновь начали платить ясак⁴.

По мере укрепления русской администрации «иноземцы» начинали осознавать новые реалии своего бытия, о чем свидетельствует их фольклор. Так, в якутских сказаниях историческое время делится на до прихода русских и после⁵. Русские включаются в мифы о творении. В легенде о появлении разных народов, бытовавшей в северных районах Якутии, рассказывается о трех сыновьях бога, младший из которых – русский – богом-отцом был назначен главенствовать над старшими братьями – якутом и эвеном⁶. Подобный же сюжет имеется в чукотском мифе о творении, где бог-отец предназначает все народы, кроме чукчей, в рабство русскому. Только чукчи должны быть равными русским. Следует при этом отметить, что чукчи относились ко всем своим соседям крайне высокомерно и ни один народ в их фольклоре, за исключением русских и самих чукчей, не назван собственно людьми⁷.

Характер русского продвижения

Особенностью русского продвижения в Восточную Сибирь и Приамурье был явный недостаток в численности служилых людей. В отличие от Западной Сибири, где оперировали отно-

сительно крупные воинские контингенты, в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке действовали небольшие отряды землепроходцев. Действия этих отрядов в суровых природно-климатических условиях, при продолжительных походах не могли не привести к поиску среди сибирских «иноземцев» союзников.

Начало продвижения в Среднюю и Восточную Сибирь стало возможно только после окончания Смуты. В 1618 г. в верховьях реки Кети для охраны волока на Енисей был поставлен Маковский острожек. В 1619 г. к востоку от него – Тунгусский (переименованный вскоре в Енисейский) острог. В 1628 г. – Красноярск. Основание острогов на среднем течении Енисея привело к частичному объясачиванию самодийских племен, расселявшихся в бассейнах реки Таза, Турухана и нижнего Енисея, и эвенков, расселявшихся в бассейнах Подкаменной и Нижней Тунгусок и в верховьях Лены. Приведение к шерти питских, варгаганских и приангарских тунгусов, как и асанов, обитавших по притоку Ангары – Тасевой, произошло на протяжении 20-х гг. XVII в.⁸

Освоение русскими нижней и средней части бассейна Енисея открыло им пути в Прибайкалье. Буряты и эвенки, населявшие этот регион, русское подданство принимали в основном мирно⁹. В 1628–1629 гг. через Западную Бурятию прошел отряд П. Бекетова, сумевший призвать князцов «Кодогоня, да Кульза, да Андая со товарищи... под государеву царскую высокую руку». В 1630 г. атаман М. Перфильев привел к шерти князцов Абакая, Братая, Кодогуня и поставил Илимский острог.

В 1631 г. в «Братцкую землю» вновь совершил поход П. Бекетов. Он вступил в переговоры с бурятами-эхэритами. В ответ на предложение платить ясак бурятские князцы заявили, что они сами собирают ясак «со многих землиц», и угрожали: «Вас к себе в холопи розберем, ис свои земли вас не выпустим». В бою с казаками буряты потеряли от 40 до 56 чел. В том же году буряты-эхэриты откочевали к Байкалу, а их кыштымы тунгусы-налягиры «государские высокие руки утрашились» и принесли Бекетову ясак. Результатом этой экспедиции стало основание Братского острога¹⁰.

Бурятское население районов, прилегающих непосредственно к Байкалу, вошло в контакт с русскими с начала 1640-х гг., когда в верховьях Лены был основан Верхоленский острог (1641). В 1654 г. в устье Унги на Ангаре Д. Фирсовым был построен Бала-

ганский острог. В 1661 г. на правом берегу Ангары Я. Похабовым был построен Иркутский острог. Постройка этих опорных пунктов ускорила присоединение ангарских бурят к России и содействовала укреплению безопасности всего бурятского населения¹¹.

Присоединение Забайкалья произошло благодаря совместным усилиям государевых служилых людей и русских промысловиков. В 1644 г. отряды енисейских служилых людей В. Колесникова и И. Похабова ушли за Байкал вместе с промышленными людьми. В 1645–1647 гг. они установили в Забайкалье мирные контакты с бурятским и тунгусским населением и монгольскими князьями. В 1647 г. был основан Верхне-Ангарский, в 1648 г. – Баргузинский, в 1652 г. – Баунтовский, в 1653 г. – Иргенский и Нерчинский, в 1658 г. – Телембинский острог, в 1662 г. – Кучидский, в 1666 г. – Удинский и Селенгинский остроги. Окончательно эта территория вошла в состав России после основания в 1658 г. Нерчинского уезда¹².

В 1619 – начале 1620-х гг. тобольские и мангазейские воеводы получили сведения о реке Лене. В этот регион первоначально проникали по своей частной инициативе промышленники. Так, первой на Лене, видимо, оказалась партия мангазейских промышленников во главе с А. Пендой (Пяндой). В 1624 г. они основали на Нижней Тунгуске первое русское поселение – Пендинское зимовье, а затем в устье Кочемы – Нижне-Пендинское и в устье Средней Кочемы – Верхне-Пендинское¹³. Этот первый контакт получил отражение в фольклоре якутов. Согласно преданию, на земле кангаласских якутов перед юртой престарелого тойона Тыгына неожиданно появились неизвестные люди, говорившие на незнакомом языке и внешне отличавшиеся от своих. Трудолюбием и кротким нравом они завоевали симпатию Тыгына, который взял их в работники¹⁴.

Промышленные люди отправлялись в «новые земли» за прибылью от соболиного промысла либо на свои средства («своеужинники»), либо в составе промысловых ватаг в 30–40 человек на «покруте» (найме). Сам характер торгово-промышленной деятельности предполагал стремление промышленных людей установить мирные отношения с коренными народами. Торговые люди снабжали экспедицию своих покрученников всякими товарами для мены с местным населением. Так, в 1634 г. Надей Светешников отпустил со своим человеком И. Ломом и покрученника-

ми «многие промышленные товаренки»: медь, и олово, и одекуй, и бисер, и «всякий товар по якутской цене». То же самое делали люди торгового человека гостиной сотни Василия Гусельникова и гостиной сотни торгового человека Алексея Усова¹⁵.

Настрой на мирные контакты объективно обусловил позитивное влияние промышленных людей в процессе присоединения «новых земель». В.Н. Иванов пришел к выводу: «...промышленные люди своей основной – торговой – деятельностью способствовали включению местного населения в экономические связи независимо от того, в какой форме и в каком эквиваленте осуществлялись меновые операции... Их деятельность пробивала дорогу к общению с местным населением, в какой-то степени снимаемая напряженность в отношениях»¹⁶.

Присоединение Ленского края к Русскому государству осуществили служилые люди по «государеву указу». В 1630 г. отряд мангазейских служилых людей во главе с тобольским служилым А. Добрынским совершил поход по рекам Лене и реке Алдану, где собрал первый ясак. Этот отряд впервые столкнулся с вооруженным отпором. С 8 ноября 1630 г. по 9 мая 1631 г. он находился в осаде в построенном им острожке. Параллельно началось проникновение на Лену из Енисейска. В 1631 и 1634 гг. туда совершил два разведывательных похода енисейский казачий атаман И.А. Галкин. Оба раза он сталкивался с вооруженным отпором якутов¹⁷.

В 1632 и 1633 гг. в Ленский край совершил поход енисейский отряд стрелецкого сотника П. Бекетова. Знаменитый землепроходец предпочитал действовать дипломатическим путем, но в случае сопротивления прибегал к решительным действиям. В 1632 г., приводя к покорности якутов Дупсунского улуса, отряд Бекетова уничтожал их городки. Один из них, который сопротивлялся особенно упорно, служилые люди сожгли «со всеми якуцкими людьми». Согласно «отписке» Бекетова, в нем погибло 87 чел. В результате этого похода к шерти было приведено 32 князца из 17 улусов, был поставлен Якутский острог, что фактически обусловило включение Ленского края в состав Русского государства¹⁸.

В 1635–1639 гг. отряд служилых людей В. Шахова путем мирных переговоров привел в подданство племена живших по реке Вилии¹⁹. В 1636 г. столкновения с якутами происходили у от-

рядов служилых людей Б. Байкшина и П. Ходырева. В 1637–1639 гг. отряд Д. Копылова объясачил «многих улусных людей якутов тагусских князцов», которые кочевали в бассейне Алдана. Этому отряду дважды пришлось вступать в сражения с якутами (1637, 1638). В 1633–1641 гг. отряды И. Перфильева, И. Реброва, Е. Бузы и П. Иванова обследовали земли по рекам Яне и Индигирке, привели в подданство и собрали ясак с обитавших там племен. «Замирить» Якутскую землю удалось только к концу 1630-х гг.²⁰

Создание Ленского острога позволило создать административный центр для управления этим громадным краем. После прибытия в 1641 г. в Якутск воевод П.П. Головина «с товарищи» продолжилось продвижение служилых людей по двум направлениям: во-первых, от Ленского острога через Верхоянский хребет в верховья Яны, Индигирки и среднее течение Колымы; во-вторых, от устья Лены вдоль морского побережья на Анабар и на Колыму.

В 1641–1643 гг. отряд Д. Ярило собирал ясак с племен на реках Яне, Индигирке и Алазее, откуда впервые добрался до реки Колымы. В 1641–1645 гг. отряд М. Стадухина объясачил иноземцев по рекам Томке и Моме, затем «дошел на Колыму реку». Часть этого отряда прошла «через горы» на реку Охоту и от нее «к морю», т. е. вышел к Охотскому морю. В 1647–1659 гг. Стадухин «с товарищи» находился на «дальних службах» «на новых на Андаре, да на Пенжене, да на Изиге, да на Товуе реках»²¹.

Таким образом, в 1630-х – 1640-х гг. сложилась основная цепь русских поселений Якутского уезда: Якутский острог (1632), Верхневилуйское зимовье (1634), Олекминский острог (1635), Жиганское зимовье (1635), Бутальское зимовье (1636), Верхоянское зимовье (1638), Зашиверский острог (1639), Ульинское зимовье (1639), Олюбинское зимовье (1641), Алазейский острожек (1642), Среднеколымское зимовье (1643), Нижнеколымское зимовье (1644), Верхнеколымское зимовье (1647), Охотский острог (1647), Анадырский острог (1649). Экспедиция 1648 г. Семена Дежнева позволила достичь естественных природных очертаний Якутского уезда на севере и востоке.

В 1640-х гг. начало формироваться новое направление движения русских землепроходцев из Якутска – от Ленского острога по Алдану и его притокам на Амур. Первые сведения об Амуре

получили в 1639 и 1641 гг. отряды служилых людей М. Перфилева и письменного головы Е.Л. Бахтеярова. Приамурья они не достигли, но установили, что там живут «сидячие пашенные люди», а бассейн Амура богат полезными ископаемыми. Первую русскую экспедицию, достигшую Тихого океана, вел томский казак И. Москвитин. Осенью 1639 г. казаки Москвитина вышли к Охотскому морю, плавали в открытом океане и открыли, в частности, остров Сахалин. В конце 1640 г. казаки Москвитина в поисках Амура, о котором уже имелись смутные сведения, вышли в устье этой реки²².

В 1643 г. якутскими воеводами была организована экспедиция на Амур из 132 служилых людей во главе с письменным головой В.Д. Поярковым. В 1643–1645 гг. отряд Пояркова побывал на Амуре, собрал сведения о даурах (эвенках) и дючерах; выяснил, что в их землях часто появлялись маньчжуры. В низовьях Амура проживали ачаны (натки) и гиляки (нивхи). Поярков установил, что они не были у кого-либо в подданстве и «ясаку они никому не дают».

В 1643 г. Поярков отправил казаков во главе с пятидесятником Ю. Петровым в один из даурских «острожков» «для государева ясажного сбору и для корму, чтоб им служилым людям было чем прокормиться до весны». Но из-за жадности Петрова у его отряда произошел с даурами «бой ... великой», после которого служилые вынуждены были отступить.

Зимой 1643/44 г. в отряде Пояркова начался голод. Служилые питались «травой и кореньем», были даже случаи людоедства: некоторые казаки «...не хотя напрасно смертию помереть, съели многих мертвых иноземцев и служилых людей, которые с голоду померли». Перед зимовкой в отряде Пояркова числилось 90 человек, за зимние месяцы 40 человек «голодную смертью померло». Летом 1645 г. экспедиция Пояркова по Охотскому морю вернулась в Якутск. В Якутске Поярков представил подробный отчет и «чертеж» пройденных им мест²³.

По результатам похода Пояркова якутские воеводы докладывали в Сибирский приказ об открытии двух дорог на Амур – по Олекме и Алдану, предлагали начать колонизацию края²⁴. Однако эти планы, видимо, не получили поддержки в Москве.

Только в 1649 г. по своему челобитью и в основном на свои средства на Амур был отпущен «старый опытовщик» Е.П. Хаба-

ров. Вернувшись в Якутск, он доложил воеводе, что «та Даурская земля будет прибыльнее Лены ... и против всей Сибири будет место в том украшено и изобильно». В 1651 г. Хабаров вернулся на Амур уже приказным человеком, действующим по наказной памяти от воеводы. В 1651–1654 гг. он привел в подданство и собрал ясак со всех народов Приамурья. В 1654 г. «по государеву указу» на Амур из Москвы с воеводскими полномочиями прибыл московский дворянин Д. Зиновьев, что формально означало признание верховной властью России включения Приамурья в состав России. Летом 1653 г. Зиновьев в торжественной обстановке сказал жалованное слово местным князям и «лучшим людям»²⁵.

Обычай и законы права войны в действиях служилых людей

Встреча с казаками описывается в фольклоре народов Восточной Сибири как экстремальное событие. Русские передвигались по рекам, а река в верованиях якутов связывает земной и подземный миры, почему этим путем в мир людей приходит все неизвестное, враждебное. Пугал сам внешний вид казаков. В преданиях чукчей облик пришлецов описывается следующим образом: «...одежда вся железная, усы как у моржей, глаза круглые железные, копьа длиной по локтю и ведут себя драчливо – вызывают на бой». Магическое впечатление на якутов производило огнестрельное оружие. В одном из сказаний пушка изображается как «зверь с очень страстной, огненной душой». Предания содержат описания истязаний, которым подвергались аборигены, отражают желание истребить их всех, угон оленей²⁶.

Но при этом в фольклоре якутов сохранились и совершенно другие оценки последствий вхождения их земель в состав Русского государства. Во-первых, установление нового правопорядка осознается как главное условие прекращения междоусобиц между народами Северо-Востока Азии. Во-вторых, законодательство Русского государства признается более справедливым, чем обычное право. В-третьих, русские воеводы начинают оцениваться позитивно: они разбирают бытовые конфликты и осуществляют справедливую раскладку ясака²⁷.

Русские источники свидетельствуют, что действия служилых людей в «улусах» и «волостях» «иноземцев» достаточно пол-

но регулировались в законодательстве и контролировались на практике. С одной стороны, это соответствовало традициям православного гуманизма. С другой, русские власти стремились установить в «новых землях» общий правопорядок, исключавший и межплеменные войны «иноземцев», и насилие со стороны русских переселенцев.

В отрядах служилых людей поддерживалась строгая дисциплина. От них требовалось, чтобы «ружье было доброе» и «государева служба была за обычай». Атаманы, сотники, пятидесятники и десятники «смотрели» у рядовых «их рухлядь и платья и харч»; «берегли накрепку», чтобы у них «зерни и табаку и грабежу и воровства и пьянства и никакого дурна отнюдь не было». Служилым предписывалось на месте службы «вин не курить и пив не варить и зерни у себя и продажного питья не держать», запрещалось торговать с «иноземцами» и промышленными людьми, заниматься пушным промыслом и «складываться» с торговыми людьми. В случае нарушения этих норм следовали санкции: «...за то быть в государеве пене и в жестоком наказанье без пощады»²⁸.

Русское законодательство XVII в. содержало достаточно развитую систему юридических норм, регулиующую правовое положение сибирских «иноземцев». В отношении плененных в ходе военных конфликтов предписывалось – после того как «воистые» иноземцы будут «усмирены» и согласятся вечно быть под высокою царскою рукой и платить ясак, а также станут «государю бити челом» о своих сородичах, попавших в плен, предписывалось «прощать их на окуп»²⁹.

На практике «окуп» (выкуп) брался не всегда. Так, в 1651 г., захватив Толгин городок на реке Зее, отряд Е. Хабарова взял в плен большое количество дауров, в том числе их жен и дочерей. Выкуп за каждую из них составлял мехами «по сороку рублей и по штидесяти, а за иную... по сту рублей». Но Хабаров решил ограничиться приведением дауров к шерти на подданство, сбором ясака и задержанием в аманатах князцов Турончи, Толгы, Омутея и трех «лучших улусных мужиков», отпустив остальных пленных без выкупа в их улусы для «постоянства и удержания земли»³⁰. Эта практика действовала на протяжении всего XVII в. В наказе тобольскому воеводе князю М.Я. Черкасскому говорилось о том, чтобы «полон» отдавать их сородичам, если они перестанут «воровать»³¹.

В законодательстве был установлен запрет на вывоз «иноземцев» из Сибири в целях сохранения плательщиков ясака. В грамоте царя Михаила Федоровича 1623/24 г. сообщалось о том, что «татар и татарченков мужеского и женского полу всяким людям покупати и даром ни у кого имать и крестити, и на Русь ни с кем высылати не велено»³². В 1634/35 г. на Верхотурье была послана государева грамота, которой предписывалось: «...будучи... на заставе смотреть и беречь накрепко, как из сибирских городов воеводы и дьяки, и письменные головы, и их братья, и дети, и племянники... служивые, и торговые, и промышленные люди, и архиепископские дети боярские, и попы, и чернецы, и всякие люди поедут к Руси... и повезут с собой сибирских татар и остяков, и их жон, и детей – осматривать и обыскивать всякими мерами накрепко. И у ково будет... объявитца ясырь татарова, и остяки, и их жены и дети, робята и девки ... тот ясырь у них имать и отсылати в Тобольск». В Москву следовало сообщать, у кого именно ясырь был отобран³³.

В 1649 г. этот вопрос был вновь поставлен енисейским воеводой Ф.П. Полибиным перед Сибирским приказом. Воевода сообщил, что служилые люди «привозят в Енисейской острог с Байкала озера брацких людей полоняников ... и ... продают торговым и промышленным людям», а последние вывозят их на Русь. В ответ Сибирский приказ подтвердил грамоту 1645/46 г., согласно которой таможенным и заставным головам запрещено пропускать с русскими людьми за Урал «сибирских татар и остяков, и их жен и детей», а выявленный ясырь с Верхотурья, Березова, Собской и Обдорской застав отсылать в Тобольск, с Ижемской заставы – в Пустоозерск, а оттуда в Енисейский острог. При этом «некрещеных татар и остяков строить в ясак, а жонки и девки отдавать отцом им и матерем, и мужьям, и роду и племени ... а которой де ясырь же взяты в немирных землях, и тот ясырь велено держать в Енисейском остроге на аманацком дворе». Воевода получил выговор за то, что «ты плутаешь, отписываешься о том не делом», и предписано действовать согласно прежним указам и своему наказу³⁴.

Важной проблемой, которая сохраняет актуальность и в современном международном гуманитарном праве, является практическая реализация норм в отношении военнослужащих, которые совершили военные преступления. В Сибири XVII в.

эта проблема решалась достаточно радикально. Например, под следствием оказались почти все командиры отрядов служилых людей, приводивших в подданство якутов по реке Лене в 1630-х гг. А. Добрынский и М. Васильев, командовавшие экспедицией, впервые попавшей на Лену и собравшей первый ясак в 1630–1632 гг., были заподозрены в злоупотреблениях и вынуждены доказывать свою невиновность³⁵. Под следствием находился енисейский атаман И. Галкин, которому ставилось в вину то, что во время похода 1631 г. он из-за «воровства и корысти» учинил «отгон» от ясачного обложения двух «лутчих тайшей» с их улусными людьми и «алданских князцов», чем нанес «государеве казне большую убыль, а ясачным людям тесноту и обиду»³⁶.

Возможно, такие следствия иногда носили профилактический характер. В ходе некоторых из них выяснялось, что у служилых устанавливались настолько дружеские отношения со знатью ясачных, что во время следствия те выступали на стороне русских. Так, по распоряжению якутского воеводы П.П. Головина, в 1641 г. сын боярский Парфен Ходырев попал в тюрьму по обвинению в служебных злоупотреблениях. На следствии он назвал своими «другами» князцов Кангаласской, Борогонской и Одейской волостей Еюка Никина, Логуя Амыканова, Ижила Накураева и Сергуя Унегина. Ходырев утверждал, что ранее он «был до них добр, поил де их, кормил». Его слова подтвердил толмач из якутов Кузьма Туркин, который в разговоре с борогонским Огунеем Оргузеевым сказал: «Как Парфен был де здесь тоеном, а я де здесь был в толмачах и мы де до вас были добры»³⁷.

Заключение

Верховная власть и центральные органы Русского государства при присоединении Восточной Сибири и Приамурья придерживались позиции приоритета дипломатических средств, а при использовании насилия исходили из общепринятых в Европе того времени требований к справедливой войне: ее публичного характера, ведения от лица суверена, необходимости объявления войны и т. д.

Эти юридические конструкции были непонятны народам Сибири. Подданство «белому царю» они воспринимали как известный им по монгольскому праву институт кыштымной зависи-

мости. Как правило, причиной военных столкновений было приращивание местной знати на определение объема их власти в ясачных «волостях» и «улусах» в составе Русского государства. Эти действия являлись частными войнами родо-племенной знати догосударственного периода.

Приведение в подданство «иноземцев» осуществлялось воеводами и служилыми людьми путем переговоров. Русская администрация придерживалась позиции установления единого правопорядка во вновь присоединенных землях, прекращения межплеменных войн, что, безусловно, способствовало установлению добрососедских отношений с обитавшими там народами. В русском законодательстве XVII в. были достаточно подробно урегулированы вопросы воинской дисциплины, правового положения сибирских «иноземцев», закреплены санкции за военные и иные преступления в их отношении.

¹ История Якутской АССР. М., 1957. Т. II. С. 40.

² ДАИ. Т. IV. С. 159.

³ Так же. С. 112–113.

⁴ РГАДА. Ф. 214. Стб. 67. Л. 554–555; Бахрушин С.В. Открытие Якутии русскими в XVII в. и присоединение ее к России // Якутия в XVII в. (очерки). Якутск, 1953. С. 17.

⁵ Ксенофонов Г.В. Элейада. М., 1977. С. 158.

⁶ Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М., 1974. С. 144.

⁷ Богораз А.Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора. СПб., 1900. С. 160.

⁸ Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 191–204.

⁹ Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов. М., 1937; Залкинд Е.М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958. С. 15 и след.

¹⁰ Сборник документов по истории Бурятии. VII век. Вып. 1. Улан-Удэ, 1960. С. 27; Материалы по истории Якутии XVII века. Т. III. М., 1970. С. 1072–1077.

¹¹ Копылов А.Н. О дате основания Иркутска // История СССР. 1960. № 5. С. 165–166; Залкинд Е.М. Указ. соч. С. 35–38; Долгих Б.О. Указ. соч. С. 284, 285.

¹² Залкинд Е.М. Указ. соч. С. 46 и след.

¹³ Окладников А.П. Пенда – забытый русский землепроходец XVII в. // Летопись Севера. Л., 1949. Вып. 1. С. 94–102; Бахрушин С.В. Указ. соч. С. 12–13; Полевой Б.П. Новое о Пянде // Материалы по истории Сибири. Сибирь в период феодализма. Новосибирск, 1965. Вып. 2. С. 283–284.

¹⁴ Исторические предания и рассказы якутов. М.; Л., 1960. Ч. II. С. 12–14.

¹⁵ Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на Северо-Востоке Азии: Сб. докл. М., 1951. С. 161–195.

¹⁶ Иванов В.Н. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск, 1999. С. 54.

- ¹⁷ РГАДА. Ф. 214. Стб. 31. Л. 389–391; Стб. 67. Л. 546, 553–555, 576–577; Стб. 83. Л. 477–479. РИБ. Т. II. С. 965.
- ¹⁸ Материалы по истории Якутии XVII века. Т. 3. С. 1085, 1089–1091, 1095–1096.
- ¹⁹ РГАДА. Ф. 214. Стб. 52. Л. 239–240; ДАИ. Т. II. С. 229–230, 234–235.
- ²⁰ Открытия русских землепроходцев... С. 100–101, 114, 116–117, 122, 132, 142–143, 152–156 и др.
- ²¹ Там же. С. 120, 135, 142, 143, 157, 221, 271–272, 492.
- ²² Полевой Б.П. Новый документ о первом русском походе на Тихий океан. («Распросные речи» И.Ю. Москвитина и Д.Е. Копылова, записанные в Томске 28 октября 1645 г.) // Труды Томск. обл. краевед. музея. Томск, 1963. Т. 6. Вып. 2. С. 24, 28.
- ²³ ДАИ. Т. III. С. 50–60; Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. М., 1969. Т. 1. 1608–1683. С. 117.
- ²⁴ ДАИ. Т. III. С. 102–104; Открытия русских землепроходцев... С. 231.
- ²⁵ ДАИ. Т. III. С. 258–261; Русско-китайские отношения в XVII веке. Т. 1. С. 135, 200.
- ²⁶ Богораз А.Г. Указ. соч. С. 330–331, 334; Эргис Г.У. Исторические предания и рассказы якутов. Якутск, 1960. Т. 2. С. 59; Ксенофонов Г.В. Указ. соч. С. 101.
- ²⁷ Эргис Г.У. Исторические предания и рассказы якутов. Т. 2; Ксенофонов Г.В. Указ. соч. С. 101.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 214. Стб. 75. Л. 5–9; Ф. 1177. Оп. 3. Д. 261. Л. 20, 24а–26; РИБ. Т. II. С. 970–971.
- ²⁹ ДАИ. Т. IV. № 46. С. 113.
- ³⁰ Леонтьева Г.А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М., 1990. С. 71–72.
- ³¹ АИ. Т. III. С. 314.
- ³² Российское законодательство X–XX вв. М., 1985. Т. 3. С. 229.
- ³³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 102. Л. 103–104.
- ³⁴ ДАИ. Т. III. № 62. С. 233, 224.
- ³⁵ Иванов В.Н. Указ. соч. С. 36.
- ³⁶ РГАДА. Ф. 214. Стб. 75. Л. 172.
- ³⁷ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Д. 117. Л. 60, 125; Иванов В.Н. Указ. соч. С. 91.

А.И. Алексеев (Санкт-Петербург)

**БОЕВАЯ ПОДГОТОВКА ОФИЦЕРОВ
ЛЕЙБ-ГВАРДИИ 1-й АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ
БРИГАДЫ В 1899–1909 ГОДАХ,
ПО МАТЕРИАЛАМ ДНЕВНИКА В.С. САВОНЬКО¹**

В 2013 г. отдел рукописей Российской национальной библиотеки пополнился ценным историческим источником – дневниками В.С. Савонько за период 1899–1909 гг. под названием «Черная книга»². Четыре переплета включают в себя более 1250 страниц, лично перепечатанных автором из записей в рукописных блокнотах.

Владимир Степанович Савонько (1877–1937), выпускник 1-го Кадетского корпуса и Михайловского артиллерийского училища, в 1898–1915 гг. служил в лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригаде³. Участвовал в Первой мировой войне, командовал батареей, дослужился до чина полковника, в 1918–1930 гг. служил в Рабоче-крестьянской Красной армии. Получил известность как библиофил, коллекционер и специалист в области экслибрисов⁴. Дневники В.С. Савонько являются ценным источником для изучения истории лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады и гвардии в целом в последний период существования Российской империи⁵.

Сведения из дневниковых записей В.С. Савонько мы попытались систематизировать для описания наиболее важных элементов, из которых складывалась боевая подготовка офицеров бригады. Нельзя оставить без внимания изменения в обучении войск и несении воинской службы, вызванные военной реформой 1907–1909 гг.⁶ По сведениям, разбросанным по страницам дневника, видно, как росла требовательность высших начальников к офицерскому составу, который был ответственен за все

виды подготовки. Рост требований был обусловлен негативным опытом поражений в русско-японской войне и необходимостью осуществления полного контроля над солдатскими массами, вызванной страхом перед революционным брожением 1905–1906 гг.

Традиционная подготовка офицеров бригады включала обучение верховой езде, проверку теоретических и практических знаний на смотрах, проверку навыков командования взводами и командами. Помимо стрельбы из орудий офицеры и нижние чины бригады обучались стрельбе из револьверов. Офицерские стрельбы проводились, как правило, в апреле перед выступлением в лагерь. Местом их проведения был Семеновский плац. По результатам стрельбы определялись кандидаты, которые могли претендовать на участие в соревнованиях на призы.

Ежегодно практикуемым видом проверки являлся смотр молодых офицеров, поступивших в бригаду. Как явствует из дневника В.С. Савонько, 14 апреля 1900 г. комиссия из штабс-офицеров бригады в присутствии командующего артиллерией экзаменовала офицеров, пополнивших ряды бригады за последний год⁷. Как правило, проверялись офицеры лишь в чине не старше поручика. 3 июня состоялся экзамен всем офицерам, прикомандированным к лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригаде: «Офицеры представляли взвод в конном строе, затем ездили в смене и командовали в парке на ученье»⁸. Причем наш автор счел необходимым заметить, что это первый экзамен со времен командующего бригадой генерала Баумгартена⁹. Следовательно, на протяжении пяти лет экзамен для прикомандированных офицеров вовсе не производился. 5 апреля 1901 г. состоялся обычный весенний экзамен офицерам по особой программе. Комиссия из командиров дивизионов проверяла знания двух офицеров, выбранных из каждой батареи¹⁰.

В связи с принятием на вооружение скорострельного орудия Путиловского завода образца 1902 г., офицеры бригады прилагали максимум усилий к изучению новой материальной части. Нельзя оставить без внимания и запись от 2 января 1904 г.: «Михаил Георгиевич герцог Мекленбург-Стрелицкий о скорострельной пушке (после первых уроков обучения): – “Нет, это слишком сложно. Это какая-то машина, у которой из всех дыр течет масло!”»¹¹. Авторская ирония здесь окрашивает ситуацию

с переобучением артиллеристов в связи с переходом от поршневых орудий к скорострельным. 12 января офицеры бригады в присутствии командующего гвардейской артиллерией генерал-лейтенанта Хитрово знакомилась с устройством замка нового орудия, а со следующего дня началось перевооружение. Обучение велось интенсивно как путем устных объяснений со стороны офицеров, знающих новые артиллерийские системы, так и путем изучения наставлений. Процесс перевооружения был прерван событиями русско-японской войны: новые пушки были изъяты и отправлены на восток, а с 9 марта бригада снова стала поршнево¹².

В офицерской среде бытовало мнение, что «теоретическая подготовка нисколько не помогает разбираться в обстановке военного времени, так как во время войны неизбежно выводятся из равновесия духовные стороны человека, благодаря чему многое из того, что хорошо известно в мирное время, упускается из виду с первым шагом в поле»¹³. С октября 1902 г. для офицеров стали практиковаться вечерние занятия, что рассматривалось ими как покушение на свободу офицерских досугов. В числе этих занятий выделялись лекции капитана С.Т. Беляева, подготовленные по результатам командировки во Францию. По свидетельству В.С. Савонько: «Лекция очень интересна, так как близко затрагивает современную французскую полевую артиллерию с технической и тактической стороны»¹⁴. Капитан С.Т. Беляев за время пребывания во Франции познакомился с тактикой французской скорострельной артиллерии, разработанной генералом Ланглуа¹⁵.

Важное место в обучении офицеров стало отводиться и теоретическим занятиям, в ходе которых осмысливался опыт русско-японской войны: «От 6 1/2 часов вечера до 8 часов вечера в офицерском собрании бригады при собрании всех офицеров во главе с Его Высочеством, командиром бригады поручиком Беляевым (Тимофей Тимофеевич, адъютант 1 дивизиона, участник Русско-Японской войны в горной № 3 батарее) был прочитан доклад о действиях 3 горной В.С. батареи на театре войны. Доклад был очень интересен, благодаря правдивым штрихам, охарактеризовавшим некоторых начальников и полки в их истинном освещении (увы! отзывы не всегда были лестные!). Кроме карт и схем демонстрировано было горное 3 дм. скорострельное

орудие. Отзыв Беляева об орудии (система Перепелкина) – “вся система выше всякой похвалы”»¹⁶.

11 апреля тема осмысления опыта минувшей войны была продолжена докладом поручика Дурова, сделанного в присутствии командующего Гвардейским корпусом генерал-адъютанта Данилова: «Доклад поручика Дурова можно назвать “прекрасным”. Он ясно и дельно обрисовал всю боевую деятельность батареи. Особенно подробно он остановился на бое у Кудязы (февраль 1905 года) – бое, участником которого был и генерал Данилов»¹⁷. Докладчик решился на весьма важные выводы: о необходимости подчинения артиллерийских частей пехотным начальникам, о желательности упрощения угловой стрельбы «до крайних пределов», о преимуществах 4-орудийного состава батарей.

Теоретическое обучение офицеров продолжалось посредством чтения еженедельных лекций. Особенно интенсивно процесс обучения протекал с 1909 г. Приведем записи только за первый квартал этого года.

7 января В.С. Савонько записывает: «Сегодня штабс-капитан фон Рейнгард 1 (2 стр. батареи) открыл серию сообщений для офицеров бригады. Читал он 50 минут о “Боксерском восстании” 1900–1901 года. Это, без сомнения, ученическая лекция, в которой никто ничего нового не почерпнул. Такая лекция была бы незаменима для прапорщиков или для кадет младшего класса. Для нас же – это почти потерянное время»¹⁸. 14 января В.С. Савонько оставляет свои впечатления от следующей лекции: «2-я лекция в нашем собрании (см. 7 января). На этот раз читал капитан Алымов о “Бое при Шахэ”. Удовлетворительно, бледно, длинно (1 час 10 минут), скучно и довольно бессистемно!»¹⁹ 21 января заносится следующая запись: «3-я лекция в нашем собрании (см. 14 января). Читал капитан фон Энден: “Потери от Артиллерийского огня”. Лекция – коротенькая (40 минут), бессвязная и детски-наивная»²⁰.

Еще более негативное впечатление вызвала лекция, прослушанная 28 января: «От 12 1/2 часов мы имели несчастье слушать “лекцию” штабс-капитана Есимантовского о “пулеметах”. Это в полном смысле слова бездарное чтение и притом в буквальном смысле слова, так как Есимантовский не рассказывал, а читал по писанному. Промучив нас около часу, он прикончил свое мямленье, но после него вдруг “выскочил” полковник Крутиков (ко-

мандир 6 батареи) и начал рассказывать об эпизодах Китайской войны, в которой он принимал участие со 2-й стрелковой батареей. Связи с лекцией Есимантовского не было никакой, хотя в его рассказе и фигурировал пулеметный взвод подпоручика Новогребельского. Тем не менее, его рассказ, как рассказ умного человека, да еще участника события, нас заинтересовал и немного вознаграждал за бесталанную лекцию штабс-капитана Есимантовского. Жаль, что чтение лекций вообще не поручено тем лицам, коим есть “что” читать, а поручено тем, кто их отбывает, как скучный и нудный номер»²¹.

11 марта офицеры гвардейской артиллерии вновь прослушали три лекции: начальника Красносельского артиллерийского полигона полковника Лукашевича – «О стрельбе дивизиона», командира 1-й батареи лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады Мясоедова – «Обзор стрельбы Офицерской артиллерийской школы в 1908 г.» и начальника 2-го артиллерийского парка Радкевича – «Об организации парков»²². Оба первых докладчика подверглись жесткой критике в дневнике В.С. Савонько, третий удостоился сдержанной похвалы. Вероятно, причиной негативного восприятия лекции Лукашевича были частые ссылки на авторитет подполковника Гюбато, который находился в конфликте с большинством офицеров лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады²³. Нельзя также оставить без внимания и высказывание З.Е. Барсукова о трудностях усвоения в среде артиллеристов представлений о преимуществах стрельбы с закрытых позиций²⁴.

Нельзя не признать, что темы сообщений являлись актуальными в свете осмысления опыта русско-японской войны. Перед слушателями ставилась задача ознакомиться с новыми средствами вооруженной борьбы, а также с новыми тактическими приемами. Что касается подготовленности лекторов, то здесь существовало недопустимое в условиях военной столицы империи большое «разнообразие». Наряду с лекциями выдающихся преподавателей, чтение поручалось совершенно случайным людям, готовившим материал на основе знакомства с одной-двумя брошюрами.

Физическая подготовка офицеров в период, предшествующий военным реформам, сводилась преимущественно к верховой езде и строевым занятиям при подготовке к смотрам и парадом,

а также к участию в маневрах во время лагерных сборов. Опыт русско-японской войны наглядно продемонстрировал ее недостатки. С 1907 г. стали приниматься меры к улучшению физической подготовки. Представление о принципиальной важности гимнастики и фехтования сделалось преобладающим в высших военных сферах. В рамках совершенствования боевой подготовки офицеров 2 мая 1907 г. было принято решение оборудовать в помещениях бригады фехтовальный и гимнастический залы, а также тир для стрельбы²⁵.

Вместо обычной езды в манеже, офицерами управления бригады стали практиковаться «пробеги», т. е. поездки на свежем воздухе по заранее определенному маршруту на расстояние 15–17 верст и продолжительностью 1,5 часа. 10 февраля 1907 г. состоялся первый в истории бригады состязательный «пробег», в котором приняли участие 12 офицеров. Дистанция пробега составляла 20 верст. Победителем стал подпоручик Бутовский, прошедший дистанцию за 53 минуты²⁶. С 1907 г. стали регулярно проводиться конкурсы верховой езды в Михайловском манеже. В преодолении барьеров, рубке лозы и глины состязались представители офицеров и нижних чинов кавалерийских и артиллерийских частей. Обязательными элементами в программе офицерских смотров стало обучение боевым приемам: «Впервые в этом (1907 г. – *Авт.*) году на смотре гг. офицеры проделывали “рубку” и “уколы” (чучело, глина, лоза)»²⁷.

На общем собрании офицеров 1 декабря 1908 г. было учреждено спортивное общество бригады²⁸. Председателем спортивной комиссии стал полковник Е.В. Пономаревский-Свидерский 1-й. 21 февраля 1909 г. при участии бригадной спортивной комиссии состоялись состязания по езде с препятствиями. В соревнованиях приняло участие 9 офицеров. В качестве препятствий были выставлены «корзина» ров, плетень. По свидетельству хроникера: «Лучше других скакал поручик фон Руммель и подпоручик Нестеров. Позорно плохо ездил капитан фон Энден, очень плох был поручик Перлик и довольно комичен и плох штабс-капитан Шанявский. На этот раз весьма неудачно ездил поручик Стефанов и, начав хорошо, сплеховал под конец подпоручик Миллер. Весьма удовлетворителен был подпоручик Тихонравов. Призов было 3, и все их “забрал” поручик фон Руммель»²⁹. После офицеров препятствия брали нижние чины, выставленные от каждой батареи.

Спортивное общество бригады не прерывало своей деятельности и в период лагерных сборов. 27 июля 1909 г. была организована состязательная стрельба офицеров из револьверов. «Вот результаты: 1-й приз взял, конечно, поручик фон Руммель (кв. 42), второй – поручик Перлик и 3-й – штабс-капитан Чернявский (кв. 136). Еще 2 офицера попали по 7 пуль: подпоручик Манакин (кв. 477) и подпоручик Нестеров – (403). Остальные имели “промах”: полковник Вешняков, подпоручик Голубцов и подпоручик Тихонравов»³⁰.

4 октября 1909 г. в Михайловском манеже состоялось представление шведской гимнастики. Гимнастические упражнения показывали 25 офицеров, специально приехавших из Швеции. Публику составляли почти исключительно офицеры и генералы. В отдельной ложе присутствовали военный министр Сухомлинов и великий князь Константин Константинович. Представление прошло следующим образом: «...на арену вышли шведские офицеры, одетые в белые гимнастические костюмы, и проделали в течение с лишком часа всевозможные вольные движения, бег и гимнастику на машинах. Им, конечно, все горячо аплодировали. По окончании гимнастики шведы 4 раза прокричали “ура”, а музыка сыграла шведский народный гимн»³¹.

16 октября автор дневника заносит запись о нововведениях в процессе обучения офицеров: «До сего времени в бригаде существовали два рода “офицерских занятий” – 1) верховая езда (см. 12 октября) и 2) тактика и артиллерия. В этом году впервые введены еще “офицерская гимнастика” (о ней я скажу после) и “офицерская стрельба из револьверов”. Стрельба будет происходить один раз в неделю (в 1 дивизионе – по пятницам) в нашем бригадном тире»³². Кстати, под тем же числом В.С. Савонько сообщает, что первая офицерская стрельба из револьверов состоялась в тот же день. Автор дневника показал крайне незавидный результат: 2 попадания из 7 выстрелов.

27 октября помещено описание офицерской гимнастики: «Сперва мы начали с так называемых “вольных движений”. Все офицеры встали в одну шеренгу, рассчитались “на два” и “на месте” и перестроились в 2 разомкнутые шеренги. Сам полковник фон-цур-Милен встал на правом фланге и делал упражнения вместе с нами. Командовал поручик Наркович (прошлый раз подпоручик Жиленков) по “Гусарскому” уставу. Командо-

вал плохо... В общем упражнения велись не очень стройно, и недостаточно соблюдалась дисциплина в строю. После “вольных движений” перешли на “машины”. На них каждый офицер делал что хотел, а некоторые и вовсе ничего не делали. Посему следует признать, что гимнастические офицерские занятия пока еще не налажены. Но и за почин – слава Богу!! Пора поддерживать в офицерах не только верховую езду, но и все остальные виды здорового спорта»³³.

Тактические занятия впервые упоминаются в дневниковых записях от 2 и 9 декабря 1903 г. Эти тактические игры были организованы капитаном Н.А. Илькевичем и проводились на его квартире. «В двух комнатах на столах были приготовлены карты (топографические), а на маленьком столике уставы, пособия, шашки (тактические) и пр.»³⁴ Первой игрой руководил Л.Ф. Гартунг, второй – капитан Н.А. Илькевич. Любопытно, что инициатива проведения тактических игр исходила не от командиров бригады и дивизионов. Следующая запись о тактической игре появится в дневниках В.С. Савонько спустя 2,5 года!

23 марта 1906 г. впервые после декабря 1903 г. появляется запись о военной игре: «Был у Н.А. Илькевича (командир 5 батареи), в квартире коего была им организована “военная игра”. С одной стороны были: полковник Гартунг, капитан Кавтарадзе и поручик Бородин. С другой: полковник Смысловский, поручик Чернявский и подпоручик Снигиревский. Руководил полковник Илькевич. Я исполнял некоторые поручения Н.А., следя за обеими сторонами. Организация игры была блестяще задумана и выполнена хозяином»³⁵. 29 марта игра состоялась вновь.

15 и 17 апреля 1909 г. впервые состоялась бригадная тактическая игра. Организацию игры и ее результаты В.С. Савонько оценил крайне скептически: «Нам еще далеко до настоящей, хорошо организованной тактической игры! Вместо нее сплошной кабак, так как почти никто ничего не знает и мало чем интересуется. Один отряд (2-й дивизион бригады и 2 стрелковая батарея) под начальством полковника Илькевича (командир 5 батареи) заседал в карточной комнате, а другой отряд (Северный, 1-й дивизион бригады и 1 стрелковая батарея) под начальством полковника Пономаревского-Свидерского 1 (командир 1 стрелковой батареи) заседал в гостиной. Я был – в северном отряде. Наши турки-дивизионеры играли роль посредников и старательно все перепуты-

вали. Особенно “пуздрил” полковник фон-цур-Милен, непрерывно дававший неверные сведения. Все прочие офицеры тщательно распределили между собою роли, но в общем почти никто ничего не делал, руководство было слабое, и “игра” затянулась в среду до 4 часов дня (с 12 ¼), а сегодня до 3 ½ часов дня... В заключение генерал Головачев объяснил нам весь ход игры (тема современная: немецкий десант близ С[.-]Петербурга) и обещал на будущий год – более рациональную постановку занятий»³⁶.

Главным недостатком в организации тактической игры В.С. Савонько считал профессиональную непригодность большинства штаб-офицеров: «Но заранее можно сказать, что молодежь не заинтересуешь, если во главе стоят такие патентованные в тактическом отношении ослы, как Горбачевич, фон-цур-Милен, Мясоедов, Погребняков и проч., и проч. Дайте авторитетного и знающего руководителя, дайте авторитетного и знающего начальника отряда, авторитетных и знающих посредников – и я ручаюсь, что никто из гг. офицеров не найдет тактическую игру скучным и бесцельным занятием!!»³⁷

Новинкой стали и тактические задачи, которые ставились вышестоящим начальством во время смотров. Например, как записал В.С. Савонько со слов товарищей, на смотре 9 июля начальник 1-й гвардейской пехотной дивизии генерал-лейтенант Мрозовский (ранее служивший в бригаде) «задал генералу Головачеву две тактические задачи и на разборе, несомненно, дал ему в “дупу” за неостроумное и неправильное их решение»³⁸.

Для решения тактических задач в полевых условиях были разработаны «полевые поездки»³⁹. В период с 9 по 16 сентября 1909 г. В.С. Савонько был командирован для участия в одной из поездок, которые начали практиковаться штабом округа. После составления диспозиции 10 сентября офицеры совершили выезд в район Пулковских высот. Первый опыт оказался неоднозначным: «В общем, сегодняшняя полевая поездка была для меня весьма поучительна. Скорее – это был маневр с обозначенным противником, а уж никак не “решение задачи в поле”. Нет общих совещаний, рассуждений – ... мало дельных указаний со стороны руководителей и полное отсутствие серьезной организации...»⁴⁰

Полевое занятие 12 сентября получило уже совсем другую оценку: «Сегодняшняя полевая работа была несравненно более

“продуктивной”, чем предыдущая. Сегодня уже смело можно говорить, что она принесла мне некоторую пользу... “Письменная” часть выразилась в том, что я представил: 1) кроки позиций, 2) панораму и 3) 2 письменных приказа: начальника артиллерии и командира 1 батареи»⁴¹.

Заключительное полевое занятие состоялось 16 сентября на местности между Царским Селом и Павловском. Организация вновь была не идеальной, поэтому поучительность занятия было неодинаковой для всех участников. Итоговый разбор полевой поездки был произведен в Павловске: «Дельные замечания дали: генерал Зайончковский, полковник генерального штаба Добрышин, генерал Яблочкин и полковник Вешняков (командир 3 батареи нашей бригады). Полный разбор всей поездки дал полковник Христиани. В заключение генерал Зайончковский заявил, что вполне удовлетворен всем виденным и должен отметить большой интерес и энергию, какую проявили все участники поездки»⁴².

Полученные в ходе боевой подготовки навыки предстояло проявить в период лагерных сборов. Вплоть до 1905 г. боевые стрельбы производились исключительно в период лагерных сборов с мая по июль. Стрельбы велись с открытых позиций. Испытания заканчивались состязательными стрельбами между батареями Гвардейского корпуса на призы генерал-фельдцейхмейстера, на корпусные и бригадные призы. Мишени имитировали пехотные цепи, орудия и фортификационные сооружения. Победителем объявлялась батарея, уложившая снаряды максимально близко к цели. Например, в записи от 24 июня В.С. Савонько отмечает: «В нашей бригаде фельдцейхмейстерский приз взяла 6 батарея (радиус = 7 дм)»⁴³. Производились также соревнования ездовых на лучшее управление орудийной упряжкой. Расчет, поваливший меньшее количество кольев при заезде, признавался победителем. Обучение в период лагерного сбора включало: состязание наводчиков на точность и однообразие наводки, смотр саперных работ, состязательные стрельбы. Стрельбы производились в дневное время с открытых позиций по однообразным мишеням. Это заставляет вспомнить строки из воспоминаний Б.В. Геруа: «Нечего и говорить, что батареи картинно выезжали на гребни горок, лихо снимались с передков на виду у неприятеля и становились на открытых позициях. Не отличалось

свежестью и решение задачи: давно установился порядок, по которому нужно было обстрелять, скажем, Кавелахтские высоты или брать приступом Лабораторную рощу»⁴⁴.

Боевые стрельбы в 1905 г. велись по новым правилам. По-видимому, это явилось инициативой нового фельдцейхмейстера великого князя Сергея Михайловича⁴⁵. Состязательная стрельба состоялась 1 июля. Батарейная стрельба велась следующим образом: каждый наводчик делал по одному выстрелу, таким образом, от каждой батареи получалось по 8 выстрелов. Погода, по словам В.С. Савонько, была облачной и холодной, что неблагоприятно отразилось на результатах стрельбы. Единственный приз взяла 2-я батарея, показав далеко не впечатляющий результат: 25 или 28 дм⁴⁶. Как явствует из мемуаров И.Т. Беляева, служившего в рядах бригады, по инициативе начальника артиллерии Гвардейского корпуса генерал-лейтенанта Хитрово в 1905 г. батареи бригады впервые провели опыт по стрельбе с угломером по закрытой цели. По свидетельству мемуариста, опыт этот был вполне успешен⁴⁷.

Другим важным новшеством в организации боевой подготовки бригады стали осенние стрельбы. 17 сентября 1905 г. она выступила для проведения стрельб на полигоне, проведя в лагере 5 дней⁴⁸. 20 марта 1907 г. 3-я и 6-я батареи бригады участвовали в первой в истории гвардейской артиллерии «зимней стрельбе»⁴⁹. Впрочем, как свидетельствует В.С. Савонько, погода была максимально благоприятной: + 7 °С и выше.

Очередным нововведением стали так называемые показательные стрельбы, на которых были обязаны присутствовать все офицеры бригады. Суть этих стрельб В.С. Савонько описывает следующим образом: «Все офицеры должны наблюдать и записывать свои наблюдения, а затем командир бригады, после доклада и разбора стрельбы стрелявшим командиром батареи и командиром дивизиона, – “вытягивает” кого-нибудь из гг. офицеров и приказывает “доложить” свои замечания и наблюдения. Как ни верти – получается несомненная критика действий штаб-офицера, и этот “номер” большинство сочло неудачным»⁵⁰.

8 июня 1909 г. состоялись ночные стрельбы, для участия в них от каждой бригады было выставлено по одной батарее: «“Ночь” не слишком темная, но зрелище стреляющих орудий и шрапнельных разрывов все же весьма эффектное»⁵¹.

Итог боевой подготовки войск подводили маневры в июле – августе, в ходе которых отрабатывалось взаимодействие разных родов войск. Как правило, батареи или дивизион включались в состав сводного отряда, который состоял из одного или двух пехотных полков. Территорией маневров была местность, прилегающая к Красносельскому лагерю. В дневниковых записях мелькают, сменяя друг друга, названия: мыза Шунгуровская, деревни Рюмки, Никулино, Тайцы, Камерязи, Лемпелево, Большие Горки, Анташи, Малое Котино, Чухонские Анташи, Глядино, Касково, Муховицы, Дятлицы, Волосово, Кипени, Ропша, Большое Высоцкое, Собакино, Эртелево, Телизи. По завершении маневров устраивался Высочайший парад войскам Красносельского и Усть-Ижорского лагерей.

Дневниковые записи В.С. Савонько являются ценным историческим источником для изучения истории Российской императорской гвардии. В настоящее время готовится издание дневников, которое даст каждому желающему уникальную возможность увидеть изнутри повседневную жизнь весьма закрытой гвардейской корпорации: повседневные будни службы, парады, смотры и маневры в присутствии императора и членов императорской фамилии, но также наблюдения и размышления о многих недостатках в организации обучения и воспитания войск, подборе лиц командного состава и многое, многое другое.

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-01-00133 «Дневники гвардейского офицера В.С. Савонько. 1899–1909 гг.».

² РНБ (Российская национальная библиотека). Ф. 1000. Оп. 11. Ед. хр. 86–89.

³ Биография В.С. Савонько изучена недостаточно. Основные сведения можно извлечь из дневника, автобиографий (РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Д. 3151. Л. 1; РГАЛИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 286. Л. 4) и послужных списков (Архив ВИМАИВиВС. Ф. 25. Оп. 98. Д. 193. Л. 11 об.–12; РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 2327. Л. 19–26).

⁴ О деятельности В.С. Савонько как собирателя и исследователя экслибрисов см.: Минаев Е.Н. Экслибрис. М., 1968. С. 85; Богомолов С.И. Российский книжный знак 1700–1918 гг. М., 2010. С. 726; Глейзер М.М. Ленинградское общество библиофилов 1923–1940 гг. СПб., 2014. С. 52. Коллекция экслибрисов В.С. Савонько в настоящее время хранится в Российской национальной библиотеке, см.: Редкие русские книжные знаки. Из коллекции В.С. Савонько. Кат. выст. / [Авт. вступ. ст. и сост. Н.В. Мельникова]. СПб.: Изд-во РНБ, 1998.

⁵ Исследованию дневников посвящены публикации: Алексеев А.И. Юбилейные торжества в царствование последнего русского императора глазами гвардейского офицера // Сб. материалов Международ. науч. конф. К 400-летию Дома Романовых. Монархии и династии в истории Европы. Ч. 2. СПб., 2013. С. 156–163;

Его же. Профессора Санкт-Петербургского археологического института глазами слушателя 1904 – 1906 гг. гвардейского офицера В.С. Савонько // Каптеревские чтения. Вып. 13. М., 2015. С. 338–362; Его же. Дуэльная история в 1-й лейб-гвардии артиллерийской бригаде (штрихи к портрету выдающегося артиллериста Л.Н. Гобято) // Источниковедение в современных исторических исследованиях: К юбилею Николая Георгиевича Рогулина. СПб., 2015. С. 40–57; Богданов А.А. Неизвестные воспоминания о 9 января 1905 г. в Петербурге // Там же. С. 58–63; Смирнова М.А. Создание и начало работы Императорского Русского военно-исторического общества в дневниках В.С. Савонько // Там же. С. 65–71; Назаренко К.Б. «Клуб для избранных»: русское и европейское офицерство в дневниках В.С. Савонько // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. 2016. Февр. № 1 (154). Серия «Общественные и гуманитарные науки». С. 20; Его же. Мир офицера русской гвардии в дневниках В.С. Савонько (1899–1909 гг.) // Военная история России XIX–XX веков: Материалы VIII Международ. военно-ист. конф. СПб., 2015. С. 94; Alekseev A.I. Leisure activities of a guard officer in St. Petersburg at the beginning of the XX century // East European History. 2016. Vol. 4. Iss. 2. P. 42–50.

⁶ Параскевов В.С. Деятельность государственных и военных органов управления России по развитию артиллерии русской армии в ходе военных реформ 1905–1912 годов. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 2016.

⁷ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Ед. хр. 86. Л. 19 об.

⁸ Там же. Л. 20 об.

⁹ Генерал А.Т. Баумгартен командовал бригадой в 1890–1895 гг.

¹⁰ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Ед. хр. 86. Л. 31.

¹¹ Там же. Ед. хр. 87. Л. 4.

¹² «По данным всеподданнейших докладов, по Военному министерству в 1901 и 1902 гг. было заказано 1500 скорострельных орудий образца 1900 г. На январь 1903 г. было изготовлено 1083 орудия. В начале 1902 г. были заказаны орудия образца 1902 г., которых было изготовлено к началу 1904 г. 1500» (Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М., 1973. С. 166).

¹³ Разведчик. 1903. № 664.

¹⁴ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Ед. хр. 87. Л. 65.

¹⁵ См.: Беляев И.Т. «Где вера и любовь не продаются». Мемуары генерала Беляева. СПб., 2015. С. 112–113.

¹⁶ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Ед. хр. 87. Л. 23 об.

¹⁷ Там же. Л. 25–25 об.

¹⁸ Там же. Л. 138 об.

¹⁹ Там же. Л. 139 об.

²⁰ Там же. Л. 140 об.

²¹ Там же. Л. 141.

²² Там же. Л. 150–150 об.

²³ См.: Алексеев А.И. Дуэльная история... С. 40–57.

²⁴ Барсуков Е.З. Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении. М., 1926. С. 47.

²⁵ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Ед. хр. 88. Л. 28 об.

²⁶ Там же. Л. 6 об.–7.

²⁷ Там же. Л. 23 об.

²⁸ Там же. Л. 126 об.

²⁹ Там же. Л. 144.

³⁰ Там же. Л. 188.

³¹ Там же. Л. 204 об.

³² Там же. Л. 206–206 об.

³³ Там же. Л. 210.

³⁴ Ед. хр. 86. Л. 128.

³⁵ Ед. хр. 87. Л. 129.

³⁶ Ед. хр. 88. Л. 158.

³⁷ Там же. Л. 158.

³⁸ Там же. Л. 186.

³⁹ См.: «С 1909 г. по инициативе Офицерской артиллерийской школы начали практиковаться так называемые артиллерийские поездки как одна из форм подготовки офицеров. Это были занятия с офицерским составом в поле, имеющие целью дать практику в решении артиллерийско-стрелковых и тактических задач на местности. Для проведения поездки разрабатывалась определенная задача на тактическом фоне. Поездки начинались в составе батареи, затем дивизиона и бригады. Для их проведения привлекались: определенное количество офицеров, разведчиков-ординарцев и телефонистов-сигнальщиков со средствами связи и приборами, а иногда и одно-два орудия от батареи. Часть офицеров назначалась на должности, остальные присутствовали на занятиях и могли высказывать свои замечания по ходу занятий и работе действующих лиц. Разбор поездок проводился в поле, а по вопросам технического характера в классе. Однако при очевидной полезности этой формы подготовки офицеров артиллерийские поездки в частях проводились редко» (Параскевов В.С. Указ. соч. С. 135).

⁴⁰ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Ед. хр. 88. Л. 200.

⁴¹ Там же. Л. 200 об.

⁴² Там же. Л. 201.

⁴³ Ед. хр. 86. Л. 21.

⁴⁴ Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Т. 1. Париж, 1969. С. 89.

⁴⁵ Романов Сергей Михайлович (1869–1918), великий князь, в 1905–1916 гг. генерал-инспектор артиллерии. Уже 6 июня 1905 г. приказом за № 109 новый генерал-инспектор опубликовал «для руководства основные официальные документы; программу стрельбы полевой артиллерии, инструкцию начальникам учебных артиллерийских полигонов, программу проверки знаний офицеров батарей и указания по производству зимних стрельб и артиллерийских маневров (Барсуков Е.З. Русская артиллерия в мировую войну 1914–1918 гг. Т. 1. М.: Гос. воен. изд-во НКО, 1938. С. 92).

⁴⁶ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Ед. хр. 87. Л. 80 об.

⁴⁷ Беляев И.Т. Указ. соч. С. 114.

⁴⁸ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Ед. хр. 87. Л. 94.

⁴⁹ Там же. Ед. хр. 88. Л. 21.

⁵⁰ Там же. Л. 162 об.

⁵¹ Там же. Л. 166.

Д.Ю. Алексеев (Санкт-Петербург)

11-я ПЕТРОГРАДСКАЯ СТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ В БОЯХ ЗА КАРЕЛИЮ (1921–1922)

11-я ПЕТРОГРАДСКАЯ стрелковая дивизия, ведущая свою историю от Псковских отрядов, одного из первых соединений Красной армии, в 1918 г. приняла боевое крещение на Восточном фронте, после тяжелого поражения на Южном фронте в конце 1918 г. была реорганизована и с апреля 1919 г. воевала на Западном фронте против Северо-Западной армии, эстонцев, латышей, а в 1920 г. – поляков. Дивизия являлась одной из наиболее боеспособных на Западном фронте, нередко выполняя функции «пожарной бригады». По окончании Советско-польской войны 11-я дивизия была дислоцирована в Петрограде. В марте 1921 г. она приняла участие в подавлении Кронштадтского восстания¹.

На 1 марта 1921 г. 11-я дивизия состояла из трех бригад (31-й, 32-й, 33-й) по три полка (91–99) в каждой, численность ее личного состава составляла 33 078 человек. Вскоре, согласно приказу по Петроградскому военному округу, началось увольнение красноармейцев старших возрастов (1886–1888 г. р.). Летом 1921 г. на основе частей 32-й бригады был сформирован учебно-кадровый полк дивизии, а из частей 33-й бригады сформирована новая 32-я бригада². В частности, 97-й стрелковый полк стал 94-м. В сентябре этот полк вышел из состава 11-й дивизии, был размещен в Кронштадте, а в конце 1922 г. вошел в состав 10-й дивизии как 30-й стрелковый полк³.

Несмотря на перегруженность личного состава несением караулов в Петрограде, в дивизии активно велась культурно-массовая работа. Функционировали школы 1-й и 2-й ступени для красноармейцев, силами командного и политического состава

ва регулярно читались лекции общеобразовательного содержания. 10–12 апреля 1921 г. в дивизии была проведена красноармейская конференция, на которой выступил председатель Петроградского совета Г.Е. Зиновьев. На конференции было решено избрать наркома по военным делам Л.Д. Троцкого почетным красноармейцем дивизии, на что тот изъявил согласие и пообещал «не осрамить дивизии»⁴.

Осенью 1921 г. была создана дивизионная школа для подготовки командиров отделений и инструкторов по обучению красноармейцев. По словам будущего командира дивизии Б.К. Колчигина, «дивизионная школа давала полноценных командиров, авторитет их был поднят на должную высоту, и эти командиры не только выполняли свои уставные обязанности, но даже с успехом заменяли средних командиров»⁵.

Однако с окончанием боев с основными противниками Гражданская война для петроградцев еще не закончилась. В конце октября 1921 г. из Финляндии в Карелию вторглись отряды финских националистов, которые подняли в пограничных волостях антисоветское восстание. В руках восставших оказался район в северной части Карелии вдоль границы с Финляндией. 11 ноября был сожжен мост через реку Онда, чем северная часть Карелии была на время отрезана от остальной страны. Проведя мобилизацию мужского населения, финны сформировали пехотную бригаду, состоявшую из двух полков, общей численностью 4–5 тыс. человек при 40–50 пулеметах. Они намеревались овладеть территорией Карелии вплоть до Белого моря и затем двинуться на Петрозаводск⁶.

Действия начальника расположенной в Карелии 127-й отдельной бригады, считавшего возможным подавить восстание своими силами, были неэффективными. 18 декабря 1921 г. командующим войсками Карело-Мурманского района был назначен отличившийся при штурме Кронштадта бывший штабс-капитан А.И. Седякин⁷.

В Карелию были переброшены войска из Петроградского военного округа, в том числе части 11-й дивизии: дивизионная школа, сводный батальон пеших разведчиков, сводный дивизион конных разведок, учебно-кадровый полк дивизии, учебно-кадровая легкая батарея, учебно-кадровая саперная рота и штаб учебно-кадровой бригады во главе с командиром 96-го стрел-

кового полка М.О. Степановым (впоследствии комкор, начальник Военно-химического управления РККА, репрессирован). В бригаду были влиты курсанты учительского института Красной армии имени Н.Г. Толмачева, частично назначенные политруками или военкомами, частично рядовыми политбойцами⁸. Первым прибыл в Карелию отряд дивизионной школы в составе 615 штыков при четырех пулеметах⁹.

А.И. Седякин при участии прибывшего в его штаб главкомандующего С.С. Каменева и командующего Петроградским военным округом В.М. Гиттиса разработал план разгрома восстания. Предполагалось сосредоточить четыре отряда на станциях Мурманской железной дороги, отрезать противника от финской границы и разгромить его в районе Ухты. Части учебно-кадровой бригады 11-й дивизии составили основу одного из четырех отрядов, который должен был из района Петрозаводска наступать через Поросозеро на Реболы и далее на Ухту¹⁰.

В историографии Карельского восстания утвердилась традиция уделять особое внимание при описании боевых действий действиям лыжного отряда Интернациональной школы Тойво Антикайнена¹¹. Это было связано с тем, что отряд, состоявший в основном из финнов, придавал боевым действиям против восставших, среди которых ведущую роль играли финские националисты, характер гражданского противостояния.

Однако основную тяжесть кампании вынесли на себе регулярные войска Петроградского военного округа. Именно с подходом учебно-кадровой бригады 11-й дивизии началось советское наступление. Из Петрозаводска бригада была переброшена на станцию Шуйская, откуда начала тяжелый поход на Поросозеро. Красноармейцам пришлось идти по безлюдной лесистой местности на лыжах, о которых большинство из них ранее не имело никакого представления¹².

Наступление советских войск было организовано в виде движения отдельных глубоко эшелонированных колонн, впереди которых двигался сильный авангард, состоявший из лучших подразделений с пулеметными командами и лыжными разведывательными отрядами. Основные боевые действия выпадали на долю таких головных отрядов. Одновременно обращалось серьезное внимание на охрану флангов и тылов колонн, а также на закрепление за собой освобожденных населенных пунктов, ко-

торые находились под угрозой атак мобильных лыжных отрядов противника¹³.

Во время похода петроградцам пришлось переносить морозы до 35 градусов, из-за чего нередко были обморожения среди стрелков, «коим приходилось протапывать обходные дорожки к подступу для удара в тыл и фланг противника, ибо лобовым ударом трудно было сбить противника, который занимал населенные пункты деревень при наличии пулеметов и автоматов»¹⁴.

28 декабря 1921 г. головной батальон учебно-кадровой бригады 11-й дивизии с налета занял Пяльвозеро и 1 января 1922 г. в Поросозеро соединился с учебно-кадровой бригадой 56-й дивизии, наступавшей от станции Медвежья Гора. 7 января части обеих бригад вошли в Лубосальми, 12 января – в Лендер, а 14 января – в Реболы. Там они соединились с лыжным отрядом сводного отряда московских курсантов-интернационалистов, которые, двигаясь через Пененгу, взяли восставших во фланг. Вместе с курсантами-лыжниками бригады под командованием М.О. Степанова 18 января заняли Ровкула, а 20 января курсанты заняли было Кимасозерскую, но были выбиты оттуда¹⁵.

Это произошло потому, что по мере продвижения советских частей вглубь Карелии и удалении их от железной дороги приходилось расходовать все больше сил на гарнизоны и охрану коммуникаций от налетов лыжных отрядов противника. Если при выступлении в бригадах 11-й и 56-й дивизий числилось 24 роты, то под Кимасозерской их осталось лишь пять. Поэтому учебно-кадровый полк 11-й дивизии, отряд учебной школы 56-й дивизии и курсанты сосредоточились в Ровкула. Части учебно-кадровой бригады 56-й дивизии приняли охрану границы с Финляндией на участке от Туливары до Поросозеро¹⁶.

Остальные части 11-й дивизии, направленные в Карелию, в это время действовали отдельно от учебно-кадровой бригады. В середине января отряды противника начали активные действия на Мурманской железной дороге, в силу чего части 11-й дивизии (дивизионная школа, конные разведчики и отряд лыжников) были направлены по железной дороге через Кемь в Энгозеро. Оттуда петроградцы гнали врага через Болдырскую (26 января), Вычетайбалу (27 января), Пильдозерскую (30 января),

Корелакшу (2 февраля) и Кургиевскую (5 февраля), уже заняв днём раньше 88-м полком¹⁷.

Колонна из учебно-кадрового полка 11-й дивизии, учебной школы 56-й дивизии и московских курсантов, выступив из Ровкула, 24 января заняла Кимасозерскую, 27 января – Ногеексы, 28 января – Барышнаволоцкую, а далее, также встретившись с 88-м полком, двинулась на Костомукшу (2 февраля), Вакново-лоцкую (4 февраля) и Войницкую (10 февраля). При занятии последней был особенно упорный бой, так как противник пытался дать возможность своим силам в порядке отступить на территорию Финляндии. 17 февраля советскими войсками было занято Ветозеро, после чего восстание фактически было подавлено¹⁸.

Совершив впечатляющий 1000-верстный рейд в морозную погоду по карельскому бездорожью от Петрозаводска до Ухты вдоль советско-финляндской границы, красноармейцы 11-й Петроградской стрелковой дивизии выполнили боевую задачу, сыграв решающую роль при подавлении одного из последних очагов Гражданской войны. После победы они были переброшены обратно в Петроград, где вернулись к прерванной авантюрой финских националистов работе мирного времени. На этом участие дивизии в Гражданской войне завершилось¹⁹.

¹ Алексеев Д.Ю. На острие наступления: 11-я Петроградская дивизия в Псковской операции // Военная история России XIX–XX веков. Материалы IX Международ. военно-исторической конф. 25–26 ноября 2016 г. СПб., 2016. С. 266–274; Его же. 11-я Петроградская стрелковая дивизия в боях за Латгалию (январь 1920 г.) // Материалы конф. СПб ГБУ ДМ «ФОРПОСТ»: Молодежная политика – пути к реализации через толерантность, здоровый образ жизни, безопасность и традиционные институты общества. Военная история: вчера, сегодня, завтра. СПб., 2016. С. 138–143.

² Пять лет XI-й Петроградской стрелковой дивизии (25 сентября 1918 г. – 25 сентября 1923 г.). Пг., 1923. С. 81, 164–165.

³ Х лет Десятой стрелковой дивизии РККА. Исторический очерк за 1918–1928 гг. Вологда, 1928. С. 52–53.

⁴ Пять лет XI-й Петроградской стрелковой дивизии. С. 163, 165, 167–168.

⁵ История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1974. С. 115.

⁶ Карельское восстание // Революция и война. 1922. № 16. С. 58–65.

⁷ История ордена Ленина Ленинградского военного округа. С. 111.

⁸ Пять лет XI-й Петроградской стрелковой дивизии. С. 82, 140.

⁹ Карельское восстание... С. 68.

¹⁰ История ордена Ленина Ленинградского военного округа. С. 112.

¹¹ См., например: Хесин С.С. Разгром белофинской авантюры в Карелии в 1921–1922 гг. Военно-политический очерк. М., 1949.

¹² Пять лет XI-й Петроградской стрелковой дивизии. С. 82.

¹³ Хесин С.С. Указ. соч. С. 100.

¹⁴ Пять лет XI-й Петроградской стрелковой дивизии. С. 141–142.

¹⁵ Карельское восстание... С. 73–74.

¹⁶ Там же. С. 74, 77.

¹⁷ Там же. С. 75.

¹⁸ Там же. С. 76.

¹⁹ Пять лет XI-й Петроградской стрелковой дивизии. С. 144.

Т.В. Алексеев (Санкт-Петербург)

ОБЛИК ПЕТРОГРАДСКОГО ПРОМЫШЛЕННОГО РАЙОНА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ОБЩИЕ ПОДХОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

АДЕКВАТНАЯ ОЦЕНКА военно-промышленного потенциала России времен Первой мировой войны по-прежнему остается одной из наиболее актуальных проблем исследования данного периода отечественной истории. При этом весьма перспективным представляется использование регионального подхода, т. е. изучение отдельных крупных промышленных районов Российской империи, степени их вовлеченности в военно-мобилизационные процессы. И нужно отметить, что исследователями в этом направлении проделана определенная работа. Уже в конце XX – начале XXI вв. появились труды, посвященные промышленному потенциалу Москвы, Урала, Удмуртии¹. Вместе с тем до сих пор объектом такого рода исследований не стала промышленность петроградского региона. А между тем ее без преувеличения можно назвать ядром и самой весомой составной частью военно-промышленного потенциала России рассматриваемого периода. Настоящая статья призвана обозначить некоторые количественные и качественные параметры промышленности региона, выявить и обозначить перспективные направления дальнейших исследований ее функционирования в период Первой мировой войны.

Авторитетным источником сведений о численности предприятий различных территорий и областей, выполнявших оборонные заказы в годы мировой войны, является труд Я.М. Букшпана «Военно-хозяйственная политика. Формы и органы регулирования народного хозяйства за время мировой войны 1914–1918 гг.»

(М.-Л.: Госиздат, 1929). В годы войны автор работал в аппарате Особых совещаний по продовольственному делу и по топливу, был редактором печатных изданий этих чрезвычайных органов. В силу этого Я.М. Букшпан имел доступ к документам Особых совещаний, которые содержали и сведения о предприятиях, отнесенных к категории «работающих на оборону». К слову сказать, включение предприятий в данную категорию влекло за собой ряд весьма важных для их функционирования последствий. С одной стороны, это ставило их под контроль чрезвычайных военно-мобилизационных органов (Особых совещаний и их территориальных структур), а с другой стороны, давало возможность получать все необходимые для работы ресурсы: топливо, сырье, материалы, валюту, электроэнергию, продовольствие, услуги транспорта. По данным Я.М. Букшпана, в Петроградском регионе предприятий, работающих на оборону, насчитывалось 670². Последующие исследователи также оперируют этой цифрой³.

Для более корректной оценки этих сведений следует обратиться к материалам заводского совещания Петроградского промышленного района – одного из территориальных органов Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особого совещания по обороне). В компетенции заводского совещания входило осуществление контроля за ходом исполнения предприятиями оборонных заказов и оказание им в этом всесторонней помощи.

Для решения этих задач Статистический отдел совещания вел учет предприятий, исполняющих оборонные заказы. Механизм такого учета включал в себя рассылку по предприятиям формализованных форм анкет и последующий анализ полученных материалов. Первый такой опрос позволил получить сведения по состоянию на 1 апреля 1916 г. Впоследствии аналогичные данные были составлены к 1 августа и 1 октября 1916 г., 1 марта, 1 июля и 1 октября 1917 г.⁴

Каковы же были результаты этих обследований? В отчетах говорится о 600 «фабрично-заводских предприятиях района, принимавших то или иное участие в работах на нужды обороны и состоящих на учете у Статистического отдела Заводского совещания»⁵. Еще 50 предприятий представляли из себя мелкие мастерские, «участие которых (в исполнении оборонных заказов. – *Авт.*) по большей части совершенно случайно»⁶.

**Территориальное распределение заводов Петроградского
промышленного района, работающих на оборону**

Губерния	Число предприятий	В % от общего числа предприятий
Петроградская	548	91,3
В том числе Петроград	524	87,3
Псковская	15	2,5
Новгородская	15	2,5
Могилевская	12	2
Витебская	9	1,5
Олонецкая	1	0,2

Следует отметить, что, помимо столичных, в зону ответственности заводского совещания Петроградского промышленного района входили предприятия Новгородской, Псковской, Олонецкой, Витебской и Могилевской губерний. Территориальное распределение отмеченных выше 600 заводов представлено в табл. 17.

Впрочем, в отчете о деятельности заводского совещания Петроградского промышленного района, датированном 25 марта 1918 г., приводятся несколько иные данные о численности подотчетных предприятий вне Петрограда и Петроградской губернии (табл. 2)⁸.

Однако эти разночтения ни в коей мере не меняют общую картину регионального распределения предприятий района и доминирующее положение в нем промышленного комплекса непосредственно города Петрограда.

Весьма примечательной является отраслевая структура индустриального поля Петроградского промышленного района. Вначале посмотрим на нее с точки зрения официальной фабрично-заводской статистики, существовавшей в России в начале XX в. В табл. 3 приведены данные распределения предприятий по группам производства (отраслям), причем некоторые отрасли сознательно укрупнены для более наглядного представления информации⁹.

В указанном распределении прежде всего бросается в глаза колоссальное преобладание металлообрабатывающей промышленности, удельный вес которой составляет почти две трети, а с учетом близко примыкающей к ней электротехнической отрасли

Сведения о численности и отраслевой принадлежности предприятий, расположенных вне Петроградской губернии

Отрасли промышленности	Губернии				
	Псковская	Новгородская	Олоонецкая	Витебская	Могилевская
Металлообрабатывающая	4	6	2	1	5
Деревообрабатывающая	3	6			
Химическая		1		2	1
Керамическая	1	4			
Писчебумажная	2	2			2
Стекольная		2		1	
Кожевенная	6	1		2	1
Текстильная	1			2	2
Питательная				2	
Всего	17	22	2	10	11

и вовсе превышает 70 %. И хотя это только количественные показатели (без учета числа занятых рабочих, объемов производимой продукции в валовом и стоимостном исчислении и прочих качественных характеристик), тем не менее общая направленность промышленности региона представляется очевидной. Металлообработка, электротехника, а также химическая промышленность были ключевыми отраслями, определявшими «индустриальный облик» Первой мировой войны.

Впрочем, классификация согласно официальной фабрично-заводской статистике не дает полного представления о номенклатуре продукции военного назначения, выпускавшейся промышленностью региона. Обратимся к характеристике оборонных заказов, исполнявшихся предприятиями района по состоянию на 1 августа 1916 г. При этом следует оговориться, что приведенные ниже данные были составлены Статистическим отделом заводского совещания на основе обработки анкет, полученных только от 473 заводов и фабрик.

Полученные предприятиями района заказы, согласно принятой в заводском совещании системе классификации, разделялись на 14 групп в зависимости от назначения продукции и характера ее конечного потребления (табл. 4)¹⁰.

**Отраслевая структура предприятий Петроградского
промышленного района в период Первой мировой войны**

Группы производства (отрасли)	Общее число предприятий по отраслям	В % от общего количества	Число предприятий, находившихся на учете	В % от общего числа учтенных
Обработка хлопка, шерсти, льна и прочих волокнистых веществ	52	5,9	40	5,8
Бумажное и полиграфическое производство	24	2,7	18	2,6
Деревообработка	63	7,1	45	6,5
Металлообработка	556	62,8	452	65,9
Обработка минеральных веществ	22	2,5	15	2,2
Обработка животных продуктов	39	4,4	25	3,7
Обработка пищевых продуктов	10	1,1	5	0,7
Химическое производство	67	7,6	42	6,1
Электротехническое производство	40	4,5	33	4,8
Металлургия	8	0,9	8	1,2
Прочие отрасли	4	0,5	3	0,4
Всего	885	100	686	100

Приведенные данные позволяют отметить некоторые характерные особенности промышленности региона с точки зрения ее вовлеченности в работу на нужды обороны.

Во-первых, обращает на себя внимание широкий отраслевой спектр. Здесь производилась продукция, предназначенная для удовлетворения потребностей практически всех видов снабжения армии, а также снабжения самой работающей на войну промышленности.

**Распределение оборонных заказов
среди предприятий Петроградского промышленного района
согласно функциональному назначению конечной продукции**

Группа заказов	Число предприятий	Число предприятий, исполняющих только заказы данного рода
I. Боевое вооружение и снабжение	238	77
II. Перевозочные средства и обозные принадлежности	44	4
III. Гидротехнические и саперные принадлежности	41	5
IV. Предметы воинской амуниции, обихода и принадлежностей	103	30
V. Судостроительная часть	54	3
VI. Воздухоплавательная часть	31	5
VII. Электротехническая часть	55	9
VIII. Оптические, хирургические и физические приборы и принадлежности санитарии	87	14
IX. Химические вещества и посуда	45	17
X. Принадлежности освещения, световой сигнализации, отопления, охлаждения, вентиляции и огнетушения	39	3
XI. Принадлежности железнодорожного хозяйства	36	-
XII. Предметы заводского оборудования	114	17
XIII. Материалы и полуфабрикаты для заводов	153	34
XIV. Знаки отличия и воинские знаки	10	2
	1050	220

Во-вторых, половина предприятий, сведения о работе которых легли в основу представленных данных, производили предметы вооружения, потребность в которых наиболее остро ощущалась в действующей армии. Несомненно, это было следствием как преобладающей роли металлообрабатывающей промышленности в отраслевой структуре индустрии, о чем шла речь выше, так и высокого уровня ее технического и технологического оснащения, что являлось неременным условием для производства высокотехнологичной военной продукции.

В-третьих, достаточно высокая степень специализации заводов и фабрик по выпуску продукции оборонного назначения (220 из 473 или около 47 %). Учитывая спонтанный и во многом хаотичный характер военно-экономической мобилизации, проводившийся в России в годы Первой мировой войны, такая степень специализации говорит об изначальной нацеленности промышленности региона, а вернее, самой столицы, на удовлетворение потребностей армии и флота в самых разнообразных предметах снабжения. И это с учетом болезненного для индустрии города пресечения после начала войны традиционных путей поступления через порты Балтийского моря топлива, материалов, сырья, заводского оборудования.

Вместе с тем при наличии значительного числа узкоспециализированных предприятий, нельзя не обратить внимания на тот факт, что не относящиеся к их числу 253 завода и фабрики (или, по крайней мере, их значительная часть) обладали весьма широким спектром производственных возможностей в смежных отраслях.

В-четвертых, кластерный характер формирования ряда отраслей индустрии Петрограда, имеющих преимущественно инновационную направленность. Прежде всего это касается электротехнической, авиационной и судостроительной промышленности. Во многом эти отрасли были самодостаточны, за исключением, пожалуй, обеспечения черными и цветными металлами, обладали широкими и давними внутрорегиональными кооперированными связями. При этом отдельные (и весьма важные!) виды производства были совершенно уникальны. К их числу можно отнести, например, выпуск воздушных кораблей типа «Илья Муромец», гидроаэропланов, радиостанций, телеграфных и телефонных аппаратов, приборов управления артиллерийской, минной и тор-

педной стрельбой как для военных судов, так и для крепостей, аккумуляторных батарей для подлодок и многого другого.

В-пятых, большое число предприятий, относящихся к XII и XIII группам, говорит о несомненной нацеленности промышленности Петрограда на удовлетворение как собственных потребностей в средствах производства, материалах и полуфабрикатах, так и о ее способности удовлетворять такого рода потребности других индустриальных центров страны.

Приведенные соображения дают возможность предполагать ощутимый вклад Петроградского промышленного района в снабжение действующей армии самыми разнообразными предметами боевого и материально-технического снабжения. Используя данных таких авторитетных авторов, как А.А. Маниковский и В.С. Михайлов, попытаемся подтвердить эти предположения по ряду ключевых позиций предметов снабжения.

Если говорить об изготовлении стрелкового оружия, то единственным представителем данного вида производства в регионе был Сестрорецкий оружейный завод. Доля этого предприятия в общероссийском выпуске 3-линейных винтовок за годы войны составила около 10 %¹¹.

Гораздо более весомым был вклад Петроградского патронного завода в производство винтовочных патронов, который составил за 1914–1917 гг. более 41 %¹².

Производством дистанционных трубок и взрывателей к артиллерийским снарядам в Петрограде занимался казенный трубочный завод, а также Сестрорецкий оружейный завод (взрыватели). За годы войны выпуск этой продукции был налажен на ряде частных предприятий: механическом заводе АО «Вестингауз», минном и артиллерийском заводе РЭАО «Динамо», заводе РАО «Сименс-Шуккерт», машиностроительном заводе АО «Я.М. Айваз», трубочном заводе общества «Промет», трубочном заводе общества «П.В. Барановский». В итоге суммарный вклад петроградских заводов в изготовление дистанционных трубок (22-сек и 45-сек) составил 57,6 %, а взрывателей типа ЗГ.Т. и 4Г.Т. – 71,4 %¹³. Следует отметить, что в документах к биографии В.С. Михайлова по какой-то причине отсутствуют сведения о производстве на заводе общества «П.В. Барановский». С учетом этих сведений можно утверждать, что доля петроградской промышленности составляла 60 % по дистанционным трубкам и 72,2 % по взрывателям¹⁴.

Не менее значительным был вклад петроградской индустрии и в производство артиллерийских орудий. Выпуском их занимались общество Путиловских заводов, казенный Петроградский орудийный завод, а также Обуховский сталелитейный завод морского ведомства. Удельный вес изготовленных этими заводами за 1915–1917 гг. наиболее массовых типов орудий составляет: 6-дюймовые – 28 %, 3-дюймовые полевые – 43,8 %, а 3-дюймовые горные, 42- и 48-линейные – 100 %¹⁵. По данным же А.А. Маниковского, использовавшего в своих расчетах так называемые приведенные величины (изготовление всех типов орудий оценивалось из расчета изготовления 3-дюймовых полевых пушек), доля петроградских заводов в производстве новых орудий всех типов составляла 68,5 %, а ремонт и восстановление изношенных (без учета Петроградского арсенала) – 65 %¹⁶. Кроме этого нужно отметить, что Петроградский металлический завод и механический завод АО «Г. Лесснер» входили в так называемую «Царицынскую группу» кооперированных предприятий и также занимались изготовлением отдельных частей 3-дюймовых полевых пушек¹⁷.

Наконец, укажем еще на изготовление заводами Петроградского промышленного района такого важного компонента боевого снабжения, как бездымный порох. Производством его занимались казенный Охтинский пороховой завод и частный Шлиссельбургский завод Русского общества для выделки и продажи пороха. Суммарный вклад двух этих предприятий в общероссийский выпуск за 1914–1917 гг. составил более 48 %¹⁸.

Подводя итог проведенного анализа облика Петроградского промышленного района, попытаемся сформулировать наиболее перспективные направления его дальнейшего изучения. Прежде всего нуждаются в детальном уточнении показатели участия промышленных предприятий района, и прежде всего петроградских, в исполнении заказов в интересах армии, флота, мобилизованной промышленности. Такая необходимость вытекает и из противоречивых данных самих источников, и из того факта, что даже поверхностный взгляд позволяет предполагать, что количество предприятий, участвовавших в реализации оборонных заказов, было гораздо более значительным, нежели об этом принято думать.

Отдельного изучения требует вопрос структурных изменений в индустрии района, произошедших за годы войны. То, что такие

изменения происходили, очевидно, но каков был их характер, какова роль различных игроков рынка в этих процессах, каковы источники их осуществления и механизмы – на все эти вопросы еще предстоит получить ответы.

В военно-техническом плане вызывает интерес проблема освоения предприятиями выпуска новых видов вооружения, военной техники, прочих предметов технического оснащения армии и флота, процесс которого в годы Первой мировой войны необыкновенно ускорился.

Несомненный интерес представляет также изучение вопросов взаимодействия различных социально-политических сил в ходе проведения военно-экономической мобилизации: представителей правительства, так называемых общественных организаций, предпринимательских кругов, научно-технической интеллигенции, рабочих.

Наконец, чрезвычайно важным представляется попытка выявить в военно-экономической жизни того периода события и факты, указывающие на возникновение предпосылок формирования такого феномена последующего этапа отечественной истории, как оборонно-промышленный комплекс (ОПК). Та выдающаяся роль, которую играл военно-промышленный Петроград в годы Первой мировой войны в системе военной экономики России, дает основания предполагать, что «ростки» ОПК должны были проявиться в первую очередь именно здесь.

¹ Ершова Т.В. Промышленность Москвы и Московской губернии в годы Первой мировой войны. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000; Жук А.В. Военная промышленность Урала в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000; Рябая С.А. Модернизация промышленности Удмуртии накануне и в годы Первой мировой войны: (1910-е – февраль 1917 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2006; Жук А.В. Арсенал Первой мировой войны: оборонная промышленность Урала в 1914–1918 гг.: монография. М.: НИЯУ, 2014.

² Букшпан Я.М. Военно-хозяйственная политика. Формы и органы регулирования народного хозяйства за время мировой войны 1914–1918 гг. М.–Л.: Госиздат, 1929. С. 325.

³ См., например: Гапоненко Л.С. Рабочий класс России накануне Великого Октября // Исторические записки. 1963. Т. 73. С. 70.

⁴ ЦГА СПб. (Центральный государственный архив Санкт-Петербурга). Ф. 1578. Оп. 3. Д. 197. Л. 1.

⁵ Там же. Д. 156. Л. 1.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 2.

⁸ Там же. Оп. 23. Д. 33. Л. 2.

⁹ Там же. Оп. 3. Д. 156. Л. 3–5.

¹⁰ Там же. Л. 8–9.

¹¹ Генерал В.С. Михайлов (1875–1929): документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности. М.: РОССПЭН, 2007. С. 132.

¹² Там же. С. 147–148.

¹³ Там же. С. 164–165.

¹⁴ ЦГА СПб. Ф. 1740. Оп. 1. Д. 159. Л. 2.

¹⁵ Генерал В.С. Михайлов... С. 185–188.

¹⁶ Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в 1914–1918 гг. Ч. 2. М., 1922. С. 169.

¹⁷ Об этом подробнее см., например: Булатов В.В. Иностраный предпринимательский капитал в военной промышленности России: «Группа Виккерс» и Русское акционерное общество артиллерийских заводов (1912–1918 гг.). Автореф. дис. ... канд. экон. наук. Волгоград, 2000. С. 17.

¹⁸ Генерал В.С. Михайлов... С. 226.

О.В. Алексеева (Москва)

4 и 5 ЯНВАРЯ 1878 ГОДА В ИСТОРИИ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КЕКСГОЛЬМСКОГО ПОЛКА

СРЕДИ МАССИВА ФОТОГРАФИЙ, поступивших в Исторический музей в конце 1920-х гг. из разрозненных фондов музеев полков Императорской армии России, находится фотография на паспарту, с изображением скромной могилы с возвышающимся на ней крестом и железной оградкой (ил. 1). На паспарту под фотографией следующая надпись: «Подпоручик Кексгольмского Гренадерского Императора Австрийского полка. Карл Андрей Генрихович Кригер. Убит в деле против турок под д. Карагач, получивший 16 штыковых ран. Мир праху твоему, товарищ!»

В истории лейб-гвардии Кексгольмского полка военный поход в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., безусловно, был одним из значимых за двухвековую службу, с выдающимися боями и подвигами как целого полка, так и отдельных чинов. Бой у д. Карагач 4 января 1878 г. и подвиг поручика Кригера были наиболее почитаемы в полковой семье как пример стойкости и готовности «положить жизнь за други своя», той «силы духа», с которой побеждают при превосходстве вооружения и численности у противника.

Свидетельства о том военном походе отражены в дневниковых записях, составленных офицерами-кексгольмцами Е.В. Ивановым, К.Н. Коноваловым, Д.В. Де-Виттом и унтер-офицером Никитой Ефремовым, непосредственными участниками событий.

Обстановка июля 1877 г., после второго штурма Плевны, отступления русской армии и поражения у Эски-Загры повлияла на решение вызвать на Балканы Гвардейский корпус. Кексгольмский Гренадерский императора австрийского полк, входивший в его состав, был переправлен из Варшавы 28 августа 1877 г.

Ил. 1. Памятник на могиле подпоручика Кексгольмского Гренадерского полка Карла Кригера, убитого под деревней Карагаз. ГИМ, инв. номер И VI 17270 ГИМ 68257

Западный отряд генерала И.В. Гурко, в состав которого вошел полк, был сформирован как специальный для взятия турецких редутов Горный Дубняк, Дольний Дубняк и Телиш, охранявшие дорогу София – Плевна, являвшуюся магистралью достав-

ки подкреплений к Плевненской крепости. Возглавлявший осаду Тотлебен считал взятие редутов возможностью добиться блокады крепости.

Путь Кексгольмского полка после присоединения к западному отряду генерала И.В. Гурко до д. Карагач был невероятно труден: непрерывные дожди, холодные осенние ночи и, наконец, форсирование Балкан, решение о котором было принято 30 ноября 1877 г. на военном совете.

Согласно получаемым приказаниям, полк продвигался по Софийскому шоссе в боевом порядке, с артиллерией, в столкновениях с турецкими войсками, укрепляясь на занятых позициях в Телише, Радомирце, д. Чумаковице, д. Крушевице, преодолевая подъемы и спуски заснеженных Балкан, вопреки тому, что даже «знакомые с горами местные жители считали, что русские идут на верную смерть»¹.

Вот как описано в официальном дневнике участника Балканского похода офицера Е.В. Иванова начало подъема Кексгольмского полка на Балканские горы: «16 декабря в голове эшелона следовали 2, 3 Гвардейский и финский стрелковые батальоны, затем Кексгольмский Гренадерский полк и в хвосте колонны Лейб-Гвардии Литовский полк. На долю полка выпало нести <...> 8 орудий и такое же число ящиков... В каждой роте полурота была назначена к орудию или ящику, а другая полурота несла оружие. Затем последовало изменение приказания, заряды были вынуты из ящиков и неслись людьми, так что весь 4 батальон исключительно нес снаряды. В самом же начале подъема небо заволочло тучами, поднялся сильный ветер и затем пошел крупный снег. В скором времени метель сделалась до того сильна, что совершенно залепляла глаза и от ветра едва можно было держаться на открытых, не защищенных вершинами других гор, местах. На дороге, покрытой ледяною корою, для облегчения подъема, были сделаны зарубки, но в скором времени все это занесло снегом и подъем, и без того трудный, сделался тяжелым до крайности, вследствие всех этих обстоятельств движение производилось крайне медленно <...> так что после невероятных трудов в течение целого дня полк достиг вершины горы едва часам к 12-ти ночи. На ночлег остановились на вершине горы. В глубоком снегу были раскинуты палатки, и люди были утомлены до такой степени, что большинство легло спать в палатках на снегу,

без всякой подстилки и лишь немногие разводили костры и ставили котелки для варки пищи»².

В дневниках участников похода повседневность представлена по-военному сдержанно, трагизм событий проступает в тяжести создавшихся условий – горные кручи, лютая стужа, неимоверное напряжение долгих переходов, часто без отдыха и пищи, и при этом способность испытывать счастье, если удалось избежать гибели людей...

Офицер полка К.Н. Коновалов в походном дневнике, который велся официально, по назначению, отмечает: «...спуск был еще труднее: теперь уже не приходилось везти; напротив, ящики и орудия сами везли люди. Крутизна спуска была такова, что ящики и орудия нужно было удерживать канатами, но в некоторых местах сил целой полуроты не хватало для этого и ящик или орудие летели с чрезвычайной быстротой, таща за собою на канатах сбитых с ног людей. На изворотах дороги они сами собою останавливались и ротные командиры спрашивали: есть ли раненые между людьми. Ящик, ведомый 3-ю стрелковою ротой, на одном из подобных спусков перевернулся колесами вверх и дышло его разлетелось вдребезги.»³ С грянувшими морозами людей постигли новые испытания: «...шинели, сапоги, два дня бывшие в снегу, совершенно промокшие, замерзли и положительно одеревенели». Оставался еще один крутой спуск с частыми поворотами, тут было получено приказание генерала Гурко – направляться безостановочно в с. Чурьяк, находившееся в 5 км. «Всю ночь полк бился на этом спуске, и только к 3 часам следующего дня, т. е. 18 декабря, он весь собрался в с. Чурьяк»⁴.

Тяжелый переход был преодолен со значительными потерями: «С приходом в Чурьяк оказалось в полку 137 человек с отмороженными пальцами на ногах и в такой степени, что люди эти уже неспособны были к дальнейшему движению, рядовой же 3-й роты Мартин Дроудин отошел от орудия в сторону и сразу, никем не замеченный, сел и заснул; когда же его нашли и начали будить, то он издавал какие-то неясные звуки и, несмотря на поданное медицинское пособие, умер от замерзания»⁵.

Люди, неспособные идти дальше из-за сильнейшего обморожения, были оставлены в ближайшей деревне. Полк продолжал движение, так же сопровождая артиллерию по спускам и подъемам горных троп в с. Негашево, Ташкисен, Дольние Комарцы,

по Злотицкому шоссе, в перестрелках преследуя отступавших турок, строя редуты, пережив тяжелое впечатление от события под Горными Комарцами.

Начало января ознаменовалось для кексгольмцев ночным боем с турками и отбитием турецкой артиллерии у д. Карагач – именно с такой формулировкой впоследствии указывались в послужных списках события 4 и 5 января 1878 г.

4 января, почти в четыре часа утра, Кексгольмский полк вместе с л.-гв. Литовским был двинут, согласно приказу, к реке Морице, для дальнейшего следования через Филиппополь в Станимак. В 9 утра началась переправа, продолжавшаяся около четырех часов, на кавалерийских лошадях, которые шли с трудом из-за глубокой, ледяной воды. В шесть часов вечера бригада вышла на Филиппопольское шоссе, где «было получено известие от драгунской бригады, что д. Карагач, лежавшая вправо от шоссе у подошвы гор, сильно занята неприятелем»⁶.

Интересны своим простонародным стилем дневниковые записи унтер-офицера Никиты Ефремова: «...пройдя версты 4, вдруг с правой стороны, в то время уже вечерело, на нас выстрел оружейный с деревушки, еще, еще и еще, вот и пошла писать, а оно уже совсем вечереет. Нас сейчас же в атаку, рассыпали цепь, остальные части сомкнутыми колоннами двинутся в след и он все сыплет и сыплет беспрестанно, и нам приказано, чтобы идти без выстрела тихо и когда близко подойдем, то вдруг броситься на “ура!”, а того себе не вообразили, что армия Сулейманова в 20 тысяч, а нас всего 6 батальонов...»⁷ В наступление шли три батальона Кексгольмского и три л.-гв. Литовского полка. Начало наступления и подвиг поручика Кригера весьма подробно описаны в личном боевом дневнике молодого офицера 4-го батальона Кексгольмского полка Д.В. Де-Витта: «Правее Литовских была батарея конной артиллерии (которая, однако, кончила стрельбу и уехала по случаю сумерек, когда только началось наступление), а правее артиллерии шел наш первый батальон, перестроившись поротно с цепью впереди. За первым батальоном шел наш батальон сначала в колонне, причем также перестроившись поротно. Второй батальон оставался в резерве. При нем был и командующий нашим полком Авенариус⁸. Наш батальон наступал около часа. Мы не стреляли, потому что было далеко и темно. Турки же стреля-

ли довольно часто, как из ружей, так и орудий, потери, однако, были у нас во время наступления незначительные. Один офицер поручик Никушкин легко ранен в ногу и контужен в правое ухо и десяток нижних чинов (так в документе. – *Авт.*). Наконец, когда уже было недалеко до деревни Карагач, наш батальон перестроился поротно, выслал цепь и продолжал наступление вместе с первым нашим батальоном. Когда поручик Никушкин выбыл из строя, то командование над 14 ротой принял поручик Кригер. Наконец совсем стемнело. Пальба продолжалась как из орудий, так и ружей, но только со стороны неприятеля. Вдруг раздалось громкое “Ура”, на левом нашем фланге у Литовцев. Это ура тотчас было подхвачено нашими. Вся линия бросилась бежать вперед. Началась атака деревни Карагач. Второй и третий батальоны Литовцев отбили 18 орудий у неприятеля; у них происходило дело против правого конца деревни; наш же батальон и 1 и 2 роты 1 батальона бросились на “ура” на левый конец деревни. Здесь-то началась рукопашная. Первая рота взяла с бою 6 орудий и 96 человек пленными. Рукопашная продолжалась минут тридцать. Страшно было видеть эту ужасную картину. Турок было уничтожено громадное количество. Во время атаки поручик Кригер отделился от роты с десятком солдат и набросился на большую кучу турок. Пуля попала в горло, и он упал, но во время падения был подхвачен штыками и ужасно изранен. В нем нашли 16 штыковых ран»⁹.

Описания обстоятельств гибели Кригера с различными подробностями есть во всех дневниках: «В цепи перед 4-м батальоном шла 14-я рота под командой поручика Никушкина, который, тотчас после первого крика “Ура!”, пораженный двумя осколками, упал. Поручик Кригер, временно прикомандированный к 13 роте, узнав об убытии из строя командира 14 роты, немедленно принял командование 14 роты и продолжал атаку: в остервенении бросился поручик Кригер перед цепью, вооруженный саблей, которую офицеры называли по незначительной величине ее зубочисткой, вскочил в ложемент, занятый турками, и, раненый 16-ю штыковыми ранами в грудь и одной в верхнюю челюсть, умер геройской смертью. Жестоко же отомстили солдатики за своего храброго офицера, они били турок, чем попало, от ложемента ни один турок живым не вышел, и наши солдатики вылезли оттуда с изогнутыми штыками или ломаными и раз-

битыми прикладами, можно себе представить, на что были похожи турецкие головы, об которые были сломаны наши крепкие, орехового дерева приклады»¹⁰.

Карагач пришлось очищать от неприятеля постепенно, так как в каждом доме, засевшие турки продолжали стрелять. Подпоручик Кексгольмского полка И.И. Федяй, командовавший в то время 16-й ротой, с небольшой частью солдат своей роты сумел захватить в плен 49 турок. При этом, выбивая из домов засевших в них последних оставшихся в деревне турок, голодные солдаты собирали всевозможные съестные припасы, не забывая поделиться ими с офицерами.

Примерно в два часа ночи в деревню приехали кавалерийские разъезды с новым донесением, что к деревне приближается значительная масса турок. К командиру Кексгольмского полка Я.П. Авенариусу, оставшемуся в резерве у Филиппопольского шоссе при 2-м батальоне, немедленно был отправлен офицер Де-Витт для получения распоряжения о дальнейших действиях и предупредить, что в 4-м батальоне солдаты только что пережили рукопашный бой и значительно изнурены, поэтому поддержка 2-го батальона необходима. Тем временем ободряемые офицерами солдаты 4-го батальона срочно заняли оборону на левом краю д. Карагач для второго столкновения с неприятелем. Как только роты полка устроились за небольшим валом, послышались турецкие сигналы, означающие усиление пальбы, и на освещенном луною пространстве возникла неприятельская цепь.

Наступление турок можно назвать психической атакой. К.Н. Коновалов: «На наших двигалась какая-то огненная линия; свет от непрерывной стрельбы был настолько значителен, что можно было различить отдельные фигуры людей из цепи. Наши успели заметить, что неприятельская цепь была двойная, т. е. в два ряда; одна передняя стреляла, а другая двигалась молча, составляя, вероятно, резерв первой. Обе линии были до того густы, что походили скорее на развернутый фронт, чем на стрелковую цепь»¹¹. Н. Ефремов: «Вот он и двинется на нас как туча, а мы все лежим не дышим, рожок их играет ти-ти-ти-ти...»¹² К.Н. Коновалов: «Какое-то неприятное чувство охватывало каждого из наших, когда в ночной тиши раздавались эти заунывные, захватывающие душу звуки, как будто бы они вызывали сонмы духов из-под земли. Они явились на зов, и опять затрещали, освещая

пространство, выстрелы, и с криками “алла, алла!” вновь двинулись на наших густые стройные цепи неприятеля»¹³.

Подпустив турок на близкое расстояние, по ним открыли стрельбу залпами: «Наши стреляли очень мало, за неимением достаточного количества патронов. У нас делались только залпы и то небольшими частями сразу»¹⁴; «неприятель все подвигался вперед, и только после того как каждая рота успела дать 6–8 залпов, он повернул назад; еще несколько залпов вдогонку, и наши свободно перевели дух. Но не весь неприятель отступил, часть его, правда самая незначительная, засела за различными прикрытиями и все время стреляла оттуда по нашим»¹⁵. Между тем, положение становилось критическим – патронов катастрофически не хватало, подоспевший на помощь 2-й батальон передал часть своих патронов 4-му батальону, но и этого могло не хватить при дальнейших атаках, «в таком случае было решено следующее: подпустить турок на самое близкое расстояние, дать им в упор залп последним патроном и затем обоим батальонам броситься в штыки. Отбитые два раза турки взялись за ум: в третий раз они двинулись вперед без сигналов, стрельбы и криков “Алла”. Их цепи двигались или перебегая, согнувшись, от закрытия к закрытию, или, наконец, ползком, смотря по местности. Но снег и луна выдали их нашим ранее, чего они, вероятно, желали, и, хотя они подобрались, что называется, под самый нос, наши так их ловко встретили залпами, что они бросились назад гораздо скорее, чем пришли. Эта атака и быстрое отступление неприятеля вызвали немало смеха у солдат»¹⁶. Последовавшая через полчаса четвертая атака турок оказалась менее энергична, и, едва кексгольмцы успели сделать по залпу, неприятель окончательно отступил. К.Н. Коновалов отмечает: «Хвати у турок энергии еще на одну атаку, и оба батальона остались бы без патронов; а с помощью одних штыков едва ли удалось бы им долго продержаться, несмотря на отчаянное решение офицеров не отступить ни в каком случае. Если бы эти батальоны были опрокинуты, то результат всего боя при с. Карагач был бы совершенно другой; и едва ли бы утомленные и ослабленные предыдущим боем роты Литовского полка смогли удержать надолго натиск свежих неприятельских колонн»¹⁷.

После окончания боя Кексгольмский полк по приказанию следовал к д. Паша Магале, увязая в заснеженных зарослях ви-

ноградника, передвигаясь с отбитыми у турок шестью орудиями, которые тащили без лошадей, используя вместо канатов связанные палатки из полусгнившего полотна. В бою с 4 на 5 января полк потерял: убитыми – 1 офицер, нижних чинов – 15, контужен – 1 офицер, ранены – 27 нижних чинов.

В дополнение к данным о человеческих потерях в вышеописанном бою приведем сведения о физическом состоянии кексгольмцев на пути следования от Плевны до Адрианополя, т. е. от 1 октября по 20 января: «...заболевших было всего 385 чел; цифра довольно значительная; но если принять во внимание тяжелые переходы, отсутствие продовольствия, то придется только удивляться выносливости солдатских организмов. Но как бы ни были выносливы люди все-таки по лицам ясно была видна тяжесть похода. С бледными, осунувшимися, с громадными синяками под глазами, лицами люди были более похожи на мертвецов, нежели на живых людей. Зачастую ротный командир не узнавал своего солдата, с рекрутства служившего в роте. Главная болезнь за это время была лихорадка, которой легко заболевали истощившиеся организмы»¹⁸.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг., с проявленным невероятным самопожертвованием, по обилию полковых наград превзошла Отечественную войну 1812–1814 гг., только Георгиевские знамена и штандарты были пожалованы полкам русской армии 83 раза.

Кексгольмскому Гренадерскому императора австрийского полку Георгиевские знамена были пожалованы 30 июля 1878 г., о чем свидетельствует запись в дневнике К.Н. Коновалова: «...офицеры полка получили приглашение прибыть на Чуфлик, где квартировал командующий полком; прибыв сюда, они узнали, что его императорскому Величеству благоугодно было пожаловать всем четырем батальонам полка Георгиевские знамена: четвертому батальону с подписью “За 4 января”, а прочим батальонам с подписью: “За турецкую кампанию 1877–1878 гг.”»¹⁹. Позднее, в 1894 г. за боевые заслуги полку были пожалованы права Старой гвардии с переименованием в лейб-гвардии Кексгольмский императора австрийского полк.

Поручик Карл-Андрей Генрихович Кригер, геройски погибший 4 января 1878 г., был погребен в Болгарии, на кладбище у д. Паша Магале. Известно, что он был родом из Петербургской

губернии, лютеранского вероисповедания. Выпускник 2-го военного Константиновского училища, служил с 10 августа 1876 г. в Кексгольмском Гренадерском императора австрийского полку.

По окончании кампании офицер полка И.И. Федяй был командирован в Болгарию «строителем памятников павшим в боях офицерам и нижним чинам; за добросовестное исполнение возложенного поручения получил благодарность, объявленную в приказе по 3-ей Гвардейской Дивизии от 12 декабря 1878 г. за № 224»²⁰. Фотографии с изображением памятника Карлу Кригеру, местности, где он погиб, надгробной плиты нижним чинам были переданы в офицерское собрание Кексгольмского полка, из которого они поступили в организованный Б.В. Адамовичем полковой музей.

¹ Шефов Н.А. Самые знаменитые войны и битвы России. М., 1999. С. 383.

² ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 291. Л. 243–244.

³ Там же. Д. 294. Л. 84.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Д. 291. Л. 244.

⁶ Там же. Д. 294. Л. 108 об.

⁷ Там же. Д. 1116. Л. 56–57.

⁸ Яков Вильгельм-Феофил Петрович Авенариус временно вступил в командование полком 31 декабря 1877 г. – после рапорта о болезни и отправке в Россию командира Кексгольмского полка генерал-майора Владимира Павловича Витторфа.

⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 295. Л. 40.

¹⁰ Там же. Д. 291. Л. 256.

¹¹ Там же. Д. 294. Л. 117–118.

¹² Там же. Д. 1116. Л. 58 об.

¹³ Там же. Ф. 137. Д. 294. Л. 119.

¹⁴ Там же. Д. 295. Л. 42 об.

¹⁵ Там же. Д. 294. Л. 119 об.

¹⁶ Там же. Л. 120.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 171.

¹⁹ Там же. Л. 158 об.

²⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 10. Д. 3. Л. 290. Дополнение к памятной записке полковника Федяя.

О.Е. Алтеев (Москва)

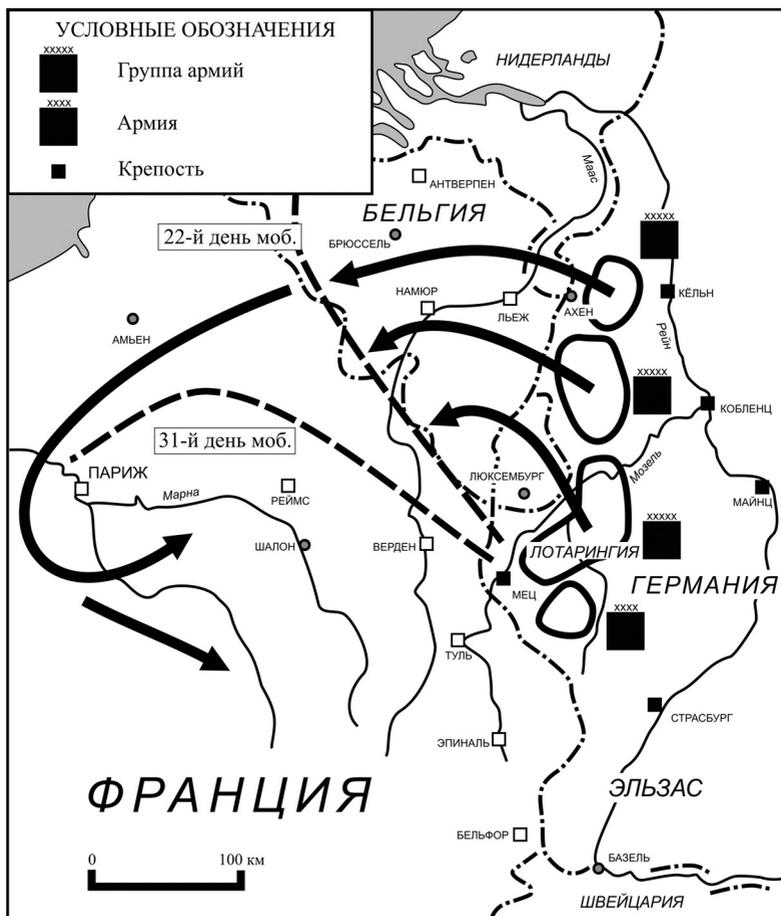
РАЗВИТИЕ ГЕРМАНСКОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

ПРОБЛЕМА германского стратегического планирования в конце XIX – начале XX в. играет важную роль в изучении истории Первой мировой войны. До настоящего времени план войны Германии традиционно оценивался историками как агрессивно-наступательный и авантюрный¹. Считалось, что в случае общеевропейской войны германский генштаб готовился воплотить в жизнь так называемый план Шлиффена – гипотетический проект действий на западной границе страны, изложенный в памятной записке генерал-полковника графа А. фон Шлиффена «Война против Франции». Впервые опубликовавший ее в 1956 г. западногерманский историк Г. Риттер утверждал, что наличие столь агрессивных военных намерений само по себе доказывало вину Германии за развязывание Первой мировой войны². Эта оценка германского стратегического планирования стала общепринятой.

Памятная записка, написанная в январе и феврале 1906 г. уже после отставки Шлиффена, но датированная декабрем 1905 г., содержала замысел наступательной операции против одной только Франции (ил. 1). Участие России в войне на стороне Франции в записке не предполагалось. Согласно «плану Шлиффена», разгром западного противника в ходе грандиозного генерального сражения следовало осуществить в течение 6–8 недель. Эта задача возлагалась на ударное правое крыло германской армии ($\frac{7}{8}$ всех сил), которое предполагалось развернуть на линии Ахен – Мец с целью вторгнуться в Бельгию и осуществить обход левого фланга французских войск. Оно должно было обойти Париж с запада и отбросить французов к их крепостям на восточной границе или

в Швейцарию. В Лотарингии южнее Меца оставлялся незначительный заслон ($\frac{1}{8}$ всех сил), на который возлагалась задача сковать французские войска и тем самым обеспечить успешные действия правого крыла на решающем направлении.

В современной зарубежной историографии существование «плана Шлиффена» как действительной оперативной концепции германского генерального штаба ставится под сомнение. Американский историк Т. Зубер, основываясь на ставших недавно доступными источниках, предположил, что стратегическое

Ил. 1. «План Шлиффена» по меморандуму «Война против Франции»

планирование Германии не носило агрессивно-наступательный характер³. По его мнению, изложенный в документе замысел не имел ничего общего с настоящими планами кайзеровского генштаба конца XIX – начала XX в., так как был принципиально невыполним. Основным мотивом, побудившим Шлиффена написать записку, Зубер считал стремление автора продемонстрировать катастрофическое отставание Германской империи от Франции в использовании человеческих ресурсов.

Изучив сохранившиеся документы стратегического планирования Германии, а также источники личного происхождения, Т. Зубер пришел к выводу, что «план Шлиффена» являлся послевоенной фабрикацией бывших офицеров германского генштаба – В. Ферстера, Г. Куля, В. Гренера и их последователей. По мнению историка, они стремились оправдать поражение в битве на Марне 5–12 сентября 1914 г. тем, что генерал-полковник граф Г. фон Мольтке-младший, преемник Шлиффена на посту начальника большого генерального штаба, исказил основной смысл его «завещания» – памятной записки «Война против Франции» – и ослабил ударное правое крыло германской армии на западе. Концепция Зубера вызвала серьезную полемику среди исследователей. Многие историки не приняли ее и продолжают считать, что в начале Первой мировой войны германское командование реализовало именно «план Шлиффена», модифицированный Мольтке-младшим.

Чтобы показать действительный характер замыслов, осуществившихся генеральным штабом Германии, и раскрыть содержание его планов развертывания на Западном и Восточном фронтах, необходимо обратиться к источникам – прежде всего, к оперативной документации.

Доминирующим фактором, определявшим подготовку Германии к войне, являлось ее невыгодное географическое положение: на востоке она граничила с потенциальным противником Россией, на западе – с потенциальным противником Францией. При разработке стратегических планов германский генеральный штаб исходил из неизбежности ведения войны на два фронта. Основным вопросом стратегии германское военное руководство считало выбор главного театра военных действий.

Вторым фактором, влиявшим на характер военных планов страны, стало общее численное превосходство сухопутных вооруженных сил Российской империи и Французской республики. По последним перед Первой мировой войной данным германского генштаба, в случае вооруженного конфликта в Европе Россия и Франция вместе могли выставить 4862 тыс. человек, тогда как совокупная численность армий военного времени Германии и Австро-Венгрии равнялась 3547 тыс.⁴

Невыгодное стратегическое положение центральноевропейских империй послужило причиной того, что германское военное планирование также, как и планирование других крупнейших континентальных держав – России, Франции, Австро-Венгрии, отличалось осторожностью. При разработке планов войны генштаб Второго рейха руководствовался необходимостью готовиться прежде всего к отражению согласованных атак французских и русских войск. Единственно возможным способом действий, заложенным в основание всех разработанных в конце XIX – начале XX в. военных планов, признавалась активная оборона. Германский генеральный штаб намеревался сосредоточить главные силы против одного из противников, ограничившись обороной на второстепенном театре военных действий. После успешного отражения вражеского наступления на главном театре предполагалось, используя высокую пропускную способность германских железных дорог, перебросить освободившиеся войска на второстепенный театр с целью разгрома другого противника.

Начало подготовке к войне на два фронта положил начальник прусского генерального штаба граф Г. фон Мольтке-старший еще до войн за объединение Германии. В 1859 г. Пруссия находилась в одном шаге от вмешательства в австро-итало-французскую войну, и на этот случай он разработал план одновременной войны против России и Франции, согласно которому главный удар прусской армии наносился на востоке. В 1871 г. Мольтке предложил новый план войны на два фронта, согласно которому основная масса германских войск направлялась против России⁵. Западноевропейский театр имел для стратегии Мольтке второстепенное значение, поэтому в 70-х – первой половине 80-х гг. XIX в. германский генштаб планировал вести на французской границе оборонительные действия незначительными силами,

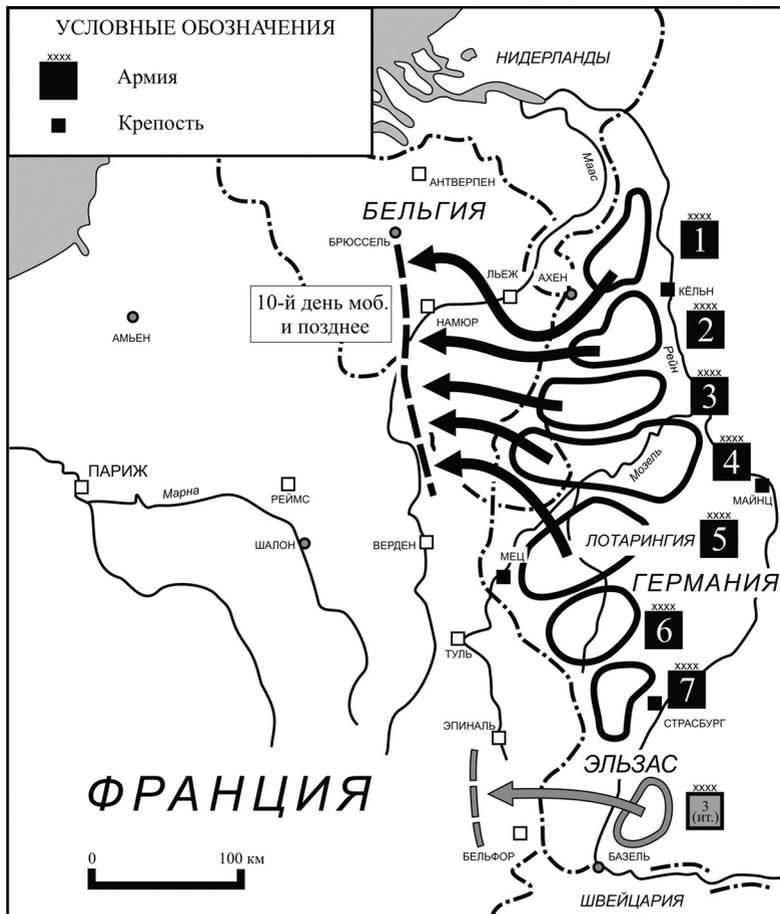
опираясь на крепости Кобленц, Майнц, Кельн, Страсбург, Мец и Диденгофен (Тионвиль).

Во второй половине 80-х гг. XIX в. военно-стратегическое положение Германской империи изменилось. Французская армия стремительно восстанавливала боеспособность. Вызванные агрессивно-популистской деятельностью военного министра генерала Ж. Буланже так называемый буланжистский кризис и военная тревога 1887 г. продемонстрировали политическому руководству кайзеровской Германии готовность Третьей республики взять реванш за поражение во франко-прусской войне 1870–1871 гг. Переоценка наступательных возможностей французской армии привела генштаб Второго рейха к пересмотру стратегического планирования на западной границе.

Во второй половине 80-х гг. генерал-квартирмейстер, а с 1888 г. начальник генерального штаба генерал кавалерии граф А. фон Вальдерзее предложил перенести сосредоточение главных сил германской армии с востока на запад. Новый план развертывания для войны на два фронта 1888 г. уже предусматривал развертывание главных сил на западе. С этого момента и вплоть до 1914 г. подготовка к отражению французского наступления стала играть определяющую роль в германском стратегическом планировании.

При графе А. фон Шлиффене, сменившем Вальдерзее в 1891 г., родился замысел контрнаступательной операции против Франции. Планы, разработанные под его руководством в 90-х гг., предусматривали развертывание Западной армии на линии Трир – Страсбург с целью ведения активной обороны в Лотарингии с последующим переходом в контрнаступление. В 1896–1897 гг. Шлиффен предложил альтернативный вариант нанесения контрудара при помощи обхода мощной линии французских крепостей к северу от Вердена через Арденны. Начиная с плана развертывания на 1899/1900 «мобилизационный год» (так назывался начинавшийся 1 апреля каждого года период обновления планов развертывания и мобилизации в германской армии) предусматривалось нарушение нейтралитета Бельгии с целью нанесения контрудара по левому флангу наступающих французских войск⁶. Концепция контрнаступательной операции совершенствовалась Шлиффеном вплоть до его отставки 31 декабря 1905 г., и была сохранена Г. фон Мольтке-младшим.

Последний план развертывания германской армии на Западном фронте на 1914/1915 «мобилизационный год», введенный в действие в начале Первой мировой войны, базировался на принципах активной обороны и предусматривал переход в контрнаступление пятью армиями правого крыла самое позднее на 12-й день мобилизации (ил. 2). Перед ними ставилась задача выйти на линию Брюссель – Вавр – Намюр – Живе – Фюме – Флоренвиль, т. е. только к франко-бельгийской границе⁷. Более подроб-

Ил. 2. Сосредоточение и ближайшие задачи германской Западной армии по плану развертывания на 1914/1915 «мобилизационный год»

но разбирались предполагаемые действия 6-й и 7-й армий в Лотарингии в случае французского наступления. Особо оговаривались мероприятия по их усилению за счет 5-й, 8-й (в случае нейтралитета России) и Северной армий, охранявшей побережье Германии от возможного британского десанта. На 3-ю итальянскую армию в составе пяти армейских корпусов и двух кавалерийских дивизий возлагалась задача оборонять Эльзас. Порядок перевозки по австрийским железным дорогам определялся конвенцией между Австро-Венгрией и Италией, заключенной 1 марта 1888 г. Внимание большого генштаба к действиям на левом фланге Западного фронта доказывает, что решающее столкновение между германской и французской армиями ожидалось в Лотарингии.

Сохранившиеся исторические источники дают основания думать, что кайзеровский генеральный штаб в начале XX в. планировал контрнаступательную операцию на западе, но не глубокое вторжение на территорию Франции. Главные силы германской армии, развернутые на бельгийской границе, предназначались для нанесения контрудара по наступающим севернее Меца французам. С этой целью планировалось нарушение нейтралитета Бельгии и даже, в крайнем случае, – Нидерландов.

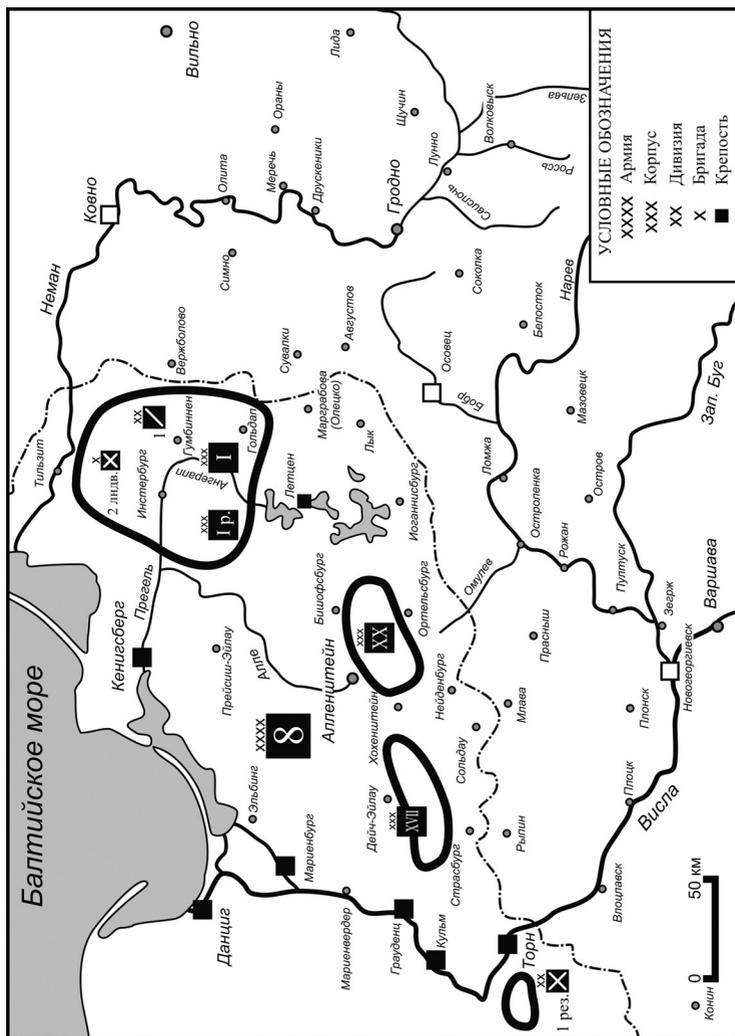
Подготовка к войне на Восточном фронте, игравшая главную роль в стратегии Г. фон Мольтке-старшего, в конце XIX – начале XX в. приобрела второстепенное значение для германского военного планирования. Как уже отмечалось, до конца 80-х гг. планы генштаба кайзеровской Германии предусматривали нанесение главного удара по России. Мольтке-старший впервые изложил замысел наступательной операции против России в записке 1859 г., посвященной планированию одновременной войны на востоке и на западе. Он предложил развернуть Восточную армию в районе Торна и нанести удар в направлении на Варшаву и далее на Брест-Литовск⁸. Тем самым Мольтке преследовал далеко идущую политическую цель – отделить Польшу от Российской империи с целью создания буферного государства. Значительное отставание России в скорости мобилизации и сосредоточения войск давало возможность Германии разгромить неготовые русские войска в Царстве Польском, чтобы в дальнейшем использовать освободившиеся подразделения уже против Франции.

К началу 1890-х гг. стремительное развитие вооруженных сил Франции вынудило германский генштаб обратить основное внимание на подготовку развертывания главных сил на западе и отказаться от идеи наступления в пределы России. Вместо подготовки наступательной операции на русской границе германский генштаб счел необходимым ограничиться здесь активной обороной.

Успешному ведению оборонительных действий должны были способствовать свойства местности Восточной Пруссии. Наиболее существенной естественной преградой стала бы цепь Мазурских озер, протянувшаяся на 180 км в юго-восточной части провинции и разделявшая ее на две части, что вынуждало бы вести наступление в ее пределы двумя изолированными группами.

Планируя оборону Восточной Пруссии, генеральный штаб Германии уделял большое внимание инженерной подготовке. Крупнейшей крепостью здесь был Кенигсберг, двойной тет-де-пон (предмостное укрепление) в устье реки Прегель. Крепость состояла из центральной ограды и из обвода протяжением около 40 км, включавшего 12 устаревших больших кирпичных фортов и три современных промежуточных малых форта. Оборона труднопроходимого района Мазурских озер опиралась на многочисленные укрепленные пункты, возведенные в озерных дефиле⁹.

Планы войны на востоке, разработанные при Шлиффене, предполагали развертывание на границах с Россией не более четверти всех сил армии империи. Германское командование в целом верно предугадывало образ действий русских войск в случае войны, ожидая концентрическое наступление двух армий к северу и к югу от Мазурских озер, и поэтому предполагало сосредоточить Восточную армию именно в этой провинции. Согласно последнему перед Первой мировой войной плану развертывания на 1914/1915 «мобилизационный год» в Восточной Пруссии выставлялась одна 8-я армия в составе трех армейских (I, XVII, XX) и одного резервного (I) корпусов, одной отдельной резервной пехотной (3-й), одной кавалерийской дивизии (1-й), трех смешанных ландверных бригад (второлинейные войска), главных резервов крепостей и частей ландштурма (третьелинейные войска) (ил. 3). Главные силы 8-й армии сосредоточивались в районе Дейч-Эйлау – Алленштейн – Норденбург – Гумбиннен.

Ил. 3. Оперативное развертывание 8-й германской армии по плану на 1914/1915 «мобилизационный год»

На востоке, как и на западе, германское командование планировало последующий переход в контрнаступление. Перед 8-й армией, помимо обороны Восточной Пруссии от русского вторжения, ставилась цель поддержать австрийское продвижение в междуречье Вислы и Западного Буга.

Для эффективного решения такой сложной задачи, как оборона Восточной Пруссии от превосходящих сил противника, германское командование регулярно проводило военные игры и организовывало полевые поездки, представлявшие собой те же игры, но не на картах, а на местности. В ходе этих занятий офицеры генштаба тестировали планы действий на этом направлении. Необходимо отметить, что военная игра была изобретением прусского военного гения – первые ее правила в 1824 г. апробировал лейтенант гвардейской артиллерии барон Г. фон Рейсвиц. Военное руководство Пруссии, а затем и Германии нашло применение этой форме подготовки, широко используя ее в работах по стратегическому планированию.

Сохранившиеся материалы военных игр и полевых поездок, часть которых была издана в 30-е гг. XX в., показывают, что германский генеральный штаб намеревался действовать по внутренним операционным линиям. Против одной из наступающих в обход Мазурских озер группировок русских предполагалось сосредоточить превосходящие силы, нанести ей поражение и перебросить освободившиеся войска против другой. В ходе одной из первых полевых поездок на восток, проведенных Шлиффеном в 1894 г., разыгрывалась операция по разгрому русской Наревской армии, точно воспроизведенная спустя 20 лет германским командованием во время Восточно-прусской операции 1914 г.¹⁰ Полевая поездка 1903 г. также наглядно продемонстрировала стремление руководства кайзеровского генштаба действовать в первую очередь против флангов наступающих в пределы Германии русских армий с последующим их окружением. Разъединение двух наступающих русских армий тестировалось в ходе большой военной игры 1905 г.¹¹ Последняя перед Первой мировой войной военная игра, проведенная в 1913/1914 г., вновь посвящалась обороне Восточной Пруссии ограниченными силами.

Кроме основного плана, ориентированного на ведение контрнаступательных операций, германский генштаб в 1900–1902 и

1909–1913 гг. разрабатывал также альтернативный, так называемое большое восточное развертывание (*Grosse Ostaufmarsch*), предполагавшее сосредоточение главных сил против России с целью перехода в наступление. Но незадолго до начала Первой мировой войны реалистично мыслящее руководство германского генерального штаба приняло решение отказаться от «большого восточного развертывания». Этот шаг имел две основные причины. Во-первых, сосуществование двух различных планов усложняло процесс стратегического развертывания и могло привести к нарушению графика воинских перевозок в случае непредвиденных ошибок в работе железных дорог. Во-вторых, транспортная сеть Восточной Пруссии не могла обеспечить развертывание в провинции значительных сил в кратчайшие сроки, из-за чего терялось преимущество германской армии в скорости мобилизации и сосредоточения над русской. Последним «гвоздем», забитым в «крышку гроба» «большого восточного развертывания», стала военная игра, проведенная в 1913 г. и продемонстрировавшая бесперспективность сосредоточения главных сил армии Германской империи против России. Обескураживающие итоги этих занятий вынудили военное руководство Германии оставить идею нанести главный удар в русской Польше. План войны на 1914/1915 «мобилизационный год» предусматривал одно только развертывание главных сил – на французской границе.

Анализ сохранившихся документов показывает, что план войны Германии полностью соответствовал военно-стратегической обстановке, сложившейся в конце XIX – начале XX в. в Европе. Генеральный штаб страны на протяжении нескольких десятилетий решал сложнейшую задачу подготовки к войне на два фронта с двумя мощными континентальными державами, чьи вооруженные силы численно превосходили германскую армию, и ему это почти удалось. Решение этой задачи военное руководство империи видело в подготовке к ведению действий по внутренним операционным линиям. Оно надеялось компенсировать превосходство России и Франции в живой силе и технике при помощи высокоразвитой железнодорожной сети, позволявшей осуществлять быструю переброску войск с одного театра военных действий на другой.

¹ См., например: Меликов В.А. Проблема стратегического развертывания по опыту мировой и гражданской войны. М., 1935. Т. 1: Мировая империалистическая война 1914–1918 гг. С. 90–108; Царев Н.Т. От Шлиффена до Гинденбурга (О провале военной доктрины кайзеровской Германии в 1914–1918 гг.). М., 1956. С. 92–93; Строков А.А. Вооруженные силы и военное искусство в первой мировой войне. М., 1974. С. 171–176; Turner L.C.F. The Significance of the Schlieffen Plan // The War Plans of the Great Powers, 1880–1914 / ed. by P.M. Kennedy. London; Boston; Sydney, 1979. P. 199–221; Snyder J. The Ideology of the Offensive: Military Decision making and the Disasters of 1914. Ithaca; London, 1984. P. 107–156; Bucholz A. Moltke, Schlieffen, and Prussian war planning. Providence; Oxford, 1993. P. 158–213.

² Оpubл. в: Ritter G. Der Schlieffenplan: Kritik eines Mythos. München, 1956. S. 141–178.

³ См.: Zuber T. The Schlieffen Plan Reconsidered // War in History. 1999. № 6 (3). P. 262–305; Idem. Inventing the Schlieffen Plan: German War Planning, 1871–1914. Oxford, 2002.

⁴ Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Die militärischen Operationen zu Lande. Bd. 1. Die Grenzschlachten im Westen. Berlin, 1925. S. 22.

⁵ См. подробнее: Zuber T. Inventing the Schlieffen Plan. P. 58–62.

⁶ Dieckmann [W.] Der Schlieffenplan // Zuber T. German War Planning 1891–1914: sources and interpretations. Cambridge, 2004. (Warfare in History). P. 92–95.

⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 8484. Л. 61–63.

⁸ Zuber T. Inventing the Schlieffen Plan: P. 36–38.

⁹ Крепости восточного фронта Германии. Дополнение к военно-статистическому описанию (по данным к 1 января 1914 г.). СПб., 1914. С. 82.

¹⁰ Отчетом об этой полевой поездке открывался второй том служебных документов А. Шлиффена, изданных Генеральным штабом сухопутных войск Третьего Рейха. См.: Die Große Generalstabsreise – Ost 1894 // Schlieffen [A.] Graf von. Dienstschriften des Chefs des Generalstabes der Armee Generalfeldmarschalls Graf von Schlieffen. Bd. 2. Die Großen Generalstabsreisen – Ost – aus den Jahren 1891–1905. Berlin, 1938. S. 1–50.

¹¹ Отчет о веденной в ноябре и декабре 1905 г. Начальником Прусского Генерального Штаба военной игре / пер. [Н.С.] Батюшина. Варшава, 1910. С. 3–9.

М.А. Анисимова (Санкт-Петербург)

ПО СЛЕДАМ КОЛЛЕКЦИИ ОРУЖИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА

В РЕЗУЛЬТАТЕ изучения документов научного архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи было установлено, что в собрании музея хранится основная часть коллекции оружия Великого князя Михаила Николаевича. Что эта коллекция находится в составе музея, предполагалось уже давно, поскольку в графе «Поступления» некоторых, немногочисленных, научно-инвентарных карточек значилось: «Из коллекции Великого князя Михаила Николаевича». Несколько предметов имеют на себе вензеля, монограммы, таблички с указанием принадлежности Михаилу Николаевичу. Но, к сожалению, это единичные случаи, а основная часть предметов таковых записей не имеет.

Большая часть этой коллекции была передана в Артиллерийский исторический музей в 1925 г. через Военно-музейный фонд, куда, в свою очередь, она попала из бывшего музея Великого князя Михаила Николаевича, находившегося в Ново-Михайловском дворце. Этот дворец, принадлежавший великому князю, находится на Дворцовой наб., д. 18 (ил. 1). Здание было построено в 1857–1861 гг. по проекту архитектора А.И. Штакеншнейдера с элементами таких стилей, как барокко и ренессанс. По существующей традиции, к совершеннолетию великих князей Кабинетом Императорского двора выделялись деньги для заказа придворному архитектору проекта великокняжеского дворца. Ново-Михайловским он был назван, чтобы отличить новую великокняжескую резиденцию от Михайловского дворца, построенного Карлом Росси. Великий князь Михаил Николаевич (1832–1909) был четвертым сыном императора Николая I,

Ил. 1. Ново-Михайловский дворец

известным государственным и военным деятелем, генерал-фельдмаршалом (1878), генерал-фельдцейхмейстером (1852), председателем Государственного Совета (1881–1905). В 1862 г. князь был назначен наместником на Кавказе и командующим Кавказской армией, впоследствии главнокомандующим, и оставался им до 1881 г. Как главнокомандующий, принимал участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. (ил. 2).

Музей имени Великого князя Михаила Николаевича был создан после его смерти детьми князя в 1911 г. и располагался в четырех комнатах Ново-Михайловского дворца, которые князь занимал при жизни. Экспозиция состояла из так называемых «Общего зала», «Зала личной жизни князя», его кабинета и «Зала последних дней жизни». В описании музея, сделанном Д.П. Струковым, который был хранителем этого музея, дается следующее описание: «В «Общем зале», расположенном в бывшей приемной, были развешаны по стенам и размещены по витринам предметы, имеющие отношение к государственной деятельности князя: портреты, фотографии, «многочисленные подношения» в виде фигур, альбомов, а также оружия современной ему эпохи, модели артиллерийских орудий, сочинения и рукописи, карты, служебные бумаги и т. п. ...В «Зале личной жизни князя» был размещен так

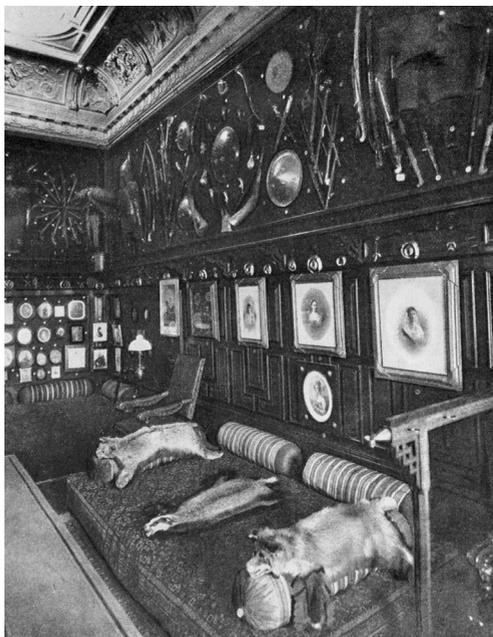
**Ил. 2. Великий князь
Михаил Николаевич**

называемый красный угол в виде небольшой часовни, где находились иконы князя, ордена, знаки отличия, в том числе фельдмаршальский жезл и бриллиантовая сабля. В витринах находились его дневники, альбомы путешествий, ученические тетради, личные бумаги и документы. ...“Кабинет” был сохранен в том состоянии, каким был при жизни князя, лишь были добавлены коллекции восточного оружия, взятого из других комнат дворца. В “Зале последних дней жизни” находились памятники, связанные с болез-

нью и кончиной великого князя: кровать, на которой он скончался, предметы, которые его окружали, а также здесь были собраны мундиры как русской, там и иностранной армии, которые он носил. Музей был открыт по четвергам и воскресеньям для посетителей “с 11 до 2 часов пополудни”, а разрешение на его посещение выдавалось заранее Управлением делами Великого князя Николая Михайловича»¹. Таким образом, оружейная коллекция располагалась почти во всех залах музея, но больше всего предметов было в кабинете (ил. 3).

Об оружейной коллекции Струков рассказывает: «Долговременное и разнообразное служение Михаила Николаевича вызвало к жизни целый ряд почетных юбилеев, ознаменованных подведомственными учреждениями или отдельными частями войск. ...поднесенные Великому Князю по разным случаям модели и образцы вооружения как русского производства, так и заграничного. Сохранилось свыше ста моделей орудий и других предметов материальной части артиллерии различных систем XIX столетия, наряду с русскими моделями здесь находятся образцы Баварии, Бадена, Саксонии, Пруссии и Франции, последней – в замечательном подборе материальной части системы Грибоволя.

К памятникам ручного оружия относится коллекция в составе 139 предметов: ружей, пистолетов, револьверов, охотничьих ружей, холодного оружия и принадлежностей к ним. Все эти памятники в большинстве роскошно отделаны и украшены инициалами Его Высочества. Исключительное внимание останавливает на себе оружие наших русских заводов ... миниатюрные точные модели: револьвера, не более вершка длиной, в отделке из слоновой кости и винтовки

Ил. 3. Кабинет Великого князя Михаила Николаевича в 1911 г.

Бердана № 2 с принадлежностью. Поднесение последней модели посвящено событию изготовления Ижевским оружейным заводом полумиллиона трехлинейных винтовок, почему на модели помещен № 500.000.000. Любопытна в этой коллекции английская морская сабля, отнятая при высадке у Гангута² в 1855 году³.

По поводу прочих предметов Струков упоминает, что «кроме этой коллекции, после кончины князя осталось обширное собрание отдельных экземпляров древнего оружия, преимущественно восточного, лично собиравшегося Его высочеством с раннего детства. Основание собранию этих редчайших образцов было положено 8-го сентября 1939 года подарком императора Николая Павловича семилетнему Великому князю древнего черкесского кинжала в бархатных ножнах. Вслед за тем, ежегодно, его Высочеству в дни тезоименитства, рождения, в Новый год и на елку, делались подарки экземплярами редкого оружия Августейшей матушкою, Братьями и Сестрами. Большинство подоб-

ного рода подарков осталось тщательно зарегистрированными особыми билетиками, с указаниями дат подарков. Здесь встречаются экземпляры лучших стрел, итальянских кремневых пистолетов XVII века, албанских персидских, индо-мусульманских и других восточных сабель и ружей, ятаганов, немецкого вооружения XVI столетия, арбалета того же времени, многого другого. Особенного развития это собрание достигло в период пребывания Великого князя на Кавказе, где, подарками Великой Княгини Ольги Федоровны и подношениями туземцев, в том числе князя Дмитрия Гуриэль (грузинский князь Дмитрий Кайхосрович Гуриэли, генерал-майор (даты жизни – 1822–1882. – *Авт.*), Юзеф-бека Куринского, Шамхала Тарховского (шамхал – титул кумыкских правителей Дагестана, в 1849 г. генерал-лейтенант Шамхал Тарковский Абу-Муслим хан возведен в княжеское достоинство Российской империи. – *Авт.*), персидского принца Бехмет-Мурзы, Даниэль Салтана, князей Дадиани и других лиц, состав собрания уже исчислялся сотнями. Все собрание отмеченных памятников включает в себя в настоящее время свыше двухсот отдельных предметов»⁴.

Согласно вышеперечисленному, получается, что в музее находилось более сотни моделей артиллерийских орудий, около 140 экземпляров ружей, пистолетов, револьверов, холодного оружия и принадлежности к ним русского и европейского происхождения, а также около двух сотен экземпляров восточного оружия.

После революции дворец был национализирован, а все находившееся в нем имущество, в том числе музейное, стало частью Государственного музейного фонда. Позже, в связи с реорганизацией, эти предметы, вместе с другими памятниками военной истории, были переданы в его подразделение – в Военно-музейный фонд, находящийся в ведении Главного управления научными, научно-художественными и музейными учреждениями – сокращенно называвшегося Главнаука⁵. Помещение Ново-Михайловского дворца становится одним из хранилищ фонда, в котором помимо предметов, принадлежавших великому князю, хранились и предметы военного назначения из музеев пограничной стражи, конно-гвардейского полка и некоторых других источников, о которых речь пойдет ниже.

В обязанности сотрудников Государственного музейного фонда, помимо прочего, входил учет находящегося в нем иму-

щества, поэтому, согласно рапорту заведующего отделом военного имущества В.Ф. Пузинского⁶, в 1925 г. была произведена проверка и опись имущества, хранящегося в фонде, в том числе и музея Великого князя: «...доношу, что по приказанию Заведующего военными музеями мною закончена производившаяся ранее А.А. Крутецким⁷ и П.И. Белавенцом⁸ проверка имущества б. (бывшего. – *Авт.*) музея в. к. Михаила Николаевича. Работа производилась совместно с А.А. Трухановым при участии А.А. Крутецкого. Вместо недостающих карточек составлены новые, все карточки просмотрены, приведены в порядок и в числе 1781 шт. переданы А.А. Крутецкому»⁹.

В период 1925–1927 гг. в стране происходит постепенное реформирование и ликвидация Государственного музейного фонда и его подразделений (в том числе и Военно-музейного фонда), как учреждений, выполнивших свое предназначение, с распределением их коллекций по музеям страны. Часть коллекции оружия из музея Великого князя Михаила Николаевича (29 предметов), имевшая особую художественную ценность, была передана в Государственный Эрмитаж. Согласно акту от 25 июля 1925 г., В.Ф. Пузинский передал представителю Эрмитажа А.А. Автономову следующие предметы (все наименования и описания предметов в архивных документах приводятся в оригинальной записи):

1. № 1077 – кольчуга восточная, зеркало, шишак и пара налокотников.
2. № 1088 – шестопер кавказский.
3. № 1096 – щит индийский мелкого сетчатого дамаска.
4. № 1016 – щит резной персидский с золотыми орнаментами и надписями.
5. № 1018 – щит персидский дамасковый с золотыми орнаментами и надписями.
6. № 1119 – боевой топорик персидский, рукоять в серебряной оправе.
7. № 1132 – сабля турецкого волнистого дамаска с набивными золотыми надписями.
8. № 1134 – кольчуга восточная, зеркало с орнаментом (птички), шишак кавказского типа и наручи резные, рукавицы кольчужные.
9. № 1142 – кинжал с нефритовой рукоятью.

10. № 1149 – пистолет колесцовый с саксонским гербом.
 11. № 1157 – пистолет колесцовый с саксонским гербом.
 12. № 1185 – сабля киргизская, мелкого волнистого дамаска, рукоять обтянута рыбьей кожей.
 13. № 1187 – сабля турецкая с надписями, узорами и печатью Соломона.
 14. № 1225 – тесак с персидской рукоятью, на клинке травленый рисунок.
 15. № 1239 – карабин нарезной Тульского завода 1755 г.
 16. № 1241 – карабин нарезной мастера Рехенмахера.
 17. № 1269 – меч даяков с деревянной резной рукоятью, убранной человеческими волосами.
 18. № 1873 – меч полинезийский в деревянных ножнах, при нем дротик в кокосовой сумке.
 19. № 1882 – бодис малайский, ножны и ручка деревянные.
 20. № 1886 – крис малайский, лезвие прямое, ножны и рукоять деревянные.
 21. № 1887 – меч малайский, рукоять деревянная.
 22. № 1896 – меч малайский с деревянной рукоятью, без ножен.
 23. № 1901 – бодис индо-китайский с серебряной рукоятью, ножны бархатные.
 24. № 1919 – нож бухарский, ножны бархатные, ручка каменная.
 25. № 1994 – шлем персидский с эмалированными изображениями с кольчужным назатыльником.
 26. № 1995 – налокотник (наруч) персидский, с кольчужной рукавицей той же работы.
 27. № 2008 – меч хевсурский, рукоять деревянная, наколочник ножен покрыт серебряной филигранью с бирюзовыми вставками.
 28. № 2141 – нож кавказский с костяной рукоятью, лезвие покрыто золотой насечкой.
 29. № 1161 – кольчуга среднеазиатская, при ней наплешник с золотым орнаментом, щит кожаный овальный и наручи с резным узором¹⁰ (в описи, помимо порядковых номеров, указаны номера Военно-музейного фонда).
- Остальное оружие из дворца было намечено к передаче в Артиллерийский музей, наряду с прочими предметами вооружения, также хранившимися в Военно-музейном фонде, о чем свидетельствует ряд архивных документов: «Заведующему отделе-

нием Военного имущества Л.Х.Г.М.Ф. (Ленинградского хранилища Государственного музейного фонда. – *Авт.*) товарищу Пузынскому В.Ф., от 25 июля 1925 года. В согласовании с данным Начальнику Артмузея 7 сего июля принципиальном согласии Заведующим музеем ЛОГ (Ленинградского отделения Главнауки) тов. Ятманова Г.С. на передачу из фондов ЛОГ оружия, знамен и моделей орудий и артснабжения, предметов относящихся к истории, и т. д., назначаю сего числа производство подготовительных работ по отбору и составлению перечней на все предметы, испрашиваемые Артиллерийским музеем. Перечни должны быть составлены так, чтобы они могли бы послужить приемо-сдаточными ведомостями. Должны быть составлены перечни на следующие группы имущества по отделению военного имущества фонда: 1.) а) оружие, б) знамена, в) арторудия и снаряды, их модели, предметы артснабжения, г) портреты, альбомы и прочие материалы.

2) Из бывшего музея Михаила Николаевича – те же категории а, б, в, г, причем по пункту «а» – по отбору Эрмитажем»¹¹.

Согласно этому распоряжению, научные сотрудники Артиллерийского музея в течение лета 1925 г. произвели рассортировку имущества фонда и составили его описи, а на протяжении осени того же года происходило окончательное согласование этого вопроса: «Заведующему Ленинградским хранилищем Гос. муз фонда. На известные нам представления ЛОГ за № 6597, 6827 и 8013 от 13 октября сего года за № 13160 уведомила о своем разрешении произвести передачу Артмузею из бывшего музея М.Н. Романова и из Военного отделения Госмузфонда предметов, отобранных Артиллерийским музеем, в т. ч. Знаменного отделения. Ввиду этого отношения от 25.10. с. г. за № 8644 ЛОГ обратилась к начальнику отдела АУ (Артиллерийского управления. – *Авт.*) товарищу Толмачеву с просьбой подтвердить согласие Артиллерийского управления на организацию при Артиллерийском музее запасного фонда оружия, из которого, по требованию ЛОГ, можно было выделить наборы коллекций для нуждающихся в этом музеев. Подпись: Заведующий Военными музеями Габаев Г.С.»¹²

Донесение № 865 из Артиллерийского музея от 29 сентября 1925 г.: «Заведующему музеями ЛОГ. Коллекции холодного и огнестрельного оружия, модели артиллерийских орудий, чер-

тежи и прочее, находившееся в бывшем музее Михаила Николаевича, намеченные Вами к передаче в Артиллерийский музей, взяты Артиллерийским музеем на учет и описаны. До 15 октября Артиллерийский музей располагает денежными средствами, необходимыми на перевозку этого имущества, по окончании же текущего бюджетного года таковых средств может не оказаться. Ввиду изложенного очень прошу Вас не отказать в разрешении на передачу и перевозку в Артиллерийский музей означенного имущества теперь же. Подпись: ВРИО начальника Артиллерийского музея Пещанский М.А.»¹³

Разрешение на перевозку предметов от Ленинградского отделения Главнауки было получено 13.10.1925 г.: «№ 8013, исх. 13160, вх. 19900. Отдел по Делах музеев разрешает Вам произвести передачу Артиллерийскому музею из бывшего музея М.Н. Романова и из Военного отделения Государственного музейного фонда предметов, отобранных Артиллерийским музеем. Подпись: И.О. Заведующего музейным отделом А. Григорьев»¹⁴.

Как указано в акте приема от 14.12.1925 г., имущество поступило в музей из Военно-музейного фонда по пяти приемо-сдаточным ведомостям, датированным 1925 г.: № 1 от 9 ноября – на 792 предмета оружия, № 2 от 16 ноября – на 1215 единиц оружия, № 3 от 1 декабря – на 66 единиц знамен, штандартов и значков, № 4 от 4 декабря – на 400 единиц оружия, № 5 от 12 декабря – на 146 «единиц моделей орудий, передков и снарядов», всего 2619 единиц. Предметы по данным актам были приняты надзирателем музея А.С. Самряковым. Как удалось выяснить, в ведомости № 1 находились предметы, поступивший в Военно-музейный фонд в разное время от разных лиц, о чем на полях ведомости, напротив разных групп предметов, имелись отметки: «опись № 5», «опись № 6», «опись № 15». В архивном деле «Опись музейного имущества, поступившего в Военно-музейный фонд в 1922–1925 гг.», указано, что опись № 1 содержит предметы из расформированного музея пограничной стражи, опись № 4 – вооружение из бывшего музея Конно-гвардейского полка, описи № 5 и 13 – предметы, переданные из Государственного музейного фонда в Военно-музейный фонд, в том числе принадлежавшие ранее «князю Бярятинскому и А.А. Мордвинову», опись № 6 и 14 – предметы, приобретенные в ломбарде Петрограда одним из сотрудников фонда, опись № 15 – оружие братьев Панаевых, пере-

данное в фонд их матерью Верой Николевной Панаевой в 1922 г., опись № 17 – предметы из полковых музеев, в том числе лейб-гвардии Преображенского полка и некоторые др.¹⁵

Наименования и номера предметов из приемо-сдаточной ведомости № 4 полностью совпадают с наименованиями и номерами предметов, указанными в описи имущества Музея Великого князя Михаила Николаевича, сделанной в Ново-Михайловском дворце¹⁶.

Согласно этой приемо-сдаточной ведомости № 4 в музей поступили следующие предметы вооружения из музея великого князя:

№ по порядку	№ Военно-музейного фонда	Наименование по ведомости Военно-музейного фонда
1	15	Ружье курковое нарезное, 1851 г.
2	28	Ружье пехотное, курковое, гладкоствольное, 1851 г.
3	59	Ружье курковое, гладкоствольное, 1846 г.
4	66	Ружье курковое пехотное гладкостенное, 1836 г.
5	72	Ружье пехотное кремневое гладкоствольное, 1846 г.
6	81	Ружье пехотное курковое нарезное, 1849 г.
7	89	Ружье системы Карле, 1867 г.
8	97	Ружье курковое пехотное гладкостенное, 1842 г.
9	105	Ружье системы Крынка
10	111	Ружье крепостное нарезное бельгийской системы
11	154	Ружье крепостное
12	156	Пика казачья
13	160	Пика казачья
14	177	Пика казачья с черным древком
15	178	Ствол ручной пицали
16	179	Трезубец на длинном железном конце
17	180	Ружейный ствол с двумя курками
18	181	Гарпун
19	190	Ружье нарезное, ударное стрелковое, императорской фамилии, 1855 г.
20	199	Ружье курковое пехотное нарезное, 1859 г.
21	206	Ружье нарезное пехотное тульское, 1856 г.
22	215	Ружье нарезное пехотное сестрорецкое, 1866 г.
23	221	Ружье ударное

24	230	Ружье системы Крынка
25	253	Сабля офицерская, пехотного образца, 1826 г.
26	254	Палаш французский с надписью на клинке и ножнах
27	255	Ружье с надписью на стволе
28	256	Ружье восточное кремневое нарезное, на прикладе на дощечке надпись: «От войск отряда 28 февраля 1963 года»
29	257	Ружье системы Бердана, замок сломан
30	258	Палаш французский с надписью на клинке и ножнах
31	259	Сабля офицерская, пехотного образца 1826 г.
32	261	Сабля в ножнах шпажная
33	262	Палаш французский с надписью на клинке и ножнах
34	263	Ружье гладкоствольное, 1857 г.
35	264	Ружье курковое гладкоствольное
36	265	Ружье системы Бердана
37	266	Палаш французский с надписью на клинке и ножнах
38	267	Полусабля с гладкой ручкой и гардой
39	271	Штуцер литтихский с двумя нарезами, приклад поломан
40	275	Ружье австрийское, 1867 г.
41	276	Ружье норвежское, 1857 г.
42	280	Штуцер крепостной литтихский, 1852 г.
43	285	Эспадрон
44	286	Карабин кавалерийский, 1843 г.
45	289	Шашка драгунская офицерская, 1842 г.
46	290	Карабин кавалерийский гладкоствольный, 1840 г.
47	291	Эспадрон
48	292	Ружье кремневое гладкоствольное, уменьшенного размера
49	299	Два шомпола
50	301	Карабин кавалерийский, 1851 г.
51	302	Сабля германской артиллерии
52	303	Сабля кавалерийская, 1877 г.
53	304	Сабля германской артиллерии
54	305	Карабин кавалерийский, 1851 г.
55	306	Сабля японская в металлических ножнах, 1860-х гг.
56	307	Сабля офицерская, 1827 г.
57	308	Сабля золотая с надписью «За храбрость»
58	309	Сабля кавалерийская с надписью на клинке «Златоуст, 1839 год»
59	310	Палаш английский, морской, отбитый на высадке у Гангута в 1855 г.

По следам коллекции оружия Великого князя Михаила Николаевича

60	312	Два шомпола
61	316	Штык-тесак к винтовке Шмита – Рубина
62	317	Тесак пехотный образца 1848 г.
63	318	Тесак саперный, 1834 г., тульский
64	319	Пистолет солдатский, 1847 г., тульский
65	320	Пистолет солдатский, 1851 г., сестрорецкий
66	321	Тесак французский, 1852 г.
67	322	Тесак французский, 1852 г.
68	323	Тесак к литтихскому штуцеру, образца 1843 г.
69	325	Рапира
70	326	Рапира
71	327	Ножны кожаные от штыка
72	328	Карабин кавалерийский, нарезной, 1840 г.
73	329	Полусабля
74	330	Ножны кожаные для штыка
75	331	Ножны кожаные для штыка
76	332	Ножны кожаные от тесака
77	384	Ружье ударное с надписью у курка
78	385	Ружье ударное с надписью у курка «Ф.Т. 1858 год»
79	387	Ружье охотничье
80	400	Ружье охотничье
81	402	Пистолет в ящике
82	403	Пистолетов пара в ящике с набором
83	404	Пистолетов пара в ящике, стволы нарезные
84	405	Пистолетов пара, нарезные
85	406	Ружье охотничье, двуствольное, в ящике с принадлежностями
86	407	Ружье охотничье, ствол нарезной граненый с надписью и гербом Тулы, в ящике
87	409	Мешок кожаный с принадлежностями для литья пуль
88	425	Пистолет заряжающийся с казны, ствол гладкий, граненый с приставным прикладом, системы А. Колет, 1856 г., в ящике, принадлежность не полностью
89	427	Винтовка трехлинейная образца 1891 г., разрезная
90	428	Пистолетов пара, стволы нарезные, граненые, в ящике
91	443	Ящик с принадлежностями для литья пуль – не полностью
92	587	Ружье охотничье гладкоствольное с инициалами «М. Н».

93	792	Ружье кремневое кадетское великого князя, со штыком
94	793	Ружье кремневое кадетское великого князя, без штыка
95	1062	Колчан кавказский со стрелами
96	1064	Ствол витого дамаска, конца XVII столетия, с именем мастера
97	1066	Колчан среднеазиатский
98	1067	Стрела китайская с деревянным наконечником
99	1068	Арбалет немецкий, XVII в., с сошкой, украшен костяными вставками
100	1069	Стрела китайская с деревянным наконечником
101	1070	Колчан среднеазиатский
102	1076	Кинжал персидский, волнистого дамаска, лезвия усилены и опилены зубцами
103	1078	Кинжал малый с ровной костяной рукояткой
104	1079	Катар индийский сетчатого дамаска с радужными отливами
105	1080	Кинжал индийский, ножны металлические с позолотой
106	1086	Топорик боевой, персидский, XVII в., с орнаментом и набивным золотом
107	1087	Топор боевой, по кайме набивная золотом арабская надпись
108	1089	Шестопер персидский, XVIII в.
109	1090	Булава персидская дамасковая
110	1091	Клевец персидский с набивным золотым орнаментом
111	1092	Копье вилообразное, мелкого сетчатого дамаска с остриями, опиленными зубцами, туля с набивным золотым орнаментом
112	1093	Копье с арабской надписью
113	1094	Наконечник копья персидского, полосатого, волнистого дамаска, туля с набивным золотым орнаментом
114	1095	Наконечник копья персидского, полосатого, волнистого дамаска, туля с набивным золотым орнаментом
115	1098	Щит из кожи носорога, арабский
116	1103	Щит африканский из кожи носорога
117	1104	Пороховница турецкая в серебряной оправе с надписью

По следам коллекции оружия Великого князя Михаила Николаевича

118	1107	Пороховница мушкетерская XVII столетия с саксонским гербом
119	1108	Пороховница итальянская роговая с перламутровыми накладками
120	1112	Пороховница итальянская роговая с перламутровыми накладками
121	1113	Натруска восточная низкопробного серебра
122	1115	Пороховница немецкой формы, сделанная для России с резным двуглавым орлом
123	1120	Топорик боевой персидский с резными изображениями птиц и зверей
124	1121	Секира двухсторонняя, персидская, с золотым орнаментом
125	1122	Булава персидская железная
126	1123	Пернач железный европейский, XVII в.
127	1124	Топорик боевой персидский, с надписью набивным золотом
128	1125	Наконечник копья двухконцовый, с надписями на тулье и золотым орнаментом
129	1126	Наконечник копья волнистого дамаска
130	1127	Наконечник копья волнистого дамаска, персидский
131	1128	Наконечник копья волнистого дамаска, персидский
132	1136	Кинжал индийский, рукоять резного нефрита с бирюзой, ножны украшены персидской эмалью
133	1138	Сабля турецкая, украшена набивным золотым орнаментом
134	1139	Сабля турецкая, полосатого дамаска, с надписями набивного золота
135	1145	Пистолет кавказский, с именем мастера и набивными золотыми надписями на стволе
136	1146	Пистолет кавказский, с резными надписями и орнаментом, на стволе клейма мастера
137	1147	Мушкетон начала XVIII столетия
138	1148	Пистолет кавказский, на замке клеймо мастера и надпись
139	1150	Пистолет кавказский, с резной надписью и орнаментом и клеймом мастера
140	1151	Пистолет кавказский, кремневый
141	1152	Пистолет кавказский, с набивным золотым узором вдоль всего ствола, на замке клеймо мастера
142	1153	Пистолет кавказский

143	1154	Пистолет кавказский, с набивным золотым узором вдоль всего ствола, на замке клеймо мастера
144	1155	Пистолет кавказский, на замке клеймо мастера, на стволе надпись золотом
145	1156	Пистолет кавказский, на стволе клеймо мастера
146	1158	Пистолет кавказский, с сильно потертыми клеймами мастера на стволе и замке
147	1159	Мушкетон маленький, восточного мастера, замок европейской формы, на стволе два восточных клейма
148	1160	Пистолет кавказский, с клеймом мастера, на серебряной оправе чернью грузинская надпись
149	1162	Пистолет английский
150	1163	Пистолет английский
151	1164	Пистолет семиствольный мастера Пробина
152	1165	Пистолет кавказский, на стволе клеймо мастера, у конечного шарика имя собственника
153	1166	Пистолет албанский, на стволе знак Дзуль-Фикара, оправка с кораллами и бирюзой
154	1167	Пистолет кавказский, с клеймом мастера на стволе и замке
155	1168	Пистолет кавказский, на стволе два клейма мастера
156	1169	Пистолет кавказский, на стволе клеймо мастера
157	1170	Пистолет кавказский, ствол дамасковый, европейской работы, на подогнивной пружине восточная надпись
158	1171	Пистолет кавказский, на стволе клеймо мастера, на подогнивной пружине восточная надпись
159	1172	Пистолет кавказский дамасковый, с надписью на подогнивной пружине
160	1173	Пистолет кавказский, ствол дамасковый с черневыми украшениями, на стволе имя мастера
161	1174	Пистолет кавказский, на стволе клеймо мастера
162	1175	Пистолет кавказский, на замке клеймо мастера
163	1176	Пистолет албанский, на стволе знак Дзуль-Фикара, оправка с кораллами и бирюзой, на ручке ободрано серебро
164	1177	Пистолет кавказский, на стволе клеймо мастера
165	1178	Пистолет европейской Турции, с итальянским стволом
166	1180	Пистолет европейской Турции, с итальянским стволом

По следам коллекции оружия Великого князя Михаила Николаевича

167	1182	Сабля персидская сетчатого дамаска, на ножнах надпись «Н.О. Ограновичу, другу моему, оказавшем благотворительное попечение о всех сыновьях моих. Ермолов»
168	1183	Сабля турецкая, с резными изображениями змея и льва и золотой надписью
169	1184	Сабля персидская мелкого сетчатого дамаска
170	1188	Ятаган турецкий, с набивными золотыми надписями в картушах
171	1189	Сабля лезгинская, с отломанным и заточенным концом
172	1190	Сабля турецкая мелкого волнистого дамаска с резным изображением льва
173	1191	Сабля восточная
174	1192	Шашка кавказская
175	1193	Сабля персидская
176	1194	Сабля персидская мелкого дамаска с инкрустированными надписями в двух отметцах
177	1195	Сабля персидская сетчатого дамаска с надписями в двух отметцах
178	1196	Кольчуга из больших овальных колец, шишак монгольского типа, бармица, наручи персидские, рукавицы кольчужные
179	1214	Кольчуга из тонких колец, мисюрка покрыта серебряным золоченым листом с чернью, наручи персидские резные, сильно потертые
180	1220	Нож персидский, очень мелкого сетчатого дамаска, с двухсторонним узором набивного золота на рукоятке, без ножен
181	1231	Ружье кавказское кремневое, на стволе и замке клеймо мастера
182	1232	Ружье кавказское, ствол дамасковый с именем мастера, замок с золоченой полкою и надписью на подогнивной пружине
183	1233	Ружье кавказское, весь ствол насечен золотом, клеймо с именем мастера, на замке с позолоченной полкою надпись
184	1234	Ружье кавказское, ствол покрыт золотом, надпись на замке
185	1235	Ружье кавказское, под казной надпись набивного золота, клеймо мастера на золотом листе, весь замок покрыт серебром

186	1236	Ружье кавказское, дамасковый ствол, с клеймом мастера
187	1237	Ружье кавказское, с клеймом мастера на замке
188	1240	Ружье турецкое нарезное, приклад украшен костяными полосками и медными гвоздями
189	1242	Ружье турецкое с клеймами и с прицельным щитком, на замке убранным серебром клеймо мастера и турецкая монета
190	1243	Карабин турецкий нарезной, приклад украшен медными гвоздями и мозаичными вставками
191	1244	Ружье кавказское, ствол дамасковый с именем мастера на золотом листе, оправа серебро с чернью
192	1245	Ружье кавказское, ствол пробит пулей
193	1246	Ружье кавказское, ствол дамасковый с клеймом мастера, на подогнивной пружине надпись
194	1247	Ружье кавказское с откидным прицелом, на дамасковом стволе клеймо мастера и набивная золотая надпись
195	1248	Ружье кремневое с дамасковым стволом, клеймо мастера и надпись на подогнивной пружине
196	1249	Ружье кавказское, ствол дамасковый с именем мастера
197	1250	Ружье кавказское, ствол персидский насечен золотом, над казною надпись и дата «1146 Гиджи»
198	1251	Ружье кавказское, ствол сплошь покрыт набивным золотым узором, имя мастера на золотом листе
199	1252	Сабля восточная, клинок мелкого сетчатого дамаска, с изображением льва, лезвие опилено зубцами, на перекрестье набивная золотая надпись
200	1253	Ятаган египетский с изображением меча и надписью
201	1255	Сабля грузинская, клинок с именем мастера Андрея Ферара, ножны в красном чехле
202	1254	Сабля кавказская, клинок трехдольный со знаками зубчатых полумесяцев
203	1256	Шашка кавказского образца французской фабрики
204	1258	Сабля восточная, клинок темного дамаска, доли выбраны в виде змей, лезвия опилены зубцами, в двух картушах арабские надписи
205	1259	Нож непальский очень мелкого сетчатого дамаска
206	1263	Щит гальванопластический, копия щита Карла V из мадридского музея
207	1266	Кончар итальянский, трехгранный, клинок XV в.
208	1267	Кинжал индийский мелкого сетчатого дамаска с резьбой на обухе и носороговой рукоятью

По следам коллекции оружия Великого князя Михаила Николаевича

209	1268	Шпага немецкая, XVII в., с позолоченным узором на пяте
210	1269-а	Меч даяков с острова Борнео
211	1269-б	Меч даяков с острова Борнео
212	1270	Кинжал персидский с костяной рукоятью в серебряной оправе
213	1273	Яванский крик сварочного дамаска, рукоять деревянная с изображением идола
214	1274	Палаш индийский мелкого сетчатого дамаска, на лицевой стороне в двух картушах вбивная золотая надпись
215	1275	Сабля кавказская, детская, с костяной рукоятью
216	1276	Наконечник копья персидского
217	1277	Наконечник копья персидского
218	1278	Трость кавказская со шпагой в серебряной оправе с чернью
219	1279	Трость кавказская со шпагой в серебряной оправе с чернью
220	1280	Шпага французская галантерейная конца XVIII в.
221	1281	Шашка кавказская, мастера Андрея Феррара, со знаками зубчатых полумесяцев
222	1290	Ружье кавказское, с клеймами мастера на стволе и на замке
223	1291	Ружье кавказское кремневое, ствол дамаскированный, местами с золотой насечкой
224	1298	Ружье кавказское, на замке клеймо мастера, ствол сплошь покрыт набивным золотым орнаментом
225	1299	Ружье двустольное охотничье в кавказской оправе с выложенной золотом надписью: «Е.И.В. Наследнику Цесаревичу В. Кн. Александру Николаевичу»
226	1300	Наруч персидский с набивными золотыми украшениями. Рукавица из мелких колец
227	1301	Две пороховницы персидские, маленькие
228	1305	Нагруска кавказская золоченого серебра с чернью, с тифлиским клеймом
229	1307	Ружье фитильное, убранное костяными вставками (афганской) с подставкою.
230	1308	Ружье среднеазиатское с подставкой, фитильное, приклад афганский
231	1309	Ружье египетское, приклад выложен костяными вставками и медными мозаичными гвоздями

232	1310	Ружье среднеазиатское, фитильное с афганским прикладом
233	1311	Ружье среднеазиатское (сибирское) фитильное с подставкой
234	1312	Ружье албанское с европейскими клеймами. Приклад убран тисненым серебром и красным вышитым сукном
235	1872	Меч африканский в кожаный ножнах с костяной рукояткой и медной крестовиной. При нем перевязь из раковин. Длина 109 см
236	1874	Щит двухгранный деревянный, больших Зондских островов, украшен костью, раковинами и раскрашенными человеческими волосами. Длина 115 см
237	1875	Малайский крис, змеевидное лезвие, ножны и рукоять деревянные, на рукояти бронзовая розетка, у основания филигранной работы. Длина 41 см
238	1876	Тесак индокитайский, острие на вогнутой части, в широких кожаных ножнах. Рукоятка деревянная. Длина 47 см
239	1877	Тесак индокитайский без ножен, рукоятка металлическая с гравировкой (изображения слонов). Длина 26 см
240	1878	Тесак индокитайский без ножен с костяной ручкой. Длина 38 см
241	1879	Крис малайский, змеевидное лезвие, деревянные ножны, рукоять утрачена. Длина 42 см
242	1880	Тесак малайский (бодис) в деревянных ножнах с деревянной рукояткой. Длина 40 см
243	1881	Бодис малайский в деревянных ножнах с деревянной рукояткой. Длина 40 см
244	1883	Меч малайский в деревянных, грубых, некрашеных ножнах с роговой рукояткой. Длина 73 см
245	1884	Тесак индийский, рукоять украшена растительным орнаментом (золотая насечка), в малиновых бархатных ножнах (поломанных), у основания золотая насечка. Длина 49 см
246	1885	Индийский рогач ножницеобразный, лезвие полированное, с золотой насечкой растительным орнаментом, рукоять покрыта золотой насечкой, ножны фиолетового бархата, обшиты двухцветной лентой. Длина 43 см

По следам коллекции оружия Великого князя Михаила Николаевича

247	1888	Бодис малайский без ножен, с роговой рукоятью, украшенной птичьей головой и цепочкой на крестовине. Длина 65 см
248	1889	Крис малайский в деревянных ножнах, рукоять утрачена. Длина 46 см
249	1890	Меч короткий с фигурным окончанием лезвия, деревянные ножны, обшитые медными пластинами, рукоятка деревянная резная с изображением головы дракона. М.б (так в описи. – Авт.), Индокитай. Длина 54 см
250	1891	Рогач индийский, ножницеобразный, лезвия волнистые, по краям рукоять со следами золотой насечки с сильной ржавчиной. Длина 51 см
251	1892	Рогач индийский, лезвие многодольное, рукоятка сильно поржавела, в красных бархатных ножнах. Длина 50 см
252	1893	Рогач индийский, лезвие четырехдольное, рукоятка со следами золотой насечки, сильно проржавевшая. Ножны малинового бархата с наконечником и бляшкой обронной работы, с изображением тигра. Длина 47 см
253	1894	Рогач индийский, лезвие двухдольное, орнамент рукоятки выпуклый, золоченый, местами с прорезью, в красных бархатных ножнах. Длина 47 см
254	1895	Тесак индокитайский, лезвие полированное с изображением полумесяца (новодел). Длина 71 см
255	1897	Нож из Непала жертвенный, без ножен. Длина 34 см
256	1898	Сиамский меч с утолщением загнутым лезвием, без ножен, рукоятка металлическая (поддельная) без ножен, сильно заржавел. Длина 66 см
257	1899	Шашка с металлической, восточного типа рукоятью, в черных шагреновых ножнах. Черенок трехдольный, генуэзский. Длина 99 см
258	1900	Меч сиамский, змеевидное лезвие, рукоять металлическая с орнаментом (поддельным). Ножны черные кожаные. Длина 81 см
259	1902	Шашка без ножен, казачья, рукоять кавказской работы, серебро с чернью. Клинок 3-дольный русский. Длина 96 см
260	1903	Сабля кривая персидская, клинок мелкосетчатого дамаска, пилообразный, рукоять восточного типа с прорезной дужкой (низкопробного серебра), ножны бархатные, малиновые. Длина 95 см

261	1904	Меч персидский, булатный с уширенным, но обоюдоострым концом, с золотой насечкой, на нем персидское клеймо и надпись из Корана. Рукоятка низкопробного серебра с позолотой. Ножны зеленого бархата, плохой сохранности. Длина 96 см
262	1905	Нож персидский кривой, клинок мелкого дамаска с гребнем на полуклинке, рукоять орнаментирована золотой насечкой. Ножен нет. Длина 37 см
263	1906	Бодис индокитайский, клинок двудольный с деревянной резной рукояткой, изображающей голову дракона. На рукояти надписи. Ножны деревянные, обвиты медной проволокой. Длина 68 см
264	1907	Топорик индийский стальной, лезвие прорезное с изображением двух слонов и тигра, рукоять стальная. Длина 65 см
265	1908	Клевец индийский прорезной, с костяной точеной рукояткой. Длина 43 см
266	1909	Нож охотничий, индийский, кривой, лезвие усилено гребнем, со следами золотой насечки. Рукоятка металлическая с дужкой без ножен. Длина 37 см
267	1911	Копье индийское с тремя лезвиями (два боковых серповидные), древко деревянное, на нижнем конце 4-гранный наконечник. Длина 21 см
268	1912	Нож индокитайский, обоюдоострый, кривой, со следами золотой насечки, рукоять металлическая, сильно покрыта ржавчиной, без ножен. Длина 46 см
269	1913	Сабля японская сборная, эфеса нет, ножны слоновой кости составные, покрыты резьбой, украшены тушью и краской. При сабле шнур. Длина клинка 99 см. 107 снт (так в описи. – <i>Авт.</i>)
270	1915	Секира персидская двухсторонняя, украшена травленным орнаментом и золотой насечкой, древко стальное с четырехгранным копьевидным навершием. Длина 91 см
271	1916	Нож персидский, лезвия нет, рукоятка резная костяная, ножны кривые, черного шагрены. Длина 42 см
272	1917	Нож охотничий индокитайский, рукоятка деревянная с легкой резьбой, ножны шагреньевые с гнездами для инструментов, наконечник бронзовый прорезной, при ножнах ремешок. Длина 49 см
273	1918	Меч индийский с наконечником в красных бархатных ножнах

По следам коллекции оружия Великого князя Михаила Николаевича

274	1920	Топорик клевец индийский, лезвие украшено золотой насечкой, древко металлическое. Длина 52 см
275	1921	Палица индийская (еж), древко металлическое, в рукояти два шара. Навершие четырехгранное копьевидное. Длина 90 см
276	1922	Кинжал немецкий с итальянским клеймом, XVI в., украшенный девизами и другими изображениями с золотой насечкой. Ножны орнаментированы нагими женщинами и фруктами барельефно. Длина 47 см
277	1923	Ружье охотничье, пистонное, одноствольное, отнято у браконьера. Сделано в Петербурге. Длина 122 см
278	1924	Сабля персидская, клинок мелкого константинопольского дамаска, прибор металлический с золотой насечкой, ручка костяная, ножны темной кожи с давленным орнаментом. Длина 92 см
279	1925	Сабля индоперсидская, клинок двудольный, места с золотой насечкой, рукоять металлическая с растительным орнаментом. Ножны зеленого бархата. Длина 97 см
280	1926	Меч индо-персидский обоюдоострый, с расширенным у основания лезвием, ручка покрыта золотой насечкой, ножны зеленые бархатные. Длина 87 см
281	1927	Меч индо-персидский обоюдоострый, с расширенным у основания лезвием, ручка покрыта золотой насечкой, ножны красные бархатные. Длина 87 см
282	1928	Сабля афганская, клинок широкий, полированный, рукоять стальная, ножны красного бархата. Длина 93 см
283	1929	Кинжал индийский, кривой, лезвие усилено греном, золотая насечка на основании лезвия и на стальной рукоятке растительный орнамент. Ножны зеленого бархата. Длина 37 см
284	1930	Меч хевсурский с изображением на лезвии фигур хевсуров, единорогов, животных и птиц, с роговой черной рукояткой, прибор железный. Длина 117 см
285	1931	Меч хевсурский с гравированным изображением на лезвии солнца и луны, рукоятка роговая, грубо резная. Ножны кожаные, утыканые гвоздиками, прибор железный. Длина 115 см

286	1932	Меч хевсурский с изображением воинов, рукоятка роговая, грубо резная. Ножны кожаные с помещением для шашлычной вилки. Прибор железный. Длина 101 см
287	1933	Меч хевсурский с травлеными изображениями надписей из Корана, рукоять роговая, ножен нет. Длина 107 см
288	1934	Меч хевсурский с гравированным изображением трехликой женщины. Рукоятка роговая, грубо резная. Ножны кожаные. Прибор железный. Длина 100 см
289	1935	Сабля пехотного образца, детская офицерская, с темляком, клинок златоуст, 1870 г. Длина 87 см
290	1936	Сабля пехотная детская, на дужке надпись «4 октября 1868 г.», офицерская, с темляком. Лезвие наполовину вороненое, с золотой арматурой. Длина 80 см
291	1937	Палаш морской, кадетский, форменный. Длина 92 см
292	1938	Шашка офицерская обр. 1881 г., с палашным клинком с изображением державы. Шашка в чехле. Лезвие проржавело. Длина 99 см
293	1939	Шашка офицерская обр. 1881 г., клинок тульского оружейного завода 1881 г. в чехле. Длина 99 см
294	1940	Шашка офицерская обр. 1881 г., клинок дамасский с маркой, отделан золотой насечкой. Клинок проржавел. Шашка в чехле. Длина 100 см
295	1941	Шашка офицерская, казачья, форменная, клинок однодольный, золингеновский. Длина 102 см
296	1942	Сабля офицерская, пехотная, 60-х гг., клинок однодольный, золингеновский. Длина 102 см
297	1943	Сабля офицерская пехотная с разрезной дужкой, клинок златоуст, 1858 г. Длина 100 см
298	1944	Сабля офицерская 40-х гг., клинок дамасский. Длина 107 см
299	1945	Шашка офицерская драгунская, уменьшенного образца. Клинок полированный. Длина 94 см
300	1946	Шашка офицерская пехотная, детская, рукоятка повреждена, клинок стальной, сильно проржавел. Длина 91 см
301	1947	Сабля офицерская кавалерийская, 90-х гг., клинок венгерский, трехдольный с изображением Мадонны и креста (гравированные). Длина 91 см

По следам коллекции оружия Великого князя Михаила Николаевича

302	1948	Кинжал образца, предложенного штабс-капитаном Ивановым, для вооружения артиллерии. Поднесен Великому князю Сергею Михайловичу. Длина 53 см
303	1949	Наваха – клинки восточные с надписями золотой насечкой. Ножны красного бархата. Длина 58 см
304	1950	Палаш германский, офицерский клинок золингеновский. Длина 103 см
305	1951	Шпага чиновничья железная, без ножен
306	1952	Револьвер шестизарядный системы Бертрана – Бревета в кобуре. Длина 25 см
307	1953	Штык детский, трехгранный, сильно проржавел. Длина 23 см
308	1954	Штык германский в ножнах. Длина 55 см
309	1955	Палаш кавалерийский детский, клинок железный, изогнут, ножен нет. Длина 85 см
310	1970	Копье, на навершии пучок перьев марабу, на нижнем конце копье. Древко бамбуковое, на навершии золотая насечка. Длина 371 см
311	1970-а	Копье, на навершии пучок перьев марабу, на нижнем конце копье. Древко бамбуковое, на навершии золотая насечка. Длина 371 см
312	1972	Копье индийское, втулка навершия покрыта золоченым растительным орнаментом. Длина 240 см
313	1973	Копье азиатское, лезвие змеевидное, проволочное, втулка навершия медная, граненая. Длина 224 см
314	1974	Рогач китайский (подделка), лезвия – одно мечевидное и два серповидных, натыйльник стальной. Длина 208 см
315	1975	Алебарда китайская (подделка). Длина 205 см
316	1976	Ружье пистонное, европейское, ствол восьмигранный, на дуле серебряная насечка. Длина 160 см
317	1977	Ружье Ижевского завода № 28622, 1852 г. Приспособленное для стрельбы дробинами
318	1978	Винтовка Пибоди – Мартини. Длина 120 см
319	1979	Винтовка германская без затвора, 1909 г. Длина 127 см
320	1982	Винтовка Пибоди – Мартини. Длина 120 см
321	1983	Винтовка Винчестера, укороченная. Длина 103 см
322	1984	Винтовка Манлихера № 76, с ремнем. Длина 126 см
323	1985	Винтовка Бердана № 2, со штыком № 3280, тульского завода, у прицела золотой инициал «М»

324	1986	Ружье фитильное кавказское, сломанное. Приклад украшен узорной металлической мозаикой. Ствол проволочной ковки
325	1996	Ружье фитильное кавказское, XVII в., украшенное серебром с чернью и гравировкой, с кожаной подушкой на прикладе. Длина 163 см
326	1997	Ружье фитильное китайское, ложа скреплена со стволом медными кольцами. Длина 166 см
327	1998	Карабин австрийский без затвора, 1890 г., очень плохой сохранности
328	1999	Кинжал турецкий, клинок дамасковый, двояковыпуклый, рукоять роговая, украшена филигранными розетками. Ножны шагреньевые. Длина 53 см
329	2000	Нож жертвенный южноазиатский, рукоять роговая с грубой резьбой. Лезвие к концу уширенное. Длина 75 см
330	2001	Шашка кавказская, клинок венгерский, рукоять серебряная с позолотой
331	2002	Сабля европейская с фигурным клинком в деревянных крашеных ножнах без наконечника. Прибор медный. Длина 80 см
332	2005	Стрела с серповидным лезвием
333	2006	Стрела с протазанным лезвием
334	2007	Рогатина индийская, ломаная, о 2-х лезвиях со следами золоченого орнамента, без ножен. Длина 40 см
335	2009	Нож малайский, с роговой рукояткой без ножен. Длина 38 см
336	2010	Шашка сборная в темно-зеленых ножнах
337	2011	Ружье фехтовальное
338	2012	Ружье фехтовальное
339	2139	Шашка кавказская в металлических ножнах, украшенная золотом и вензелем «С. М.» (поврежденная)
340	2040	Ружье охотничье пистонное
341	2140	Ножны резные, 24 штуки
342	2004	Мерка для пороха, стальная, вороненая
343	1282	Топорик
344	1283	Лук
345	1284	Лук
346	1286	Лук
347	1297	Лук

По следам коллекции оружия Великого князя Михаила Николаевича

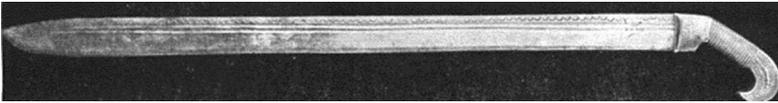
348	2145	Меч индийский с ятаганым клинком, рукоять с золотой насечкой, ножны розового бархата
349	2146	Меч малайский, голова эфеса костяная
350	2147	Нож малайский с кривой ручкой
351	2148	Обломок эспадрона с индийским эфесом
352	2149	Палаш индийский с золотой набивкой, железный эфес в бархатных ножнах
353	2150	Бердыш восточный
354	2151	Сабля казачья с вензелем «Е II» и астраханским гербом
355	2152	Шашка русская, ножны и португеза новодельные
356	2153	Кинжал индийский кривой, с костяным эфесом
357	2154	Копье индийское
358	2155	Копье индийское
359	2156	Шпага французская, придворная
360	2157	Печак (нож) азиатский
361	2158	Наконечник копья
362	2160	Берданка казачья, разбита под Горным Дубняком на казаке Гурбине
363	2161	Кольчуга с налокотниками и шишаком персидским с позолотой, стрелой и кольчужной сеткой
364	2162	Винтовка Бердана разрезная
365	2163	Винтовка Бердана драгунская
366	421	Ящик с разрозненной pistolетной принадлежностью
367	422	Ящик с разрозненной принадлежностью к охотничьему ружью
368	423	Ящик с разрозненной принадлежностью к охотничьему ружью
369	408	Ящик с разрозненной принадлежностью к охотничьему ружью
370	410	Ящик с разрозненной принадлежностью к охотничьему ружью
371	411	Ящик с разрозненной принадлежностью к охотничьему ружью
372	413	Ящик с разрозненной принадлежностью к охотничьему ружью
373	442	Ящик с pistolетными пулями
374	443	Ящик с разрозненной принадлежностью к охотничьему ружью
375	444	Пулелейка
376	445	Пулелейка

377	446	Револьвер системы Верлей (по всей видимости, имеется в виду система Веблей)
378	2999	Щит с золотой насечкой с изображением человеческого лица и четырьмя полушариями
379	3000	Щит с золотой насечкой по ободу и четырьмя полушариями с насечкой
380	3001	Щит, сплошь покрыт золотой насечкой
381	3002	Щит, сплошь покрыт золотой насечкой
382	3003	Щит с накладными изображениями зверей
383	3004	Щит с рельефным эмалевым изображением людей
384	3005	Щит, сплошь покрытый золотой насечкой с четырьмя розетками
385	3006	Щит медный с рельефными изображениями людей и зверей
386	3007	Щит кожаный с изображениями зверей
387	3008	Щит металлический с золотой насечкой
388	3009	Шлем с двумя рогами и шишаком
389	3010	Пистолет кавказский курковый, гладкоствольный, ложе украшено серебряной насечкой
390	3011	Пистолет кавказский курковый, гладкоствольный, ложе украшено серебряной насечкой
391	3012	Пистолет кремневый, гладкоствольный, европейский
392	3013	Рукоять топорика украшена инкрустацией из слоновой кости. 1752 г.
393	3014	Сабля японская в костяных резных ножнах, повреждена
394	3014-а	Пороховница кавказская
395	3015	Ружье албанское кремневое, нарезное, украшено перламутром и медью
396	3016	Штуцер кремневый, восточный
397	3017	Лук
398	3018	Лук
399	3019	Полное оборонительное вооружение самурая
400	3020	Пули старинные различных образцов, 7 шт.

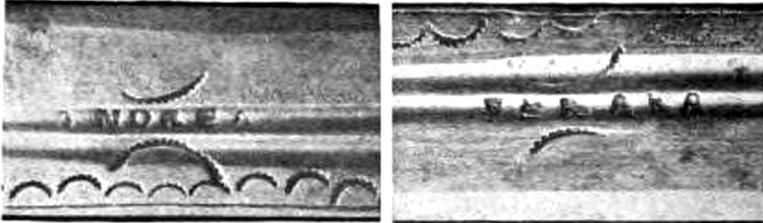
Несколько предметов из этой ведомости уже были выявлены и опубликованы благодаря наличию монограммы Михаила Николаевича, а также на основании записей в научно-инвентарных карточках Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, с указанием принадлежности великому князю. Эти предметы были опубликованы ранее в кни-

ге А.Н. Кулинского «Оружейные реликвии дома Романовых» (Санкт-Петербург, 2012) и в его же статье «Прусская сабля и кавказская винтовка Великого князя Михаила Николаевича» в «Сборнике исследований и материалов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи» (вып. X, СПб., 2015. С. 420–433). Это, например, «винтовка русская капсюльная целевая, середина XIX в. (инв. № 30/36)», в ведомости числится под номером 92 (номер Военно-музейного фонда 587) как «ружье охотничье гладкоствольное с инициалами М. Н.»; «сабля кавалерийская офицерская обр. 1827 г., золотое оружие» (инв. № 114/396), записана как «сабля офицерская, 1827 г.» под номером 56 (номер ВМФ – 307), а винтовка кремневая кавказская (черкесская?) начала 1860-х гг. с надписями «Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Николаевичу оть войск Адагумскаго Отряда, 22 февраля 1863 г. Дело съ Абадзехами въ лесу Четуукъ» (инв. № 2/571ОЦФ) числится в описи под номером 28 (номер ВМФ – 256) как «ружье восточное кремневое нарезное, на прикладе на дощечке надпись: “От войск отряда 28 февраля 1963 года”».

Два предмета из коллекции Михаила Николаевича удалось выявить благодаря статье «Eine Sabelstudie» («Трактат о сабле») известного оружейведа Эдуарда фон Ленца, опубликованной в Дрездене, в 1912 г., на немецком языке, в издании «Zeitschrift für Historische Waffenkunde». В этой статье Ленц описывает два кавказских предмета клинкового оружия из коллекции Михаила Николаевича, на клинках которых было выбито имя оружейного мастера Андреа Ферара: «Случайно, при просмотре коллекции оружия, которая хранится в Новомихайловском дворце в Санкт-Петербурге, в резиденции ныне покойного Великого князя Михаила Николаевича, в свое время наместника Его Императорского Величества на Кавказе, автору попались на глаза два клинка Ферара в кавказской оправе. Публикация их описания может быть интересна широкому кругу знатоков оружия. Я испросил разрешения опубликовать описание этих двух экземпляров, чтобы сделать их доступными для оценки авторитетными специалистами, и их Императорское Величество Великий князь Николай Михайлович (сын Великого князя Михаила Николаевича. – *Авт.*) самым любезным образом разрешил мне сделать это». Помимо подробных описаний и размеров, в статье приводятся так-

Ил. 4. Грузинский палаш, опубликованный в статье Э. фон Ленца «Eine Sabelstudie» («Трактат о сабле»)

Ил. 5. Фрагмент грузинского палаша с надписью ANDREA FERARA на клинке (из статьи «Eine Sabelstudie»)

же фотографии этих предметов. Далее следует описание первого предмета: «На рисунке показано рубящее оружие с прямым, широким однолезвийным клинком. Эта шашка преподнесена в подарок Великому князю Михаилу Николаевичу в 1867 году от членов мегрельского княжеского рода Дадиани. На ее серебряном позолоченном эфесе, рукоять которого имеет значительный наклон по направлению к лезвию клинка, есть две надписи на грузинском языке. Одна надпись выполнена методом прессования с плоским рельефом: “Дади (ани)”, и другая надпись гравирована: “Казиа Дадиани. Сработано Георгом, сыном Антония”. Размеры этого экземпляра с каталожным номером 1313 составляют: общая длина 88 см, длина клинка 76 см, ширина у основания 4 см» (ил. 4–6).

Про второй предмет написано следующее: «...второй клинок Ферара из той же коллекции (каталожный номер 1144), в исполнении, типичном для “шашки” – кавказской сабли с едва заметным изгибом, с гладким эфесом, как у ятагана, совершенно без защиты руки (без гарды). Ножны отсутствуют. Общая длина 86 см, длина клинка 73,5 см, ширина у основания 3 см»¹⁷.

В приведенной выше ведомости можно видеть два предмета, имеющих на клинках надписи с именем мастера Андреа Ферара. Это предмет под порядковым номером 201 (номер ВМФ – 1255), который записан как «сабля грузинская, клинок с именем

Ил. 6 . Фрагмент грузинского палаша с надписями на грузинском языке, указывающими на принадлежность владельческому князю Мергелии Дадиани (из статьи «Eine Sabelstudie»)

мастера Андрея Феррара, ножны в красном чехле», и предмет под номером 221 (номером ВМФ – 1281) – «шашка кавказская, мастера Андрея Феррара, со знаками зубчатых полумесяцев».

Благодаря приведенным в статье описаниям, размерам и изображениям удалось выявить эти предметы в собрании музея. Первый предмет, о котором идет речь, может быть соотнесен с грузинским клинковым оружием, который из-за прямого клинка будет правильнее назвать не саблей или шашкой, а палахом типа кабиани¹⁸ (инв. № 109/374 ОЦОФ), датируемым XVIII – первой половиной XIX вв. (ил. 7–8). Палаш имеет прямой односторонний клинок, острие которого смещено к линии обуха, с двумя долами разной длины, идущими от основания и почти до самого конца клинка. С обеих сторон клинок украшен гравированными изображениями изогнутых линий с зубцами, с левой стороны надпись «ANDREA», справа: «FERARA». Эфес состоит только из рукояти. Оси клинка и рукояти находятся под тупым углом, головка рукояти клювовидная, загнута к лезвию клинка. Рукоять деревянная, в сечении прямоугольная, облицована серебром с позолотой. У основания клинка имеется серебря-

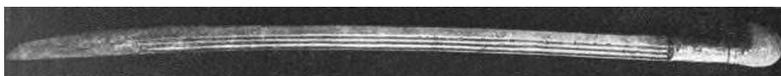
Ил. 7. Грузинский палаш *кабиани* (инв. № 109/374ОЦОФ)

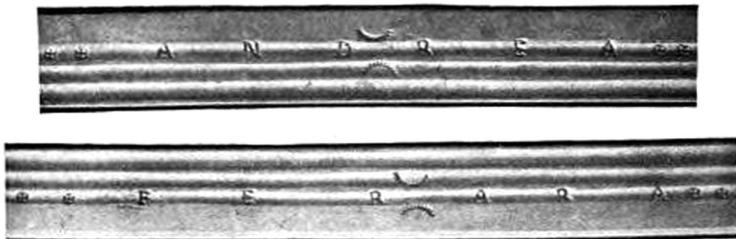
Ил. 8. Фрагмент грузинского палаша *кабиани* (инв. № 109/374 ОЦОФ) с надписью «ANDREA»

ная позолоченная накладка, на которой сверху, со стороны обу-
ха, имеется надпись, выполненная чеканкой: «დადიანი» (Дади-
ани); с левой стороны – гравированная надпись: «დადიანი კაცია კ ბატონი(ს)შვილი
ქ ბატონისძვილ ოგორგო» (Дадиани Кация К Батони(с)швили
Гиорги) (перевод сделан В.Б. Кизириа). С правой стороны на-
кладки – рамка, с гравированным растительным орнаментом.
Размеры: общая длина 88 см. Длина клинка 76 см. Ширина 4 см.
Ножны с красным чехлом («юбкой»), про которые упоминается
в статье и в приемо-сдаточной ведомости № 4, не сохранились.
Про поступление в документах музея отмечено лишь, что палаш
поступил до 1935 г. Можно отметить, что внешний вид, надписи
и размеры данного предмета полностью совпадают с указанны-
ми в статье Э. Ленца, разве что имеются небольшие различия
в прочтении грузинских надписей на клинке: имя «Кация» было
прочитано как «Казиа», а фамилия Батони(с)швили – как «сын
Антония».

Известны два владетельных князя Мегрелии, которые носили
имена Кация Дадиани. Дадиани – две династии владельных кня-
зей Мегрелии. Первая династия правила с 1323 по 1691 гг. В это
время возникла смута, и князья Дадиани уехали в Россию, где
приняли российское подданство. Основателем второй династии
был Кация Чиковани из небогатого дворянского рода, ставший

Ил. 9. Шашка кавказского образца из статьи «Eine Sabelstudie»

Ил. 10. Шашки кавказского образца с надписью ANDREA FERARA, выбитой на клинке (из статьи Ленца)

основателем второй династии Дадиани и принявший фамилию Дадиани. Династия эта правила княжеством с 1704 по 1867 гг. Кация Дадиани Второй – владетельный князь Мегрелии (1758–1788)¹⁹. Надо отметить, что Д.П. Струков в описании предметов вооружения из числа преподнесенных в дар Великому князю также упоминает про оружие, подаренное князьями Дадиани.

Второй выявленный предмет из собрания музея, чье описание и фотография совпадают с теми, что были приведены в статье Ленца (ил. 12–13), это шашка кавказского обр. XIX в. (инв. № 117/293ОЦФ). Шашка имеет клинок стальной, однолезвийный, с тремя узкими долами. На левой стороне клинка выбита надпись ANDREA, изображения гурды (скобок с зубцами) и четырех клейм в виде двух перекрещенных букв «I». С правой стороны клинка имеется надпись FERARA, изображения гурды и также четыре клейма в виде двух перекрещенных букв «I». Рукоять раздвоенная в серебряной оправе, украшена чернью и гравировкой в черкесском стиле, крепится двумя заклепками с серебряными головками. Общая длина 86 см, длина клинка 73,5 см, ширина (у основания) 3 см (ил. 9–13).

Помимо этих предметов вооружения, удалось выявить еще один из числа принадлежавших великому князю благодаря наличию записи о поступлении в одной из книг учета музея – 1935–1936 гг.²⁰ В этой книге под номером № 952 записан «кинжал персидский, клинок изогнутый, дамасковый, на пяте с обе-

Ил. 11. Шашка кавказского образца (инв. № 117/293ОЦФ)

Ил. 12–13. Фрагменты клинка шашки кавказского образца (инв. № 117/293ОЦФ) с надписями ANDREA FERARA

их сторон изображение различных зверей. По длине клинка с обеих сторон – грань. Рукоять белой кости, резная, с разными надписями, узорами, птицами и изображениями персиянки. Без ножны (клинок имеет раковины)», а в графе «Поступление» имеется пометка о принадлежности его Великому князю Михаилу Николаевичу и указаны старые номера, по всей видимости Военно-музейного фонда (№ 1845). По старому номеру 952 стало возможно установить нынешний номер данного кинжала (инв. № 0121/387) и выявить сам предмет. Это иранский кинжал, с булатным изогнутым, двулезвийным клинком, с ребром по средней линии, с незначительным расширением у рукояти. Верхняя часть клинка с обеих сторон украшена резьбой и гравировкой в виде изображения львов, терзающих лань. Рукоять из моржовой кости, с расширениями в верхней и нижней части рукояти, украшена резьбой: с левой стороны изображением фи-

Ил. 14. Кинжал иранский (инв. № 0121/387), принадлежавший Великому князю Михаилу Николаевичу

гуры иранца в национальной одежде и с кинжалом за поясом и арабографическими надписями в верхней и нижней частях рукояти; с правой – изображение солнца с антропоморфными чертами лица и птиц на фоне, покрытом растительным орнаментом. Общая длина 33,3 см. Длина клинка 22,4 см. Ширина клинка 4,3 см. Клинок имеет следы коррозии (ил. 14).

Интересно, что предмета с номером 1845 нет ни в ведомости № 4 в числе предметов, поступивших из Ново-Михайловского дворца, ни в каком-либо другом акте поступления 1925 г. Можно лишь предположить, что этот кинжал поступил в Артиллерийский музей из коллекции князя другим путем, например через имущество Военного историко-бытового музея. Как известно, в состав этого музея, наряду с прочим, вошла и часть имущества бывшего музея великого князя из числа того, что не было передано Артиллерийскому музею в 1925 г.²¹

Многие предметы в приведенной выше ведомости № 4 имеют сходство с предметами, хранящимися ныне в собрании музея, чье происхождение точно не известно на сегодняшний день. Так, например, в ведомости под порядковым номером 236 и номером ВМФ 1874 указан деревянный щит: «...двухгранный деревянный, больших Зондских островов, украшен костью, раковинами и раскрашенными человеческими волосами. Длина 115 см».

В музее есть единственный щит такого типа, про поступление которого нет точной информации, известно только, что он был принят на учет в 1970 г. вместе с другими предметами, в силу разных причин ранее на учет не поставленными. Это щит, называемый *канта*, XVIII–XIX вв. (инв. № 0138/442). (Щит типа *канта* служил в качестве защитного вооружения у народа *тораджи*, жившего на Централь-

Ил. 15. Щит *канта* (о. Сулавеси) (инв. № 0138/442), предположительно из коллекции Великого князя

ном Сулавеси, районе Посо. Остров Сулавеси относится к Большим Зондским островам.) Щит вырезан из цельного куска дерева, узкий, с острым углом в передней части, в сечении V-образной формы. С внешней стороны украшен пучками шерсти козы, окрашенными в коричневый, рыжий и серый цвета, располагающимися в несколько рядов, а также рядами из раковин каури и треугольных костяных вставок, оплетен прутьями ротанга. С внутренней части щита вырезана деревянная ручка. Длина 113 см. Ширина 14 см (ил. 15). Но можно видеть, что размеры щита немного отличаются, и, кроме того, к сожалению, пока нет точных сведений о его источнике поступления, что не позволяет однозначно утверждать о его происхождении из коллекции великого князя.

Есть и другие предметы, чьи описания во многом совпадают с теми, что были приведены в ведомости, но лишь дальнейшее углубленное исследование, возможно, будет способствовать выявлению новых предметов из коллекции Великого князя Михаила Николаевича.

¹ Струков Д.П. Музей имени Великого князя Михаила Николаевича. СПб., 1911. С. 17–18.

² Известно, что 24 мая 1855 г. возле Гангута английский фрегат *Cossack* спустил катер для переправки части экипажа на берег. Половина людей при высадке была захвачена командой русских солдат, оставшиеся английские моряки стали отходить от берега, по ним был открыт огонь, а катер был захвачен и затоплен. В качестве трофеев были взяты ружья, патроны к ним и кормовой английский флаг. Вероятно, среди этих трофеев и находился упоминаемый палаш. См.: Шкваров А. От Гангута до Балкан. 2011. (Электронный ресурс). URL: <http://www.proza.ru/2011> (свидетельство о публикации 211081401391). Описание предмета можно видеть в описи под порядковым номером 59 и номером Военно-музейного фонда 310. – *Авт.*

³ Струков Д.П. Указ. соч. С. 11–12.

⁴ Там же. С. 13.

⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/17. Ед. хр. 1. Л. 123.

⁶ Пузинский Владимир Францевич (1877–1931) – полковник лейб-гвардии Московского полка. После революции занимал ряд должностей в Военно-музейном фонде. С 17 марта 1925 был назначен заведующим отделом военного имущества. Расстрелян в 1931 по «Академическому» делу. – *Авт.*

⁷ Крутецкий Александр Александрович (1881–1958) окончил Александровский кадетский корпус и вечерний факультет Санкт-Петербургской Академии художеств по классу пейзажа. Служил поручиком 95-го Красноярского полка, с 1904 – офицер-воспитатель в 1-м кадетском корпусе. С 1910 – заведующий музеем 1-го кадетского корпуса и музеем Меншикова, с 1913 – преподава-

тель в 1-м кадетском корпусе, с 1914 – и в Интернациональной военной школе, к 1917 – полковник. В июне 1917 – член комиссии по преобразованию кадетских корпусов в гимназии военного ведомства. В 1918 – член Художественной комиссии по охране памятников искусства и старины при Комиссариате по просвещению РСФСР. До марта 1925 занимал должность заведующего отделом военного имущества Государственного музейного фонда, участвовал в создании музея военно-учебных заведений. Затем исполнял обязанности хранителя музея старых военно-учебных заведений и Меншиковского музея. В октябре 1925 был арестован и заключен в тюрьму. – *Авт.*

⁸ Белавенец Петр Иванович (1873–1932) – российский военный историк, геральдист, заведовал Знаменным отделом Отдела охраны памятников искусства при Наркомате просвещения, заведовал Суворовским музеем, также был сотрудником Артиллерийского исторического музея. – *Авт.*

⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/6. Ед. хр. 38. Л. 1.

¹⁰ Там же. Ф. 1Р. Оп. 1. Ед. хр. 146. Л. 24.

¹¹ Там же. Ф. 52. Оп. 110/6. Ед. хр. 35. Л. 99.

¹² Там же. Л. 112. Габаев Георгий Соломонович (1877–1956) – офицер русской армии, военный историк, занимал ряд должностей по музейному и архивному ведомству. – *Авт.*

¹³ Там же. Л. 162.

¹⁴ Там же. Ед. хр. 61. Л. 82.

¹⁵ Там же. Оп. 110/17. Ед. хр. 3. Л. 1–12.

¹⁶ Там же. Ед. хр. 9. Л. 7–10.

¹⁷ Lenz E. Eine Sabelstudie // Zeitschrift für Historische Waffenkunde. В. 6. Dresden, 1912. S. 187–188.

¹⁸ Кабиани называют грузинские палаши и сабли с эфесами без гарды, с клювообразной рукоятью и ножами, имеющими так называемую «юбку» (каба), наподобие чехла. – *Авт.*

¹⁹ Бобринский А. Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Всероссийской империи. Ч. 1. СПб., 1890. С. 238.

²⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3Р. Оп. 112. Ед. хр. 18. Л. 239.

²¹ Там же. Ф. 52. Оп. 110/6. Д. 61. Л. 126.

С.Н. Антрейкин (Москва)

ПОЛКОВОДЧЕСКОЕ ИСКУССТВО Г.К. ЖУКОВА В БЕРЛИНСКОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

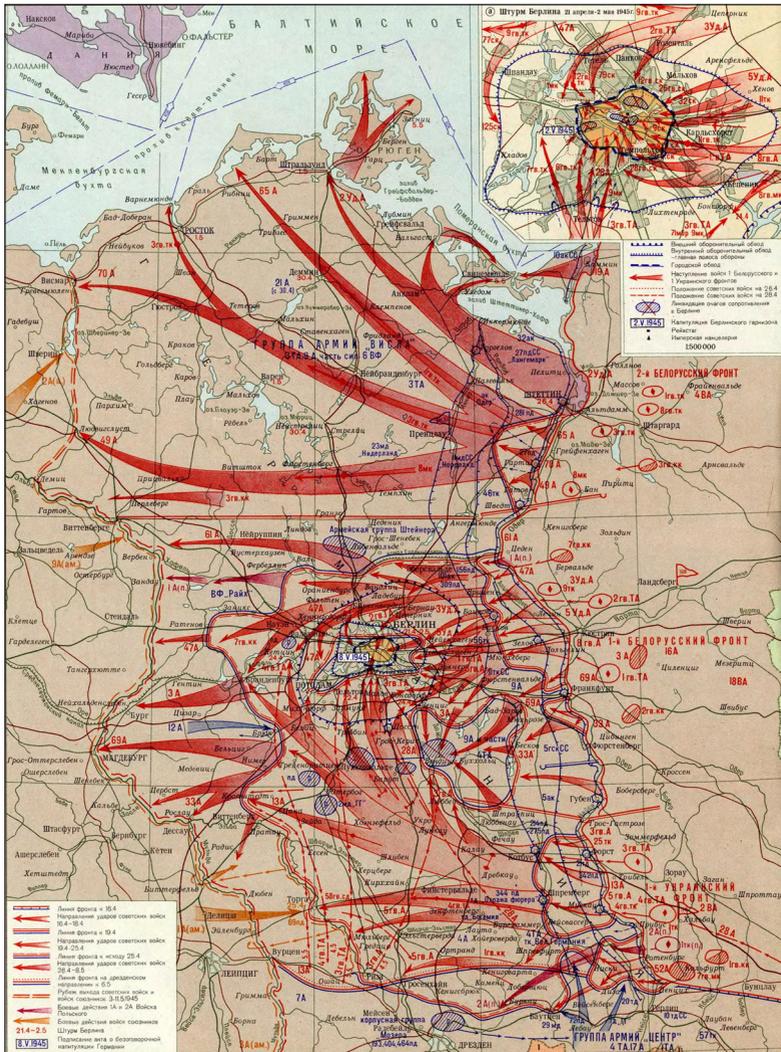
СОВЕТСКОЕ Верховное Главнокомандование (ВГК), планируя Берлинскую стратегическую наступательную операцию, исходило из согласованных на Ялтинской конференции (4–11 февраля 1945 г.) решений об оккупации и разделе Германии на оккупационные зоны.

Замыслом операции (ил. 1) предусматривалось мощными ударами войск трех фронтов (2-го и 1-го Белорусских и 1-го Украинского) прорвать оборону противника по Одере и Нейсе и, развивая наступление в глубину, окружить основную группировку немецких войск, расчленив ее и в последующем уничтожить по частям, выйти на Эльбу.

После обсуждения деталей плана операции в Ставке было решено наступление на Берлин начать, не дожидаясь поддержки 2-го Белорусского фронта, чьи основные силы решали задачу ликвидации группировок противника в районе Данцига и Гдыни. Хотя 1-му Белорусскому фронту под командованием Маршала Советского Союза Г.К. Жукова предстояло наступать в первые дни с открытым правым флангом, ждать было нельзя – Сталину поступала достоверная информация о том, что германское руководство активизировалось в поисках сепаратных соглашений с английским и американским правительствами. Представлялось весьма вероятным, что немцы прекратят всякое сопротивление на западе и откроют англо-американским войскам дорогу на Берлин, лишь бы не сдать его русским.

2 апреля 1945 г. Ставкой Верховного Главнокомандования маршалу Г.К. Жукову была направлена директива, в соответс-

Полководческое искусство Г.К. Жукова в Берлинской операции

Ил. 1. План Берлинской стратегической наступательной операции

твии с которой 1-му Белорусскому фронту предписывалось «подготовить и провести наступательную операцию с целью овладеть столицей Германии городом Берлин и не позднее двенадцатого – пятнадцатого дня операции выйти на р. Эльба»¹.

Командующий войсками 1-го Белорусского фронта решил нанести главный удар силами пяти общевойсковых и двух танковых армий с кюстринского плацдарма непосредственно на Берлин с востока, обходя его с севера и северо-востока. На направлении главного удара в первом эшелоне наступали 47-я армия, 3-я и 5-я ударные и 8-я гвардейская армии, которые разворачивались на кюстринском плацдарме. За ними сосредоточивались 2-я и 1-я гвардейские танковые армии и 3-я армия, составлявшая резерв фронта.

Основные силы главной ударной группировки фронта (3-я и 5-я ударные, 8-я гвардейская армии), нанося удар на Берлин с востока, должны были разгромить войска противника, оборонявшие город, и овладеть Берлином². С севера и юга предусматривалось нанесение двух вспомогательных ударов силами двух общевойсковых армий каждый.

Перед командующим 1-м Белорусским фронтом стояла задача – как можно быстрее захватить столицу Третьего рейха. Однако Берлинская наступательная операция не вписывалась в каноны проведения уже проверенного на опыте последних лет наступления групп фронтов.

Обстановка, в которой должен был действовать 1-й Белорусский фронт, была очень специфической. Главный удар наносился с плацдарма западнее Кюстрина силами пяти общевойсковых и двух танковых армий. Общевойсковые армии должны были в первый же день прорвать главную полосу обороны противника глубиной 6–9 км. Затем для развития успеха планировалось ввести в сражение танковые армии. При этом положение врага и местность не позволяли принять иное решение. Поэтому был избран фронтальный удар с целью рассеять сосредоточенные на кратчайшем пути к столице Третьего рейха силы в направлении Кюстрин, Берлин. Прорыв осуществлялся на широком фронте – в 44 км (25 % всей протяженности 1-го Белорусского). Обуславливалось это тем, что прорыв на широком фронте исключал маневр противника с целью прикрытия Берлина с востока.

Противник ставился в такое положение, когда он не мог ослабить фланги без риска предоставить возможность советским войскам охватить Берлин с севера и юга. В то же время он не мог и усилить фланги за счет центра, так как это ускорило бы продвижение советских войск на главном направлении наступления.

Ил. 2. Г.К. Жуков за разработкой плана проведения Берлинской наступательной операции в штабе 1-го Белорусского фронта

В последнее время часто задается вопрос: почему советские войска просто не попытались окружить Берлин? Однако сторонники целесообразности окружения Берлина упускают из виду очевидный вопрос о качественном и количественном составе гарнизона города. Немецкая 9-я армия, занимавшая оборонительные полосы на Одере, насчитывала до 200 тыс. человек. Им нельзя было дать возможность отойти в Берлин. О целях немецкого командования в этот период ясно выразился командующий 9-й армией вермахта генерал пехоты Т. Буссе: «Мы будем считать свою задачу выполненной, если нам в спину ударят американские танки».

Командующий 1-м Белорусским фронтом учитывал опыт штурмов ранее объявленных немцами крепостями окруженных городов. Например, изолированный Будапешт оборонялся с конца декабря 1944 г. по 10 февраля 1945 г. Поэтому маршал Г.К. Жуков (ил. 2) разработал простой и оптимальный план. Если танковым армиям удастся вырваться на оперативный простор, они должны выйти на окраины Берлина и образовать своего рода «кокон» вокруг немецкой столицы, который препятствовал бы усилению гарнизона за счет 200-тыс. 9-й армии или ре-

зернов с запада. Входить в город на данном этапе не предполагалось. С подходом же общевойсковых армий Берлин предусматривалось штурмовать уже по всем правилам.

В соответствии с директивой Ставки ВГК от 2 апреля, танковые армии 1-го Белорусского фронта должны были обходить Берлин с севера и северо-востока. Однако в ходе планирования операции маршал Г.К. Жуков изменил задачу 1-й гвардейской танковой армии. Он приказал ее командующему генерал-полковнику танковых войск М.Е. Катукову наступать южнее города, чтобы уже на второй день выйти к нему, а затем на западной окраине соединиться со 2-й гвардейской танковой армией генерал-полковника танковых войск С.И. Богданова, которой предстояло продвигаться севернее столицы Третьего рейха.

С военной точки зрения изменение задачи танковой армии было вполне обоснованным. Она могла быстрее общевойсковых армий выйти на южную окраину Берлина и лишить гарнизон противника возможности получать помощь с юга. Сталин утвердил новое решение командующего и, когда тот изложил свои доводы, заявил Г.К. Жукову: «Действуйте, как считаете нужным, вам на месте виднее».

По существу, после окружения группы армий «Б» генерал-фельдмаршала В. Моделя американскими войсками в Руре, 11 апреля сопротивление немецких войск на западе прекратилось. С 16 апреля на Западном фронте началась массовая сдача солдат и офицеров вермахта в плен. Вместе с тем на Восточном фронте сопротивление немецких войск оставалось отчаянным до фанатичности.

Советское командование внимательно следило за всем, что происходило здесь в полосе наступления. Так, в ходе проведения 13 и 14 апреля разведки боем, «в траншеях противника были захвачены русские патроны, которые заряжены не порохом, а взрывчатым веществом»³. Командующий фронтом приказал разъяснить бойцам и офицерам цели врага и для избежания несчастных случаев и порчи оружия запретить использовать патроны, взятые в траншеях противника.

Надо учитывать, что опыт почти четырехлетней войны научил многому обе воюющие стороны. Значит, надо было предпринять что-то новое, неожиданное для противника, что-то, к чему он не был готов. И маршал Г.К. Жуков объявляет наступле-

ние войск фронта не с рассветом, как обычно, а ночью после короткой артподготовки и начинает атаку внезапным применением 143 мощных прожекторов, чтобы ослепить противника, подавить его не только огнем, но и психологически. Главным в принятом решении командование 1-го Белорусского фронта считало возможность удлинить первый, самый ответственный день операции. Да, лучам прожекторов мешали поднятая пыль и дым от разрывов, ослепить немцев несколькими прожекторами на километр было нереально. Но главная задача была решена: наступление 16 апреля удалось начать раньше. Более того, подсвеченные прожекторами позиции были преодолены довольно быстро. Трудности возникли в конце первого дня операции: левофланговые 8-я гвардейская (генерал-полковник В.И. Чуйков) и 1-я гвардейская танковая армии уперлись в Зееловские высоты, правифланговые 5-я ударная (генерал-полковник Н.Э. Берзарин) и 2-я гвардейская танковая армии с трудом продвигались в сети ирригационных каналов на левом берегу Одера.

Особенность обороны противника состояла в том, что за первой оборонительной полосой сразу же шла вторая, а за ней находились укрепления в населенных пунктах до Берлина. Прорвать за один день две полосы обороны стало непосильной задачей для общевойсковых армий.

Г.К. Жуков вспоминал: «К 13 часам я отчетливо понял, что огневая система обороны противника здесь в основном уцелела и в том боевом построении, в котором мы начали атаку и ведем наступление, нам Зееловских высот не взять. Для того чтобы усилить удар атакующих войск и наверняка прорвать оборону, мы решили, посоветовавшись с командармами, ввести в дело дополнительно обе танковые армии генералов М.Е. Катукова и С.И. Богданова»⁴.

Командующий фронтом приказал продолжать наступление ночью и к утру прорвать вторую полосу обороны, для чего сосредоточить на участках прорыва 250–270 орудий и минометов на 1 км фронта и провести 30–40-мин. артиллерийскую подготовку. При этом Г.К. Жуков потребовал от командармов не втягиваться в затяжные бои за сильные опорные пункты противника, а обходить их, передавая задачу уничтожения гарнизонов последнего частям второго и третьего эшелонов армий. В целях создания паники у врага и дезорганизации работы его тыла, ко-

ман্দующий войсками фронта 17 апреля приказал всем командующим армиями «выбросить в тыл противника отряды с задачами: занимать переправы, узлы дорог, дефиле и расстреливать огнем проходящие войсковые и тыловые колонны, разрушать узлы и линии связи»⁵.

Анализируя итоги первых двух дней наступления, Г.К. Жуков требовал от командующих и командиров активизации действий, указывал на необходимость устранения выявленных недостатков. В частности, на неумелые и нерешительные действия войск указывалось командующим 69-й армии генерал-полковнику Колпакчи, 1-й и 2-й гвардейских танковых армий⁶.

Оборона противника на основных участках у Зееловских высот была прорвана к исходу 17 апреля. Кризис миновал, когда одной из механизированных бригад 2-й гвардейской танковой армии удалось установить слабое место в обороне врага и прорваться вглубь немецких порядков. Командующий фронтом немедленно воспользовался этим, и в пробитую брешь сначала вошел механизированный корпус, а за ним последовали главные силы двух танковых армий. Оборона на одерском рубеже рухнула уже на третий день сражения. Ввод германским командованием резервов не смог переломить ситуацию: 1-я и 2-я гвардейские танковые армии обошли их с двух сторон и устремились к Берлину.

Потери на Зееловских высотах часто смешивают с потерями во всей Берлинской операции. Уместно напомнить, что безвозвратные потери советских войск в операции составили более 78 200 чел., а общие – более 352 400 чел.⁷ Это потери трех фронтов, наступавших в полосе шириной 300 км – т. е. 2-го и 1-го Белорусских, 1-го Украинского. Реально общие потери 8-й гвардейской и 69-й армий в период наступления в полосе Зееловских высот составили около 20 000 чел., а их безвозвратные потери – около 5000 чел. Кроме того, если брать потери фронтов, как показано в табл. 1, в процентном отношении к их численности, что более правильно, видно, что в 1-м Белорусском маршала Г.К. Жукова они меньше (4,1 %), чем в 1-м Украинском фронте маршала И.С. Конева (5 %). А ведь именно 1-й Белорусский наступал на направлении наиболее укрепленной обороны противника. И говорить здесь о Г.К. Жукове как о полководце, который не жалел людей, просто неуместно.

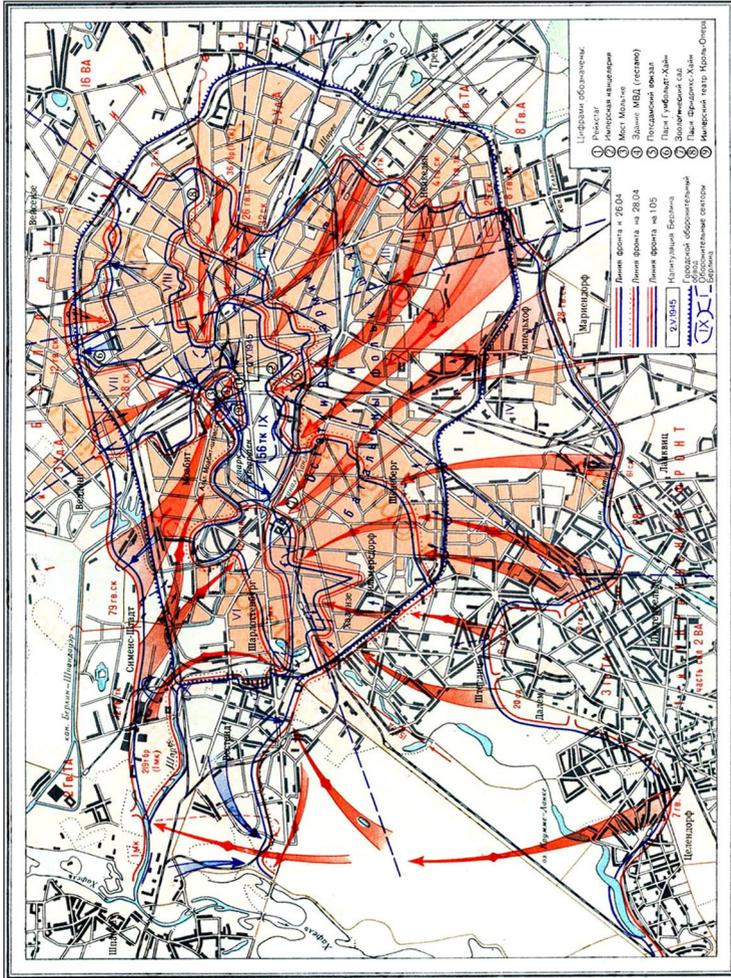
**Соотношение потерь 2-го и 1-го Белорусских,
1-го Украинского фронтов в Берлинской
стратегической наступательной операции⁸**

Потери в операции, чел.	2-й Белорусский фронт (Рокоссовский К.К.)	1-й Белорусский фронт (Жуков Г.К.)	1-й Украинский фронт (Конев И.С.)
Численность войск	441 600	908 500	550 900
Потери в операции (общие)	59 110	179 490	113 825
Процент	13,4	19,7	20,7
Безвозвратные потери	13 070	37 610	27 580
Процент	3	4,14	5

21 апреля части 3-й ударной (генерал-полковник В.И. Кузнецов), 2-й гвардейской танковой и 47-й (генерал-лейтенант Ф.И. Перхорович) армий, преодолевая ожесточенное сопротивление противника, прорвались на окраины Берлина и завязали сражение в городе (ил. 3). К исходу того же дня 8-я гвардейская и 1-я гвардейская танковые армии также вклинились в городскую оборонительный обвод⁹.

Жуков, внимательно следя за ходом боевых действий на улицах Берлина, своевременно уточняет задачи по использованию родов войск и специальных войск. 22 апреля он направляет в войска распоряжение о немедленной организации штурмовых подразделений, в соответствии с ранее утвержденной инструкцией по ведению боя в городах, и постановке им конкретных задач по объектам¹⁰. По указанию командующего фронтом, 3-й и 5-й ударным армиям в качестве непосредственной поддержки пехоты придавались по одному танковому корпусу, 8-й гвардейской армии – танковая бригада, тяжелый танковый и тяжелый самоходный артиллерийский полки из состава 1-й танковой армии.

В ночь на 23 апреля маршалы Г.К. Жуков и И.С. Конев получили директиву Ставки ВГК на завершение окружения и уничтожение франкфуртско-губенской группировки противника¹¹.

Ил. 3. Ведение боевых действий в Берлине (21 апреля – 2 мая 1945 г.)

Несмотря на то что противник оказал здесь особенно ожесточенный отпор, эта группировка была разгромлена соединениями 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов 26–30 апреля.

Гарнизон, оборонявший Берлин, продолжал оказывать не менее упорное сопротивление. 23 апреля командование 1-го Белорусского фронта предложило гарнизону города сдаться, но ответа не последовало. Днем 25-го и в ночь на 26 апреля более 2 тыс. бомбардировщиков 16-й и 18-й воздушных армий нанесли по Берлину три массированных удара¹². С юга в Берлин вошли танковые армии 1-го Украинского фронта. На некоторое время произошло перемешивание войск¹³. В связи с этим войска маршала И.С. Конева были выведены за городскую черту. 1-й Белорусский фронт продолжал штурм столицы германского рейха.

30 апреля 79-й стрелковый корпус 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта начал бои за Рейхстаг. В тот же день берлинская группировка была расчленена на четыре изолированные части. В ночь на 1 мая над зданием поверженного Рейхстага было водружено Знамя Победы, а к 15 часам 2 мая сопротивление противника полностью прекратилось, остатки берлинского гарнизона общим количеством более 134 тыс. чел. сдались в плен.

План наступательной операции был всесторонне продуман маршалом Г.К. Жуковым. Сопротивление противника оказалось сильнее ожидавшегося, но было быстро сломлено. Танковые армии в ходе операции пришлось вводить потому, что от Зееловских высот до Берлина была практически сплошная оборона и никакого оперативного простора не просматривалось. Иначе пришлось бы прорывать глубокую оборону и медленно продвигаться к Берлину силами одной лишь пехоты, танковые армии вводить с подходом к огромному городу. Бросок соединений 1-го Украинского фронта на Берлин не был необходимым, но улучшил соотношение сил в ходе штурма города и ускорил разгром 9-й немецкой армии.

Вот, в частности, как оценил Берлинскую операцию один из военных руководителей того времени – начальник штаба армии США генерал Дж. Маршалл: «Хроника этой битвы дает много уроков для всех, кто занимается военным искусством. Штурм столицы нацистской Германии – одна из самых сложных операций советских войск в ходе второй мировой войны. Эта опера-

**Ил. 4. Маршал Советского Союза Г.К. Жуков
во время подписания Акта о безоговорочной
капитуляции Германии. 8 мая 1945 г. Карлсхорст**

ция представляет собой замечательные страницы славы, военной науки и искусства».

Борьба с отдельными группами противника, пытавшимися прорваться на запад, закончилась 5 мая. С 3 по 8 мая войска 1-го Белорусского фронта выходили к Эльбе. Сопротивление немецких войск было окончательно сломлено. 8 мая в 22 час. 43 мин. по центральноевропейскому времени (9 мая в 0 час. 43 мин. по московскому) Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, представитель Верховного Главнокомандования советских войск (ил. 4), представители армий союзников и германского верховного командования подписали в Карлсхорсте Акт о безоговорочной капитуляции Германии.

¹ Русский архив: Великая Отечественная война. Ставка ВГК: Документы и материалы 1944–1945: Т. 16 (5–4). М.: ТЕРРА, 1999. С. 223.

² Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945. Военно-исторический очерк. В 4-х т. Т. IV. М.: Воениздат, 1959. С. 307–308.

³ Указания командующего войсками 1-го Белорусского фронта от 15 апреля 1945 г. о мерах безопасности при обращении с боеприпасами, захваченными в немецких траншеях // Русский архив: Великая Отечественная война. Битва за

Берлин (Красная армия в поверженной Германии). Документы и материалы: Т. 15 (4–5). М.: ТЕРРА, 1995. С. 71.

⁴ Дайнес В.О. Жуков. Рожденный побеждать. М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 494.

⁵ Боевое распоряжение командующего войсками 1-го Белорусского фронта всем командующим армиями от 17 апреля 1945 г. // Русский архив: Великая Отечественная война. Битва за Берлин (Красная армия в поверженной Германии). С. 80.

⁶ Приказ командующего войсками 1-го Белорусского фронта от 17 апреля 1945 г. всем командующим армиями и командирам отдельных корпусов о необходимости устранения недостатков и активизации наступательных действий на Берлин // Там же. С. 85.

⁷ Военная энциклопедия. В 8 т. Т. 1. М.: Воениздат, 1997. С. 453.

⁸ Составлено по: Гриф секретности снят: потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование / под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993. С. 219.

⁹ Дайнес В.О. Указ. соч. С. 502.

¹⁰ Распоряжение командующего войсками 1-го Белорусского фронта от 22 апреля 1945 г. по улучшению организации боев в Берлине и активизации боевых действий // Русский архив: Великая Отечественная война. Битва за Берлин (Красная армия в поверженной Германии). С. 101.

¹¹ Директива Ставки ВГК № 11074 от 23 апреля 1945 г. командующим войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов на завершение окружения франкфуртско-губенской группировки противника // Русский архив: Великая Отечественная война. Ставка ВГК. С. 231.

¹² Дайнес В.О. Указ. соч. С. 505.

¹³ Доклад командующего войсками 1-го Белорусского фронта Верховному Главнокомандующему от 28 апреля 1945 г. о положении войск и необходимости изменения разграничительной линии с 1-м Украинским фронтом // Русский архив: Великая Отечественная война. Битва за Берлин (Красная армия в поверженной Германии). С. 115.

В.А. Афанасьев (Москва)

РОЛЬ МАРШАЛА СОВЕТСКОГО СОЮЗА В.Д. СОКОЛОВСКОГО В СОЗДАНИИ РАКЕТНО-ЯДЕРНОГО ЩИТА ОТЕЧЕСТВА

В ИЮЛЕ 2017 г. исполняется 120 лет со дня рождения выдающегося советского военачальника Василия Даниловича Соколовского (ил. 1). Его заслуги в годы Великой Отечественной войны, отмеченные званием Героя Советского Союза и шестью полководческими орденами (три – Суворова 1-й степени и три – Кутузова 1-й степени), достаточно хорошо известны. О его деятельности, связанной с созданием ракетно-ядерного щита страны, известно меньше. Вместе с тем его роль в этом деле весьма значительна.

После Второй мировой войны, когда США являлись единственным в мире обладателем мощнейшего ядерного оружия, от советского руководства требовалось незамедлительное принятие адекватных мер. Нужно было в самые сжатые сроки так модернизировать вооруженные силы страны, чтобы они в случае необходимости смогли дать достойный ответ возможному агрессору. Для руководства этой рабо-

**Ил. 1. Маршал Советского Союза
Василий Данилович Соколовский**

той нужен был человек, досконально знающий армейскую службу, пользующийся безусловным авторитетом в войсках и при этом способный мыслить стратегическими категориями, хорошо знающий «кухню» стратегического планирования, знакомый со всеми ее тонкостями и нюансами. По решению политического руководства страны, а фактически по решению И.В. Сталина, возглавить военное ведомство было поручено А.М. Василевскому. Это произошло в марте 1949 г. Тогда же его первым заместителем стал маршал Соколовский, которого хорошо знал и ценил Александр Михайлович.

Работа предстояла сложная и многоплановая. Во-первых, в тесном взаимодействии с учеными и промышленностью предстояло ликвидировать отставание в военно-технической области. Нужно было в кратчайшие сроки создать ядерное оружие, ликвидировав тем самым монополию США на его обладание, разработать средства его доставки. Предстояло рассмотреть возможность применения в военном деле новейших научно-технических разработок того времени, прежде всего в области теории реактивного движения, радиотехники и радиолокации.

Во-вторых, необходимо было оснастить созданным оружием войска, для чего предстояло организовать серийное производство, определив предварительно, для каких целей сколько и какого вооружения нужно иметь. Нужно было разработать наиболее оптимальную штатную структуру подразделений и частей, вооруженных новым оружием.

В-третьих, предстояло разработать теорию применения нового оружия, внести существенные коррективы в тактику и оперативное искусство, разработать новые нормативные документы для войск, подготовить целый комплекс инструкций и наставлений. Для этого нужно было максимально активизировать военную науку, в полной мере использовать ее возможности.

Наконец, нужно было подготовить кадры, способные управлять новым оружием, организовать обучение войск действиям в условиях широкомасштабного применения нового оружия и военной техники.

В.Д. Соколовский под руководством маршала Василевского взялся за исполнение возложенных на него обязанностей со свойственной ему ответственностью.

К тому времени советские ученые и конструкторы смогли разгадать секрет ядерного оружия, и 29 августа 1949 г. в СССР было произведено первое его испытание. Тогда на Семипалатинском полигоне был осуществлен подрыв ядерного устройства, в результате которого произошел взрыв мощностью 22 кт.

Успешно шли работы и по созданию принципиально новых средств доставки грозного оружия. Результаты летных испытаний ракеты Р-1 позволили правительству СССР 28 ноября 1950 г. принять ракетный комплекс с этой ракетой на вооружение. В этом же году Р-1 поступили в первую ракетную боевую часть, где отработывалась методика их боевого применения. С принятием на вооружение Советской армии первой баллистической ракеты начался новый этап в развитии отечественных средств вооруженной борьбы. Р-1 была создана на базе немецкой «Фау-2». Еще в первые послевоенные годы, будучи в Германии, В.Д. Соколовский знал, что группы советских инженеров, в числе которых был и С.П. Королев, пытались разгадать секрет производства немецких баллистических ракет «Фау-2». Интересно, что Василий Данилович даже присутствовал на испытаниях двигателя ракеты на заводском испытательном стенде в Тюрингии. 18 октября 1947 г. на полигоне Капустин Яр, в низовьях Волги, был произведен первый пуск «Фау-2», а через год – 10 октября 1948 г., там же – Р-1, изготовленной по собственным чертежам на советских заводах преимущественно из отечественных материалов. Ракета была длиной более 14 м, имела начальную массу более 13 т и максимальную дальность стрельбы 270 км¹. В августе 1946 г. было сформировано первое соединение ракетных войск – 22-я бригада особого назначения Резерва Верховного Главного Командования, первым командиром которой стал генерал-майор артиллерии А.Ф. Тверецкий. Это соединение обеспечивало испытательные пуски.

Одновременно шла разработка более мощной ракеты Р-2, имевшей максимальную дальность стрельбы уже почти в 600 км и массу боевого заряда более тонны. В 1949 г. начались испытания этой ракеты. 31 мая 1951 г. В.Д. Соколовский утвердил программу летных испытаний второго этапа – совместно с Министерством вооружения и Главным артиллерийским управлением.

27 ноября 1951 г. Р-2 была принята на вооружение, и в том же году началось ее серийное производство. В декабре 1950 г. на по-

лигоне Капустин Яр формируется вторая по счету бригада особого назначения РВГК, а в 1952–1953 гг. – еще четыре подобные бригады.

Появление нового вида оружия потребовало детальной разработки вопроса его боевого применения. Проведенные расчеты позволили сделать тогда вывод, что Р-1 и Р-2 могут быть применены для поражения особо важных целей в оперативной глубине обороны противника, сильно прикрытых средствами противовоздушной обороны (ПВО), исключающих применение авиации. Исходя из этого положения, разрабатывались все вопросы тактики ракетных частей, их боевого обеспечения и др. Проведенные исследования и теоретические наработки летом 1950 г. были проверены на тактическом учении бригады особого назначения, прошедшем под руководством командующего артиллерией Советской армии генерал-полковника артиллерии М.И. Неделина на полигоне Капустин Яр. Результаты этого учения легли в основу проекта наставления артиллерии Советской армии «Боевое применение бригады особого назначения РВГК, вооруженной ракетами дальнего действия», введенного в действие в 1951 г. В нем содержался ряд теоретических положений и практических рекомендаций по применению ракетного оружия.

Существенные изменения произошли и в Войсках противовоздушной обороны. Бурное развитие авиации и появление у вероятного противника ядерного оружия, носителем которого была тогда преимущественно именно авиация, еще больше подняло значение противовоздушной обороны. Не случайно в 1948 г. Войска ПВО были выведены из подчинения командующего артиллерией Советской армии и преобразованы сначала в самостоятельный род войск, а затем и вид Вооруженных сил.

Была полностью реорганизована вся система ПВО страны. Большое внимание уделялось оснащению Войск ПВО новыми современными средствами. На вооружение стали поступать новые зенитные артиллерийские комплексы (57-, 100- и 130-мм зенитные пушки), радиолокационные станции орудийной наводки и приборы управления огнем. Активно велись работы по созданию первых зенитно-ракетных комплексов (ЗРК). В частности, в августе 1950 г. началась интенсивная разработка первого отечественного ЗРК «Беркут», который в последующем был при-

нят на вооружение под индексом С-25. Уже в апреле 1953 г. этим комплексом были произведены успешные стрельбы по реальным целям. На вооружение истребительной авиации ПВО начали поступать реактивные истребители МиГ-15, МиГ-17. Важнейшей государственной задачей считалось развитие радиолокационной техники².

Интенсивно развивались Военно-воздушные силы. Авиация вооружалась реактивными самолетами МиГ-9, МиГ-15, Як-15, Ла-15 и др. На вооружение поступали новые бомбардировщики и транспортные самолеты. В послевоенные годы рос удельный вес ВВС. На основе обобщения опыта, накопленного в период Великой Отечественной войны, были разработаны новые боевые уставы, наставления и руководства по боевому применению видов и родов авиации.

За послевоенные годы претерпели значительное изменение и Сухопутные войска. Они насыщались современной военной техникой и оружием, стали более мобильными, существенно возросла их огневая мощь. Повысилась маневренность и боевые возможности артиллерии. На вооружение поступили новые танки с мощной броней и большей скоростью.

За коренной перестройкой во всех видах и родах войск стояла напряженная работа министра Вооруженных сил, его заместителей, в том числе и маршала В.Д. Соколовского, командующих видами и родами войск, руководителей главных и центральных управлений, сотрудников Генерального штаба и центрального аппарата министерства.

Шла напряженная боевая учеба и в войсках. На полигонах и войсковых стрельбищах, в учебных классах и парках шло освоение новой техники. Для высшего руководства Вооруженных сил, для командующих войсками военных округов и групп войск организовывались показательные занятия с использованием новой техники. В военных округах систематически проходили войсковые учения с использованием этой техники. В.Д. Соколовский старался больше бывать в войсках, быть в гуще армейской жизни, чтобы своими глазами видеть положительные изменения, происходившие в армии, и вовремя принимать необходимые меры поддержки. Результат не замедлил сказаться. Год от года Вооруженные силы страны становились все сильнее, росли их техническая оснащенность и подготовка войск.

В феврале 1950 г. Министерство Вооруженных сил СССР было разделено на два министерства – Военное и Военно-морское. Военным министром стал маршал А.М. Василевский, В.Д. Соколовский оставался его первым заместителем. В июне 1952 г. по представлению Александра Михайловича Василевского Василий Данилович был назначен начальником Генерального штаба. На этой должности он оставался 8 лет. Менялась структура министерства: после смерти И.В. Сталина Военное и Военно-морское министерства были объединены в Министерство обороны СССР, формировались новые виды Вооруженных сил и рода войск, менялись границы военных округов. По политическим соображениям менялись министры: в 1953 г. А.М. Василевского сменил Н.А. Булганин, в 1955 г. министром обороны был назначен Г.К. Жуков, а в октябре 1957 г. Георгий Константинович, в декабре 1956 г. удостоенный четвертой медали «Золотая Звезда» Героя Советского Союза, незаслуженно был отправлен в отставку, и вместо него министром стал маршал Р.Я. Малиновский.

Соколовский был назначен в Генштаб, этот важнейший орган военно-стратегического руководства, в очень непростое время. Начиная с 1950 г. быстро наращивался состав вооруженных сил противоборствующих государств. Численность объединенных вооруженных сил НАТО с 1949 по 1952 гг. увеличилась почти в 4 раза. Советские Вооруженные силы при переводе с военного на мирное положение с 12 млн сократились до 2874 тыс. человек, но затем с учетом обострившейся международной обстановки их численность возросла на 1,5 млн человек.

Работа начальника Генерального штаба сложна и многогранна сама по себе, а во время коренных преобразований в военном деле, которые происходили в то время, она усложнялась многократно, и справиться с ней мог только человек незаурядных способностей, каковым был маршал В.Д. Соколовский. Масштабы работ, связанных с созданием принципиально новых видов вооружения были колоссальными, и Василий Данилович оказался в их эпицентре. Через Генштаб проходила вся информация о проводимых мероприятиях, именно здесь осуществлялась координация деятельности различных ведомств и управлений. С появлением новой техники в безлюдных отдаленных районах страны появлялись грандиозные сложные наукоемкие техни-

ческие сооружения, возводились целые города. Так при участии В.Д. Соколовского был осуществлен выбор мест расположения космодромов, в настоящее время всемирно известных, Байконура (постановление о его создании ЦК КПСС и Советом Министров СССР было принято 12 февраля 1955 г.) и Плесецка (решение о его строительстве ЦК КПСС принял 11 января 1957 г.).

В 1956 г. советская оборонная промышленность смогла добиться совмещения силы ядерного оружия и новейших средств его доставки – баллистических ракет. 2 февраля было проведено испытание ракеты Р-5М с ядерным зарядом. Преодолев в ходе испытания за 10,5 мин. более 1000 км, ракета достигла заданного района, где был зарегистрирован ядерный взрыв мощностью более 80 кт, что в 4 раза превысило мощность взрыва в Хиросиме. Ракетный комплекс Р-5М был принят на вооружение 21 июля этого года. Промышленность приступила к его серийному изготовлению³. В 1959 г. два полка, расположенные в районе Симферополя и Гвардейска, вооруженные ракетами Р-5М, первыми среди ракетных частей заступили на боевое дежурство.

Р-5М стала первой отечественной стратегической ракетой-носителем атомного заряда и положила начало созданию ракетно-ядерного щита Советского Союза. Для хранения ядерных головных частей и подготовки их к боевому применению были созданы новые войсковые части – ремонтно-технические базы, имевшие свое командование, личный состав и технику, работающие в тесном взаимодействии со строевыми ракетными частями.

Комплекс ракет Р-5М просуществовал до 1962 г., когда их заменили более совершенные ракеты. Уже с 1953 г. шла работа над созданием Р-12, имевшей максимальную дальность стрельбы до 2000 км. Эта ракета, способная нести боевой заряд мощностью 2,3 Мт, могла находиться в заправленном состоянии до 30 суток. 22 июня 1957 г. состоялся первый и успешный ее пуск. Постановлением правительства от 4 марта 1959 г. ракета Р-12 (8К63) была принята на вооружение. Благодаря сравнительной простоте, дешевизне и высокой боеготовности она стала самой массовой ракетой средней дальности, принятой на вооружение в нашей стране. Всего было изготовлено около 2300 единиц, они находились на вооружении почти 30 лет. Первые ракетные полки с Р-12 заступили на боевое дежурство 15 мая 1960 г. в Прибалтике и в Белоруссии.

При содействии Василия Даниловича были созданы и первые ракетные комплексы, ликвидировавшие географическую недосыгаемость США. Именно тогда полным ходом шли испытания Р-7. Эта ракета была длиной более 33 м, имела начальную массу около 280 т, позволяла доставлять головную часть массой более 5 т на дальность более 8 тыс. км. После ряда неудач – 15 мая, 9 июня и 12 июля 1957 г. – 21 августа того же года, как отмечалось в сообщении ТАСС, был «осуществлен запуск сверхдальней межконтинентальной многоступенчатой баллистической ракеты». Первая в мире межконтинентальная баллистическая ракета Р-7, способная нести мощный ядерный заряд, сыграла историческую роль в судьбе земной цивилизации. Создание ракетно-ядерного щита СССР положило начало формированию паритета между США и Советским Союзом в области стратегических вооружений, что обеспечило предотвращение третьей мировой войны.

А 4 октября 1957 г. произошло еще одно историческое событие – с космодрома Байконур, создававшегося при участии В.Д. Соколовского, при помощи боевой ракеты Р-7 был произведен первый в мире запуск искусственного спутника Земли, ознаменовавший собой начало космической эры.

Необходимо отметить, что для того чтобы полет первого спутника стал возможным, нужно было создать командно-измерительный комплекс (КИК). Для слежения за спутником, управления его полетом и работой бортовой аппаратуры требовалась автоматическая доставка траекторных изменений на тысячекилометровые расстояния в центр управления и совместная обработка их в реальном масштабе времени. Предстояло создать десятки измерительных пунктов с уникальной аппаратурой по всей территории страны, подготовить кадры, способные грамотно эксплуатировать эту аппаратуру. Аналогов подобных систем в то время не существовало. Задача была сложнейшая. По решению маршала Жукова, в то время министра обороны, за решение этой задачи взялись военные. При участии В.Д. Соколовского создавались совершенно новые войсковые формирования. И в кратчайшие сроки КИК был создан, что дало возможность нашей стране успешно осваивать космическое пространство⁴.

Немаловажная роль принадлежит В.Д. Соколовскому и в формировании Ракетных войск как отдельного вида вооружен-

ных сил. Именно при его участии 9 февраля 1955 г. была введена должность заместителя министра обороны по специальному вооружению и реактивной технике, на которую был назначен маршал артиллерии М.И. Неделин, ставший впоследствии первым главнокомандующим нового вида войск – Ракетных войск стратегического назначения (РВСН). В бытность В.Д. Соколовского начальником Генштаба, в центральном аппарате Министерства обороны были созданы органы управления, ставшие основой формирования в 1959 г. Главного штаба РВСН и Главного управления ракетного вооружения – Штаб реактивных частей и аппарат Начальника реактивного вооружения. Он же стоял у истоков создания РВСН. В строгой тайне в отдаленных местах страны создавались боевые стартовые позиции первых ракетных дивизий.

Василий Данилович сразу оценил колоссальные возможности нового оружия. Понимал он, что над созданием подобного оружия активно работает и вероятный противник – Соединенные Штаты Америки. Но как защитить страну от возможного удара баллистических ракет, оснащенных ядерными боеголовками? Этот вопрос очень беспокоил его, и еще в августе 1953 г. В.Д. Соколовский обратился в ЦК КПСС с письмом, в котором так обозначил проблему: «В ближайшее время ожидается появление у вероятного противника баллистических ракет дальнего действия как основного средства доставки ядерных зарядов к стратегически важным объектам нашей страны. Но средства ПВО, имеющиеся у нас на вооружении и вновь разрабатываемые, не могут бороться с баллистическими ракетами...»⁵ Письмо кроме Соколовского подписали первый заместитель министра обороны маршал Г.К. Жуков, заместитель министра маршал А.М. Василевский, командующий артиллерией Советской армии маршал артиллерии М.И. Неделин, председатель Военного совета Министерства обороны маршал И.С. Конев, командующий Войсками ПВО маршал авиации К.А. Вершинин и заместитель командующего Войсками ПВО маршал артиллерии Н.Д. Яковлев. В письме впервые была сформулирована проблема применения противником баллистических ракет и содержалась просьба поручить промышленным министерствам приступить к работам по созданию средств борьбы против баллистических ракет.

Мало кто из ученых верил в возможность технического решения проблемы. Но технический прогресс не стоял на месте. Молодой ученый – полковник Г.В. Кисунько, опираясь на расчеты, высказался за принципиальную возможность создания в ближайшее время радиолокационной станции, способной обнаруживать и сопровождать полет баллистических ракет. В результате начались работы по созданию отечественной противоракетной обороны (ПРО).

В начале 1956 г. для размещения полигона и системы ПРО был выбран район Карагандинской и Джамбульской областей Казахской ССР в пределах восточной и центральной части пустыни Бетпак-Дала (Голодная Степь), западнее озера Балхаш. Здесь планировались точки падения боевых блоков перспективных баллистических ракет, запускаемых с полигонов Капустин Яр и Плесецк. Позднее полигон получил неофициальное название Сары-Шаган, по имени ближайшего населенного пункта. Этот полигон, кстати, действует и сейчас.

В марте 1956 г. военными топографами проведена рекогносцировка размещения объектов полигона. Уже в июле этого года на станцию Сары-Шаган прибыли первые эшелоны с военными строителями и начались работы по сооружению полигона ПРО. Вскоре здесь вырос целый город, получивший название Приозерск. 12 мая 1960 г. на этом полигоне состоялся первый пуск противоракеты В-1000, а 4 марта 1961 г. был совершен реальный перехват противоракетой головной части баллистической ракеты Р-12⁶. Впервые в мировой практике была продемонстрирована возможность перехвата и достаточно эффективного поражения головных частей баллистических ракет.

В это же время начали кардинально меняться Войска противовоздушной обороны страны. На их вооружение стали поступать зенитно-ракетные и радиолокационные комплексы, стремительно развивалась реактивная авиация. Так, весной 1955 г. заступило на опытное дежурство по охране Москвы и московского промышленного района первое соединение зенитных ракетных войск, вооруженное зенитной ракетной системой С-25, а в июне 1956 г. после этапа опытной боевой эксплуатации это соединение заступило на боевое дежурство в режиме полной боевой готовности. Необходимо отметить, что зенитная ракетная система С-25, принятая на вооружение приказом министра обороны от

21 мая 1955 г., была особой системой ПВО, развернутой на двух кольцевых дорогах вокруг Москвы на 50- и 90-км рубежах. Она включала 56 позиций ЗРК, командные пункты, базы хранения и подготовки ракет, мощные линии электропередач. Система С-25 была прорывом в науке, технике, технологии создания вооружения. Она надежно защищала небо столицы на протяжении более 30 лет. Система позволяла одновременно обстреливать до 20 целей на высоте от трех до 25 км.

Параллельно шла работа по созданию передвижного ЗРК С-75, первый экспериментальный пуск ракеты которого состоялся 26 апреля 1955 г. Комплекс был принят на вооружение в конце 1957 г. под шифром СА-75 «Двина». Он состоял из радиолокационной станции наведения, двухступенчатых зенитных управляемых ракет, шести пусковых установок, бортового оборудования и средств электропитания. Технические характеристики и особенности конструкции комплекса позволяли осуществлять его свертывание за четыре часа, а развертывание и настройку – за четыре-пять часов. Скорость передвижения его на марше – до 20 км в час. Этот комплекс перекрывал возможности имевшихся на тот период самолетов вероятного противника и даже перспективных средств воздушного нападения, о которых сообщалось в иностранной печати. Эффективность С-75 была очень высокой. Уничтожались цели, имеющие скорость 1500 км в час на высоте 22 000 м. В течение 10 мин один дивизион уничтожал до пяти целей, идущих с интервалом в полторы-две минуты. На сбитый самолет уходило две-три ракеты. Такими характеристиками не обладала тогда ни одна зенитная артиллерийская система. Вскоре появились модификации «Двины» – «Десна» и «Волхов»⁷.

Маршал Советского Союза В.Д. Соколовский сам следил за созданием этих образцов. Часто в его кабинете можно было увидеть руководителя третьего Главного управления при Совете Министров СССР, а затем председателя Специального комитета Совмина СССР генерала В.М. Рябикова, заместителя начальника Главного штаба Войск ПВО страны по специальной технике генерала Г.Ф. Байдукова, руководителя четвертого Главного управления Министерства обороны СССР генерала П.Н. Кулешова, впоследствии маршала артиллерии, и других военных и гражданских руководителей, работавших над созданием ЗРК.

В начале 1950-х гг. продолжалось совершенствование ядерных боеприпасов. В 1953 г. советские ученые-атомщики смогли создать принципиально новое – термоядерное – оружие, опередив американцев. В том же году испытывались новые типы атомных бомб.

В октябре 1954 г. были проведены испытания модифицированной бомбы РДС-3«И», снабженной системой внешнего нейтронного инициирования, которые показали, что ее эквивалентная мощность возросла до 60 кт. После чего в СССР началось серийное производство атомных бомб. К тому времени бомбардировщик-носитель Ту-16 уже выпускался крупными сериями.

Кроме того, в стране велись работы по созданию тактического ядерного оружия. Вес первой отечественной тактической авиабомбы равнялся одной тонне, а ее габариты выбирались с таким расчетом, чтобы ее носителем мог быть фронтовой бомбардировщик Ил-28.

В сжатые сроки был создан малогабаритный, но огромной мощности (эквивалент 30 кт тротила) ядерный заряд, который поступил на вооружение тактической авиации. Серийное производство новой бомбы началось в 1954 г., она была нежно названа «Татьяной». В дальнейшем ее ядерный заряд был использован в боевой части баллистической ракеты Р-5М. На основе конструктивных принципов, утвердившихся при разработке «Татьяны», было создано и в 1954 г. успешно испытано целое семейство тактических бомб меньшей мощности.

После проведения в 1953 г. испытания водородной бомбы, так называемой «сахаровской слойки», начались работы над новым вариантом термоядерного боеприпаса. Совет Министров и ЦК КПСС в связи с этим выпустили два постановления. Одно из них обязывало Министерство среднего машиностроения в 1954–1955 гг. разработать и испытать новое изделие. Другое постановление обязывало ракетчиков разработать под этот заряд межконтинентальную баллистическую ракету. Началась напряженная работа, и уже в ноябре 1955 года было произведено испытание водородной бомбы нового образца, результат которого оказался ошеломляющим.

Впоследствии один из участников этого испытания писал: «Зрелище было величественное и вместе с тем страшное. Столб пыли диаметром в несколько километров поднимался высо-

ко в небо. Опытное поле находилось в темноте, солнечные лучи не смогли проникнуть сквозь пыль. В вышине расплзлось серо-коричневое ядовитое по виду облако. Взрыв был такой силы, что металлические трубы приборных сооружений, находившиеся в радиусе 600–1800 метров, оказались погнутыми. Специально поставленный в 500 метрах от эпицентра бетонный куб на бетонной же основе был сорван и отброшен на значительное расстояние. Над опытным полем из столба поднятой пыли вырастал огромный пышущий жаром гриб, поднимавшийся к небу. В его верхней части перемешивались раскаленные массы газа. Снизу, с земли, к нему тянулся черный столб; на верху гриба вокруг шляпки появилось белое кольцевидное облачко. Через некоторое время гриб начал терять форму и медленно опускаться». Присутствующие как зачарованные смотрели на это зрелище. Все виденное значительно отличалось от первых атомных взрывов. В.Д. Соколовский был в курсе проводившихся испытаний, поскольку в Генштабе еще в 1947 г. был создан специальный отдел по руководству испытаниями специального оружия во главе с генерал-майором инженерных войск В.А. Болятко, преобразованный затем в 6-е Управление, которое занималось организацией и проведением ядерных испытаний, подготовкой специалистов по ядерному вооружению и контролем работы спецотделов в различных видах Вооруженных сил. В 1958 г. на базе этого управления и Главного управления комплектации было создано Главное управление специального вооружения, переименованное в том же году в 12-е Главное управление. Тогда же начали формироваться объекты «С» – специальные строго режимные части, предназначенные для хранения и обслуживания ядерных боеприпасов. Эти объекты подчинялись 12-му Главному управлению, которое в свою очередь курировал маршал Соколовский⁸.

Таким образом, с середины 1950-х гг. в войска начало в массовом масштабе внедряться ракетно-ядерное оружие, армия коренным образом меняла свой облик.

Это лишь отдельные моменты, характеризующие, как менялись Советские Вооруженные силы в то время, когда во главе Генерального штаба стоял маршал В.Д. Соколовский. Казалось бы, создание нового оружия – дело ученых и конструкторов. При чем здесь начальник Генштаба? Но именно Генштаб опре-

делает перспективы развития военной техники и вооружения и потребность войск в том или ином образце техники и вооружения, именно Генштаб формирует штаты подразделений, частей и соединений, на вооружение которых образец поступает, именно он должен предусмотреть подготовку кадров соответствующей квалификации для эксплуатации новой, сложной техники и вооружения, и, наконец, именно Генштаб разрабатывает документы, регламентирующие принципы и порядок боевого применения новых (тем более, принципиально новых) образцов военной техники и вооружения. Так что маршал В.Д. Соколовский в то время находился, без преувеличения, на переднем крае научно-технического прогресса в армии и, более того, в определенной степени определял пути его развития. Кроме того, появление боевой техники, основанной на принципиально новых физических принципах, потребовало пересмотра, порой кардинального, многих основополагающих планирующих документов. А это прерогатива, в первую очередь, начальника Генштаба.

В условиях коренных изменений во всех областях военного дела, когда бурно проходило военно-техническое перевооружение армии и флота, именно В.Д. Соколовскому довелось разрабатывать принципиально новые положения советского военного искусства. Появление ракетно-ядерного оружия повлекло за собой перевооружение и реорганизацию вооруженных сил. Это, в свою очередь, потребовало пересмотра многих положений военной доктрины, определения характера и способов ведения ракетно-ядерной войны, решения проблем начального периода войны в новых условиях, нового подхода к решению вопросов боевой готовности.

Формировалось новое представление о сущности и содержании военной стратегии в ядерный век. Считалось, что в круг ее проблем входят следующие задачи: изучение сил, средств и способов ведения военных действий вероятными противниками, их экономических и моральных возможностей; выявление основных черт и особенностей возможной ядерной войны, ее общего характера; определение сил и средств, необходимых для достижения стратегических задач в соответствии с поставленными политическими целями, экономическими и морально-политическими возможностями государства, условиями театров военных действий; развитие системы вооружений и организационной структу-

ры вооруженных сил; организация стратегического взаимодействия как между ядерными силами, видами вооруженных сил, так и между стратегическими группировками на различных направлениях и театрах военных действий; изучение вопросов морально-политической подготовки личного состава вооруженных сил, обеспечение их людским контингентом, вооружением, материально-техническими средствами, резервами всех видов.

Изменялся боевой состав войск, организационная структура и соотношение видов вооруженных сил и родов войск. Дальнейшее развитие получили новые методы боевой и оперативной подготовки и воинского воспитания личного состава. Василий Данилович Соколовский много времени уделял переработке уставов и наставлений – основополагающих документов жизни и боевой деятельности войск. При этом он совершенно справедливо считал, что в этих документах нужно отразить и богатейший опыт, приобретенный в годы Великой Отечественной войны. Весь спектр новых стратегических проблем нашел отражение в труде «Характер современной войны и ее проблемы». Он был разработан в 1953 г. коллективом авторов Военной академии Генерального штаба. Через 6 лет при участии Василия Даниловича вышел не менее интересный труд – «Современная война и военная наука». Важным событием в исследовании стратегии ядерной войны был разработанный Генеральным штабом закрытый фундаментальный труд – «Современная война».

Несмотря на то что отдельные положения о радикальном изменении характера войны высказывались и ранее, они вплоть до 1959–1960 гг. не были сведены в единую систему. Процесс разработки теории ядерной войны в ее новом варианте начался с доклада «О характере современной ракетно-ядерной войны», с которым в Военной академии Генерального штаба выступил начальник Генерального штаба маршал В.Д. Соколовский. Он был подготовлен Василием Даниловичем на основе обстоятельных теоретических исследований Генерального штаба и главных штабов видов вооруженных сил. Резкой критике докладчик подверг все основополагающие принципы доядерной стратегии, а затем выдвинул принципиально новые положения о характере и способах ведения войны и операций, стратегическом и оперативном применении вооруженных сил, организации всех видов обеспечения, оперативного и стратегического тыла.

Важнейшие положения этого доклада получили свое дальнейшее развитие в упоминавшемся труде «Современная война», а затем и в подготовленном под общей редакцией В.Д. Соколовского труде «Военная стратегия», который стал поистине сенсацией, поскольку он вышел в открытой печати. В этих работах впервые в обобщенном и концентрированном виде была изложена суть новой советской стратегии, раскрыты способы ведения ядерной войны.

И сегодня многие идеи, выдвинутые в книгах «Современная война» и «Военная стратегия», поражают своей смелостью и дальновидностью.

¹ Энциклопедия Ракетных войск стратегического назначения. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2014. С. 593.

² 100-летие противовоздушной обороны России, 1914–2014. В 2 т. Т. 2 / Лашков А.Ю., Голотюк В.Л. М.: Русские витязи, 2014.

³ История развития отечественного ракетостроения. М.: Изд. дом «Столичная энциклопедия», 2014. С. 145.

⁴ Военно-космические силы (военно-исторический труд). Кн. 1. М., 1997. С. 26–28.

⁵ Щит России: Системы противоракетной обороны. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2009. С. 86.

⁶ Первов М.А. «Аннушки» – часовые Москвы. Исторический очерк. М.: Изд. дом «Столичная энциклопедия», 2010. С. 84.

⁷ Золотарев В.А., Путилин Б.Г. Месть за Победу: Советский Союз и холодная война. М.: Военная книга, 2014. С. 191.

⁸ Рожденные атомной эрой: в 2 т. / авт. и сост. Н.С. Бирюков, под общей ред. В.Н. Верховцева. Т. 1: История создания и развития 12-го Главного управления Министерства обороны Российской Федерации. М.: Наука, 2007. С. 13–14.

И.В. Бабич (Москва)

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ НА ВОЙНЕ: СЛУЖБА НАРВСКИХ ВЕТЕРАНОВ В КООРДИНАТНОЙ СЕТКЕ ОФИЦЕРСКИХ СКАЗОК 1716–1722 ГОДОВ

ВОПРОС, почему выжил тот, а не другой участник боевых действий – метафизический, и рационального ответа на него нет. Это не исключает интереса к тому, какими чертами обладали вернувшиеся. Преломление этого вопроса в реалиях Северной войны автору всегда казалось наиболее интересным в связи со сражением под Нарвой в 1700 г. Тогда в соответствии с диалектическим взглядом Петра I, выраженным в «Истории Свейской войны», «несчастье (или лучше сказать великое щастие) получили», ибо «неволя леность отогнала», а «трудолюбие и искусство» привели к победе¹. Выявление общих черт тех, для кого тяжелое поражение оказалось горьким, но не роковым уроком, началом долгого и, в конечном счете, успешного военного пути, представлялось самостоятельной исследовательской задачей.

Осуществление такой попытки стало возможным благодаря публикации массива сказок офицеров полевой армии из коллекции РГВИА². Первый опыт в этом направлении не удалось реализовать ввиду сложности определения самого объекта анализа: «Нарвский поход» и «пребывание под Нарвой» включались в формуляры и участниками сражения, и не успевшими к ним присоединиться служащими из состава «генеральства» А.И. Репнина.

В настоящий момент источниковая база расширилась за счет новой публикации – комплекса офицерских сказок гарнизонных войск³. Это обстоятельство не способствовало разрешению возникшей проблемы, но расширило круг потенциально значимых данных (многие служащие гарнизонов также начинали бое-

вой путь у стен Нарвы) и дало новый импульс обращения к ней. Сказки гарнизонных служащих составлялись в 1716–1722 гг. неоднократно, на основе разных критериев учета – от ограничения лишь чинопроизводством до сведений об участии в «баталиях» и, в отдельных случаях, о возрасте. Отличия в формуляре не исключают использования и полевых, и гарнизонных сказок, как единого комплекса материалов.

Исследование социального происхождения и имущественного положения офицерского корпуса в конце Северной войны на основе архивного собрания сказок офицеров полевой армии было выполнено в 1973 г. М.Д. Рабиновичем⁴ и стало классикой. Военно-антропологические аспекты интерпретации этого источника лишь недавно начали привлекать внимание. Быть может, выделение «нарвской» группы сказок позволит рельефно представить роль «урока» поражения в той школе, куда в качестве учеников определил своих подданных великий наставник. Однако говорить о специфике лично получивших нарвский «урок» имеет смысл лишь в сравнении с теми, кто волею случая был от него освобожден. Такую возможность дает сопоставление с чинами из группы войск А.И. Репнина, все остальные параметры службы которых вполне совпадают с теми, кто не «опоздал к звонку».

В рамках статьи сделана попытка рассмотреть факторы «живучести» в сказках начавших свою службу под Нарвой и прошедших на войне самую длинную часть сознательной жизни. Податели сказок, своего рода автобиографий, под присягой воссоздавали основные вехи своей службы. Наряду с происхождением, карьерным ростом и наградами, о которых их спрашивали, они иногда по собственной инициативе упоминали неотмеченные боевые отличия, без вины утраченные чины, невыплаченное жалованье, несправедливо завладевших имением соседей. Слово «счастье», можно сказать, не произносилось всуе, его респонденты лишь изредка относили к Государю, которому от Бога дарована победа, реже к общему делу – какой-либо «счастливой баталии» – и никогда к себе лично. В исторической же ретроспективе все они были «счастливыми». Общим признаком успешности каждого, «сказавшего» о себе, является факт принадлежности к живым в день записи его слов.

Однако сама идентификация «нарвской» группы сказок представляет определенную сложность. При наличии (среди гар-

низонных сказок) двух (иногда трех)⁵ разновременных версий пространная – корректирует краткую. Так, в «краткой редакции» сказки капитана В.Я. Хотяинцева началом службы отмечен 1703 г. В «пространной» же – значится: «...служит Царскому Величеству с 700 году, и во оном 700 году был из житья в первом походе под Нарвою. А в 702 году ...написан из житья в капитаны. И в 703-м году послан из Москвы под Ямбург...» В первой сказке учтена только «регулярная» служба, а во второй – и та, что проходила на еще не реформированных организационных началах. Подобная разница выстраивания нарратива встречается не единожды. Приходится допустить, что какое-то количество участников несчастливого сражения под Нарвой, в офицерском чине встретивших конец войны, выпадает из поля зрения в силу своеобразно понятых требований учета стажа.

Опрашиваемые стремились подчеркнуть участие в любой акции, выходящей из ряда военных будней, помнили не только бои, а доставку ими писем, участие в провожании послов, переправы через водные преграды и т. д. Но все это оказывалось возможным сохранить для истории, если их готовы были слушать. Такая готовность в силу разных задач переписей и субъективного понимания этих задач обнаруживалась не всегда. В сказках, ограниченных сведениями чинопроизводства, сражения практически не упоминались. Возникла дилемма – учитывать ли в качестве «бывших в акции» тех, кто служил в указанное время в явившихся под стенами крепости полках, но о своем пребывании под Нарвой не упомянул. Текст подробных сказок свидетельствует подчас о том, что причисленные к одному и тому же полку в одно и то же время могли находиться в совсем разных местах⁶. Надо принять во внимание и изъяны памяти. Так, подпоручик Белозерского (Лутковского) полка Х. Баслаков в сказке 1718 г. про Нарву забыл. Не сохранись поздняя (1719) и более подробная сказка, он не рассматривался бы среди нарвских ветеранов⁷. В процессе работы было принято, возможно, не бесспорное решение – рассматривать лишь сказки с упоминаниями и нарвской «акции», и службы в частях (или соединениях под началом известных высших командиров), которые «дошли».

Из рассмотренных сказок⁸ 1284 лиц, пребывавших в 1700 г. на службе, 788 принадлежат респондентам, которые у стен Нарвы были, 139 – совершавшим Нарвский поход в генеральстве

А.И. Репнина и «недошедшим» до места сражения, 357 – тем, кто в 1700 г. в составе вооруженных сил охранял рубежи, находился во внутренних гарнизонах и выполнял иные функции, не связанные непосредственно с театром военных действий.

Сравнение содержания «дошедших» и «недошедших» с самого начала обнаружило, что сказки нарвских ветеранов не выделяются в общем ряду никакими субъективными особенностями. Количественное соотношение наличных сказок с общей численностью той группы войск, к которой подавшие их офицеры принадлежали, показало следующее. Участники нарвской акции, завершавшие войну в офицерском чине, составляют около 2,2 % от общего числа российских войск у Нарвы (около 36 000⁹). Сказки «недошедших» – 1,5 % от общей численности их команды (в 9247 чел.¹⁰). То есть пропорционально число доживших до конца войны офицерских чинов в группе, не успевшей принять участия в осаде и сражении, было едва ли не меньшим, чем у тех, кто эти испытания прошел.

Эти цифры не лишены интереса, но объем выборки едва ли репрезентативен для положительных заключений. Значимы ли в данном случае факторы естественного отбора, урок «нещастия», о котором говорится в «Истории Свейской войны», или психологический эффект, зафиксированный в опытах биологов? Спасенные по сценарию экспериментаторов в бедственной ситуации животные обнаруживают замечательную жизнеспособность при последующем воспроизведении экстремальных обстоятельств. Наши возможности в поисках ответа ограничены параметрами, заданными источником: данными о выслуге (соотношении чинов на момент Нарвского «похода» и на момент подачи сказки), о социальном происхождении (в большинстве случаев), об имущественном положении (у служащих полевой армии).

Что касается социального происхождения, то среди 788 сказок офицеров-участников акции, согласно типологии М.Д. Рабиновича, можно выделить выходцев из дворян (452 чел., или 57,4 %), из военных служилых людей «старых служб» (78 чел., или 9,9 %), из податного населения (190 чел., или 24,1 %), из иноземцев (50 чел., или 6,3 %) и тех, чье происхождение не указано в сказке и неясно из ее содержания (18 чел., или 2,3 %).

Среди 139 «недошедших» 38,8 % (54 чел.) принадлежали к привилегированному слою, 36,7 % (51 чел.) – к податным, 15,1 %

(21 чел.) – к военным служилым людям «старых служб», около 5,7 % (8 чел.) – к иноземцам и 3,6 % (5 чел.) – неизвестного статуса. Более низкий здесь процент офицеров из дворян связан с тем, что комплектование шло в Поволжье с широким привлечением «вольницы», городского населения. При некомплекте унтер-офицерского состава практически сразу было осуществлено производство из рядовых. Впоследствии это стало предпосылкой для ряда успешных карьер. Доля унтер-офицеров по состоянию на 1700 г. составляет около четверти общего числа поданных «недошедшими» сказок. Это ощутимо больше, чем среди участников сражения под Нарвой.

Нарвские ветераны в 1700 г. в массе своей – 38 % (299 чел.) – состояли в солдатах и драгунах. Следующей по численности категорией участников баталии, провоевавших около 20 лет, были те, кто в 1700 г. числился вне «регулярства» – 27,4 % (216 чел.). Только 1,1 % (9 чел.) доживших до конца войны уже в ее начале имели штаб-офицерский чин, 15,1 % (119 чел.) – обер-офицерский, 15,6 % (123 чел.) – унтер-офицерский, 2,8 % (22 чел.) были в чинах унтер-штаба.

Сравнивая «дошедших» и «недошедших» по выслуге, получаем, что в итоге полковниками в «нарвской» группе стали 37 чел. (4,7 %), подполковниками – 52 чел. (6,6 %), премьер-майорами – 36 чел. (4,6 %), секунд-майорами – 25 чел. (3,2 %), капитанами – 182 чел. (23,1 %), капитан-поручиками – 4 чел. (0,5 %), поручиками – 172 чел. (21,8 %), подпоручиками – 79 чел. (10 %), прапорщиками – 89 чел. (11,3 %), чинами унтер-штаба – 112 чел. (14,2 %). Из «недошедших» до Нарвы к концу войны вышли 8 (5,8 %) полковников, 7 (5 %) подполковников, 10 (7,2 %) премьер-майоров, 8 (5,8 %) секунд-майоров, 30 (21,6 %) капитанов, 2 (1,4 %) капитан-поручика, 24 (17,3 %) поручика, 21 (15,1 %) подпоручик, 17 (12,2 %) прапорщиков, 12 (8,6 %) чинов унтер-штаба.

При близости структуры обеих групп можно отметить незначительно больший удельный вес штаб-офицерских чинов среди тех, кто начинал службу в генеральстве А.И. Репнина. Возможно это объясняется отсутствием потерь в «нарвский» период среди поручиков и капитанов данной группы войск, которые к концу войны дослужились до майоров, подполковников и полковников.

«Производство», означая повышение социального статуса, позволяет говорить о том, что сегодня называют социальным лифтом. Насколько же открытым и быстрым он был? Сказки лишь иногда фиксируют неординарные продвижения¹¹, еще реже раскрывая происхождение «отличия». Среди такого рода примеров – традиционное «пожалование» в чины гонцов с дипломатическими депешами высшего уровня¹² и награждение за выдающиеся подвиги. Например, в 1718 г. М.М. Федотев захватил «божиею милостию и счастием царского Величества» неприятельский бот с командой 18 чел., освободил 10 плененных русских купеческих карбусов с товарами и возвратил их «без повреждения» людей. Победитель был произведен из подпоручиков в «полные капитаны». Награждалась и стойкость. В.М. Антонов был послан к мятежникам в Астрахань с «милостивыми письмами». Там его приговорили к смерти, многократно выводили «в круг», опускали в воду. Он уцелел, принял участие в штурме города правительственными войсками и был произведен из прапорщиков в поручики¹³. Драгун П.К. Алексеев получил чин вахмистра за бой, где был ранен «в четырех местах, ... нос и губа верхняя и зубы отрублены, щека левая сквозь порублена, голова разрублена, рука левая повыше локтя поколота».

Подобные исключительные случаи не влияют на выраженные подъемы и падения интенсивности чинопроизводства на всех уровнях. Наибольшей активностью оно отличается в 1706–1711 гг., когда повышения происходили с минимальным интервалом, до двух, трех лет подряд или даже дважды за год (у 22 чел.).

Сказки участников Нарвского сражения, дослужившихся в полевых частях¹⁴ до полковников, отразили в 1700–1706 гг. 25 повышений в чине, в 1706–1711 гг. – 45, в 1712–1717 гг. – 8. Сходное соотношение производств обнаруживают сказки подполковников (в 1700–1705 гг. – 31, 1706–1711 гг. – 50, 1712–1717 гг. – 9) и майоров (в 1700–1705 гг. – 42, 1706–1711 гг. – 59, 1712–1717 гг. – 25). Еще более выражена эта динамика среди капитанов (в 1700–1705 гг. – 103, 1706–1711 гг. – 276, 1712–1717 гг. – 87), поручиков (в 1700–1705 гг. – 46, 1706–1711 гг. – 244, 1712–1716 гг. – 63), подпоручиков (в 1700–1705 гг. – 14, 1706–1711 гг. – 102, 1712–1717 гг. – 32) и прапорщиков (в 1700–1705 гг. – 13, 1706–1711 гг. – 67, 1712–1717 гг. – 40).

Вполне проявляется в группе побывавших у Нарвы и отмеченная М.Д. Рабиновичем зависимость успешности выслуги от сословной принадлежности. Сказки представляют 15 капитанов (8,2 % от общего числа участников акции, имевших к концу войны этот чин), 1 капитана-поручика (из 4), 47 поручиков (27,3 %), 46 подпоручиков (58,2 %), 35 (39,2 %) прапорщиков. Вместе с тем периоды роста и снижения активности перемещения по ступенькам чиновной лестницы для этой категории такие же, как и у всех остальных служащих – выходцев из числа «благородных», военных служилых людей (прежних служб), иностранцев.

Пик интенсивности чинопроизводства совпадает с периодом крупнейших сражений. По-видимому, объем потребности восполнения офицерских потерь требовал мобилизации сил разных сословных групп, но определяющим являлся именно масштаб насущных задач. В этом же русле может интерпретироваться более демократичный по происхождению состав офицерского контингента в генеральстве А.И. Репнина. Как уже упоминалось, начинавшие здесь службу реализовали (судя по итогам войны) более выгодную стартовую позицию, полученную за счет сравнительно массового производства в унтер-офицерские чины в самом начале кампании.

Сходным образом, кажется, можно истолковать и известное пренебрежение командования преимуществами, которые даются боевым опытом и самой продолжительностью службы. В сказках 357 чел., не отправленных к месту, где готовились к столкновению с противником, эти показатели (в полевых частях наличие «нерегулярного» боевого опыта отмечено в 26 % сказок, стажа – в 10,5 %) существенно выше, чем у тех, кого туда послали после краткого курса солдатской «науки» (соответственно, 16,2 % и 4,6 %). Выполнение задачи текущего момента подручными – в местах массового набора в «регулярство» – средствами представлялось более адекватным, чем вызов подготовленных кадров. В том же ряду – повсеместно встречающиеся переводы из кавалерии в пехоту и наоборот, из разных родов войск на флот, в каптенармусы «за умножением сержантов», а также и отсутствие каких-либо преимуществ для учившихся за границей¹⁵.

Возможно, тактические установки перевешивали стратегические расчеты или ограниченность времени не оставляла возможности перспективного планирования. Капитан С.В. Латы-

шев вспоминал, что выпущенный в 700 г. из учения «ни в который полк не написан,... остался в улишних со многими своими братьею, и был на Москве до 702 года», а капитан С.С. Бордуков, к началу шведской кампании уже имевший опыт трех экспедиций против турок, был «написан в прапорщики в драгунские полки, и оные полки посланы в службу, а мы оставлены на плац-ваканции и отосланы в Разряд. А из Разряда посланы на Таган Рог к жилым солдатским полкам ...в 702-м году». По завершении нарвской «акции» служившие в выборной роте вместе П.Ф. Косецким новгородские дворяне были «отпущены по указу...в дома свои»¹⁶.

В то же время вся совокупность норм сословного государства в определенной степени адаптировала новую практику к существующей иерархии. Нарвские ветераны «неблагородного» происхождения не поднялись за время войны выше капитана. Из общего числа в 190 выходцев из податного состояния 144 получили обер-офицерские должности и 46 состояли в унтер-штабе.

Унтер-штаб в это время не был тупиковой веткой на чиновном древе, являясь одной из ступенек выслуги многих офицеров. В то же время это было своего рода прибежище для тех, кто служил беспорочно и долго, знал все тонкости организации полкового быта, но к командным должностям не считался годным. И если из числа «благородных» по происхождению нарвских ветеранов в должностях этого рода к концу войны состояло около 10 %, то из «простых» едва ли не каждый четвертый. Самой «дворянской» была не связанная ни с «грязными» занятиями, ни с бумагами должность квартирмейстера (20 чел.), далее по убывающей – адъютанты и обозные, провиантмейстеры и писари, профосы, аудиторы и фискалы. Среди бывших «простых» наиболее распространены были обозные, затем шли квартирмейстеры, профосы, полковые адъютанты, фискалы, писари и аудиторы. Должности трех последних категорий часто занимали бывшие монастырские слуги. В целом же функции обеспечения чаще считались подходящими выходцам из податного состояния, чем «благородным».

Из 35 прапорщиков «неблагородного» допризывного статуса производство в унтер-офицерский чин приходится у одного на первый год службы, у другого – на третий, остальным пришлось ждать его от 4 до 10 лет. Интервал же между унтер- и обер-офи-

церскими чинами составлял от нескольких месяцев в 1706–1711 г. до 10 лет в остальное время, вплоть до следующего «пика» производств, который приходится на 1719 г. (пока трудно сказать, в результате ли уже начавшихся отставок или в преддверии принятия в 1720 г. первого после 1711 г. нового «штата»).

Сопоставляя сведения о тех, кто перешагнул знаковую для сословного общества «офицерскую» черту (35 чел.), и прапорщиках из дворян (30 чел.), видим, что их абсолютное число выше незначительно. Зато в процентном отношении прапорщики составляли около 6,6 % от общего числа рассматриваемых здесь офицеров, вышедших из дворян. У тех, кто выслужился из низов, чин прапорщика стал высшим достижением для 18,4 %. Разброс минимальных и максимальных сроков ожидания чина в обеих группах одинаков. Совпадают и пики производств в прапорщики, приходящиеся на период после «турецкой акции» (и штатов 1711 г.) и на канун окончания войны.

Поручики (47 чел.) и подпоручики (46 чел.) – самая многочисленная группа офицеров среди нарвских ветеранов из непривилегированных сословий. При всем разнообразии конкретного склада отразившихся в сказках судеб есть и сближающее их свойство. Речь идет о заметной доле людей, пошедших в солдаты «волею», что отмечено в сказках без комментариев о мотивах. Могли иметь место и мечта о личной свободе, и стремление приложить бившие через край силы и удаль, и просто желание переменить судьбу.

Однажды Екатерина II призналась, что если бы она родилась мужчиной и частным человеком, то «отважилась бы на все для славы и в чине поручика в первую кампанию не снесла бы головы»¹⁷. Обеспечивала «охота» нарвских ветеранов к участию в войне их успех на этом поприще или пополняла число тех, кто «не снес головы»? Сказки оставляют этот вопрос открытым. Зафиксированные ими сведения о ранениях не могут прояснить его, так как самые тяжелые ранения приводили к отставкам, а отмеченные свидетельствуют лишь о прочности организма тех, кому удалось выздороветь. И все же то обстоятельство, что из числа раненых примерно треть были ранены дважды, некоторые трижды и четырежды, обращает на себя внимание, намекая не только на волю случая, но и на склад характера, готовность «лезть» вперед.

Характер проявлялся не только в описании – с явным удовольствием – случаев из боевого прошлого, в которых «с поля сбили», «не перепустили», «разорили и пожгли без остатку», «посад взяли и засели в нем». Выходец из людей боярских А.Н. Давыдов в первый же год службы был произведен в сержанты, пережил три ранения и дослужился до подпоручика (1708). Пробыв в этом статусе менее года, был разжалован за штраф в солдаты, но через семь лет, в течение которых снова был ранен, вернул себе обер-офицерский, хотя и прапорщичий, чин¹⁸.

Проявлялся характер и в отношении к собственной участи. Сказки неоднократно отмечают, что повышение в чине произошло, потому что респондент «бил челом»¹⁹ перед высшим начальством. «Недошедший» до Нарвы уроженец Нижегородской губернии, помещичий «человек» И.Я. Блохин сразу же «по разбору и по смотру» А.И. Репнина был произведен в сержанты. В 1706 г. сержантом же попал в плен, где провел 5 лет. В Петербурге явился на «Васильеве острове у его светлости князь Александра Даниловича Меншикова, и в то время на Васильеве острове Царское величество и светлейший князь изволили смотреть всех нас, ... которые привезены из полону... По указу Его Царского Величества и по приказу князя светлейшего» определен «в ... Баишевский полк в прапорщики... А как тех солдат со всех разных работ из Петербурга велено сменить и отпустить в Новгород для ученья солдатского артикула, и я, раб не похотел в том полку быть, просил у господина генерал-лейтенанта Романа Вилимовича Брюса во Архангелогородский полк на порожнее место подпоручиково из прапорщиков в подпоручики. И... пожалован»²⁰. То обстоятельство, что самое производство в прапорщики было наградой за «полонное терпение» и состоялось по лично выраженной высочайшей воле, не смутило опытного вояку, и, осмотревшись в новом городе и присмотрев себе место по душе, он нашел средства на это желанное место определиться. Яркая картина, нарисованная И.Я. Блохиным, оставляет за кадром тех скромных обер-офицеров одного с ним набора А.И. Репнина, которые в это время собрались в Архангелогородском полку. Кто из этих восьми (1 капитан, 4 поручика, 1 подпоручик, 2 прапорщика) человек сообщил о «порожном» месте и посоветовал, к кому обратиться за «ордером», останется неясным. Однако налицо один из вариантов официально не признанной, но реальной и достаточно эффективной

стратегии приспособления «маленького человека» к глобальным сдвигам эпохи великих перемен.

Другим ресурсом взаимной поддержки – равно дворян и не дворян – была служба родных братьев. При одновременном призыве это условие выполнялось сразу, возможно считаясь само собой разумеющимся. Но и младших братьев, вступавших в службу позднее, можно встретить в одном полку со старшими²¹. О доказываемых такими назначениями связях с семьей говорят и встречающиеся упоминания о факте, а иногда и о дате смерти отца, матери²².

В сказках они приводятся в контексте данных о наличии имения (у дворян). Но другая научная публикация – перехваченных шведами писем русских солдат под Нарвой – свидетельствует о возможности контактов с домом. В письмах есть просьбы, сформулированные с уверенностью в возможности адресата оказать помощь: «Да пожалуй, матушка, пришли шубу да сапоги». Есть просьбы, подкрепленные отправкой денег: «Пожалуй, батюшко, купить нам харчу снетков, да заспы, да толкна по чему-нибудь, да будет, добудешь сухарей... А денег мы к тебе послали з братой... Да пожалуй, батюшко, купи мне сапоги жилецкие попространней... Да пришли, пожалуй, рубашку да портки, да шубу». А есть распоряжения, как достать денег на нужные вещи: «И будет отец двор продаст, и ты у отца возми за пострунку мою денег полтора рубли. И, взявши половину, ко мне пришли, а сама где ни есть до меня проживи. Да пришли ко мне рубашку да портки»²³.

Все процитированные письма адресованы в слободу Печерского монастыря, т. е. местность, относительно близкую к театру военных действий. Но в опубликованной недавно духовной, составленной в 1713 г. жителем Москвы капитаном М. Бужениновым, упоминается «ружейко», которое было послано к нему «в армию»²⁴. Это позволяет предположить, что более состоятельные служащие могли и на весьма отдаленном расстоянии получать материальную поддержку родных через надежных людей.

Наличие собственных средств, как неодушевленных, так и одушевленных, было значимо и при необходимости ухода во время болезни или ранения. О состоящем при нем «человеке» упоминает в своем завещании один из участников Нарвского сражения,

капитан П.И. Сверчков²⁵. Воспоминания видного государственного деятеля XIX в. А.С. Норова показывают, как существенна могла быть роль таких «людей» для раненого еще и в 1812 г.²⁶

Общеизвестно, что погибшие и раненые вплоть до начала XX в. составляли незначительную часть военных потерь сравнительно с умершими от болезней. В «сказках» нередко упоминаются имена тех, чье место занимали в тот или иной момент карьеры их податели²⁷, примерно в равных долях относя ушедших товарищей к «убитым» и к «умершим». Однако корреляция динамики производств и крупнейших сражений свидетельствует о том, что структура потерь в офицерском корпусе не совпадала с общеармейской. Возможности теплее одеться, лучше обуться в конкретных климатических условиях могли быть тождественны выживанию. В упомянутом уже завещании капитана П.И. Сверчкова среди его имущества по прибытии из армии означены две лошади, седло, пара пистолетов, «торелки», двухведерные котлы и «котлик», шуба, «постеля», кафтан, камзол, штаны, шляпа и шпага²⁸. В этом перечне и вещи, обеспечивающее лучшее качество жизни (шуба, посуда и др.), и то (лошади, шпага, пистолеты), от чего зависела сама жизнь.

При этом сами привилегированные респонденты постоянно акцентировали именно свою «безотлучную» службу, из-за которой дома не были много лет. Чаще всего такими декларациями пояснялась неосведомленность об имущественном положении. На вопрос об имении многие отговаривались неведением или тем, что имение за ними, ввиду отсутствия, «не справлено». Одни ограничивались упоминанием о том, что за ними никаких крестьянских дворов либо вообще поместий нет, а другие уточняли, что за ними нет, но есть за отцом, братом, матерью. Первые, формально не нарушая присяги, подчеркивали полное отсутствие средств, вторые – принадлежность (с разными оттенками позитива / негатива) к социальной группе более обеспеченной, чем та, в которую они лично входят в данный момент.

Среди 189 нарвских ветеранов, состоявших к 1720 г. офицерами в драгунских полевых частях, наличие собственности за собой признали 144 чел. (или 76,2 %), за родственниками – 29 чел. (14,73 %). Применительно к оставшимся 16 лицам, надо учесть очевидные негативные эмоции после «новосостоятельного» за-

кона о единонаследии, которые могли побудить кого-то «в сердцах» отказаться упомянуть брата, ставшего наследником в ущерб респонденту. Кроме того, трое из «лишенцев» получали иноземческий оклад, призванный компенсировать отсутствие «имения». В 346 сказках «нарвских» полевых пехотинцев общее соотношение «обеспеченных» и «необеспеченных» было прямо обратным: 24,4 % респондентов признали наличие собственности за собой, 6,6 % – за родственниками, а 69 % подчеркнули ее отсутствие.

По-видимому, возможность в «подпитке» (деньгами или «натурой») из дома сознавалась властью и при распределении по родам войск, и при офицерских производствах. Существовая на практике, это положение вещей не артикулировалось, вытесняясь подчеркиванием значимости лишь принадлежности к армейской общности и «своей братии», равным по чину.

Имена тех, чье место заступали респонденты в своем новом ранге, вспоминались ими чаще всего после имен начальников, но в отличие от последних назывались они вне требований формуляра, по собственной инициативе, в известном смысле сублимируя представления о наследовании в военной системе координат. Сведение жизни к «безотлучной» службе, акцент на равенстве всех слуг государя, добровольно и постоянно воспроизводимые в ответах его «учеников», на первый взгляд, свидетельствуют только о действенности официальной идеологии.

Идеология не была лишь риторикой. Брак бывшего слуги суздальского монастыря с вдовой князя Кропоткина, о котором «сказал» И.С. Закрюковский (и это единственное персональное упоминание жены), вероятно, был заключен по большой любви, но возможность его заключения в немалой степени происходила из того, что руку княгине предлагал уже поручик. Усвоение новых стандартов являлось механизмом социальной адаптации, успеха и в конечном счете обретения более высокого положения в обществе. Материальные факторы – обеспеченность, поддержка родных – играли существенную роль с точки зрения военного долголетия, выживаемости, равнение на новые образцы становилось необходимо для полноценной жизни.

¹ Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т.С. Майкова, под общ. ред. А.А. Преображенского. М., 2004. Вып. 1. С. 209.

² Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия: Сб. документов: в 2 т. / Сост., вступ. ст., оформление К.В. Татарникова. М., 2015. Далее: Полевая армия.

³ Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Гарнизонные войска: Сб. документов: в 2 т. / Сост., вступ. ст., оформление К.В. Татарникова. М., 2016. Далее: Гарнизонные войска. Публикуются сказки офицеров Рижского, Динаментшанского и Перновского гарнизонов 1716 г., составленные по указу из Сената, Петербургского, Шлиссельбургского, острова Котлин, Нарвского, Выборского и Нейшлотского, Ревельского гарнизонов, представленные по приказу князя А.Д. Меншикова в 1718–1719 гг., а также сказки служащих в гарнизонах – уже названных и внутренних, поданные на «смотре» Военной коллегии в 1719 – первой половине 1722 гг.

⁴ Рабинович М.Д. Социальное происхождение и имущественное положение офицеров русской армии в конце Северной войны // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 133–131.

⁵ Если сказка была составлена после производства в следующий чин, учитывался в общем подсчете последний по времени.

⁶ Например, подполковник А. Борисов с 1698 по 1719 гг. служил в отличившемся в сражении Семеновском полку, но под Нарвой не был (Гарнизонные войска. С. 1200–1201), то же относится и к прапорщику И.И. Мокринскому (Полевая армия. С. 2019).

⁷ Гарнизонные войска. С. 143; 401.

⁸ Совсем не учитывались сказки тех, кто оказался в армии в 1700 г., но после Нарвского сражения (Полевая армия. С. 1905, 1916 и др.), чья сказка не дает возможности разграничить «первый» и «второй» Нарвский походы (Полевая армия. С. 722; Гарнизонные войска. С. 1450), сказки отсутствующих (Полевая армия. С. 86, 396, 2283 и др.) в момент учетной кампании, так как они ограничены сведениями о дате поступления в службу и в полк, сказки, ограниченные сведениями о чинопроизводстве.

⁹ Великанов В.С. К вопросу о состоянии русской армии после нарвского поражения (зима 1700–1701 годов) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международн. науч.-практ. конференции 18–21 мая 2016 г. СПб., 2016. Ч. II. С. 27.

¹⁰ Там же. С. 36.

¹¹ Полевая армия. С. 1463, 1605, 2365, 2367; Гарнизонные войска. С. 972.

¹² Полевая армия. С. 2325.

¹³ Там же. С. 2005.

¹⁴ Подсчеты по гарнизонным войскам в этом отношении не производились. Скорость чинопроизводства в гарнизонах, куда большинство подателей сказок попадали после ранений или в результате расформирования их частей, была более низкой, чем в полевой армии.

¹⁵ Полевая армия. С. 602, 715, 1265, 2146 и др.

¹⁶ Гарнизонные войска. С. 996, 810; Полевая армия. С. 437

¹⁷ Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785–1789). СПб., 1865. С. 188.

¹⁸ Полевая армия. С. 2092–2093.

¹⁹ Там же. С. 609, 2149.

²⁰ Там же. С. 1240.

²¹ Там же. С. 196, 198, 258, 262, 292, 298, 326, 329, 479, 485, 517, 531, 606, 612, 796, 801, 1215, 1232, 1325, 1341, 1465, 1466, 1599, 1610, 1612, 1614; 1682, 1683, 2170, 2177, 2188, 2175, 2178, 2253, 2256 и др.

²² Полевая армия. С. 126.

²³ Дадыкина М.М., Базарова Т.А. Письма русских солдат из-под Нарвы 1700 г. (По материалам Государственного архива в Стокгольме) // Меншиковские чтения – 2008: материалы чтений. СПб., 2008. Вып. 6. С. 118–119, 121.

²⁴ Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завещания петровского времени / Сост., очерки и коммент. Н.В. Козловой и А.Ю. Прокофьевой. М., 2015. С. 143.

²⁵ Там же. С. 281.

²⁶ Норов А.С. Война и мир (1805–1812). С исторической точки зрения и по воспоминаниям современника. По поводу сочинения Толстого «Война и мир». М., 1914. С. 42–58.

²⁷ Полевая армия. С. 220, 569, 2004 и др.; Гарнизонные войска. С. 474 и др.

²⁸ Дворяне Москвы... С. 281.

М.В. Бабич (Москва)

**ВОКРУГ КОМИССАРИАТА:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТ
И ПРОВИАНТСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АРМИИ В 1730-е ГОДЫ**

НАБЛЮДЕНИЯ относительно мундирно-амуничного «довольства» середины 1730-х гг.¹ привели автора настоящей статьи к выводу, что законодательно очерченная 26 января 1736 г. реформа Военной коллегии с интегрированием в нее снабженческих функций Генерального Кригс-комиссариата (далее – ГКК)² вполне реализована не была. Материальные же потребности Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. удовлетворялись под руководством Кабинета министров при опоре на установления, организующая роль среди которых коллегии не очевидна. Зато очевидно, что большинство новообразованных тогда институтов принадлежало к сфере не «вещевой», мнимые «непорядки» которой стали предлогом вышеназванного переустройства, а к «провиантской» – всегда признаваемой «достаточной», но почти не изученной (включая призывавшиеся ведать ею по мере становления регулярной армии Провиантский приказ, Канцелярию подрядных дел и Провиантскую канцелярию).

Поэтому попытку как-то осмыслить ситуацию автор и предпринимает, отталкиваясь от сведений, собранных при исследовании совокупности органов комиссионального типа, практика создания которых – «на время» – широко применялась на всех административных направлениях. Уже в ходе описания комиссий провиантского профиля освещая деятельность других учреждений и лиц и оперируя законодательными данными, тоже специально не анализировавшимися в литературе³. Возможно,

не без влияния того факта, что и сами законодатели не сосредоточивались на гарантиях «пропитания» военнотружущих, подходы к которому как, по Воинскому уставу 1716 г., к «наиглавнейшим делам» сложились будто сами собой.

Так, акты «Полного собрания законов» скорее не утверждают, а фиксируют связь появившегося не позднее 1700 г. понятия «провиант» с положенным «ратным людям дачею» запасом хлеба. Именной указ от 18 февраля 1704 г. о хлебном жалованье «нижних чинов служилым людям» в гарнизонах и «в полках» подразделял его на муку и крупу. В 1710-е гг. к ним добавляются сухари, а вскоре провиант пополняет и соль. То же можно сказать о комплектовании провиантского запаса – за вычетом соли как предмета казенной монополии – путем сочетания натуральных сборов с податного населения и осуществлявшихся на денежные сборы с него же подрядов и покупки с определением, преимущественно, их объема в зависимости от численности вооруженных сил и представлений о необходимом человеку «порционе».

Его описание (хлеб, мясо, «вино», пиво) встречаем в Воинском уставе (вместе с лошадиным «рационом»), но точные параметры закрепляет Табель о полевой армии и гарнизонных полках от 9 февраля 1720 г.⁴ Так называемая солдатская норма провианта в четвертях, четвериках и фунтах, а мяса исключительно в деньгах (без конкретизации остального), бравшая за основу «дачи» 1704 г., с тех пор кардинально не пересматривалась и была отправной точкой для расчетов «провиантской суммы» во всяком случае до середины XVIII в.

Формулированием обязанностей по распоряжению ею, и ранее распределявшихся между «аншефтами», центральной администрацией и «провиантскими чинами» (из которых штаты 1711 г. учитывают трех генерал-провиантмейстеров на всю армию, Воинский устав – и по одному провиантмейстеру в полку, а Табель 1720 г. – тех же полковых провиантмейстеров и одного генерал-провиантмейстера с двумя генерал-провиантмейстер-лейтенантами при Главном штабе), озаботились еще позже. Но уже с середины 1710-х гг. заметно стремление к учреждению «запасных магазинов» – крупных стационарных хранилищ провианта и овса (а реже, и сена) для лошадей (заготавливаемого на отдельную «фуражную сумму»).

В отличие от месячного полкового продовольствия «на квартирах» или недельного «на марше», они рассматривались как объекты, строительство, наполнение и содержание которых в городах и крепостях, начиная с Петербурга, вменялось Военной коллегии и другим «коллегиям и канцеляриям», пока не было вручено образованной 20 января 1724 г. Провиантской канцелярии. При этом само упорство возвращения к магазинам на фоне изменчивости их медленно расширявшегося реестра⁵ свидетельствует, что решение касающихся их задач, например, замены ценовальников от купечества провиантмейстерами из гарнизонных или отставных обер- и унтер-офицеров, не было простым.

Характерно, что даже основание при генерал-провиантмейстере подчиненной Сенату Провиантской канцелярии было сопряжено не столько с поглощением подушной податью камерколлежского «провиантского рублевого сбора», сколько с заготовками для Украинского корпуса⁶. И хотя его, в большинстве драгунские, полки получали провиант и фураж за счет натуральных платежей «обывателей» Гетманщины и Слобожанщины, магазины в «украинских городах» довольствовались на «табельные деньги». Всякое объявление иного сбора с любых плательщиков и впредь оправдывалось разными неординарными обстоятельствами, но впервые, тоже относительно «украинских магазинов», указ об ускоренном заведении которых «сверх тамошних» в Ахтырке, Изюме и Харькове приняли 11 июня 1729 г. по настойчивым рапортам командующего корпусом фельдмаршала кн. М.М. Голицына, ожидавшего нападения Турции на «персидские провинции»⁷.

С этой целью Провиантская канцелярия по указу Верховного тайного совета командировала своего члена, полковника В.А. Тютчева с 20 тыс. р., двумя канцелярскими служителями, опытным в «счете денежной казны» капралом А. Базыкиным и двумя солдатами «для караула и посылок». По прибытии в Харьков его Комиссии были приданы еще 6 обер- и унтер-офицеров (из них трое полковые провиантмейстеры) – стараться, чтобы в названных местах было по 10 тыс. четвертей муки с крупами и солью «по препорции»: согласно годовой солдатской норме в соотношении 3 четвертей муки к 2 четверикам круп и 24 фунтам соли. Когда предписанные действия в сентябре – октябре были развернуты, хлебная торговля уже закончилась и ис-

полнить как «по росписанию» М.М. Голицына, так и по новому приказу Провиантской канцелярии о фураже на почти 16 тыс. р. (из средств частей, «обретающихся», кроме малороссийско-слободской области, в Белгородской губернии) ей не удалось. Поэтому 24 февраля 1730 г. фельдмаршалу позволили «брать с обывателей, как в прошлые годы»⁸, «команды» В.А. Тютчева тем не менее не расформировав.

Она и в 1730 г. пыталась снабжать «украинские магазины», опять не преуспев. Так что Сенат 12 января 1731 г. «за неимением подрядчиков» повелел расположить «указное число хлеба» на тех же «обывателей», плата которым по рыночным ценам (ввиду поставки в дополнение к ежегодному налогу) производилась из казны В.А. Тютчева. Сколько всего им было заготовлено и истрачено, чем и на каких правах его контингент занимался по упразднении в конце 1731 г. Провиантской канцелярии, в выявленных документах не отражено. Но его отзыв в Москву (а подчиненных в полки) с передачей изюмского и харьковского магазинов белгородским властям достоверно состоялся в сентябре 1732 г. Ахтырский же и вслед за ним харьковский магазины вскоре закрылись, а одновременная отправка для помощи с провиантом корпусу, «назначенному в Польшу», офицеров «московской команды» институционно оформлена не была⁹.

Однако затем структуры, весьма близкие своим алгоритмом тютчевской, опять начнут сменять друг друга. И тоже без особой оглядки на действующие регламенты, параллельно вдумчиво совершенствуемые – наиболее значимо в узаконенных летом 1731 г. «рассуждениях» Военской комиссии 1730 г. «о провианте и фураже» для вновь принимаемого «воинского стага»¹⁰.

Они пока оценивались в аспекте экономии «провиантской суммы» со снижением закупочных цен исходя из многолетнего падения цен рыночных¹¹. Но не меньше внимания уделяли и системе магазинов, едва ли не на исключительное снабжение из которых предполагали перевести всю армию. А также содержали полезные для обрисовки ее продовольственного положения абсолютные цифры – при всей присущей аналогичным выкладкам множественности показателей, которые, суммируясь, каждый раз группируются по-разному и потому сегодня мало доступны для понимания. В частности, однозначно оговаривали, что годовой расход на провиант и фураж по Табели 1720-го и твердым

ценам 1724 г. должен составлять 1 274 265 р. 75 к. Налицо же свыше 900 и 50 тыс. четвертей муки и круп с почти 85 тыс. р., которые пойдут на устройство типовых (главных, полковых и малых) магазинов мощностью в 592,5 тыс. четвертей муки¹².

Тут же прописывались правила приема-выдачи хлеба (как ответственные за что в полках фигурируют уже не провиантмейстеры, а квартирмейстеры), его меры, молотьбы и соотношения молотого и немолотого. И, наконец, замечалось, что управлять распределением и поступлением по адресу провиантских денег будет ГКК, в инструкции которому от 12 декабря 1731 г. об этом говорилось столь же бегло. Впрочем, и инструкция генерал-провиантмейстеру от 20 января 1724 г.¹³ довольно внятно трактовала полковые заготовки военного и мирного времени как подконтрольные Провиантской канцелярии, но к компетенции ее одной относилась лишь организацию запасных магазинов.

Обнаруживая реалистичность соответствующих планов Воинской комиссии, магазины за два года и выросли в числе чуть не втрое, охватив, кроме столиц, Прибалтики и Украины, почти всю Европейскую Россию¹⁴. Не имея информации, как унаследовавший их ГКК причастен к этому впечатляющему успеху, все же сошлемся на незаурядные таланты заведующего его «провиантской» частью бригадира Ф.А. Полибина, который после удачной карьеры в Северную войну, судя по назначениям к руководству Московским монетным розыском и Сыскным приказом, приобрел доверие и аннинских правящих кругов. Возведенный в генерал-провиантмейстеры и члены ГКК в ноябре 1731 г. явно с учетом службы на исходе 1720-х гг. обер-штер-кригс-комиссаром, он стал одним из инициаторов «комиссариатских исправлений», вылившихся в акты начала 1736 г., и до своей смерти в декабре 1737 г. возглавлял Походный комиссариат¹⁵.

Из ордера к нему в этом качестве фельдмаршала гр Б.-Х. Миниха видно, что в свое время на ГКК возлагалось и «изыскание способов» ко всевозможным «улучшениям», из которых известна, правда, только отмена – с подачи Воинской комиссии и Сената – 3 июля 1732 г. пошлин с «добровольной... продажи крестьянами» хлеба непосредственно в магазины¹⁶. Эффективность этого не выяснялась, зато удовлетворенность верхов «ведомостями» данного подразделения ГКК доказывается отсутствием с их стороны какой-либо его критики. Благоприятным был и

прогноз на наполнение к 1734 г. «7 украинских магазинов» примерно 390 тыс. четвертей для расположенных вокруг них около 130 тыс. чел.¹⁷ Но сентябрьскую заявку Б.-Х. Миниха на еще 50 тыс. четвертей в каждом совещание в Кабинете (при участии Ф.А. Полибина) адресовало Сенату, который 8 (10) октября 1733 г. и вынес постановление по Комиссии для заготовления провианта в украинские магазины¹⁸.

Она была укомплектована отставными штаб-офицерами (И.П. Богданов, С.Н. Болтин, И.Ю. Караулов, И.Д. Кольчугин, Д.Д. Лукин, Я.Н. Сытин), которые за полтора месяца были «расписаны» по городам и крепостям и явились туда с сенатской инструкцией, 50 тыс. р. и гарантией получения до 30 тыс. на месте, как и канцелярских служителей и помощников, в лице уже состоявших при магазинах обер- и унтер-офицерами Воронежского и Павловского гарнизонов. Они, вероятно, могли бы быть активнее под началом генерал-майора П.В. Измайлова, кандидатуру которого за введением в Военную коллегияю затем заменили. Но главная квартира в Изюме статского советника М.Ф. Воейкова, давно отошедшего от полковой жизни и не слишком проявившего себя в гражданской¹⁹, была таковой лишь номинально. Вследствие чего ее отделения функционировали автономно, так и не выйдя на уровень «переписных» канцелярий 1-й ревизии, которые, судя по всему, были их организационным прообразом.

Несмотря на это, централизация в Комиссии натурально-го сбора со всей Украины, Белгородской и Воронежской губерний (на налогоплательщиков которых вместо декларированной в сентябре принудительной продажи трети имеющегося хлеба было положено по четверику и $\frac{1}{16}$ четверика муки / круп) вместе с оплачиваемой «вольной продажей» (по ноябрьской цене «в хлебных местах» с десятипроцентной надбавкой)²⁰ превзошла ожидания. Так что Военная коллегия, констатируя штатную заполненность хранилищ еще до завершения «надлежащих» поступлений, 15 мая 1734 г. ходатайствовала об остановке «украинских» заготовок даже без традиционных ссылок на трудности ведущейся «по указам Кабинета» на Дону и Волге заготовки 510 тыс. четвертей.

Освободившийся контингент сперва вроде бы нацелили на строительство при Усть-Хопре «уставных» (образца 1731 г.) магазинных помещений и на подряд судов к «будущему свозу того

провианта» в противостоящую Азову крепость Св. Анны. Но в октябре того же года отпустили в Москву, сохранив полномочия «по Инструкции» М.Ф. Воейкову, подтвержденные год спустя за оставленными в Изюме и Воронеже подполковником И.Д. Кольчугиным и майором Я.Н. Сытиным²¹. Спрашивали с них лишь пополнения на все еще бывшие 30 тыс. р. израсходованного по региону, где более 305 тыс. четвертей в начале 1735 г. с лихвой превосходило не только довольствие пребывавших там 14 полков, но и участвовавших в осеннем походе генерал-лейтенанта М.И. Леонтьева в Крым 30 тыс. чел. регулярных и нерегулярных войск²². И уже задним числом, весной 1736 г. стали упрекать в «слабых поступках», которые обрекли осаждавших Азов на одни сухари и чуть не сорвали выступления из Царицынки Днепровской армии, не нашедшей там «ни одной четверти муки»²³.

Эффектные фразы Б.-Х. Миниха легко выводить как из «командирской» ориентации на прямое изъятие армейского «продовольственного заказа» у беззащитного населения, так и из сваливания военной неудачи на «недостаток провианта» из-за «нерадения» тех, «коих к тому зависит должность». То есть на Ф.А. Полибина как «генерал-провиантмейстера и оного департамента первого члена», а заодно и на допустивших «фальшивые меры» или порчу хранимого с раздачей «погнилого в пищу»²⁴.

Сложнее разглядеть, что коллежское следствие над И.Д. Кольчугиным, может быть и устрашало служащих при магазинах, к тому же неоднократно осматривавшихся гвардейцами, но его «вин» не доказало. А Ф.А. Полибин пожизненно занимал свой пост, что было бы невозможно без поддержки фельдмаршала, выбравшего его ответственным «пред Богом и е. и. в.» за несколько месяцев до неудачного оборота похода 1736 г., и самой императрицы, как будто согласившейся со своим главнокомандующим²⁵. И уж вовсе нелогичным предстает сначала наряд в 336 тыс. четвертей (при имевшихся сведениях об оставшихся с прошлого года примерно 200), а потом сопровождаемые всем невыгодным ограничением винокурения меры по наращиванию запасов (при, напротив, неизвестности видов на кампанию 1737 г.)²⁶

Как бы то ни было, наблюдаемую с конца 1720-х гг. провиантскую практику радикально не изменили ни масштабные «марши» 1736 г., ни замещение ГКК комиссариатом Походным. По мысли реформаторов, последний должен был стать промежуточ-

ным звеном между Военной коллегией и полками, знаменуя выстраивание ее аппарата строго по вертикали, уже проведенной в трехступенчатой иерархии общегосударственного высшего, центрального и местного управления. Проект его инструкции, который отложился в Сенате, заключал в 91 статье версии от ноября 1736 г. свод законоположений по снабженческим отраслям, 26 января разведенным по конторам коллегии, а также по контролю за «состоянием» армии, эстафету которого он принимал от генерал-инспекторов 1731–1732 гг. А в остальном просто аккумуляировал функции ГКК в доставке материального содержания по назначению. С той разницей, что исполнявший их штатный персонал, лишаясь места для «присутствия», освобождался от переходящих к присутствиям коллежских контор как обобщения отчетности к информированию вышестоящих инстанций, так и от самого «ассигнования»²⁷, понятие какового затем вошло в военный обиход в значении «откуда что-либо получать для войска»²⁸.

Задуманный, соответственно, как постоянный орган Военной коллегии, в котором над 14 «комиссарами» и «провиантмейстерами» даже не было старшего, Походный комиссариат²⁹ и сформировался, и работал как типичная комиссия, подотчетная Кабинету и состоявшая из гораздо меньше планируемого числа членов под единоличным руководством (после Ф.А. Полибина генерал-кригс-комиссара кн. Н.Ю. Трубецкого). При этом в течение 1736 г., пока жалованье, мундир и амуниция оставались за упраздненным, но не распущенным ГКК, комиссия собственно провиантская, которая сменила свою сенатскую предшественницу в Изюме, наполняла на тех же началах приема у «обывателей» и самостоятельных закупок те же «украинские магазины». И если их номенклатура по «диспозиции» Б.-Х. Миниха с дополнением «запасных» временными заметно расширилась³⁰, то совокупное задание в 400–440 тыс. четвертей (для около 110 тыс. чел., действующих против Турции, регулярных и нерегулярных) сравнительно с 1734–1735 гг., наоборот, сузилось³¹.

Не комментируя серии указов о сборах с «земли» за «великой нуждой» с угрозами местным властям на случай их «слабости», для преодоления которой высылались гвардейские обер- и унтер-офицеры³², подчеркнем, что на намеченный весной рубеж к моменту тяжелейшего для экономики Украины расквартирования

там введенной осенью в границы армии³³ фактически уже вышли. Скорее всего, даже истратив – ввиду вышеупомянутого запаса и обеспеченных хорошим урожаем натуральных взносов – не более 123 тыс. р. на выдачу Ф.А. Полибину (вместо желаемых 635 и одобренных 500) и 100 тыс. на малороссийско-слободские и белгородско-воронежские поставки (последние – из Канцелярии оставшихся за указными расходами денег)³⁴. А беспокоивший командование продовольственный «недостаток» заключался не в дефиците запасов, запрошенных на 1737 г. в аналогичном 1736 г. объеме около 400 тыс. четвертей, а в трудностях подвоза к воюющим Днепровской и Донской «экспедициям»³⁵.

Их острота вместе с потребностью в равнозначных «украинским» запасным магазинах в южнорусских городах и откликнулась, полагаем, появлением череды административных единиц как партнеров Походного комиссариата по отправке собранного сухим и водным путем. Но произошло это далеко не сразу. В 1736 г. его чины занимались телегами, волами, бударами и, главное, сопровождавшими их людьми «обще» с гвардейцами³⁶ и представителями генералитета при армии и статских делах.

В 1737 г. прежде всего «генералитетской» помощью Походному комиссариату по указам от 30 апреля малороссийскому с московским главнокомандующим кн. И.Ф. Бярятинскому с гр С. А. Салтыковым, главному командиру строения судов на Дону контр-адмиралу В.А. Дмитриеву-Мамонову и смоленскому губернатору А.Б. Бутурлину правительство, по-видимому, и думало обойтись. И почти втрое от прошлого (до около 114 тыс. четвертей) снизило наряд с «обывателей»³⁷, особые надежды возлагая на Москву со сходящимися в ней торгово-денежными потоками из внутренних губерний и мощным административным ресурсом.

С.А. Салтыков действительно в 10 дней сформировал под своими «ордерами» официально сенатскую Комиссию покупных дел провианта из «коллежских членов» (А.Я. Дохтуров и Я.А. Маслов) для приема и размещения приобретенного четырьмя гарнизонными офицерами (с отправкой еще двоих по рекам Оке и Угре), которые получили в помощь до 10 канцеляристов, 20 солдат и – 50 (по другим данным, 70) тыс. р. из Военной конторы. Но идее отослать в Брянск (для сплава в Киев) 100–160 тыс. четвертей прямо на идущих в столицу купечес-

ких барках помешала 131 мель, к 24 мая освидетельствованная майором А. Толбузиным по «водяному ходу» Москвы-реки до Гжатской пристани. Кабинет, лишь к середине лета смирившись с этим, все же еще настаивал на покупках «по рекам», впрочем, так и не случившихся (не без противодействия С.А. Салтыкова, на которого в конечном счете и легло употребление переполнившихся московские житницы свыше 140 тыс. четвертей хлеба на «дворцовые расходы» и «вместо жалованья»)³⁸.

Порученные в покупку А.Б. Бутурлину 20 тыс. четвертей двинулись в Киев по Днепру из оправившейся от недавнего голода Смоленской губернии в начале июня (с остановкой там заготовок сверху в ноябре). В.А. Дмитриев-Мамонов за нужностью «при флотилии» от повеления в 50 тыс. четвертей на 50 тыс. р. был 14 мая освобожден с переадресовкой его статскому советнику А.К. Зыбину, начальнику Канцелярии строения морских судов в Брянске, для которой «провиантское дело» стало постоянным и впредь. Хотя ожидать того же от И.Ф. Барятинского при явном к лету малороссийском оскудении и было проблематично, ему все же доставили 50 тыс. р., рассчитывая, кажется, на компенсацию недостающего в сопредельных «польских владениях»³⁹.

Главным же пунктом военной продажи государству хлеба «вольной ценой» в 1737 г. стал Орел, где ездивший с марта по «отдаленным городам» для ускорения высылки денежных сборов член Военной коллегии капитан-командор И.Ф. Козлов 26 мая возглавил Комиссию провиантского заготовления. Не дождавшись из Москвы обещанных служителей и конвоя, он, располагая сопровождавшими его из Петербурга двумя офицерами и одним канцеляристом, добился от провинциальной канцелярии прикомандирования 16 ее собственных служащих с выборными посадскими и отставными дворянами. И этими силами в неполные пять недель наладил на бывшие при нем наличные торг с купечеством и ссыпку в его же амбары якобы «для себя» до 23 тыс. четвертей ржи, а также договорился о поставке подрядчиками «своим коштом» еще 10 тыс. на Остролуцкую пристань⁴⁰.

При срочном отзыве его в коллегию в Орле 11 июля открылась одноименная комиссия, которую С.А. Салтыков под эгидой им же управлявшейся Сенатской конторы проектировал

под 50 тыс. четвертей еще до прибытия И.Ф. Козлова и которая теперь должна была завершить начатое. Отставной майор кн. В.М. Хилков располагал полноценной канцелярией, 20 рядовыми московского гарнизона и 20 тыс. р. из Штатс-конторы плюс к 27 тыс. комиссии-предшественницы, но не обладал организаторскими способностями капитан-командора. Покупку зерна он, пусть вдвое медленнее, вел, но с помолом и изготовлением кулей для муки из рогожи, нашедшейся в Мещовске и Серпейске – все по «диспозиции» А.К. Зыбина, справлялся хуже. А для их отвоза «к пристаням по р. Десне», «охочих людей» к чему не сыскивалось, просил запрещаемого «в пашенное время» наряда с Орловской и Севской провинций. 11 августа В.М. Хилкова уволили с передачей транспортировки и 10 тыс. р. А.К. Зыбину, которому наряд разрешили (с оплатой по «Плакату» 1724 г. вплоть до ноября тем же В.М. Хилковым)⁴¹.

Невыявленность количественных итогов заготовительной кампании 1737 г. оставляет лишь заметить, что текущая документация не отразила каких-либо провиантских эксцессов. Но отчасти отразила отказ высших учреждений на будущее от обращений к именитым администраторам взамен натуральных сборов и раздражение против транслировавшей пожелания Б.-Х. Миниха Военной коллегии. Выговаривая ей в декабре 1737 г., что раз «то самое дело до оной коллегии и... генералитета принадлежит», им и отвечать за «упущения», сенаторы и министры отклонили просьбы об обязательной сдаче хлеба в обременяющих «обывателей» кулях и приготовление ими же плавсредств. Но существенно «оптимизировать» озвученные в коллежском донесении от 1 сентября 1737 г. около 660 тыс. четвертей, в какой-то мере оправданные беспрецедентным назначением в «кампанию» 1738 г. до 174 тыс. человек (при 130 тыс. в 1737 г.)⁴² все же не отважились.

Отсюда – «расположение» 14 и 21 апреля 1738 г. 300 тыс. четвертей «за пустотой на Украине» на соседние губернии с зачетом в подушный сбор (в русле июньского 1737 г. проекта В.А. Дмитриева-Мамонова) и увеличение его в августе еще на 100 тыс. без обычных поощрений к добровольным продажам⁴³. Покупка же была вручена возобновленной 21 (29) апреля в статусе сенатской Комиссии провиантского заготовления И.Ф. Козлова, теперь названной Днепровской, Походному комиссариату и двум заве-

денным в апреле и июне «донским» провиантским «экспедициям» генерал-провиантмейстер-лейтенанта Н.С. Кречетникова и кригс-комиссара П.И. Коллюпанова⁴⁴. Но и они были ориентированы больше на прием «сборного» хлеба и овса, упаковку муки в удобные для перемещения и счета кули и их нагрузку на курсировавшие по Десне, Днепру и Дону байдаки и будары, возводившиеся Канцелярией судового строения в Брянске и Таврове.

Походный комиссариат Н.Ю. Трубецкого, тесно сотрудничавшего с Б.-Х. Минихом, к этому периоду дорос до координации – на поступающую отовсюду «наличную денежную казну» – обеспечения всех армейских потребностей. Из провиантских же особенно трудился над снаряжением полковых обозов, росписью питающих их магазинов (относительно доступности для разных провинций, близости к местам сплава, дислокации частей, приспособленности к хранению крупных партий) и их взаимодействием вплоть до замещения закрытых из-за эпидемии чумы⁴⁵. Поэтому, наверное, поверенные ему 200 тыс. четвертей и были препоручены «донским экспедициям», которые на правах центральных комиссий время от времени сами сносились с Сенатом, в том числе полностью подобравшим кадры для П.И. Коллюпанова⁴⁶. Но фактически функционировали как комиссариатские отделения, в свою очередь имея отделения в Валуйках, Коротояке, Старом и Новом Осколах и в Усть-Хоперской крепости.

Комиссия Н.С. Кречетникова, которому помогали несколько откомандированных Н.Ю. Трубецким офицеров, быстро израсходовала свои 40 тыс. р. и со вступлением в отпуск провиантских судов из Таврова другой «экспедиции» ограничилась следствием от имени Комиссариата о пожаре в Коротояцком магазине, не позднее октября закрывшись. Комиссия П.И. Коллюпанова не упразднилась до 24 июля 1739 г., начав готовить «дела» к сдаче полугодом ранее, когда запасы Донской армии перестали пополняться. Покупка в Воронежской губернии была за «довольством... отставлена» в августе 1738 г., остановившись на «надежных» в июле 35,5 тыс. четвертей⁴⁷. Но и «смотрение» за одним приемом усложнилось с массовым, до нескольких десятков человек в каждом магазине, укрупнением их персонала служащими «у подушного сбора» и всеми отставными «офицерами и дворянами» с гарнизонными солдатами, рассыльщиками и подьячими, каких могли дать местные власти.

Сенат санкционировал его в мае 1738 г., не поддержав И.Ф. Козлова в использовании в качестве магазин-вахтеров выборных «купчин», но в прочем одобряя его предложения по заготовкам в Белгородской губернии⁴⁸. Открывшись в Переволочне, его главная квартира вторую половину 1738 г. провела в Севске, получая еженедельные рапорты отделений в Белгороде, Курске, Орле и Путивле, с их ликвидацией перебазировалась в Брянск и сохранила свою необходимость до конца 1739 г. Именно комиссия И.Ф. Козлова, наряду со «сборным», чаще всех оперировала «покупным» провиантом по так и не сниженной стотысячной норме, с гордостью отчитываясь в посылке по Десне на 827 байдаках до 300 тыс. четвертей того и другого. Завершала же свое существование «отпуском и расходом» более 260 тыс. четвертей «днепровских магазинов» и перемещением признанного там на новом этапе боевых действий «остаточным» в Изюм, а того же из «донецких» и «донских» (или «комиссариатских») магазинов в Киев⁴⁹.

Упомянутое своеобразие военно-хозяйственного учета пока исключает точный баланс по продовольственно-фуражному «плану-факту» 1738 г. Исходя из октябрьской «справки» в Кабинет о наличном – еще растущем – резерве на регулярные и не регулярные войска (более 220 тыс. человек) на 9 месяцев вперед⁵⁰, получается, что у них всего было «с излишеством». И это закономерно снимало вопрос с повестки дня 1739 г. первых политических институтов, которые целиком переложили его на Походный комиссариат. А он в паре с Днепровской комиссией провиантского изготовления справился с наполнением и передвижением громадных обозов с хлебом, по выражению А.К. Баиова, «на всю кампанию» благодаря «энергичности и способностям» всего офицерского корпуса⁵¹.

Не располагая за 1740 г. и такими материалами, прежде заключений по материалам рассмотренным укажем, что объектом последнего до елизаветинских перемен государственного вмешательства в военное продовольствие тоже были запасные магазины, где 14 мая 1741 г. вводился зачет служащим «усышки, утки и мышьяда» (с подтверждением годового запаса в 592,5 тыс. четвертей муки и прочего на 86 286 р. 40 к.)⁵². И что нижевысказанные суждения не выходят за рамки проблематики, интересовавшей верховную власть, которая во второй половине 1730-х гг. частями, в турецких «походах» не бывшими, пренебрегала.

Вместе с тем и ранее к четко установленной компетенции правительственных органов относилась не провиантская обеспеченность вообще, а состояние магазинов, снабжение полков в границах империи мимо которых считалось нежелательным⁵³. С 1724 г. они последовательно ведались в Провиантской канцелярии, ГКК и Военной коллегии, равно подведомственных Сенату, который по-прежнему как контролировал и направлял работу имперской машины, так и пекся, словами Петра I, о «пользе» во всех областях жизни, ею объятых. Из чего проистекали и его «дирекция» над вновь возникавшими провиантскими учреждениями, и его неперемнное участие в складывании и воплощении политики, главные позиции в определении курса которой занимал Кабинет министров.

В отношении «доброего состояния» армии тот и другой держались петровской линии регуляризации, одним из важнейших элементов которой были задающие ее состав и масштаб финансирования штаты, при пересмотре по рекомендациям Воинской комиссии 1730 г. только развившие принцип «правильного» получения ею надлежащего прямо из магазинов. Всячески заботясь о налоговых поступлениях, без которых не могло быть и исчисляемой по норме 1720 г. «провиантской суммы», оба властных органа вроде бы стремились к уменьшению не внесенной в штат доли натуральных сборов в дополнение и тем более взамен доли денежной. Но фразеология изданных актов, за которой угадывается предпочтение со стороны военных нарядов подрядам и покупке, сама по себе не доказывает конфликта их интересов со «статскими».

Генералитет чуть не ежегодно заявлял о недополучении средств на штатные магазинные запасы или их недостаточности по чрезвычайным поводам, а правительство откликалось на его всегда завышенные против реального потребления запросы сообразно своим ресурсам и взглядам на целесообразность их выделения высокопоставленным должностным лицам или специальным комиссиям собственного подчинения на местах. От Военной коллегии при этом хотели не распоряжения ими (хотя на бумаге оно и не изымалось из вверенного ей управления армией), а «назначения» таких мест и своевременных докладов об уже заготовленном и еще заготавливаемом. Количество провианта тоже признавалось «довольным» с достижением не изначально

заданных стандартов, а согласия наверху с «резонами» заказчиков и исполнителей данной заготовительной кампании к ее продолжению или свертыванию.

Несомненная тенденция к расширению сети крупных постоянных магазинов в регионах, являвшихся тыловой базой русско-турецкой войны, и непрерывное создание в ее процессе магазинов временных, готовых снабжать войска «в походе», не могла предотвратить затруднений, вызванных сложностью налаживания транспортных коммуникаций. И если главный груз такого налаживания вынесли на себе офицеры полевой армии, то вклад в него внесли и Походный комиссариат с несколькими плотно контактирующими с ними «гражданскими» комиссиями, что можно расценивать как распространение зоны властного регулирования. Другое дело, что временные институции как второй, так и первой половины 1730-х гг., не были предусмотрены никакими регламентами и существовали на не предусмотренную бюджетом «остаточную» казну. Но и этот способ действия был не менее свойственен петровской эпохе, чем почти непрерывное включение режима ручного управления в предупреждение любых трений государственного механизма.

Что же до попыток переустройства центральной военной администрации в 1736 г., которые побудили к нынешним изысканиям, то выясненное заставляет отказаться от соображений о проявлении в них истощенности в начатой в 1730 г. реформе преобразовательного потенциала. При ином развитии событий триединство Военной коллегии, Походного комиссариата и ряда контор коллегии могло бы вместе повысить оперативность как снабжения войск, так и информирования о состоянии «армейской» части коллежской системы, актуального для недвусмысленно поддержавшего новации Кабинета министров.

Когда же Походный комиссариат выступил как еще более актуальная правительственная комиссия, это не смутило ни министров, ни коллежский аппарат, не упустивший шанса при сочинении «инструкций» для реформируемых структур поднять на следующую ступень военное законодательство, учтя и долгий «мир», и текущий боевой опыт. Его проекты, из которых при подготовке статьи затрагивался лишь один, не были

воплощены, но вряд ли безвестно пропали для деятелей наступающей эпохи, безусловно открывая и новые возможности для исследования едва еще изученной истории военного управления 1730-х гг.

¹ Бабич М.В. К проблеме военного управления 1730-х гг.: Вокруг комиссариата // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Ч. 1. СПб., 2016. С. 99–114.

² Который 28 октября 1731 г. сам объединил «бывшие» Кригс-комиссариат, Мундирную и Амуничную конторы и Провиантскую канцелярию. См.: Карпеев И.В. ГKK // Государственность России: Словарь-справочник. М., 1996. Кн. 1. С. 144–145.

³ Наиболее адекватную сводку см.: Шелехов Ф.П. Главное интендантское управление: Исторический очерк. Ч. 1: Введение и царствование императора Александра I. СПб., 1903. С. 17–30, 43–47 (Столетие Военного министерства, 1802–1902 / Под ред. Д.А. Скалона. Вып. 12).

⁴ ПСЗ–1. Т. 4. № 1764, 2034, 3733 и др.; Т. 43, ч. 2. № 3511.

⁵ В течение 1720-х гг. с 9 до 13, с постоянством, пожалуй, лишь в Петербурге и Москве, Выборге, Риге и Ревеле, Изюме, Н. Новгороде и Смоленске. См.: ПСЗ. Т. 6. № 3670, 3733; Т. 7. № 4437; Т. 43, ч. 1. № 5819.

⁶ ПСЗ. Т. 6. № 3670; Т. 7. № 4323, 4430.

⁷ Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета, 1726–1730 / Изд. под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1898. Т. 8. С. 117–120, 124, 478 (Сб. РИО. Т. 101).

⁸ Там же. С. 477–479.

⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 7525. Л. 103 об.–104; Оп. 8. Л. 10.

¹⁰ ПСЗ. Т. 43, ч. 1. № 5804, 5819.

¹¹ Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: Формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота, 1730–1735 гг. СПб., 2001. С. 160–162, 318.

¹² Перечисление «прочего по препорции», если и присутствует (далеко не всегда), здесь и далее опускается.

¹³ ПСЗ. Т. 7. № 4430; Т. 8. № 5904; Т. 43, ч. 2. № 5819.

¹⁴ Реестр от июля 1733 г. насчитывает 39. См.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 1116. Л. 5 об.–6.

¹⁵ Там же. Кн. 494. Л. 6; Кн. 2003. Л. 162–163 об.; Кн. 2015. Л. 10; ПСЗ. Т. 9. № 6872, 6899; Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731–1740 гг. / Собр. и изд. А.Н. Филипповым. Юрьев, 1898. Т. 1. С. 5, 9–10; 1905. Т. 7 (Сб. РИО. Т. 104, 120). (Далее: Бумаги Кабинета. Сб. РИО).

¹⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 440. Л. 178 об.; ПСЗ. Т. 8. № 6113.

¹⁷ В Воронеже, Изюме, Киеве, Коротоюке и Павловске с крепостями Св. Анны и Усть-Хоперской. См.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 1116. Л. 2 об.–3.

¹⁸ Там же. Кн. 438. Л. 560, 569–569 об., 607; Кн. 2055. Л. 26–26 об.; Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 106. С. 464.

¹⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 2054. Л. 178–179; Ф. 286. Кн. 206. Л. 608; Серов Д.О. Прокураатура Петра I (1722–1725 гг.): Историко-правовой очерк. Новосибирск, 2002. С. 268.

²⁰ Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 106. С. 466–467; ПСЗ. Т. 9. № 6507.

²¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 438. Л. 570 об., 572–573, 586–586 об., 607–611, 926–926 об., 943.

- ²² Там же. Л. 709–710 об., 926–926 об., 955 об.; Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 11. С. 325–326; Баиов А.К. История русского военного искусства. М., 2008. Т. 1. С. 351–352.
- ²³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 438. Л. 955–956, 1066 и др.; Кн. 440. Л. 178–179 об.
- ²⁴ Там же; Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 114. С. 114, 195, 538, 544.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 440. Л. 179–180; Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 114. С. 388, 511, 538, 559, 635.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 440. Л. 453; Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 114. С. 547.
- ²⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 494. Л. 628–686.
- ²⁸ Тучков С.А. Военный словарь, заключающий наименования или термины, в российском сухопутном войске употребляемые... М., 2008. С. 37.
- ²⁹ Образован именным указом от 29 марта 1736 г. См.: ПСЗ. Т. 9. № 6930. Закрылся, думается, по окончании войны.
- ³⁰ Азов, Св. Анна, Валуйки, Воронеж, Изюм, Киев, Коротояк, Кременчуг, Лубны, Луган, Переволочна, Полтава, Самара, Тавров, Усть-Хопер, Харьков, Царицынка.
- ³¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 440. Л. 15–155 об.; Баиов А.К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны: Война России с Турцией в 1736–1739. СПб., 1906. Ч. 1. С. 203, 220.
- ³² ПСЗ. Т. 9. № 6948, 7011, 7031, 7100.
- ³³ Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). М., 2014. С. 364–365.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 438. Л. 1077–1077 об.; Кн. 440. Л. 153, 155 об.; Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 114. С. 205, 228, 343, 351, 401, 421, 473, 541.
- ³⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 408. Л. 953; Баиов А.К. Русская армия... Ч. 1. С. 206, 220, 285–286, 329 и др.
- ³⁶ По сенатскому приговору от 30 ноября 1736 г. к «понууждению» губернаторов и воевод в Малую Россию и Походный комиссариат направлялись четверо, без учета уже исполнивших эти обязанности. Из них с лета 1736 по осень 1738 гг. постоянно на означенной территории находилось трое офицеров. См.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 408. Л. 1245; Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 114. С. 351, 425, 442 и др.
- ³⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 7806. Л. 188–189, 614–617; Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 117. С. 260–261; Журналы Правительствующего Сената за 1737 г. / Подгот. А.Н. Филипповым. М., 1910. Ч. 1. С. 445.
- ³⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 7806. Л. 224, 275, 296–300, 321–324, 355–357, 425–427, 481–481 об. и др.
- ³⁹ Там же. Л. 614–617; Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 117. С. 344, 347, 389, 391, 435, 503, 528, 591–592, 759 и др.
- ⁴⁰ РГАДА. Ф. 248. Кн. 7806. Л. 106–108 об., 115–117, 133.
- ⁴¹ Там же. Л. 49–49 об., 62–64, 70–70 об., 88, 93, 118, 133, 154–154 об., 251–256, 520–521, 614 и др.; Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 117. С. 477, 519.
- ⁴² Там же. С. 534, 744–747; Баиов А.К. Русская армия... Ч. 1. С. 356–357, 491–492.
- ⁴³ Журналы Правительствующего Сената... С. 360–361; РГАДА. Ф. 248. Кн. 440. Л. 100 об., 953, 1465–1465 об.; Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 117. С. 743; ПСЗ. Т. 10. № 7664.
- ⁴⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 408. Л. 698–700, 718, 818; Кн. 411. Л. 1001.
- ⁴⁵ Сравнительно с 1736 г. сеть их, за вычетом передвижных при Днепровской и Донской армиях, пополнилась Бахмутом, Кисельской крепостью, Старым и Новым Осколами, Торой и Чугуевым. См.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 408. Л. 911–913 об.,

934; Кн. 411. Л. 1049–1050; Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 117. С. 747; Т. 124. С. 114–115.

⁴⁶ Шестью отставными офицерами, между которыми был и В.М. Хилков, и десятью служителями столичных учреждений. См.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 408. Л. 871 об.; Кн. 411. Л. 1061–1062, 1099, 1159–1160; Ф. 286. Кн. 63. Л. 443–444.

⁴⁷ Там же. Ф. 248. Кн. 411. Л. 1049; ПСЗ. Т. 10. № 7664; Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 124. С. 114.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 408. Л. 717–720, 745–746.

⁴⁹ Там же. Л. 940, 975; Кн. 411. Л. 1066–1066 об.; Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 130. С. 235.

⁵⁰ ПСЗ. Т. 10. № 7664; Баиов А.К. Русская армия... Ч. 2. С. 130–131, 134.

⁵¹ Там же. С. 22, 104, 107, 293. Перечень выявленных этим исследователем мест задействованных в кампании 1739 г. магазинов включал Азов, Св. Анну, Андреевку, Белинкое, Бубнов, Валуйки, Воронеж, Изюм, Киев, Коротояк, Лубны, Мурашев, Остер, Павловск, Переяславль, Полтаву, Прилуки, Спирблов, Старый Одар, Тору, Треполье, Усть-Хопер, Царев-Борисов, Чернигов и Чугуев (С. 31, 33, 94–95).

⁵² ПСЗ. Т. 11. № 8739.

⁵³ Взгляд Воинского стата 1731 г. предполагалось подтвердить и в 1736. См.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 494. Л. 661–668. Выяснить что-либо о прекращении действия инструкции генерал-провиантмейстеру касательно взятия «на квартирах» провианта и фуража с «уездных людей» натурой в счет подушного сбора не удалось.

Г.В. Баранов (Москва)

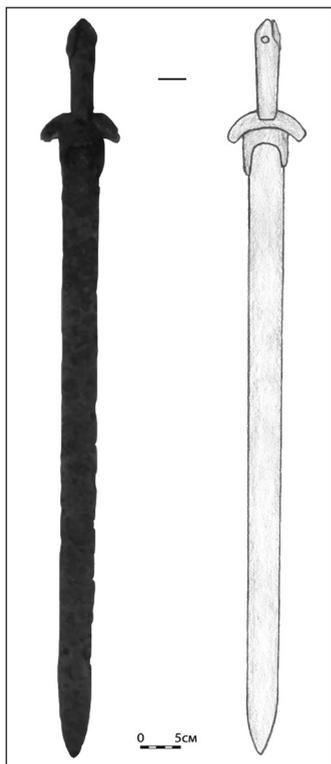
ВИЗАНТИЙСКИЙ МЕЧ С ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ

В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ византийское оружиеведение еще находится в процессе формирования и в основном продолжает основываться на анализе изобразительных и письменных источников. Археологические находки предметов византийского вооружения зачастую представлены единичными образцами, что затрудняет их атрибуцию. Таким образом, ввод в научный оборот новых находок является важным условием для дальнейшего изучения византийского оружия. К таким находкам относится меч с территории Винницкой области Украины.

Меч был обнаружен случайно в конце 2015 г. на территории центральной части Винницкой области. Более точных обстоятельств находки установить не удалось.

Общая длина меча 900 мм (ил. 1). Клинок прямой, обоюдоострый, плавно сужающийся к острию. Сечение клинка линзовидное. Ширина клинка у основания (пяты) 48 мм, в центре клинка 45 мм, на расстоянии 80 мм от острия ширина составляет 38 мм.

Перекрестье меча образовано упором и муфтой (ил. 2–3). В литературе было высказано мнение, что муфта перекрестья связана с так называемым «итальянским хватом», когда указательный палец фехтовальщика охватывает упор и кладется на пятю клинка (*ricasso*)¹. Таким образом, муфта ограничивает контакт руки с клинком меча. Возможно, муфта выполняла декоративные функции или использовалась для лучшей фиксации меча в ножнах. Нельзя исключать возможность того, что такой конструкцией пытались прикрыть место стыка пяты клинка и хвостовика, предотвращая слом меча в этом месте от удара при фехтовании. Муфта должна была принять на себя меч противника

**Ил. 1. Меч с территории
Винницкой области**

составляет 116 мм, диаметр 25–27 мм.

Сравнительно-типологический анализ находки позволяет отнести меч с территории Винницкой области к византийским мечам типа «Гарабон». Этот тип был выделен и описан болгарским исследователем Валерием Йотовым².

В настоящее время тип «Гарабон» представлен тремя находками мечей и одной находкой гарнитуры рукояти.

Первый меч – из погребения 55 могильника Гарабон-I (венгер. Garabonc-I), названного так по названию близлежащего поселка (ил. 4а). Могильник расположен на территории Венгрии западнее озера Балатон. Венгерский исследователь Белла Жок ассоциирует этот могильник с Блатенским княжеством³. Это

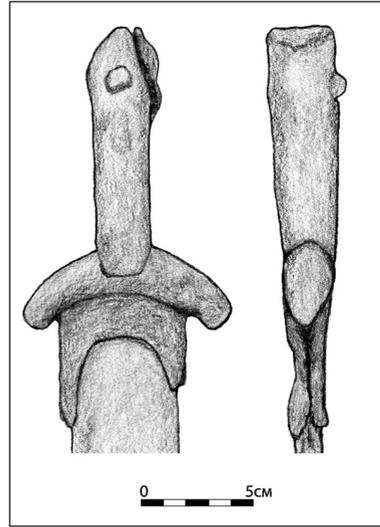
и, деформируясь, погасить энергию удара.

Упор имеет форму сегмента окружности с плавно опускающимися сторонами. Ниже упора на перекрестье располагается муфта с аркообразным вырезом. Ширина перекрестья по сторонам упора 100 мм, высота 78 мм. Муфта имеет высоту 63 мм, ширину 59 мм.

Рукоять сформирована цилиндрической трубкой, которая в нижней части заходит на упор, примерно на половину его ширины. Меч не расчищен, и установить, является ли рукоять частью перекрестья (втулкой) или независимой деталью, не удалось. В верхней части рукояти сохранилась заклепка, служащая для крепления к черенку клинка. В верхней части на рукояти имеются следы деформации и трещина. Возможно, следы деформации связаны с утратой наверхия рукояти, которая, предположительно, произошла еще в древности. Высота цилиндра со-

Ил. 2. Рукоять меча с территории Винницкой области

Ил. 3. Рукоять меча с территории Винницкой области (рис. Г.В. Баранова)

небольшое западнославянское государство, вассал Восточно-Франкского королевства. Возникло оно, когда Людовик II Немецкий передал эти земли в лен князю Прибине, который бежал к Людовику из Великой Моравии⁴. Княжество находилось в состоянии постоянного конфликта с Великой Моравией и существовало в 846–876 гг., когда после гибели бездетного князя Коцела, сына Прибины, франки забрали эти земли обратно. В 901 г. территория княжества была занята венгерскими племенами.

Период функционирования могильника ограничивается временем существования княжества – между 840 и 880 (возможно, 890) гг.⁵

Меч из погребения 55 имеет общую длину 840 мм, длина клинка 726 мм, клинок плавно сужается к концу и имеет ширину 44 мм у основания клинка и 35 мм у острия⁶.

Второй меч происходит с территории Харьковской области Украины (ил. 46). Он был обнаружен при невыясненных обстоятельствах в окрестностях с. Сухая Гомольша. По информации А.В. Стрельченко, оружие может происходить с уничтоженного второго раннесредневекового кремационного могильника, рас-

положенного в окрестностях села⁷. В настоящее время меч недоступен для исследования.

Третий меч находится в частной коллекции, посвященной исламскому оружию. Точное место его находки неизвестно (возможно, территория современной Исламской Республики Иран). Меч сохранился не полностью, длина имеющегося фрагмента 305 мм⁸. Рукоять богато украшена – навершие, обкладки рукояти и перекрестье выполнены из серебра.

Еще одной находкой, относящейся к данному типу, являются перекрестье и навершие рукояти меча, найденные на территории Черкасского района Черкасской области Украины (ил. 4г)⁹. Высота перекрестья составляет 113 мм, ширина в самом широком месте по сторонам упора 106 мм, муфта имеет ширину 67 мм, масса перекрестья 108 г. Навершие рукояти меча имеет высоту 53 мм, ширину в самом широком месте 35 мм, массу 44 г¹⁰.

Аналоги перекрестий типа «Гарабон»¹¹ мы находим на изображениях мечей на миниатюрах парижской рукописи «Гомилий Григория Богослова» (греч. Ὁμιλίαι τοῦ Γρηγορίου Ναζιανζηνού)¹². Это мечи воинов на миниатюрах «Царь Ирод избивает вифлеемских младенцев»¹³, «Суд царя Соломона»¹⁴ (ил. 4в), меч в руках Архангела Михаила на миниатюре «Явление Архангела Михаила Иисусу Навину»¹⁵ и меч воина на миниатюре «Мученичество св. Киприана»¹⁶.

Парижская рукопись «Гомилий Григория Богослова» была написана для императора Василия I Македонянина (правил в 866–886), основателя Македонской династии Византийской империи. Рукопись была изготовлена в придворном скриптории в Константинополе и имеет узкую датировку. Датировка основывается на миниатюре, изображающей сыновей императора – Льва (будущего императора Льва VI, 866–912) и Александра (870–913) – и императрицу Евдокию Ингерину (около 840–882). На миниатюре отсутствует старший сын императора Василия – Константин (около 864/866–879). Супруга императора, императрица Евдокия, изображенная на миниатюре, скончалась в 882 г. Таким образом, время создания рукописи ограничивается периодом после смерти Константина и до смерти императрицы Евдокии – между 879 и 882 гг.¹⁷

На основании аналогий и изобразительного материала меч из Винницкой области следует датировать второй половиной IX в.

Ил. 4. Аналогии меча с территории Винницкой области:
а) меч из погребения 55 могильника Гарабон-І;
б) меч из Харьковской области;
в) изображение меча на миниатюре «Суд царя Соломона»
из парижской рукописи «Гомилий Григория Богослова»;
г) перекрестье меча с территории Черкасской области

Этот меч относится к византийский мечам (греч. ξίφος¹⁸) типа спафа (греч. σπαθίον, σπάθα). Такие мечи использовали как в кавалерии, так и в пехоте, причем в кавалерии такие мечи носили на плечевой перевязи, а в пехоте – на поясе¹⁹.

Византийский полемологический трактат второй половины X в. «Неизданная тактика Льва» (Sylloge Tacticorum) сообщает рекомендуемые размеры меча: ἀπεωρείσθω δὲ τῶν αὐτῶν ὤμων καὶ ξίφη δίστομα σπιθαμῶν ὄντα τεσσάρων τῆς κόπης χωρὶς, τὰ δ' ἐλάχιστα τέσσαρας μετὰ τῆς κόπης²⁰ – пусть же повесят на их плечи и двулезвийные мечи, имеющие длину четыре пядени, кроме рукоятки, а наименьшие – четыре пядени с рукояткой²¹.

По исследованию Э. Шильбаха, византийская пядень (σπιθαμή) составляла 234,25 мм²². Таким образом, четыре пядени должны были составлять 937 мм.

Как видно, винницкий меч с общей длиной в 900 мм соответствует по длине самому короткому рекомендуемому трактатом мечу – в четыре пядени с рукояткой.

¹ Nicolle D. Byzantine and Islamic Arms and Armour; Evidence for Mutual Influence // Graeco-Arabica 4, 1991. P. 305.

² Yotov V. A new Byzantine type of swords (7th – 11th centuries) // Ниш и Византија IX. Ниш, 2011. P. 116–117.

³ Szóke B.M. Karoling-kori szolgálonépi temetkezések Mosaburg/Zalavár vonzáskörzetében: Garabonc-Ófalu I-II // Zalai Múzeum, 5. Zalaegerszeg, 1994. O. 289–290.

⁴ Bowlus C.R. Franks, Moravians and Magyars: The Struggle for the Middle Danube, 788–907. University of Pennsylvania Press, 1994. P. 104; Szóke B.M. Op. cit. O. 289.

⁵ Ibid. O. 290.

⁶ Ibid. O. 263.

⁷ Об обстоятельствах обнаружения могильника сообщает А.Ю. Бутенко: «По всей видимости, в окрестностях Сухой Гомольши существовал еще один могильник салтово-маяцкой культуры. В мае 2002 г. при проведении земляных работ на правом высоком берегу безымянного притока реки Гомольша были найдены три вещевых комплекса (захоронения с погребальным инвентарем) салтовского времени, которые попали к харьковскому коллекционеру О.В. Стяглику. В августе того же года экспедиция Харьковского исторического музея провела обследование местонахождения комплексов, в результате чего было установлено, что территория предполагаемого могильника была полностью уничтожена при прокладке двух линий нефтепровода высокого давления «Шебелинка – Москва» в 60-е гг. XX в. Во всех трех погребениях были захоронены воины-всадники Хазарского каганата» (Бутенко Ю.А. Дикое Поле в период раннего средневековья (середина V – середина XI вв. н. э.). Харьков: Литера Нова, 2014. С. 384). По информации В. Йотова, ссылающегося на С.В. Дьячкова (Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина),

меч был обнаружен в районе поселка Сухая Гомольша во время Великой Отечественной войны (Yotov V. *Op. cit.* P. 116).

⁸ Bashir M. *The Arts of the Muslim Knight: The Furusiyya Art Foundation Collection*. Milano, 2008. P. 37, cat. № 8.

⁹ Баранов Г.В. Новая находка перекрестья и навершия рукояти византийского меча с территории Черкасского района Черкасской области Украины // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма*. Вып. 7. Симферополь – Тюмень, 2015. С. 87–105.

¹⁰ Там же. С. 88–89.

¹¹ Yotov V. *Op. cit.* P. 117.

¹² Grégoire de Nazianze, manuscrit dédié à l'empereur Basile Ier le Macédonien. Grec 510 (cote). Bibliothèque nationale de France. Département des manuscrits.

¹³ *Ibid.* F. 137r.

¹⁴ *Ibid.* F. 215v.

¹⁵ *Ibid.* F. 226v.

¹⁶ *Ibid.* F. 332v; Баранов Г.В. Указ. соч. С. 102. Рис. 8.

¹⁷ Лихачева В.Д. *Изобразительное искусство // Удальцова З.В., Литаврин Г.Г. (отв. ред.). Культура Византии. Вторая половина VII – XII в. М.: Наука, 1989. С. 477–479; Brubaker L. Vision and Meaning in Ninth-Century Byzantium. Image as Exegesis in the Homilies of Gregory of Nazianzus. Cambridge: University Press, 1999. P. 5–6.*

¹⁸ Термин ξίφος в византийское время относился как к двулезвийным мечам (σλαβίον), так и к однолезвийным (λαρμαήριον).

¹⁹ Император Никифор II в своем сочинении наделяет пехотный меч эпитетом ζωστίκιος, тогда как меч кавалериста называет просто σλαβίον (Кулаковский Ю.А. *Стратегика императора Никифора*. СПб., 1908. С. 43.

²⁰ Там же.

²¹ Никифор II Фока *Стратегика* / Пер. и ком. А.К. Нефедкина. СПб.: Алетейя, 2005. С. 147.

²² Schilbach E. *Byzantinische Metrologie*. München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1970. S. 19–23.

С.В. Барчевский (Москва)

КЛИНКОВОЕ ОРУЖИЕ ВЬЕТНАМА КАК ЧАСТЬ ОРУЖЕЙНОЙ ТРАДИЦИИ ИНДОКИТАЯ

ПРИ ЗНАКОМСТВЕ с традиционным клинковым оружием материковой части Юго-Восточной Азии бросается в глаза типологическая близость – вплоть до степени смешения – образцов, бытовавших на весьма обширной территории от восточных границ Индии до юго-западного Китая¹. Из общей стройной картины при беглом взгляде выбивается Вьетнам. Проще всего было бы объяснить это внешним влиянием. Безусловно, оружейная традиция Вьетнама, который французы образно называли «балконом Индокитая на Тихий океан», в разное время впитала в себя элементы индийского, китайского, японского, французского происхождения. Но при этом обделенной вниманием исследователей оказывается та ее часть, корни которой уходят, как минимум, в ранний железный век до культуры Донгшон включительно.

На сегодня автору не известно ни одной работы, посвященной специально этому вопросу. В своей превосходной статье «Миф о мече и начало государственности в восточном Индокитае», опубликованной в 1970 г., Я.В. Чеснов упоминает предание об обретении Ле Лоем чудесного меча², при этом он ссылается на поздние и наиболее популяризированные варианты: «С мечом связан и вьетнамский миф о герое Ле Лое, который в озере, где проводились водные игры, нашел меч. Он поднял восстание против китайцев (1418–1428 гг.). После победы над ними Ле Лой стал королем, а его меч вылетел из ножен и, превратившись в дракона, исчез в водах озера. Это озеро с тех пор называется Озером возвращенного меча. В другом варианте мифа говорится, что золотой меч Ле Лою дала огромная черепаха».

Опираясь на работу Я.В. Чеснова, Е.Ю. Кнорозова в предисловии к своему переводу «Мифов и преданий Вьетнама» впервые делает вывод о более глубокой связи преданий о мече, существовавших у вьетнамцев и их соседей по Юго-Восточной Азии³. Включенный ею в сборник вариант цикла о Ле Лое и его сподвижниках Ле Тхане, Чан Нгуен Хане и Нгуен Чае сообщает значительно большее количество деталей, которые позволяют судить об обоснованности сделанных выводов.

Так, клинок меча с иероглифами 順天 (Тхуантхиен, вьет. *Thuận Thiên* – «Следуя Небу») выловил в омуте Мавиен Ле Тхан, бывший в то время рыбаком, и подарил своему другу Ле Лою, а рукоять была найдена, по разным версиям, или возле дома Ле Лоя⁴, или в лесу⁵, в ветвях баньяна. Когда их совместили, то обе части идеально подошли друг к другу, тем самым доказав, что чудесный меч действительно ниспослан самим Небом.

Похожим образом стал обладателем чудесного меча и выдающийся полководец Чан Нгуен Хан. Только он нашел клинок, распахивая поле в лесу, а деревянная рукоять попала в сеть к рыбакам⁶.

Сюжет с разделением чудесного меча героя, причем его клинок и рукоять оказываются в разных природных стихиях – чаще всего в водах реки и в горах – широко распространен у коренных народов Юго-Восточной Азии. В Индокитае он известен сре⁷, мнонгам⁸, нуп⁹, банар¹⁰, а также кайянам острова Калимантан¹¹.

Образ волшебной Золотой Черепахи Ким Куй также по смыслу связан с водной стихией. Появление еще одной, наиболее известной и популярной, версии легенды о чудесном мече Ле Лоя традиция приписывает перу Нгуен Чая – выдающегося агитатора, пропагандиста и мастера психологической войны. Легенда содержит прямой отсыл к мифу об Ан Зыонг Вьонге – чрезвычайно популярном во Вьетнаме легендарном древнем правителе – и его волшебном арбалете со спусковым крючком из когтя Золотой Черепахи¹². Скомпилировав два хорошо знакомых простому народу мифологических сюжета, Нгуен Чай сумел успешно развить идею о мистической связи Ле Лоя и с высшими небесными силами, и с древними государями вьетов. И таким образом обосновать право героя на власть в возрожденной стране, на основание новой династии, в том числе.

Но оружейная традиция народов Индокитая была объединена не только мифами и легендами. Возможно даже наоборот, схожие образы порождались сходством природно-климатических условий и типов хозяйственной деятельности. Так, Я.В. Чеснов отмечает: «При всей универсальности этого явления бросается в глаза, что мифологическое отображение дуального деления общества в образах земли и воды, сухости и сырости характерно больше для районов муссонного климата, т. е. тропического пояса, где ярко выражено чередование сухого и дождливого сезона. Специфика хозяйствования в тропическом поясе, где чередуются сухой и дождливый периоды, накладывает сильный отпечаток на весь быт и духовную культуру народов, живущих там»¹³.

В другой своей работе, «Историческая этнография стран Индокитая», он прямо указывает на большой джунглевый нож как предмет, архитипичный для всех народов региона, включая островную часть¹⁴. А также выделяет конструктивные особенности, которые могут служить и типологизирующими признаками – широкий клинок с узкой пятой¹⁵. Если к этому добавить круглую в сечении рукоять и всадной монтаж, то в предложенную схему вписывается абсолютное большинство традиционных длинных клинков Индокитая. Заметим здесь в скобках, что именно на всадной монтаж нам вполне отчетливо указывают предания о разделенных мечах.

Кроме того, Я.В. Чеснов обращает внимание на сходство названий во множестве языков региона для предмета, который он называет «широколезвийным ножом». *Дао*, *да*, *дах* – у народов восточных предгорий Гималаев¹⁶, *дха* – у бирманцев, *даа* – у тайцев и лао, *тао* – у кхмеров, *дао* – у вьетнамцев. Необходимо отметить, что все эти названия изначально относятся прежде всего к универсальным хозяйственным орудиям, а не к предметам вооружения. Хотя разница в практическом применении – а зачастую и в конструкции – самих предметов во многих случаях отсутствует, акцент на понятии «универсальный» сохраняется, а по отношению к оружию, специально изготовленному и предназначенному для войны, нередко используют другие термины. Например, в тайском языке это *даа* и *саенг*, во вьетнамском языке слово *дао* хотя и означает саблю с расширением клинка, не является синонимом для *гьом* или *кием* – сабля или меч¹⁷.

Помимо признаков, характерных для универсального хозяйственного инструмента, холодное оружие региона обладает деталями и конструктивными особенностями, которые также следует рассматривать в качестве типологизирующих признаков. Одним из таких элементов является металлическая втулка, при помощи которой клинок дополнительно укрепляется в рукояти. На предметах из Индокитая эта деталь имеет форму, близкую к слегка вытянутой полусфере, реже – к усеченному конусу¹⁸. Непосредственно для вьетнамских сабель очень характерны два типа удлинённых, плавно изогнутых рукоятей. Первый, в форме бивня слона, изготавливали из выпавших молочных бивней слонят¹⁹, возможно иногда из слоновой кости, а также из рога водяного буйвола и из лакированного дерева. Второй, с навершием в виде уплощенной металлической сферы – из серебра, красной меди и медных сплавов.

Среди зарубежных коллекционеров оружия Вьетнама бытует мнение, что оба типа рукоятей, форма втулки и даже круглое сечение являются признаками тайского и бирманского влияния. Его в целом поддерживают и некоторые вьетнамцы. Если европейцы и американцы просто обращают внимание на внешнее сходство, то аргументы с вьетнамской стороны имеют свою специфику. С этой точки зрения проводниками тайского влияния является династия Нгуен и лично ее основатель Нгуен Фук Ань.

То, что войска тайского короля Таксина участвовали в борьбе с восставшими Тайшонами, является историческим фактом. Также известно, что разгромленный Нгуен Фук Ань получил убежище в Сиаме²⁰, где вместе со своими сподвижниками принимал активное участие в войне с Бирмой. И что после победоносного возвращения и установления новой династии так называемые бангкокцы, т. е. те, кто находился вместе с принцем в изгнании в Бангкоке и таким образом доказал свою преданность дому Нгуен, заняли привилегированное положение. Т. е. формально приверженцы Нгуенов имели все возможности стать проводниками иностранного влияния – они были знакомы с тайской оружейной традицией и обладали достаточными для внедрения полномочиями при дворе и в армии.

При этом сторонники версии национальной измены упускают из вида, что фактически с конца XVI в. страна была разделена на две части, которые развивались довольно-таки разнонаправлен-

но. На севере, в Дангнгоае, большим влиянием обладали ученые-конфуцианцы, ориентированные на китайские образцы. На юге, в Дангчонге, который успешно вел продвижение в Чампу и Камбоджу, сильна была власть военных, опиравшихся на собственные силы и местные традиции, а отчасти на внешнюю торговлю. Логично предположить, что это в значительной мере относилось и к холодному оружию. И этому имеется прекрасное доказательство – вьетнамская сабля из коллекции Оружейной палаты (инв. № ОР-4503), обладающая и полусферической втулкой, и рукоятью в форме слоновьего бивня, и гардой в японском стиле²¹. И которая, что зафиксировано документально, присутствует в России с 1737 г. Для нас важно, что это произошло за 34 года до начала восстания Тайшонов!

К сожалению, подобные предметы, обладающие собственной зафиксированной историей, единичны во всем мире. Тем большее значение приобретает сопоставление данных сопредельных дисциплин – этнографии, лингвистики, иконографии и др. И, разумеется, их системный и вдумчивый анализ.

¹ <http://www.arscives.com/historysteel/continentalsea.swordlist.htm> (дата обращения: 15.01.2015 г.)

² Чеснов Я.В. Миф о мече и начало государственности в восточном Индокитае // Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии. М.: Наука, 1970. С. 88.

³ Мифы и предания Вьетнама / Предисл., пер. с вьет. и ханваня, коммент. Е.Ю. Кнорозовой. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2000. С. 7.

⁴ Там же. С. 135.

⁵ Там же. С. 189.

⁶ Там же. С. 137.

⁷ Там же. С. 190.

⁸ Чеснов Я.В. Указ. соч. С. 87.

⁹ Там же. С. 88.

¹⁰ Сказки и легенды Вьетнама / Сост. М. Карпова. Пер. с вьет. В. Карпова и М. Ткачева. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1958. С. 323.

¹¹ Чеснов Я.В. Указ. соч. С. 92.

¹² Мифы и предания Вьетнама. С. 112.

¹³ Чеснов Я.В. Указ. соч. С. 91.

¹⁴ Чеснов Я.В. Историческая этнография стран Индокитая. М.: Наука, 1976. С. 241.

¹⁵ Там же. С. 243.

¹⁶ Там же. С. 241.

¹⁶ Там же. С. 242.

¹⁷ Ветюков В.А. Традиционное клинковое оружие Вьетнама. Проблемы терминологии // Историческое оружиеведение. № 2. 2015. С. 15.

¹⁸ Барчевский С.В. К вопросу о японском влиянии на холодное оружие Индокитая // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международ. науч.-практич. конференции. Ч. I. СПб.: ВИМАИВиВС, 2016. С. 122.

¹⁹ Барчевский С.В. Клинковое холодное оружие Вьетнама XX – первой половины XX вв. Проблемы атрибуции // Историческое оружиеведение. № 2. 2015. С. 7.

²⁰ Берзин Э.О. История Таиланда (Краткий очерк). М.: Наука, 1973. С. 153.

²¹ Московский Кремль. Императорская Рюст-камера. СПб.: Атлант, 2004. С. 46–47.

*С.В. Барчевский (Москва),
В.А. Ветюков (Санкт-Петербург)*

СИСТЕМА СИГНАЛОВ УПРАВЛЕНИЯ ВОЙСКАМИ НА ПОЛЕ БОЯ В АРМИЯХ СРЕДНЕВЕКОВОГО ВЬЕТНАМА

*Учили различать звуки гонгов и барабанов,
сигналы флагами и знаменами.*

Из «Полного собрания исторических записок Дайвьета»

КАК И ОЧЕНЬ МНОГОЕ в военном деле средневекового Вьетнама, система сигналов управления войсками на поле боя в своей основе следовала китайским образцам. В самом Китае она начала разрабатываться еще в глубокой древности. В гл. VII «Борьба на войне» «Трактата о военном искусстве» знаменитого полководца и стратега Сунь-цзы уже передано следующее: «В «Управлении армией» сказано: «Когда говорят, друг друга не слышат; поэтому и изготовляют гонги и барабаны. Когда смотрят, друг друга не видят; поэтому и изготовляют знамена и значки». Гонги, барабаны, знамена и значки соединяют воедино глаза и уши своих солдат. Если все сосредоточены на одном, храбрый не может один выступить вперед, трусливый не может один отойти назад. Это и есть закон руководства массой»¹. В эпоху правления династии Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) система приняла стройный и законченный вид. Для примера приведем цитату из военного трактата того времени, хорошо демонстрирующую глубину проработки вопроса: «У-цзы сказал: «Один удар в барабан – подготовить оружие, два удара – произвести нужную перестановку, три удара – требование пищи, четыре удара – вооружиться для боя, пять ударов – строиться в ряды. Слушают окончание сигнала барабана и только после этого поднимают знамена»»².

Знакомство вьетнамской элиты с сочинениями китайских военных классиков началось еще в период Северной Зависимости (111 до н. э. – 938 н. э.), когда страна являлась (порою – фактически, временами – лишь формально) частью Срединного государства. Тогда вьеты испытали колоссальное влияние культуры северных соседей во всех сферах, в том числе и в военной. Местные военные предводители даже в ходе освободительных войн все больше придерживались заветов Сунь-цзы. Эта тенденция сохранилась и после обретения независимости. Полководцы государства Дайвьет в правление династий Поздние Ли (1010–1225), Чан (1225–1400), Хо (1400–1407) штудировали труды китайского военного канона, творчески переосмысляя опыт северных соседей, в борьбе с которыми нередко и применяли полученные знания. Порой на свет появлялись и местные трактаты по военному искусству. Здесь можно вспомнить сочинение «Бинь тхы иеу лыок» – «Краткий трактат об основах военного искусства»³, автором которого принято считать Чан Хынг Дао (?–1300) – одного из величайших вьетнамских полководцев, прославившегося победами над армиями монгольской династии Юань в 1285 и 1288 гг.

События рубежа XIV–XV вв. привели к временной утрате Вьетнамом государственности и началу в 1407 г. тяжелой оккупации войсками китайской династии Мин. Поэтому, когда в феврале 1418 г. будущий национальный герой и основатель новой династии Ле Лой поднял восстание, перешедшее затем в освободительную войну, армию со всеми ее атрибутами пришлось создавать с нуля. Хроника «Дайвьет шы ки тоан тхы» («Полное собрание исторических записок Дайвьета», 1479), также известная специалистам под кратким названием «Тоан тхы» (далее в тексте – ТТ), позволяет исследователям проследить весь ход и боевых действий, и военного строительства армии вьетов.

На начальном этапе восставшие были вынуждены использовать партизанскую тактику. Многократному превосходству китайцев в живой силе и тяжелом вооружении вьеты смогли противопоставить скорость, маневренность, отличное знание местности и высокий боевой дух. Как неоднократно подчеркивалось авторами ТТ, «...император (Ле Лой), используя войска, умел мягким превозмочь твердое, слабым победить сильное, [поэто-

му] часто одерживал победы»⁴. В этот период боевые действия велись преимущественно в гористой местности, покрытой тропической растительностью. Вьеты проводили стремительные атаки отдельными небольшими группами с разных направлений и вслед за этим незамедлительно отходили. Нередко для операций выбирали ночное время, туман и дождь: «Когда настала ночь, разделили солдат и внезапно напали на лагерь противника. Все пошло вперед под бой барабанов и шум множества голосов. Атаковали и разгромили четыре лагеря. Отрубили более тысячи голов»⁵.

В таких условиях качество управления войсками на поле боя приобретало чрезвычайное значение. По китайской системе все сигналы делились на звуковые и визуальные: «У-цзы сказал: “Барабанами, литаврами, гонгами и колокольчиками воздействуют на слух; бунчуками, знаменами, флагами и значками воздействуют на зрение”»⁶. В начальный период повстанцы, скорее всего, не могли себе позволить полный набор сигнальных средств. Да в этом и не было необходимости. Китайцы нарабатывали практику на равнинах центра и севера своей страны, где сложная система знамен и флагов имела свои преимущества. Во вьетнамских горах, где отдельные подразделения зачастую не имели между собой визуального контакта, предпочтение отдавалось звуковой сигнализации – она была эффективна на большем расстоянии, а также ночью и в условиях тумана и дождя. В самом простом и доступном варианте барабанный бой служил сигналом к атаке, удары в гонг – к отступлению. Что касается флагов, то можно обоснованно предположить, что в их использовании имелась местная специфика. Издавна слоны служили вьетнамским военачальникам в качестве передвижных командно-наблюдательных пунктов – в тексте ТТ эти животные всегда специально упоминаются в составе отрядов. С высоты их спин, во-первых, открывалась гораздо более отчетливая картина боя, во-вторых, офицер всегда находился в поле зрения своих солдат и это являлось важным психологическим фактором, а, в-третьих, позади офицера всегда находился оруженосец, который по его команде мог подавать сигналы флагами.

В дальнейшем система боевых сигналов в войсках Ле Лоя постоянно развивалась и совершенствовалась по мере успехов восставших и расширения их рядов. По страницам ТТ можно

проследить, что первые указы, регламентирующие правила и порядок пользования сигналами, появляются в 1425 г., когда в боевых действиях уже произошел коренной перелом, и их количество резко увеличивается на завершающем этапе освободительной войны, когда прежние, партизанские по своей сути, формирования последовательно превращаются в регулярную национальную армию. Т. е., собственно, в то, что по представлениям китайских военных теоретиков и отличает войско культурного государства от толпы вооруженных варваров. «(Весна 1425 г.) Император (Ле Лой) тренировал военачальников и солдат, готовил оружие. Не прошло и десяти дней, как все было подготовлено к сражениям. Тогда провели проверку военных умений, учили их (солдат) правилам, как садиться, вставать, атаковать, наносить удары. Показывали сочетание правильного боя с внезапным маневром, порядок разделения и сплочения [рядов]. Учили различать звуки гонгов и барабанов, сигналы флагами и знаменами. Военная выправка стала совершенной. Боевой дух сильно вырос. Награждали и наказывали за дело. Храбрость появлялась от усердия»⁷.

В этот период ТТ сообщает уже детальную информацию. Так мы узнаем, что, кроме ударов в барабан и гонг, звуковые сигналы подавались выстрелами из специальной пушки. И это, возможно, первый опыт практического применения вьетами ствольной артиллерии. «(1 мая 1427 г.) Приказ военачальникам и офицерам гласил: “Услышав один выстрел пушки, но не услышав звук гонга, военачальники срочно прибывают за приказом. Два-три выстрела пушки или два-три удара гонга означают сигнал тревоги, *тяплени* и командиры отдельных отрядов-*доктыонг* выстраивают солдат, младшие воители-*тхиеууи* отправляются в ставку за приказом”»⁸.

Также мы встречаем сообщение о введении системы знамен и флагов: «(18 сентября 1428 г.) Приняли положение об армейских сигнальных флагах, парадном оружии, боевом вооружении и кораблях. У среднего отряда флаг желтый, у верхнего отряда флаг красный, у нижнего отряда флаг белый. У командира каждой стражи⁹ один большой флаг, у каждой армии¹⁰ один средний флаг, отрядных флагов – десять, маленьких флагов – сорок»¹¹.

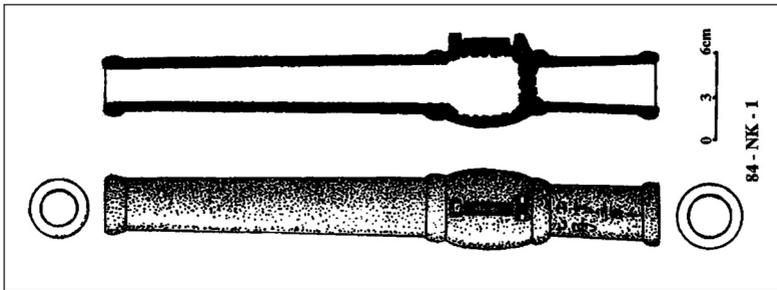
Текст этого указа упоминает и выдающийся конфуцианский ученый-энциклопедист Фан Хюи Чу (1782–1840) в своем тру-

де, озаглавленном «Классифицированные записи по истории прошлых династий». Это разностороннее сочинение было создано с целью обобщить исторический опыт государственного строительства, столь необходимый правителям из клана Нгуен (1802–1945), недавно объединившего Вьетнам после многолетней смуты, последовавшей за падением династии Поздних Ле (1428–1789). В ходе работы над текстом ученый обращался ко всем основным летописным сводам государства Дайвьет, а также высочайшим указам, постановлениям и иным документам. Сведения были объединены в десять разделов, восьмой из которых, озаглавленный «Записи о военном деле», представляет большой военно-исторический интерес. Состоящий из трех томов-*кюйен*, разбитый на семь глав, текст в хронологическом порядке освещает различные вопросы военного строительства в их развитии на протяжении восьми столетий – с X по XVIII вв. Он содержит обширную информацию по штатному расписанию и комплектованию, финансированию и материальному обеспечению, обучению и вооружению вьетнамских войск, а также по военной юстиции, системе экзаменов на офицерские должности и военному церемониалу. Дает он и некоторое представление о сигнальной системе, которую использовали вьетнамские командиры. Этот вопрос освещается, в частности, в четвертой главе, которая названа «Способы тренировки солдат». Входящая в нее рубрика «Оружие»¹² открывается цитатой из вышеупомянутого указа государя Ле Тхай-то (посмертное храмовое имя Ле Лоя). Указ датирован первым годом *Тхуан-тхиен* 順天 (Thuận-thiên – «Покорность воле Неба») (1428). В документе, в том числе, определен регламент флагов для гвардейских и армейских подразделений. Символом *ве* 衛 (*vê* – самая крупная разновидность воинского соединения в тот период) являлся большой флаг *дайко* 大旗 (*đại cờ*). Армейские формирования *куан* 軍 (*quân*) снабжались отдельным знаменем *чунго* 中旗 (*trung cờ*). В каждый куан входило по десять отрядов *дой* 隊 (*đội*), символами каждого из которых являлись основной флаг – *дойко* 隊旗 (*đội cờ*) и четыре малых флага – *тиеу ко* 小旗 (*tiểu cờ*)¹³. Форма знамен была заимствована вьетнамцами из китайской военной традиции. Они были двух основных видов – квадратные – *ковуонг* (*cờ vuông*) и треугольные (в форме хвоста сома) – *кодуойнео* (*cờ đuôi heo*)¹⁴. Нередко треугольные знамена обшивались по краям кантом из

треугольных же полос красной ткани, символизовавших языки пламени.

В седьмой – заключительной – главе «Записей», названной «Почетная служба во время праздничных мероприятий», Фан Хюи Чу подробно описывает церемониальные шествия с участием воинских подразделений в период Вторых Поздних Ле (1533–1789)¹⁵. Из этих описаний мы узнаем, какие сигнальные приспособления применялись гвардейцами северо-вьетнамского княжества Дангнгоай во время парадов в первой половине XVIII в. Шумовые средства были представлены огнестрельным оружием. В первую очередь, это сигнальные пищали *хуеусунг* 號銃/銃 (hiệu súng) и артиллерийские орудия (в тексте упоминается пушка *сунг* 銃 (súng), имевшая личное имя *Бао Лонг* 寶龍 (Bào Long – «Драгоценный дракон / Драконья Драгоценность¹⁶»). Образец сигнальной пищали был обнаружен археологами в 1983 г. во время раскопок арсенала военной академии периода Поздних Ле в ханойском районе Зангво. Образец (инв. номер 84-НК-1), который ныне хранится в собрании Исторического музея в Ханое, описан в диссертации вьетнамской исследовательницы Нгуен Тхи Зон. Согласно описанию, это предмет 39 см в длину, весом 2,74 кг, с диаметром основной части ствола 2,4 см. Нижняя – расширенная к основанию – часть ствола предназначалась для помещения заряда и снабжена запальным отверстием. Ее завершает втулка для насадки на деревянную рукоять-ложе. На втулку нанесена иероглифическая надпись «工字三百十七号», обозначающая номер орудия (317)¹⁷. Данный экземпляр мало отличается от других пищалей той же эпохи, представленных в собрании Исторического музея в Ханое. Так, например, образец под инв. номером LSb22265 имеет в длину 38,5 см. Диаметр ствола у дульного среза – 8 см, ствола – 5 см, основания – 7 см. Формой он несколько напоминает бутылку – нижняя часть также расширена в сравнении со стволом. Толщина стенок неравномерная. Литье очень простое. Материалом послужила бронза с добавлением чугуна, чем, возможно, объясняется больший, по сравнению с образцом из Зангво, вес – 8,9 кг¹⁸.

Помимо сигнальных пищалей в тексте Фан Хюи Чу упомянуты и другие сигнальные приспособления. Немаловажную роль в управлении парадными колоннами играли музыкальные инстру-

Ил. 1. Сигнальная пищаль *xieu sunng*

менты. К числу последних относились ударные – барабаны *чонг* 藏 (trống) (в тексте «Записей» употреблен иероглиф 鼓 – *гу*, который обозначает слово «барабан» в китайском языке, а на хан-вьете¹⁹ произносится как *ко* (cố)), гонги *чиенг* 金 (chiêng) и продолговатые гонги *ла* 鑼 (la). Фан Хюи Чу упоминает и о наличии других музыкальных инструментов, названия которых он не конкретизирует²⁰. Вполне возможно, что речь идет о рожках *кой* (còi) и подобных им видах духовых, которые, по свидетельству французских авторов, также применялись в традиционной вьетнамской армии²¹. Фан Хюи Чу описывает, как по команде офицеров музыканты издавали громкие звуки, нередко предшествовавшие залпам сигнальных орудий или сопровождавшие их.

Определенную роль в управлении войсками играли и визуальные средства. В «Записях о военном деле» упоминается, что команда стрелять для отрядов, вооруженных пищалью *xieu sunng*, подавалась при помощи специального полотнища с начертанным на нем иероглифом «*Фат*» 發 (Phát) – «Пли!», которое растягивали сигнальщики²². Французские исследователи упоминают также маленькие квадратные флажки *колень* (cờ lệnh), служившие для подачи команд²³.

И как показатель того исключительно важного значения, которое имела в управлении войсками система боевых сигналов, нельзя не процитировать четыре из десяти пунктов сурового боевого приказа от 1427 г.:

«Кроме того, десять пунктов законов военного времени для военачальников, офицеров и солдат гласили: « [Запрещено] (...)»

2. Подавать ложные сигналы тревоги в строю, вести необдуманные речи, будоража этим чувства солдат.

3. Во время боя, слыша звуки барабанов и видя сигналы флагами, делать вид, что не слышишь и не видишь, медлить и не наступать.

4. Во время боя, видя сигнал флагом о прекращении действий, слыша гонг о прекращении действий, не прекращать [их].

5. [Слыша] сигнал гонга об отступлении, своевольничать и не отступать.

(...) Нарушители десяти пунктов, указанных выше, будут казнены»²⁴.

Таким образом, на основании приведенных сведений мы можем сделать вывод, что в Средние века в армиях Вьетнама имела достаточно сложная и эффективная система управления войсками на поле боя, включавшая разнообразные средства звуковой и визуальной сигнализации. Хотя в ее основе лежала китайская военная теория, практическая часть сложилась в ходе освободительной войны 1418–1428 гг. с учетом полученного боевого опыта и специфики условий Вьетнама и в дальнейшем продолжала постоянно совершенствоваться.

¹ Сунь-цзы. Искусство стратегии. М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Мидгард, 2006. С. 101.

² Там же. С. 150.

³ Краткий трактат об основах военного искусства, дополненный текстом «Основы полководческого искусства» (Бинь тхы иеу лыок фу Хо чыонг кху ко). Ханой, 1977 (на вьет. языке).

⁴ Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы). Т. 5 / Пер. с ханвьета А.Л. Федорина. М.: Наука – Вост. лит., 2014. С. 86. (Серия – «Памятники письменности Востока». Т. СXXX, 5).

⁵ Там же. С. 93.

⁶ Сунь-цзы. Указ. соч. С. 153.

⁷ Полное собрание исторических записок Дайвьета. С. 103.

⁸ Там же. С. 123.

⁹ *Ve 衛 vê* – самое крупное воинское соединение в тот период.

¹⁰ *Kuân 軍 quân* – здесь имеется в виду большой отряд, входивший в состав *ve*.

¹¹ Полное собрание исторических записок Дайвьета. С. 152.

¹² О специфике классификации материала у Фан Хюю Чу см.: Ветюков В.А. Военное дело Вьетнама в эпоху Ле (1428–1789) по материалам «Записей о военном деле» Фан Хюю Чу (XIX в.). Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008. С. 68–70.

¹³ Фан Хюю Чу. Лить чиеу хиен чыонг лоай чи (Классифицированные записи по истории прошлых династий). Т. IV: Записи о военном деле / Ред. Дао Зуи Ань, пер. с вэньяня Фам Хюю Зю, Чинь Динь Зы, Као Хюю Зю. Ханой: Изд-во «Историческая наука», 1961. С. 25 (на вьет. яз.).

¹⁴ Huard D. Connaissance du Viet Nam. Paris – Hanoi, 1954. P. 119.

¹⁵ Период феодальной раздробленности, когда монархи из дома Ле сохраняли власть лишь номинально, а реальная власть над разными частями страны принадлежала военным правителям из враждующих феодальных кланов.

¹⁶ Возможны оба варианта перевода, так как в китайском языке определение ставится перед определяемым словом. Это верно и для целого пласта имеющих местное чтение (*ханвьет*) китайских заимствований во вьетнамском языке, для которого, однако, в целом, характерен обратный порядок определения и определяемого слова.

¹⁷ Нгуен Тхи Зон. Сьу тап ву кхи тхой Ле о Нгюк Кхань (Ханой). (Собрание оружия эпохи Ле из Нгюккхань – Ханой). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ханой, 2001. С. 9 (на вьет. яз.).

¹⁸ Там же. С. 91.

¹⁹ См. примеч. 16.

²⁰ Фан Хюи Чу. Указ.соч. С. 37.

²¹ Huard D. Op. cit. P. 119.

²² Фан Хюи Чу. Указ. соч. С. 37.

²³ Huard D. Op. cit. P. 119.

²⁴ Полное собрание исторических записок Дайвьета. С. 120.

Е.В. Бей, И.А. Сергиевский (Москва)

**«ОБ ИЗОБРЕТЕНИИ Г. БРАТОЛЮБОВЫМ
ГОРЮЧЕЙ ЖИДКОСТИ С УДУШАЮЩИМИ
ГАЗАМИ, МОГУЩЕЙ ПРИНЕСТИ
ЗНАЧИТЕЛЬНУЮ ПОЛЬЗУ В ДЕЛЕ ОБОРОНЫ»**

XX ВЕК стал для человечества прорывным в сфере научно-технического прогресса. Поскольку начало столетия ознаменовалось рядом войн и военных конфликтов, то неудивительно, что достижения науки и технические изобретения нашли широкое применение в разработке новых видов оружия. В сражениях Первой мировой приняли участие первые бронев автомобили и танки, в воздух поднялись боевые самолеты, на службу войне была поставлена химия, а имена изобретателей появились в названиях новых видов стрелкового оружия.

«Изобретено в России» – эти слова можно приписать многим техническим средствам и технологическим процессам, появившимся к тому времени. То, что изобретательский гений России наиболее полно выразился в области оружия и военной техники, не требует особого пояснения. Вместе с тем война всегда открывала путь разного рода авантюристам, недобросовестным делцам, желающим сделать карьеру, а главное поживиться за счет государственной казны.

Но для того чтобы преуспеть в борьбе с мощным бюрократическим аппаратом, являвшимся неотъемлемой частью монархической России, была необходима протекция. Вспомнить хотя бы того же Г.Е. Котельникова, долго и бесплодно обивавшего в предвоенные годы пороги военного ведомства, добываясь рассмотрения своего изобретения – спасательного ранца-парашюта для летчиков¹. Или, напротив, пролоббированный с помощью связей, фантастический концепт капитана Н.Н. Лебедеко –

«Царь-танк» («Нетопырь»), навечно увязший в грязи на первом и последнем для него испытании, вместе с тысячами вложенных государственных рублей². История создания русского противогАЗа (Зелинского – Кумманта) также являет нам немало примеров, когда личные интересы зачастую перевешивали государственные³.

В 1915 г. военный кризис в России спровоцировал целый вал разнообразных предложений по внедрению «чуда техники» – от одного вида которой, враг, наверное, должен был бежать без оглядки. По воспоминаниям высокопоставленных военных, в Главное военно-техническое управление (ГВТУ) поступали невероятные проекты: «... и самодвижущиеся мины; и подземные броненосцы... и пулеметы с особыми раструбами, позволяющими держать несколькими пулеметами громадные пространства под таким огнем, что не пролетит и воробей; и особые всесжигающие жидкости, которыми можно сжечь чуть ли не всю германскую армию... и фиолетовые лучи, посредством которых можно взрывать на расстоянии все неприятельские огнестрельные склады...»⁴ Состоявший членом Артиллерийского комитета при Главном артиллерийском управлении (ГАУ) известный конструктор оружия В.Г. Федоров сетовал на то, как много драгоценного времени отнимала работа, «называвшаяся в комитете “ассенизацией”, то есть работа по рассмотрению различных невежественных предложений и изобретений; они донимали нас своим количеством»⁵.

На этом фоне и появился наш персонаж – Александр Александрович Братолобов – «изобретатель бронированных автомобилей и горючего в воде масла», как было отмечено в материалах Чрезвычайной следственной комиссии⁶. Буквально с первых дней войны он приступил к реализации своего «творческого» потенциала и «новаторских» идей. В сентябре 1914 г. по поручению военного министра генерала В.А. Сухомлинова в недрах ГВТУ шла активная разработка «специального бронеавтомобиля, предназначенного для борьбы с бронемашинами противника»⁷. Установка орудия на легковой автомобиль «Руссо-Балт» была связана со многими техническими сложностями, поэтому авторам проекта пришлось обратиться за содействием к известному конструктору лафетов и орудийных установок, большинство которых было принято на вооружение в русской армии – ге-

**Броневомобиль «Руссо-Балт» тип С «Победоносец».
Справа у машины стоит Александр Братолобов. Весна 1915 г.**

нералу Р.А. Дурлахеру⁸. Последний, в свою очередь, и привлек для этих целей своего тестя – А.А. Братолобова. Как видно, с протекцией у этого господина было все в порядке⁹.

Основные работы велись в собственной мастерской Братолобова, обустроенной недалеко от Петрограда, возле железнодорожной станции «Струги-Белая». За полтора года было изготовлено 11 броневых автомобилей, которые, согласно отчету приемной комиссии ГВТУ, оказались совершенно непригодными для использования на фронте¹⁰.

Следует сказать, что помимо бронемашин в мастерской также велось изготовление аэроплана. Так называемая «Ласточка» Братолобова возникла на почве ажиотажа вокруг постройки гидросамолета по проекту конструктора-энтузиаста А.Ю. фон Виллиша. Известно, что, пока готовилась постройка летающей лодки ВМ-2 (второго поколения), Братолобов переманил к себе некоторых сотрудников Виллиша¹¹. В результате удалось изготовить почти полную копию аппарата первой серии – ВМ-1, значительно устаревшего к тому времени, поскольку к концу 1916 г. было уже много летающих лодок более прогрессивной конструкции¹². Самолет так и не был доведен и не испытывался.

К концу 1915 г. интерес предпринимателя к этим проектам поугас, так как была найдена новая золотая жила – «всесжигающая жидкость», активным продвижением которой и стал заниматься А.А. Братолобов. Обивая пороги военных управлений, он уверял, что изобрел необычный химический состав, с помощью которого можно легко сжечь все оборонительные сооружения врага, если в их конструкцию входит дерево или другой горящий материал. «Всюду его изобретение было признано не заслуживающим внимания, на него смотрели не то как на неудачного изобретателя, не то как на шарлатана», – вспоминал бывший председатель подкомиссии по военно-морским делам Н.В. Савич¹³.

В мемуарах известного химика В.Н. Ипатьева этот эпизод также оставил след. Летом 1915 г., когда известия о применении газов на фронте дошли до Петрограда¹⁴, Братолобов заявился в специально созданную Комиссию по изготовлению удушающих средств. «Он прибыл ко мне вместе с своей супругой, которая принесла с собою рекомендательное письмо от ее отца, – подчеркивал Ипатьев, – а сам он держал палец в стакане с каким-то целебным раствором; он объяснил, что его вещество так энергично, что его пары вызвали воспаление кожи пальца. Мне не трудно было догадаться, что это вещество было фтористым водородом и особого значения это предложение не представляло. При первом же моем знакомстве с г. Братолобовым мне стало ясно, что я имею дело с авантюристом и что с ним надо быть очень осторожным»¹⁵. Увы, точность характеристики, данной нашему персонажу ученым-химиком, подтвердилась очень скоро.

В начале сентября 1915 г. Братолобов подготовил презентацию изобретения в своем имении, куда, помимо представителей Государственной думы, были приглашены специалисты от ГАУ. «Опыты начались около 11 часов дня 6 сего сентября, – рапорто-

**Генерал-майор Р.А. Дурлахер.
Начало XX в.**

вал классный артиллерийский пиротехник Бенедиктов. – В начале инженером Братолобовым были показаны присутствующие приборы и аппараты, служащие для приготовления изобретенной им жидкости, при этом давал объяснения весьма краткие и неопределенные самого способа изготовления, причем уклонялся от прямых ответов на заданные мною вопросы. В деревянные ванны нагружались кости и серная кислота, означенная реакция происходила без участия каких-либо внешних побудителей (нагревание, мышки (так в документе. – *Авт.*) и т. п.); по прошествии неопределенного времени в ванны прибавлялась вода и после отстоя жидкость сливалась в особые жестяные противни, остаток промывался несколько раз водою, которая так же сливалась в противни. Жидкость с промывными водами упаривалась в указанных противнях в печах до кашицеобразной массы...

Затем было приступлено к демонстрации опытов жидкостью, причем последняя была приготовлена заранее, а не из приемника... Донося вышеизложенное Вашему превосходительству, со своей стороны полагаю: воспламеняющая жидкость, предложенная для демонстрации инженером Братолобовым, в главной своей массе представляет собой как по наружному виду, так и по действию раствор фосфора в сероуглероде с примесью плавиковой кислоты...

Вместе с сим... имею честь доложить, что подобная же жидкость, предложенная г. Эйзентраутом, была уже на рассмотрении 2-го отдела Артиллерийского комитета и в журнале последнего от 15 февраля, согласно высказанному мнению полковника Солонина о непригодности жидкости к артиллерийскому снаряжению и о возможном применении ее для нужд Военно-технического управления»¹⁶.

Не менее важна и интересна неофициальная (рукописная) справка второго представителя ГАУ, командированного в Струги-Белая – гвардии штабс-капитана Н.И. Довгелевича: «Громадную роль в этом деле играет доктор Глазунов. Он имеет знакомства в Думе. <...> Доктор Глазунов является соседом Братолобова по даче; он знакомил последнего с членами Думы. Все лица, кроме командированных штабс-капитана Довгелевича и Бенедиктова, были приглашены Глазуновым. Опыты закончились богатым завтраком, за которым Глазунов осведомился о том, какое впечатление вынесли присутствующие от средства Брато-

любова. <...> Бенедиктов заметил, что завод на станции Струги-Белая имеет такой вид, как будто бы он не был в употреблении; было также впечатление, что демонстрируемая Братолюбовым возгорающаяся жидкость состоит из сероуглерода и фосфора, купленных где-либо на стороне и смешанных самым обычным способом... Бенедиктов называет все это мошенничеством, но не мог писать в такой форме в своем рапорте на имя генерала Ипатьева»¹⁷.

Не получив желаемого результата в ведомстве военном, Александр Братолюбов переключился на представителей общественности – «с жалобами на военные учреждения, отклонявшие его изобретения якобы потому, что у него нет протекции [!] и возможности давать взятки»¹⁸. Так, уже в журнале заседания Особого совещания по обороне от 9 сентября 1915 г. засвидетельствовано заявление члена Государственного совета А.С. Стишинского «об изобретении г. Братолюбовым горючей жидкости с удушающими газами, могущей принести значительную пользу в деле обороны»¹⁹. В итоговой резолюции председатель поручил ГАУ произвести исследование указанных разработок и через подготовительную комиссию по артиллерийским вопросам представить полученные результаты²⁰.

Но все эти официальные круги рассмотрений, экспертиз, заключений и согласований явно не устраивали нашего Кулибина, решившего во что бы то ни стало получить государственный заказ. Бывший председатель Государственной думы М.В. Родзянко отмечал, что Братолюбову удалось заручиться поддержкой княгини Н.С. Шереметевской (Брасовой) – морганатической супруги великого князя Михаила Александровича²¹ и «продать» в дальнейшем все дело через последнего²².

Н.В. Савич в своем повествовании открывает курьезные подробности того, как осуществлялась презентация изобретения великому князю: «... было обильно полита водою поленница дров, в которую был произведен выстрел снарядом, заключавшим небольшое количество изобретенной смеси. Поленница загорелась, и ее не могли потушить. Равным образом выстрелили в растущее дерево, которое тоже загорелось ярким огнем. Великий Князь пришел в восторг, уверовал в сверхгреческий огонь и отправился в Ставку докладывать Государю о увиденном. Конечно, он не знал, что изобретатель заранее смачивал и поленницу, и дерево

известною жидкостью, которая при соединении со смесью изобретателя воспламеняется и дает очень высокую температуру горения»²³.

Так весть об изобретении дошла до Николая II, которого, впрочем, этот самый «сверхгреческий огонь» очень заинтересовал. В это время в военном ведомстве активно разрабатывался вопрос о постановке снарядов, «легко зажигающих строения, занятые немцами», в действующую армию²⁴. И вот уже 5 ноября А.А. Братолобов лично проводит показы своей «всесжигающей жидкости» в Ставке в Могилеве императору и его высокой свите²⁵. «В 3 часа между военной железнодорожной платформой и водокачкой изобретатель Братолобов показывал интересные опыты с его воспламеняющимися жидкостями. От смешения их происходит моментальное воспламенение, причем никакими средствами потушить огонь нельзя...» – гласит короткая заметка Николая II, сделанная в дневнике по этому поводу²⁶.

Волею случая очевидцем экспериментов стал есаул А.Г. Шкуро, впоследствии более детально описавший происходившие события: «Были приготовлены для опытов кирпичная стенка и деревянный дом. Государь лично выстрелил из винтовки в стенку, которая загорелась; дом также вспыхнул, как свеча. Мне было предложено применить и это изобретение во время партизанских набегов...»²⁷ Спектр практического применения жидкости обрисовывался чрезвычайно широко. Императору докладывали, что ею «можно с аэропланов поливать постройки и поля с хлебом; можно особыми помпами поливать окопы противника; можно, наконец, устраивать особые резервуары в виде ранцев со

**Великий князь Михаил
Александрович Романов**

Волею случая очевидцем экспериментов стал есаул А.Г. Шкуро, впоследствии более детально описавший происходившие события: «Были приготовлены для опытов кирпичная стенка и деревянный дом. Государь лично выстрелил из винтовки в стенку, которая загорелась; дом также вспыхнул, как свеча. Мне было предложено применить и это изобретение во время партизанских набегов...»²⁷ Спектр практического применения жидкости обрисовывался чрезвычайно широко. Императору докладывали, что ею «можно с аэропланов поливать постройки и поля с хлебом; можно особыми помпами поливать окопы противника; можно, наконец, устраивать особые резервуары в виде ранцев со

**Император Николай II на испытательном полигоне
(при испытании огнемета «Tilly-Goskin»)**

шлангами и употреблять эту жидкость при атаках укрепленных позиций»²⁸.

Так, несмотря на негативную экспертизу, Братолобову удалось добиться высочайшего одобрения на производство и использование своей жидкости. Учитывая новые обстоятельства, в Артиллерийском комитете ГАУ было спешно решено продолжить изучение данного зажигательного состава²⁹. В письме дежурного генерала штаба Верховного главнокомандующего от 6/7 ноября на имя начальника ГАУ генерала А.А. Маниковского особо подчеркивалось, что «если жидкость окажется пригодной... оказать изобретателю всякое содействие, как по приоб-

ретению, а в крайнем случае и реквизиции, всех необходимых станков и материалов для изготовления этой жидкости и сосудов для нее, так и по поставке их из-за границы, если это потребуется»³⁰. В данной ситуации удивляет резолюция начальника ГАУ, возложившего «ближайшее руководство всем этим делом на генерал-лейтенанта Дурляхова» – прямого заинтересованного лица, родственника Братолобова³¹.

Но еще более странным оказалось то, каким образом была организована сама работа по реализации заказа. Николай II в устной форме поручил принять на себя общее руководство по делу с жидкостью своему младшему брату Михаилу Александровичу. В письме от 19 декабря 1915 г. великий князь уже уведомляет царя о результатах первой недели работ Братолобова, который в свою очередь «испрашивает 2 500 000 американских долларов на расходы <...> Если ты согласен на выдачу просимой суммы, подпиши один из посылаемых рескриптов или на имя военного министра, или министра финансов, я не знаю точно, кто из них ведает военным кредитом»³².

Современники вспоминали, что после ряда высочайших повелений в распоряжении Братолобова оказалась «масса денег и право чуть ли не реквизиции домов для осуществления этого предприятия... Была дана огромная власть!»³³ В конце декабря изобретателю были действительно переданы несколько зданий в Петрограде для их переоборудования в лаборатории, контору и жилье рабочих.

О явно незаконных реквизициях было сообщено помощнику военного министра генералу А.С. Лукомскому, который в дальнейшем и распутывал всю финансовую составляющую дела. «После разговора с Великим князем я вызвал Братолобова, – вспоминал Лукомский. – Этот изобретатель держал себя крайне вызывающе... Он мне показал не подлинные письма Великого князя, а фотографические их снимки. Ясно было, что приходится иметь дело с опытным господином, который постарается сорвать все, что только возможно»³⁴.

Двоякие впечатления остались у генерала и после посещения завода нашего персонажа: «... работа кипела; устанавливались станки, проводились электрические провода. Но что, собственно, будет производить завод, было неясно: были на заводе какие-то старые аэропланы, подлежащие исправлению; была модель

**Генерал-лейтенант
А.С. Лукомский**

нового [гидро] аэроплана; были грузовики, подлежавшие бронированию; но не было ничего относившегося до изготовления “всесжигающей жидкости”... На мой вопрос, где же готовится жидкость, я получил ответ, что – в другом месте»³⁵.

4 января 1916 г. Братолюбов побывал у военного министра А.А. Поливанова. Вручив генералу фотографический снимок, сделанный с рескрипта великого князя Михаила Александровича, «изобретатель» заявил, что имеет высочайшие повеления на разработку целого ряда секретных оборонительных средств для армии, а для реализации задуманного необходимы денежные средства, указан-

ные в рескриптах. «На этом снимке я прочитал приблизительно следующее: великий князь передает мне Высочайшее повеление заказать А.А. Братолюбову столько-то пудов изобретенной им горючей жидкости на сумму, если не ошибаюсь, семь миллионов рублей, которую уплатить ему в долларах, а если этой суммы окажется мало, то доплатить остальное <...> В портфеле оказалась целая пачка подобных же рескриптов, адресованных подведомственным мне чинам Военного министерства... всего, как оказалось впоследствии, 26 рескриптов, требовавших для осуществления упоминаемых в них мер сумму свыше ста миллионов рублей», – так впоследствии описывал эту сцену бывший военный министр³⁶.

С этого момента дело с братолюбовскими заказами начало обретать юридически законный вид. Генерал А.А. Поливанов получил высочайшее согласие на передачу состоявшихся распоряжений от имени великого князя для пересмотра и дальнейшего направления в общеустановленном порядке Военному министерству. В течение января специально созданная комиссия рассмотре-

ла предъявленные Братолобовым расходные ведомости на сумму 678 тысяч рублей, признав доказанными и подлежащими оплате из военного фонда лишь 102 тысячи. У него были изъяты все подписанные Михаилом Александровичем рескрипты, и дельцу было объявлено, что возможный заказ последует только после опытов, «исполненных под надзором специалистов, которым он в секретном порядке должен будет открыть и состав своей жидкости»³⁷.

Между тем на фоне этой шумихи появился, как оказалось, настоящий автор изобретения. К генералу А.С. Лукомскому явился на прием прибалтийский немец Карл Эйзентраут и сообщил, что это им изобретена «всесжигающая жидкость», но в ГВТУ ее признали пригодной лишь «для сжигания трупов»³⁸. Напомним, что данная жидкость действительно испытывалась Артиллерийским комитетом еще в начале 1915 г., она была забракована по причине «опасного обращения с ней, вследствие самовоспламенения», «как при работе с ней, так и при перевозке и хранении»³⁹. Вероятно, через свои связи в ГАУ Братолобов узнал про неудачливого Эйзентраута и заключил с ним соглашение, пообещав довести изобретение до военного заказа, а прибыль делить пополам. Чего ему не удалось, так это выведать у немца секрет изготовления горючего химического состава, который в свою очередь требовали от Братолобова 1, 2 и 6-й отделы Артиллерийского комитета – «чтобы в значительной степени облегчить и ускорить Комитету работу по ознакомлению со свойствами этой жидкости»⁴⁰. Вот и пришел Эйзентраут к Лукомскому искать справедливости, ведь заказ дан, а Братолобов «требует от него секрет приготовления жидкости, предлагая за все это всего несколько тысяч рублей»⁴¹.

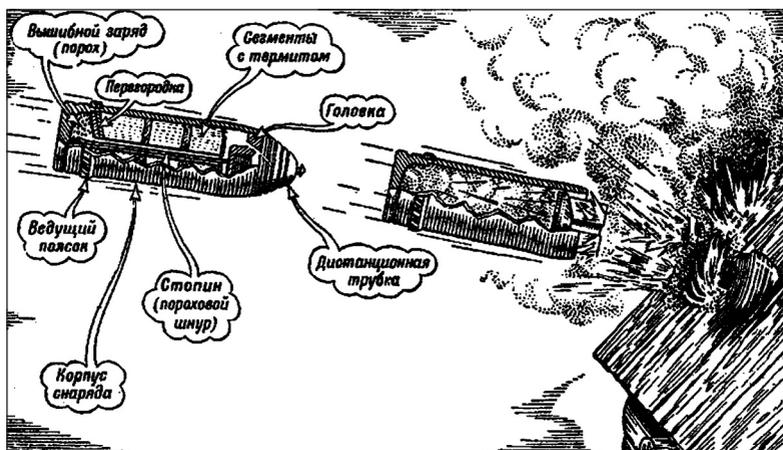
Дело в срочном порядке «ликвидировалось». Но бесследно, как бы этого ни хотелось его высокопоставленным участникам, оно пройти не могло. Военный министр генерал А.А. Поливанов, проявив инициативу, ознакомил членов Совета министров с вопиющим фактом незаконного нахождения в руках некоего Братолобова документов, дающих тому право предъявлять незаконные требования «не только к военному ведомству, но и к некоторым гражданским». Генералу А.С. Лукомскому также пришлось делать несколько обстоятельных докладов перед министрами и представителями Государственной думы по этому щепетильному вопросу.

Братолюбов был разоблачен, изобретение на поверку оказалось фикцией, а дело получило оттенок большой аферы. Но курьез в том, что в скандал были втянуты члены императорской фамилии, а это априори исключало возбуждение официального следствия и уж тем более проведение судебного производства. История о покровительстве Николая II мошеннику-лжеизобретателю неминуемо бы подорвала престиж царской власти. Главным же козырем Братолюбова, несомненно, являлись фотокопии рескриптов. Александр Лукомский так и остался в уверенности, что фотонегативы писем остались у мошенника, став гарантом его неприкосновенности⁴².

Вскоре последовали осторожные запросы в адрес М.К. Лемке, с уточнением подробностей пребывания его двоюродного брата в Ставке. В дневниковых записях от 11-12 января 1916 г. Лемке ошибочно заключает, что история с заказами явилась некой великокняжеской аферой: «... а как раз вчера вел. кн. Михаил Александрович, пользуясь предоставленным ему правом лично обращаться к царю, просит его телеграммой совершенно предать забвению свою рекомендацию Братолюбова и извинить за вышедшие неприятности (?); военный же министр прислал телеграмму нач. штаба, указывая, что дело с Братолюбовым надо считать оконченным, ввиду полученных сведений “об этом господине” ...»⁴³

«Слухи о векселях» действительно бросили тень на репутацию великого князя Михаила Александровича, о чем можно судить по выдержкам из его писем супруге: «... эта неприятная история будет служить мне тяжелым, но хорошим уроком, и уж, конечно, ничего подобного никогда не повторится. Мне только всю жизнь будет досадно и обидно вспоминать, что я мог сделать такую ошибку. <...> По правде сказать, мне, конечно, приятнее было бы не принимать больше на себя никаких таких назначений, а согласился я только для того, чтобы принести какую-нибудь пользу»⁴⁴.

Скандалная история явилась одной из причин, повлекших скорую отставку военного министра⁴⁵. В думских кругах существовало мнение, что А.А. Поливанов был отстранен из-за того, что намеренно допустил официальную огласку «братолюбовского» дела, порочащего царскую фамилию⁴⁶. Вероятно по этим же причинам на фронт – командовать дивизией – был

Принципиальная схема действия зажигательного снаряда

отправлен и помощник военного министра генерал А.С. Лукомский⁴⁷.

Что же стало с самим «изобретателем»? В разгар скандала он попытался лично апеллировать к царю, изложив свое видение произошедшего в развернутом письме-прошении. Используя последний шанс, мошенник не скупился на обещания и уверял, что снабжение русской армии новейшими техническими разработками следует проводить не «шаблонным путем неповоротливой ведомственной машины, а быстрым и безусловно секретным». Вот тогда-то в распоряжении военных окажутся «сотни бронированных автомобилей, целый ряд различных жидкостей... гидроаэропланы, бронированные поезда, автомобили-прачешные, новой системы пушки-пулеметы, работающие почти беззвучно и освещающие цель, и глушители на ружья разведчиков, и целый ряд других военных придумок»⁴⁸. Однако после очередного подтверждения непригодности для войск «всесжигающей жидкости» Братолобов благоразумно скрылся с исторического горизонта.

В заключение отметим, что просочившаяся в массы «братолобовская история» еще долгое время служила злобой дня в Петрограде. По своему размаху эта афера явно выделялась своей дерзостью и осознанием безнаказанности ее участников. Совокупность нескольких факторов позволила осуществить ее

практически. Во-первых, сильная протекция и наличие знакомств с представителями властей предрешающих, а на худой конец, и примитивные взятки. Во-вторых, немаловажным оказался психологический фактор: безоговорочная вера в «чудооружие», в «революционность» открытия и обещания быстрых результатов.

В.Г. Федоров не без оснований констатировал, что «проведение в жизнь различных изобретений и мероприятий в условиях царской России было сопряжено с большими трудностями, требовало необычайной настойчивости и сил. <...> В такой обстановке далеко не всякий человек, даже весьма талантливый, мог преодолеть все преграды и препятствия»⁴⁹. Несмотря на это, в тяжелые годы войны появилась целая плеяда талантливых изобретателей, чьи работы привнесли значительный вклад в развитие отечественного оружия. В частности, один из острых вопросов ГАУ в контексте обеспечения войск зажигательными снарядами был успешно разрешен внедрением разработок Е.Г. Гронова, И.В. Стефановича, И.Ф. Яковлева и др.⁵⁰

Истории, рожденные ажиотажем вокруг сулящих большие прибыли государственных контрактов, стары как мир, но отвадить лжеизобретателей от казны не так-то просто. Хотя в последнее время не слышно про новых Петриков, создателей вечных двигателей и открывателей антигравитации, про новые торсионные поля, гамма-лазеры, психотронное и другое сверхоружие, сулящее грандиозные возможности для обороноспособности страны... Что ж, история покажет.

¹ Дузь П.Д. История воздухоплавания и авиации в России. М., 1981. С. 235, 268–269; В итоге, в январе 1912 г. Г.Е. Котельников подал заявку на свое изобретение во Франции и 20 марта того же года получил патент № 438 612.

² На постройку машины Лебеденко была израсходована весьма большая по тому времени сумма – 210 000 рублей. Работы финансировались «Союзом городов» и Главным военно-техническим управлением. (Мостовенко В.Д. Танки (Очерк из истории зарождения и развития бронетанковой техники). М., 1955. С. 49).

³ См., например: Де Лазари А.Н. Химическое оружие на фронтах Мировой войны 1914–1918 гг. Краткий исторический очерк. М., 2008.

⁴ Лукомский А.С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012. С. 285.

⁵ Федоров В.Г. В поисках оружия. М., 1964. С. 22.

⁶ Указатель имен к I–VII т. // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. М.; Л., 1927. Т. VII. С. 311.

- ⁷ Коломиец М.В. Русские броневики в бою. Бронечасты Первой мировой. М., 2013. С. 73.
- ⁸ Дурляхер Р.А. // Военная энциклопедия: В 18 т. / Под ред. В.Ф. Новицкого и др. СПб., 1912. Т. IX. С. 242; Р.А. Дурляхов от рождения имел фамилию Дурляхер, но затем дважды менял ее; первый раз около 1893 г.: Дурляхер – Дурлахер, и второй раз вместе с именем в период Первой мировой войны: Роберт Дурлахер – Ростислав Дурляхов (Бочаров В.О. Страницы биографии артиллерийского конструктора генерал-лейтенанта Р.А. Дурляхова (по материалам ВИМАИВиВС) // Война и оружие. Труды пятой Международ. науч.-практич. конференции. Ч. 1. СПб.: ВИМАИВиВС, 2014. С. 256–271).
- ⁹ Александр Братолобов также приходился двоюродным братом М.К. Лемке, состоявшему в 1915–1916 гг. военным цензором в Ставке Верховного главнокомандующего (Лемке М. 250 дней в царской ставке (25 сент. 1915 – 2 июля 1916). Пб., 1920. С. 443).
- ¹⁰ Коломиец М.В. Указ. соч. С. 79.
- ¹¹ Шавров В.Б. История конструкций самолетов в СССР до 1938 г. М., 1978. С. 272.
- ¹² Петров Г.Ф. Гидросамолеты и экранопланы России 1910–1999. М., 2000. С. 40–42.
- ¹³ Савич Н.В. Воспоминания. СПб., 1993. С. 152.
- ¹⁴ 31 (18) мая 1915 г. немцы произвели первую газобаллонную атаку на русском фронте, известие о которой всколыхнуло самые широкие слои населения России. Химической атаке подверглись части 2-й русской армии, которая преградила пути к Варшаве наступавшей 9-й армии генерала А. фон Макензена.
- ¹⁵ Ипатьев В.Н. Жизнь одного химика. Нью-Йорк, 1945. Т. 1. С. 491.
- ¹⁶ РГВИА. (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 506. Оп. 2. Д. 180. Л. 10–11 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 12–13 об.
- ¹⁸ Савич Н.В. Указ. соч. С. 152.
- ¹⁹ Журнал № 5 Особого совещания для обсуждения и обеспечения мероприятий по обороне государства. Заседание 9-го сентября 1915 года // Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства 1915–1918 г.г. М., 1973. С. 253.
- ²⁰ Там же. С. 255.
- ²¹ Михаил Александрович Романов, великий князь (1878–1918 гг.) – младший брат Николая II. С августа 1914 г. генерал-майор, командующий Кавказской туземной конной («Дикой») дивизией. 3 марта 1917 г. отрекся от престола, расстрелян в июне 1918 г.
- ²² Родзянко М.В. Крушение Империи: (Записки председателя Русской Государственной Думы) // Архив русской революции. М., 1993. Т. 17–18. С. 112.
- ²³ Савич Н.В. Указ. соч.
- ²⁴ РГВИА. Ф. 504. Оп. 8. Д. 1124. Л. 1–2.
- ²⁵ Об этом событии на очередном заседании Особого совещания было сделано осведомительное сообщение (Журнал № 22 Особого совещания для обсуждения и обеспечения мероприятий по обороне государства. Заседание 7-го ноября 1915 года. С. 398).
- ²⁶ Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 556.
- ²⁷ Шкуро А.Г. Гражданская война в России. Записки белого партизана. М., 2004. С. 61.

- ²⁸ Лукомский А.С. Указ. соч. С. 289.
- ²⁹ РГВИА. Ф. 504. Оп. 8. Д. 1124. Л. 44–45 об.
- ³⁰ Там же. Ф. 506. Оп. 2. Д. 180. Л. 6–7 об.
- ³¹ Там же.
- ³² Первая мировая. Во главе «Дикой дивизии». Записки Великого князя Михаила Романова / сост., коммент. В.М. Хрусталева. М., 2014. С. 581–582; ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 601. Оп. 1. Д. 1301. Л. 146–147 об.
- ³³ Показания А.Н. Наумова // Падение царского режима. Т. 1. С. 411.
- ³⁴ Лукомский. А.С. Указ. соч. С. 290.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Поливанов А.А. Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. – 13 марта 1916 г.) // Вопросы истории. 1994. № 9. С. 124.
- ³⁷ Там же. № 11. С. 121.
- ³⁸ Лукомский А.С. Указ. соч. С. 290.
- ³⁹ РГВИА. Ф. 506. Оп. 2. Д. 180. Л. 6–7.
- ⁴⁰ Там же. Л. 7 об.
- ⁴¹ Лукомский А.С. Указ. соч. С. 290–291.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Лемке М.К. Указ. соч. С. 443.
- ⁴⁴ Первая мировая. Во главе «Дикой дивизии». С. 592; ГАРФ. Ф. 622. Оп. 1. Д. 21. Л. 1–24 об.; Д. 22. Л. 38–39 об.
- ⁴⁵ См.: Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917): 1916 год. Сверхнапряжение. М., 2015. С. 83.
- ⁴⁶ См.: Савич Н. Указ. соч. С. 153.
- ⁴⁷ См.: Родзянко М.В. Указ. соч. С. 112.
- ⁴⁸ Цит. по: Поливанов А.А. Указ. соч. // Вопросы истории. 1994. № 11. С. 120.
- ⁴⁹ Федоров В.Г. Указ. соч. С. 9, 21.
- ⁵⁰ РГВИА. Ф. 504. Оп. 8. Д. 1124. Л. 9–9 об., 23–24 об., 305–307.

А.Н. Белков (Москва)

ГЕНЕЗИС СТРУКТУР ПРОПАГАНДЫ РУССКОЙ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ АРМИИ

БОЛЕЕ 70 лет минуло с того момента, как отгремели последние залпы Второй мировой войны. Об этом трагическом и одновременно героическом событии написана не одна тысяча научных трудов. И, тем не менее, до сих пор остается ряд спорных моментов и белых пятен в истории этого грандиозного вооруженного противостояния. Одним из таких аспектов являются причины, побудившие значительное количество граждан Советского Союза выступить с оружием в руках на стороне врага. Чтобы найти ответы на этот непростой вопрос, необходимо разобраться, где и как готовились пропагандисты «борьбы с большевизмом». В предлагаемой работе предпринята попытка проследить процесс зарождения структур пропаганды самого известного антисоветского вооруженного формирования – Русской освободительной армии (РОА), возглавляемой генерал-лейтенантом А.А. Власовым.

Первоначальный план нападения Германии на Советский Союз предполагал в кратчайшие сроки выйти на линию Архангельск – Астрахань, в результате чего ликвидировать СССР как государство и достичь полного господства в Восточной Европе¹. Такой сценарий отводил «восточным добровольцам» из числа граждан Советского Союза крайне незначительную роль. А. Гитлер в июле 1941 г. в присутствии М. Бормана, генерал-фельдмаршала В. Кейтеля, А. Розенберга и Г. Ламмерса заявил: «Никогда не должно быть позволено, чтобы оружие носил кто-либо иной, кроме немцев! Это особенно важно. Даже если в ближайшее время нам казалось бы более легким привлечь какие-либо чужие, подчиненные народы к вооруженной помощи,

это было бы неправильным. Это в один прекрасный день непременно и неизбежно обернулось бы против нас самих. Только немец вправе носить оружие, а не славянин, не чех, не казак и не украинец»².

Однако, на практике эти политические установки не соблюдались. Уже с лета 1941 г. в вермахте на различных должностях

**Капитан
В.К. Штрик-Штрикфельдт.
Послевоенная фотография**

(преимущественно для вспомогательных работ) использовались переребечики или пленные военнослужащие РККА. По мере того, как война приобретала затяжной характер, в немецкой армии все активнее использовали советских граждан, что вызвало необходимость регламентировать их использование. С этой целью 20 августа 1942 г. вышел приказ верховного командования сухопутных войск (ОКХ) вермахта № 800 «О создании добровольческих формирований из населения временно оккупированных территорий СССР»³.

К концу 1942 г. почти в каждой дивизии вермахта, действовавшей на советско-германском фронте, имелась одна, а иногда и две русские или украинские роты, в корпусе – батальон. Большинство этих формирований были пехотными, но вместе с тем имелись и кавалерийские, артиллерийские, саперные, строительные, снабжения, связи и т. д. К примеру, в состав охранных дивизий входили восточные кавалерийские дивизионы и эскадроны, в распоряжении тылового командования групп армий имелось по несколько батальонов и рот, полностью укомплектованных советскими гражданами (преимущественно, славянами)⁴.

В отличие от национальных легионов (прежде всего, прибалтийских) восточные роты и батальоны создавались для удовлетворения нужд германской армии без политического подтекста⁵. Такая «безыдейность» негативным образом сказывалась на боевом духе военнослужащих «русских частей», что в послевоенных изданиях признавали и сами власовцы: «Моральное состояние

этих людей было очень низким. Унизительное положение солдат второго сорта болезненно переживалось большинством из них. Идя к немцам с возвышенной целью – борьбы против большевизма – они невольно оказывались на положении наемников»⁶. В руководстве вермахта также понимали, что «русским добровольцам» было необходимо дать хоть какую-то политическую идею и лидера. Так в ОКХ родилась «мысль привлечь какого-нибудь советского генерала в качестве соратника в борьбе против Сталина ... заинтересованность в таких мероприятиях проявил генерал-майор фон Ведель, начальник Отдела армейской пропаганды»⁷.

Несмотря на то что в немецком плену было 88 генералов, 2 комдива и 10 комбригов (большая часть из которых попала в плен в 1941–1942 гг.)⁸, подобрать подходящую фигуру на роль руководителя «русского антибольшевистского движения» удалось не сразу. Первоначально в этом качестве рассматривался командующий войсками советской

**Начальник отдела пропаганды ОКВ
генерал-майор Х. Ведель**

19-й армии генерал-лейтенант М.Ф. Лукин, высказывавший на допросах свою антикоммунистическую позицию. В частности, он заявлял, что «большевизм – это интернациональная и еврейская идея ... чуждая русскому народу»⁹. Однако, возглавить антисоветские вооруженные формирования не соглашался. Как свидетельствует известный деятель антисоветского движения К.Г. Кромиади, даже когда к М.Ф. Лукину прибыли белоэмигранты С.Н. Иванов и И.К. Сахаров «развернуть русскую освободительную борьбу, он наотрез отказался»¹⁰. Согласившиеся на сотрудничество с немцами генерал-майоры В.Ф. Малышкин

(бывший начальник штаба 19-й армии) и Ф.И. Трухин (бывший заместитель начальника штаба Северо-Западного фронта) были не настолько широко известны, чтобы возглавить «борьбу против сталинского режима». Поэтому после дачи во время допросов ценных сведений¹¹ в оперативную разработку был взят генерал-лейтенант А.А. Власов (бывший командующий 2-й ударной армии), плененный в июле 1942 г. В частности, с ним неоднократно встречался и беседовал офицер отдела военной пропаганды верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) капитан В.К. Штрик-Штрикфельдт. В прошлом «капитан Штрик» (как в послевоенных мемуарах его называли власовцы) был подданным Российской империи. В годы Гражданской войны он дослужился до звания капитана в Белой Северо-Западной армии¹². Эти факты биографии помогли Вильфриду Карловичу расположить к себе пленного советского генерала¹³.

Результатом работы капитана В.К. Штрик-Штрикфельдта стало обращение А.А. Власова к русскому народу и русской интеллигенции от 10 сентября 1942 г.¹⁴ В декабре того же года генерал А. Власов подписал «Обращение Русского Комитета». С января 1943 г. оно активно распространялось на советско-германском фронте. Созданный комитет претендовал на роль политического центра (или аналога правительства в изгнании) и ставил перед собой три основных цели:

- а. Свержение Сталина и его клики, уничтожение большевизма.
- б. Заключение почетного мира с Германией.

в. Создание, в содружестве с Германией и другими народами Европы, Новой России без большевиков и капиталистов»¹⁵. Исходя из поставленных целей была выдвинута короткая политическая программа из 13 пунктов и определены «враги народа».

Для достижения поставленных целей «Русский Комитет» призывал «бойцов и командиров Красной армии, всех русских людей переходить на сторону действующей в союзе с Германией Русской Освободительной Армии»¹⁶. Отметим, что данное обращение стало первым официальным документом, подписанным А.А. Власовым, в котором сообщалось о существовании РОА. Однако, несмотря на громкие политические заявления и широкую пропагандистскую компанию, на деле эта «армия» существовала только на бумаге. «Добровольцы» русских рот и баталь-

**Белоэмигранты С.Н. Иванов и И.К. Сахаров.
Псков. 22 июня 1943 г. Гвардейский батальон РОА**

онов номинально стали именоваться частями РОА (на их форме появился соответствующий нарукавный знак). Фактически же их положение не изменилось.

«Армия генерала Власова» оставалась лишь пропагандистской уловкой до ноября 1944 г. Реально функционировали несколько учебно-лагерных структур и подразделений органов пропаганды. Их руководители привлекали в качестве слушателей и преподавателей военнопленных, настроенных критически по отношению к Советской власти и лично Сталину¹⁷. На оккупированной территории среди подобных структур можно отметить так называемую Политическую школу в Орле, и курсы пропагандистов в Смоленске.

Политическая школа была создана в 1942 г. В ее состав входили отделы устной пропаганды и агитации, печатной пропаганды и агитации, культуры и воспитания (подотделы школы, искусства, физкультуры и спорта, церкви)¹⁸. Руководил этой школой сотрудник немецкой военной пропаганды Петерс (первый редактор газеты «Речь»), его заместителем был Михаил Октан (главный редактор «Речи»)¹⁹.

**«Восточный доброволец»
с нарукавным знаком РОА
читает пропагандистские
материалы**

Курсы пропагандистов РОА в Смоленске были организованы в конце 1942 г. по инициативе отдела пропаганды восточных войск и штаба немецкой 4-й армии. Их основной задачей являлась подготовка сотрудников-пропагандистов для периодических изданий «восточных добровольцев», таких как смоленская газета «За свободу», «Боец РОА» и др. Просуществовали они меньше года. В связи с изменившейся обстановкой на фронте в середине 1943 г. их закрыли²⁰.

Были подобные структуры и на территории самой Германии. Одни из первых подобных курсов были открыты в Вульхайде (предместье Берлина) в феврале 1942 г. по инициативе ОКВ.

Срок обучения на курсах составлял десять недель²¹. Для обучения отбирались военнопленные из числа «средних и младших командиров, а также бойцов с высшим образованием»²². Выпускники, «изъявившие желание остаться на пропагандной службе в качестве рядовых пропагандистов, рассылались по лагерям военнопленных»²³ для ведения антикоммунистической пропаганды. В редких случаях окончивших курсы направляли для службы в полицию или в русские антисоветские вооруженные формирования на оккупированной территории²⁴.

Общая численность курсов не была постоянной и довольно сильно колебалась. Первый набор составил около 50 чел.²⁵, последующие – по разным оценкам, от 250²⁶ до 300²⁷ и выше. На допросе в СМЕРШ один из бывших слушателей указал численность курсов – 800 чел.²⁸, хотя эта цифра представляется маловероятной. Всего было подготовлено более тысячи пропагандистов²⁹. Во время учебного процесса слушатели были разделены на группы («корпоральства») по 50 чел.³⁰ Во главе них

стояли выпускники предыдущих курсов. Общее руководство учебным процессом осуществлял балтийский немец зондерфюрер, позднее лейтенант барон Георг фон-дер Ропп³¹.

Задачей пропагандистов, окончивших курсы, было развивать у военнопленных отрицательное отношение к большевизму и располагать их к немцам³². Исходя из этого в программу занятий входили следующие дисциплины:

«1. Понятие о расе, определение рас, классификация, происхождение рас – 6 часов.

2. Нация и национальный вопрос в фашистском толковании – 10 часов.

3. Народ – определение народа, признаки его, культура, быт, религия – 12 часов.

4. Социализм в фашистском понятии – 6 часов.

5. Национал-социализм – 10 часов.

6. Пацифизм и война – 16 часов.

7. Критика марксизма – 16 часов.

8. Критика большевизма – 20 часов.

9. Критика советской системы – 6 часов.

10. Государство – понятие о государстве в фашистском изложении – 10 часов.

11. Монархия и республика – 12 часов.

12. Революция и контрреволюция – 12 часов.

Начальник отдела ОКХ «Иностранные армии Востока» полковник Р. Гелен (на первом плане в центре) с подчиненными

Кроме того, преподавался немецкий язык 3 раза в неделю по 2 часа»³³.

Помимо лекционных занятий, слушатели на практике знакомились с жизнью, бытом, организацией и условиями труда рабочих и крестьян в нацистской Германии. Для этого были организованы соответствующие экскурсии в пределах радиуса действия берлинских электропоездов. По результатам этих ознакомительных поездок обучаемые в письменном виде излагали свои впечатления и сдавали их руководителям групп, которые оценивали представленные работы по пятибалльной шкале³⁴. Кроме этого за время прохождения курсов слушатели должны были написать две аттестационные работы в виде сочинений на темы «Народ» и «Социализм»³⁵.

Свои литературные способности будущие пропагандисты могли продемонстрировать и в газете «Помощник», издаваемой в лагере. Этот печатный орган выпускался ротаторным способом и преимущественно публиковал сокращенные переводы из немецких газет, таких как «Фелькишер Беобахтер», а также обработанные материалы, поступавшие по линии Антикоминтерна³⁶.

В таком виде курсы просуществовали до декабря 1942 г. Уже через три дня после провозглашения «Русского Комитета» 20 декабря 1942 г. в лагерь прибыли его члены – бывшие военнослужащие РККА – генералы И.А. Благовещенский, В.Ф. Малышкин и комиссар М.А. Зыков. Они объявили, что выпускники курсов теперь будут направлены в лагерь военнопленных для вербовки «добровольцев» в РОА, которую формирует «Комитет», возглавляемый А.А. Власовым. В связи с указанными изменениями, в учебную программу были внесены соответствующие коррективы. Добавились лекции на темы: «Большевики – виновники войны», «Большевизм – враг русского народа», «Германия борется не против Советского Союза, а против большевиков», «Исторический союз германского и русского народов», «Англия – исторический враг России», «Положение военнопленных в Германии», «Задачи, которые ставит перед собой Русский Комитет»³⁷. В новом облике курсы просуществовали до марта 1943 г., после чего были переведены в Дабендорф³⁸.

Школа пропагандистов РОА в Дабендорфе была организована к февралю 1943 г. Официально открыта как курсы 1 марта того же года, по распоряжению начальника отдела ОКХ «Ино-

Генерал-лейтенант А.А. Власов в школе пропагандистов в Дабендорфе, на заднем плане К.Г. Кромиади

странные армии Востока» полковника (с декабря 1944 г. – генерал-майора) Р. Гелена и согласованию с начальником отдела пропаганды ОКВ генералом Х. Веделем. В немецких документах школа в Дабендорфе именовалась пропагандным батальоном особого назначения («Ost-Propaganda Abteilung zur besondere Verfügung»). Ее начальником был назначен уже упоминавшийся капитан В.К. Штрик-Штрикфельдт. С мая 1943 г. учебное заведение стало называться офицерской школой РОА. Кроме нее в Дабендорфе находились редакции двух основных власовских газет: «Заря», предназначенной для военнопленных, и «Доброволец» – для военнослужащих восточных добровольческих формирований.

С образованием школы пропагандистов РОА в Дабендорфе завершается период зарождения структур пропаганды «власовской армии». Этот лагерь в предместье Берлина стал своего рода «кузницей кадров» для РОА. Несмотря на то что на полях сражений Второй мировой войны власовцы не успели сыграть важную роль, они заложили серьезную основу для идеологической борьбы с Советским Союзом в послевоенный период. Поэтому

изучение истории структур пропаганды РОА и особенностей их функционирования может стать мощным оружием в руках борцов с попытками фальсификации отечественной истории.

¹ Война Германии против Советского Союза 1941–1945. Документальная экспозиция / Под ред. Р. Рюрупа. Берлин, 1994. С. 41.

² Док. № 10. Из протокольной записи совещания Гитлера с руководителями фашистского рейха о целях войны против Советского Союза, 16 июля 1941 // Преступные цели – преступные средства / Сост. Г.Ф. Заставенко, Т.А. Иллерицкая, А.М. Козочкина, И.М. Лобанихина и др. М., 1985. С. 48–49.

³ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 689.

⁴ Дробязко С.И. Восточные формирования в ставке вермахта. Проблема определения численности // Коллаборационизм и предательство во Второй мировой войне. Власов и власовщина (Москва, 12 ноября 2009 г.): материалы Международ. круглого стола / под ред. д. и. н. В.Д. Кузнецовского. М.: РИСИ, 2010. С. 83.

⁵ Там же.

⁶ Идеологические основы Русского освободительного (власовского) движения // Российское освободительное движение ген. А.А. Власова. б/м. б/д. С. 2–3.

⁷ Штрик-Штрикфельдт В. Против Сталина и Гитлера. М., 1993. С. 103, 104.

⁸ Нуждин О.И. Советские генералы в плену: моральный аспект проблемы // Труды II Международ. ист. чтений, посвященных памяти профессора, Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина. Белград, 10–14 сентября 2011 г. Сб. ст. и материалов / Сост. К.М. Александров, О.А. Шевцов, А.В. Шмелев. СПб., 2012. С. 312–313.

⁹ Сообщение о содержании допроса командующего 19-й армией генерал-лейтенанта М.Ф. Лукина о возможности организовать выступление против сталинского режима // Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (Политический архив министерства иностранных дел Германии). XIII. Т. 2. R. 105178. Копия / Пер. с нем. Цит. по: Генерал Власов: история предательства. М., 2015. Т. 1: Нацистский проект «Aktion Wlassow». С. 977.

¹⁰ Кромиади К.Г. За землю, за волю! Воспоминания соратника генерала Власова. М., 2011. С. 76.

¹¹ Протокол допроса командующего 2-й Ударной армии генерал-лейтенанта А.А. Власова в штабе 18-й Армии // ЦА ФСБ. № Н-18766. Т. 7. Л. 22–30. Заверенная копия. Цит. по: Генерал Власов: история предательства... Т. 1. С. 86–91.

¹² Александров К.М. Капитан Вильфрид Штрик-Штрикфельдт и его воспоминания // Посев. № 3 (1650). 2015. С. 34.

¹³ Подробнее об этом см: Штрик-Штрикфельдт В. Указ. соч. С. 105–116.

¹⁴ Регистрационный № 480/РАВ/IX/42 в вермахте.

¹⁵ «Обращение Русского Комитета», листовка. Типографский экз. // Личный архив автора.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Александров К.М. Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета освобождения народов России 1943–1946 гг. Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2015. С. 309.

¹⁸ Выстояли и победили! Орловская область в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Сб. док. и материалов. Орел, 2015. С. 119–120.

- ¹⁹ Грибков И.В. Газеты на оккупированной территории СССР на русском языке в период Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.): источниковедческое исследование. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. С. 48–49.
- ²⁰ Николаев А. Так это было. Франция; Германия, 1982. С. 169, 174, 187, 192, 197.
- ²¹ Пшеничный Г. Курсы пропагандистов в Вульхайде // Рождение РОА. Пропагандисты Вульхайде – Люкенвальде – Дабендорфа – Риги / Сост. Поздняков В. Сиракузы, США, 1972. С. 23.
- ²² Выписка из протокола допроса А.Е. Ульянова о курсах пропагандистов для РОА в м. Дабендорф // ЦА ФСБ. № Н-18766. Т. 5. Л. 14–23. Заверенная копия. Цит. по: Генерал Власов: история предательства... Т. 1. С. 292.
- ²³ Пшеничный Г. Указ. соч. С. 25.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. С. 23.
- ²⁶ Там же. С. 24.
- ²⁷ Протокол допроса И.А. Благовещенского от 5 октября 1945 г. // ЦА ФСБ. № Н-18766. Т. 18. Л. 86–87. Подлинник. Цит. по: Материалы по истории русского освободительного движения. Статьи, документы, воспоминания. Вып. 2. М., 1998. С. 316–317. (Однако на допросе 24 июля 1945 г. и 30 января 1946 г. И.А. Благовещенский оценил численность курса в 200 чел. Подробнее см.: ЦА ФСБ. № Н-18766. Т. 18. Л. 72–75. Подлинник. Цит. по: Генерал Власов: история предательства... Т. 2: В 2 кн. Кн. 1: Из следственного дела А.А. Власова. С. 363. и С. 388); Огороков А. Особый фронт. Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны. М., 2007. С. 140.
- ²⁸ Выписка из протокола допроса А.Е. Ульянова о курсах пропагандистов для РОА в м. Дабендорф.
- ²⁹ Пшеничный Г. Указ. соч. С. 25.
- ³⁰ Там же. С. 24.
- ³¹ Доклад командира спецгруппы ЦШПД майора Казанцева П.К. Пономаренко о мероприятиях спецгруппы ЦШПД по розыску и попыткам ликвидации А.А. Власова // НА РБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 609. Л. 34–55. Подлинник. Цит. по: Генерал Власов: история предательства... Т. 1. С. 639.
- ³² Пшеничный Г. Советская агентура в лагерях военнопленных и пропагандисты РОА // Рождение РОА... С. 156.
- ³³ ЦА ФСБ. № Р32833. Т. 1. Л. 49–49 об. Цит. по: Огороков А. Указ. соч. С. 141–142.
- ³⁴ Пшеничный Г. Курсы пропагандистов в Вульхайде. С. 23–24.
- ³⁵ Из спецсообщения 4-го Управления НКГБ СССР в НКГБ СССР о школе отдела пропаганды ОКВ в м. Вульгайде и м. Дабендорфе по подготовке пропагандистов для работы в лагерях военнопленных и антисоветских воинских формированиях немецкой армии от 5 ноября 1943 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. док. Т. 4. Кн. 2. М., 2008. С. 510–516. Док. № 1671.
- ³⁶ Китаев М. Русское освободительное движение // Материалы к истории Освободительного движения народов России (1941–1945). Изд. СБОРН, 1970. С. 21.
- ³⁷ Выписка из протокола допроса А.Е. Ульянова о курсах пропагандистов для РОА в м. Дабендорф // Там же. С. 293.
- ³⁸ Доклад командира спецгруппы ЦШПД майора Казанцева... С. 640.

О.А. Белозерова (Санкт-Петербург)

ГЕНЕРАЛ КУРОПАТКИН О ЦЕЛЯХ И ЗАДАЧАХ ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА В КОНЦЕ XIX СТОЛЕТИЯ

ГЕНЕРАЛ Алексей Николаевич Куропаткин (1848–1925) – один из виднейших представителей своего времени. В последние два десятилетия отмечается большой интерес к его личности и военно-теоретическому наследию¹.

А.Н. Куропаткин был утвержден в должности военного министра весной 1898 г., когда важные государственные решения, определившие ход событий на Дальнем Востоке и приведшие к боксерскому восстанию, а затем к русско-японской войне, были уже приняты царским правительством. Генерал явился наследником идей и дел Д.А. Милютина, К.П. Кауфмана, П.С. Ванновского и Н.Н. Обручева и столкнулся с рядом проблем в военном ведомстве, ставших в большой степени результатом недостаточного финансирования в предыдущие десятилетия.

В данной статье будет рассмотрено то, как генерал А.Н. Куропаткин оценивал в конце XIX столетия положение дел в военном министерстве и стоящие перед ним цели и задачи, с какими недостатками ему пришлось столкнуться и какие области по его мнению предстояло реформировать, не касаясь конкретно проблем Дальнего Востока, что было рассмотрено автором в ряде ранее опубликованных статей.

Государственная деятельность А.Н. Куропаткина, в том числе на посту военного министра, остается недостаточно исследованной и трактуется неоднозначно, а ряд ее оценок, необоснованно переносимых из исследования в исследование, остаются необъективными или неправомерно заниженными. Согласно Н.Ф. Ковалевскому, «подобный схематизм, далекий от объективного подхода, многие военные историки признают унизи-

тельным для генерала, имевшего несомненные военные заслуги перед Россией»².

Частично такое отношение к генералу, создавшееся еще в советской историографии, было обусловлено так называемым феноменом Скобелева³, исходом русско-японской войны и публикациями военных корреспондентов, большая часть которых была аккредитована при японской армии. Негативную роль сыграли также воспоминания С.Ю. Витте (одного из главных оппонентов А.Н. Куропаткина) и заказанные им публикации, на которые ряд исследователей до сих пор широко ссылается без должного критического анализа, несмотря на то что Б.В. Ананьич и Р.Ш. Ганелин уделили большое внимание истории их появления⁴.

Историки П.А. Зайончковский⁵, И.В. Дервянко⁶, А.В. Ремнев⁷ и другие внесли большой вклад в исследование деятельности А.Н. Куропаткина на посту военного министра, выделив его заслуги как военного, геополитика, востоковеда и администратора. И.В. Карпеев и Е.Ю. Сергеев, опубликовав считавшиеся М.Н. Покровским потерянными «Японские дневники» А.Н. Куропаткина⁸, коренным образом изменили точку зрения на роль генерала в решении маньчжурского и корейского вопросов накануне Русско-японской войны (1904–1905).

По вступлении в должность сложные внешние и внутренние обстоятельства обязывали А.Н. Куропаткина провести военно-исторический обзор и провести сравнительный и статистический анализ деятельности русской армии. Используя новейшие научные методы и подходы, военный министр рассмотрел основные цели и задачи, преследуемые в 1700–1900 гг., сделал военно-стратегический обзор границ России и оценил силы России и ее противников на возможных театрах военных действий. Опираясь на полученные данные, он сделал прогнозы в военном и экономическом отношении и выдвинул предложения по дальнейшему усилению русской армии и ее боевой готовности в краткосрочной и долгосрочной перспективах, которые изложил во всеподданнейшем докладе 14 марта 1900 г.⁹

А.Н. Куропаткин рассматривал военное положение России исходя из ресурсов страны, государственных границ, состава вооруженных сил, исторических и военных задач времени, а также экономических и политических целей. Военный министр при-

шел к заключению, что в XIX в. боевая сила армии увеличилась более чем в шесть раз и что с успехом для русского оружия закончился 81 % всех дел — «войны истекших столетий привлекли к бою около 10 млн. людей, из них около $\frac{1}{3}$ части потеряно для народа и в том числе в боях и по болезни — почти 1 млн. чел.»¹⁰ Им был отмечен качественный и численный рост армии, а также изменение в качестве комплектования войск (воинская повинность вместо рекрутских наборов). С Восточной войны, в 1855 г., впервые резко выразилась разница между мирным и военным составами войск, что стало обычным явлением со времени введения всеобщей повинности. При относительно слабом росте мирного состава военный состав армии особенно возрос за время царствования императора Александра III. Объяснялось это накоплением прошедшего службу в армии обученного запаса, «соответствующим приспособлением войсковых штатов мирного времени» и особенно «мероприятиями минувшего царствования по развертыванию второлинейных войск»¹¹.

Общий вывод заключался в следующем: «Военное положение России в 1900 г., рассматриваемое исключительно с точки зрения цифр, возможно почитать более выгодным, сравнительно с тем, в каком мы были в 1700–1800 гг. <...> Россия в два века с 12 млн. жителей к 1800 г. превратилась в сильную державу с 37 млн., а в 1900 г. — в мощную империю со 132 млн. жителей»¹². А.Н. Куропаткин справедливо отмечал: «Расширение территории России последовало на всех ее сухопутных границах <...> Непосильно уму и предвидению человека заглянуть в будущее на целое столетие вперед. <...> Но оглядываясь на прошлое и изучая современное положение России, в связи с положением главнейших государств мира, возможно и необходимо пытаться выяснить, какие история готовит русской армии задачи в ближайшие к нам годы XX столетия»¹³.

А.Н. Куропаткин выделял две главенствующие задачи: это охрана целостности границ и поддержание силой оружия внутреннего спокойствия на окраинах России. Относительно границ он пришел к выводу о том, что России невыгодно вступать в вооруженную борьбу с целью их изменения.

Военный министр представил обзор границ по участкам, в том числе и с Китаем и Кореей (16 верст по реке Тумень-ула). В том, что касалось западных рубежей, он пришел к выводу, что

сосредоточение значительной части сил Германии в составе 14–16 корпусов могло быть окончено на 8-9 день по объявлении войны. Поскольку «за последние 30 лет Германия сделала несравненно более, чем мы за пятьдесят, то мы оказываемся в военном отношении, не касаясь войсковых масс, очень отставшими от нашей соседки. Главное же и наиболее тревожное для нас превосходство Германии заключается в железнодорожном отношении <...> и дает нашим соседям превосходство, которое не может быть парализовано ни численностью наших войск, ни их храбростью <...> необходимо признать, что в то время, как Германия с миллиардными затратами, частью за счет контрибуции, взятой с Франции, подготовилась как к самому энергичному наступлению в наши пределы, так и для упорной обороны, мы сравнительно с нею мало подготовлены к наступлению и еще недостаточно к обороне»¹⁴.

В докладе 1900 г. делается акцент на огромном значении господства России на Черном море, особенно в случае войны с Турцией. В отличие от 1902 г., надежды на утверждение на Босфоре еще являются частью военной стратегии. Уже через два года, ввиду дальневосточной угрозы и по результатам проведенных совместных маневров на Очаковском полуострове, военное министерство было вынуждено признать эти планы преждевременными и «на время» от них отказаться.

Через весь доклад проходила идея о том, что разрабатываемая программа – не захватническая, а основанная на принципе целесообразности (с целью обеспечения прочного и длительного мира). Доклад явился отличным источником, содержащим статистические данные, и показывал, что А.Н. Куропаткин по прошествии одного года не следовал слепо стратегии, принятой его предшественниками, а подверг глубокому всестороннему анализу военное положение России и граничащих с нею государств, проясняя и обосновывая военные цели и задачи.

А.Н. Куропаткин учитывал вопросы демографии (например, показана плотность населения, в частности: в Китае 42 чел. на кв. версту, в Маньчжурии – 9, а в Восточном Туркестане – 0,6), договорную и юридическую составляющие, экономические вопросы, такие как внешняя торговля России. Он пришел к заключению, что импорт больше всего осуществлялся из Германии и Китая, за ними следовали Австро-Венгрия и Персия, экспорт

шел в Германию, Австро-Венгрию, Персию, а по сумме товарооборота лидировали Германия, Австро-Венгрия, Китай, Персия. Динамика была показана за 10 лет с 1888 г. Весь этот большой труд был проведен для оценки положения дел вдоль всей сухопутной границы Российской империи.

Отдельное приложение было посвящено обзору сухопутных границ Азиатской России со ссылками на договоры, послужившие основанием для установления границ, демаркационные конвенции и акты, с указанием протяженности в верстах и приложением карт. Так, им рассматривалось наличие двух границ на Ляодунском полуострове: Ляодун, Квантун – около 56 верст и Северная сухопутная граница к северу от арендованной Россией территории – 168 верст¹⁵. В приложении 19 к докладу был дан анализ состава и численности вооруженных сил Тройственного союза, Франции, Англии, государств Балканского полуострова, Японии, Персии и Афганистана к 1900 г.¹⁶ В приложении 23 приводились состав и численность войск Приамурского и Сибирского военных округов и Квантунской области в мирное и военное время (согласно плану 1896–1900 гг., составленному П.С. Ванновским)¹⁷.

Еще в 1900 г. А.Н. Куропаткин отмечал, что для доведения войск до необходимой силы на Дальнем Востоке военному ведомству требовалось около 6–7 лет. Ни финансовых средств, ни такого срока у А.Н. Куропаткина не было, особенно после принятия «новой» экономической политики в мае 1903 г. и последовавшего учреждения наместничества на Дальнем Востоке. Тем не менее, «заслон» в случае столкновения с Японией силой в 172 батальона, из которого свыше 100 батальонов могло быть выделено для военных действий, был создан в весьма короткие сроки¹⁸. Помимо быстрого увеличения численности войск на Дальнем Востоке в период 1896–1903 гг. создавались склады необходимых запасов и спешно укреплялись крепости Владивосток и Порт-Артур.

А.Н. Куропаткин, на основании исследований Главного штаба, признавал, что японцы могли выставить в военное время около 400 000 чел. при 1100 орудиях. Для военного министра было очевидно, что создать подобную силу из российских войск в Маньчжурии и Приамурском крае было невозможно. А если бы такая цель и была поставлена, то потребовались бы

многие годы, сотни миллионов рублей и прежде всего прочная железнодорожная связь с Дальним Востоком. Тем не менее при проведении расчетов на совещаниях 24–25 июня 1903 г. в Порт-Артуре Главным штабом заместителя на Дальнем Востоке была заложена и рассматривалась боевая сила японской армии в 330 000 чел.

Летом 1900 г. в Китае началось боксерское восстание, приведшее к значительному разрушению Китайско-восточной железной дороги (КВЖД) и потребовавшее мобилизации 220-тыс. армии и военных действий. Несмотря на неоднозначность оценок событий 1900–1902 гг., связанных с этим восстанием, по своему масштабу и значимости они, по оценке И.М. Попова, стали «наиболее серьезным и крупномасштабным военным столкновением России и Китая за всю историю их взаимоотношений, а после борьбы между Россией и Китаем за Албазин во второй половине XVII в. их можно квалифицировать как второй пик конфронтационности военно-политических отношений двух государств»¹⁹. Эти события тяжелым бременем легли на военное ведомство и на его главу как в военном, так и в политическом плане²⁰.

Процесс военного и политического урегулирования в Маньчжурии при вмешательстве великих держав, имевших свои интересы в регионе, в итоге привел к эскалации напряженности в отношениях между Россией, Китаем, Японией, Кореей и великими державами и по оценке ряда исследователей уже тогда мог привести к мировой войне. Следует отметить, что именно отдельные переговоры с Китаем, начатые В.Н. Ламздорфом, в которых С.Ю. Витте играл ключевую роль, не приветствовались военным министром, считавшим, что о компенсациях и экономических уступках следовало договариваться незамедлительно в рамках «консорциума держав-победителей».

В результате основной задачей на Дальнем Востоке стало усиление боеспособности и увеличение численности войск в регионе. Следует отметить, что уже в 1899 г. был разработан план по военному ведомству в части увеличения численности русской армии на Дальнем Востоке и стратегического видения возможной будущей кампании, согласно которому в ближайшие годы было необходимо довести состав выставляемых на Дальнем Востоке войск из Приамурского и Сибирского округов и Кван-

туна до «48 стрелковых, 48 резервных батальонов, 57 эскадронов и сотен, 236 орудий, 3 $\frac{3}{4}$ саперных батальонов, сведенных в три корпуса»²¹.

С учетом сложившихся условий и недостатка финансирования, а также в сравнении с несколькими батальонами, находящимися в Сибири и Приамурском округе, эти силы были значительными, что требовало «больших жертв и усилий» со стороны военного ведомства. Поскольку содержание многочисленной армии в отдаленном и малонаселенном регионе не представлялось возможным и являлось огромным бременем для государства, военное ведомство поставило цель разработать план создания в Сибири и Приамурье армии такой силы, которая в случае войны могла дать первый отпор противнику на начальном этапе и составить заслон, по аналогии с теми же условиями, что и «на западной границе, на Кавказе, на Афганской границе: местные войска образуют сильные заслоны, или войска боевой линии, под прикрытием которых и должно совершаться сосредоточение резервов»²². При этом подчеркивалось, что от быстроты подвоза резервов зависел во многом ход военных операций в начале кампании, и учитывалось, что на тот момент Транссибирская дорога была слаба, а КВЖД еще не закончена.

В своих дневниках генерал также отмечал негативные моменты в организации работы министерства. Среди внутренних главных проблем Алексей Николаевич выделял «крайнюю централизацию» и проникавший всю военную систему «принцип недоверия». Это было справедливо с одной стороны, но с другой в военных округах военачальники были вполне независимы и в ряде вопросов не подчинялись военным министрам.

Другой недостаток касался непосредственно служебного положения офицеров и их продвижения по службе, а также отсутствия «выдающихся генералов, готовых кандидатов на старшие ответственные посты». Россия четверть века не вела войн, и с началом русско-японской кампании в высшем командовании выбор офицеров был ограничен, а часть отказывалась от назначений, как в случае с В.А. Сухомлиновым. «Крайняя медленность продвижения по службе» и «проведение принципа старшинства» даже на ответственные места начальников дивизий и корпусов привели к тому, что возраст генералов на этих должностях составлял от 72 до 79 лет²³.

А.Н. Куропаткин также отмечал «тяжелое служебное и материальное положение массы офицеров» и «преобладание выгодной службы в главном и иных управлениях, сравнительно со службой в строю», а также «приниженность офицерского состава даже до командиров корпусов включительно». Помимо этого, преобладающая масса офицеров не имела среднего образования. Военный министр указывал на «необеспеченность для офицеров образования для их детей», отмечая, что они пойдут скорее в швейцары, чем будут служить «в захолустных окраинах». Он также обращал внимание на «необеспеченность офицеров помещиками в гарнизонах мелких городов и местечек», поскольку для солдат «строились роскошные казармы», а офицеры ютились по лачугам²⁴.

Другой недостаток заключался в том, что служба офицеров Главного штаба «не была достаточно регулирована» и «беспрепятственные служебные передвижения отрицательно сказывались на успех работы». А.Н. Куропаткин отмечал, что дело образования не было поставлено должным образом, что обучение в Академии Главного штаба «пошло хуже» при большем числе учащихся, а в кадетских корпусах отводилось мало места воспитанию и физическому развитию, причем с увеличением армии число кадетских корпусов было недостаточным²⁵.

Выделяя пехоту как главную силу русской армии, военный министр был озабочен тем, что специальные военные училища (артиллерийские) считались престижными, а в пехотные высшие учебные училища «как бы шел второй сорт кадет», а по окончании они также шли в артиллерию. В военных училищах «стал сказываться некомплект», что наблюдалось и в столичных учебных заведениях, и даже в таком престижном, как Пажеский корпус. Еще больший некомплект наблюдался в Киевском училище, где половина вакансий была свободна. Генерал А.Н. Куропаткин писал: «Офицерство бежало с охотою на все места: станковые, земское начальство, даже в винные лавки»²⁶.

Положение офицеров не было блестящим: «В обществе даже губернском офицерство не играло первой роли, кроме отдельных лиц. Жило своей жизнью, довольно приниженной: карты, выпивки, сплетни, мелкие интересы <...> чиновник, особенно Министерства Финансов, держал себя несравненно независимее и имел более гордый вид, чем офицеры»²⁷.

Надежда была на организацию военных собраний, но их успех «не оказался полным». В отношении командного состава отмечалось, что «командиры частей “перестали быть отцами-командирами” и их жены “походили часто на кухарок”», а «крупные начальники частей от бригады и до корпуса включительно подерживали знакомство с местной аристократией, но о представительстве по отношению к офицерству заботились мало, ссылаясь на недостаток средств»²⁸.

Не отвечала современным требованиям структура главных управлений: «Главные управления весьма разрослись и всё требовали дальнейшего развития», забирая все дела и беспокоя императора «всякими пустяками»²⁹.

То же касалось структуры и работы Главного штаба. А.Н. Куропаткин нашел его «весьма дурно организованным и плохо справляющимся с массою на нем лежащих дел», отмечая, что отдел Главного штаба по военной агентуре был поставлен плохо, и считая, что генерал Ф.А. Фельдман³⁰ «много принес вреда». Что касалось Управления казачьих войск, несмотря на его расширение, оно плохо справлялось с выполнением на него возложенной задачи: «В делах застой. В казачьих делах воровство. Воинская повинность казаков стала не по их силам. Многие пришли в обеднение. Конный состав неудовлетворителен»³¹.

По воинской готовности главными недочетами были признаны: 1) железные дороги, 2) шоссе, 3) техсредства. Так, военный министр констатировал, что на совещании 4 мая 1901 г., где были высказаны мнения по стратегическим дорогам, С.Ю. Витте подал записку, в которой «указывал другие линии, все восточные, и жаловался, что мы разоряемся стратегическими дорогами» (в том числе дорогой Вятка – Петербург)³².

Не соглашаясь с С.Ю. Витте и опираясь на к этому времени скорректированные данные, А.Н. Куропаткин в очередной раз указывал на отсталость России в этой области: «Действительно на наши 167 поездов, коими мы можем подавать к границе русские войска, в сутки наши противники германцы и австрийцы могут ответить 548 поездами в сутки. При этом у них поезд сильнее, скорость больше. 10 лет тому назад они подавали против нас более на 205 поездов. Теперь подают более, чем на 381 поезд. Тревожно. На 8 день у нас готово войск для перевозки на 950 поездов, и все эти войска стоят и ждут очереди. Про-

тивник наш готов на 14 день, мы – на 31-й. Я указывал, что за последние 10 лет мы слишком много строили дорог в восточной полосе сравнительно с западную (от линии Петербург – Москва – Харьков – Севастополь). Сеть дорог увеличилась у нас за 10 лет в западной полосе на 22 %, в восточной – на 88 %, в Сибири – на 360 %. Одна Сибирь поглотила 800 млн. рублей. Витте, получив заем во Франции, подготовленный совещаниями Пендзек и Сахарова, обсуждавшими по моему указанию необходимость постройки дороги Бологое – Сокольники, теперь желает, кажется, сделать на эту дорогу особый заем. Делькассе мне обещал для этой дороги найти во Франции деньги, ибо дороги эти также важны французским войскам, как и русским. При помощи этой дороги я надеюсь ускорить сосредоточение нашей армии на 4 дня, а это выигрыш огромный. Теперь надо подготовить еще две магистрали (отказавшись от мелочей): южную по берегу моря и другую между Московско-Брестскою и Брянск-Брестскою дорогами»³³. Военный историк Л.Г. Бескровный приводит следующие данные: «...с 1900 по 1904 г. было введено 6380 км ж. д., с 1905 по 1909 г. – 5260, а в 1910–1913 гг. – только 3570 км»³⁴.

Другой существенной проблемой военный министр считал крепости: «Масса крепостей на западной границе требует огромных гарнизонов, тысячи орудий, огромные запасы. Польза от крепостей может оказаться в военное время сомнительной, если осады их производить не будут, а только блокируют их чуть не равными гарнизоном силами»³⁵. А.Н. Куропаткин указывал, что ошибочным является увлечение крепостями и большие ассигнования на строительство стратегических шоссе. Вместо этого он предлагал развивать артиллерию, авиацию, автомобильное дело³⁶. Ход событий в дальнейшем во многом подтвердил правильность прогнозов А.Н. Куропаткина.

В отношении полевой артиллерии наблюдалось отставание от Франции и Германии, где были уже приняты на вооружение скорострельные орудия. В том, что касалось кавалерии, генерал считал, что «увлечения стратегическою службою конницы повели к тому, что пехотные массы бродят на маневрах впотьмах» Его заключение было следующим: «Дивизионная конница необходима, иначе будем биты». Он также отмечал, что по возрасту многие начальники крупных частей (особенно артиллерийских)

«так устарели, что для военного времени стали очень мало пригодны»³⁷.

В случае войны против Тройственного союза военный министр считал «главным и опасным недостатком» в стратегическом планировании «наш план сосредоточения». По планам, разработанным Н.Н. Обручевым, предполагалось сосредоточение на левом берегу Немана в Сувалкской губернии: «Такое расположение, если бы Германия направила в восточную Пруссию достаточное число сил, при их большой готовности, могло бы быть для нас роковым»³⁸.

Таков далеко не полный перечень недостатков, над которыми предстояло работать. Помимо недостаточного финансирования А.Н. Куропаткин указывал, что «было бы ошибкой развивать флот за счет боевой готовности нашей сухопутной армии, составляющей главную опору России», что на флот следовало отводить максимум одну треть всех ассигнований на оборону³⁹.

Помимо ряда проблем в военном министерстве А.Н. Куропаткин отмечал очень значительные «плюсы». Это были заслуги П.С. Ванновского и Н.Н. Обручева. Вступая в управление министерством, он нашел в некоторых главных управлениях «...вполне надежных помощников: генералов Вернандера, Тевяшева, Маслова, д. г. с. Реммерта, Лобко и даже Щербов-Нефедовича»⁴⁰.

В заключение можно сказать, что политика и практика ведения дел Министерства финансов, особенно в отношении Ближнего и Дальнего Востока, а также «дорогостоящая» морская программа проводились с явным ущербом для военного ведомства. Опасения А.Н. Куропаткина относительно западных границ были оправданы. При сложившихся к началу 1903 г. внешних условиях и особенно с подписанием англо-японского договора (1902) Россия оказалась практически в изоляции. В жестких условиях дефицита финансовых средств, конфликта интересов, напряженной внутренней и внешней обстановки военный министр неуклонно проводил линию своего ведомства для выполнения стоявших перед ним целей и задач.

¹ Попов Ю. Г. Куропаткин в Шешурино. Торопец, 1998; Моисеев С.В.: 1) Взаимоотношения России и Уйгурского государства Йэттишар (1864–1877 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2003; 2) Дипломатическая и научная миссия

А.Н. Куропаткина в Кашгарии в 1876–1877 гг. // Востокovedные исследования на Алтае. Вып. II. Барнаул, 2000. С. 95–104; Климентьева Т.А. Дворяне Арбузовы на службе России // Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2006. № 25. С. 156–158; Сапрыкин Р.В.: 1) Из дневников генерала А.Н. Куропаткина: назначение на пост военного министра // Проблемы истории российской цивилизации: Сб. науч. ст. 2005. Вып. II. С. 192; 2) А.Н. Куропаткин и С.Ю. Витте: альянс и противостояние двух министров // Актуальные проблемы истории Российской цивилизации. Саратов, 2010. С. 72–80; Папазов А.В.: 1) Государственная и военная деятельность А.Н. Куропаткина: дис. ... канд. ист. наук. М., 2012; 2) Генерал А.Н. Куропаткин на службе отечеству // Вестник Екатеринбургского института. 2011. № 4. С. 156–160; 3) Среднеазиатское восстание 1916 года и роль генерал-губернатора А.Н. Куропаткина в его подавлении // Вестник Московского государственного областного университета. 2012. № 2. С. 109–112; Белоконов И.В.: 1) Политические идеи и военно-государственная деятельность А.Н. Куропаткина: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2012; 2) Туркестан в геополитических и колониальных конструкциях А.Н. Куропаткина // Омский научный вестник. 2008. № 6 (74). С. 64–67; Гоков О.А. Эволюция взглядов А.Н. Куропаткина на политику России относительно Персии (1890–1915 гг.) // Клио. 2015. № 5 (101). С. 187–197; Белозерова О.А. Государственная и военная деятельность А.Н. Куропаткина накануне и в период Русско-японской войны. 1903–1905 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015.

² Ковалевский Н.Ф. История государства Российского. Жизнеописание знаменитых военных деятелей XVIII – начала XX века. М., 1997.

³ Pozefsky P.C. General Aleksei Nikolaevich Kuropatkin and the Imperial Russian Army // UCLA Historical Journal. № 6 (1985). P. 50–82; Rogger H. The Skobelev Phenomenon: The Hero and his Worship // Oxford Slavonic Papers. № 9 (1976). P. 46–78.

⁴ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.: 1) Опыт критики мемуаров С.Ю. Витте (в связи с его публицистической деятельностью в 1907–1915 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л., 1963; 2) С.Ю. Витте – мемуарист. СПб., 1994; 3) С.Ю. Витте и его время. СПб., 1999.

⁵ Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М.: Мысль, 1973.

⁶ Деревянко И.В. «Белые пятна» русско-японской войны. М., 2005.

⁷ Ремнев А.В.: 1) Как обустроить Россию. Геополитические прогнозы бывшего министра Куропаткина // Родина. 2004. № 9. С. 32–34; 2) Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков: монография. Омск, 2004; 3) Самодержавное правительство. Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XVIII – начало XX века). М., 2010.

⁸ Японские дневники А.Н. Куропаткина / публ. подг. И.В. Карпеев, Е.Ю. Сергеев // Российский архив. М., 1995. Т. VI. С. 393–444.

⁹ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 445. Ч. 1. Л. 3–7.

¹⁰ Там же. Л. 9 об. – 11 об.

¹¹ Там же. Л. 12–15 об.

¹² Там же. Л. 16.

¹³ Там же. Л. 16–16 об.

¹⁴ Там же. Л. 21 об. – 22.

¹⁵ Там же. Ч. 2. Л. 99.

- ¹⁶ Там же. Л. 107–112 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 113–113 об.
- ¹⁸ Куропаткин А.Н. Русско-японская война, 1904–1905: Итоги войны. СПб., 2002. С. 125–126.
- ¹⁹ Попов И.М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны. М., 2004. С. 357.
- ²⁰ Nish I. The Origins of the Russo-Japanese war. London, New York: Longman, 1989. P. 110–112.
- ²¹ Куропаткин А.Н. Указ. соч. С. 126.
- ²² Там же.
- ²³ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4768. Л. 24 об.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. Л. 25.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. Л. 25 об.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Ф.А. Фельдман – Управляющий делами Военно-ученого комитета, член Комитета по мобилизации войск и заведующий офицерскими курсами восточных языков при Азиатском департаменте (08.10.1881–10.08.1896).
- ³¹ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4768. Л. 26.
- ³² Там же. Л. 59.
- ³³ Там же. Л. 59-59 об.
- ³⁴ Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986. С. 117.
- ³⁵ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4768. Л. 26 об.
- ³⁶ Шаццлло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М., 2000. С. 157–158.
- ³⁷ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4768. Л. 26 об.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Папазов А.В. Государственная и военная деятельность А.Н. Куропаткина...: «Эта программа, рассчитанная на десятилетний срок, являлась результатом постоянной борьбы двух ведомств за финансирование и свидетельствовала о победе Морского министерства. Она предусматривала выделение армии в общей сложности 715 миллионов рублей, из которых большая часть, 373 миллиона, отводилась на строительство и модернизацию крепостей и значительная часть, 114 миллионов, — стратегическим шоссе. По программе флоту было выделено 698 миллионов, то есть почти столько же, сколько и армии. При этом было очевидно, что в любом случае в будущей войне флоту не придется нести такой же тяжести и от его действий никак нельзя ожидать таких же результатов, как от армии».
- ⁴⁰ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4768. Л. 27 об.

В.Л. Бельтюков, С.Ю. Окунев (Санкт-Петербург)

ПОЯВЛЕНИЕ ПОЗИЦИОННОГО ФРОНТА В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ И СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ЕГО ПРОРЫВА

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ война возникла в результате резкого обострения противоречий между главнейшими империалистическими державами, вызванных неравномерностью экономического развития государств, усилением борьбы за сферы влияния, рынки сбыта и источники сырья, а также стремлением ряда стран к переделу территорий.

Еще задолго до войны в мире сложились две военные коалиции: Тройственный союз и Антанта. Планы сторон были рассчитаны на скоротечную войну, что обуславливало развертывание их армий в один стратегический эшелон. Такое построение не соответствовало поставленным задачам и могло привести к быстрому затуханию наступательных операций. Стремление добиться победы в одном главном сражении с использованием только кадровых армий, подготовленных резервов и накопленных мобилизационных запасов свидетельствовало о непонимании тогдашним военным руководством ведущих мировых держав характера предстоящей войны.

Основной проблемой военного искусства в Первой мировой войне являлся прорыв позиционного фронта. Сущность этой проблемы заключалась в противоречии подготовленной, сильно укрепленной и эшелонированной обороны с одной стороны и необходимостью захвата рубежа и его удержания с другой. Наступление войск при прорыве обороны протекало путем ее методического прогрызания, что, как правило, не приводило к успеху. Вследствие низкого темпа продвижения войск противник успевал перебрасывать резервы и усиливать оборону быстрее, чем развивался прорыв.

Опыт показал, что позиционная оборона может быть прорвана лишь при условии создания значительного превосходства над противником на направлении главного удара, надежного ее огневого подавления, достижения оперативной внезапности и нанесения мощного первоначального удара, взаимодействия всех родов войск и специальных войск. К концу войны задача прорыва тактической обороны была в основном решена. Однако решить проблему развития тактического прорыва в оперативный в годы Первой мировой войны военное искусство так и не смогло.

Предпосылки возникновения проблемы прорыва позиционного фронта

Излюбленным оперативным маневром в начале Первой мировой войны был обход противника с фланга и охват его с двух сторон. В поисках флангов противника военачальники вынуждены были растягивать фронты своих армий. И миллионные вооруженные массы позволяли им устанавливать сплошную цепь полков и дивизий на многие сотни километров. Так было на Западноевропейском театре войны, пока войска противников не уперлись в естественную водную преграду и на протяжении 700 км не установился один сплошной фронт. То же случилось и на Восточном фронте, когда войска заняли все пространство от Балтийского моря до границ Румынии, а впоследствии и до Черного моря.

Открытых флангов больше не стало. Классическая тактика обходов и охватов должна была уступить свое место фронтальному удару – удару в лоб. Но чтобы прорвать неприятельский фронт, необходимо иметь в месте прорыва решающее превосходство сил. А такого превосходства не сумела создать ни одна из сторон. И это бессилие породило устойчивость линии фронта.

Новейшая боевая техника увеличила те трудности, которые были связаны с нанесением фронтального удара по неприятелю. В магазинном оружии и скорострельной легкой артиллерии оборона получила надежную помощь.

Таким образом, позиционная война не явилась результатом какого-то сознательного стратегического замысла. Она возникла закономерно – в силу ряда причин и условий.

Сама логика вооруженной борьбы подсказывала, что бесконечное позиционное противостояние не может решить исход

войны, что для этого надо перейти к активным боевым действиям и нанести чувствительный удар неприятелю. А для этого необходимо было решительным прямым ударом прорвать фронт противника, зайти ему в тыл и здесь уже смелым маневром нанести ему серьезное поражение.

Решение проблемы прорыва позиционного фронта на Западном фронте

Первыми попытками прорыва фронта англо-французскими войсками является весеннее, 1915 г., наступление союзников. Оно включает операцию в Шампани, бои за Нев-Шапель и операцию в Веврской долине. Все они желаемого успеха не имели.

Причины неудач операций заключались в том, что они проводились разрозненно, ограниченными силами и средствами и при отсутствии внезапности. Прорыв велся на узком участке фронта в 5–7 км, с паузами для подготовки новой атаки. Это давало возможность германским войскам поражать участок прорыва артиллерийским и пулеметным огнем не только с фронта, но и с флангов. Вводом в бой резервов уравнивалось соотношение сторон в силах и средствах. Практическое значение этих боев состояло в том, что они позволяли изыскивать лучшие формы и способы организации прорыва позиционного фронта.

В 1915 г. в поисках выхода из позиционного тупика у Ипра германское командование применило химическое оружие. Союзники, не ждавшие такого нападения, были совершенно беззащитны против нового оружия. Тактический успех был достигнут. Но у «германского командования не было возможности использовать этот результат, не было наготове необходимых резервов»¹. Первая в истории газовая атака оказалась недостаточно подготовленной. Химическое оружие не дало выхода из позиционного тупика.

Осенняя операция в Шампани и Артуа

Осеннее наступление 1915 г. в Шампани и Артуа готовилось как операция большого размаха. Прорыв планировалось осуществить значительными силами и средствами на более широком фронте, чем во всех предшествующих операциях: в Шампани на участке шириной в 35 км, а в Артуа – 22 км. Планировалось проведение отвлекающих ударов ограниченными силами.

Подготовка операции проводилась два с половиной месяца в условиях секретности для того, чтобы обеспечить внезапность и решительный успех. Все инженерные работы маскировались, для дезинформации противника распускались слухи. Французское командование добилось признания приоритета своего главнокомандующего в общем руководстве боевыми действиями всех союзников во Франции.

В последних инструкциях по организации и осуществлению прорыва были даны указания о расположении резервов как можно ближе к боевым линиям, боевые порядки предписывалось строить в виде последовательного ряда штурмующих волн цепей с целью поддержания непрерывности штурма, артиллерийскую подготовку необходимо было вести в два этапа.

Широкий диапазон подготовительных мероприятий, проводившихся в течение длительного времени в Шампани и Артуа, не мог пройти абсолютно незамеченным для противника. Германское командование приняло меры к усилению армий резервами, укреплению позиций в инженерном отношении. Расстояние между позициями (3–5 км) предусматривало невозможность одновременной атаки обеих позиций и необходимость перегруппировки атакующих войск.

Наступление в Шампани началось утром 21 сентября. Длительная артиллерийская подготовка причинила первой позиции (8-й германской армии) огромные разрушения. Но вторая позиция, расположенная на обратных скатах высот, осталась неповрежденной. Пехотные дивизии первого эшелона атаковали, имея три полка впереди и один в резерве, батальоны – тремя волнами штурмующих цепей одна от другой на расстоянии до 50 м.

К исходу первого дня атаки боевые порядки большинства дивизий нарушились, наблюдалось перемешивание подразделений и частей. Организованный бой перерастал в разрозненные атаки отдельных частей, ударная сила которых непрерывно таяла. В последующие дни в сражения вводились резервы обеими противоборствующими сторонами. Германское командование увеличило численность своих сил в 1,5 раза и развило вторую позицию, доведя ее до нескольких линий окопов.

С 7 октября попытки прорыва фронта были прекращены. Подобным образом развивалась операция и в Артуа.

Ограниченные оперативно-тактические результаты осенней операции англо-французских войск явились следствием того, что они недооценили силу германской обороны и трудности ее прорыва фронтальным ударом при отсутствии четко разработанной теории прорыва в условиях позиционной войны. При планировании не учитывалась необходимость прорыва второй позиции обороны. Подготовка прорыва возлагалась только на артиллерию, но ей оказалось не под силу выполнить в полном объеме все задачи. Артиллерия не была подготовлена сопровождать пехоту огнем и колесами². А боевой порядок волнами имел слабую силу пехотного огня. Длительная подготовка к операции была обнаружена авиаразведкой противника, а продолжительная артиллерийская подготовка вскрыла участки прорыва и позволила германскому командованию усилить их еще до начала наступления резервами. Не учитывали союзники и метеорологические условия. Из-за дождей и туманов их подавляющее превосходство в авиации было сведено на нет. Наступление на главных направлениях было весьма слабо поддержано наступлением на вспомогательных направлениях.

После операции в Шампани и Артуа союзное командование прекратило наступательные действия на всем франко-германском фронте и перешло к позиционным формам борьбы.

Верденская операция

Попыткой прорыва позиционного фронта германской армии является и Верденская операция 1916 г. Германское командование рассчитывало взять Верден ускоренной атакой, разрушив полевые укрепления французов мощной артиллерией. Для достижения внезапности операция готовилась весьма тщательно и скрытно. В целом Германия создала превосходство над противником на направлении главного удара по числу дивизий в четыре раза, а в артиллерии с учетом минометов – до 5,5 раз. Сосредоточение такого количества артиллерии и минометов в наступлении производилось в войне впервые. Также впервые под Верденом были применены и огнеметы, широко использовались инженерные подразделения. Однако внезапности германским войскам достигнуть не удалось.

На первый день наступления германское командование поставило войскам ограниченную задачу – овладеть первой линией

траншей. Дивизии наступали, имея два полка впереди, третий в резерве, полки первой линии – два батальона в первом и один во втором эшелонах, пехотные батальоны – тремя волнами, имея впереди штурмовые группы. Первую и вторую волны составляли пехотные роты, третью – пулеметная рота. Эта задача была выполнена, но затем войска остановились, сила удара была утрачена, натиск наступающих волн снизился.

Большой заслугой французского командования явилась организация умелой переброски резервов с использованием автотранспорта с не атакованных участков и из глубины страны. Только с 27 февраля по 6 марта по так называемой «священной дороге» (Бар-ле-Дюк – Верден) на 3900 автомобилях было переброслено 190 тыс. солдат и свыше 25 тыс. т грузов. В результате этого к концу марта соотношение сил изменилось в пользу французов.

В то время как французские части повышали силу сопротивления, германские ударные корпуса, утомленные боями, утрачивали необходимую для дальнейшего наступления боеспособность. Продвинувшись на 5–8 км, они втянулись в тяжелые изнурительные бои.

Уже в начале марта было очевидно, что план захвата Вердена ускоренной атакой провалился. Согласованные действия Антанты вынудили германское командование снимать из-под Вердена силы и перебрасывать их частично на русский фронт, частично – в район Соммы. Наступление под Верденом теряло стратегический смысл.

Германским командованием под Верденом были допущены крупные ошибки оперативного характера. Прорыв велся на слишком узком участке (8,5 км). Не было организовано тесное взаимодействие между восточной и западной группировками войск. Оказался несостоятельным и метод последовательного преодоления укрепленной полосы.

Верден явился своеобразным полигоном новых средств и способов ведения войны. Вслед за Шампанью и Артуа он доказал, что изолированный прорыв на узком участке при существующих технических средствах не может принести наступающему успех. Обороняющийся успевал подводить к участку прорыва свои резервы и не только закрывать брешь, но и мощными контратаками не допускать перерастания тактического успеха в оперативный.

Под Верденом вновь выявилось возросшее значение в наступлении артиллерийско-минометных средств борьбы, инженерных войск, авиации, автомобильного транспорта.

Операция на реке Сомма

Операция англо-французов на Сомме явилась составной частью общего стратегического плана Антанты на 1916 г. Операцию планировалось вести с решительными целями – разгромить германские армии, оккупировавшие северные районы Франции. План предусматривал крайне сложное для взаимодействия наступление по расходящимся направлениям, в нем недооценивалось отрицательное влияние местности. Кроме того, из-за недостатка сил фронт прорыва сокращался до 40 км с участком прорыва в 15 км.

Оборона германской армии в полосе, намеченной для прорыва, укреплялась около двух лет и была хорошо развита, эшелонирована в глубину и тщательно приспособлена к местности. Оборона армии состояла трех позиций на удалении 3–4 км друг от друга. В систему обороны армии входили также отсечные позиции. Общая глубина обороны достигала 7–8 км.

Операцию на Сомме англо-французское командование готовило более пяти месяцев с особой тщательностью и невиданным до этого размахом. Оборудовался исходный плацдарм, в тылу армии улучшались шоссейные и строились новые железные дороги, мосты, аэродромы, развертывались армейские склады. Широкой была тактическая подготовка, все дивизии, предназначенные для проведения операции, пропускались через сеть учебных лагерей. Однако отсутствие скрытности в подготовке снижало ее эффективность.

Нанесение главного удара возлагалось на 4-ю английскую армию на фронте в 25 км в направлении на Бапом, 6-я французская армия атаковала по обоим берегам Соммы, ее роль сводилась к обеспечению и поддержке наступления. Для развития успешного прорыва в действие могла быть введена вновь созданная 10-я французская армия.

Оперативное построение английской армии было следующим: все пять армейских корпусов в одном эшелоне, в армейском резерве – две пехотные и три кавалерийские дивизии. Боевой порядок английских и армейских корпусов состоял из од-

ного эшелона и резерва. Английские корпуса занимали 2–5-км участки, имея в первом эшелоне две или три дивизии и по одной дивизии в резерве³.

Общее превосходство союзников над германскими войсками в полосе предстоящего прорыва достигало: в пехоте – более чем в 4,6 раза, в артиллерии – в 2,7 раза, в авиации – почти в 3 раза. Такое превосходство в силах и средствах, по мнению союзников, должно было обеспечить успешное решение задач прорыва позиционной обороны. Но германское командование за семь дней артиллерийской подготовки, предшествующей началу наступления, сумело усилить войска севернее Соммы тремя пехотными дивизиями, тридцатью батареями тяжелой артиллерии и другой боевой техникой.

Наступление союзников началось утром первого июля под прикрытием авиации и при сильной поддержке артиллерии. Французская пехота шла за огненным валом, пехота англичан атаковала при содействии огня батарей по отдельным целям. Севернее Соммы на главном направлении англичане вклинились в германскую оборону и заняли первую позицию, атаки остальных соединений были отражены с огромными потерями. Причинами этого явились отсутствие оперативной и тактической внезапности наступления и ведение атаки в плотных боевых порядках.

В полосе 6-й французской армии, где германские войска не ожидали атаки, успех был более значительным. За два дня боев французы взяли две сильно укрепленные позиции, но затем, связанные графиком атаки, приостановили дальнейшее продвижение. Противник в ответ на это отвел свои войска в район третьей позиции, но в их обороне образовались бреши и незанятые промежутки. Для французской армии создались благоприятные условия для захвата третьей позиции и выхода на оперативный простор. Но стремительное продвижение не предусматривалось планом-графиком последовательного захвата рубежей. Следуя доктрине методизма, было решено брать третью позицию лишь после закрепления армии на достигнутом рубеже, подтягивания артиллерии и ввода вторых эшелонов в бой после сильной артиллерийской подготовки.

Методизм наступления, мелочная регламентация атаки по рубежам, сдерживание инициативы войск явились причиной того,

что наметившееся южнее Соммы развитие тактического прорыва в оперативный на этом этапе не произошло.

Спротивление германцев нарастало, численность их армии значительно увеличилась, превосходство в силах французов упало, а операция принимала затяжной характер. К сентябрю – октябрю операция достигла еще большего размаха. Фронт боевых действий превысил 50 км. В ожесточенных боях, продвигаясь в среднем на 150–200 м в сутки, левофланговые корпуса 6-й французской армии заняли третью позицию обороны немцев. Образовалась брешь, свободная от войск. Ввод в нее свежих сил мог обеспечить французам развитие тактического прорыва в оперативный. Но этого опять не произошло.

15 сентября англичане провели большую атаку, впервые применив новое средство прорыва – танки. В атаке приняли участие 32 танка. Однако вследствие технического несовершенства (часть их сломалась еще до начала наступления), на рубеж атаки вышло 18 машин, из них меньше половины добралось до заданного рубежа. Но и это количество машин оказало заметное влияние на ход атаки – они производили на германскую пехоту огромное психологическое воздействие. Тем не менее, англичане не сумели решить задачу прорыва по причине использования ограниченного количества танков на широком фронте.

Англичане добились тактического, но не оперативного результата, повторив ошибку немцев с применением отравляющих веществ в 1915 г.

Операция на Сомме, продолжавшаяся около четырех месяцев, была одной из крупнейших операций в Первой мировой войне. Она не принесла успехов союзникам. Позиционный фронт преодолен не был. Произошло лишь вдавливание войск в германскую оборону на фронте 35 км и в глубину до 10 км. Но для Германии потери были столь значительными, что она впоследствии не смогла восстановить прежнюю боеспособность и моральный дух.

Операция вскрыла несостоятельность теории прорыва позиционного фронта, основанной на ударе на одном направлении и методических атаках. Вычисление направления этого удара позволяло противнику свободно снимать войска с других участков и перебрасывать их в район прорыва, закрывая образовавшиеся брешы. Нарращивание сил и средств обороняющимися, инженерное усиление обороны на направлении наступления происхо-

дило быстрее, чем продвижение наступающих войск. Методизм наступления обрекал атаки на затухание, локализацию, расчленение общей атаки на ряд разрозненных и изолированных атак. Атаки, проводившиеся густыми волнами стрелковых цепей, останавливались сильным пулеметным огнем. Контратаки и контрудары резервов окончательно локализовали успехи, достигнутые противником.

Данная операция еще выше подняла роль артиллерии, которая не только осуществляла огневую подготовку атаки, но и поддерживала ее огневым валом. Применение огневого вала явилось новым крупным шагом в боевом использовании артиллерии. Впервые было применено новое средство преодоления позиционной обороны – танки. Однако вследствие своего технического несовершенства и малого количества решить задачу прорыва они не смогли. В ходе операции был сделан большой шаг в развитии авиации. В управлении войсками получает признание радиосвязь. Для увеличения интенсивности железнодорожных перевозок вводится график, строятся новые железнодорожные ветки. Важным средством военного транспорта становится автомобиль.

Операция у Камбре

Операция у Камбре была тщательно продумана английским командованием, которое хотело проверить танки как средство достижения цели при атаке неприятельских позиций. Для этого впервые был создан танковый корпус. При подготовке операции было обращено пристальное внимание на отработку взаимодействия с пехотой.

В основу английского плана был положен принцип внезапно-го танкового удара без предварительной многодневной артиллерийской подготовки. Наступление намечалось провести в два этапа: в первый же день прорвать позицию противника на всю ее глубину, а затем развивать успех⁴. Впервые танки должны были самостоятельно прорвать укрепленные позиции противника. Для развития успеха намечалось ввести в дело три кавалерийских дивизиона, которые должны были захватить Камбре, лес Бурлон, переправы через реку Сансе. Планом предусматривался выход в тыл противнику. Участок прорыва был выбран шириной 12 км.

Боевой порядок при атаке танками англичане применили следующий: один танк шел впереди, за ним на дистанции 180–250 шагов следовали два танка с интервалом в 225–350 шагов. Все три бронемашины имели танковые фашины для преодоления широких германских окопов.

20 ноября ранним утром под покровом тумана английские войска заняли свои места на исходных позициях. В 6 час. 10 мин. без предварительной артподготовки 476 танков при поддержке пехоты, орудий и самолетов начали наступление. Внезапная атака произвела панику в рядах германских солдат. К 11 час. 30 мин. англичане продвинулись на глубину 6–8 км, захватив первую и вторую линию позиции Зигфрида, кроме пункта Флескьер, где они встретили сильное сопротивление. Для того чтобы привести в порядок свои войска, англичане приостановили наступление. Германские части начали приходить в себя, спешно подтягивая резервы.

Операция у Камбре не оказала какого-либо заметного влияния на ход Первой мировой войны. Вследствие недостатков в организации взаимодействия пехоты, танков, артиллерии и кавалерии в глубине обороны противника, не получила она и оперативного развития. Но ее влияние на искусство ведения военных действий существенно. Кроме того, с этим сражением связано и появление новых форм и способов ведения вооруженной борьбы, вызванных массированным применением танков.

Наступление в Пикардии и во Фландрии

В 1918 г., стремясь добиться решительной победы над Антантой до прибытия в Европу основных сил американской армии, германское командование предприняло ряд наступательных операций. Первым было наступление в Пикардии и Фландрии.

Наступление в Пикардии началось в 9 час. 40 мин. 21 марта. Ближайшей задачей являлся охват англичан в выступе у Камбре и выход на линию Краузиль, Бапом, устье реки Оминьон, последующей задачей – наступление на фронте Аррас, Альбер. Предусматривалось ведение демонстративных атак на других участках фронта. От организации отвлекающих операций пришлось отказаться вследствие недостатка сил.

В ходе операции германские войска достигли значительных результатов. Наступая по фронту в 70 км, они вклинились в обо-

рону противника на 60 км. Среднесуточный темп наступления составлял около 6 км. Для Западного фронта по сравнению с боями на истощение в 1915–1917 гг. это был большой успех, достигнутый благодаря хорошей подготовке войск к наступлению, созданию превосходства сил и средств, внезапности удара, умелой организации взаимодействия родов войск.

Однако цель операции – прорвать фронт союзников, отделить английские войска от французов и разбить их в решающем маневренном сражении – достигнута не была. Серьезной ошибкой германского командования было то, что оно не имело в своем распоряжении на Западном фронте подвижных войск, необходимых для развития тактического успеха в оперативный. Отсутствие четкого определения оперативно-стратегической цели наступления отрицательно сказалось на операции. В первые дни наступления был осуществлен тактический прорыв. Но наступление велось на участке, составляющем немногим более 10 % общей протяженности фронта, что дало возможность союзному командованию перебрасывать войска с не атакованных участков и локализовать прорыв.

Продолжением мартовского наступления в Пикардии явилась операция германских войск во Фландрии. Предпринимая здесь второй удар, германское командование исходило из общего плана разгрома английских армий. Однако разбить англичан и овладеть побережьем германские войска не смогли.

Главными причинами неудачи наступления, так же, как и в марте, явились недостаточность сил и отсутствие подвижных войск, необходимых для наращивания успеха.

Наступление на реке Марна

В первой половине 1918 г. непрерывным потоком во Францию прибывали американские дивизии, вооружение и техника. Было намечено провести еще одно наступление с решительными целями до полного сосредоточения американских сил.

Готовясь к наступлению, германское командование не внесло никаких изменений во все прежние инструкции и наставления, полагая, что они в полной мере выдержали испытания. Как итог – результаты задуманного оказались незначительными. Причинами неудач немецких войск явились утрата внезапности удара, умелая организация французами гибкой и эшелонированной

обороны, которую немцы не ожидали встретить, а также отсутствие решающего превосходства в силах и средствах.

Провал наступления на Марне означал окончательный крах стратегического плана германского командования вывести войну из позиционного тупика и добиться если не победы, то хотя бы такого успеха, который вынудил бы Антанту заключить почетный мир. В организации и проведении наступательных операций Германия добивалась больших тактических успехов, но для их развития недоставало сил и опыта – наступательные операции строились как изолированные, разделенные значительными промежутками времени удары на отдельных участках фронта.

Частичные успехи, достигнутые немецкими войсками на Западном театре с марта по июнь 1918 г., не имели стратегического значения, а образовавшиеся в линии фронта выступы только осложняли положение германских армий.

Таким образом, все основные операции Первой мировой войны по прорыву позиционного фронта на Западном театре военных действий закончились провалом. Несмотря на огромное количество вводимых в дело войск, большую насыщенность артиллерийскими средствами, операции заканчивались лишь ограниченным тактическим успехом. Все они проводились по одному и тому же методу – удар на узком участке фронта, предваряемый длительной артиллерийской подготовкой. Нанесение удара в одной точке затрудняло достижение скрытности подготовки операции, лишало его оперативной и тактической внезапности. Длительность же артиллерийской подготовки позволяла обороняющемуся раскрыть замысел наступающего. Противник, не будучи скован на других участках фронта, всегда успевал сосредоточить необходимые силы и средства к участку прорыва, чтобы приостановить его дальнейшее развитие. Лишь в сражении у Камбре проблема тактического прорыва фронта была решена. Достигнуть этого удалось за счет массового применения нового средства вооруженной борьбы (танков) и на основе хорошо организованного взаимодействия всех родов войск. Противники создали боевые средства и нашли методы их использования, обеспечивающие решение проблемы тактического прорыва позиционного фронта. Теперь во всей остроте в ходе позиционной борьбы встала другая проблема – развитие оперативного успеха.

Решение проблемы прорыва позиционного фронта на Восточном фронте

В ходе кампании 1916 г. попытки прорыва позиционного фронта на Восточном театре военных действий осуществлялись в ходе Нарочской операции (18 марта – 14 апреля 1916 г.), которая не привела к успеху и особого значения в развитии оперативного искусства не имела, и наступления Юго-Западного фронта (4 июня – 20 сентября 1916 г.).

Наступление русских войск, запланированное на лето 1916 г., предусматривало активные действия армиями всех трех фронтов. Главный удар должны были наносить войска Западного фронта, Северный и Юго-Западный фронты должны были осуществлять вспомогательные удары и тем самым содействовать войскам Западного фронта в их наступлении на главном направлении.

Командующий Юго-Западным фронтом генерал А.А. Брусилов разработал оригинальный план проведения наступления фронта. Он приказал в каждой армии подготовить для атаки «по одному ударному участку, а, кроме того, в некоторых корпусах выбрать каждому свой ударный участок и во всех них немедленно начать земляные работы для сближения с противником»⁵. В результате подготовки атака должна была начаться в 20–30 местах. Неприятель лишался возможности определить направление главного удара, который возлагался на 8-ю армию, как ближнюю к Западному фронту. Остальным армиям ставилась задача атаковать находящегося перед ними противника, нанося удары на направлениях, избранных командующими армиями.

В подготовительный период много времени уделялось разведке обороны противника, инженерному обеспечению атаки, боевой подготовке и тренировке личного состава, скрытности проведения подготовительных мероприятий. В основу проведения операции фронта был положен принцип внезапности.

На рассвете 4 июня русская артиллерия открыла внезапный ураганный огонь, который явился исключительно эффективным. В течение первых трех дней наступления войска Юго-Западного фронта добились крупной победы. Неприятельские позиции оказались прорванными на фронте 70–80 км и в глубину на 25–35 км.

Прорыв был осуществлен блестяще. Но намеченное Брусиловым наступление во многом зависело не только от действий войск этого фронта, но и от того, насколько своевременной и реальной будет помощь со стороны Западного фронта. Однако согласованные действия фронтов были сорваны по вине командующего Западным фронтом генерала А.Е. Эверта. Западный фронт безнадежно медлил, а последующая его атака малыми силами на широком фронте закончилась неудачно. Продвижение Юго-Западного фронта из-за отсутствия резервов было приостановлено в тот момент, когда ворота в глубь неприятельской страны были открыты. Противник, пользуясь развитой сетью железных дорог, сумел перебросить крупные резервы с других фронтов к месту прорыва и укрепиться на реке Стаходе.

Наступление Юго-Западного фронта не нашло выхода из оперативного тупика, но, несмотря на незавершенность, эта наступательная операция представляет собой выдающееся достижение военного искусства.

Успех русских армий был в значительной мере достигнут применением нового приема прорыва позиционного фронта, а именно путем одновременных прорывов фронта на отдельных участках. Эта форма прорыва укрепленного фронта для того времени была одной из наилучших.

Оригинальность операции Юго-Западного фронта заключается в том, что в ней были впервые применены новые формы оперативного искусства по прорыву позиционной обороны. Был организован и осуществлен прорыв на широком фронте одновременно четырьмя армиями, наносившими фронтальные удары на нескольких оперативных направлениях, слившихся впоследствии в общий прорыв австро-германского фронта. Впервые была проведена фронтовая наступательная операция, осуществляемая вначале четырьмя, потом пятью, а впоследствии шестью армиями и завершившаяся взломом обороны на всю ее тактическую и оперативную глубину. В развитии русского оперативного искусства и тактики во время Первой мировой войны, а также в развитии мирового военного искусства, эта операция является важнейшим этапом, положившим начало развитию новых оперативно-стратегических форм. Новые формы прорыва позиционной обороны, примененные Юго-Западным фронтом, наметили пути выхода оперативного искус-

ства из тупика, в котором оно оказалось в позиционный период Первой мировой войны.

Война 1914–1918 гг. явилась важнейшим этапом в развитии военного искусства. Это была первая индустриальная и механизированная война, в которой сочетались массовые армии, гигантские фронты и небывалое развитие техники истребления. Она послужила серьезной проверкой предвоенных взглядов на способы ведения военных действий.

С началом войны армии противников стремились к осуществлению охватывающего маневра, к действиям против фронтов. Однако маневренные операции сначала частично, а затем и на всем протяжении фронта сменились позиционной борьбой. Образовались сплошные фронты, упиравшиеся своими флангами в труднопреодолимые препятствия или границы нейтральных государств. Единственной формой маневра становился фронтальный удар.

Первая мировая война решила проблему преодоления тактической обороны. Достижение оперативного развития прорыва в глубину зависело от боевых возможностей объединений, правильного использования подвижных сил, авиации, организации взаимодействия между всеми родами войск. Боевые возможности объединений и само оперативное искусство еще не полностью отвечали требованиям решения проблемы прорыва в оперативном масштабе.

Война дала следующие формы прорыва укрепленных позиций противника: изолированный прорыв на узком фронте (1914), прорывы на узких разобщенных фронтах по сходящимся направлениям (1915–1917), ряд частных прорывов на широком фронте с одним прорывом на главном направлении (1916), прорыв на расширенном фронте (германские операции 1918), последовательные прорывы фронта в разных взаимосвязанных направлениях (наступательные операции Антанты 1918 г.)⁶.

Прорыв укрепленной полосы противника протекал успешно, когда удар наносился внезапно, а вся операция питалась из глубины резервами⁷. Следовательно, путями решения проблемы прорыва являются: внезапность (сохранение в тайне планов и замыслов предстоящих действий, скрытое создание ударной группировки, изменение сроков проведения артиллерийской подготовки или полный отказ от ее проведения, применение

новых способов ведения боевых действий, применение новых средств вооруженной борьбы, скрытый маневр силами и средствами), массирование сил и средств на направлении главного удара (сужение полос действий частей и соединений, эшелонирование войск), непрерывность наступления.

Опыт Первой мировой войны оказал решающее влияние на организацию и строительство вооруженных сил, на дальнейшее развитие стратегии, оперативного искусства и тактики. Военные доктрины главнейших стран мира перед Второй мировой войной строились исходя, главным образом, из опыта Первой мировой войны, как самой большой и самой богатой по способам и формам использования вооруженных сил, применения и непрерывного совершенствования новых родов войск и новой боевой техники⁸. Этот опыт не потерял своей ценности и поучительности и в современных условиях.

¹ Фалькенхайн Э. Верховное командование 1914–1916 годов в его важнейших решениях. М.: Высший Военный Редакционный Совет, 1923. С. 85.

² Строков А.А. История военного искусства. Т. 5. СПб.: Омега – Полигон, 1994. С. 395.

³ Там же. С. 445–447.

⁴ Там же. С. 562.

⁵ Сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917 гг.). Наступление Юго-Западного фронта в мае – июне 1916 г. М.: Государственное военное изд-во Народного комиссариата обороны Союза СССР, 1939. С. 113.

⁶ Смирнов П.С. Прорыв укрепленной полосы. М.: Государственное военное издательство Народного комиссариата обороны Союза СССР, 1941. С. 161.

⁷ Строков А.А. Указ. соч. С. 682.

⁸ Там же. С. 685.

В.Н. Бенда (Санкт-Петербург)

ВКЛАД АРТИЛЛЕРИЙСКОГО И ИНЖЕНЕРНОГО ШЛЯХЕТНОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА В ПОДГОТОВКУ ОФИЦЕРСКИХ И УНТЕР-ОФИЦЕРСКИХ КАДРОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

УСПЕШНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ военно-учебных заведений определяется в том числе и такими важными показателями, как количество выпускников и качество их подготовки. В данной статье предлагается небольшой анализ выпусков из Артиллерийского и инженерного шляхетского кадетского корпуса (АИШКК) в период с 1765 г. и до конца XVIII в.

Напомним, что в положении об организации АИШКК говорилось следующее относительно экзаменов, в том числе и выпускных: «...надлежит прилежно смотреть, чтоб в науках не происходила какая слабость... и учащиеся юношество от времени до времени желаемые успехи в науках получали, чего ради должно быть ежегодно при корпусе экзамену на таковом основании чтоб каждый кадет в науках штаб-офицерами... в присутствии артиллерийского и инженерного генералитета были экзаменованы и оные экзамены за подписанием членов представлять генерал-фельдцейхмейстеру, по чему он тех которые в науках отменными себя окажут в унтер-офицеры при корпусе или к выпуску в офицеры назначит, а тех которые к наукам были незначительными или слабое имеют понятие чтоб не тратиться на их содержание определяет в артиллерию и инженерный корпус в унтер-офицеры или рядовые по рассмотрению»¹.

Известно, что в 1765 г. кадеты первого выпуска были произведены в офицерские чины в артиллерию или инженерный корпус. Рассмотрим более подробно организацию контроля учебного процесса и выпуска кадет из корпуса.

Кадеты выпускались в войска в офицерских званиях следующим порядком, предложенным еще графом П.И. Шуваловым²: на прошедших курс обучения составлялись аттестаты, где скрупулезно указывалось, в артиллерии или в фортификации больше знаний приобрел и к какой службе имеет больше склонностей и способностей. Генерал-фельдцейхмейстер, рассмотрев все подобные представления, присваивал соответствующий офицерский чин. Кадеты и капралы выпускались в артиллерию в офицерском чине штык-юнкер, а в инженерный корпус – прапорщик. Кадеты, проходившие обучение в АИШКК в унтер-офицерских и сержантских чинах, выпускались в артиллерию и в инженерные части в чине подпоручиков.

Известно, что с 1770 г. генерал-фельдцейхмейстер граф Г.Г. Орлов приказал предоставлять раз в четыре месяца списки кадет АИШКК с подробными объяснениями, какие дисциплины изучает каждый из них и каких успехов достиг. На основании этих данных Г.Г. Орлов определял, кого следует выпускать из корпуса, и присваивал тот или иной чин, смотря по результатам обучения. Это происходило каждый раз, когда в артиллерии или инженерном корпусе появлялась необходимость заполнить вакантные офицерские должности.

Однако такой порядок присвоения первых офицерских званий выпускникам АИШКК не всегда полностью соблюдался. Многим из воспитанников в унтер-офицерских и сержантских чинах офицерское звание «подпоручик» не присваивалось, что, естественно, по отношению к ним было несправедливым. Свое право на более высокий чин после выпуска они приобретали добросовестным отношением к учебе, дисциплинированностью, усердием и старанием. Именно за это им в период нахождения в АИШКК и присваивались унтер-офицерские и сержантские чины, т. е. они имели значительное превосходство над другими кадетами. Более того, в обязанность унтер-офицерам и сержантам из кадет вменялось наблюдать за поведением и дисциплиной своих товарищей по учебе. Конечно же, присвоение всем выпускникам АИШКК, независимо от их заслуг и успехов в учебе, одинаковых офицерских званий (чинов) служило источником обиды у кадетских сержантов и унтер-офицеров. Тем более, что многие из выпускников АИШКК были гораздо ниже их по результатам изучения наук и экзаменов.

Подтверждением вышесказанному является рапорт директора корпуса генерал-инженера М.И. Мордвинова, поданный им на имя генерал-фельдцейхмейстера Г.Г. Орлова 1 сентября 1774 г. В нем Мордвинов изложил все обстоятельства несправедливого положения дел и ходатайствовал об устранении причин и поводов для обид будущих выпускников, хорошо зарекомендовавших себя в учебе и дисциплинированных³. Как считал М.И. Мордвинов, выпуск унтер-офицеров и сержантов в чине подпоручика будет способствовать тому, что «...и все кадеты будут стараться приобрести к получению сержантского чина лучшее в науках знание»⁴.

Надо заметить, что после этого обращения М.И. Мордвинова правило превосходства в чинах по выпуску из АИШКК добросовестных и старательных кадет над менее преуспевающими соблюдалось неукоснительно.

Как нами уже отмечалось, раз в четыре месяца генерал-фельдцейхмейстеру предоставлялись сведения об успеваемости, на основании которых он принимал единоличное решение о выпуске того или иного кадета с присвоением заслуженного им чина. Вот, например, по решению Г.Г. Орлова, 8 января 1775 г. из АИШКК было выпущено 19 чел., всем им был пожалован чин штык-юнкера. Десять из них были направлены для дальнейшего прохождения службы в артиллерийские полки, еще девять – в артиллерийские гарнизоны⁵. Кстати, в этом выпуске был и сын генерал-поручика артиллерии Меллера – Карл Меллер. Заметим, что Иван Иванович Меллер в последующем стал главнокомандующим русской артиллерией. Его сын был назначен для дальнейшего прохождения службы в артиллерийский полк.

Вплоть до марта 1776 г. очередных выпусков из АИШКК не было. Это видно из указа Екатерины II, в котором говорится «Канцелярии главной артиллерии и фортификации генерал-инженер и кавалер Мордвинов рапортом представил, что по высочайше комфирмованному (утвержденному. – *Авт.*) артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе штату между прочим положено унтер-офицеров и кадет в знании наук штаб-офицерами которые будут к тому назначены в присутствии артиллерийского и инженерного генералитета экзаменовать и кто из них по экзамену окажутся достойными к выпуску в офицеры за подписанием членов представлять генерал-фельдцейхмейсте-

ру. А как того экзамену уже два года при корпусе не было и многие кадеты по наукам своим к выпуску в офицеры достойны, испрашивает не повелено ли будет оный ныне учинить и назнача время и кому при том быть следует дать повеление. ... По указу Ея Императорского Величества Канцелярия главной артиллерии и фортификации ПРИКАЗАЛИ вышеписанным унтер-офицерам и кадетам экзамен учинить при том корпусе будущего февраля 3 числа 1776 г.»⁶.

12 марта 1776 г. после завершения выпускного экзамена, проходившего в присутствии И.И. Меллера и М.И. Мордвинова, и «...определенными к тому артиллерийского и инженерного и кадетского корпусов господами штаб-офицерами», состоялся очередной выпуск из АИШКК⁷. Всего было произведено в артиллерию в чине штык-юнкера – 18 чел. и 3 – в чине подпоручика. В инженерный корпус в чине прапорщика было выпущено 4 чел. В полевые (армейские, т. е. сухопутные) полки было выпущено 26 чел. в чине подпоручика⁸, и один человек был выпущен также в полевые полки в чине каптенармуса, так как был самым неуспевающим из всех выпускников, причем проучился в АИШКК более 8 лет⁹.

Как видно после несложных арифметических подсчетов, в этот год было выпущено из АИШКК 52 чел. Кстати, в дальнейшем, вплоть до 1800 г., таких массовых выпусков из этого кадетского корпуса больше не было.

Обратим внимание и на тот факт, что выпускники АИШКК назначались для дальнейшего прохождения службы не только в артиллерийские и инженерные части, но и в армейские полки.

Рассмотрим более детально процедуру организации выпускного экзамена на примере выпуска 7 марта 1779 г.

По установленному порядку генерал-фельдцейхмейстер Г.Г. Орлов 12 февраля 1779 г. орденом № 126 дал письменное распоряжение И.И. Меллеру о том, что многие из обучающихся в АИШКК унтер-офицеров, капралов и кадет, имея достаточную подготовку по артиллерийской и инженерной части и «...будучи лет совершенных и доброго поведения», достойны к производству в офицеры. И.И. Меллеру предписывалось совместно с директором АИШКК М.И. Мордвиновым, образовав так называемую экзаменационную комиссию, состоящую из армейского и корпусного артиллерийского и инженерного генералитета

и штаб-офицеров, «учинить к будущему при артиллерийском и инженерном корпусе произвождению в офицеры, показанным унтер-офицерам, капралам и кадетам экзамен. И кто по оному к произвождению в офицеры достойными окажутся и куда назначены будут, тех представить ко мне именной список»¹⁰. Дополнительно, примерно такого же содержания, предписание об организации выпускного экзамена было направлено и директору АИШКК генерал-инженеру М.И. Мордвинову¹¹.

7 марта 1779 г. М.И. Мордвинов отрапортовал Г.Г. Орлову о выполнении полученного предписания. В частности, в рапорте говорилось: «...во исполнение вашей светлости повеления данного мне минувшего февраля 18 числа, АИШКК унтер-офицеры, капралы и кадеты преуспевшие в подлежащих до артиллерии и инженерного корпуса науках, мною с состоящими здесь обоних оных корпусов генералитетом и штаб-офицерами сего марта 7 дня экзаменованы. И кто оказались по данному знанию наук и совершенным летам достойными к воспроизвождению в артиллерию штык-юнкерами и в инженерный корпус прапорщиками, а другие в рассуждении небольшого в науках успеха и за совершенными летами в фурштат или в полевые полки прапорщиками. Об всех оных с показанием сколько кому от роду лет и кто какие именно науки знает, при сем вашей светлости покорнейше представляю именной список за руками бывших при том экзамене»¹². Отметим, что, в соответствии с данным именным списком, всего было выпущено 25 чел. в возрасте от 17 до 21 года, из которых 15 чел. – штык-юнкерами в артиллерию, 5 чел. – прапорщиками в инженерный корпус и 5 чел., менее успешных по результатам обучения – в чине прапорщика в «фурштат» или полевые полки. Для нас также любопытен и социальный состав выпускников. Так вот, 12 чел. были из дворян, 2 – из курляндских дворян, 2 – из лифляндских дворян, 2 были сыновьями коллежских асессоров, 6 были офицерскими детьми и 1 – камергерский сын¹³. В следующем, 1780 году было выпущено 17 чел. тех же возрастов, из которых 13 чел. были выпущены в артиллерию штык-юнкерами, а 4 – в инженерный корпус прапорщиками. Что касается социального состава, то 9 чел. были из дворян, 1 – сын надворного советника, 1 – «лекарский» сын, 1 – «из вольно-определявшихся придворного танцмейстера» сын, 2 – из лифляндских дворян и 3 – офицерские дети¹⁴.

Начиная с 1786 г. и на протяжении нескольких лет кадеты выпускались также в морскую артиллерию и учебный флот¹⁵. Например, в марте 1790 г., по запросу командующего Финляндской армией генерал-аншефа графа Ивана Петровича Салтыкова, в его распоряжение для дальнейшей службы на «...вооруженных канонирских лодках...»¹⁶ было направлено из АИШКК шесть выпускников. 15 марта 1790 г. в указе Екатерины II из Государственной военной коллегии в Канцелярию главной артиллерии и фортификации говорилось, что «...артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса сержанта Николая Платковского¹⁷, капралов Ивана фон Корфа, Хрисанфа Лифинского, Василия Кондратьева, Антона Торна и Петра Бакоровского¹⁸ по представлению сей канцелярии и достоинству артиллерии господина генерала поручика и кавалера Мелисино за доброе поведение и приобретенное в науках знание произвести в артиллерии штык-юнкерами, которые чины им объявя привесть к присяге и выключить из корпуса...»¹⁹ После этого все шестеро были направлены в распоряжение И.П. Салтыкова.

Крайне интересно, что вслед за этим 20 марта 1790 г. указом Екатерины II из Государственной военной коллегии непосредственно директору АИШКК П.И. Мелисино предписывалось: «...из кадет артиллерийского корпуса окончивших науки выпустить двадцать человек с награждением обер офицерским чином по достоинству и успехам в науках для употребления во флотилии вверенной начальству господина вице-адмирала и кавалера принца Нассау-Зиген на канонирских лодках и полупрамах...»²⁰, что и было выполнено.

Напомним, что в ноябре 1793 г. генерал-фельдцейхмейстером был назначен П.А. Зубов, при котором в апреле 1794 г. был проведен очередной выпуск из АИШКК. В ордере на имя директора кадетского корпуса П.И. Мелисино от 18 апреля 1794 г. предписывалось: «На основании высочайше утвержденного Ея Императорского Величества 25 октября 1762 года плана о артиллерийском и инженерном шляхетском кадетском корпусе и последовавшего 12 июня 1792 года высочайшего Ея Величества за собственноручным подписанием правительствующему Сенату указа статьи 11, отделение 3-е, быть в помянутом корпусе сего апреля от 20 числа всем унтер-офицерам, капралам и кадетам генеральному экзамену в собрании всех здесь находящихся ар-

тиллерийского генералитета и штаб-офицеров, вследствие чего предписываю по окончании сего экзамена представить ко мне списки за подписанием всех бывших при оном, первый окончивших науки, второй о прилежно продолжающих в каких кто степенях и третий о тех которые к наукам незначительны или слабое имеют понятия»²¹.

На наш взгляд, крайне интересен и доклад П.И. Мелисина о результатах экзамена. Его сдавали 65 чел., из которых 47 прошли его успешно, а 18 – неудовлетворительно. В отношении последних П.И. Мелисина писал, что «последние 18 человек оказавшиеся по экзамену слабое имеющие к наукам понятие, все поведения были всегда хорошего и хотя немалое рачение²² употреблено для них, дабы обучены были артиллерии и фортификации, но некоторые из них ... вдаль к продолжению сих наук неспособны, по доброму же поведению и знанию оружейной и пушечной эскерции и совершенным летам могут быть хорошие армейские офицеры»²³. В этом же докладе был представлен список еще из 461 кадета с указанием их результатов обучения. Все они были оценены по следующим предметам: Закон Божий, российская грамота, алгебра, история, французский язык, немецкий язык, чистое письмо по-русски, по-французски и по-немецки, арифметика, геометрия и артиллерия, фортификация, архитектура гражданская, рисование, физика и натуральная история, тактика, танцы и фехтование.

Продолжая тему распределения выпускников АИШКК для дальнейшего прохождения службы, отметим еще несколько любопытных фактов, которые помогут более полно представить и охарактеризовать организацию выпуска и распределения.

7 марта 1796 г. на имя генерал-фельдцейхмейстера П.А. Зубова поступил рапорт от вице-адмирала Мордвинова, где говорилось, что «для Черноморского парусного флота по недостатку в оном полного числа в штате положенных артиллерийских чинов, потребно 20 констапелей²⁴ ...для употребления к должностям, для чего ... прошу ваше сиятельство ... приказать снабдить оными флот из артиллерийского кадетского корпуса...»²⁵, что и было сделано. 20 чел. были направлены на Черноморский флот. Анализируя списки выпускников АИШКК и их распределение для дальнейшего прохождения службы в последнее десятилетие XVIII в., в том числе и на Черноморский флот, мы обнаружили

некоторые факты, позволяющие предположить, что уже и в те времена существовал так называемый «элемент коррупции», если выразаться современным языком.

23 марта 1796 г. на имя П.А. Зубова было подано прошение от адмирала П.И. Пущина, в котором говорилось: «В штат Кронштадтского Петра Первого Великого канала недостает в комплект инженерных трех офицеров. Ныне выпущен из артиллерийского и инженерного корпуса с прочими из кадет в офицеры к отсылке в Черноморский флот Михайло Иванов, отец которого ведомства Адмиралтейской коллегии секретарь майорского чина Григорий Иванов может здесь иметь за ним лучший присмотр и желает его здесь оставить, о чем я и прошу вашего сиятельства чтоб он помещен был при объявленном канале»²⁶. 26 марта 1796 г. П.А. Зубов направил распоряжение директору АИШКК П.И. Мелисину: «...из произведенных мною 17 числа сего месяца артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса из кадет в штык-юнкеры для определения в Черноморский парусный флот в констапели Михайла Иванова, изволит ваше превосходительство отправить по надлежащему к господину адмиралу П.И. Пущину для определения в положенное число офицеров при Кронштадтском Петра Великого канале, а на место его в констапели в помянутый флот отправить к господину вице-адмиралу Мордвинову штык-юнкера Павла Краснопольского»²⁷. Кажется бы, все уже решено, и вместо Иванова на Черноморский флот едет служить Краснопольский, однако оказалось, что не все так просто. Анализируя архивные документы, мы с удивлением узнали, что теперь уже вместо штык-юнкера П. Краснопольского служить на Черноморский флот едет барон Максим Янус, которого в этот же день, т. е. 26 марта 1796 г. генерал-фельдцейхмейстер П.А. Зубов произвел в штык-юнкеры с «...определением его в констапели в парусный флот Черноморский...»²⁸

Что послужило причиной того, что буквально в течение одного дня повторно решился вопрос о замене кандидатуры выпускника АИШКК, предназначенного в констапели парусного Черноморского флота, нам, к сожалению, не представилось возможным установить, так как в архивных документах отсутствует какая-либо информация.

Изучая и анализируя архивные документы о деятельности АИШКК, мы с некоторым удивлением обнаружили, что выпуск-

ники направлялись не только в сухопутную и морскую артиллерию, армейские полки, но и в конно-гренадерский полк. Например, 26 марта 1796 г. 10 выпускников АИШКК, а именно: Карл Швенцон, Карл Унгерн, Сергей Панютин, Никанор Татаринев, Густав Веймарн, Павел Козлов, Евграф Лавров, Карл Штампель, Василий Коновалов и Александр Качалов, все в возрасте от 17 до 21 года, «...по знанию наук и похвальному поведению» были произведены генерал-фельдцейхмейстером П.А. Зубовым в штык-юнкеры артиллерии и направлены для дальнейшего прохождения службы «...в конно-гренадерский полк военного ордена...»²⁹, о чем и было сообщено Зубовым директору корпуса³⁰. В этом же предписании Зубов распорядился, чтобы на всех десятилетних юношей ему были представлены послужные списки, что и было сделано 29 марта 1796 г.

Оказалось, что их уровень подготовки был разным, что отчетливо видно из аттестаций, направленных П.И. Мелисину П.А. Зубову. Вот, например, Карл Швенцон. Возраст – 21 год, в корпус поступил в декабре 1790 г. «Российской грамоте читать и писать и другие какие науки знает. Российскую грамматику и арифметику окончил, в геометрии стереометрию, в алгебре сложение долей, новую историю и географию прошел. По-русски, французски и немецки говорит и пишет, рисует красками, физику и натуральную историю продолжил, танцам упражнялся, оружейную и пушечную экзерцию знает»³¹. Хорошая характеристика была дана и Карлу Унгерну, которому было 18 лет и в корпусе он обучался с февраля 1792 г. В отличие от аттестации Карла Швенцона, в документе есть некоторые дополнения, например: «...частную географию прошел, на французском и немецком языках переводит, в чистом письме по-русски, французски и немецки упражнялся, рисует тушью, физику и натуральную историю продолжал (имеется в виду, продолжал изучать. – *Авт.*), танцам, фехтовать и верховой езде упражнялся, оружейную и пушечную экзерцию знает»³². Сергей Панютин, который выпускался в возрасте 17 лет, а в кадетский корпус поступил в январе 1788 г., будучи в 9-летнем возрасте, заслужил не менее лестную аттестацию, ко всему прочему он «... в артиллерии черчение орудиев, в начале регулярной фортификации, в архитектуре гражданской прошел четыре правила тасканское, дорическое, ионическое и коринфическое»³³, рису-

ет красками...» А вот аттестация Никанора Татарина, которому было 18 лет и поступил он в АИШКК в январе 1792 г., была довольно скупой и не такой лестной: «Арифметику кончил, в начале геометрии, в алгебре сложение, на французском и немецком языках читает, в чистом письме по-русски и немецки упражнялся, рисует карандашом, танцам упражнялся, оружейную и пушечную эскерцию знает»³⁴.

По рапорту генерал-фельдцейхмейстера П.А. Зубова, императрица Екатерина II своим указом от 2 мая 1796 г. повелела всех выпускников АИШКК, назначенных в конно-гренадерский военного ордена полк, «...переименовать подпоручиками, выключить из артиллерии и отправить по надлежащему к новой команде...»³⁵.

В заключение отметим, что в разных источниках данные о количестве выпускников за период правления Екатерины II (1762–1796) несколько отличаются. Например, по подсчетам Н.Л. Ломана, более чем за 30-летнее существование Артиллерийского и инженерного шляхетского кадетского корпуса во время царствования Екатерины II выпущено 1252 кадета в офицерских званиях, из которых 857 – в сухопутную и морскую артиллерию, в инженерный корпус и в горное ведомство, 336 – в армию, 59 – в отставку. 35 чел. было переведено юнкерами в гвардию, сержантами в артиллерию – 7 чел., в другие кадетские корпуса – 8 чел. Отчислено из кадетского корпуса в армию с унтер-офицерским званием 3 чел. и возвращено родителям 48 чел.³⁶

Валерий Михайлович Крылов в своей работе³⁷ приводит уже уточненные статистические данные по некоторым показателям, касающимся выпусков из корпуса в период с 1762 по 1801 гг. Его данные следующие: за время правления императрицы Екатерины II из АИШКК всего было выпущено 1294 чел. (у Н.Л. Ломана – 1252). В артиллерию офицерами было выпущено 703 чел., в инженерный корпус – 210 чел. (всего 913 чел., в то время как у Н.Л. Ломана – 857). Другие сведения о выпускниках АИШКК у этих двух исследователей практически полностью совпадают.

Общие данные о количестве выпускников за период 1762–1801 гг. и их распределении приведены в работе В.М. Крылова: 951 чел. направлен для службы в артиллерию, 260 выпускников – в инженерный корпус, в гвардию – 36, в армию – 402, в кавалерию – 2, прочие места дальнейшей службы – 80, выпущены

из кадетского корпуса в унтер-офицерских званиях – 13 чел. и возвращено родителям – 62 чел.³⁸

Приведенные статистические данные позволяют сделать вывод, что с момента учреждения Артиллерийского и инженерного шляхетского кадетского корпуса и до момента его преобразования во 2-й Кадетский корпус, АИШКК выполнял роль главного военно-учебного заведения по подготовке артиллерийских и инженерных офицерских кадров для русской армии. (В период с 1775 по 1796 г. офицеров артиллеристов и инженеров готовили также в Корпусе чужестранных единоверцев, который в те годы был как бы филиалом АИШКК). Уже с середины XVIII в. реализовывалась программа создания нового типа военно-учебного заведения для артиллерии и инженерных войск с целью повышения качества подготовки офицерского состава русской армии, необходимость которой определялась как сложившейся ситуацией с офицерскими кадрами в тот период, так и уровнем боевой готовности самой армии. Сохраняя учебно-воспитательную деятельность в той основе и значении, как это было задумано и определено П.И. Шуваловым и реализовано на практике первым директором М.И. Мордвиновым, Артиллерийский и инженерный шляхетный кадетский корпус получил при втором своем директоре – П.И. Мелисине – дальнейшее развитие и был превращен в полноценное военно-учебное заведение. Учебно-воспитательный процесс здесь базировался на правильной для того времени педагогической системе обучения и воспитания. Качество учебно-воспитательного процесса позволило АИШКК успешно функционировать вплоть до его переименования во 2-й Кадетский корпус и изменения общей системы военного образования кадетских корпусов.

¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 4026. Л. 2.

² Там же. Д. 4603. Л. 1.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Оп. КО. Д. 211. Л. 25–33.

⁶ Там же. Оп. ШГФ. Д. 4659. Л. 2.

⁷ Там же. Л. 5.

⁸ Подпоручик – обер-офицерский чин (звание) в русской армии, введенный в России Петром I в 1703 г. – XIII класса в пехоте, XII класса в артиллерии, инженерных войсках и X класса в гвардии до 1884 г.

- ⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 4659. Л. 6–7 об.
- ¹⁰ Там же. Д. 3944. Л. 1.
- ¹¹ Там же. Л. 1 об.–2.
- ¹² Там же. Л. 3.
- ¹³ Там же. Л. 4–10.
- ¹⁴ Там же. Д. 3958. Л. 4–7 об.
- ¹⁵ Ломан Н.Л. Указ. соч. С. 146.
- ¹⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 5114. Л. 1–1 об.
- ¹⁷ Выпускная аттестация на сержанта Н. Платковского: «...знает арифметику и геометрию, тригонометрию, архитектуру, артиллерию и фортификацию. Учился истории, географии, физике. Разумеет несколько по французски и по немецки. Учился танцевать и фектовать и оружейной экзерции. За сверх того употреблялся и настоящей практике из полевой, морской и осадной артиллерии. Поведения хорошего, к наукам прележен. Пороков не имеет и к повышению чинов достоин» (см. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 5114. Л. 4.)
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. Л. 6.
- ²⁰ Там же. Л. 9.
- ²¹ Там же. Д. 4026. Л. 4.
- ²² Старание, усердие, забота.
- ²³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 4026. Л. 6–6 об.
- ²⁴ Констапель (от голл. konstabel – морской артиллерийский старшина) – в русской морской артиллерии с конца XVII в. унтер-офицер, с 1720 г. – младшее офицерское звание (соответствовало прапорщику), начальник артиллерии на кораблях 3-4 ранга; в 1830 г. чин констапеля заменен чином прапорщика.
- ²⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 4048. Л. 2.
- ²⁶ Там же. Л. 7.
- ²⁷ Там же. Л. 9.
- ²⁸ Там же. Л. 13.
- ²⁹ Бывший Малороссийский гренадерский полк. Указом от 16 мая 1790 г. переименован в Конно-гренадерский военного ордена полк.
- ³⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 4048. Л. 13.
- ³¹ Там же. Л. 16–17.
- ³² Там же. Л. 17.
- ³³ Правила классической архитектуры.
- ³⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 4048. Л. 18.
- ³⁵ Там же. Л. 23.
- ³⁶ Ломан Н.Л. Указ. соч. С. 153–154.
- ³⁷ Крылов В.М. Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб.: ВИМАИВиВС, 1998. С. 123.
- ³⁸ Там же.

В.А. Бобков (Брянск)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ РОССИИ В ОБЛАСТИ ПРОИЗВОДСТВА АРТИЛЛЕРИИ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКОВ

В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ под военно-техническим сотрудничеством понимается деятельность в области международных отношений, связанная с вывозом и ввозом, в том числе с поставкой или закупкой, а также с разработкой и производством продукции военного назначения¹. Указанная терминология применяется и при реконструкции истории аналогичных отношений России с иностранными государствами.

В настоящее время обозначился интерес к исследованию истории военно-технического сотрудничества России со странами мира. Об этом свидетельствуют появившиеся в последние годы исследования². Встает вопрос, артиллерия России в большей степени развивалась за счет внутренней модернизации или позаимствованного от иностранных государств опыта? На наш взгляд, этот вопрос является многоуровневым и требует всестороннего анализа.

В истории России знаковым для развития артиллерии является время прихода к власти Петра I. В начале XVIII в. во многих областях хозяйственного устройства страна была вынуждена нагонять ведущие государства, не стал исключением и вопрос производства артиллерийского вооружения. К сожалению, существовавший в допетровское время Пушечный двор в Москве в 1699 г. сгорел. Петр I был вынужден заказывать артиллерию на частных предприятиях. В частности, в 1702 г. хозяин Устьерецкого металлургического завода в Заонежье, датский промышленник Генрих Бутенант фон Розенбуш, по государеву при-

казу снабдил русские войска артиллерийскими двенадцатифунтовыми пушками. «Олонецкая артиллерия, очевидно, влилась в обоз армии, ... и вскоре способствовала выдающейся виктории у Нотебурга и Ниеншанца»³.

Что касается привлечения разнообразного иностранного опыта в области развития артиллерийского производства, основное внимание в тот период приковывали к себе разработки в Англии и Франции.

Особо следует остановиться на деятельности генерала де Вальера во Франции. В начале XVIII в. Жан-Флоран де Вальер (1667–1759) сократил число калибров, принятых в армии Франции⁴. Как пишет Ф. Бродель, «...во Франции система генерала де Вальера, разработанная при Людовике XV, продержится вплоть до реформы Грибоваля (1776), чьи великолепные пушки пройдут через все войны Революции и Империи»⁵. По решению Петра I, уменьшено количество калибров артиллерии и в России.

В эти десятилетия перед российской артиллерией стояла проблема получения качественного артиллерийского металла. В 1709 г. Ю. Юль, датский посланник при Петре I, отметил в своих записках: «Русские артиллерийские офицеры уверяли меня, что такому быстрому прогоранию затравок подвержена большая часть их орудий, и это потому, что вылиты они из металла, обыкновенно употребляемого для колоколов и заключающего в себе слишком много олова»⁶.

Война России и Швеции в начале XVIII в. настоятельно потребовала преобразований. Для отливки современных орудий построили С.-Петербургский арсенал. Царь часто его посещал и высоко оценивал перспективы развития предприятия. «21-го февраля этого года (1714 г. – *Авт.*) Петр присутствовал на Петербургском литейном дворе при литии пушек»⁷.

К началу XVIII в. в России уже были крупные отечественные специалисты в области артиллерийского производства. Разработки новатора А.К. Нартова не только не уступали зарубежным аналогам, но и во многом их превосходили. По своему уровню знаний Нартов стоял на одной ступени с такими знаменитыми техниками, как француз Фок, англичане Модсли, Клемент, Робертс и др. Эту позицию убедительно доказали отечественные историки советского периода развития историографии⁸.

Для ширококомасштабного производства еще отсутствовало достаточное количество отечественных мастеров. Петр I активно приглашал на работу в Россию иностранных технических специалистов, но подчас эти работники имели посредственные способности. Одним из примеров может быть В. Геннин. Голландец по происхождению, Геннин был родом из Саксонии. Когда Петр впервые путешествовал по Западной Европе в 1697–1698 гг., этот специалист жил в Амстердаме. «Царь пригласил его в Россию в качестве инженера и артиллериста»⁹. Знаменитый историк Р. Порталь задался вопросом: обладал ли в то время Геннин хорошими техническими знаниями? С последующими рассуждениями Порталья нельзя не согласиться: «Вряд ли... поэтому считать, что на русской службе состояли лишь опытные профессионалы, было бы неверно»¹⁰.

Вместе с тем, иностранные специалисты были необходимы. Это подтверждает и Порталь, отмечая, что, «...зная точные науки, иностранцы были квалифицированными специалистами»¹¹. При всей критике Геннина, необходимо отметить, что Пушечный литейный двор в С.-Петербурге успешно построил именно Георг Вильгельм де Геннин.

В XVIII в. Россия стремилась заимствовать передовые технологии в области артиллерийского производства. Не выпала из поля зрения артиллеристов России и важная разработка Жана Марица (1680–1743), швейцарского инженер-артиллериста, поступившего на французскую службу. Он «открыл, что можно достичь более точных и единообразных результатов, если выверливать ствол из цельно отлитой болванки орудия»¹².

В середине XVIII в. развивались научно-технические связи России и Англии¹³. Россия экспортировала продукцию металлургии в Великобританию и Францию, а также «Голландию, Италию, Испанию, Данию, Австрию, Пруссию, Турцию»¹⁴. В правление Екатерины II и Павла I была продолжена практика приглашения иностранцев для производства артиллерии.

Однозначно негативно оценивать деятельность иностранных специалистов в области производства артиллерии в конце XVIII – начале XIX вв., вероятно, не стоит. В современной историографии, к примеру, дискуссионной является тема о роли англичанина Чарльза Гаскойна и его команды в «постановке производства артиллерии в России»¹⁵. Группа специалистов Карронского

пушечного завода под руководством Ч. Гаскойна (1739–1806) (в России его звали Карл Карлович) прибыла в страну для «постановки литья артиллерии на Олонецких горных заводах»¹⁶. По мнению А.М. Пашкова, англичанин принес много пользы для производства артиллерии в России. Исследователь утверждает, что «в целом, в начале XIX в. Александровский завод и его филиалы в Кончезере и Кронштадте выпускали большую часть пушек и снарядов для артиллерии (около 170 тыс. пудов из 320 тыс. пудов в год, производимых на всех казенных заводах)»¹⁷.

Итак, оценка вклада иностранцев в постановку артиллерийского производства в России в XVIII в. является неоднозначной. Характеризуя технические заимствования России, можно согласиться с позицией У. Мак-Нила. Он указал, что «новая техника попадала в Россию, только доказав свою востребованность и прибыльность за рубежом»¹⁸.

В XVIII в. иностранных специалистов для производства артиллерии привлекала не только Россия. Так, в Англии в 1770 г. в арсенале Вулвича голландцем Я. Фербрюгеном «была установлена машина для сверления стволов артиллерийских орудий, имевшая механизированный суппорт. Фербрюген был связан со швейцарской “школой” пушечных мастеров»¹⁹.

В конце XVIII – начале XIX вв. в области производства артиллерии наметились определенные изменения. Переход к машинному производству во всех отраслях промышленности начался в Англии в третьей четверти XVIII в., «пристальное внимание машинам уделяет и Франция»²⁰.

В XVIII в. Россия не только развивала собственное производство артиллерии, но и наблюдала за своими потенциальными соперниками и конкурентами, в частности Англией и Францией. К концу XVIII в. это внимание заметно усиливается. В этой связи показательно название одной из глав в монографии Мак-Нила: «Военное влияние французской политической и британской индустриальной революции 1789–1840»²¹.

К концу XVIII в. резко изменилась международная обстановка. Разрыв России с Англией становился неизбежным. «Борьба между тем грозила принять обширные размеры, благодаря сближению... Павла с Наполеоном»²². Указанные обстоятельства влияли и на военно-техническое сотрудничество в области производства артиллерии.

В начале XIX в. значительными в области вооружения явились реформы в артиллерии. В результате уже «русское вооружение оказало влияние на вооружение стран Западной Европы. Австрия, Франция и Пруссия заимствовали у русских многие идеи в области материальной части и тактики артиллерии»²³.

В этой связи становится понятным интерес иностранных военных специалистов к постановке артиллерийского производства в России. 20 января 1812 г. инспектор артиллерии генерал-лейтенант Меллер-Закомельский получил сообщение: «По желанию находящихся здесь Баварского и Вертембергского послов обозреть здешний арсенал и все принадлежащие к тому машины и Его Величество повелевать соизволил таковое их желание удовлетворить»²⁴.

Не все иностранные военные специалисты сразу признали достоинства артиллерии России. В начале XIX в. отдельные иностранные офицеры высказывали негативные оценки. Известный деятель эпохи наполеоновских войн, автор ряда военно-теоретических работ, прусский генерал Нейтгардт фон Гнейзенау 20 мая 1812 г. в Риге написал «мемориал» о российской артиллерии. В документе язвительно отмечалось: «Чистота отделки повозок, лафетов, передков и упряжи доказывает, очевидно, что они (в России. – *Авт.*) отделяются более для вида, нежели для прочности»²⁵. Продолжая, Гнейзенау был еще более критичен: «...маневренность с артиллерией в трудных местоположениях открывает все случаи, какие могут встретиться в дороге и в сражениях, опрокидывать орудия и ящики»²⁶.

После окончания войн с Наполеоном, один из артиллерийских офицеров армии России, пожелавший остаться неизвестным, написал своеобразный ответ на «мемориал». По каждому приведенному тезису был высказан убедительный антитезис. Более того, русский офицер проанализировал состояние иностранной артиллерии в период войн 1812–1814 гг., проиллюстрировав, что она имеет свои слабые места. Он писал: «...нельзя не смотреть без удивления на иностранные лафеты и передки, которые, имея лучший лес, нежели в России, оставляют по сие время излишнюю тягость в оных единственно к обременению людей и лошадей»²⁷. Генерал-лейтенант Гнейзенау, признал свои заблуждения и в 1814 г. отвечал: «Я признаю критику его основательной»²⁸.

У. Мак-Нил считает, что артиллерия ключевых противников к 1815 г. была единообразной. Он пишет, что «к моменту восстановления мира в 1815 г. артиллерийский парк великих держав находился на одинаковом уровне»²⁹. Посмеем дополнить указанный тезис. На наш взгляд, артиллерия России к 1805 г. была не просто на одном уровне, а в определенном отношении превосходила лучшие иностранные образцы. Вероятно, заблуждение относительно мощи российской артиллерии периода начала XIX в. вызвано тем, что долгие годы в отечественной историографии обливали грязью ее главного разработчика графа Аракчеева. Только в последние годы в историографии стали появляться противоположные оценки. А исследователи стали отмечать, что по многим показателям отечественная артиллерия «системы 1805 года» превосходила считавшуюся тогда наиболее передовой в Европе французскую. Орудия были более маневренны благодаря меньшей массе, а многие «обладали и большей дальностью стрельбы»³⁰. Пушки, разработанные в 1805 г., находились на вооружении до появления артиллерии новых образцов в 1838 г. «“Аракчеевские” колеса прослужили русской армии около 40 лет, пока в Пруссии не разработали первые колеса с цельными шинами»³¹. Приходится констатировать, что после победы над Наполеоном развитие производства артиллерии в России затормозилось.

Не отрицались и положительные достижения иностранных государств. В первой половине XIX в. проверку готовых орудий в С.-Петербургском арсенале производили «по французским образцам; из Франции же был выписан и первый комплект поверочного инструмента»³². После поездки Великого князя Михаила Павловича в Германию в 1835–1840 гг. и осмотра там «...Аугсбургского арсенала был выписан новый инструмент»³³. Выявление технических новшеств входило в обязанности механика арсеналов России. Так, в 1838 г. механик арсеналов Монье в донесении сообщал: «...я видел две паровые машины, построенные Кокерилем в Бельгии... В Киеве, если бы правительство располагало выстроить арсенал на высотах, то другого рода паровой машины нельзя бы и употребить»³⁴.

Открытыми для посещения и осмотра иностранцев были отечественные военные предприятия. Более того, С.-Петербургский арсенал становится обязательным местом посещения официаль-

ных лиц. В 40-е гг. XIX в. экскурсия сюда входила в «официальный план мероприятий» для коронованных особ, великих князей, принцев крови, высокопоставленных военных. Тем самым демонстрировались возможности отечественной военной промышленности, мощь русской артиллерии, армии и флота³⁵.

Важным событием, повлекшим за собой изменения в военно-техническом сотрудничестве России с иностранными государствами в области производства артиллерии, была Крымская война. В эту войну корабли противника имели броню, «совершенно не пробиваемую сферическими снарядами русской артиллерии»³⁶. Положение дел заставило власти обратить внимание на разведку. 10 июля 1856 г. Александр II утвердил первую инструкцию о работе военных агентов. В ней указывалось, что каждому агенту вменяется в обязанность приобретать сведения «о состоянии различных частей военного управления, в том числе и артиллерийского»³⁷.

Во второй половине 1850-х гг. начался качественно новый этап развития вооружений. Во всех европейских странах активизировалась деятельность военных агентов, имеющих высшую военную «специальную военно-техническую подготовку, боевой опыт»³⁸. Во второй половине XIX в. был рост числа военных агентов в России и мире. «К 1866 г. Россия имела своих постоянно действующих военных агентов в семи государствах, во второй половине XIX в. – в семнадцати странах, в начале XX в. – уже в двадцати. Во время Франко-прусской войны 1870–1871 гг. число военных атташе в Европе составляло 30, к началу Первой мировой войны уже 300»³⁹.

Своевременное получение сведений о развитии артиллерии в других странах было актуально. Во второй половине XIX в. стало понятно, что будущее – за казнозарядными орудиями, разработка которых велась как в России, так и на западе, особенно преуспели на этом поприще немцы. И хотя «первые двойные клиновые затворы Клейнера, принятые на вооружение в Пруссии в 1861 г., оказались слишком сложными и ненадежными, но и они сразу привлекли внимание российского артиллерийского департамента»⁴⁰.

Применение иностранных изобретений в артиллерии России производилось после тщательных испытаний. Об этом ярко свидетельствует ситуация с использованием «морского клея

(marine glue), изобретенного в Англии Альфредом Джефери»⁴¹. С помощью английского клея планировали заливать трещины в лафетах. После тщательных испытаний стало понятно, что «...клей этот далеко не имеет тех свойств, которые приписывали ему изобретатели»⁴².

В середине XIX в. артиллерийские разработки Франции по-прежнему привлекали внимание. Так, в 1857 г. в этой стране для вооружения судов ввели 36-фн. пушки, и в России анализировали возможность перенять этот опыт «для вооружения кораблей и береговых укреплений»⁴³. На заседании специалистов в области артиллерии под председательством генерал-адмирала Великого князя Константина и генерал-фельдцейхмейстера Великого князя Михаила приняли решение ввести в сухопутной и морской артиллерии орудия 36-фн. калибра, вместо 30-фн., принятых с 1854 г., «соответственно употреблению этого калибра орудий в иностранных армиях»⁴⁴.

Российские новаторы сотрудничали с иностранными производителями артиллерии. Квалификация отечественных специалистов позволяла не только перенять опыт, но впоследствии самостоятельно организовывать более прогрессивное производство в России. Так, в 1857 г. П.М. Обухов «познакомился с производством пушек у Круппа. После возвращения на родину он разработал проект производства стальных пушек в России»⁴⁵. В 1862 г. на Всемирной выставке в Лондоне стальная пушка Обухова получила высокую оценку.

В Англии в 1862–1864 гг. была принята на вооружение новая модифицированная система нарезных орудий под названием «система Вулвич»⁴⁶. Подобные новшества подталкивали Россию к активизации деятельности по совершенствованию своей артиллерии. Вместе с тем, международная изоляция страны после Крымской войны привела к значительным изменениям, а как следствие сместила акценты в международном военно-техническом сотрудничестве. С одними странами отношения стали прохладными, с другими наметилось определенное потепление.

Итак, в XVIII – первой половине XIX вв. Россия активно развивала производство артиллерии, и ее уровень подчас превосходил иностранные аналоги. Взгляд на военно-техническое взаимодействие России извне не всегда отражал истинное положение дел. В действительности стоит говорить о двух параллель-

но развивающихся явлениях. В одной плоскости происходило развитие изысканий отечественных изобретателей, а с другой, по понятным причинам, закупали и исследовали все лучшее в иностранных государствах. Вероятно, для сохранения сильной и независимой военной промышленности России было важно удержать некий баланс отечественного и иностранного влияния на развитие производства вооружений.

¹ Федеральный закон РФ от 19 июля 1998 г. № 114-ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве РФ с иностранными государствами».

² Виноградов П.В. Русско-английское военно-экономическое сотрудничество в годы Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Уссурийск, 2009; Волохова В.В. Западноевропейские специалисты в отечественной горной промышленности во второй половине XVIII – первой трети XIX в.: На материале Олонецких горных заводов: дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2002; Семенов О.Ю. Внешнеполитические связи США и Российской империи в середине 1860-х – 1870-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2010; Его же. Военно-техническое сотрудничество России и США в 1860–1870 гг. // Военно-ист. журнал. 2011. № 10. С. 33–38 и др.

³ Данков М.Ю. О рейдерской атаке заводов датского «Комисара» // Краеведческие чтения. Материалы II научн. конференции (16 мая 2008 г.). Петрозаводск: Национальная библиотека Республики Карелия, 2009. С. 96.

⁴ Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XIX веках / Пер. с англ. Т. Ованнисяна; пред. Г. Дерлугьяна; науч. ред. и посл. С.А. Нефедова. М., 2008. С. 193.

⁵ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. 2-е изд. / пер. с фр. Л.Е. Куббеля; вступ. ст. Ю.Н. Афанасьева. М.: Издательство «Весь Мир», 2006. С. 356.

⁶ Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711 гг.). М., 1900. С. 64.

⁷ Нартов А.К. Достопамятные повествования и Речи Петра Великого // Записки Императорской Академии наук, 1891. Т. 67. Прил. № 6. С. I–XX, 1–138. Сетевая версия – А. Бойцов, 2007. С. 128.

⁸ Загорский Ф.Н. Очерки по истории металлорежущих станков до середины XIX в. М.-Л., 1960. С. 4.

⁹ Порталь Р. Урал в XVIII в. / пер. с фр. и нем. Л.Ф. Сахибгареевой и др. Париж, 1950. С. 59.

¹⁰ Там же.

¹¹ Загорский Ф.Н. Указ. соч. С. 27.

¹² Мак-Нил Уильям. Указ. соч. С. 193.

¹³ Медведев Ю.С. Русско-английские отношения в середине XVIII в. (1748–1763): дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 141.

¹⁴ Кузьмина С.В. Экспорт российской металлургии на западноевропейский рынок в XVIII – пер. половине XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2005. С. 132, 171, 200.

- ¹⁵ Волохова В.В. Указ. соч.; Пашкова А.М. Британские специалисты на Олонцевских горных заводах в конце XVIII – начале XIX вв. // Экономическая история: обозрение. М., 2006. Вып. 12. С. 139.
- ¹⁶ Пашкова А.М. Указ. соч. С. 139; Мелконов Ю.Ю. Пушки Саласпилса // VALTFORT. Балтийский военно-исторический журнал. № 2. 2008. С. 66–74.
- ¹⁷ Пашкова А.М. Указ. соч. С. 141.
- ¹⁸ Мак-Нил У. Указ. соч. С. 182.
- ¹⁹ Загорский Ф.Н., Загорская И.М. Генри Модсли (1771–1831). М., 1981. С. 19.
- ²⁰ Загорский Ф.Н. Очерки по истории... С. 33.
- ²¹ Мак-Нил У. Указ. соч. С. 214.
- ²² Александренко В. Император Павел I и англичане. (Извлечения из донесений Витворта) // Русская старина. 1898. Т. 96. № 10. С. 93–106. Сетевая версия – М. Вознесенский. С. 98, 104.
- ²³ Коваленко А.Ю. Военные реформы в России в первой четверти XIX в.: монография. М., 2004. С. 144.
- ²⁴ АВИМАИВиВС. Ф. 5. Оп. ШГФ. Д. 5733. Л. 60.
- ²⁵ Отдел Рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 29. Ед. хр. 15. Л. 1–1 об.
- ²⁶ РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 70. Л. 4–4 об.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же. Л. 7.
- ²⁹ Мак-Нил У. Указ. соч. С. 201.
- ³⁰ Лурье Л. Завод «Арсенал» – 300 лет. СПб., 2011. С. 125.
- ³¹ Там же. С. 127.
- ³² Родзевич В.М. Указ. соч. С. 360.
- ³³ Лурье Л. Указ. соч. С. 145.
- ³⁴ РГВИА. Ф. 503. Оп. 3. Д. 845. Л. 3.
- ³⁵ Лурье Л. Указ. соч. С. 152.
- ³⁶ Пойен Г. Значение морской артиллерии в сражениях последнего времени / пер. с фр. СПб.: Типография Морского министерства, 1888. С. 7.
- ³⁷ Империя ГРУ. Очерки истории российской военной разведки. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. С. 11.
- ³⁸ Ильина Т.Н. Военные агенты Российской империи // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Международ. науч.-практич. конференция 12–14 мая 2010 г. Ч. I. СПб.: ВИМАИВиВС, 2010. С. 312.
- ³⁹ Ильина Т.Н. Деятельность военных агентов по перевооружению русской армии в период военной реформы 60–70-х годов XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. С. 19.
- ⁴⁰ Лурье Л. Указ. соч. С. 188.
- ⁴¹ РГВИА. Ф. 503. Оп. 3. Д. 592. Л. 7 об.
- ⁴² Там же. Л. 2 об.
- ⁴³ РГА ВМФ. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1976. Л. 4.
- ⁴⁴ Там же. Л. 5.
- ⁴⁵ Данилевский В.В. Русская техника. Л., 1947. С. 110.
- ⁴⁶ Система получила наименование «Вулвич» от названия Английского Вулвичского арсенала. См.: Ian V. Hogg A history of artillery. Hamlyn, 1974. P. 69.

Л.А. Бобров (Новосибирск)

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЙ УЗКОПЛАСТИНЧАТЫЙ ШЛЕМ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ КАЗАХСТАНА¹

В ОДНОМ ИЗ ЗАЛОВ Центрального государственного музея Республики Казахстан (ЦГМРК, Алматы) вот уже несколько лет экспонируется богато оформленный железный шлем (КП 25849/1), представляющий значительный интерес для отечественных и зарубежных археологов, оружейников и военных историков.

Согласно данным сотрудников ЦГМРК, шлем происходит с территории Южного (по другой версии, Юго-Восточного) Казахстана. Наголовье было передано в дар музею известным казахстанским коллекционером, государственным и общественным деятелем И.Н. Тасмагамбетовым.

Благодаря своему оригинальному внешнему виду и яркому декоративному оформлению данный шлем привлекает особое внимание художников, писателей и кинематографистов Российской Федерации и Республики Казахстан. Его фотографии неоднократно публиковались на страницах популярных и научно-популярных изданий, на марках и в буклетах. С легкой руки литераторов наголовье стали именовать не иначе как «типичный шлем казахских батыров XVII–XVIII вв.» Подобная интерпретация была поддержана и многократно усилена казахстанским историческим блокбастером «Кочевник» (2005). Авторы данного кинопроизведения позаботились об изготовлении десятков унифицированных копий шлема КП 25849/1 и надели их на статистов, играющих роли казахских воинов первой половины XVIII в. Пример оказался заразителен, и данный реквизит был востребован при создании образов казахских батыров в других историко-приключенческих фильмах («Меч победы» 2012 г. и

др.). Вплоть до настоящего времени шлем из ЦГМРК продолжает вдохновлять художников и скульпторов, стремящихся «реконструировать» внешний вид воинов Казахской степи периода Средневековья и раннего Нового времени.

Собственно научное изучение предмета началось в конце первого десятилетия XXI в. В 2007 г. его краткое описание было выполнено казахстанским исследователем К.С. Ахметжаном². Он, в частности, отметил «схожесть этого шлема с древними не только в способе изготовления, но и в наличии назатыльника, набранного в один ряд из тонких пластин...»³ По мнению ученого, «...главное преимущество этого типа шлема было в том, что, набирая из многих пластин чешуйчатым набором, можно было увеличить прочность шлема, сохраняя экономичность материала и легкость веса шлема» (там же). К.С. Ахметжан также подчеркнул, что козырек «типичен для тюркомонгольских шлемов» и отнес КП 25849/1 к числу «казахских боевых наголовий XVIII–XIX вв.»⁴

В 2011 г. шлем из ЦГМРК был рассмотрен нами в рамках диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук, а затем в статье, посвященной применению наголовий «кулахуд» в Центральной Азии. На основании анализа конструкции и системы оформления было установлено, что шлем использовался длительное время и неоднократно подвергался переделке. Тулья была изготовлена ойратскими (джунгарскими), монгольскими или тибетскими оружейниками, а козырек и подвершие – ойратскими или казахскими мастерами. Пиковидное острие и назатыльник с бармицей представляют собой более поздние добавления, вероятно выполненные по требованию нового владельца шлема (предположительно, знатного казахского воина). Образцом для инициаторов переделки выступили переднеазиатские наголовья типа «кулахуд». Клепаные узкопластинчатые шлемы представляли собой технологический компромисс между шлемами с ремненным и клепаным соединением. От первых они унаследовали форму пластин тульи, от вторых – принцип их соединения между собой. Шлемы данного типа были сложны в производстве, но отличались ярким внешним видом и высокими боевыми характеристиками. В период позднего Средневековья пластины таких шлемов снабжались ребрами жесткости и латунными накладками по внешнему краю. Основным цент-

ром производства подобных шлемов была территория Западной Монголии (Ойратия / Джунгария). Самые ранние экземпляры относятся к XV в. Самые поздние – к XVIII в.⁵

К схожему выводу в 2015 г. пришел и К.С. Ахметжан. Он уточнил свою прежнюю атрибуцию и определил наголовье как «джунгарский шлем..., переделанный казахским мастером и использовавшийся казахским воином» в XVIII в.⁶

Отметим, что во всех вышеперечисленных случаях шлем КП 25849/1 рассматривался не как самостоятельный объект исследования, а в рамках работ, посвященных защитному вооружению народов центральноазиатского региона в целом. В то же время данное наголовье, вне всякого сомнения, заслуживает более детального изучения, призванного уточнить атрибуцию шлема и время изготовления его элементов. Важную роль в данном процессе играет типологический анализ, а также сопоставление наголовья из ЦГМРК с другими клепаными узкопластинчатыми шлемами эпохи Средневековья и раннего Нового времени, происходящими с территории Центральной Азии.

Целью настоящей статьи является описание особенностей конструкции и системы оформления шлема КП 25849/1 из собрания ЦГМРК, а также уточнение его датировки и атрибуции.

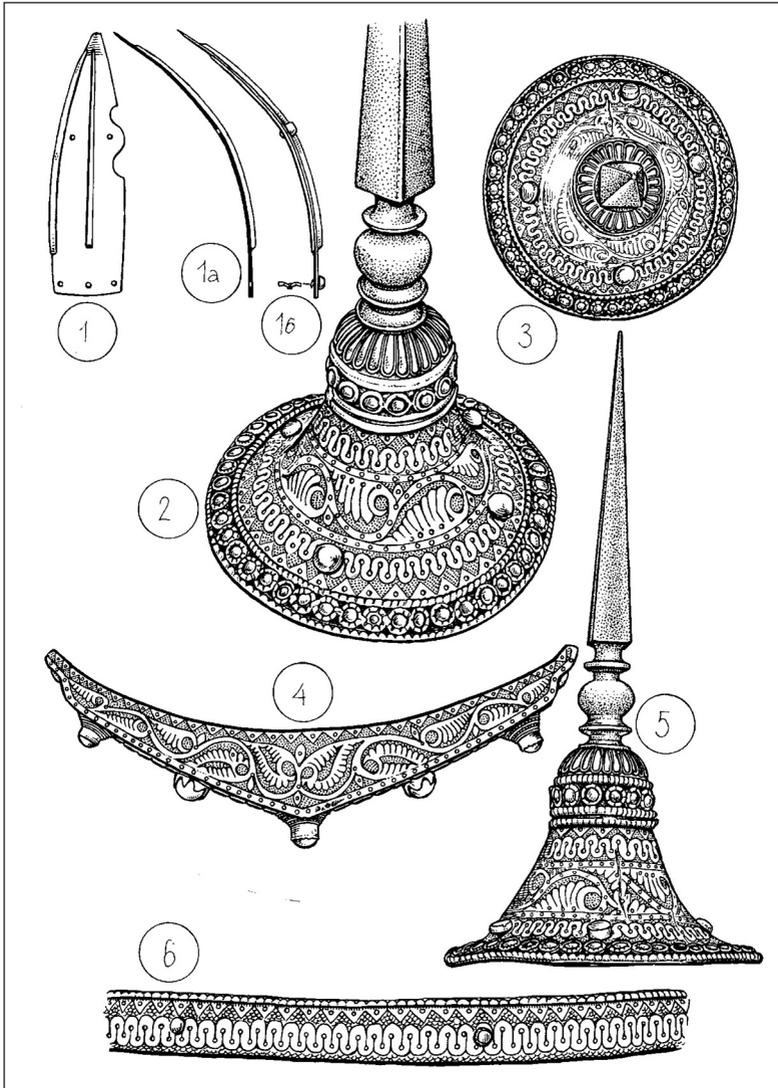
По материалу изготовления шлем относится к классу железных, по конструкции тульи – к отделу клепаных узкопластинчатых, по форме купола – к типу сфероконических. Общая высота шлема – 30,0 см, диаметр – 22,5 см (ил. 1–4).

В настоящее время наголовье состоит из клепаной полусферической тульи и пяти шлемовых элементов: двухчастного «коробчатого» козырька, обруча, ярусного составного навершия, пластинчатого назатыльника и кольчатой бармицы.

Тулья шлема склепана из 32 рельефных железных пластин, отличающихся достаточно сложной конструкцией и системой декоративного оформления (ил. 5, 1). С-образные в сечении пластины имеют подтреугольную (удлиненно-трапециевидную) форму. Ширина полотна пластины существенно варьируется. Своей максимальной ширины они достигают в нижней и центральной части. В верхней части железное полотно сужается, формируя узкую вытянутую лопасть. Левый край пластин – ровный, а правый снабжен парой округлых вырезов, образующих между собой фестон полуовальной формы (ил. 5, 1). Вырез-

Ил. 1–4. Шлем КП 25849/1 из ЦГМРК (шлем изображен без кольчатой бармицы). Рис. Л.А. Боброва.
*Вверху слева: 1. Вид спереди. Вверху справа: 2. Вид справа.
Внизу слева: 3. Вид слева. Внизу справа: 4. Вид сзади*

Ил. 5. Элементы шлема КП 25849/1 из ЦГМРК. 1 – пластина тульи; 1а – пластина тульи (сечение); 1б – пластина тульи (с заклепками); 2 – подвешие (пластина-основание наверхия); 3 – наверхие (вид сверху); 4 – «полка» козырька (вид сверху); 5 – наверхие (вид сбоку); 6 – фрагмент обруча шлема. Рис. Л.А. Боброва

ной край пластин тульи можно наблюдать только на внутренней стороне шлема. Это позволяет предположить, что вырезы служили не для украшения наголовья, а для уменьшения его общего веса.

Большинство пластин тульи шлема снабжено пятью сквозными отверстиями. Два из них расположены в центральной, а три – в нижней части пластины (ил. 5, 1). В отверстия вставлены заклепки, соединяющие пластины тульи между собой и назатыльником соответственно. Фиксаторы заклепок назатыльника снабжены парными «усиками», расклепанными на внутренней стороне наголовья (ил. 5, 1б). В плоскость двух пластин на лицевой стороне наголовья вбиты заклепки, стягивающие купол шлема с вертикальным «щитком» козырька (см. ниже). Некоторые пластины снабжены дополнительными отверстиями и заклепками, предназначенными для фиксации навершия и обруча шлема (ил. 5, 2, 3). Сами заклепки выполнены из медного сплава. Их массивные головки имеют полусферическую или уплощенно-цилиндрическую форму (ил. 1–5).

Пластины тульи шлема уложены таким образом, что перекрывают друг друга, почти на половину своей плоскости образуя двойной слой броневое покрытие (ил. 1–4). По центру пластин пропущено продольное ребро жесткости, которое проходит почти вплотную к краю соседней пластины (ил. 1–4, 5, 1а, 1б). Подобная конструкция не только улучшает защитные свойства наголовья за счет повышения его жесткости, но и не позволяет пластинам тульи существенно смещаться относительно друг друга в результате сильного удара по шлему. Особо отметим, что кованое ребро не достигает верхнего и нижнего края пластин, что позволяет обеспечить примыкание и максимально надежное соединение тульи с обручем, навершием и козырьком шлема (ил. 5, 1а, 1б).

Важным элементом декоративного оформления тульи наголовья являются длинные узкие накладки из медного сплава, приваренные вдоль левого края пластин, составляющих тулью шлема. Благодаря своей выпуклой поверхности накладки играют роль своеобразного внешнего бортика пластин. Они не только украшают шлем, но и дублируют стальные ребра жесткости, повышая защитные свойства наголовья. Выступающие высокие заклепки, ребра-гребни и выпуклые бортики формируют слож-

ную рельефную поверхность тульи, придавая шлему запоминающийся яркий и нарядный внешний вид. Декоративный эффект усиливается цветовым решением. Ярко-желтые блестящие накладки гармонируют со стальной поверхностью наголовья и узкими полосами тени, которые отбрасывают многочисленные ребра-гребни пластин тульи шлема.

Дополнительным фиксатором пластин купола выступает достаточно узкий выпуклый обруч, изготовленный из медного сплава. Для соединения обруча с тулей шлема используются специальные заклепки с полусферическими шляпками (ил. 2–4, 5, 6). Верхний край обруча снабжен бортиком, покрытым мелкой частой насечкой. Основное поле обруча украшено гравированным орнаментом в виде волнистой ленты и ряда треугольных фестонов. На поверхность ленты и фестонов мастером помещены изображения круглых «жемчужин». Фон убран чешуйчатым и точечным орнаментом (ил. 5, 6).

К налобной части шлема приклепан так называемый «козырчатый» козырек, состоящий из горизонтальной пластины – «полки» и вертикального «щитка» (ил. 1–3). Обе пластины выполнены из медного сплава и богато украшены. «Полка» козырька имеет пятиугольную форму и гладкую поверхность (ил. 5, 4), в то время как рельефный «щиток» покрыт многочисленными «гнездами» («кастами») для драгоценных и полудрагоценных камней различных форм и размеров (ил. 1). Козырек крепится к тулье шлема с помощью двух заклепок с массивными медными шляпками полусферической формы. Заклепки вбиты в боковые вертикальные плоскости «щитка» козырька (ил. 1–3, 5, 4).

Главным украшением «полки» козырька является густой растительно-геометрический орнамент, выполненный в технике гравировки по металлу (ил. 5, 4). Основу композиции формирует вьющийся растительный побег, листья и бутоны которого складываются в стилизованные изображения птиц с распластанными крыльями. Верхний край «полки» окантован рядом остроугольных фестонов, нижний – узкой лентой с ровным краем. Поверхность фестонов, ленты и цветочного побега украшена «жемчужником». Фон убран точечным орнаментом (ил. 5, 4).

Декоративное украшение «щитка» козырька имеет сложную комбинированную структуру (ил. 1–3). Выпуклая орнаменти-

рованная планка из медного сплава делит «щиток» на два узких горизонтальных яруса, заполненных мелкими «кастами», в которые вставлены камни красного и синего цвета (коралл и халцедон, соответственно). Всего на поверхности «щитка» насчитывается 56 таких малых «гнезд» (по 20 в верхнем и нижнем ярусе и по 8 в боковых лопастях пластины козырька). Малые «гнезда» выполнены в виде колец круглой, овальной или каплевидной формы (ил. 1). Уп্লощенный край «кастов» покрыт мелкой насечкой. При инкрустации «щитка» козырька, мастером применялась определенная последовательность размещения драгоценных камней – красные кораллы перемежаются синим халцедоном. Поверх планки размещены два «гнезда» средних размеров и три больших «гнезда». Средние «касты» снабжены высоким бортиком с остроугольными фестонами (ил. 1–3, 5, 4). В «гнезда» помещены полусферические камни голубого цвета (бирюза). Большие «касты» имеют воронковидную форму. Их поверхность имитирует намотку из медной проволоки, а в «гнезда» вставлены кусочки тщательно обработанного красного коралла (ил. 1–3, 5, 4). По своему периметру «щиток» козырька снабжен бортиком, покрытым мелкой частой насечкой. Гравировка и инкрустация выполнены весьма аккуратно. Большинство «гнезд» сохранили свои драгоценные камни вплоть до настоящего времени.

Навершие шлема состоит из подвершия (пластины-основания) и пиковидного надвершия с уп্লощенным «яблоком» на шейке (ил. 1–4, 5, 2, 3, 5). Именно коническое навершие придает наголовью из ЦГМРК характерную сфероконическую форму.

Воронковидное подвершие шлема изготовлено из медного сплава, украшено гравированным орнаментом и инкрустировано драгоценными камнями. По нижнему краю пластины пропущен двойной бортик, покрытый мелкой частой насечкой. Пространство между бортиками заполнено рядом округлых «гнезд», в которые вставлены перемежающиеся кусочки коралла и халцедона (ил. 5, 2, 3). Основное поле подвершия украшено растительно-геометрическим орнаментом, представляющим собой вьющийся побег с пышными листьями и бутонами в обрамлении простых и волнистых лент, а также треугольных фестонов, усыпанных «жемчужником». Фон подвершия убран точечным орнаментом (ил. 5, 2, 3, 5).

Верхняя полусферическая часть подвешения украшена рельефными цветочными лепестками каплевидной формы, тремя выпуклыми бортиками и горизонтальным рядом «гнезд», инкрустированных кораллом и халцедоном (ил. 5, 2, 5).

Значительный интерес представляет система крепления подвешения к тулье. При сборке шлема мастер разместил на внутренней стороне купола овальную железную бляху, которую склепал с подвешением и тульей четырьмя специальными заклепками с массивными шляпками полусферической и таблеткообразной формы (ил. 5, 2, 5). При этом парные «усики» на концах заклепок были расклепаны на внутренней стороне купола. В результате пластины тульи оказались зажаты между подвешением и бляхой на внутренней стороне шлема, что обеспечило всей конструкции необходимую жесткость.

Известным своеобразием отличается металлическое надвешение шлема, увенчанное четырехгранным пиковидным острием (ил. 1–4, 5, 3, 5). Шейка наверхия дополнена уплощенным шаровидным «яблоком» в обрамлении двух линзовидных дисков. Еще один диск представляет собой упор, примыкающий к подвешению наголовья (ил. 5, 2, 5).

Важным элементом конструкции шлема является назатыльник, представляющий собой ряд из 23 прямоугольных пластин, приклепанных к нижнему краю тульи шлема (ил. 1–4). Углы слабовыпуклых пластин аккуратно закруглены мастером. По центру верхней части пластин пробито отверстие, через которое вставлена заклепка с медной полусферической шляпкой, соединяющая пластины назатыльника с куполом наголовья. Подобная система крепления позволяет конструкции сохранять определенную подвижность (ил. 1–3). Вдоль нижнего края пластин пробиты шесть отверстий, с помощью которых к назатыльнику подвешивается кольчатая бармица. Пластины назатыльника приклепаны к куполу шлема таким образом, что перекрывают друг друга на половину или треть своей плоскости, образуя двойной слой брони.

К назатыльнику шлема подвешена кольчатая бармица (длина – 26,0 см), снабженная боковыми разрезами. Бармица сплетена из сведенных колец, что позволяет предположить, что она была изготовлена и подвешена к куполу значительно позднее времени бытования шлема в качестве боевого и парадного наголовья. Од-

нако не исключено, что после монтажа назатыльника к нему могла крепиться и оригинальная кольчатая бармица, сплетенная из клепаных и сварных колец. В пользу данной версии свидетельствуют многочисленные сквозные отверстия вдоль нижнего края пластин назатыльника.

Шлем из ЦГМРК может быть датирован и атрибутирован на основании анализа особенностей конструкции и системы декоративного оформления тульи, обруча, козырька и навершия наголовья.

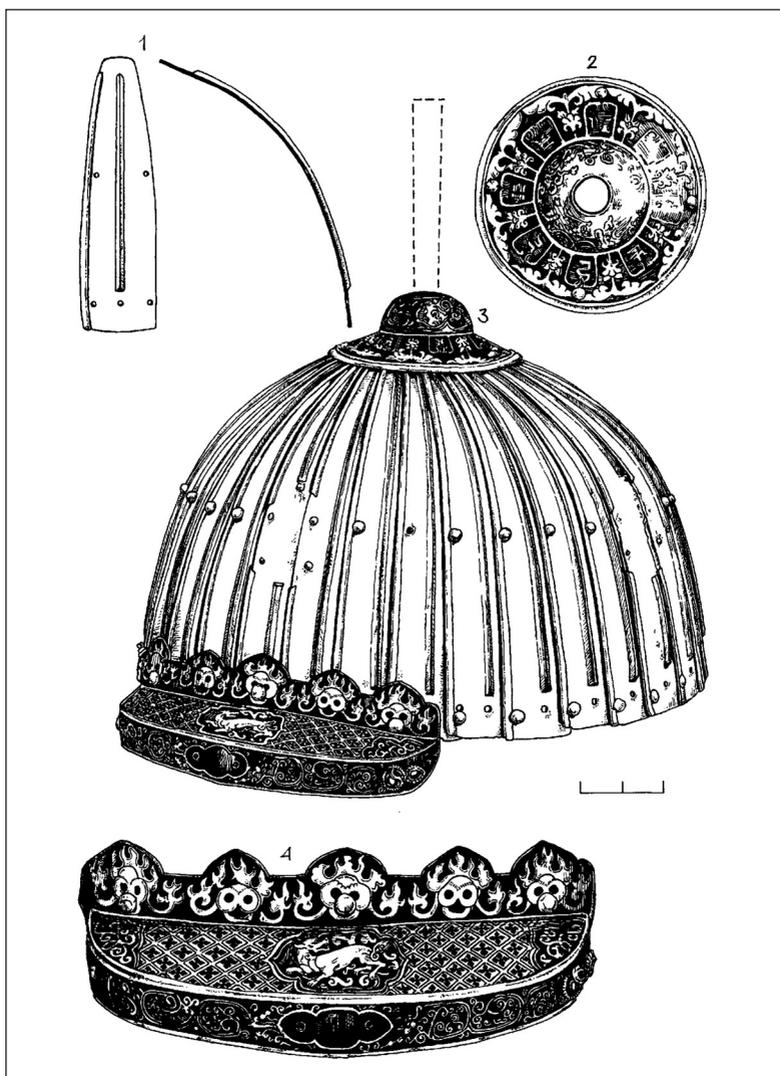
Важную роль при датировке и атрибуции рассматриваемого образца защитного вооружения играет клепаная туля, изготовленная из узких железных пластин с медными бортиками и ребрами жесткости.

Шлемы, купол которых набирался из узких вертикальных пластин, образующих один горизонтальный ряд, впервые встречаются у гиксосов в XV в. до н. э.⁷ Впоследствии они фиксируются у финикийцев и «народов моря».⁸ На востоке Азии такие шлемы применяли сяньби II–III вв. н. э.⁹ и, возможно, хунны II–I вв. до н. э.¹⁰ Широкое распространение узкопластинчатые шлемы с ремненным соединением получили в сяньбийских государствах Северного Китая IV–VI вв.¹¹ В период раннего Средневековья подобные шлемы входили в состав комплекса защитного вооружения тюрков и аваров¹². В развитом Средневековье узкопластинчатые наголовья использовались жителями китайских государств и центральноазиатскими кочевниками. Особенно активно их применяли чжурчжэньские панцирники XI–XII вв.¹³ Судя по материалам средневековой иконографии, узкопластинчатые шлемы использовались и монгольскими воинами государств Чингизидов¹⁴. В период позднего Средневековья шлемы из узких пластин прослеживаются на центральноазиатском и дальневосточном материале¹⁵.

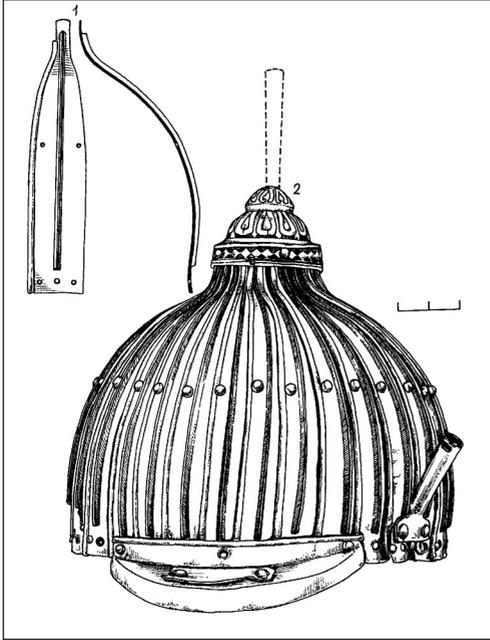
Таким, образом, боевые наголовья, составленные из узких железных пластин, продолжали применяться азиатскими воинами на протяжении эпохи Древности, Средневековья и раннего Нового времени. В некоторых регионах они сохранились вплоть до XIX в. включительно (Северо-Восточная Азия, Приамурье и др.). В то же время отметим, что подавляющая часть упомянутых шлемов относилась к категории наголовий с ремненным соединением. Тульевые пластины таких шлемов скреплялись меж-

ду собой не металлическими заклепками (как на рассматриваемом образце из ЦГМРК), а кожаными ремешками, протянутыми сквозь отверстия, проделанные в плоскости пластин. Что же касается собственно клепаных узкопластинчатых наголовий, то в рамках рассматриваемой серии они весьма немногочисленны. В настоящее время нам известно о пяти подобных шлемах. Кроме образца из ЦГМРК, к ним относятся два экземпляра (2005.146; 2001.53) из собрания Музея искусств Метрополитен (Нью-Йорк, США) и два шлема из частных коллекций. Замечательно, что пластины всех указанных наголовий имеют очень схожую конструкцию и систему оформления. Так, в частности, все они снабжены продольными ребрами жесткости и характерными накладками-бортиками из медного сплава (ил. 6, 1; 7, 1). Конструктивное сходство позволяет предположить, что тульи шлемов серии были изготовлены в рамках одной военно-культурной традиции. Это подтверждается и географией находок подобных шлемов. Три из них происходят с территории Тибета, и по одному из Монголии и Южного Казахстана. Для атрибуции шлемов важную роль играет и тот факт, что три наголовья из пяти открыты буддийской символикой.

В качестве примера можно привести узкопластинчатый шлем из собрания Музея искусств Метрополитен (2005.146), вывезенный европейскими коллекционерами из Тибета (ил. 6). Тулья шлема склепана из 32 железных пластин С-образной формы, снабженных пятью отверстиями для заклепок (на шлеме из ЦГМРК – из 36 пластин, также с пятью отверстиями). Вдоль левого края пластин прикреплен узкий бортик из медного сплава. Примерно по центру пластины выковано ребро жесткости (ил. 6, 1). Пластины соединены между собой массивными медными заклепками. Сфероконический силуэт шлему придавала полусферическая пластина навершия и утерянная в настоящее время трубка-втулка (ил. 6, 2, 3). К лицевой части шлема прикреплен широкий украшенный серебряной насечкой «коробчатый козырек». Подвершие выполнено в виде небольшой полусферы с полями, в которые вставлены заклепки, соединяющие пластины навершия и тульи. Поверхность подвершия украшена стилизованным изображением «летающей птицы» (напоминающей схожий рисунок на «полке» козырька шлема из ЦГМРК) и А-образным символом «Ом», обозначающим буддийскую ман-

Ил. 6. Центральноазиатский (ойратский?) шлем конца XVI – середины XVIII вв. с территории Тибета (2005.146, Музей искусств Метрополитен, Нью-Йорк, США). 1 – пластина туюль; 2 – подвешье (вид сверху); 3 – шлем (общий вид); 4 – козырек шлема. Рис. Л.А. Боброва

Ил. 7. Центральноазиатский (ойратский?) шлем конца XVI – середины XVIII вв. с территории Тибета (2001.53, Музей искусств Метрополитен, Нью-Йорк, США). 1 – пластина тульги; 2 – шлем (общий вид). Рис. Л.А. Боброва

тру «Ом мани пад-мехум» (ил. 6, 2). Этот же мотив присутствует и на одном из шлемов, хранящихся в частной коллекции. На козырьке наголовья из Метрополитен, наряду с другими изображениями, также помещены силуэты пламенеющих черепов (ил. 6, 3, 4). Анализовавший шлем Д. Ла Рокка датировал его XIV–XVI вв. и атрибутировал его как «монгольский или тибетский»¹⁶. Однако «коробчатые» козырьки данного типа стали использоваться мастерами Центральной Азии не ранее XV в. Конструкция козырька и наверхия указы-

вает на монгольское или ойратское происхождение наголовья¹⁷. Учитывая тот факт, что буддизм стал широко распространяться среди позднесредневековых монголов в последней четверти XVI в., а среди ойратов с 10-х гг. XVII в., нижняя граница изготовления шлема может быть локализована концом XVI – началом XVII вв. Верхней границей является середина XVIII в., после чего шлемы подобной конструкции и декоративного оформления выходят из широкого обихода.

Второй шлем из Метрополитен (2001.53) также происходит с территории Тибета и имеет монгольское или ойратское происхождение (ил. 7). Для нашей темы особый интерес представляет тот факт, что декоративное оформление подвершия данного

наголовья напоминает аналогичный элемент шлема из ЦГМРК. Так, в частности, на нем фиксируется раскрытый цветочный бутон с каплевидными лепестками, а на нижней части подвешены помещены стилизованные изображения ромбических «кастов» (ил. 7, 2). Главное отличие заключается в том, что данные элементы на навершии шлема из ЦГМРК выполнены в технике так называемой обронной резьбы и инкрустации, а на шлеме из Метрополитен – в технике золотой и серебряной насечки по металлу. Тулья шлема № 2001.53 склепана из 31 железной пластины S-образной формы (ил. 7, 1). Вдоль левого края пластин прикреплен узкий бортик из медного сплава. Примерно по центру пластины выковано ребро жесткости, представляющее собой ярко выраженный и заостренный «гребень». К лицевой части шлема приклепан широкий «коробчатый козырек», выгнутый из одной железной пластины (ил. 7, 2).

Сопоставление конструкции и системы оформления тульи шлема из ЦГМРК с тульями шлемов, происходящих с территории Монголии и Тибета, показало, что все они были изготовлены по одной и той же технологии в рамках единой военно-культурной традиции. Учитывая данные факты, представляется возможным предположить, что тулья шлема из собрания ЦГМРК была изготовлена монгольскими или, наиболее вероятно, ойратскими (джунгарскими) мастерами XVII – середины XVIII вв. Подобная атрибуция в значительной степени объясняет и географию находок наголовий серии. На протяжении рассматриваемого периода Монголия, Тибет и Юго-Восточный Казахстан являлись объектом перманентной военной экспансии ойратских номадов. Часть данных территорий более столетия входили в состав созданного ими Джунгарского государства (1635–1758).

В то же время необходимо подчеркнуть, что не все шлемовые элементы были изготовлены одновременно с тульей. Некоторые из них могли быть добавлены к шлему позднее. Согласно центральноазиатской практике периода позднего Средневековья и раннего Нового времени качественно выполненные боевые наголовья часто использовались на протяжении длительного исторического периода (иногда на протяжении жизни нескольких поколений). При этом шлемовые элементы могли заменяться и модернизироваться с учетом вкусов новых владельцев наголо-

вья¹⁸. Анализ конструкции и системы оформления шлемовых элементов позволяет с высокой степенью достоверности реконструировать последовательность сборки и модернизации наголовья из ЦГМРК.

Весьма вероятно, что одновременно с тульей были изготовлены козырек, обруч и подвешные шлема. Мастера ойрато-казахского пограничья позднего Средневековья и раннего Нового времени нередко дополняли железную тулью шлемовыми элементами из медного сплава¹⁹. Характерный растительно-геометрический орнамент в виде вьющейся лозы, листья и бутоны которой складываются в стилизованные изображения парящей птицы с распластанными крыльями, был весьма популярен у мастеров Восточного Казахстана. Он представлял собой сочетание двух типов орнамента, известных среди казахов под названием «кос мюйиз» («торт кулак») и «гюльюю»²⁰. Однако подобный орнамент, нанесенный на поверхность «полки» козырька, обруч и подвешные шлема из ЦГМРК, не является исключительно казахским, как иногда полагают. Схожие (и даже аналогичные) орнаментальные мотивы присутствуют и на изделиях мастеров монголоязычных народов Центральной Азии²¹. Примечательно, что на упомянутом выше шлеме 2005.146 из Метрополитен стилизованные силуэты «парящих птиц» перемежаются А-образными символами буддийской мантры «Ом мани падмехум» (ил. 6, 2).

Традиция украшать предметы вооружения множеством округлых «гнезд», инкрустированных кусочками кораллов и бирюзы, характерна для изделий мастеров Мавераннахра позднего Средневековья и раннего Нового времени²². Однако схожее оформление встречается также на продукции казахских, уйгурских, ойратских, монгольских и тибетских ремесленников²³. Так, например, до нашего времени дошел джунгарский шлем, сочетающий стилизованную буддийскую символику с мелкими «гнездами» среднеазиатского образца²⁴.

Таким образом, козырек, обруч и подвешные шлема из ЦГМРК могли быть выполнены по обе стороны ойрато-казахской границы. Однако их ойратское происхождение (с учетом происхождения тульи наголовья) представляется все же более вероятным. При этом не исключено, что работы по гравировке и инкрустации шлемовых элементов были проведены среднеази-

атскими мастерами на джунгарской службе или ремесленниками Восточного Казахстана, присырдарьинских городов или Мавераннахра по заказу знатного джунгарского феодала. Примеры сотрудничества джунгарских и среднеазиатских мастеров неоднократно прослеживаются, как по материалам вещественных, так и письменных источников²⁵.

Пожалуй, самым оригинальным элементом конструкции шлема из ЦГМРК можно считать назатыльник, составленный из отдельных пластин прямоугольной формы. Ближайший аналог подобной конструкции фиксируется на позднесредневековом шлеме центральноазиатского или южносибирского производства из долины реки Ий в Туве. Однако у данного шлема из отдельных пластин выполнен не назатыльник, а обруч тульи. При этом используется не подвижное, а жесткое крепление²⁶. Вероятно, первоначально шлем был снабжен традиционной для центральноазиатского региона пластинчато-нашивной, ламеллярной или «мягкой» (стеганной на вате) бармицей, которая впоследствии была заменена на пластинчатый назатыльник.

Что касается надвершия шлема в виде пиковидного острия, то его происхождение достаточно прозрачно. Подобное декоративное украшение в целом не характерно для наголовий центральноазиатских кочевников эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени. Зато они являлись важным элементом оформления боевых наголовий «кула-худ» состоятельных воинов Передней Азии и других регионов мусульманского мира. Как показали специальные исследования, ранние варианты шлемов типа «кула-худ» появились в Иране еще в XVI в., а в XVII–XVIII вв. они получили широкое распространение в Западной, Средней и Южной Азии²⁷. Под влиянием моды на «кула-худ» переделке подвергались многие традиционные шлемы данных регионов. К ним добавлялись парные височные трубки-втулки, подвижные наносники-стрелки и, конечно, пиковидные надвершия²⁸. С высокой долей вероятности можно предполагать, что первоначально шлем из ЦГМРК был снабжен традиционной для региона трубкой-втулкой для плюмажа, которая впоследствии была заменена на пиковидное острие. В пользу данной версии свидетельствует тот факт, что отделка надвершия и его общая декоративная стилистика резко отличаются от оформления других шлемовых элементов, в том чис-

ле и пластины-основания наверхия (ил. 5, 2, 5). Модернизация наголовья могла быть проведена как джунгарскими оружейниками (поддерживавшими тесные контакты с ремесленниками Средней Азии), так и казахскими мастерами. В последнем случае подобные работы, вероятно, были осуществлены уже после того, как данный шлем попал в руки казахских кочевников в ходе торгового обмена, в качестве военного трофея или дипломатического подарка.

При подведении итога настоящего исследования представляется необходимым отметить следующие моменты. Хранящийся в собрании ЦГМРК шлем КП 25849/1 представляет собой исключительную научную и историко-культурную ценность. По качеству исполнения и уровню декоративного оформления он может быть отнесен к числу лучших образцов узкопластинчатых шлемов кочевников Евразии эпохи Средневековья и раннего Нового времени. В то же время нет никаких оснований считать его «типичной разновидностью шлемов казахских батыров XVII–XVIII вв.» Происхождение этого оригинального и богато оформленного наголовья связано с деятельностью оружейников, работавших в рамках ойрато-монгольской военно-культурной традиции. Наиболее вероятно, что узкопластинчатая тулья, а также козырек, обруч и подвершие шлема были изготовлены ойратскими оружейниками XVII – середины XVIII вв. Работы по гравировке и инкрустации шлемовых элементов могли быть проведены среднеазиатскими мастерами. В то же время подчеркнем, что наголовье использовалось на протяжении длительного исторического периода, подвергалось перделке и, по всей видимости, неоднократно меняло своих владельцев. В числе последних, вероятно, были и знатные казахские воины, к которым данный шлем мог попасть в ходе торгового обмена, в качестве дипломатического подарка или военного трофея. В ходе модернизации шлема трубка-втулка была заменена на пиковидное надвершие, имитировавшее аналогичный элемент на иранских шлемах «кула-худ». Вместо пластинчатой, кольчатой или стеганой бармицы к тулье был приклепан назатыльник оригинальной конструкции. Позднейшим элементом шлема следует считать кольчатую бармицу из сведенных колец.

¹ Исследование проведено в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 33.5677.2017/БЧ).

² Ахметжан К.С. Этнография традиционного вооружения казахов. Алматы: Алматыкитап, 2007. С. 152, 153, рис. 6, с. 156.

³ Бобров Л.А. Основные направления эволюции комплексов защитного вооружения народов Центральной, Средней и континентальной Восточной Азии второй половины XIV–XIX вв. Рукопись дис... д-ра ист. наук. Барнаул, 2011. С. 156.

⁴ Там же. С. 152, 156.

⁵ Там же. С. 221, 222, 254; Бобров Л.А. Иранские шлемы «кула-худ» в комплексе защитного вооружения тюркских кочевников Центральной Азии XVII–XIX вв. // *Historiaiswiat*. № 4, 2015а. С. 211, рис. 3, 7, с. 217.

⁶ Ахметжан К.С. Боевые шлемы казахов (история, истоки, традиции). Астана, 2015. С. 77, 78, рис. 5–7.

⁷ Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н. э.). М.: «Наука», 1993. Табл. LX 29–31.

⁸ Там же. Табл. LX 39, 42.

⁹ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Военное дело сяньбийских государств Северного Китая IV–VI вв. н. э. // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск: НГУ, 2005. С. 135–136.

¹⁰ Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. Ч. 1. С. 70.

¹¹ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Указ. соч. С. 177, 185, рис. 19, 8–21.

¹² Горбунов В.В. Указ. соч. С. 67, 70.

¹³ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Эволюция защитного вооружения чжурчженей и маньчжуров в периоды развитого и позднего Средневековья и Нового времени // Археология Южной Сибири и Центральной Азии эпохи позднего Средневековья. Новосибирск: «РТФ»; НГУ, 2003. С. 108–111.

¹⁴ Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М.: «Вост. горизонт», 2002. С. 71, рис. 3–4.

¹⁵ Бобров Л. А., Худяков Ю.С. Эволюция защитного вооружения чжурчженей... С. 154; La Rocca D. Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. N. Y., 2006. P. 75.

¹⁶ La Rocca D. Op. cit. P. 74–76.

¹⁷ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Фак. филол. и искусств СПбГУ, 2008. С. 416–478.

¹⁸ Бобров Л.А., Анисимова М.А. Шлемы казахско-ойратского пограничья из фондов ВИМАИВиВС // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Ч. 1. СПб.: ВИМАИВиВС, 2013. С. 261–268; Бобров Л.А. Иранские шлемы «кула-худ»... С. 211, 213–217.

¹⁹ Бобров Л.А., Анисимова М.А. Указ. соч. С. 272.

²⁰ Шевцова А.А. Казахский народный орнамент: истоки и традиция. М.: Московский фонд «Казахская диаспора», 2007. С. 23, 24, 150, табл. VII-3, рис. Б, 153, 156.

²¹ Кочешков Н.В. Народное искусство монголов. М.: Главная редакция восточной литературы изд. «Наука», 1973. Рис. 1, 2; La Rocca D. Op. cit. P. 75.

²² Художественное оружие из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб.: Славия, 2010. С. 96, 97; Бобров Л.А., Анисимова М.А. Центрально-

азиатские шлемы позднего Средневековья и раннего Нового времени из Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 3: Археология и этнография. С. 206; Анисимова М.А. Оружие Востока XV– первой половины XX века: из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб.: Атлант, 2013. С. 255, 261, 271, 276, 277.

²³ Маргулан А.Х. Казахское народное прикладное искусство. Алматы: Онер, 1986. Т. 1. С. 180; Его же. Казахское народное прикладное искусство. Резьба по дереву и кости. Художественная обработка металла и тиснение по коже. Алматы: Онер, 1994. Т. 3. С. 134–136, 217, 225, 229; Anthony C. Tirri. Islamic Weapons. Magrib to Moghul. New York: Indigo Publishing, 2003. P. 383; Каримова Р.У. Традиционные художественные ремесла и промыслы уйгуров. Алматы: «Дайк-Пресс», 2005; Armaments and Military Provisions. The Complete Collection of Treasures of the Palase Museum. Peking, 2008. 131–133; La Rocca D. Op. cit. P. 195, 216, 217; Бобров Л.А., Анисимова М.А. Центральноазиатские шлемы позднего Средневековья... С. 206.

²⁴ Бобров Л.А. Ойратский шлем с буддийской символикой из Южно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Ч. I. СПб.: ВИМАИВиВС, 2016. С. 264–272.

²⁵ Там же.

²⁶ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников... С. 424, рис. 152, 2, с. 426, 427.

²⁷ Бобров Л.А. Иранские шлемы «кула-худ»... С. 205–219.

²⁸ Там же. С. 213, 217, 218.

*Н.Л. Богданова (Старая Русса),
В.Г. Колотушкин (Великий Новгород)*

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БЛИННИКОВ В ДОКУМЕНТАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БЛИННИКОВ (1907–1985) – один из 86 Героев Советского Союза и Героев России – уроженцев Новгородской земли. Почти четверть века отдал военной службе, прошел Великую Отечественную войну в инженерных войсках, закончив ее командиром инженерно-саперного батальона. После увольнения в запас жил и работал в Тосно, был сотрудником Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

В основу данного биографического исследования легли документы Центрального архива Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ), которые доступны в электронной базе данных «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (наградные листы С.А. Блинникова), и Государственного архива Новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО) (письма С.А. Блинникова новгородскому ветерану партии и комсомола, краеведу Н.И. Котрбе, очерки и воспоминания о С.А. Блинникове). Своими воспоминаниями о встречах с героем, архивными находками и публикациями поделилась соавтор статьи Нина Леонтьевна Богданова – краевед из Старой Руссы, в прошлом руководитель музея завода «Химмаш» (бывший фанерный комбинат № 4), исследователь биографии С.А. Блинникова.

В фонде ГАНИНО выявлено 8 писем Н.И. Котрбе¹, самое раннее предположительно датируется 1974 г. 16 февраля 1974 г. Сергей Александрович писал: «Я вообще несколько смущен тем, что мы, совершенно незнакомые люди, вдруг завязали такую ак-

тивную переписку, меня также смущает Ваша настойчивость в желании приобщить меня в когорту славных ветеранов новгородского комсомола. Ну, скажу откровенно, какой я ветеран, случайное-попутное, на большой дороге жизни, пребывание в течение всего 2-х лет в сфере новгородчины². Не помню, не знаю даже тех, кто был в те годы рядом»³.

В конце 1960 – начале 1970-х гг. в Новгородской области шло создание местных советов ветеранов при партийных органах. В Москве и Ленинграде были сформированы новгородские «землячества». В Ленинграде существовало и старорусское «землячество» (его возглавлял писатель Г.В. Алехин-Масловский). Партийный архив активно проводил встречи ветеранов партии и комсомола, занимался сбором исторических материалов. С.А. Блинников был приглашен на слет ветеранов в Новгород, но отказался от активной работы в «землячестве». Позднее он писал Н.И. Котрбе: «Уяснил: я не тот, кто составляет “золотой фонд” новгородского комсомола и партии. Дал согласие откликнуться на приглашение выступить, как ветеран войны, воспитанный комсомолом новгородской земли, и только»⁴.

По результатам встречи партархив и Н.И. Котрба просили С.А. Блинникова передать на хранение в архив личные документы, автобиографию, фотографии. Сергей Александрович ответил обоснованным отказом: «Мой главный документ – это учетная карточка члена КПСС, но она в сейфе Г.К. КПСС – Тосно. Есть у меня, конечно, и дома документы, но передавать их в архив и жалко, и рановато. [...] В части Вашей просьбы о копии Указа и фотографии. Думаю, что копию делать не следует, тем более для публикации. Как бывший работник музея могу сказать, что к такому способу мы в своей работе не прибегали. В некоторых случаях давали фотокопию, и то под строгим контролем соответствующих органов»⁵, «Какой бы “красивой” ни была автобиография, она не может служить документом – она все равно должна быть подтверждена документально»⁶.

В письмах Сергей Александрович профессионально оценивал подлинность документов и фактов. Скромно умаляя собственную значимость для истории новгородского комсомола, он указывает на ошибки в освещении некоторых событий прошлого в публикациях других ветеранов, уточняет даты партийной истории. От других ветеранов он требовал исторического

подхода к описанию прошлого, говорить правду, а не «пускать пыль в глаза» молодежи – «грамотных и все прекрасно понимающих ребят»⁷.

В 1974 г. С.А. Блинников писал, что поддерживает связь с более чем 80-тью товарищами, из них лишь двое были его друзьями детства. Один из них – Василий Александрович Цюк – в 1920-е гг. также находился на комсомольской работе, был секретарем Старорусского горкома ВЛКСМ, впоследствии жил в Ленинграде⁸.

В переписке С.А. Блинников ограничивался сообщением основных вех своей биографии, иногда уделяя больше внимания только своей комсомольской работе в 1920-е гг.⁹ Информация из его писем, наградных документов и воспоминаний Н.Л. Богдановой позволяет восстановить жизненный путь героя.

С.А. Блинников родился 20 декабря 1907 г. в Старой Руссе в семье служащего. Его отец Александр Павлович Блинников работал приказчиком у купца Вознесенского на Покровской ул., д. 19 (позднее – ул. Возрождения), умер в 1917 г. Мать, Зоя Михайловна, работала портнихой, после – паспортисткой полицейской управы, служила в адресном столе милиции. В семье было пятеро детей: у Сергея Александровича было две старшие и две младшие сестры.

В 1914–1918 гг. Сергей учился в церковно-приходской 4-классной школе, позднее преобразованной в трудовую школу. С 1918 по 1924 гг. помогал семье случайными заработками. Известно, что в это время он работал в артели «Землероб»: занимался ковкой плугов у кузнецов, выпаривал соль (традиционный промысел в Старой Руссе), ездил по деревням, обменивая соль на продукты. В феврале 1924 г. вступил в комсомол, в феврале 1928 г. был принят кандидатом в члены ВКП(б). В это время, с сентября 1924 по сентябрь 1928 г. чернорабочим в циркульном цехе фанерного комбината № 4 в Старой Руссе. Работать пошел подростком, на 6-часовой рабочий день.

В сентябре 1928 г. был направлен на учебу в Новгородскую двухгодичную окружную совпартшколу 2-й ступени (ул. Московская, д. 56), которую окончил на полгода раньше срока – в марте 1930 г. Во время учебы был секретарем комсомольской ячейки школы, в феврале 1929 г. стал членом ВКП(б). В 1929 г., продолжая учиться в Новгороде, был избран представителем от

фанерного комбината № 4 в Старорусскую районно-городскую военно-спортивную шефскую комиссию¹⁰.

В марте 1930 г был направлен на должность ответственного секретаря в Черновский райком ВЛКСМ Ленинградской области (ныне – деревня Черное Батецкого района Новгородской области), в июне 1930 г. – в Крестецкий райком ВЛКСМ.

О работе в комсомоле вспоминал в письмах так: «1924 год, не все у нас было хорошо, была безработица. Страну, партию постигло горе (смерть В.И. Ленина. – *Авт.*), а вот мы, мальчишки, девчонки 15-16 лет (я родился в декабре), нашли свою единственную дорогу, она не давала нам никаких преимуществ, а усложняла нашу жизнь. На большой улице было 2-3 комсомольца, и для улицы мы не комсомольцы, а косо-мольцы, и если не смертельно опасно, то и не безопасно нам бывало»¹¹, «Жизнь комсомола – это буриме, многочасовые собрания, митинги, культпоходы в село с выступлениями перед сельской молодежью. А учеба в Совпартшколе!? Выезды на практику с проведением работы на селе по коллективизации, которую практически мы и сами-то мало понимали, т. е. мы верили, что это надо, но не знали, как это надо осуществить практически и с большей пользой для дела. Не приходится говорить о том, что, слабым в науках, нам надо было понять и усвоить вершины высокой социально-политической науки и вопреки утверждениям буржуазных идеологов доказать свою способность усвоить эти науки»¹².

Одним из любимых занятий всю жизнь для него оставался спорт. Сергей Александрович увлекался лыжами, легкой атлетикой. В 1927 г. шесть парней с фанерной фабрики, в том числе С.А. Блинников, совершили ночной переход на весельной лодке из Старой Руссы в Новгород за 12 часов, в 1928 г. в составе сборной команды Новгородского округа он участвовал в 1-й Ленинградской областной спартакиаде. В годы военной службы неоднократно участвовал в первенствах Красной (Советской) армии, обществ «Динамо», «Спартак». В 1948 г. участвовал в первенстве СССР в Харькове.

В 1930–1937, 1941–1956 гг. С.А. Блинников служил в Красной (позднее Советской) армии. Впервые он был призван в октябре 1930 г. и направлен в 4-й Украинский полк ОГПУ, который дислоцировался в Харькове, позднее – в Киеве. С марта 1931-го по апрель 1932 г. проходил обучение в одногодичной 1-й школе пог-

раничной и внутренней охраны ОГПУ им. К.Е. Ворошилова в Новом Петергофе, после чего продолжал службу в своей воинской части на различных должностях: с апреля 1932 г. – политрук взвода, с ноября 1932 г. – инструктор физкультуры, с апреля 1933 г. – помощник командира дивизиона по политчасти, с марта 1936 г. – инструктор физкультуры. В 1936 г. окончил три курса вечернего комвуза. В один из приездов в Старую Руссу С.А. Блинников женился на Люции Эдуардовне Левин (Леване).

В августе 1937 г. Сергей Александрович вернулся к гражданской жизни, работал инспектором учебного отдела областного совета добровольного спортивного общества «Спартак» в Днепропетровске. В 1938 г. был арестован, значительное время провел в заключении¹³. С началом войны С.А. Блинников готовил бойцов народного ополчения.

Был призван Красногвардейским РВК Днепропетровска 17 августа 1941 г. Начал войну в звании лейтенанта – закончит в звании майора. Воевал на Южном фронте, с 23 августа 1942 г. – на Юго-Восточном, Сталинградском фронтах, с 14 января 1943 г. – вновь на Южном фронте (с 20 октября 1943 г. – 4-й Украинский фронт), затем – на 1-м Украинском фронте. Его боевой путь: Днепропетровск – Сталинград – Миус – Донбасс – Крым – Сандомирский плацдарм – Одер – Ниса – Дрезден – Прага. Был трижды ранен.

После призыва в РККА С.А. Блинников был назначен командиром саперной роты, набранной из рабочих завода в Днепропетровске. 31 июня 1942 г. как командир 1-й роты 1602-го отдельного саперного батальона С.А. Блинников получил специальное задание командующего войсками Сталинградского фронта. Участки его обслуживания определялись пунктами: село Ивановка, станция Тундутово, хутора Хараусун, Червлёный, Кашары, Андреевка Сталинградской области¹⁴. 17 июля 1942 г. началась Сталинградская битва, непосредственным участником которой с первого до последнего дня был старший лейтенант С.А. Блинников, с 15 августа 1942 г. – командир 1-й роты минных заграждений 216-го батальона инженерных заграждений 43-й отдельной инженерной бригады специального назначения Сталинградского фронта.

Бои в городе и на подступах к нему шли непрерывно. В условиях городского боя саперам приходилось расчищать ходы

в развалинах, обеспечивать прикрытие боевых средств минными заграждениями. Инженерные работы проводились только в ночное время, в том числе установка и снятие мин происходили в темноте. С 1 августа по 13 сентября 1942 г. в районе к югу от Сталинграда рота С.А. Блинникова установила 6747 противотанковых мин, на которых, по неполным данным, противник потерял 8 танков, 6 солдат и 3 автомашины. В ночь на 8 октября 1942 г., несмотря на интенсивный огонь и бомбардировки противника, рота провела постановку минных полей (установлено 128 мин) в полосе обороны 109-го гвардейского стрелкового полка 37-й гвардейской стрелковой дивизии 62-й армии. За отличие в этих боях С.А. Блинников был награжден первым орденом Красной Звезды (приказ войскам Сталинградского фронта от 13 декабря 1942 г. № 109/н)¹⁵.

С 15 ноября 1942 г. С.А. Блинников занимал должность заместителя командира батальона, 13 марта 1943 г. получил назначение командиром батальона.

В сентябре 1943 г. 214-й батальон инженерных заграждений 43-й отдельной инженерной бригады специального назначения 5-й ударной армии Южного фронта под командованием капитана С.А. Блинникова обеспечивал наступление частей 5-й ударной армии: в районе населенных пунктов Куйбышево, Семеновский и Амвросиевка Сталинской области было установлено около 6 тысяч противотанковых мин, на которых подорвались более 5 танков, сорвано 2 контратаки противника. Для обеспечения маневра наступающих частей батальоном было обезврежено свыше 6 тысяч различных мин, из них 500 – при проделывании проходов через инженерные заграждения противника на реке Миус. С.А. Блинников был награжден орденом Красного Знамени (приказ войскам 4-го Украинского фронта от 25 декабря 1943 г. № 46/н)¹⁶.

Впоследствии Сергей Александрович продолжал войну в рядах 23-й моторизованной штурмовой инженерно-саперной бригады. В 1943 г. эта бригада была награждена орденом Красного Знамени. За отличие в боях по освобождению Крыма ей было присвоено наименование «Перекопской». 22 июля 1944 г. С.А. Блинников присутствовал на приеме в Кремле при вручении 23-й Перекопской моторизованной штурмовой инженерно-саперной бригаде ордена Суворова 2-й степени. Награду

вручил Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР Н.М. Шверник¹⁷.

За отличие при штурме Перекопа, освобождении Армянска Крымской АССР, Севастополя (апрель – май 1944 г.) С.А. Блинников был награжден вторым орденом Красной Звезды (приказ войскам 2-й гвардейской армии от 9 мая 1944 г. № 34/н)¹⁸.

Как командир 107-го отдельного моторизованного инженерно-саперного батальона 23-й Перекопской моторизованной штурмовой инженерно-саперной бригады 13-й армии 1-го Украинского фронта майор С.А. Блинников участвовал в обеспечении переправ через реки Днепр, Западный Буг, Сан. Был тяжело ранен в 1944 г. при форсировании Вислы и захвате плацдарма в районе Сандомира. В ходе Висло-Одерской наступательной операции батальон участвовал в освобождении города Кельце (освобожден 15 января 1945 г.). Действуя впереди передовых частей, батальон под сильным огнем противника первым форсировал Одер южнее города Штейнау (ныне Сцинава Нижнесилезского воеводства Республики Польша), захватил плацдарм, навел одну ледяную и три мостовые переправы и обеспечил выход соединений и частей 27-го стрелкового корпуса (112-я стрелковая дивизия, 6-я гвардейская стрелковая дивизия и др.) на левый берег. В бою С.А. Блинников был ранен, но поля боя не покинул. 10 апреля 1945 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза¹⁹. Вручение медали «Золотая Звезда» № 2408 и ордена Ленина состоялось в Германии перед полком, высокие награды Сергей Александрович получил из рук начальника инженерных войск 1-го Украинского фронта генерал-полковника инженерных войск И.П. Галицкого. Грамота Президиума Верховного Совета СССР № 9457 была получена С.А. Блинниковым 2 ноября 1945 г. Батальону было присвоено наименование «Келецкого». Бригада за форсирование Одера получила орден Кутузова 2-й степени, батальон – орден Красной Звезды. Всего за форсирование Одера в инженерных частях фронта звания Героя Советского Союза было удостоено 15 человек²⁰.

19–21 февраля 1945 г. майор Блинников, командуя батальоном, находился в порядках 280-й стрелковой дивизии. Под его руководством батальон штурмовал Бенау (ныне Бенюв Любушского воеводства Республики Польша), прорвал кольцо обороны противника и первым вышел на соединение со 121-й стрел-

ковой дивизией, которая несколько дней находилась в окружении. За отличие в этих боях награжден орденом Отечественной войны I степени (приказ войскам 13-й армии от 14 марта 1945 г. № 76/н)²¹.

Уже в первой половине мая 1945 г. С.А. Блинников побывал в Берлине, у поверженного Рейхстага.

Отвечая на вопросы Н.Л. Богдановой, Сергей Александрович говорил, что самым тяжелым боем, в котором он участвовал, был штурм Сапун-горы в Крыму. А самым памятным событием послевоенного времени для него стали Парад Победы и торжественный прием в Кремле в июне 1945 г. Пригласительный билет № 0194 от имени Правительства Союза СССР был подписан комендантом Кремля генерал-лейтенантом Н.К. Спиридоновым. Прием состоялся 25 июня 1945 г. в 20 часов в Малом зале Большого Кремлевского дворца. С.А. Блинников участвовал в Параде Победы 24 июня 1945 г. в составе сводного батальона Героев Советского Союза.

Только в сентябре 1947 г. Сергей Александрович встретился с женой, Люцией Эдуардовной, с которой он расстался в 1941 г. в Днепропетровске. Она не успела эвакуироваться, а 25 августа город был оккупирован. Л.Э. Блинникова была направлена немцами на дорожные работы, работала в немецкой столовой. В одну из облав была угнана в Германию, где работала прислугой на хуторе в 70 км от Берлина. Освобождена 1 мая 1945 г. После освобождения работала в столовой советской комендатуры. Она хранила справки о работе в частях: Гранзее, п/п 52703; п/п 43713; Бауска, детский лагерь № 226; в/ч п/п 67919.

В 1945–1946 гг. С.А. Блинников окончил академические курсы усовершенствования офицерского состава при Военно-инженерной академии им. В.В. Куйбышева. Служил в инженерных частях в Костроме, Одессе, с августа 1949 г. – на Дальнем Востоке (Сахалин, Камчатка, остров Итуруп Курильской гряды), с 1954 г. – в Калининградской области. В 1956 г. в Черняховске Калининградской области уволился в запас в звании подполковника с должности командира отдельного саперного батальона.

Сергей Александрович с семьей переехал в поселок Тосно Ленинградской области – 5 апреля 1956 г. Блинниковы купили старый дом, который они отремонтировали и перестроили в 1959 г. «Поселился в маленьком домике на окраине, перестроил его сво-

ими руками [...], в окружении чудесных цветов и любимых домашних животных» – писала в 1975 г. в своем очерке «Его путь к Победе» А.В. Лебедева²². В следующем году после переезда С.А. Блинников взял к себе свою мать (умерла в 1963 г.).

Работал инструктором Тосненского районного комитета КПСС, затем – председателем Тосненского поселкового Совета депутатов трудящихся Ленинградской области. Ему было присвоено звание Почетного гражданина Тосно. В 1968–1972 гг. С.А. Блинников работал научным сотрудником Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в Ленинграде, сопровождал и комментировал выставку «Боевой путь инженерных войск» во многих городах СССР, вел работу лектора-пропагандиста по военно-патриотическому воспитанию как член общества «Знание». Сергей Александрович так писал о годах работы в музее: «Очень интересная работа. Много ездил по стране – проехал от Печенги до Фрунзе и от Бреста до Комсомольска-на-Амуре. Масса чудесных встреч и впечатлений. Более 100 крупных городов, из которых я имею грамоты, памятные подарки и книги с надписями от воинов, школьников, комсомольцев, собралось у меня в шкафу»²³.

В 1976 г. С.А. Блинников закончил свою трудовую деятельность, с 1967 г. – персональный пенсионер союзного значения.

Сергей Александрович не забывал земляков, поддерживал прочную связь со Старорусским горкомом ВЛКСМ, неоднократно бывал в Старой Руссе, в том числе на праздновании 50-летия старорусского комсомола. 21 августа 1965 г. он участвовал во встрече староруссцев-земляков в городском Доме культуры²⁴. С.А. Блинников приезжал и в Новгород (за 4 дня он провел 13 выступлений), в Маловишерский район. Позже он писал Н.И. Котрбе, что хотел бы побывать в других районах Новгородской области, выступить перед школьниками, привезти знамена («очень эмоционально это выглядит»), если будет обращение от областного руководства к начальнику музея²⁵.

В 1970-е гг. во время встречи с рабочими завода «Химмаш» в красном уголке цеха № 1 Сергея Александровича впервые увидела Н.Л. Богданова, тогда работавшая на заводе. В марте-апреле 1984 г. она дважды приезжала в Тосно, записала рассказы Сергея Александровича и Люции Эдуардовны, ознакомилась с личными документами, сфотографировала С.А. Блинникова (ил. 1),

**Ил. 1. Сергей Александрович Блинников.
Тосно. 26–27 апреля 1984 г.
Фото Н.Л. Богдановой**

получила разрешение на копирование грамоты Президиума Верховного Совета о присвоении звания Героя Советского Союза. После кончины героя, уже 14 февраля 1992 г. Нина Леонтьевна передала материалы в музей Северо-Западного фронта: рукописную справку, фотографии (негативы и позитивы), некролог, книгу И.П. Галицкого «Дорогу открывали саперы», копию грамоты Героя Советского Союза.

В июне 1984 г. внезапно скончалась жена Сергея Александровича. Ему предоставили однокомнатную квартиру в но-

вом доме, но состояние здоровья героя ухудшалось. Последнее время с ним была его сестра Мария Александровна Степаненко. С.А. Блинников умер 7 октября 1985 г. Похоронен на городском кладбище в Тосно (участок почетных граждан). Именем С.А. Блинникова названа улица в этом городе²⁶, на здании средней школы № 2 установлена мемориальная доска.

Однополчане откликнулись на печальную весть о смерти бывшего комбата. Отрывки из их писем были опубликованы в газете «Ленинское знамя» (орган Тосненского городского комитета КПСС и Тосненского городского Совета народных депутатов) 18 декабря 1985 г. (№ 202 (10369). С. 3). Герой Советского Союза, бывший командир отделения 107-го Келецкого отдельного моторизованного инженерно-саперного батальона

Н. Короткий (Краснодар): «Я прошел с Сергеем Александровичем по огненным дорогам с 1943 по 9 марта 1945 года. Если бы не потерял ногу, может, дошел бы до Берлина с любимым комбатом. Хороший человек был мой комбат. Какой он был сильный духом и смелый! Он никогда не называл нас солдатами, а всегда – “сынками”. Говорил: “Сынки, вот решим эту задачу и отдохнем”»; В. Рыжих (Новая Каховка): «Вот получил открытку от однополчанина [...]. Он пишет, что ушел из жизни наш “ба-тя” – Сергей Александрович. Нет предела нашей скорби об этом замечательном человеке, Герое, нашем отце, товарище»; М. Маклаков (Горький): «Ему я обязан жизнью во время исполнения воинского долга, особенно в Сталинградской битве»; П. Онохов (Ленинград): «Все мы глубоко уважали и любили Сергея Александровича. Мы помним его юношеский задор, умение создать у всех хорошее настроение, его простоту в обращении с людьми, его теплоту»; А. и Ф. Шаровы (Львов): «Все мы знали его как человека большой души, отзывчивого сердца, мудрого, пламенного патриота, Героя нашей Родины. Помним его страстные, высокопатриотические выступления перед молодежью, молодыми воинами. Он учил их любить Родину, как любил ее сам. Он был от природы одарен всем: смелостью, умом, талантом выражать свои мысли в стихах»²⁷. Сергей Александрович любил поэзию и даже в личной переписке находил нужные поэтические строки, чтобы описать свои мысли и переживания.

С.А. Блинников был удостоен многих государственных наград. Он был награжден двумя орденами Ленина (1945, 1956), двумя орденами Красного Знамени (1943, 1954), двумя орденами Отечественной войны I степени (1945, 1985), тремя орденами Красной Звезды (1942, 1944, 1949), медалями «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», юбилейными медалями. В 2015 г. его память была увековечена на Аллее Героев в Старой Руссе.

6 апреля 2015 г. Указом Президента Российской Федерации № 175 городу Старая Русса было присвоено почетное звание Российской Федерации «Город воинской славы». В том, что этот древний город был удостоен такого высокого звания, есть вклад и Сергея Александровича Блинникова – воина, руководителя, патриота и Человека.

- ¹ ГАНИНО (Государственный архив Новейшей истории Новгородской области). Ф. 1667. Оп. 2. Д. 122. Л. 59–60 об.; Д. 466. Л. 28–43 об. Одно письмо из восьми сохранилось частично (Д. 466. Л. 42–43 об.).
- ² С.А. Блинные имеет в виду 1928–1930 гг. (учеба в Новгородской окружной совпартшколе 2-й ступени и работа секретарем райкома ВЛКСМ в Черновском и Крестецком районах).
- ³ ГАНИНО. Ф. 1667. Оп. 2. Д. 466. Л. 33.
- ⁴ Там же. Л. 28.
- ⁵ Там же. Л. 31–31 об.
- ⁶ Там же. Л. 34.
- ⁷ Там же. Л. 35.
- ⁸ О В.А. Цюке см.: Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7247.
- ⁹ Там же. Ф. 1667. Оп. 2. Д. 466. Л. 31 об.–32.
- ¹⁰ Там же. Ф. 268. Оп. 1. Д. 84. Л. 4а.
- ¹¹ Там же. Ф. 1667. Оп. 2. Д. 466. Л. 42.
- ¹² Там же. Л. 3–6.
- ¹³ Степаненко М.А. Забыть не в силах // Ленинское знамя. 1988. 2 дек.
- ¹⁴ ГАНИНО. Ф. 1667. Оп. 2. Д. 156. Л. 4.
- ¹⁵ ЦАМО РФ (Центральный архив Министерства обороны РФ). Ф. 33. Оп. 682525. Д. 172. Л. 95 (электронная база данных (далее ЭБД) «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»).
- ¹⁶ Там же. Оп. 686044. Д. 4306. Л. 10 (ЭБД «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»).
- ¹⁷ ГАНИНО. Ф. 1667. Оп. 2. Д. 466. Л. 32 об.
- ¹⁸ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 1435. Л. 264 (ЭБД «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»).
- ¹⁹ Там же. Оп. 793756. Д. 6. Л. 118 (ЭБД «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»).
- ²⁰ Галицкий И.П. Дорогу открывали саперы. М., 1983. С. 256.
- ²¹ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 6633. Л. 95 (ЭБД «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»).
- ²² ГАНИНО. Ф. 1667. Оп. 2. Д. 156. Л. 2.
- ²³ Там же. Д. 466. Л. 42 об.
- ²⁴ Петрова Т. Земляки держат совет // Старорусская правда. 1965. 24 авг. № 133. С. 4.
- ²⁵ ГАНИНО. Ф. 1667. Оп. 2. Д. 466. Л. 42 об.
- ²⁶ Тихомирова Р.В. Пройдемся по тосненским улицам...: Рекомендательный указатель литературы. Тосно, 2008.
- ²⁷ ГАНИНО. Ф. 1667. Оп. 2. Д. 156. Л. 11.

А.В. Бодров (Санкт-Петербург)

ФРАНКО-АМЕРИКАНСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СФЕРЕ АВИАЦИИ*

АРМИЯ США на момент вступления в апреле 1917 г. этой страны в Первую мировую войну во всех отношениях была плохо готова к участию в боевых действиях в Европе. Развивавшийся на глазах американцев на протяжении трех лет мировой конфликт сам по себе не стал стимулом для кардинальной военной реорганизации. Американские военно-воздушные силы, в частности, насчитывали всего 55 аэропланов устаревших типов¹. Не располагали США и развитой авиационной промышленностью. Большинство производителей, получавшие правительственные заказы для нужд американской армии и флота, выпускали не больше десятка крылатых машин в год.

Все вместе это обусловило широкое сотрудничество американцев со своими европейскими союзниками. Одним из направлений этого сотрудничества стала помощь в вооружении американских экспедиционных сил (АЕФ). При этом именно франко-американские союзные военно-технические связи в области авиации приобрели наиболее масштабный характер². Британская военная промышленность с трудом обеспечивала потребности собственных ВВС, «излишков» техники для американцев у Лондона не было. Более того, Великобритания сама в значительной мере зависела от поставок авиамоторов для истребителей из Франции.

В основу программы развития американской авиации легло послание главы французского правительства Александра Рибо президенту Вудро Вильсону, в котором США предлагалось

* Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-1-00220.

придать АЕФ авиационный корпус численностью в 4500 самолетов. Для сравнения, французская программа, принятая в марте 1917 г., предусматривала за год довести число самолетов на фронте до 2665 штук (затем планка была поднята до 2870)³. Совместными усилиями французам и англичанам удавалось поддерживать примерный паритет в воздухе с противником на Западном фронте. Именно с помощью США, таким образом, предполагалось достичь решающего перевеса.

С учетом того, что военная промышленность Франции и Великобритании работала на пределе своих возможностей, союзники очень рассчитывали на неисчерпаемые ресурсы заокеанской державы. Для выполнения амбициозных планов по обеспечению американских сил в Европе боевой авиацией, США должны были выйти на уровень производства в 2 тыс. самолетов и 4 тыс. авиационных двигателей в месяц. Взамен европейцы предлагали свое полное содействие в освоении американскими заводами производства новейших моделей аэропланов.

Американцы с готовностью приняли вызов, и комиссия американских экспертов под руководством генерала Бенджамина Фулуа разработала программу создания к 1 июля 1918 г. 22 625 аэропланов и свыше 45 тыс. авиационных двигателей. Уже в июле 1917 г. года американский Конгресс ассигновал огромную сумму в 640 млн. долларов для развертывания массового авиационного производства в стране⁴.

В Европу была направлена представительная миссия полковника Рейнала Боллинга, призванная отобрать необходимые образцы. В августе 1917 г. комиссия приняла окончательное решение о производстве в США английского двухместного бомбардировщика Де Хэвилленд (DH-4), который предполагалось оснащать американским двигателем «Либерти». Первые серийные образцы были готовы для отправки на Западный фронт к маю 1918 г. Аэропланы прибывали в разобранном виде и собирались в сборочных цехах авиационного завода во французском Роморантене. В силу ряда причин, из 3431 произведенного США по английской лицензии бомбардировщика DH-4 к моменту окончания войны фронта достигло лишь 196 штук⁵.

Что касается истребительной и наблюдательной авиации, то выбор американцев пал на французские модели. Командующим американскими экспедиционными силами в Европе генералом

Дж. Першингом и французским министром авиации Ш. Даниэль-Венсеном 30 августа 1917 г. было подписано соглашение, согласно которому Франция обязалась поставить до 1 июня 1918 г. – времени, к которому ожидалось развертывание полномасштабного американского авиастроения – 5 тыс. самолетов (1,5 тыс. Бреге-14, 2 тыс. СПАД-7 и 1,5 тыс. Ньюпор) и 8,5 тыс. моторов. США, в свою очередь, обязались предоставить необходимое сырье, 1 тыс. станков с 10 тыс. рабочих-станочников и 10 тыс. механиков⁶.

В октябре 1917 г. американское военное ведомство также заказало крупнейшей на тот момент американской авиастроительной фирме «Кёртис» производство 3 тыс. СПАД-7 по французской лицензии. Однако уже в декабре 1917 г. контракт был аннулирован, когда стало ясно, что даже к лету 1918 г. необходимого для АЕФ количества истребителей получить не удастся. Кроме того, истребительная авиация развивалась в годы Первой мировой войны особенно быстрыми темпами, и возникала опасность того, что ко времени своего появления на фронте произведенные американцами истребители окажутся устаревшими. Все это предопределило то, что американское правительство предпочло приобретать аэропланы у французов напрямую в обмен на поставки сырья⁷.

Французское командование в полной мере осознавало, что 1918 год откроется отчаянными усилиями со стороны Центральных держав добиться решающей победы до прибытия на Западный фронт американцев. В этой связи, скорейшая помощь американцев их союзникам приобретала огромное значение. Командующий французскими силами на Западном фронте генерал Петэн полагал, что «именно в сфере авиации Америка может оказать нам в 1918 г. наиболее полезное содействие. Это по праву самое необходимое оружие, оружие, которое станет предметом наибольших усилий противника, оружие, которое Америка с помощью Франции быстрее всего может привести в боевую готовность»⁸. Развитие именно этого рода войск, к тому же, в наименьшей степени сковывалось обострившейся проблемой нехватки торгового тоннажа.

По мысли французского командования, большая часть американских военно-воздушных сил должна была исполнить стратегическую роль в операциях союзников. Планами предусматри-

валось создание четырех группировок американской стратегической авиации: группировку в Шампани предполагалось оснастить преимущественно истребителями, а три остальные – в Барруа, а также во французских частях Эльзаса и Лотарингии – бомбардировщиками. Главной целью последних должны были стать коммуникации во вражеском тылу, дабы лишить немцев возможности с прежней эффективностью перебрасывать свои войска с одного участка фронта на другой.

Эти авиagrуппы должна была отличать максимальная мобильность для быстрого сосредоточения на нужном участке фронта. Непременным условием для этого было создание необходимого числа новых аэродромов, но у Франции к этому моменту уже попросту не было свободной рабочей силы, чтобы решить эту задачу в одиночку, без помощи США. Помощь США в развитии инфраструктуры поэтому признавалась ничуть не менее ценной, чем непосредственное участие в боевых действиях⁹. С помощью американцев союзники рассчитывали приобрести 3-4-кратное превосходство в воздухе над противником.

Французское командование при этом, несомненно, ориентировалось на грандиозные цифры первоначальной программы развития американской авиации, предусматривавшей создание к концу 1918 г. 260 фронтовых эскадрилий, плюс 126 учебных и запасных, летный состав которых, к тому же, превышал бы французские. Однако уже к началу 1918 г. стало ясно, что эта программа невыполнима. Теперь Першинг считал возможным к 1 апреля иметь во Франции 100 эскадрилий, чья подготовка должна была закончиться к 30 июня. Из них 60 предполагалось задействовать на фронте, а 40 оставшихся – в качестве учебных, дабы обеспечить постоянное пополнение кадрами¹⁰. Но и эти планы были сорваны.

К весне 1918 г. стало ясно, что вследствие нехватки сырья и необходимого персонала французская авиационная промышленность не в состоянии справиться с контрактными обязательствами перед США. Соглашение от 30 августа было расторгнуто, и вместо этого 3 мая 1918 г. Франция взяла на себя обязательство обеспечивать АЕФ всем необходимым наравне с собственными авиационными частями пропорционально прибывающим на континент американским подразделениям¹¹. Американцы получали эскадрильи полностью укомплектованными по штатам

французской армии, включая не только вооружение и боеприпасы, но и автотранспорт, фотолаборатории, радиотелеграф и все необходимые для обслуживания инструменты.

Наиболее значительным вкладом американской авиационной промышленности в военные усилия союзников стало производство 12-цилиндрового двигателя «Либерти». В течение 1918 г. удалось увеличить ежемесячный выпуск этих двигателей с 40 штук до 3878 (октябрь). Всего за год было произведено свыше 13,5 тыс. таких двигателей, а в 1919 г. США были готовы произвести 48 тыс.¹² Однако, и здесь ситуация не соответствовала ожиданиям союзников, поскольку число произведенного оказалось существенно меньше их годовой потребности в таких двигателях, исчислявшейся в 25 тыс. штук.

Франция, в частности, претендовала на скорейшее предоставление ей 4 тыс. двигателей «Либерти» для оснащения собственной авиации и еще 2 тыс. – для французских самолетов, передаваемых американцам. Ее представители настаивали на «режиме наибольшего благоприятствования» при распределении двигателей «Либерти». Франция, как они доказывали, заслужила это право самым масштабам своих военных усилий. Сверх того, именно она обеспечивала АЕФ значительным числом техники. Наконец, Франция имела право рассчитывать на «особое внимание» к ее нуждам в вооружениях, поскольку именно французская армия удерживала фронт наибольшей, по сравнению с ее союзницами, протяженности¹³. Подобная аргументация была весьма показательна и отражала общий подход французского руководства во взаимоотношениях с союзниками в целом, и с США в частности. Однако необходимого для переуступки союзникам «избытка» в авиадвигателях американцы достигли лишь осенью 1918 г.¹⁴

Еще одной проблемой франко-американского сотрудничества в сфере авиации стало отсутствие в двусторонних соглашениях четкого регулирования количества и марок предоставляемых французами самолетов¹⁵. Первые американские авиационные части завершили свою подготовку и стали прибывать на Западный фронт в феврале-марте 1918 г., что сделало актуальным вопрос об их оснащении. Американское командование претендовало на самую современную технику: новейшие аэропланы фирмы «Сальмсон» и одноместные истребители СПАД-13,

серийное производство которых во Франции только-только началось. Першинг мотивировал эту просьбу тем вниманием, что было приковано к действиям первых эскадрилий Signal Corps не только в армии, но и «всей Америки»¹⁶.

Однако весной 1918 г. французское правительство отказалось удовлетворить притязания своего американского союзника ввиду того, что производство новейших моделей затребованных самолетов еще исчислялось десятками штук. Представитель французского командования прибавлял к этому необходимость приберечь «Сальмсоны» и одноместные СПАДы для предстоящих операций, тогда как американские части размещались на спокойном участке фронта в Лотарингии, где новейшей технике было меньше дела. Командование опасалось также неприятного впечатления, которое могла произвести эта ситуация на французских пилотов, вынужденных по-прежнему подниматься в небо на устаревших моделях¹⁷.

С 14 февраля 1918 г. эскадрилья «Лафайет», в которой сражались американские пилоты-добровольцы, перестала считаться французской и перешла в подчинение военно-воздушным силам АЕФ. Первая собственно американская эскадрилья появилась на Западном фронте в марте 1918 г. Тогда же американцам были переданы первые 148 самолетов для обучения пилотов в тылу и 48 штук – для полетов в прифронтовой зоне¹⁸.

Говоря об участии Франции в подготовке американских пилотов, следует отметить, что и здесь Париж считал принципиально важным построить обучение по французским принципам. Поэтому в числе задач, поставленных перед главой французской военной миссии при штабе АЕФ, было настоять на том, чтобы американские военно-воздушные силы заимствовали у французской армии методы корректировки огня с воздуха¹⁹. Эта задача облегчалась отсутствием у американцев своей доктрины и уставов.

Французам приходилось бороться также с британским влиянием, поскольку в ряде случаев французские и британские принципы вступали друг с другом в противоречие. На протяжении всего 1918 г. английская авиационная миссия в США, в частности, настаивала, что бомбометание должно осуществляться пилотом. Вашингтон неизменно переадресовывал этот вопрос на рассмотрение генерала Першинга. Французские же военные пред-

ставители столь же последовательно добивались от Першинга подтверждения его желания иметь специально обученных специалистов по бомбометанию в соответствии с французской методикой²⁰.

Уже в начале января 1918 г. во Франции в летных школах в Иссудене, Туре и Сен-Маклене проходило подготовку свыше 1,5 тыс. американских пилотов. Для сравнения, в Италии на разных этапах подготовки находилось 296 пилотов, в Великобритании – 190²¹. В дальнейшем пропорция в еще большей степени изменилась в пользу Франции. В качестве завершающего этапа подготовки часть американских летчиков и других специалистов проходила 6–8-недельную стажировку во французских эскадрильях²². Подобное решение не только позволяло американцам быстрее приобрести необходимый опыт для формирования собственных летных частей, но и давало хотя бы части французских пилотов остро необходимую передышку.

В самих США к лету насчитывалось порядка 1,8 тыс. человек, имевших диплом пилота, но лишенных летной практики из-за острой нехватки тренировочных аэропланов, которые также приходилось приобретать у Франции. При этом генерал Марч, глава генерального штаба американской армии, предпочитал, чтобы эти самолеты поступали в распоряжение американских летных школ во Франции, а не отправлялись в США, так как это могло быть воспринято общественным мнением страны как официальное признание факта серьезнейших проблем в американском авиационном производстве²³.

Даже по состоянию на 1 октября 1918 г. наблюдалось серьезное отставание в развитии американской авиации из-за острого дефицита подготовленных кадров. По этой причине американцы не в полной мере задействовали для формирования новых эскадрилий ту технику, что «ценой серьезных жертв», как отмечал глава французской военной миссии при АЕФ полковник Линар, была им предоставлена французской армией. За третий квартал 1918 г. вместо 36 запланированных американских эскадрилий наблюдательной авиации было сформировано лишь 12²⁴.

С лета количество поставляемой французской техники резко выросло. Только за июль – сентябрь 1918 г. Франция поставила 592 истребителя, 669 самолетов наблюдательной авиации и 18 бомбардировщиков (итого, 1279 штук). Эти поставки поз-

воляли не только увеличивать число новых эскадрилий, но также и пополнять, обновлять и расширять парк старых²⁵. К этому времени американские летчики были пересажены на новейшие СПАД-13, «Сальмсон» и «Бреге». Состав каждой из двенадцати американских эскадрилий истребителей был увеличен с 20 до 25 машин, в эскадрильях наблюдательной авиации, приданных американским дивизиям и корпусам – с 18 до 24 самолетов.

К концу войны фронтовые авиационные части АЕФ насчитывали 45 эскадрилий (20 – истребительной, 7 – бомбардировочной, 18 – наблюдательной авиации) с 744 пилотами. Из них только 12 эскадрилий были оснащены самолетами американского производства. Из использовавшихся американцами 6287 самолетов львиная доля – 4791 (т. е. 76 %) – была французского производства. Боевых самолетов (истребителей, бомбардировщиков и корректировщиков) – 2676 штук²⁶. Это позволяет говорить о том, что сотрудничество с Францией в области военной авиации имело для США приоритетный и фактически безальтернативный характер. Как и во многих других областях, изначальные планы развития американской армии пришлось существенно корректировать. В течение всего 1918 г. оно не достигло тех масштабов, которые изначально намечались союзниками. Однако совместные планомерные усилия по завоеванию тотального превосходства в воздухе в полной мере дали бы о себе знать, продлись война еще несколько месяцев.

¹ Pershing J.J. My Experiences in the World War. Vol. I. N.Y., 1931. P. 26–29.

² Bruce R.B. America Embraces France: Marshal Joseph Joffre and the French Mission to the United States, April – May 1917 // The Journal of Military History. 2002. Vol. 66. № 2. P. 440–441.

³ Carls S.D. Louis Loucheur and the Shaping of Modern France, 1916–1931. Baton Rouge, 1993. P. 63.

⁴ Brady T. The American Aviation Experience: A History. Carbondale, 2000. P. 105.

⁵ Ibid. P. 108.

⁶ Service historique de la Défense, Centre historique des archives (CHA). Département de l'Armée de Terre (далее SHD/DAT). 17 N 186. Dossier 1: Aéronautique Américaine.

⁷ Hare P. U.S. Aircraft Production: Success or Scandal? // Relevance. 1996. Vol. 5. № 3 (e-journal). URL: <http://www.worldwar1.com/tgws/relairprod.htm> (дата обращения – 20.12.2016).

⁸ Петэн – Першингу, 25 декабря 1917 г. // SHD/DAT. 17 N 186. Dossier 1: Aéronautique Américaine.

- ⁹ Cooperation des forces d'aviation françaises, anglaises et américaines dans grande operation offensive, tentée par l'ennemi ou par nous [s.d.] // Ibid.
- ¹⁰ Першинг – Петэну, 7 января 1918 г. (Секретно) / Пер. на фр. // Ibid. 17 N 186.
- ¹¹ The U.S. Air Service in World War I. Vol. I: The Final Report and a Tactical History / Ed. by M. Maurer. Washington, 1978. P. 65–69.
- ¹² Kaspi A. La France et le concours américain, Février 1917 – Novembre 1918. T. II. Lille, 1975. P. 771.
- ¹³ Дюмениль – де Бийи (Телеграмма), 24(?) июня 1918 г. // Service historique de la Défense / Département de l'armée de l'Air (далее SHD/DAA). 1 A 183.
- ¹⁴ Телеграмма де Бийи, 12 июля 1918 г. // Ibid.
- ¹⁵ Арменго – Фошу, 20 января 1918 г. // Ibid.
- ¹⁶ Першинг – Рагено, 10 января 1918 г. (Копия на фр.) // Ibid.
- ¹⁷ Note pour le sous-secrétaire d'état à la Présidence du Conseil (Office Central des Relations Franco-Américaines), 6 Février 1918 (Копия) // Ibid.
- ¹⁸ Kaspi A. Op. cit. P. 773.
- ¹⁹ Note pour le General, Chef de la Mission Militaire Française ...G.Q.G. Américain (Секретно), 14 Novembre 1917 // SHD/DAA. 1 A 183.
- ²⁰ Телеграмма военного атташе в Вашингтоне Виньяля от 1 августа 1918 г. (Доверительно) // Ibid.
- ²¹ Каэн д'Анвер – Арменго, 5 января (?) 1918 // SHD/DAT. 17 N 186.
- ²² Арменго – Фулуа, 19 февраля 1918 г. // Ibid.
- ²³ Телеграмма де Бийи, 11 июня 1918 г. // SHD/DAA. 1 A 183.
- ²⁴ Линар – Фошу, 17 октября 1918 г. // SHD/DAT. 17 N 186. Dossier 2: Aéronautique Américaine.
- ²⁵ Personnel necessaire pour les escadrilles américaines pendant le 4me trimestre de 1918 [17 октября 1918 г.] // Ibid.
- ²⁶ Kaspi A. Op. cit. T. III. P. 936–937.

Л.А. Болокина (Тверь)

ВОСПОМИНАНИЯ ОЧЕВИДЦЕВ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ВОЕННОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ активно используют методики устной истории, позволяющие получить информацию «из первых уст». За последние десятилетия накоплен значительный объем данных, постепенно вовлекаемых в научный оборот. В данной статье предпринимается попытка проанализировать опыт проведения интервью с очевидцами событий Великой Отечественной войны. Рассматриваются материалы восьми бесед с женщинами – уроженками Калининской (ныне Тверской) области. Самой младшей из них В.С. Образцовой в 1941 г. было 6 лет, З.П. Барышниковой и Р.В. Овсянниковой по 9 лет, Н.А. Курчавой, В.И. Разыграевой, В.П. Юдиной по одиннадцать лет, В.Н. Спасской 15 лет, П.С. Лабазниковой 19 лет. В.С. Образцовой, В.Н. Спасской и П.С. Лабазниковой довелось пройти испытание оккупацией. Все они родились и проживали в сельской местности в полных семьях со средним, по меркам того времени, достатком. Р.В. Овсянникова, В.И. Разыграева и В.П. Юдина жили в деревнях с преобладанием карельского населения, и в ходе повествования иногда им было легче выразить свою мысль сначала на карельском языке и лишь потом перевести на русский. Интервью были записаны в период с 2005 по 2016 гг., но, несмотря на зрелый возраст женщин, каждая из них сохраняла в памяти ясное представление о том, что довелось пережить в военные годы. С одной из участниц – В.И. Разыграевой – встречи происходили дважды.

По форме интервью представляют собой нечто среднее между свободным разговором на определенную тему и ответами на ряд последовательных вопросов. Преимущество подобных бесед в

том, что, позволяя интервьюеру прежде всего затронуть интересные его сюжеты, они оставляют возможность информантам осветить более подробно некоторые аспекты, дополнить свой рассказ немаловажными, на их взгляд, деталями.

Следует отметить, что в ходе интервью участницы иногда признавались, что не помнят определенные моменты, но ни разу напрямую не использовали право отклонить какой-либо вопрос, показавшийся им неудобным. При этом такого рода вопросы все же присутствовали, на что указывают изменения в интонациях голоса, как правило малозаметные, проявлявшиеся в легкой раздражительности, замедлении или ускорении темпа речи, паузах. Явные затруднения с ответами, выражавшиеся в словах «трудно сказать» или «кто его знает», следовали, когда интервьюер затрагивал такие темы, как степень готовности СССР к войне, прогнозирование сроков и исхода военных действий, отношение местного населения к отдельным социальным группам, например к раскулаченным¹. Уклонение от прямых подробных ответов вызывали вопросы о поведении местных руководителей, а также о надеждах на возможность социальных изменений после окончания войны, что может объясняться различными причинами, например подростковым возрастом, в котором внимание привлекают совсем другие темы, лучше сохранившиеся в памяти. В то же время отдельные вопросы, на которые не находились своевременные ответы, побуждали участниц интервью тут же размышлять вслух в поисках адекватного объяснения, и таковое часто находилось².

В текстах интервью неизбежно обнаруживается и ряд противоречивых высказываний, причем некоторые из них совпадают у разных информантов. Так, описывая положение дел в родных местах и стране в целом сразу после окончания войны, женщины определяют это время как самое тяжелое и голодное и одновременно замечают, что становилось легче³. Видимо, имеется в виду моральный подъем, вызванный известием о Победе, присутствовавший наряду с материальными трудностями, но это не проговаривается. Часто звучащее утверждение о постоянной взаимопомощи односельчан в военные годы соседствует с упоминанием о гибели от голода девочки в одном из деревенских домов, где мать и четверо детей после ухода отца семейства на фронт жили очень трудно, о чем было хорошо известно окру-

жающим⁴. Любопытна реакция информантов на вопрос о наличии дезертиров в их местности. Весьма быстро следовал ответ, что в их деревне никто не уклонялся от военной службы. Однако далее женщины неизменно признаются, что в округе дезертиры все-таки были, называют имена и обязательно описывают отношение к ним в деревенской среде, например фразой «мы его боимся, а он нас боится»⁵ или «ненавидели просто»⁶. Р.В. Овсянникова упоминает красноречивое прозвище мужчины, скрывавшегося всю войну в землянке, вырытой на некотором расстоянии от родного дома – «окаанный»⁷. Также каждая не забывала добавить, что после войны дезертиры избежали суда – видимо, это обстоятельство обсуждалось среди жителей деревень, вызывало удивление, хотя спустя годы возмущения в голосах рассказчиц уже не было.

Время от времени информанты позволяли себе выразить явные или замаскированные собственные оценки поведения окружавших их в тот период людей, произнося простые слова «жадный дядя Василий был ... всякого тряпья оттуда привез»⁸ или же давая более яркие характеристики: «...она потешная была ... артистка ... такая атаманка была ... она вообще чудачка была ... была не дура»⁹ (все эти слова – об одной и той же женщине. – Л. Б.). Очевидно, что подобные высказывания связаны преимущественно с попытками прокомментировать мотивы и формы чужих поступков. Так, сказав о ненависти земляков к дезертиру, Р.В. Овсянникова поясняет, что во время войны не сдали его соответствующим органам потому, что «люди, знаешь, эти, карелы, они не продажные люди»¹⁰. Не столь явно, а лишь намеком В.И. Разыграева проявляет свое сочувствие к судьбе молодого человека, потерявшего работу на железной дороге и получившего тюремный срок из-за того, что скрыл факт раскулачивания родителей. Примечательно, что женщина, скорее, видит причину свершившейся несправедливости не в действиях людей, хотя «свои же люди ... доказали, что он сын кулака», а в порядках, установленных в то время и заставлявших граждан совершать недостойные поступки: «...время такое было тоже»¹¹. В подобной иносказательной манере она выражает отношение к самому процессу раскулачивания: «Его за это, то, что он сам, своим горбом наживал, и их, значит, раскулачили»¹². Заканчивая разговор, В.И. Разыграева считает нужным прямо заявить о своем убеж-

дении в том, что власть в любые времена несет главную ответственность за происходящее¹³.

Участницы интервью открыто говорят о своих негативных эмоциях, когда течение беседы наводит их на сравнение прошлого с настоящим временем. Чаще всего они вслух сопоставляют происходившее в колхозах с положением дел в нынешнем сельском хозяйстве: «Вся земля заросла ... все заросло, все поля, все заросли ... раньше сеяли – и пшеницу, и рожь сеяли, и ячмень, и овес. А сейчас, знать, один только овес для скотины посеют, больше ничего. Чем жить-то?»¹⁴ Боль от наблюдения нерачительного отношения к земле, беспокойство за то, что она отдана безответственным хозяевам, переплетаются с тревогой за судьбу страны в целом, в которой слышится неодобрение современной внутренней политики государства. Рассказывая о том, что даже после страшного испытания войной «стало все строиться, налаживаться ... а тогда ведь как было растрепано все, и быстро все восстановили», Н.А. Курчавая разочарованно замечает: «А вот теперь что-то всё разоряют». Позднее она вновь возвращается к ситуации в российской деревне, показывая остроту собственных переживаний: «Вот у меня аж сердце замирает, ну-ко, сколько пропадает добра, боже мой! Ой! И люди всё покинули, все уехали из деревни. Не стало и людей, погляди-ка, все заросло ведь»¹⁵.

Информанты с сожалением отмечают изменения в отношениях между людьми, заметные в последние годы, имея в виду как связи внутри семей, так и различные социальные коммуникации. Так, признавая наличие социального расслоения в советском обществе, З.П. Барышникова продолжает: «Но как-то раньше все же... бедный он, но выручали люди-то, выручали, да. А сейчас ты живешь хорошо, плохо живешь. Я хорошо живу, и ладно, а ты живешь плохо, и наплевать»¹⁶. На нарастание равнодушия и безучастности к чужим проблемам в современном российском обществе указывает и В.И. Разыграева, называя людей, окружавших ее в военные годы, «очень сочувственными», а народ в целом характеризуя как «очень приемчивый»¹⁷. В заключение рассуждений о взаимоотношениях сельчан, рассказывая о том, как дружно и весело отмечались ранее праздники в семьях и деревнях, З.П. Барышникова формулирует весьма колоритно: «Сейчас этого нет. Купит хозяин бутылку и закроет ворота»¹⁸.

Обращаясь к содержанию интервью, можно выделить ряд тем, которые волей рассказчиков выходят на первый план. Так, каждая свидетельница событий того времени называет имена членов своей семьи, ушедших на фронт, и более или менее подробно повествует об их дальнейшей судьбе¹⁹. Все женщины описывают проводы на войну большого числа мужчин их селений, словно подчеркивая вклад родной деревни именно в борьбу на передовой, и обязательно упоминают, как мало вернулось молодых и более старшего возраста военнослужащих после окончания военных действий²⁰. Вот как говорит об этом В.И. Разыграева: «А какие ребята были, которые погибли в деревне, этого не сосчитать, один другого лучше, красавцы ... ой, сколько взяли. И взяли-то круто, и возвращались только единицы»²¹.

Несмотря на то что про возможность войны столь много говорили в предшествующие годы, известие о нападении Германии явилось для жителей области неожиданным. очевидцы схожим образом рассказывают о том, как окружающие восприняли сообщение. Прежде всего упоминается о состоянии расстройства, переполоха и ужаса: «...кто плакал, кто кричал», а кто-то пел песни. Деревенские улицы были похожи на «растревоженный улей»²². В первый же день войны люди стали рассуждать о ее сроках и исходе. Преобладало мнение, что война будет «затяжной», однако победа останется за советской стороной. Жители оккупированных впоследствии районов вначале не допускали мысли о том, что им предстоит непосредственное общение с врагом: «Сначала мы никогда не думали, что немец появится у нас»²³. Получившие повестки мужчины особенно остро осознавали, как мало шансов на возвращение к семье, и говорили об этом вслух, расставаясь с близкими: «Мы свое отжили. Береги детей». По словам В.С. Образцовой, отец перед уходом на фронт собрал домочадцев и благословил их с иконой в руках, а дети в семье были крещеными²⁴.

В каждом интервью легко найти слова о том, каким образом начало войны изменило привычный уклад жизни населения. Ежедневно все ждали новостей о развитии боевых действий и весточек от родных, ушедших на фронт. Женщины отмечают, что в военные годы писали и получали только «бодрящие» письма, в которых старались поддержать близких как на передовой, так и в тылу. В районах, находившихся под угрозой

оккупации, учебный год для подростков в сентябре так и не начался или учеба прервалась в октябрьские дни из-за закрытия школ по причине размещения госпиталей, отъезда педагогического состава. С приближением противника к Калинин у люди в близлежащих районах каждый день наблюдали зарево от пожаров в областной столице²⁵, видели падение самолетов в поле и бежали посмотреть поближе, подгоняемые сильнейшим любопытством²⁶. Во время авианалетов жители самостоятельно искали укрытие, и иногда односельчане подолгу спасались в оврагах, накрывшись одеялами²⁷. Семьям приходилось заботиться о размещении на ночевку проходивших мимо красноармейцев²⁸. Всех этих ситуаций не могло быть в довоенной жизни.

Некоторые женщины и девочки в полной мере прочувствовали ужас войны, находясь в госпиталях. Р.В. Овсянникова вспоминает, как к зданию госпиталя подъезжали грузовики, в которых раненые лежали вперемешку с мертвыми, а с кузовов капала, а иногда ручейками стекала кровь: «Привезут, разве все разберешь, что в крови там все, кишмиш...»²⁹ Бинтов не хватало, хотя стирали старые, и тогда пожилые женщины доставали из сундуков старинные холсты, которые разрезали на ленты и использовали для перевязок. Там, где проходила линия фронта, жители собственными глазами наблюдали смерть не только вражеских, но и советских военнослужащих, что превращалось в настоящее испытание: «В доме, где мы были, человек 30 раненых, и на моих глазах три солдата умерли раненых. Мы с сестренкой и двое братишек моих видели, как они умирали, они стонали, молодые. Это уму непостижимо. ... Вот что такое война»³⁰. Две женщины рассказали, сколь тягостное впечатление на людей произвела бомбежка фашистскими летчиками переправы через Волгу, которую возвели отступавшие красноармейцы, разобрав для этого полы и потолки в домах колхозников: «И когда они построили переправу, начали перебираться, в это время налетел самолет, всю эту переправу разбомбил, все солдаты, большинство, погибли. Много солдат погибло, все машины утонули, продукты утонули»³¹.

Самые горькие воспоминания об этом периоде, при которых на глазах женщин появлялись слезы, касались невозможности получить медицинскую помощь из-за отсутствия врачей, занятых на передовой и в госпиталях. Именно это обстоятельство,

по мнению З.П. Барышниковой и Н.А. Курчавой, стало главной причиной смерти их близких³².

Рассказы очевидцев помогают составить представление о том, как происходил в сельской местности процесс эвакуации. Красноречивое описание дает П.С. Лабазникова: «Подогнали трактор фордзон с прицепленной молотилкой, погрузили документы мы, и тракторист поехал в эвакуацию. Он не отъехал и трех километров, как его трактор с молотилкой начали обстреливать. Обстреляли, ну он испугался, все это бросил, и молотилка с трактором всю войну простояла на месте, где она остановилась. ... Руководящие работники стали в колхозах брать лошадей, грузили на телеги свои вещи и хотели эвакуироваться. Но их настигали немцы, все это бросали они, и бежали..., и лошади ходили с вещами этими без их управления, все это было растеряно»³³. Остальные женщины подтверждают, что если колхозный скот и технику из прифронтовых районов местами успели вывезти, то об эвакуации людей речь не заходила.

В июле 1941 г. войска противника вошли на территорию западных районов Калининской области. Появление военнослужащих вермахта в деревне В.Н. Спасская описывает так: «Они соскочили с этих, с мотоциклов, и сразу же стали стрелять в кур. ... Стреляют, а куры поднимаются вверх, летят перья, ... У другого дома немец тащит поросенка за ногу маленького, которого купили на зиму..., держит за ногу, а другой стреляет. Вот такое было состояние, что мы не знали даже, что делать»³⁴. У В.С. Образцовой сохранились схожие впечатления: «Я помню, как они в мешок гусей запихивали, заламывали им головы, около порога в нашей избе, и пихали в мешок, вот я это в первый раз и видела»³⁵.

Первые и последующие действия агрессоров резко контрастировали с бытовавшими среди части населения представлениями о немецком народе как культурном и цивилизованном: «Они тащили вещи, которые мы уже давно забыли про них, на чердаке которые лежали, в подвале которые лежали, ... у нас некоторые зарыли свое имущество ... Вот то, что они выкопали, из всех вот это, шмотки, у нас за домом было такое большое это, территория, ну ровная, садился самолет, и они отправляли посылки. Каждый себе брал, отправлял, и мы всегда удивлялись, как это за границей, все говорили, хорошо живут, а наши тряпки ... от-

правляют туда. Мы вот это все в то время удивлялись. Как же так? Все говорили, богатые такие страны, богатые такие страны, и вдруг такие шмотки отправляют»³⁶. С наступлением морозов внимание захватчиков оказалось буквально приковано к теплой одежде и обуви: «Конечно, они у меня все тряпки обобрали, все у нас, все в Германию посылали, одежду. Я ходила на работу картошку немцам чистить, а на поясе у меня привязаны две простыни, иначе они могли это взять. У меня шаль такая была теплая, я ее подвязывала вместо юбки»³⁷.

Интервью отразили развитие отношений между жителями и вселившимися в их дома оккупантами. В лучшем случае хозяева вытеснялись на кухни и в кладовые, дети большую часть времени проводили на печках, которые захватчики постоянно топили для приготовления пищи. Жителям приходилось идти на различные хитрости, чтобы скрыть от оккупантов продукты и уцелевший скот, но часто все усилия оказывались безрезультатными. Кроме привычной агрессии и презрения, немцы могли проявить минимальное сочувствие к детям, подарить им сладости или нехитрые сувениры, подозвать и рассматривать их, иногда со слезами, очевидно вспоминая в этот момент собственные семьи. В.С. Образцова отмечает, что «немцы тоже разные были», особо выделяя «старых немцев», которые способны были поделиться продовольствием. Она же упоминает о двух эпизодах, когда немцы спасли жизнь советским гражданам. В первом случае проживавший в доме немец посоветовал переодеть подростка в женскую одежду и представить его девочкой, сославшись на поступивший негласный приказ о расстреле мальчиков выше одного метра ростом. О второй ситуации она узнала от брата, угнанного во время отступления нацистов. При попытке сбежать, по пути он увидел, как сопровождавший военнослужащий полез в нагрудный карман, и был уверен в близкой смерти, но вместо оружия немец достал кусок хлеба и отдал парню, допустив побег³⁸.

Вероятно, самыми разноплановыми оказались ответы информантов на вопросы об отношении к противнику и мнении о немцах, существовавшем в деревенской среде. Кроме ожидаемых слов о страхе перед врагами и ненависти к ним, «потому что напали как звери»³⁹, З.П. Барышникова считает нужным добавить, что во время войны вблизи их селения содержались пленные не-

мцы, и оказывается, что местные жители общались с ними не только на работе, но и в свободное время, и относились «нормально», даже «легко»⁴⁰. Понятно, что желания как-то отомстить и ненависти к пленным, не представлявшим опасности врагам, люди не испытывали.

Дважды интонации интервьюируемых невольно выдавали невысказанное в словах признание наличия у отдельных немцев таких качеств, как твердость характера, верность воинскому долгу. Так, В.Н. Спасская описывала допрос взятого в плен при освобождении деревни немецкого офицера и отметила, что «чистый немец» отказался отвечать на вопросы, добавив, что «такой был фриц». Слово «фриц», казалось бы, четко выявляет отношение женщины к оккупанту, однако тон, которым оно произнесено, показывает, что проявленное пленным упорство вызвало смешанные чувства у присутствовавших людей⁴¹.

Наиболее выразительно мысль о моральном превосходстве советских людей над противником, как оно понималось и ощущалось в годы войны, сформулировала Н.А. Курчавая: «Сначала немец пошел, а потом у нас – люди были такие, что они... погибали, но не сдавались. А немцы этого не могли так. Они были слабее наших. Наши люди были крепче... в общем, не в том смысле, что они были здоровьем крепче. Но натура была такая, что ... умрем, но победим»⁴².

Р.В. Овсянникова утверждает, что до того, как стало широко известно о зверствах фашистов на оккупированных территориях, бытовало мнение об «аккуратности» немцев и даже позднее побывавшие на работах в Германии местные женщины, вернувшись, «ничего плохого не говорили». Будто предупреждая вопрос интервьюера о жестокости немцев, она добавляет, что «и у русских тоже всего было, издевались... там и... у немцев»⁴³. Аналогичная попытка сохранить объективность прослеживается в словах, произнесенных после описания случаев мародерства со стороны оккупантов: «Ведь наши тоже всё привозили из Германии»⁴⁴.

Можно предположить, что подобные суждения являются результатом последующих размышлений и переосмысления событий военных лет, предпринятых информантом под влиянием потока новых сведений, к которым получили доступ граждане страны в 80–90-е гг. прошедшего века. Такое объяснение кажет-

ся верным с учетом того, что из всех участниц интервью именно Р.В. Овсянникову отличает увлеченность чтением прессы и различного рода литературы, широкий кругозор. Стоит добавить, что двое информантов – З.П. Барышникова и Н.А. Курчавая – всего однажды меняли место жительства, переезжая после замужества в соседние деревни, и их трудовой путь был типичным для жительниц сельской местности. П.С. Лабазникова, Р.В. Овсянникова, В.И. Разыграева и В.П. Юдина чаще меняли место жительства, в том числе проведя часть жизни в городских условиях, меняли и род деятельности. Полученный в результате большой жизненный опыт несомненно отразился на содержании их интервью, проявился в умении передать информацию о таких сторонах действительности военных лет, которые не всегда затрагивались интервьюером. Эти женщины были более свободны в интерпретациях, попытках определить смысл событий, самостоятельны в определении направлений беседы, хотя в максимальной степени эти особенности проявились в рассказе В.С. Образцовой. Чтение текстов их интервью заставляет вспомнить мнение А. Портелли о том, что нет недостоверных устных источников, скорее их достоверность особой природы и состоит в отклонении от фактов, в чем проявляется человеческое воображение, желания и стремления⁴⁵. А разве не это интересует ученого, занимающегося историей повседневности?

Затронув вопрос о степени соответствия переданной рассказчицами информации историческим фактам, необходимо пояснить, что целью интервьюера не было получить автобиографическое интервью в прямом смысле, и предварительно все участницы выразили согласие на разговор о событиях, связанных прежде всего с военным периодом. Перечитывая строки, в которых зафиксирована их речь, приходишь к выводу о высокой степени правдивости, который странным образом проявляется в несчастных словах о самих себе. А эти слова неизменно точно передают особенности личности каждой из женщин, характерные для них и в зрелом возрасте, показывая способность к самоанализу. Приведем эти выражения без сокращений. «Сама здоровая была, рослая, посылали (на работу. – Л. Б.)»⁴⁶, – повторяет З.П. Барышникова, рассказывая о том, что вообще вся жизнь прошла исключительно в тяжелом труде. «Я его Василелей называла»⁴⁷, – словно отделяет себя от других, демонстрируя оригинальность

мысли, Р.В. Овсянникова. Задумавшись о своем мироощущении в годы войны, Н.А. Курчавая говорит фактически о твердости характера: «Я не знаю, как другие, а я ни на кого не надеялась, ни на Сталина, ни на кого»⁴⁸. В.И. Разыграева, не сдержав слезы, констатирует: «И, как и сейчас, до сих пор как вспомню эту войну и это переживание, я спокойно говорить не могу. Очень я такая ранимая»⁴⁹. Достаточно близкое знакомство с этими женщинами убеждает в верности прозвучавших самооценок.

Следует признать, что самое заметное место в интервью занимают рассказы о напряженном труде сельских жителей в период войны. При этом в ход идут самые выразительные обороты, например «работали как лошади»⁵⁰, «во все хомуты»⁵¹ и т. п. Несомненно, личное активное участие в трудовой деятельности колхозников, слишком часто связанное с непомерными для подростков физическими нагрузками, оставило неизгладимый след в памяти информантов, о чем З.П. Барышникова много раз повторяет буквально двумя словами «всё делали»⁵². А вот описание В.П. Юдиной: «В поле работали мы на бычках, на бычках ночью пахали ... Пошлют нас боронить на бычках, а с бычками надо справиться, они недоростки, маленькие, по два бычка запрягли в борону, а нам тоже ведь гулять хочется, мы маленькие, ну что, по 12 лет вот»⁵³. Добросовестное отношение к труду было важнейшей чертой общественного сознания в военные годы и характеризует индивидуальное сознание и поведение женщин того поколения в наши дни. С гордостью об этом свидетельствует В.И. Разыграева: «И всегда учили к труду ... семья, так она, конечно, все трудолюбивые, все»⁵⁴.

В заключение хочется сказать, что опыт проведения интервью с жительницами Тверской области, пережившими военные годы, оказался полезен не только тем, что позволил открыть новые страницы прошлого и получить сведения, отсутствующие в других источниках. Именно к таким информантам прежде всего применимы слова П. Томпсона о том, что устные свидетельства превращают «объект» исследования в «субъект»⁵⁵. Общение с этими замечательными женщинами, выдержавшими испытание войной и удивительным образом сохранившими силу духа, доброту, оптимизм и трудолюбие, наполняет благодарностью, заряжает энергией и заставляет предъявлять более высокие мерки к собственным усилиям.

- ¹ Воспоминания Барышниковой З.П. С. 9, 17 // Из личного архива автора; Воспоминания Разыграевой В.И. С. 2, 5 // Там же.
- ² Воспоминания Образцовой В.С. С. 9 // Там же; Воспоминания Разыграевой В.И. С. 17, 18.
- ³ Воспоминания Курчавой Н.А. С. 6 // Там же; Воспоминания Барышниковой З.П. С. 11, 12; Воспоминания Юдиной В.П. С. 5 // Там же.
- ⁴ Воспоминания Барышниковой З.П. С. 6.
- ⁵ Воспоминания Разыграевой В.И. С. 31.
- ⁶ Воспоминания Овсянниковой Р.В. С. 8 // Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. С. 3.
- ⁹ Там же. С. 3, 9.
- ¹⁰ Там же. С. 8.
- ¹¹ Воспоминания Разыграевой В.И. С. 13.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 32.
- ¹⁴ Воспоминания Барышниковой З.П. С. 13.
- ¹⁵ Воспоминания Курчавой Н.А. С. 6, 9.
- ¹⁶ Воспоминания Барышниковой З.П. С. 14.
- ¹⁷ Воспоминания Разыграевой В.И. С. 24, 25.
- ¹⁸ Воспоминания Барышниковой З.П. С. 14.
- ¹⁹ Воспоминания Барышниковой З.П. С. 2, 3; Воспоминания Курчавой Н.А. С. 1; Воспоминания Образцовой В.С. С. 4; Воспоминания Овсянниковой Р.В. С. 2; Воспоминания Разыграевой В.И. С. 20, 23, 29; Воспоминания Спасской В.Н. С. 8 // Там же; Воспоминания Юдиной В.П. С. 1.
- ²⁰ Воспоминания Барышниковой З.П. С. 4, 11; Воспоминания Курчавой Н.А. С. 1; Воспоминания Овсянниковой Р.В. С. 1, 6; Воспоминания Разыграевой В.И. С. 20, 22.
- ²¹ Там же. С. 20–22.
- ²² Воспоминания Образцовой В.С. С. 3.
- ²³ Воспоминания Спасской В.Н. С. 8.
- ²⁴ Воспоминания Образцовой В.С. С. 3, 30.
- ²⁵ Воспоминания Барышниковой З.П. С. 4; Воспоминания Курчавой Н.А. С. 2; Воспоминания Юдиной В.П. С. 2.
- ²⁶ Воспоминания Овсянниковой Р.В. С. 8; Воспоминания Разыграевой В.И. С. 19.
- ²⁷ Воспоминания Лабазниковой П.С. С. 6 // Из личного архива автора.
- ²⁸ Воспоминания Барышниковой З.П. С. 7; Воспоминания Юдиной В.П. С. 2.
- ²⁹ Воспоминания Овсянниковой Р.В. С. 2, 4.
- ³⁰ Воспоминания Лабазниковой П.С. С. 10.
- ³¹ Там же. С. 4, 5.
- ³² Воспоминания Барышниковой З.П. С. 4; Воспоминания Курчавой Н.А. С. 2.
- ³³ Воспоминания Спасской В.Н. С. 5.
- ³⁴ Там же. С. 10.
- ³⁵ Воспоминания Образцовой В.С. С. 5.
- ³⁶ Воспоминания Спасской В.Н. С. 10, 11.
- ³⁷ Воспоминания Лабазниковой П.С. С. 12.
- ³⁸ Воспоминания Образцовой В.С. С. 7, 25, 31, 32.

- ³⁹ Там же. С. 4.
- ⁴⁰ Воспоминания Барышниковой З.П. С. 8.
- ⁴¹ Воспоминания Спасской В.Н. С. 18.
- ⁴² Воспоминания Курчавой Н.А. С. 5.
- ⁴³ Воспоминания Овсянниковой Р.В. С. 5.
- ⁴⁴ Там же. С. 3.
- ⁴⁵ Портелли А. Особенности устной истории // Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003. С. 41.
- ⁴⁶ Воспоминания Барышниковой З.П. С. 16.
- ⁴⁷ Воспоминания Овсянниковой Р.В. С. 1.
- ⁴⁸ Воспоминания Курчавой Н.А. С. 9.
- ⁴⁹ Воспоминания Разыграевой В.И. С. 26.
- ⁵⁰ Воспоминания Овсянниковой Р.В. С. 3.
- ⁵¹ Воспоминания Курчавой Н.А. С. 7.
- ⁵² Воспоминания Барышниковой З.П. С. 15, 16.
- ⁵³ Воспоминания Юдиной В.П. С. 4.
- ⁵⁴ Воспоминания Разыграевой В.И. С. 26.
- ⁵⁵ Томпсон П. Голос прошлого. Устная история. М., 2003. С. 122.

А.Р. Бормотова (Курск)

СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМЫ НЕМЕЦКОЙ ФАШИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941–1943 ГОДАХ

ВОЙНА на протяжении всей истории человечества была связана не только с вооруженным противостоянием враждующих сторон. Она сопровождалась психологической борьбой, главной целью которой была моральная победа над противником. Средствами достижения данной цели являлись в прошлом и остаются в современности пропаганда и агитация.

Великая Отечественная война во многом характеризуется как пропагандистская война, столкновение двух мировоззрений. К сожалению, в последнее время в средствах массовой информации, в разного рода околонучных публикациях звучат мнения о том, что фашизм и советская идеология по своей сути были схожи и что якобы Вторая мировая война лишь выявила их противостояние. В этой ситуации особое значение приобретает подробное изучение вопросов идеологической борьбы воюющих сторон, что позволит историкам расставить необходимые акценты.

Фашизм как система взглядов отражал шовинистические, националистические взгляды, его основной целью было уничтожение советской системы ценностей. Общее руководство идеологической политикой осуществляло немецкое министерство пропаганды во главе с Й. Геббельсом.

Вермахтом велась активная пропаганда на оккупированных территориях. Особую роль в ней играла именно печать, так как она позволяла не только передать большое количество информации, но и обладала значительной силой воздействия на созна-

ние читателей. По этой причине оккупационные газеты рассматриваются нами как средство пропаганды.

Оккупация Курской области началась осенью 1941 г., когда были захвачены первые населенные пункты, и закончилась осенью 1943 г. полным освобождением территории от немецко-фашистских захватчиков¹. Средством распространения пропагандистской информации здесь стали издававшиеся фашистскими властями газеты, листовки, объявления.

Немецкое верховное командование четко осознавало то, что эффективность пропаганды во многом зависела от того, как скоро газета или листовка дойдет до читателя, насколько оперативно в ней будут отражаться в нужном свете происходившие события.

Задолго до войны немцы заготовили огромное количество различного рода плакатов, воззваний, приказов, наставлений, адресованных населению тех районов СССР, которые будут оккупированы. Подобного рода материалы носили общий характер и по понятным причинам не отражали текущих событий. С первых дней войны германское командование приступило к созданию необходимой типографской базы на самой оккупированной территории. Оборудование завозилось из Германии или оккупированных стран Европы. В Курской области материально-технической базой типографий, наряду с завезенными печатными машинами, зачастую служило оборудование редакций советских партийных газет, которое не было вовремя эвакуировано вглубь страны².

Основную массу печатных пропагандистских изданий составляли газеты и листовки. На территории Курской области оккупанты наладили выпуск нескольких периодических печатных изданий: «Новый путь», «Курские известия», двухнедельное приложение к газете «Новый путь» «Посев и жатва». В районах области издавались газеты «Рыльский новый путь» (Рыльский район, г. Рыльск), «Восход» (Белгородский район, г. Белгород), «Дмитровская газета» (Дмитровский район, г. Дмитровск), «Новая жизнь» (орган Старооскольского районного управления и городской управы). В Волоконовке, кроме этих газет, выходила в свет газета «Голос народа» – орган бургомистерства Локотского национального округа, в который входили 3 района Курской области (Михайловский, Дмитровский и Дмитриевский³, см. табл. 1).

Номера этих газет сохранились в Государственном архиве Курской области, Государственном архиве Белгородской области, а также в архиве Управления ФСБ РФ по Курской области.

Табл. 1

**Перечень оккупационных газет,
выпускавшихся на территории Курской области⁴**

Название печатного органа	Годы выпуска	Место издания
«Восход» (ежедневная газета для русских)	1941–1942	Белгород Курской области
«Курские известия» (еженедельная газета местного самоуправления)	Сентябрь 1942 – 24 января 1943 г.	Курск
«Новый путь» (газета для населения освобожденных областей)	1942	Льгов Курской области, с 30 мая 1942 г. издавалась в Курске
«Посев и жатва» (двухнедельное приложение к газете «Новый путь»)	1942	Курск
«Рыльский новый путь»	1941–1943	Рыльск Курской области
«Дмитровская газета»	1942–1943	Дмитровск Курской области
«Новая жизнь» (орган Старооскольского районного управления и городской управы)	1942–1943	Старый Оскол Курской области
«Голос народа» (орган бургомистра Локотского национального округа, в который входили Михайловский, Дмитровский и Дмитриевский районы Курской области)	1942–1943	п. Волоконовка Курской области

Официальные сообщения германского верховного командования, агитационные статьи для передовиц оккупационных газет поступали в редакции в виде уже подготовленных к печати текстов – бюллетеней – от берлинского пресс-бюро OAD (Ostraum-Artikeldienst) (см. ил. 1). Эти материалы широко использовались в газетах и заполняли их почти целиком. Редак-

OAD

OSTRAUM-ARTIKELDIENT

Herausgegeben vom

OSTWELT-VERLAG G. M. B. H., BERLIN SW68

Hauptschriftleitung: Wilm Stein, Berlin

Anschrift der Schriftleitung: Berlin W 8, Kanonierstr. 40

Sonderausgabe . r

Все на Работу!

Весь мир с наступлением весны ожидает решающих событий. На многочисленных фронтах небывалой в истории человечества войны, охватившей все части света, гигантская борьба вступает в свою последнюю фазу.

Все же главной ареной мирового столкновения останется и этой весной восточный фронт.

В течение 20 лет большевики в величайшей тайне готовились и нападению на сиювосточную Версальским договором континентальную Европу.

Все выжимаемые нудо-большевистской властью из народов СССР богатства шли на создание и вооружение многомиллионной, чудовищной по силе, армии, с помощью которой большевики рассчитывали устранить всякое противодействие их гнусным планам и установить коммунистический режим в Европе. Трудно себе представить весь ужас и хаос, ожидавшие цивилизованный мир в случае осуществления жидо-большевистских намерений.

Развязав себе молниеносной войной руки на западе, Германия в последнюю минуту предупредила готовившийся против нее на востоке удар и выжила из рук

большевиков занесенный над Европой нож.

Но враг еще силен. В предсмертной агонии он все еще способен к бешеным атакам.

Необходимо нанести последний смертоносный удар коммунистическому режиму и навсегда освободить мир от грозящей ему большевистской чумы. От этого зависит судьба не только воюющих и нейтральных стран, но и каждого из нас в отдельности.

Мы, объявившие большевизму беспощадную борьбу, мы все верим в конечное торжество добра над злом — в грядущую победу возрожденных, жизнеспособных народов, сражающихся за свободу и национальное единство.

Но сейчас, в эти решающие дни, мало только верить в победу. На каждом из нас лежит ответственность за исход вадущей борьбы, ответственность за свою собственную судьбу, за судьбу своей семьи, за судьбу своей родины.

Горе тем, кто может, но не хочет или не решается помочь правому делу. Их имена будут произноситься с презрением, их дети будут стыдиться и глумиться своих отцов.

В настоящий момент не может быть лишних людей. В этой титанической борьбе нет лишнего замаха топора или молота, оборота сверла или гайки, нет лишнего штыка на фронте.

Все будет использовано для сокрушающего удара против жидо-коммунистической илики, объединившейся с мировым капитализмом во имя порабощения независимых народов.

Кто не с нами, тот против нас.

Кто может нести на плече винтовку, того ждет величайшая честь — плечом и плечу с лучшим солдатом в мире, германским солдатом, сражаться против общего врага или же бороться в тылу против бандитов и саботажников, граблящих население и разрушающих дороги.

Все остальные должны стать на работу, вступить в ряды единого трудового фронта возрожденной Европы.

Вас ждет признание родины и всего культурного человечества. Этого требуют от Вас Ваша совесть и Ваши собственные интересы.

Все на работу!

Все для победы!

Илл. 1. Бюллетень от берлинского пресс-бюро OAD (Ostraum-Artikeldienst). (Извлечено из: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 178. Л. 2)

Ил. 2. Заголовок оккупационной газеты «Новый путь»

тором бюллетеня был Вильм Штейн, бывший пресс-атташе посольства Германии в Москве⁵.

Заголовки агитационных статей-заготовок были в духе красноречия немецкой пропаганды и соответствовали ключевым ее направлениям: «Почему я буду бороться с большевизмом?»⁶, «Почему Германия сражается и отчего она побеждает?»⁷, «Новый земельный порядок – дар крестьянству»⁸, «Германия, какой я ее увидел»⁹, «Блеф второго фронта»¹⁰, «Как живут в Германии рабочие из восточных областей»¹¹. Берлинское пресс-бюро обеспечивало газеты материалами в период 1942–1943 гг.

Приведем краткий анализ содержательной стороны оккупационной периодической печати Курской области.

Газета «Новый путь» (см. ил. 2) первоначально издавалась во Льгове, а с 30 мая 1942 г. – в Курске. С этого времени ее главным редактором был назначен Григорий Иванович Фильшин (1881 года рождения), уроженец села Новенькое Ивнянского района Курской области¹². Газета, основу которой составляли статьи пропагандистского характера, в каждом номере ниже названия содержала подзаголовки: «Газета для населения освобожденных областей», чем подчеркивалась «освободительная миссия» немецкой армии. Отметим, что подобными подзаголовками обладали очень многие газеты, издававшиеся для населения захваченных территорий.

«Новый путь» выходил на четырех, реже на двух полосах, в выходных данных указывался ответственный редактор. Как и во всей оккупационной периодической печати, в газете практиковались публикации писем солдат-перебежчиков, добровольно сдавшихся в плен. Очевидно, что такие послания были составлены по заранее подготовленным образцам самими фашистскими

пропагандистами либо написаны попавшими в плен советскими солдатами под угрозами¹³.

Еще одним пропагандистским приемом, активно использовавшимся всеми оккупационными газетами Курской области, была публикация писем отправленных на работы в Германию советских граждан, тексты которых также составлялись по специальному шаблону, куда вписывались лишь имя, фамилия «автора» и некоторые другие личные данные, например имена родственников, которым было адресовано письмо¹⁴.

Характерным методом немецкой пропаганды в целом и оккупационной пропаганды в частности было многократное повторение основных агитационных идей. В газете «Новый путь», как и в других оккупационных изданиях Курской области, регулярно помещались статьи, разъяснявшие суть «нового порядка», например в сельском хозяйстве. Заголовки говорили сами за себя: «Конец колхозной кабале!», «Долой колхозное рабство!»¹⁵ и др. Все эти лозунги были идеологическим сопровождением принятого 15 февраля 1942 г. «аграрного закона» А. Розенберга. Согласно этому указу все законодательство о колхозах было аннулировано и заменено законом о «совместных хозяйствах». Однако они мало чем по своей сути отличались от колхозов. Роспуск колхозов был невыгоден немцам. «Деколлективизация» грозила кризисом в хлебозаготовках, необходимых для германской армии. Эту позицию немецких властей хорошо иллюстрирует фраза госсекретаря Баке, что если бы советский режим не создал колхозов, немцам пришлось бы их изобрести самим¹⁶.

На страницах газеты «Новый путь» сравнивались жизненные условия советского населения с условиями жизни и работы немецких рабочих, и, конечно же, сравнения всегда были не в пользу СССР. Следует признать, что условия быта многих категорий советских граждан в период Великой Отечественной войны действительно были достаточно тяжелыми, но справедливо и то, что ухудшения эти были обусловлены начавшейся войной. Фашистская пропаганда и в этом вопросе была далека от правды. Первый материал на эту тему появился на страницах «Нового пути» в феврале 1942 г. под заголовком «Нужда рабочих в советском раю»¹⁷.

Газета «Новый путь» раз в две недели сопровождалось приложением «Посев и жатва» на двух полосах (см. ил. 3). В офор-

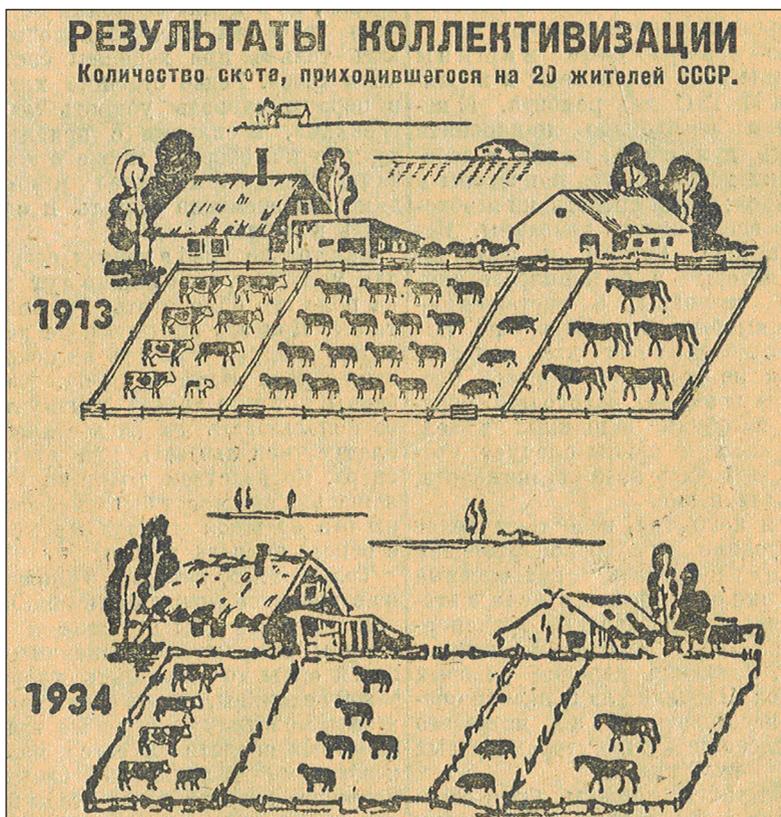

Ил. 3. Заголовок оккупационной газеты «Посев и жатва»

млении этого периодического издания широко использовались иллюстрации. Тематика статей касалась преимущественно сельского хозяйства, и, на первый взгляд, газета могла выглядеть как пособие для крестьян по ведению хозяйства, снабженное практическими советами. Но на деле и тут не обходилось без мощной пропаганды. Зная, что некоторая часть населения была негативно настроена по отношению к колхозам, немецкая пропаганда делала на этом особый упор, причем не только посредством печатного слова, но и при помощи иллюстраций. Например, была опубликована схема «Результаты коллективизации»¹⁸ (см. ил. 4). Говоря об иллюстрационной пропаганде, отметим, что на страницах издания «Посев и жатва» широко использовались фотографии с изображениями образцовых германских хозяйств.

Четырехполосная оккупационная газета «Курские известия», издававшаяся в областном центре, безусловно, была главным рупором немецкой пропаганды (см. ил. 5). На страницах издания печатались постановления и приказы Курской городской управы, касавшиеся жизни города и горожан¹⁹. Значительную часть общего объема публикаций составлял местный материал, способствовавший агитации за новую власть. Осуществлялось это при помощи положительной оценки нововведений фашистов. Подобного рода заметки регулярно появлялись в рубрике «Зарисовки по Курску». В газете сообщалось об организации цветоческого хозяйства при городской управе, постоянного двора для приезжающих²⁰. Безусловно, вся эта информация подавалась с позиций пропаганды «нового порядка».

Как и в других газетах, издававшихся на оккупированных территориях Советского Союза, в «Курских известиях» регулярно появлялись новости из Германии. Подобная информация сопровождалась фотографиями, демонстрировавшими предметы искусства²¹, устроенный быт населения²².

Ил. 4. Пропагандистская иллюстрация, опубликованная в оккупационной газете «Посев и жатва» (1942. № 3)

Преимущественно на четырех полосах выходила в свет и другая оккупационная газета – «Рыльский новый путь», издававшаяся в Рыльске Курской области (см. ил. 6). Как многие пропагандистские печатные издания захваченных территорий, она изобиловала цитатами из речей Гитлера. Затянувшееся открытие второго фронта фашистская пропаганда активно использовала в своих целях. В качестве весьма характерного примера такой агитации может послужить статья под заголовком: «Почему не может возникнуть второй фронт? Черчилль и Рузвельт дурачат Сталина»²³.

В отличие от советских газет, на страницах которых с началом Великой Отечественной войны цензурой было запрещено раз-

Ил. 5. Заголовок оккупационной газеты «Курские известия»

Ил. 6. Заголовок оккупационной газеты «Рыльский новый путь»

мещение всякого рода частных объявлений (так как они могли служить закодированным посланием врагу), в оккупационной прессе Курской области широко практиковалась публикация объявлений от местного населения об утере паспортов, о пропаже лошадей и т. п.²⁴

Немцы активно использовали в своей пропаганде обзоры публикаций центральных советских газет, таких как «Правда», «Известия». Однако, в местной оккупационной печати обсуждались и цитировались статьи и заметки, которых в действительности не существовало. Например, в одном из таких «обзоров» говорилось о том, что информация о бедственном положении промышленности Советского Союза была опубликована в газете «Известия», однако необходимой в таких случаях ссылки на номер цитируемого издания не приводилось. Отметим, что материалы о трудностях в промышленности находились под запретом советской цензуры и никак не могли публиковаться, тем более на страницах центральной печати.

Четырехполосная газета «Новая жизнь» (см. ил. 7), ответственным редактором которой был В. Никонов, печаталась в Старом Осколе еженедельно. Как и в других оккупационных изданиях, в ней содержались статьи и материалы пропагандистского

Ил. 7. Заголовок оккупационной газеты «Новая жизнь»

характера. В публикациях говорилось о будущем крахе Советского Союза и победоносных наступлениях немецкой армии²⁵.

Фашисты учитывали особый интерес населения оккупированных районов СССР к советской, русской периодической печати. Многие выпускавшиеся оккупантами газеты были замаскированы под советские издания. Очень часто встречались подделки газет «Правда», «Красная звезда», «Красногвардейская правда», а также «Боевого листка», оригинал которого издавался политорганами Красной армии. На оккупированной территории Курской области встречалась газета-подделка «Сталинский воин». Заголовок по своему внешнему виду полностью соответствовал оригиналу, в верхнем углу располагался лозунг: «Смерть немецким оккупантам!», но в содержании статей сразу угадывалась антисоветская пропаганда. На первой полосе 20 августа 1943 г. в статье о подвиге М.Д. Баранова «Герой Советского Союза Михаил Дмитриевич Баранов» напечатаны были такие строки: «...Бедна же советская авиация, если такие почести оказываются летчику за 24 воздушные победы, тогда как лучшие германские истребители достигли цифры двухсот и более сбитых неприятельских самолетов». Материал заканчивался призывом: «Не давайте гнать себя на верную смерть! Перелетайте, переходите к нам!»²⁶ (см. ил. 8).

Особое место в немецкой пропагандистской деятельности отводилось борьбе с партизанами. Использовались самые разнообразные приемы, от утаивания истинного положения дел до обыкновенной лжи. Главной целью являлось стремление разложить изнутри партизанское движение, скомпрометировать его участников в глазах населения, лишить народной поддержки,

Смотрите внимательно оккупантам!

★ ★ ★

ЛЮДИ СТАЛИНИ

Герой Советского Союза
Михаил Дмитриевич БАРАНОВ

№ 190
ЧЕТВЕРГ
20 августа 1943 г.
Прочти и передай товарищу

БЕЗПЕЧАТНАЯ КРАСНОАРМЙСКАЯ ПЛАНКА

Герой Советского Союза
Михаил Дмитриевич Баранов

Советские авиации, танковые и кавалерийские подразделения Красной Армии продолжают успешно выполнять боевые задания Баранова. Вечером 24 августа самолеты ВВС во оккупационной зоне совершили авиационные налеты на железнодорожные станции и объекты авиации, если только не были уничтожены. Вечером 24 августа были уничтожены железнодорожные станции и объекты авиации, если только не были уничтожены. Вечером 24 августа были уничтожены железнодорожные станции и объекты авиации, если только не были уничтожены.

Ловите шпионов и диверсантов

В октябре 1942 г. на аэродроме Мухомовы в районе Мухомовы в воздухе обнаружены самолеты ВВС. Самолеты были уничтожены. Вечером 24 августа были уничтожены железнодорожные станции и объекты авиации, если только не были уничтожены.

КАКИЕ САМОЛЕТЫ АНГЛИЯ СЧИТАЕТ ЛУЧШИМИ?

Известная английская газета "Нью-Кровнел" пишет: "Тысячи советских боевых самолетов Фоккер-Вальд-100" даже теперь, вероятно, для всего мира примером лучшей конструкции боевого самолета за всю историю войны. Массовый выпуск и эффективная работа самолетов Фоккер-Вальд-100 в тылу врага заслуживают высшего уважения."

Массовое убийство пленных под Смоленском

При потоплении советскими войсками Красного Бреста из 12000 жерней НКВД было отпущено 4245 жерней. Среди оставшихся пленников находилось 2 генерала, 12 полковников, 50 подполковников, 165 майоров, 440 капитанов, 552 оберлейтенанта, 830 лейтенантов и 1442 младших унтер-офицера. По окончании взятия Смоленска жерней НКВД будут продолжаться. Во время войны преступности не жерней Смоленского убийства. Вечером 24 августа были уничтожены железнодорожные станции и объекты авиации, если только не были уничтожены.

Усиленная радиопередача

В районе Перемышля полки отступающей Красной Армии были усилены радиопередачами, которые проводились в течение всего дня. Радиопередачи проводились в течение всего дня. Радиопередачи проводились в течение всего дня.

КИЕВ

В ночь в Киевском Истребительном полку была отбита попытка отступить. В ночь в Киевском Истребительном полку была отбита попытка отступить. В ночь в Киевском Истребительном полку была отбита попытка отступить.

ТАГАНРОГ

В ночь в Таганрогском Истребительном полку была отбита попытка отступить. В ночь в Таганрогском Истребительном полку была отбита попытка отступить. В ночь в Таганрогском Истребительном полку была отбита попытка отступить.

ВОЕННЫЙ ЭТИУДИЗМ АМЕРИКАНЦЕВ

Представитель Нью-Йоркского Международного Бюро сообщает, что с начала войны в Европе США уже не имеют в виду ни один из методов разрушения военной системы. Представитель Нью-Йоркского Международного Бюро сообщает, что с начала войны в Европе США уже не имеют в виду ни один из методов разрушения военной системы.

Ил. 8. Передовица оккупационной газеты-подделки «Сталинский воин» (Извлечено из: АУФСБ РФ КО. Ф. 4-го отдела АУНКВД КО. Д. 229. Л. 21)

«доказать», что партизаны – не народные защитники Родины, а «лесные бандиты».

В качестве основного средства антипартизанской пропаганды оккупантами были избраны листовки, как наиболее массовый вид печатной продукции. В таких материалах сообщалось о ликвидации «бандитских шаяк» войсками вермахта, что преимущественно оказывалось ложью. В личном дневнике члена Дмитровского партизанского отряда (впоследствии вошедшего в состав Курской партизанской бригады) Ивана Степановича Макарова имеются следующие воспоминания, датированные 13 ноября 1942 г.: «Во время боя над нами пролетел самолет и сбросил листовки. Они были немецкие и извещали нас, что “лесные бандиты”, называющие себя партизанами, уничтожены»²⁷.

В своей пропаганде немцы прибегали весьма часто к методу подлога, а именно, изданию листовок от имени партизан, партизанских бригад. В них фашисты пытались воздействовать на читателей в нужном для себя направлении. В листовочной пропаганде использовался также метод полуправды, при котором за основу брались реальные события, но некоторые факты искажались и подавались в выгодном для оккупантов свете либо о них вообще не упоминалось.

Особенно многочисленными были листовки, адресованные военнослужащим Красной армии. Служба пропаганды вермахта начала акцию, ключевой фигурой в которой стал генерал-лейтенант А.А. Власов, взятый в плен в июле 1942 г. и давший согласие на предложение капитана службы пропаганды вермахта В. Штрик-Штрикфельдта создать и возглавить армию для борьбы против «сталинской диктатуры»²⁸. В оккупированной Курской области с самолетов сбрасывались листовки с одним из вариантов обращения Русского комитета к советским гражданам (см. ил. 9, 10). Оно содержало утверждение, что все народы Европы – члены единой большой семьи. В листовке говорилось: «Тот, кто считает себя принадлежащим к европейской семье народов, должен порвать со Сталиным и присоединиться к этой своей семье»²⁹.

В Курской области, как и в других захваченных регионах, оккупанты усиленно внедряли с целью проведения агитации свою книжную продукцию и брошюры. Широкое распространение имели следующие издания: брошюра «Кто такой Гитлер?»³⁰,

Русский народ — равноправный член семьи свободных народов Новой Европы!

Русский народ должен знать правду о том, что его ждет после свержения власти на и установления мира. Большевики, чтобы заставить русских людей воевать за свои интересы, живо утверждают, что Германия несет народам СССР рабство.

Какова же правда о Новой Европе, которую Великая Германия стремится построить совместно с другими европейскими народами?

Все народы Европы — члены единой большой семьи. В одной из речей в немецком лагере вождем Германии Адольфом Гитлером сказано:

«Сколько забот избежало бы человечество и, особенно, европейские народы, если бы при политическом устройстве современного жизненного пространства, а также при экономическом сотрудничестве уважались бы естественные, сами собой разумеющиеся, жизненные принципы. Соблюдение этих условий кажется мне совершенно необходимым, если мы хотим в будущем добиться лучших результатов, чем сейчас. Прежде всего это относится к Европе. Народы Европы представляют собой единую семью».

Народы СССР также принадлежат к этому большому, охватывающему в одинаковой степени всех европейцев, содружеству народов европейской семьи. Всякий, кто угрожает содружеству, является врагом Европы. Поэтому, Черчилль и Рузвельт — враги Европы. По этой же причине и Сталин является врагом Европы — стремлением к захватным войнам, стремлением к власти над миром, которое он прикрывает словами о мировой революции, он нарушает мирную жизнь народов Европы.

Выбор один — или европейская семья свободных, равноправных народов, или рабство, Сталина. Тот, кто считает себя принадлежащим к европейской семье народов, должен порвать со Сталиным и присоединиться к этой своей семье, помня, что она накладывает на него ряд обязанностей, но и, одновременно, дает ему права и защиту права.

События начала, на которых будет построена Новая Европа?

Гитлер провозгласил следующее:

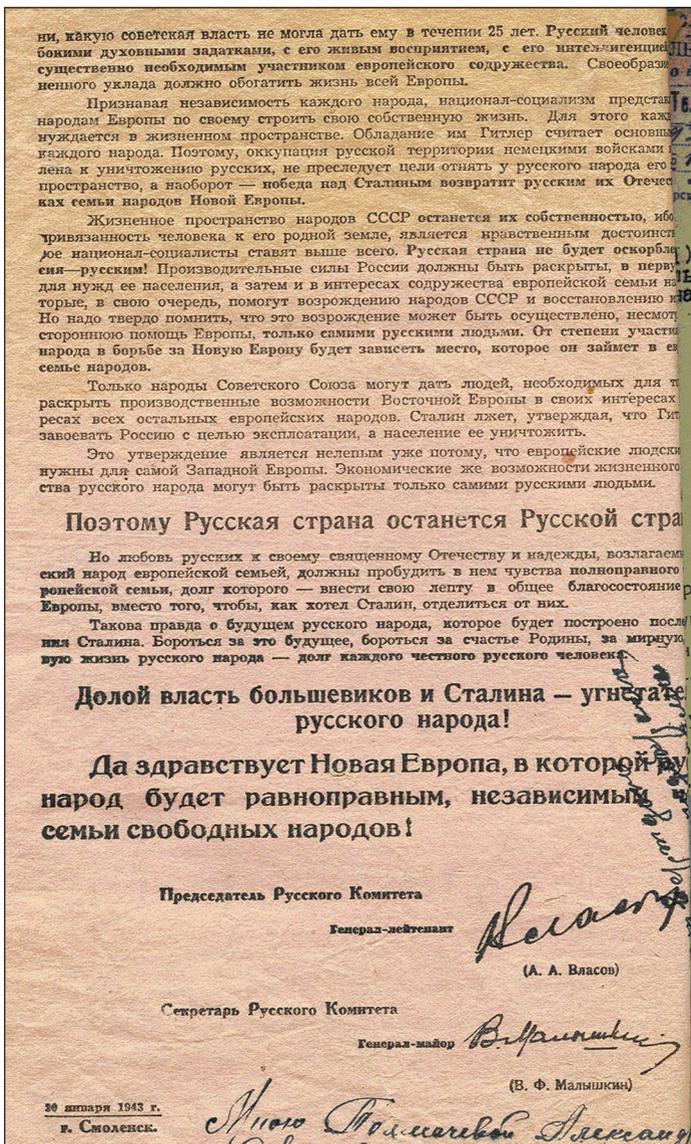
«Как в обыкновенной семье отдельные ее члены должны выполнять по отношению к ней ряд обязанностей, так и народы Европы должны осознать необходимость естественного содружества и служить ему. Как человек в семье имеет всегда свое собственное «я», так каждый народ в европейской семье сохраняет свою национальную индивидуальность и свой жизненный уклад. Всякая попытка лишить народ его естественной самобытности, противоречит нравственному закону, является провозломом». Гитлер говорит — «народ и жизнь народа являются высшими сокровищами, на которых должен быть построен устойчивый порядок Новой Европы».

На основе этих принципов не могут быть нарушены самобытность и национальный уклад жизни народов Советского Союза. Поэтому, заранее исключается всякая германизация России, как противоречащая самому существу национал-социализма. Гитлер говорит:

«Мы обиты безграничной любовью и преданностью своему народу. По той же причине мы уважаем национальные права других народов. Поэтому мы не преследуем цели германизации. Мы рассматриваем окружающие нас европейские народы, как объективную реальность».

Гитлер отнюдь не хочет превратить русских, украинцев и другие народы СССР в рабов, он хочет лишь возвратить их к европейской семье народов. Трудящегося русского человека, живущего в богатой и плодородной стране, он хочет привести к такой жизни».

Ил. 9. Листовка-обращение Русского комитета к советским гражданам. (Извлечено из: АУФСБ РФ КО. Ф. П. Оп. 1. Д. 237. Л. 25)

Ил. 10.оборот листовки-обращения Русского комитета к советским гражданам. (Извлечено из: АУФСБ РФ КО. Ф. П. Оп. 1. Д. 237. Л. 25 об.)

представлявшая собой краткую биографию Адольфа Гитлера; брошюра «Для них уже кончилась война»³¹, содержащая призывы к воинам Красной армии сдаваться в плен (см. ил. 11). Отметим, что подобные брошюры, отдельные экземпляры которых сохранились в архиве УФСБ РФ по Курской области, были изданы в хорошем качестве с использованием фотографий и цветных иллюстраций.

Еще одна категория публикаций – отличавшихся стилистически и лишенных «политизированности» – была рассчитана на интеллигенцию, которую не во всем устраивала советская власть.

Подводя итоги, отметим, что важнейшая функция периодических изданий – информационная – в оккупационной прессе выражалась отнюдь не в объективном изложении фактов. В газетах и листовках публиковалась искаженная информация, ис-

Ил. 11. Немецкая агитационная брошюра
«Для них уже кончилась война» (Извлечено из: АУФСБ РФ КО.
Ф. П. Оп. 1. Д. 229. Т. 2. Л. 15–17)

пользовались методы лжи, подлога и дезинформации. Несмотря на всю мощь психологического воздействия немецкой пропаганды, враг был повержен.

¹ Отметим, что в составе Курской области в период Великой Отечественной войны находились районы, позднее, в 1953 г., отошедшие в состав созданной Белгородской области.

² АУФСБ РФ КО (Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Курской области). Ф. 4-го отдела УНКВД. Д. 229. Л. 9.

³ РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 125. Д. 136. Л. 47.

⁴ Составлено автором по: АУФСБ РФ КО. Ф. 4-го отдела УНКВД. Д. 228. Л. 20; Огороков А.В. Особый фронт: Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны. М., 2007. С. 198, 209.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 178. Л. 1–3.

⁶ Там же. Л. 6.

⁷ Там же. Л. 16.

⁸ Там же. Л. 23.

⁹ Там же. Л. 128.

¹⁰ Там же. Л. 138.

¹¹ Там же. Л. 145.

¹² АУФСБ РФ КО. Ф. АУД. Д. 9515. Л. 2.

¹³ Новый путь. 1942. № 75.

¹⁴ Там же. № 76, 87.

¹⁵ Там же. № 10, 13.

¹⁶ Огороков А.В. Указ. соч. С. 66–67.

¹⁷ Новый путь. 1942. № 6.

¹⁸ Посев и жатва. 1942. № 3.

¹⁹ Курские известия. 1943. 24 янв.

²⁰ Там же. 1942. 29 нояб.

²¹ Там же. 8 нояб.

²² Там же. 1943. 24 янв.

²³ Рыльский новый путь. 1942. 2 дек.

²⁴ Там же. 1943. 16 янв.

²⁵ Новая жизнь. 1943. 3 янв.

²⁶ Сталинский воин. 1943. 20 авг.

²⁷ ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-185. Оп. 1. Д. 1. Л. 89 об.

²⁸ Огороков А.В. Указ. соч. С. 14–15.

²⁹ АУФСБ РФ КО. Ф. 4-го отдела УНКВД. Д. 237. Л. 25.

³⁰ Там же. Д. 229. Т. 2. Л. 18–25.

³¹ Там же. Л. 15–17.

М.Ю. Бородин (Москва)

ГЕНЕРАЛ ОТ АРТИЛЛЕРИИ М.В. ХАНЖИН: ЛУЦКИЙ ПРОРЫВ

МОЙ ДЕД генерал Михаил Васильевич Ханжин был, с одной стороны, блестящим военным специалистом, а с другой, как написал его сокурсник юнкер Н.С. Батюшин, «... крупным строевым артиллеристом»¹ и благодаря этому сочетанию имел репутацию высокоинтеллектуального и обладающего личной храбростью специалиста.

Мой дед был одаренным человеком. Он обучался в лучших учебных заведениях страны, каждое из которых окончил по первому разряду, т. е. блестяще. А заняла учеба в общей сложности 18 лет.

Что касается Михайловской Артиллерийской академии, то окончание ее по первому разряду позволило ему пройти знаменитый «дополнительный» курс, который был специально учрежден для подготовки самых способных и талантливых офицеров к службе в технических артиллерийских заведениях. В ноябре 1905 г. (после того он поучаствовал в русско-японской войне) дед назначается исполняющим обязанности заведующего обучающимися в Офицерской артиллерийской школе, в том же году он производится в полковники.

В анкете БРЭМа (Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи) М.В. Ханжин указал: «Руководитель Офицерской артиллерийской школы, 1906–1909 год» и далее: «Принимал участие в разработке вопросов по организации довольствия, обучению полевой артиллерии, разработке наставлений для действий артиллерии в бою, разработке вопросов стрельбы, связи и т. д. Принимал участие в Высочайше учрежденной Комиссии по переработке статута ордена Св. Георгия, Георгиевского оружия и Креста».

Кстати, руководители Офицерской школы назначались только из числа штаб-офицеров с академическим образованием, выдающихся по своим теоретическим и практическим познаниям в артиллерийском деле.

Стрельба с закрытых позиций по методике М.В. Ханжина была создана в ходе русско-японской войны. Она была настолько эффективной, что этот способ был развит не только другими российскими артиллеристами, но и заимствован артиллеристами Японии, а впоследствии Германии, Франции и других стран, и применялся в Первой и Второй мировых войнах. По инициативе Офицерской артиллерийской школы методика стрельбы с закрытых позиций по методике Ханжина привела к созданию в русской армии новых правил стрельбы, наставлений по боевой работе и топогеодезической привязке. Именно в Офицерской школе М.В. Ханжин написал учебник по полевой артиллерии для юнкеров. Преподаватели школы и, прежде всего, М.В. Ханжин сделали все, чтобы изменить статус артиллериста старшего командного состава, превратить его в грамотно рассуждающего тактика, просто обязанного в некоторых случаях боевой обстановки проявить почин и самостоятельность в ходе сражения.

Роль М.В. Ханжина в разработке и исполнении получившего название «образца воинского искусства» плана атаки Луцкого прорыва необходимо рассматривать с учетом и в контексте как вышеизложенного бэкграунда М.В. Ханжина, так и в контексте того, что не всякий объективно существующий исторический факт (неважно, познан он или не познан) совпадает с историографическим фактом как продуктом творчества субъекта, т. е. исследователей-историков.

Передо мной стоит задача доказать наличие исторического факта авторства М.В. Ханжина в разработке, организации и реализации плана Луцкого прорыва.

Очевидно, что такая цель требует, прежде всего, кропотливой работы с архивными документами, как важнейшими источниками любого исторического исследования. Однако, абсолютное большинство касающихся моего деда документов не просто сосредоточены в государственных и ведомственных архивах, но до сих пор засекречены, хотя дед был реабилитирован. Соответственно, я доступа к ним не имею. И я могу подтвердить роль деда в операции Луцкого прорыва только документами из личных

М.В. Ханжин лично возглавляет атаку 8-й армии

архивов, мнениями других исследователей и теми немногочисленными опубликованными документами, в которых содержатся сведения, опровергающие официальную идеологически обусловленную версию авторства Брусилова.

По сути, мне приходится противостоять профессиональным оппонентам, получившим и очень хорошо выполнившим в свое время заказ большевиков создать миф о генерале-герое Брусилове, перешедшем на сторону Советской власти. Эта команда именитых исследователей подобрала и проинтерпретировала в нужном им контексте соответствующие документы, а остальные засекретила. Однако, любая, даже профессионально выполненная, фальсификация оставляет следы. И прежде всего, следы этих фальсификаций содержатся в личных архивах, мемуарах не подконтрольных большевикам эмигрантов и в засекреченных документах.

К числу доступных мне источников, в которых прослеживается иной взгляд на исследуемые события, относится книга Б.В. Геруа «Воспоминания о моей жизни». Участник Галицийского сражения генерал-квартирмейстер 11-й армии Борис Владимирович Геруа, который в эмиграции жил в Лондоне и стал членом Художественной Королевской академии, написал: «Ни-

Генерал Б.В. Геруа

Книга Б.В. Геруа «Воспоминания о моей жизни» в 2-х томах

когда ничем предварительно не командуя, Брусилов получил 2-ю гвардейскую дивизию. Через короткий срок он уже командовал корпусом... Война была так же благосклонна к Брусилову, человеку случая: знаменитый прорыв 1916 года, обязанный своим успехом серьезному, талантливому и скромному его начальнику артиллерии М.В. Ханжину, прославил не этого выдающегося генерала, а Брусилова, который не сумел даже эксплуатировать без личного труда доставшуюся ему победу и не справился с задачей массового кавалерийского преследования неприятеля, невзирая на свою кавалерийскую специальность. Однако искусная реклама свила вокруг Брусилова победный ореол»².

Вышеупомянутый генерал Н.С. Батюшин, с которым дедушка учился, написал: «...хочу упомянуть способного, но очень скромного юнкера Ханжина, впоследствии ставшего крупным строевым артиллеристом...»

Сокурсником дедушки был и Иван Тимофеевич Беляев. В 1916 г. он командир 13-го отдельного полевого тяжелого артиллерийского дивизиона, участвует в Луцком прорыве. В эмиграции в Парагвае он написал чудесную книжку «Записки русского изгнанника». В главе «В тылу» он пишет: «В самый разгар ав-

Н.С. Батюшин

И.Т. Беляев

исследователей А. Уткина и Р. Ждановича. Р.Б. Жданович пишет относительно свидетельства капитана 1-го ранга А.Л. Хурсина о малоизвестных обстоятельствах Первой мировой войны: «...Талантливый и скромный генерал-майор Ханжин, не состоявший в масонских ложах, не писавший предательских писем сослуживцам, служивший не в Красной, а в Белой армии, на изначальном проигрышном колчаковском фронте (благодаря отсутствию собственно русских сил, поддерживавших бы Белых в Сибири, и мятежам крестьян – именно столыпинских (!) переселенцев),

ральной работы в дверях показался моложавый офицер с двумя Георгиями на шее и в петлице. Это был генерал Ханжин – начальник артиллерии армии. “Я решил заехать прямо к вам, – обратился он ко мне, – так как вы самый ближний к позиции и сможете поставить меня в курс дела”. Мы живо закончили работы, развернули карты, и я в сжатой форме познакомил генерала с положением дел на фронте. Затем показал ему главные пункты на местах. Он уехал, видимо, довольный всем, что видел и слышал»³. Интересно, что дедушка был хорошо знаком и со старшим братом Ивана Тимофеевича – Сергеем. Вместе они были в составе военной делегации во Франции два года (1911–1913). А двоюродный брат Ивана Тимофеевича был последним военным министром Российской империи.

В своих письмах с фронта и фронтовых дневниках написал о дедушке и его сокровеннейший друг генерал А.Е. Снесарев⁴.

Есть также мнение об отличной от официальной версии роли М.В. Ханжина в Луцком прорыве современных

Генерал А.Е. Снесарев

вниманием отечественной историографии оказался обделен, и его имени нет даже в Военно-Энциклопедическом справочнике. Тем проще находиться в лучах чужой славы “брату” российских демократов А.А. Брусилову, на чьей совести, к слову, кровь десятков тысяч русских офицеров, оставшихся осенью 1920 г. в Крыму под влиянием его предательских обращений и после чего вырезанных Лейбой Троцким, Белой Куном и Розалией Землячкой...»⁵

Отзыв А. Уткина звучит так: «Начальник артиллерии Юго-Западного фронта генерал-лейтенант Михаил Васильевич Ханжин, которого компетентные лица называли главным “виновником” брусиловской победы»⁶.

Официальных сведений о том, что мой дед фактически вместе с А.М. Калединым командовал 8-й армией на момент прорыва, нет. Но домашние и ближайшее окружение говорили именно об этом факте. Вот что писала в письмах дочь М.В. Ханжина – моя тетя Агния Михайловна Балакирщикова. Сын дедушки – мой дядя Алексей Михайлович Ханжин – приезжал к ней в Москву. Пока она утром варила кофе и готовила завтрак, он на «Литературке» рисовал план атаки и говорил: «Смотри, что папа придумал», добавляя всегда, что это дедушка «командовал 8-й армией». Я уже писала о том, что в личной переписке детей М.В. Ханжина содержится утверждение, что во время Луцкого прорыва М.В. Ханжин фактически разделил с генералом от кавалерии А.М. Калединым руководство 8-й армией. Очевидно, что такое формальное нарушение субординации могло быть обусловлено только тем, что М.В. Ханжин был одним из основных авторов плана Луцкого прорыва и подстраховывал А.М. Каледина, ознакомленного с этим планом непосредственно перед операцией.

Официальная информация могла сохраниться только чудом, и она сохранилась. В 1929 г. дочь генерала Георгия Ефремовича Катанаева принесла архив Катанаева в Омский краеведчес-

М.В. Ханжин и А.М. Каледин

кий музей. Сегодня о Катанаеве пишут как о выдающемся историке Сибири, а в 1918 г. он работал в правительстве Колчака и был арестован вместе с ним. Так вот у Катанаева в архиве и есть: «Встретил Ханжина, того, который командовал 8 армией»⁷.

Версия об участии М.В. Ханжина в разработке плана Луцкого прорыва состоятельна только в том случае, если официальная оценка Ставкой роли М.В. Ханжина резко превосходила оценку всех остальных участвующих в операции генералов.

Бесспорно, что именно М.В. Ханжин по итогам Луцкого прорыва получил самое значимое награждение среди всех участвовавших в операции генералов – его произвели в чин генерал-лейтенанта, и это одно из самых весомых доказательств в пользу того, что М.В. Ханжин имел какую-то исключительную заслугу при проведении операции Луцкого прорыва. Оценили вклад деда и участвовавшие в Луцком прорыве самые знаменитые генералы – они подарили ему серебряный с позолотой портсигар с изумрудом и своими подписями.

Отмечу, что никто из тех, кто остался недоволен оценкой своих действий при проведении Луцкого прорыва, не усомнился

в том, что М.В. Ханжин заслужил свою награду. Даже генерал Брусилов, который, по мнению военного историка А.А. Керсновского, «вообще чрезвычайно неблагодарный к памяти своих соратников», не порочил М.В. Ханжина⁸.

Не имея возможности пользоваться всей литературой и документами, доступными профессиональным историкам-исследователям, я не смогла достоверно установить, кто и когда впервые назвал Луцкий прорыв Брусиловским.

Однако в военной литературе, издававшейся до начала Великой Отечественной войны, например в изданном 1922 г. «Стратегическом очерке войны 1914–1918 гг.», обобщившем результаты работы Комиссии по исследованию и использованию опыта мировой и гражданской войны, в изданном в 1940 г. сборнике документов «Наступление Юго-Западного фронта в мае – июне 1916 г. фронтовая наступательная операция Юго-Западного фронта русской армии 22 мая – 31 июля (по ст. ст.) 1916 г. именовалась, в соответствии с исторической военной традицией, «Луцкий прорыв», согласно названию места, где происходила битва⁹.

В литературе наиболее часто встречается версия о том, что идея возвеличить командующего Юго-Западным фронтом Брусилова родилась у российских антимонархических кругов, которые боялись, что успех будет приписан Николаю II как Верховному главнокомандующему и укрепит его авторитет. В свою очередь большевики были также заинтересованы в том, чтобы не исследовать вопрос о том, действительно ли перешедший на их сторону Брусилов был основным автором операции Луцкого прорыва. Напротив, школьные учебники призывали восхищаться тем, что единственный способный полководец царской армии перешел на службу к большевикам. В любом случае, обстоятельства сложились так, что до перестройки вопрос о том, что именно генерал М.В. Ханжин сыграл выдающуюся роль в планировании и организации наступления Юго-Западного фронта, не исследовался и по причинам идеологического характера исследоваться не мог.

Независимо от того, по каким причинам, кто и когда впервые назвал Луцкий прорыв Брусиловским, я убеждена, что оказанная Брусилову честь именоваться главным автором плана по наступлению является незаслуженной.

Я уже выражала надежду, что моя версия вдохновит хотя бы одного профессионального военного историка к полному и объективному исследованию действительной роли М.В. Ханжина в разработке плана операции Луцкого прорыва и в руководстве 8-й армией во время проведения этой операции.

¹ Батюшин Н.С. Тайная разведка и борьба с ней. М.: «x-history», 2002. 259 с.

² Геруа Б.В. «Воспоминания о моей жизни». В 2-х т. Париж: Танаис, 1969. С. 530.

³ Беляев И.Т. Записки русского изгнанника (Электронный ресурс). URL: <http://www.rulit.me/books/zapiski-russkogo-izgnannika-read-291773-1.html>

⁴ Снесарев А.Е. Письма с фронта, 1914–1917. Дневники. Военные мемуары. М., Кучково поле, 2012, 2014.

⁵ Жданович Р.Б. Люмпены и демократы // Дуэль. 2004. № 02 (351).

⁶ Уткин А. Луцкий прорыв Брусилова (Электронный ресурс). URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2006/06/06/luckij_proryv_brusilova/

⁷ ГАОО. Личный фонд Катанаева w366. Оп. 1. Ед. хр. 488.

⁸ Керсновский А.А. История русской армии в четырех томах (Электронный ресурс). URL: <http://militera.lib.ru/h/kersnovsky1/17.html>

⁹ Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. М., 1922; Наступление Юго-Западного фронта в мае – июне 1916 г. Сб. документов. М.: Воениздат, 1940.

А.А. Бочаров (Санкт-Петербург)

СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ БАШНЯ КРОНШТАДТСКОЙ КРЕПОСТИ: ОЧЕРК ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИИ

СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ оборонительная башня является одним из наименее известных сооружений Кронштадтской крепости. Ее история не привлекала внимания исследователей. То же самое можно сказать и о Кронштадтской военно-морской следственной тюрьме, находившейся в Северо-восточной башне с 1872 до начала 1920-х гг. Историк Петербурга П.Н. Столпянский писал в начале 1920-х гг.: «История этой тюрьмы еще совершенно не разработана, но архив ее, если он сохранился, должен заключать в себе много интересного»¹.

Тем не менее, история военно-морской следственной тюрьмы не изучена до сих пор. Литература по истории Кронштадта содержит лишь отрывочные упоминания о Северо-восточной башне и находившейся в ней тюрьме. Немногим больше удалось найти в материалах Российского государственного архива Военно-морского флота (РГА ВМФ).

Постройка северо-восточной оборонительной башни на стыке северного и восточного фронтов Кронштадтской крепости была закончена в 1830 г. Она представляла собой одностороннее кирпичное здание на гранитном цоколе². «Старая постройка николаевских времен; уже снаружи производит жуткое впечатление: небольшие окошечки с тюремной решеткой, толстые казематные стены» – так в XX в. описывал вид здания Столпянский³.

Нам не удалось обнаружить сведений об использовании Северо-восточной башни в первые два десятилетия ее существования. Согласно мемуарам адмирала И.А. Шестакова, в годы Крымской войны 1853–1856 гг. башня использовалась

в качестве хранилища пороха⁴. Архивные материалы свидетельствуют о размещении здесь порохового склада вплоть до 1865 г.⁵

Новая страница в истории сооружения началась в середине 1860-х гг. Судебная реформа Александра II и связанные с ней меры по ограничению телесных наказаний и их замене тюремным заключением вызвали потребность в создании мест заключения для нижних чинов флота.

Так, в 1865 г. в Петербурге была открыта Военно-исправительная тюрьма морского ведомства в здании так называемой Арестантской башни на острове Новая Голландия. Она предназначалась для содержания осужденных матросов. Но ведомство нуждалось и в помещениях для подследственных и подсудимых нижних чинов. 4 декабря 1865 г. управляющий Морским министерством Н.К. Краббе принял решение направить имевшиеся у министерства денежные средства, предназначенные для создания мест заключения, на устройство помещений для содержания подследственных и подсудимых матросов.

В Кронштадте для этой цели была избрана Северо-восточная башня. В ней предусматривалось устройство общих и одиночных помещений (карцеров). Последние должны были иметь площадь не менее 20 квадратных аршин каждое и быть отделенными друг от друга деревянными перегородками. Предполагалось, что в тюрьме сможет одновременно находиться до 150 человек⁶.

16 июля 1872 г. император Александр II утвердил штат управления Северо-восточной башни, который предполагалось ввести в действие с 1 января 1873 г. Согласно штату тюрьму возглавлял смотритель, назначавшийся из числа штаб- или обер-офицеров морского ведомства. Подчеркивалось, что матросы, назначаемые для службы в тюрьме, должны были быть из числа «неспособных», т. е., вероятно, негодных к строевой службе⁷. 19 марта 1873 г. для «более точного определения цели назначения означенной башни» она была переименована в Кронштадтскую морскую следственную тюрьму⁸. Приказом генерал-адмирала от 1 января 1873 г. смотрителем был назначен состоящий по Адмиралтейству штабс-капитан Семен Гаврилов⁹.

К сожалению, не удалось обнаружить почти никаких подробностей, рисующих быт заключенных тюрьмы в первые годы ее

существования. В выше упоминавшемся штате тюрьмы имеются сведения, что на «чистку сапогов и заведение щеток полагается по 30 коп. на каждого заключенного в год, а равно по $\frac{1}{4}$ фунта мыла в месяц на человека»¹⁰. Не удалось найти и сведения о численности заключенных, содержавшихся в тюрьме в 60–80-х гг. XIX в.

Насколько можно судить по отрывочным сведениям, основная проблема заключалась в недостатке помещений и их неудобном расположении. Из-за этого нижние чины, находящиеся под следствием и судом, содержались совместно с уже осужденными, в отношении которых судебные приговоры не вступили еще в законную силу. Такое совместное пребывание заключенных различных категорий продолжалось иногда по нескольку месяцев.

Вопрос о возможной перепланировке помещений тюрьмы несколько раз становился предметом переписки между различными учреждениями и должностными лицами. Так, 24 мая 1880 г. прокурор при военно-морском суде Кронштадтского порта барон Буксгевден в докладе главному командиру порта писал: «Следственная тюрьма представляет собой узкое и длинное здание, в котором сначала друг за другом имеются подряд три общие камеры, не отделенные между собою дверьми, в которых содержатся все находящиеся под следствием и судом, могущие по суду быть оправданными, а также приговоренные как к исправительным ротам, откуда нижние чины возвращаются во флот, так и приговоренные к самым тяжким уголовным наказаниям, сопряженным с исключением из воинского звания. Такое сообщество не может не иметь самого пагубного влияния на тех нижних чинов, которые, будучи оправданы, тотчас возвращаются в команды»¹¹.

Прокурор обращал внимание и на то, что положение служащих тюрьмы в связи с этим является очень опасным. Он предложил разделить три камеры запирающимися дверьми, чтобы отдельно содержать следующие категории заключенных: 1) подсудимых; 2) приговоренных к исправительным работам; 3) приговоренных к наказаниям, сопряженным с лишением воинского звания¹².

Свое предложение Буксгевден повторил и в письме главному военно-морскому прокурору К.Я. Яневичу-Яневскому от 13 ок-

тября 1881 г.¹³ По инициативе того вопрос о перепланировке здания башни был передан в Строительное отделение Морского технического комитета¹⁴. Однако, несмотря на согласие управляющего Морским министерством А.А. Пещурова с идеей перепланировки тюремных помещений, этот вопрос так и не был решен из-за финансовых проблем.

Руководство морского ведомства проявляло заботу не только о материальном положении заключенных и условиях их содержания, но и об их досуге и просвещении. Так, в ведомости книг, купленных для арестованных (1880), значится 74 книги. Это религиозная, научно-просветительская, военно-историческая и историческая литература¹⁵.

Внимание морского руководства к следственной тюрьме вновь было привлечено после нападения арестантов на конвой в ночь на 9 марта 1884 г. Архивные материалы следующим образом рисуют это событие, а также ситуацию, сложившуюся к тому времени в тюрьме.

Вечером 8 марта конвойный матрос Де-Тилот сопровождал с двумя другими конвойными двух арестованных нижних чинов на кухню за ужином. Там матрос госпитальной роты попытался передать арестованным сверток. Де-Тилот не позволил сделать это, что и стало причиной попытки нападения на него в ночь на 9 марта около пятнадцати арестованных. Они были вооружены палками или ножками от кроватей. Утром во время вывода заключенных произошел новый инцидент с участием десяти или пятнадцати человек, в том числе осужденного на каторгу матроса Барахматова. Де-Тилот, получивший травмы головы и лица, спасаясь от избиения, вынужден был спрятаться под кроватью. При этом остальные конвойные бежали, даже не попытавшись защитить своего товарища¹⁶.

Расследование дела о нанесении побоев конвойному матросу, по словам прокурора при военно-морском суде Кронштадтского порта, «обнаружило крайнюю несостоятельность внутренней организации тюрьмы, а также полнейшую распущенность арестованных в ней нижних чинов». Так, было обнаружено, что заключенные курили в камерах, играли в карты и другие игры и даже устраивали подобие театральных представлений, а все камеры, в том числе одиночные карцеры, отворялись на ночь по желанию арестованных¹⁷.

Неформальные порядки, установившиеся в тюрьме, разлагающе действовали на арестованных и побуждали несших службу в тюрьме конвойных нижних чинов пренебрегать своими обязанностями. Из показаний допрошенных на следствии лиц выяснилось, что дежурные в тюрьме боялись заключенных («...арестованные прямо говорят “живи смирно, а то не снести тебе башки”; ходить на службу в тюрьму очень страшно, никакого безобразия между арестантами прекратить нельзя, того и гляди, что убьют, да еще сонного; приходится все делать по желанию арестованных, там все — и каторжные, и поселенцы — находятся вместе, будешь перечить — и головы не снесешь; в тюрьме боязно, заставить арестантов что-нибудь делать нельзя, случается, что сам убираешь и подметаешь палубу; обвиняемые в убийстве находятся в общих камерах и угрожают служащим»)¹⁸.

Вновь внимание было привлечено к тому, что содержащиеся в тюрьме помещались в трех общих камерах, двери между которыми, пришедшие к тому времени в «крайнюю ветхость», не запирались. Несмотря на то что численность служащих при тюрьме достигала 40 чел. (ежедневно при тюрьме находились 17 человек караульных при офицере, 15 конвойных, 3 дежурных унтер-офицера, смотритель тюрьмы и 4 унтер-офицера), фактически надзор за порядком в трех общих камерах вверялся двум дежурным унтер-офицерам. Ночью к ним прибавлялось трое конвойных без оружия, стоявших посменно на часах. Остальная охрана помещалась ночью частью в караульном доме, а шесть человек часовых спали безоружными в коридоре одиночных карцеров. Таким образом, ночью, когда тюрьма запиралась снаружи, содержащиеся под стражей в общих камерах, а их число иногда превышало 90 чел., оставались под наблюдением двух унтер-офицеров и трех безоружных конвойных. Незадолго до событий 9 марта 1884 г., как выяснилось на следствии, произошел еще один инцидент: арестанты, считавшие, что у одного из охранников есть при себе деньги, напали на него, когда он стоял на часах в одиночных карцерах, но ничего не нашли и напали на дежурного квартирмейстера Сайкова, думая, что конвойный успел передать деньги ему. Сайкову «пришлось перекреститься, что у него денег нет». Обе жертвы нападения промолчали об этом случае из-за страха перед арестованными¹⁹.

Прокурор при военно-морском суде Кронштадтского порта предложил два решения относительно преобразования тюрьмы: построить новое здание или найти помещение, которое «могло бы удовлетворять требованиям правосудия, службы и самих обвиняемых»²⁰.

Некоторое время рассматривалась возможность перемещения тюрьмы в форт «Меншиков». В одном из документов за март 1884 г. имеется упоминание о таком пожелании, высказанном управляющим Морским министерством И.А. Шестаковым после осмотра тюрьмы. «Находя помещение этой тюрьмы крайне неудовлетворительным», Шестаков поручил главному военно-морскому прокурору К.Я. Яневичу-Яневскому рассмотреть возможность, по согласованию с военным ведомством, приспособить под следственную тюрьму форт «Меншиков», принадлежавший Военному министерству²¹. Однако, как свидетельствует письмо из канцелярии Морского министерства главному командиру Кронштадтского порта от 3 апреля 1884 г., эта идея была отвергнута, как из-за неудобства помещений в форте, так и по причине «значительности расхода, требующегося на это приспособление»²².

За период с 1899 г. в архивных материалах имеются сведения о численности заключенных, содержавшихся в следственной тюрьме. Так, по состоянию на 1 января 1899 г., здесь находился 61 чел. (43 – в общих помещениях и 18 – в одиночных)²³. В дальнейшем численность содержавшихся в тюрьме нижних чинов составляла, как правило, от 50 до 80 чел.

Иногда учреждение использовалось для содержания не только обвиняемых в уголовных преступлениях и правонарушениях, но и участников революционного движения на флоте, в частности Кронштадтских восстаний 1905 и 1906 гг. Так, 28 октября 1905 г. в тюрьму была доставлена группа матросов (11 человек), задержанных за участие в беспорядках в ночь на 27 октября²⁴.

Заслуживают внимания попытки побегов из тюрьмы. Одна из них была совершена в ночь на 4 апреля 1903 г. тремя подсудимыми, безуспешно пытавшимися сделать проломы в стене, а затем в печной трубе²⁵. Еще одна попытка произошла в ночь на 18 июля 1910 г. В ней участвовали матросы Иван Мужичук, осужденный за убийство, кражу со взломом и другие преступления к ссыл-

ке в каторжные работы на 20 лет, и Константин Иванов, осужденный за ряд побегов со службы. Получив от кого-то, возможно одного из конвойных, стальной напильник, они перепилили кандалы, в которые был закован Мужичук, и один из железных прутьев оконной решетки и выбрались наружу, но вскоре были задержаны²⁶.

В ходе событий Февральской революции восставшие моряки и солдаты освободили заключенных, содержавшихся в тюремных учреждениях Кронштадта, в том числе в военно-морской следственной тюрьме²⁷. После февраля 1917 г. в тюрьму поступили новые арестанты: офицеры и чиновники. Очень отрывочны сведения о заключенных, содержавшихся в тюрьме в последующие месяцы 1917 г. Так, в августе 1917 г. в тюрьме находились 13 матросов и унтер-офицеров, арестованных «по политическому делу», 4 матроса за «стрельбу по пароходу, будучи на батарее в карауле», и 2 матроса, «дисциплинарно арестованные и за разные мелкие проступки»²⁸.

После Октябрьской революции Северо-восточная башня и следственная тюрьма по-прежнему находились в ведении Военно-морского флота. В марте 1921 г., в дни антисоветского восстания, здесь содержались кронштадтцы, не поддержавшие это выступление²⁹. История Северо-восточной башни после 1921 г. может стать предметом дальнейшего исследования.

¹ Столянский П.Н. Историко-общественный путеводитель по Кронштадту. [Пг]: Гос. изд-во Санкт-Петербург, 1923. С. 133.

² Тимофеевский Ф.А. Краткий исторический очерк двух столетий города Кронштадта. Кронштадт, 1913. С. 49; Столянский П.Н. Указ. соч. С. 109–110.

³ Столянский П.Н. Указ. соч. С. 133.

⁴ Шестаков И.А. Полвека обыкновенной жизни. Воспоминания (1838–1881 гг.) / Сост., предисл. и коммент. В.В. Козыря. СПб.: Судостроение, 2006. С. 398.

⁵ РГА ВМФ. Ф. 930. Оп. 4. Д. 262. Л. 11 об.

⁶ Там же. Л. 10, 10 об., 11, 12.

⁷ Там же. Ф. 283. Оп. 3. Д. 974. Л. 60–61.

⁸ Там же. Л. 76, 77.

⁹ Там же. Ф. 930. Оп. 4. Д. 268. Л. 103 об.

¹⁰ Там же. Д. 974. Л. 61.

¹¹ Там же. Ф. 407. Оп. 1. Д. 1006. Л. 2, 2 об.

¹² Там же. Л. 3.

¹³ Там же. Л. 1.

¹⁴ Отчет по морскому ведомству за 1879–1883 гг. СПб., 1885. С. 130.

¹⁵ РГА ВМФ. Ф. 930. Оп. 4. Д. 316. Л. 23–23 об.

¹⁶ Там же. Ф. 407. Оп. 1. Д. 1211. Л. 2, 2 об., 7.

¹⁷ Там же. Л. 7 об.

¹⁸ Там же. Л. 5.

¹⁹ Там же. Л. 6, 6 об.

²⁰ Там же. Л. 10, 10 об.

²¹ Там же. Д. 1006. Л. 8, 8 об.

²² Там же. Ф. 930. Оп. 4. Д. 316. Л. 44, 44 об.

²³ Там же. Д. 359. Л. 1–3.

²⁴ Там же. Оп. 4. Д. 396. Л. 4.

²⁵ Там же. Д. 368. Л. 1.

²⁶ Там же. Д. 480. Л. 6–7.

²⁷ Гордеев П.Н. Кронштадтский совет рабочих и солдатских депутатов в марте – октябре 1917 года: Дис. ... канд. ист. наук. СПб.: С.-Петербургский ун-т, 2007. С. 80.

²⁸ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2353. Л. 289.

²⁹ Столянский П.Н. Указ. соч. С. 133–135.

*А.А. Будко, Л.К. Барышкова, Г.А. Грибовская
(Санкт-Петербург)*

ВКЛАД ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОГО МУЗЕЯ В СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ПОДВИГЕ ЖЕНЩИН-МЕДИКОВ В СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЕ

СОВЕТСКИЕ ЖЕНЩИНЫ на всех фронтах Великой Отечественной войны проявили массовое мужество, самоотверженность, непреклонную стойкость и героизм¹. Летом 1942 г., дойдя до берегов Волги, немецкое командование планировало взять реванш и добиться победы над нашими войсками в битве на сталинградском направлении. Для успешности операции оно сосредоточило здесь почти четвертую часть всех своих войск, действовавших на территории нашей страны. Боевые действия происходили на фронте общей протяженностью 400–500 км. Особенно жестокие бои шли с 17 июля по 18 ноября. Только с 23 августа по 20 ноября воины-сталинградцы отразили свыше 700 атак фашистских войск². Но планам германского командования не суждено было осуществиться. Сталинградская битва завершилась 2 февраля 1943 г. полным разгромом ударной группировки гитлеровских войск³.

Успехи советских войск были predeterminedены и героическим трудом женщин – медицинских работников всех рангов и на всей глубине фронта – от эвакогоспиталей до переднего края обороны и наступавших подразделений. Пренебрегая опасностью, под огнем противника, женщины и девушки – врачи, фельдшера, медицинские сестры, санитарные инструкторы и санитарки – перевязывали раненых, выносили с поля боя вместе с их оружием, работали в лечебных учреждениях, делали неотложные операции, эвакуировали в тыл. Нередко продолжали оказывать медицинскую помощь или оперировать, будучи сами ране-

ны. Руководствуясь принципами милосердия, женщины-медики нередко были вынуждены братья за оружие, защищая от фашистов раненых воинов Красной армии.

Под Сталинградом начали свой боевой путь многие женщины – медицинские работники, ставшие в ходе войны Героями Советского Союза: В.О. Гнаровская, З.И. Маресева, М.С. Боровиченко, В.С. Кашеева. Здесь пролегли боевые дороги медицинской сестры Марианеллы (Гули) Владимировны Королевой, санинструктора 402-й разведроты 343-й стрелковой дивизии Марии Кухарской, награжденной орденом Ленина за вынос с поля боя 481 раненого⁴, санинструктора Матрены Ноздрачевой-Нечепорчуковой, единственной женщины-медика, удостоенной орденов Славы трех степеней, на счету которой сотни спасенных солдат и офицеров⁵. С начала и до конца обороны находилась в доме сержанта Павлова Мария Ульянова⁶.

С бесстрашием, мужеством и самоотверженностью в битве на Волге выполняла свой долг санитарный инструктор стрелковой роты Вера Сергеевна Кашеева, работая на дивизионном медицинском пункте. За мужество, стойкость и храбрость, инициативу и энергию при оказании помощи раненым была удостоена звания Героя Советского Союза.

Ирина Клыкова в дни героической битвы за Сталинград переносила раненых в укрытия, оказывала им медицинскую помощь, переправляла на катерах и плотках через Волгу, покрытую горячей нефтью. Спустя 25 лет, в 1967 г., за самопожертвование при спасении раненых в самых тяжелых боях Ирину Ивановну Клыкову наградили высшим знаком отличия Международного Красного Креста – медалью «Флоренс Найтингейл».

Вызывает глубокое уважение и восхищение ратный подвиг Людмилы Антоновны Родионовой, которая перед началом войны работала актрисой Мариупольского театра. Имея среднее медицинское образование, она добровольно ушла на фронт и в должности старшего фельдшера командовала санитарным взводом. Во время Сталинградской битвы, выписавшись из госпиталя после тяжелого ранения, она снова оказывала помощь раненым. За всю войну Людмила Антоновна вынесла с поля боя и оказала медицинскую помощь более чем 160 раненым. Была награждена орденами, в том числе орденом Ленина, и многими медалями. В 1975 г. также удостоена медали имени Флоренс Найтингейл.

Мария Синькова в мирное время работала фельдшером-акушером в Джелал-Абаде. В войну находилась в военно-санитарном поезде на сталинградском направлении. За самоотверженный труд по оказанию помощи раненым правительство наградило Марию орденом Великой Отечественной войны, а Международный Комитет Красного Креста в 1987 г. – медалью имени Флоренс Найтингейл.

В Волгограде (бывшем Сталинграде) одна из улиц названа в честь санинструктора, гвардии сержанта 214-го стрелкового полка 73-й гвардейской дивизии Зинаиды Маресевой. В начале войны З. Маресева окончила краткосрочные курсы медицинских сестер. Боевое крещение получила под Сталинградом, где, работая до изнеможения, под градом вражеских пуль оказывала медицинскую помощь раненым, делала им перевязки, выносила тяжелораненых и доставляла их к переправе на Волге. Оберегая раненых от лишних страданий, Маресева для иммобилизации поврежденной конечности использовала их оружие, а также палки, доски. Только за два дня под непрекращающимся огнем противника она вынесла с поля боя 64 раненых, 52 из них – с личным оружием, эвакуировала их через реку. От Сталинграда ее боевой путь протянулся до Днепровского рубежа. И на всех фронтах проявляла мужество и отвагу. Погибла Маресева в боях за переправу через Северный Донец, прикрыв своим телом раненого командира и получив серьезное ранение, от которого скончалась спустя три дня⁷.

Награжденная орденом Красного Знамени медицинская сестра Гуля (Марианелла) Королева погибла в одном из сражений за Сталинград. Ей было всего 20 лет. На своих плечах она вынесла с поля боя более 100 раненых бойцов и командиров. В одном из сражений Гуля Королева была ранена в ногу, но осталась в строю. И то делала раненым перевязки, то, берясь за автомат, вступала в бой. В один из напряженных моментов она заменила убитого пулеметчика. А когда подошло подкрепление, вместе с бойцами ринулась вперед с возгласом «За Родину!» Произошло это в ноябре 1942 г. Похоронена эта смелая девушка в донском хуторе⁸.

Военно-медицинский музей внимательно относится к сохранению исторического и культурного наследия страны, особенно документальных материалов, проливающих истинный свет

на события Великой Отечественной войны. Это имеет важное значение из-за попыток в последнее время переписать историю и принизить роль советского народа в Победе над немецко-фашистской Германией и ее союзниками. Несмотря на кажущуюся давность событий, большой интерес представляют документы о женщинах – медицинских работниках, внесших существенный вклад в сохранение жизни солдат и командиров Красной армии и в возвращение их в строй. Востребованность материалов библиотечного архива и фондов музея свидетельствует о неослабевающем внимании к теме «Женщины-медики в Сталинградской битве». Многочисленные фотографии, грамоты, награды, книги и брошюры, газетные статьи, письма, дневники, произведения искусства, посвященные этой теме, – наглядные свидетельства самоотверженного труда, героизма и самопожертвования представительниц самой миролюбивой профессии на земле. Свидетельства того, как женщины-медики под огнем противника перевязывали раненых, как, рискуя собственной жизнью, перетаскивали их с поля боя в безопасные места, как переправляли их через Волгу в медпункты, медсанбаты и эвакогоспитали, как, будучи ранеными снайперскими пулями и осколками от мин, продолжали оказывать медицинскую помощь нуждающимся воинам.

Невозможно без волнения смотреть на фотографию, запечатлевшую тот момент, когда санитарный инструктор Олечка оказывает первую помощь раненому бойцу среди горящих и разрушенных во время уличных боев домов Сталинграда. Сколько было таких бесстрашных Олечек в горящем, но не сдающемся врагу городе! На другой фотографии – лейтенант медицинской службы Людмила Гришина, будучи сама раненой, проявила мужество при оказании первой помощи раненому бойцу. Это, верно, про нее сказано: «...Ранена сама пулей пролетающей, голову спешит перевязать товарищу...» В дивизии она снискала большое уважение за храбрость, самоотверженность и материнскую заботу о раненых⁹. А на других фотографиях – медицинские сестры М. Иванова, старший сержант медицинской службы В. Ганзина, старший военфельдшер Тина Бугай, медицинские сестры М. Иванова, Е. Дудникова и Г. Чернец.

Восхищение и преклонение вызывают воспоминания участницы Сталинградской битвы медицинской сестры Эмилии Сте-

пановны Дягилевой, младшего сержанта медицинской службы. В одном из писем Дягилева подробно описала один из эпизодов битвы. «...23 августа 1942 г. от разрыва сбрасываемых немцами авиабомб дрожала земля. Над городом висело огневое зарево... горели фабрика-кухня, школы, дома... В подвале профессорского дома собрались бойцы, раненые и 4 медицинских сестры... Немцы забросали подвал гранатами. Подвал наполнился удушливым дымом.... Бросая в немцев через открытую дверь гранаты, мы переправили раненых через окно из подвала наружу, сами тоже выскочили через окно и заняли оборону...»

Многочисленные грамоты и характеристики старшего лейтенанта медицинской службы Н.Л. Букаревой, лейтенанта медицинской службы Г.А. Адарюковой, старшей медицинской сестры М.И. Настусенко, медицинской сестры В.И. Некрашевич – подлинны свидетельства их бесстрашия, мужества и самоотверженности при оказании медицинской помощи раненым во время обороны города (с 17 июля по 18 ноября 1942 г.) и при наступательных операциях (с 19 ноября 1942 по 2 февраля 1943 гг.).

Из воспоминаний еще одной из участниц боев в Сталинграде – врача хирургического эвакогоспиталя Е. Кульчицкой: «...Мне помнится октябрь 1942 года. Раненые в госпиталь поступали беспрерывно... Медицинскую помощь оказывать было не так просто, когда стены содрогались от разрывающихся бомб и снарядов... Оперировать приходилось с утра до вечера. Нередко сутками не выходили из операционной. Случалось, не хватало крови... и тогда медики, не задумываясь отдавали свою... Работа была трудная. Но то, что мы делали, это был наш долг перед Родиной и народом... Мы победили, потому что верили в правоту своего дела и беспредельно были преданы Родине...»

Нелегко был труд самоотверженных, бесстрашных женщин, многим из которых было всего по 18–20 лет. А какие трогательные письма матерям и подругам писали они с полей сражений! Все тяготы войны не могли убить в них любовь, нежность, бережное, заботливое отношение к близким и друзьям. «...Котик мой, родненький! Мамулечка! Как я соскучилась по тебе, моя мамочка. У меня все благополучно: жива, здорова, работаю, сплю... Береги себя для меня, не убивайся, не волнуйся за меня...» – так писала своей маме Наташа Качуевская, 20-летний санинструктор

тор 34-й гвардейской стрелковой дивизии 28-й армии, дислоцировавшейся южнее Сталинграда¹⁰.

В фондах музея хранятся многочисленные предметы, переданные музеем Александрой Леонидовной Спириной – мамой Наташи Качуевской. Здесь и книга «Наташа», написанная Спириной с большой теплотой и любовью о своей дочери. На ее страницах предстает образ обыкновенной девушки, выполнившей во время Сталинградской битвы свой профессиональный и воинский долг. Ценою своей жизни она спасла от немецких солдат 70 тяжелораненых бойцов. За свой подвиг Наташа не получила награды. Но ее имя начертано золотыми буквами на граните мемориала на Мамаевом кургане в Волгограде¹¹. Малой планете № 2015, открытой 4 сентября 1972 г. советскими астрономами Крымской обсерватории, в 1978 г. дали название «Качуевская» – в память о героине Сталинградской битвы. О.Н. Крайцев посвятил Наташе один из очерков своей книги «Звезда с звездой говорит». Эта книга также находится в фонде музея¹².

Бережно хранятся в фондах 20 грамот, отданных музеем Е. Дудниковой. В дни битвы за Сталинград Евдокия Петровна стала заместителем начальника медицинской службы ПВО и руководила работой сандружинниц. Под ее руководством вытаскивали пострадавших из горящих зданий, относили в укрытия и в подземные медпункты, развозили по госпиталям. Активная и самоотверженная во время битвы за Сталинград, Е. Дудникова оставалась такой же и после войны, занимаясь активно оборонно-массовой деятельностью в Обществе Красного Креста.

Большая работа была проделана сандружинницами, входившими в санитарные формирования Красного Креста. Они перевязывали раненых и переправляли их в госпитали, расположенные за Волгой. Их были тысячи, воспитанниц Красного Креста, готовых на подвиги, жертвующих своей жизнью во имя священного дела – Победы над врагом. Многие из них погибли смертью храбрых¹³.

Выше было упомянуто имя В.О. Гнаровской, чей боевой путь начался при обороне Сталинграда. На основной экспозиции Военно-медицинского музея в зале Великой Отечественной войны представлены материалы о подвиге этой бесстрашной девушки, пожертвовавшей своей жизнью для спасения раненых, но в другой битве.

Хранящиеся в фондах и библиотеке Военно-медицинского музея материалы проливают истинный свет на события 1942–1943 гг. во время битвы за Сталинград. Победа Советской армии над врагом в этой битве, явившейся переломной в истории Великой Отечественной войны, далась нелегко. Героическим самоотверженным трудом, выполнением профессионального долга по спасению жизней советских воинов женщины-представительницы самой гуманной профессии на земле внесли свой вклад в победу в Сталинградской битве.

Военно-медицинский музей проводит огромную работу по сохранению исторической памяти о героическом труде женщин – медицинских работников в Сталинградской битве, причем не только путем формирования специального фонда и библиотечного архива по указанной тематике, но и путем широкой его популяризации. Сотрудники музея неоднократно принимали участие в научно-практических конференциях, посвященных Великой Отечественной войне, в том числе во всероссийских, проводимых на базе музея-заповедника «Сталинградская битва». В феврале 2013 г. в библиотеке Военно-медицинского музея была открыта выставка «70-летие Сталинградской битвы». Здесь были представлены 73 печатных издания, многие из которых содержали сведения о женщинах-медиках, участвовавших в оказании помощи раненым и больным во время битвы за Сталинград. В том же году на основной экспозиции в зале Великой Отечественной войны была открыта выставка «Военные медики в Сталинградской битве». Некоторые ее материалы были также посвящены героическому труду женщин-медиков. Тема присутствия представительниц медицинских специальностей на театрах военных действий неоднократно освещалась в публикациях сотрудников музея и становилась предметом его выставок. Новая выставка повествует об участии женщин-медиков в оказании медицинской помощи раненым и больным в локальных войнах и вооруженных конфликтах конца XX – начала XXI вв.

¹ Будко А.А., Грибовская Г.А. Женщина – воин, женщина – жертва // Военно-исторический журнал. 2004. № 3. С. 13–16.

² Зарубина А.Д. Женщины на защите Сталинграда. Сталинградское книжное изд-во, 1958. С. 3–4.

- ³ Великая Победа на Волге. Альбом схем / Под ред. Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского. М.: Военное изд-во МО СССР, 1965. Схемы 2–29.
- ⁴ Мирошников М.В., Стурова Е.А. Героизм медиков Сталинграда // Материалы Всеросс. научно-практич. конф., посвященной 70-летию Сталинградской битвы, 19–20 ноября 2012 г. Волгоград: Изд-во ВОЛТМУ, 2012. С. 31.
- ⁵ Бараев Т. Путеводная звезда. Одесса: «Фаворит», «Печатный дом», 2012. С. 34.
- ⁶ Там же. С. 35.
- ⁷ Сатрапинский Ф.В. Военные медики – Герои Советского Союза. Л.: Изд. Военно-медицинского музея МО СССР, 1975. С. 32.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. С. 9.
- ¹⁰ Спирина А.Л. Наташа. М.: Молодая гвардия, 1970. С. 102–103.
- ¹¹ Там же. С. 106–114.
- ¹² Коротцев О.Н. «... И звезда с звездой говорит». СПб.: ИТА РАН, 1995. С. 28–31.
- ¹³ Дымный М. Героини Сталинграда / Под ред. проф. К.В. Майстрах. М., 1946. С. 23.

*А.А. Будко, Д.А. Журавлев, Г.А. Грибовская
(Санкт-Петербург)*

ПЕРВОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ АРМИЕЙ ВОЕННО-САНИТАРНЫХ ПОЕЗДОВ НА ТЕАТРЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ (ПО ОПЫТУ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 ГОДОВ)

ОДНИМ ИЗ ВАЖНЫХ СОБЫТИЙ в организации медицинской эвакуации раненых и больных в России явилось использование санитарных поездов в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Первая попытка подобной перевозки была предпринята сыном знаменитого наполеоновского лейб-хирурга военно-медицинским инспектором французской армии Ф.И. Ларреем, который в 1857 г. сконструировал и предложил особый санитарный вагон для доставки заболевших солдат из Шалонского военного лагеря в лазарет, расположенный в 7 милях от лагеря. Приспособление пассажирских и товарных вагонов для перевозки раненых и больных нашло применение во время войны в Северной Италии (1859), в Соединенных Штатах (1861–1865) и особенно в ходе франко-прусской войны 1870–1871 гг., к концу которой Германия имела уже 21 санитарный поезд.

В России этим вопросом стали заниматься с середины 1860-х гг. В 1868 г. под руководством инженер-полковника А.С. Завадовского была выработана система приспособлений товарных вагонов для перевозки раненых¹. Она состояла в том, что в товарных вагонах размещались в два яруса 8 носилок. Четверо нижних носилок устанавливались на специальные подставки, четверо верхних подвешивались на железные крюки с помощью кожаных петель и каучуковых колец. Для освещения вагонов использовались фонари со свечами. Для обслуживания верхних ярусов в вагонах предусматривались по 2 деревянных табурета.

Эта система была испытана силами 37-й пехотной дивизии, стоявшей в Петербурге и его пригородах. После проведенных испытаний система Завадовского получила одобрение, и в 1869 г. военное и железнодорожное ведомства заключили соглашение, по которому на железных дорогах, в зависимости от их протяженности (150 верст – 1 вагон, 150–200 – 3 вагона, 250–500 – 6 вагонов, свыше 500 – 9 вагонов), постоянно находились от одного до девяти оборудованных таким образом вагонов². Военное ведомство обязало правления железных дорог постоянно иметь подготовленные к быстрому приспособлению вагоны на ряде станций в пределах каждой дороги. На этих же станциях должно было храниться съемное и прочее оборудование для этих вагонов.

1 марта 1873 г. назначенная военным ведомством особая комиссия для испытания разных видов приспособлений вагонов для военно-санитарных целей провела испытания на Николаевской железной дороге. Был составлен целый опытный военно-санитарный поезд в 28 вагонов на 330 человек. Комиссия, которая проехала из Петербурга до ст. Александровская и обратно 21 версту, пришла к заключению, что перевозку раненых и больных следует производить преимущественно в товарных вагонах, употреблять носилки и в крайнем случае тюфяки на толстом слое соломы, иметь двери в поперечных стенках вагонов для сквозного прохода, в пассажирских вагонах расширить двери и т. д. Эти результаты были представлены на рассмотрение специальной комиссии в составе членов Военно-медицинского учебного комитета Траппа, Вильчковского, Торопова, Пелехина, под председательством окружного военно-медицинского инспектора Риттера, которая установила, что лучшими признаны вагоны Московско-Ярославской и Балтийской железных дорог.

В дальнейшем в ходе подготовки к русско-турецкой войне военное ведомство приняло ряд организационных мер, которые должны были обеспечить перевозку раненых в тыл. В соответствии с «Положением о военно-санитарных поездах», введенным в действие 20 июня 1876 г., каждый такой поезд оборудовался для перевозки не менее 250 чел.

Незадолго до начала Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. штаб-ротмистром Городецким была предложена новая система для оборудования вагонов, которая представляла собой осо-

бий станок на рессорах для двухъярусного размещения носилок. В апреле 1877 г. система Городецкого была неоднократно испытана на Николаевской железной дороге и получила высокую оценку профессора Н.В. Склифосовского и доктора медицины члена Главного управления Общества попечения о раненых и больных воинах И.В. Гримма. В начале мая того же года военное ведомство сделало срочный заказ в мастерскую санитарных приспособлений Степанова и Ко на изготовление 800 станков Городецкого.

8 мая 1877 г. на Знаменской площади в Петербурге царил оживление. В далекий путь от перрона Николаевского вокзала, к границам Румынии должен был отправиться первый в России санитарный поезд³. Состав состоял из 17-ти вагонов: 4-х товарных и 13-ти пассажирских. В товарных вагонах разместились кухня, прачечная, кладовая с ледником и багажная. Один вагон 2-го класса был предназначен для членов санитарного отряда, направлявшихся на театр боевых действий, – врачей, фельдшеров и сестер милосердия. В вагоне 3-го класса ехали санитарные служители, и здесь же находилась аптека. А все остальные 11 вагонов, каждый на 16 «лежачих», были предназначены для раненых. Здесь-то и были установлены на специальных подставках с амортизаторами койки-носилки. Руководителем медицинской службой санитарного поезда был доктор медицины хирург В.Н. Зененко, его помощниками – ординаторами – были хирурги Шперк и Годицкий, а группу сестер милосердия возглавляла опытная сестра Шредер.

Больше месяца длилась первая поездка. Раненые и больные, отобранные полевым медицинским инспектором, числом в 350 чел., были доставлены в киевские, московские и петербургские госпитали. Во время этой поездки выявился ряд технических недостатков. Когда 15 июня 1877 г. поезд вернулся в Петербург, он сразу же поступил в мастерские Александровского завода. В течение 4-х недель 500 рабочих трудились над устранением замеченных недостатков. Была увеличена высота вагонов, смонтирована новая система вентиляции. Для «сидячих» раненых и больных поставлены раздвижные кресла с откидными спинками, койки поставлены на дополнительные амортизаторы, между вагонами устроены удобные площадки для вноса и выноса раненых. Заново подкрашенный, с яркими знаками красного креста

по бокам вагонов, санитарный поезд 12 июля 1877 г. вновь отправился в путь.

Определенное количество специальных военных поездов формировалось силами Общества Красного Креста. 27 апреля 1877 г. Главное управление Общества Красного Креста издало циркуляр, по которому каждый санитарный поезд должен был состоять из 22 вагонов для раненых и больных, администрации и санитарного состава, иметь кухню, кладовую и амуничник⁴. Военное ведомство утвердило предназначение 8 вагонов – для тяжелораненых и «лежачих» больных, 9 – для легкораненых, по одному – для санитарного персонала, прислуги, кухни и 2 – для багажа и грязного белья. По штату 1878 г. в каждом вагоне должны были находиться 2 врача, 1 фармацевт, 2 фельдшера и 6 сестер милосердия.

Из 18 санитарных поездов, сформированных на пожертвования от частных лиц и общественных организаций, восемь были сформированы на суммы Главного управления Красного Креста, и для большинства поездов принято Высочайшее покровительство лиц царской фамилии. Так, санитарный поезд № 1 имени Государыни Императрицы, сформированный Николаевской железной дорогой, содержался на средства Санкт-Петербургского дамского лазаретного комитета, совершил за войну 24 рейса и перевез 3860 раненых и больных. Поезд № 2 имени Великой княгини Александры Петровны, сформированный на Балтийской дороге, сделал 31 рейс, за который перевез 4259 раненых и больных. Санитарный поезд № 3 имени Великой княгини Евгении Максимилиановны, сформированный на Николаевской железной дороге, совершил 31 рейс и перевез 7377 раненых и больных.

Все лица, подлежащие перевозке, подвергались тщательной «сортировке». Транспортировка на большие расстояния предстояла преимущественно всем больным, страдающим хроническими заболеваниями, больным цингой, выздоравливающим, раненым и оперированным, для которых нельзя было ожидать полного и скорого восстановления годности к военной службе. Инфекционные больные транспортировались в отдельных вагонах.

Увеличение числа раненых в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. заставило прибегнуть к использованию воинских (при-

способленных) поездов, которые состояли из обыкновенных товарных вагонов с тюфяками, набитыми сеном⁵.

Все специальные санитарные поезда, состоявшие в ведении Главного штаба, находились в распоряжении особых эвакуационных комиссий, расположенных в Яссах и Владикавказе. Комиссии работали под председательством местных комендантов с участием представительств от Военно-медицинского госпитального ведомства и от Общества Красного Креста. Обязанностью их было распределение внутри страны больных и раненых, поступающих из действующих войск в лечебные учреждения военного, гражданского ведомств и Общества Красного Креста. Эвакуационная комиссия для направления раненых и больных в лечебные учреждения Петербургского округа учреждалась в Москве. Больные и раненые направлялись не в гражданские городские больницы, а поступали в лечебные учреждения Красного Креста и военного ведомства Петербурга, Петергофа, Царского Села, Павловска, Ораниенбаума, Гатчины и Красного Села. В задачу эвакуационных комиссий входило сообщать Главному штабу о числе прибывших из армии, отправленных, подлежащих отправке.

Всего за русско-турецкую войну с театра военных действий в Россию было перевезено около 155 тыс. пострадавших⁶. Опыт эвакуации раненых и больных военно-санитарными поездами широко использовался и совершенствовался в Русско-японскую 1904–1905 гг. и Первую мировую войны.

¹ Гаусман И. Происхождение, организация и деятельность наших военно-санитарных поездов // Инженерный журнал. 1878. № 1. С. 57–58.

² Грибовская Г.А., Шабунин А.В. Первая в русской армии эвакуация раненых и больных по железным дорогам // Воен.-мед. журн. 1997. № 6. С. 64–66.

³ Будко А.А., Шабунин А.В. Василий Иванович Приселков (Опыт работы полевого военно-медицинского инспектора на театре военных действий в Болгарии в 1877–1878 гг.) // Воен.-мед. журн. 2005. № 9. С. 35–37.

⁴ Георгиевский А.С., Мишов З.В. Медицинская общественность и военная медицина в Освободительной войне на Балканах в 1877–1878 гг. М., 1978. С. 105.

⁵ Будко А.А. История военной медицины России XIX – начала XX в. СПб., 2006. Т. 3. С. 303–321.

⁶ Рихтер П. Красный Крест в Румынии и Северной Болгарии. 1877–1878. СПб., 1879.

А.А. Будко, Н.Г. Чигарева (Санкт-Петербург)

**МУЗЕЙ – ЭТО «ИНСТИТУТ
ПО ИЗУЧЕНИЮ ОПЫТА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ, А СЛЕДОВАТЕЛЬНО,
И ПОСЛЕДУЮЩИХ ВОЙН...»
(К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОБРАЗОВАНИЯ
ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОГО МУЗЕЯ)**

ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ МЕДИЦИНЫ свидетельствует о том, что в России попытки создать учреждение, в котором осуществлялось бы накопление материалов, отражающих развитие отечественной практической медицины в военное время, предпринимались неоднократно. Еще Н.И. Пирогов, осознавая необходимость научного анализа опыта прошлых войн, писал: «Будем впредь надеяться, что приобретаемая в наших войнах опытность не пройдет бесследно для будущих поколений»¹. Тем не менее, в силу обстоятельств, все стремления создать музей, где бы отражались, в том числе, вопросы оказания помощи раненым и больным в военное время, были безуспешными.

Создание первых медицинских музеев в России относится к XIX в. В 1829 г. организован музей при Петербургском инструментальном хирургическом заводе, в 1863 г. – Хирургический музей Медико-хирургической академии, ставший первым в России музеем военно-медицинского профиля, а в 1897 г. – музей Хирургического общества им. Н.И. Пирогова. В начале XX в. также предпринимались попытки основать военно-медицинский музей. Так, 21 ноября 1925 г. был открыт Военно-санитарный музей Красной армии и флота, просуществовавший самостоятельно всего два года, объединенный затем с Хирургическим и Пироговским музеями и расформированный в 1935 г.²

Необходимость создания музея военно-медицинского профиля стала очевидной, когда началась Великая Отечественная

война. Никогда до этого момента мировая медицина не сталкивалась с таким огромным числом раненых и больных на театре военных действий, и опыта оказания медицинской помощи в таких масштабах не существовало. Перед медициной встали задачи оказания практической помощи Красной армии; изучения опыта, приобретаемого медицинской службой на полях сражений; внедрения и распространения в медицинских учреждениях фронта и тыла наиболее важных с практической точки зрения результатов. На фронтах и в военных округах стали организовываться выставки по вопросу лечения раненых и больных. Открытие их приурочивалось к фронтовым, армейским и окружным конференциям, на которых накапливался и обобщался полученный опыт. Это и явилось тем стимулом, который обеспечил возможность создания Военно-медицинского музея. Начальник Главного военно-медицинского управления Е.И. Смирнов в своей книге «Война и военная медицина. 1939–1945 гг.» вспоминал: «Во время Московской битвы возникла мысль приступить к созданию Военно-медицинского музея, экспонаты которого отражали бы многогранную деятельность многочисленных медицинских учреждений»³. Он писал: «Каждый удачный санитарный маневр, каждое серьезное рационализаторское предложение в области обеспечения раненых и больных должно найти немедленное отражение в стенах музея, стать доступным для обозрения и изучения»⁴.

На одном из совещаний Е.И. Смирнов отметил следующее: «У нас нет ни одного музея военной медицины. В своем музее думаем начать историю не с сегодняшнего дня, а со времен Пирогова, так как готовились к войне с учетом прошлого, но самое главное, нужно отразить во всей широте военную медицину настоящего времени... Сейчас мы сможем получить то, чего мы не сможем получить по окончании войны. Это будет играть исключительно большую роль для будущих поколений»⁵.

26 мая 1942 г. главным медицинским специалистам Красной армии (хирургу, терапевту, эпидемиологу, токсикологу) и начальникам управлений и отделов Главного военно-санитарного управления Красной армии (ГВСУ КА) была разослана директива с просьбой высказать соображения по вопросам организации музея и составить перечень материалов, необходимых с их точки зрения для его экспозиции⁶. В течение лета 1942 г.

в ГВСУ КА поступали предложения и рекомендации по работе структуры музея. 22 сентября 1942 г. Е.И. Смирнов издал приказ, в котором говорилось: «Необходимость иметь постоянную учебно-научную базу для медсостава Красной Армии требует создания музея-архива, в котором были бы сосредоточены материалы, отражающие работу санитарной службы в виде: литературы, препаратов, муляжей, макетов, фотографий, схем и др.»⁷ Этим же приказом была создана музейная комиссия под председательством профессора В.Н. Шевкуненко. В ее состав вошли известные ученые-медики: академик Н.Н. Бурденко, профессора С.С. Гирголав, В.Н. Шапов, М.С. Вовси, В.С. Левит, В.В. Гориневская, М.Ф. Глазунов, И.Д. Ионин, начальник Военно-медицинской академии Л.Р. Маслов, ответственные сотрудники ГВСУ КА. Собрание комиссии по вопросу структуры будущего музея проходило в обстановке длительной, напряженной дискуссии и завершилось принятием решения о создании музея в составе 11 отделов, 9 из которых были научно-исследовательскими⁸. Тем самым музей изначально формировался как научно-исследовательское учреждение. Организаторами отделов были назначены лица, чья компетентность и опыт работы в ГВСУ КА не вызывали сомнений. По рекомендации В.Н. Шевкуненко исполняющим обязанности начальника музея стал профессор А.Н. Максименков.

12 ноября 1942 г. вышел новый приказ Е.И. Смирнова, подтверждавший необходимость создания музея, который, по его мнению, «должен явиться постоянной учебно-научной базой ... и основой, на которой можно было бы в дальнейшем рационально организовать систему преподавания и научную разработку полученных материалов». Там следовало сконцентрировать различные материалы периода Великой Отечественной войны (патологоанатомические препараты, фотоснимки, предметы медицинского оснащения и т. д.), а также всю военно-медицинскую документацию (истории болезни, отчеты, переписку), которая после систематизации и глубокого научного анализа должна была послужить базой для научных работ по истории военной медицины. Это неоднократно подчеркивалось начальником ГВСУ КА и являлось руководством к действию: «Вряд ли следует оттаптываться на мотивировках насущности Военно-медицинского музея. Это ясно без доказательств. Военно-медицинский

музей нам нужен не только для процветания медицины Красной Армии, но и для прогресса нашей советской медицины»⁹. Е.И. Смирнов утвердил окончательную структуру музея¹⁰. Так в один из суровых дней 1942 г., когда на фронтах Великой Отечественной войны шли тяжелые кровопролитные бои, осуществилась мечта Е.И. Смирнова – было основано уникальное учреждение, которому в 2017 г. исполняется 75 лет.

Важно подчеркнуть, что собирание материалов для музея было связано не только с организацией военно-санитарного дела и клинической практикой, но и с медицинской наукой. В плане организации музея предусматривался, а затем и осуществлялся огромный объем собирательской работы, комплектования его фондов. При этом, наряду с собственно музейными предметами (натурные экспонаты, фотоматериалы, тематические произведения искусства, реликвийные предметы и т. д.), собирались документы военно-медицинской службы, объединенные в последующем в специальный архив музея. Все это явилось той базой, на которой стало возможным развертывание научно-исследовательской работы. Было положено начало созданию учреждения, о котором мечтали известные ученые-медики и врачи.

Уже в конце 1942 г. с отдельных фронтов и из армий начали поступать материалы, отражавшие особенности оказания помощи раненым и больным, а также научно-практические достижения медицинских работников того или иного лечебного учреждения. Вначале музей аккумулировал то, что ему направляли санитарные управления отдельных армий, фронтов, отдельные учреждения. Затем начался плановый, активный сбор в учреждениях действующей армии. В феврале 1943 г. для организации сбора материалов в распоряжение 62-й армии, ведущей ожесточенные бои за Сталинград, был направлен военврач I ранга А.И. Нестеренко, на Воронежский фронт командирован доцент И.Л. Крупко, на Ленинградский фронт – П.Е. Загородный, которые за короткий срок собрали медицинские документы, рисунки, фотографии, макеты, диаграммы, схемы и другие материалы¹¹.

Для более полного сбора материалов на фронтах и в округах были сформированы специальные фронтовые бригады, куда входили подвижные лаборатории, два художника, фотограф,

патологоанатом и руководитель бригады. Эти коллективы обеспечили систематический сбор наиболее ценных материалов, характеризующих все многообразие медицинского обслуживания в сложных условиях боевых действий, в различных географических и климатических условиях.

Работа подвижных лабораторий на различных фронтах, в различной оперативно-тактической обстановке позволила получить материалы, анализ которых выявил особенности деятельности медицинской службы и ее организации в этой войне. Музей пополнился 30 тыс. фотографий, 5 тыс. патологоанатомических препаратов, художниками были написаны сотни этюдов, отражавших подлинные условия оказания помощи раненым и больным. Многие зарисовки были завершены художниками уже в послевоенный период и представлены в виде рисунков, этюдов, гравюр, картин и диорам. Собранные материалы отображали отдельные моменты работы медиков: вынос раненых с поля боя с применением различных эвакуационных средств (лодочки, волокуши, лыжно-носилочные установки, собачьи нартовые упряжки, паромы и др.); эвакуацию их на батальонные, полковые и дивизионные пункты; оказание медицинской помощи, а также развертывание и работу этапов медицинской эвакуации. Наиболее полное освещение получила работа армейских и фронтовых медицинских учреждений¹².

Тем не менее, эти материалы не могли в достаточной мере отразить всю сложность и особенности военно-медицинской службы. Поэтому, кроме перечисленных экспонатов, с конца 1943 г. в музей стали поступать истории отдельных учреждений, отчеты госпиталей, протоколы вскрытий и другие документы. Все эти виды медицинской документации в сочетании с патологоанатомическими препаратами, муляжами, макетами и другого рода объемными экспонатами позволили документально осветить все стороны военно-медицинской службы в целом и отдельных ее специальностей.

В связи с тем, что материалы поступали в огромном количестве, музей в первое время ограничивался только их учетом. Следующим этапом явилась систематизация полученных документов, обработка поступивших материалов в виде научного описания экспонатов и их систематизации для того, чтобы вся масса материалов, приведенная в систему, могла послужить базой для

последующей научной разработки. Ввиду отсутствия опыта это была исключительно трудная и сложная задача, потребовалось создание специальных форм учета, а также установление принципов систематизации и т. д.¹³

4 февраля 1943 г. была издана директива заместителя наркома обороны Е.А. Щаденко об открытии Музея военно-медицинской службы Красной армии с дислокацией в Москве. В первом приказе по музею, подписанном его начальником А.Н. Максименковым, говорилось: «Музей военно-медицинской службы Красной Армии считать открытым с 16 февраля 1943 г.»¹⁴ Таким образом, уже весной 1943 г. в Москве была развернута первая экспозиция, которая вызвала большой интерес как в научных кругах, так и среди фронтовых врачей.

В 1944 г. было принято решение о переводе музея в Ленинград, куда он окончательно переехал в следующем году. В 1945 г., подводя итоги работы музея, профессор А.Н. Максименков подчеркнул: «... наше учреждение из узкого понятия музей, из такого келейного понятия о его содержании, вырастает в учреждение большой государственной важности...» И далее: «Наше учреждение – учебно-ученое учреждение. Это не музей, это – институт по изучению опыта отечественной войны, а следовательно, и последующих войн..., это организация с глубоким содержанием, с большими задачами...»¹⁵

В 1946 г. Совет Министров принял Постановление об издании многотомного труда «Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» К работе над изданием были привлечены не только крупные ученые, но и практические врачи. Был организован огромный по своему количеству авторский коллектив из лиц, имеющих личный опыт в оказании медицинской помощи как в армейских, так и в тыловых учреждениях. В этой работе ведущая роль была отведена Военно-медицинскому музею, где имелось огромное количество патологоанатомических препаратов, фотографий, рентгенограмм, образцов различного рода приборов, аппаратов, инструментов, диагностических, лечебных и профилактических средств, моделей, созданных во время войны и получивших практическое применение, а также первичных документов на раненых и больных, в том числе историй болезни. Здесь готовились многочисленные разработки фондов, которые составляли основу авторских работ для

многоотного труда. Решение научных задач возлагалось на научно-исследовательские отделы, которые существуют в его составе вплоть до настоящего времени, хотя за 75-летний период произошли существенные изменения в их количестве, структуре и функциях.

Опыта систематизации материалов, да еще в столь больших масштабах, не было не только в отечественной, но и в мировой истории. К тому же слишком обширны были как тематика, так и характер материалов. По своему содержанию они относились к самым разнообразным направлениям деятельности медицинской службы и к различным историческим периодам. Среди них имелись документы медицинской службы (учетно-отчетные, переписка, документация лечебных учреждений, планы и др.), фотографии, вырезки из газет и журналов, письма раненых и больных, макеты, модели, различные предметы медицинского снабжения, произведения искусства (зарисовки, картины, портреты), истории болезни, патологоанатомические препараты. Концентрация в музее документальных материалов органов управления медицинской службы, лечебных учреждений, расформированных после окончания войны медицинских частей создала возможность для организации широкого научного анализа этих документов с целью обобщения опыта работы медицинской службы за период минувшей войны. Впервые в мировой и отечественной практике были подведены итоги опыта работы военно-медицинской службы в столь грандиозном масштабе. Издание 35-томного труда завершилось в 1955 г. В предисловии к последнему тому указано, что в основу положена статистическая разработка Военно-медицинского музея Министерства обороны СССР.

Итак, благодаря созданию музея был обобщен опыт медицинского обеспечения самой масштабной войны в истории человечества, а проделанная работа имела и до настоящего времени имеет существенное значение для организации и развития медицинского обеспечения Вооруженных сил страны.

¹ Пирогов Н.И. Военно-врачебное дело и частичная помощь на театре войны в Болгарии и в тылу действующей армии в 1877–1878 гг. // Собр. сочинений. Труды по военной медицине и военно-полевой хирургии (1871–1879). М., 1960. Т. VII. С. 45.

- ² Будко А.А., Бергман М.Д., Иванова Л.Д. Сокровищница медицинской науки // Московский журн. 2007. № 10. С. 38–45.
- ³ Смирнов Е.И. Война и военная медицина. 1939–1945 гг. М.: Медицина, 1979. С. 512.
- ⁴ Филиал ЦАМО. Ф. 2. Оп. 69530. Д. 1. Л. 66.
- ⁵ Там же. Ф. 2. Оп. 89530. Л. 13.
- ⁶ Там же. Оп. 69530. Д. 1. Л. 11–12.
- ⁷ Там же. Оп. 62828. Д. 1. Л. 1–2.
- ⁸ Там же. Оп. 69530. Д. 1. Л. 13–18.
- ⁹ Там же. Ф. 1. Оп. 55144. Д. 7. Л. 6.
- ¹⁰ Там же. Ф. 2. Оп. 69530. Д. 1. Л. 25–26.
- ¹¹ Шабунин А.В. Военно-медицинский музей, 1943–1993. Исторический очерк / Под общ. ред. Э.А. Нечаева. СПб.: ВММ, 1993. 159 с.
- ¹² Назарцев Б.И. Некоторые особенности комплектования фондов военно-медицинского музея в годы Великой Отечественной войны // Сохранение, реставрация и экспонирование памятников военной истории. СПб.: ВИМАИВиВС, 2011. Вып. 6. С. 135–142.
- ¹³ Максименков А.Н. Десятилетний опыт работы Военно-медицинского музея // Труды Военно-медицинского музея. 1952. Т. 1. С. 10–16.
- ¹⁴ Филиал ЦАМО. Ф. 2. Оп. 62829. Д. 1. Л. 1.
- ¹⁵ Там же. Оп. 46958. Л. 6.

О.К. Бумай (Санкт-Петербург)

**В.И. ШЕСТОВ – ОСНОВОПОЛОЖНИК
ТЕОРИИ ЛЕЧЕБНО-ЭВАКУАЦИОННОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФЛОТА И ИСТОРИИ
ВОЕННО-МОРСКОЙ МЕДИЦИНЫ**

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ ШЕСТОВ прошел сложный путь от курсанта Военно-медицинской академии до начальника кафедры истории медицины и истории военно-морской медицины Военно-морской медицинской академии. Его жизненный путь позволили проследить документы, имеющиеся в его личном деле (инв. № 90740 – далее л. д. инв. № 90740), хранящемся в Центральном государственном архиве ВМФ (г. Гатчина), а также воспоминания его учеников.

Родился Василий Шестов 14 января 1903 г. в селе Любодичах Бежецкого района Калининской области¹. Из его автобиографии известно, что его отец – Иван Федорович Шестов – был попом (сыном деревенского псаломщика), а мать – Анна Евдокимовна Сиверцева – была дочерью деревенского попа². Отец имел лошадь, корову, жил в казенном доме и пользовался церковной землей. Для работы по хозяйству нанимал работницу. Умерли родители Василия Ивановича в 1912 г.

После смерти родителей учился с 1912 г. в Бежецком духовном училище на казенный счет, получал бесплатное питание и одежду, как не имеющий родителей. По окончании училища в 1916 г. был переведен в Тверскую духовную семинарию (после Октябрьской революции она была ликвидирована и в ее помещениях была организована единая трудовая школа 2-й ступени, в которой Шестов проучился один год в 7 классе). С марта 1917 по февраль 1918 гг. В.И. Шестов работал в Тверском губернском статистическом бюро счетчиком 3-го разряда. Голодал,

поэтому уехал в Бежецкий уезд Тверской губернии и поступил на работу в Скорыневский волостной исполнительный комитет делопроизводителем³.

В апреле 1918 г. пошел добровольцем в Красную армию, был зачислен в 1-й Ярославский стрелковый полк, участвовал в ликвидации Ярославского мятежа «авантюры», как пишет сам в автобиографии. В сентябре при поступлении на курсы командного состава, мандатной комиссией был зачислен кандидатом на технические курсы, но при прохождении медицинской комиссии был демобилизован «по физическому недоразвитию»⁴.

С сентября 1918 по февраль 1919 гг. В.И. Шестов работал делопроизводителем в Скрыневском волостном военном комиссариате. В феврале 1919 г. поступил делопроизводителем во 2-й район Бежецкой уездной милиции, где впоследствии был назначен начальником милиции района. Начальником милиции работал во 2, 7 и 4-м районах до июля 1922 г.⁵ В апреле 1919 г. вступил в ВКП(б) – в Скрыневской волостной ячейке Бежецкой парторганизации.

Избирался членом волостной ячейки, работал на агитационной и пропагандистской работе. В 1922 г. сдал экстерном экзамены за среднюю школу при Борисовской единой трудовой школе 2-й ступени 2-го района Бежецкого уезда Сулежской волости⁶.

В 1922 г. поступил слушателем в Военно-медицинскую академию РККА, которую окончил в 1927 г. В комсомол вступил здесь же в 1922 г., в группе молодых партийцев, которые были направлены по постановлению бюро парторганизации. За время учебы в академии избирался членом бюро ВЛКСМ, вел работу по партийному просвещению, потом работал пропагандистом на фабриках и заводах Выборгского района Ленинграда, затем инструктором-обследователем партийной сети Выборгского райкома коммунистической партии и, наконец, консультантом по самообразованию на фабриках «Октябрьская», «Красный маяк» и заводе «Торпеда». Выбыл из комсомола в 1926 г. по возрасту. В 1926–1927 гг. избирался членом партбюро курсовой ячейки ВКП(б)⁷.

После окончания академии назначен ординатором Кронштадтского морского госпиталя, где работал по декабрь 1928 г.⁸ Из аттестации 1928 г.: «По должности младшего ординатора Кронштадтского Морского госпиталя, вдумчивый врач, обладающий

Автобиография В.И. Шестова.

21

Родился 14 января 1903 года в селе Лубодичах Бежецкого района Калининской области. Отец деревенский поп Иван Федорович Шестов, мать домашняя хозяйка Анна Евдокимовна Сиверцова (Шестова). По национальности оба русские. Возраста их не знаю. Родители царики с 1912 году. Отец жил в казенной доме и пользовался церковной землей.

С 1912 года учился в Бежецком духовном училище на казенный счет. По окончании училища был переведен в Тверскую духовную семинарию. После Великой Октябрьской Социалистической революции учился в Единой Трудовой школе 2-го ступеня г. Твери. За десять классов средней школы сдал экзамен экстерном в 1922 году при Борисовской Единой Трудовой школе 2 ступеня 2го района Бежецкого уезда.

В 1922 году выдержал выпускные экзамены и был зачислен слушателем Военно-Медицинской Академии им. С.П. Жирова, которую окончил в 1927 году. С 1930 года пришел служить хируром при кафедре военных и военно-санитарных дисциплин Военно-Медицинской Академии им. С.П. Жирова. При прохождении службы имел годичные прикомандирование к Ленинградскому отделению Коллежского Кораблестроительного факультета Военно-Морской Академии им. Ж.Е. Ворожцова, изучал немецкий и английский языки. В настоящее время пишу только по английски, а разговорной речью не владею.

Соловостоятельно начал работать с марта 1917 года старшим в Тверской губернии старшим врачом. В апреле 1918 года поступил добровольцем в Красную Армию откуда в сентябре был уволен по болезни в прикомандирование. С сентября 1918 года по февраль 1919 года работал помощником врача в Скотининской волости Вельского уезда. Бежецкий уезд. С февраля

пытливым умом. Теоретически подготовлен, серьезно готовит себя к деятельности военно-морского врача. Обладает устойчивой волей и ровным характером. В работе дисциплинирован. Тактичен, заботлив к больным и подчиненным. Политически хорошо подготовлен. Активный общественный работник. Пользуется заслуженным авторитетом. Если состояние здоровья не подорвет т. Шестова, из него выйдет крупный научный врач-специалист» (помощник начальника госпиталя Белоусов)⁹.

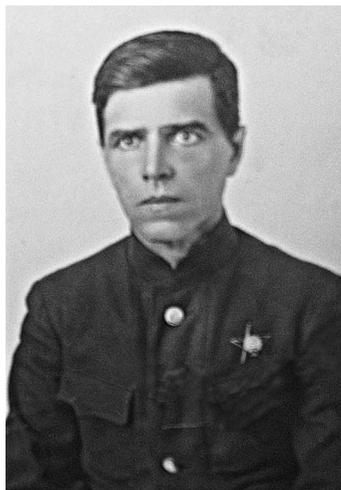
С декабря 1928 по февраль 1929 гг. исполнял должность старшего врача крейсера «Профинтерн», откуда был переведен в бригаду эскадренных миноносцев Краснознаменного Балтийского флота. В декабре 1929 г. назначен старшим врачом минного заградителя «25 Октября»¹⁰. За время службы в Краснознаменном Балтийском флоте руководил партийными школами и кружками, заведовал кабинетом агитационно-пропагандистской работы и выступал с докладами по поручению партийного бюро.

В апреле 1930 г. прикомандирован адъюнктом к Военно-медицинской академии РККА им. С.М. Кирова¹¹. Здесь специализировался по вопросам военно-морского санитарного дела.

В 1931 г. окончил годичный семинар по истории философии, диалектическому материализму и методологии военного дела при Ленинградском отделении Коммунистической академии.

В 1934 г. занимался на кораблестроительном факультете Военно-морской академии РККА им. Ворошилова¹².

Из аттестации 1932 г.: «По должности адъюнкта Военно-Медицинской академии. Застенчив, скромный человек, неумолимо строгий к себе и к другим. Исполнитель, дисциплинирован. Морское санитарное дело любит. Настойчиво борется за морскую подготовку предназначенных к службе на флоте слушате-

В.И. Шестов
в годы перед Великой
Отечественной войной

лей. Очень много работает над своей подготовкой по специальности. Имеет успехи в подготовке себя, как преподавателя. Политически развит хорошо». Аттестация была подписана начальником кафедры военных и военно-санитарных дисциплин Военно-медицинской академии Б.К. Леонардовым¹³.

За время пребывания в академии подготовил до 20 научно-исследовательских работ. В наиболее системном изложении материалы по организации медицинского обеспечения сил ВМФ в боевых действиях (операциях), по работе санитарных начальников при планировании и управлению силами и средствами медицинской службы были представлены в диссертации Василия Ивановича. Ученая степень кандидата медицинских наук присвоена ему решением Всесоюзного института экспериментальной медицины им. Горького 25 марта 1936 г.

За время работы в академии руководил кружками партийного просвещения, избирался партторгом кафедры и работал консультантом при Выборгском доме культуры Ленинграда. В 1935 г. получил партийный выговор «за недостаточную большевистскую настойчивость в деле разоблачения активных зиновьевцев и за несвоевременное сообщение в партийную организацию о своем чтении оппозиционных документов в 1927 году»¹⁴. Взыскание было снято только в 1939 г. партийной комиссией Политического управления Военно-Морского флота¹⁵. В это время Василий Иванович уже был начальником кафедры.

В 1935 г. выполнял ответственное задание: был назначен начальником медицинской службы экспедиции эскадренных миноносцев, впервые прошедших Северным морским путем из Кронштадта во Владивосток около 7408 морских миль. За отличную организацию лечебной и профилактической работы в экспедиции был награжден орденом Красной Звезды¹⁶.

По опыту, полученному при медицинском обеспечении этой операции, в 1939 г. была издана монография «Санитарное обеспечение плаваний в Северных морях». Рукопись находится в библиотеке НИИ промышленной и морской медицины. Этот опыт был использован в годы Великой Отечественной войны при медицинском обеспечении перехода кораблей Тихоокеанского флота на Северный.

В апреле 1938 г. переведен в Санитарное управление РККФ на должность начальника 4-го отдела и занимался вопросами организации военно-морских медицинских учебных заведений.

Из аттестации 1938 г.: «По должности преподавателя Военно-медицинской академии тов. Шестов принадлежит к числу молодых ученых, воспитанных Советской властью. Умеет подчинить

Титульный лист книги

свою научную работу практическим запросам – строительства здравоохранения и вооружения нашей страны». Аттестация была подписана начальником Военно-медицинской академии корвратом Кючарианцем¹⁷. В ноябре 1938 г. В.И. Шестов переведен на Военно-Морской факультет исполняющим должность начальника кафедры военно-морских и морских санитарных дисциплин¹⁸.

Из аттестации за период с ноября 1938 г. по ноябрь 1939 г.: «За аттестационный период проделал огромную работу по организации, сколачиванию и подготовке кафедры к проведению учебных занятий и принял самое деятельное участие в организации и формировании факультета в целом. Учебный процесс и научно-исследовательская работа на кафедре организованы и проходят хорошо. При участии и под руководством т. Шестова преподавательский коллектив кафедры подготовил к изданию большое учебное руководство по военно-морским санитарным дисциплинам. Читаемые лекции т. Шестовым по лечебно-эвакуационному обеспечению флота проходят на высоком идейном и теоретическом уровне; интересны по содержанию, просты и доходчивы для слушателей. ... Дисциплинированный, энергичный, настойчивый и инициативный работник, авторитетом пользуется достаточным; в отношении к подчиненным проявляет большую заботу. Чувство ответственности и классовой бдительности развито, хранить военную тайну умеет. ... По характеру вспль-

чивый, излишне доверчивый и недостаточно требовательный начальник». Аттестация подписана заместителем начальника факультета военврачом 1 ранга Зотовым (14 ноября 1939 г.)¹⁹

В августе 1940 г. при организации Военно-морской медицинской академии В.И. Шестов был назначен и. д. профессора кафедры военно-морской гигиены²⁰.

В годы Великой Отечественной войны Василий Иванович исполнял задания по организации медицинского обеспечения Ленинградской военно-морской базы, консультировал работу по устройству и применению госпитальных и санитарно-транспортных судов, работал по организации медицинского обеспечения в Шлиссельбурге и других местах Ленинградского фронта. В 1942 г. был командирован в составе бригады от Военно-морской академии на Черноморский флот, а потом на Тихоокеанский флот для организации медицинского обеспечения кораблей, следующих Северным морским путем на Северный флот. В 1943 г. выполнял специальное задание в Краснознаменной Амурской флотилии²¹. В декабре 1943 г. назначается начальником кафедры санитарной тактики с курсом военно-морских дисциплин, а в 1947 г. – начальником кафедры организации и тактики медицинской службы²².

В.И. Шестов
в период Великой
Отечественной войны

На общекафедральном «установочном» совещании 2 января 1944 г. новый руководитель кафедры высказал мнение, что для дальнейшего развития научной дисциплины, усиления ее профилирующей роли, военного воспитания слушателей и профессорско-преподавательского состава необходимо высвободиться от «налипшей» на нее массы тем и вопросов из других наук, путаницы в программах и планах обучения. В.И. Шестов отметил: «В составе кафедры в данное время комплексируется около 16 различных военных и санитарных наук, не имеющих между собой никакой органической связи, а это обстоятельство за-

трудняет внесение ясности и четкости в их содержание. В ВМА имени С.М. Кирова дисциплины, аналогичные содержанию работы нашей кафедры, излагаются на пяти самостоятельных кафедрах»²³.

Представляют интерес данные аттестаций этого периода, которые мы приводим ниже. Так, 6 февраля 1946 г. заместитель начальника ВММА по научной и учебной работе

В.И. Шестов в послевоенный период

отмечает: «...работа кафедры под его руководством (В.И. Шестова) значительно оживилась и улучшилась. Это сказалось в особенности в преподавании слушателям ВКУОСа и факультетов. Отмечается активность в преподавании на материалах и опыте Отечественной войны.

Полковник медицинской службы Шестов лично очень эрудирован, хорошо знает организацию и тактику санитарной службы ВМФ и про-

должает вести научную работу именно в этой области. Обладает достаточной работоспособностью и усидчивостью. В целом ряде вопросов имеет собственную точку зрения, часто идущую вразрез с общепринятыми. По характеру упрям, в разрешении некоторых вопросов иногда нерешителен и недостаточно настойчив. Характер тяжелый. К подчиненным мало требователен, вследствие нежелания кого-либо восстановить против себя.

Научная работа сотрудников кафедры за прошлый год значительно активизировалась, некоторые из них работают над диссертациями, чего раньше никогда не было»²⁴.

В аттестации, подготовленной начальником ВММА генерал-майором медицинской службы Ивановым, от 20 декабря 1947 г. сказано: «Будучи очень эрудированным, хорошо знает органи-

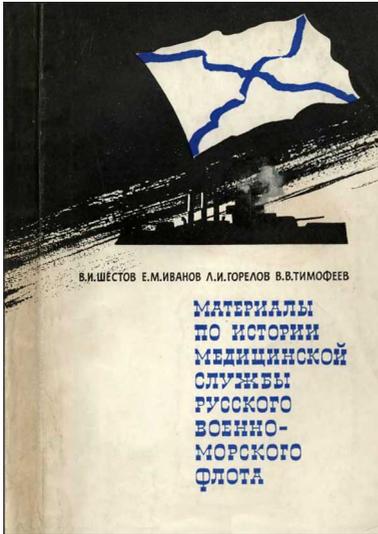
зацию и тактику санитарной службы ВМФ. В ряде вопросов имеет собственную, оригинальную точку зрения, часто идущую вразрез с общепринятыми. ... Лекции читает хорошо, тщательно к ним готовится. Обладает достаточной работоспособностью и усидчивостью. В этом году им закончена и оформляется диссертация для соискания ученой степени доктора медицинских наук. Под его руководством за последние два года выполнено и защищено несколько кандидатских диссертаций его помощниками и слушателями командного факультета на материалах Отечественной войны»²⁵.

В следующей аттестации, написанной заместителем начальника ВММА Долго-Сабуровым, отражающей период с декабря 1947 по ноябрь 1949 гг., отмечается, что «...учебный процесс на возглавляемой им кафедре срывов плана не имеет. Много работает над собой, однако результатов личного научного роста на деле не видно.

Представленная им в 1949 г. диссертация на ученую степень доктора медицинских наук встретила отрицательные отзывы рецензентов и нуждается в коренной переработке.

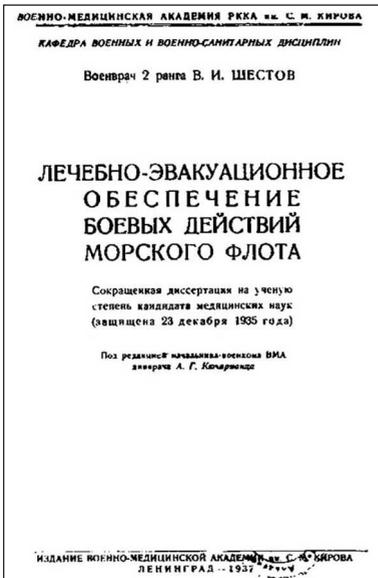
Предан своему делу, однако задачи свои как руководителя кафедры ОТМС понимает своеобразно. На военно-морских флотах, как правило, не бывает. Практику медико-санитарной службы современного военно-морского флота знает недостаточно; замкнут, скромен. Заседания Ученого Совета Академии и прочие служебные совещания часто игнорирует, командировав вместо себя своего заместителя. По вопросам перестройки профиля подготовки военно-морского врача на официальных совещаниях почти не выступает. За поднятие авторитета своей кафедры борется недостаточно. Коллектив сотрудников крепкий, за исключением своего заместителя. Отношения с сотрудниками нормальные, успешно помогает прикомандированным врачам в оформлении своих диссертаций по материалам Великой Отечественной войны....» В выводах аттестации сказано: «...Желательно использовать на кафедре истории медицины»²⁶.

И в сентябре 1950 г. В.И. Шестов был назначен начальником кафедры военно-морского искусства и истории военной медицины с курсом истории медицины. 31 января 1952 г. избран ученым советом Военно-морской медицинской академии на должность начальника кафедры истории медицины и истории воен-

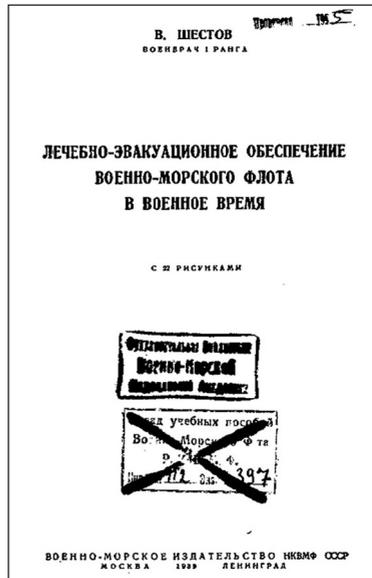

Обложка книги

но-морской медицины²⁷. На этой должности Василий Иванович Шестов реализовал свой научный потенциал. Командование ВММА отметило его в приказе № 29 от 13 января 1953 г.²⁸: «За последнее время, возглавив кафедру истории медицины, он не только подготовил самостоятельное преподавание курса истории медицины, но и напряженно трудится над разработкой новой, в условиях академии, дисциплины – история военно-морской медицины». В.И. Шестову была объявлена благодарность, и он был награжден ценным подарком.

Титульный лист книги

Титульный лист книги

После демобилизации из Вооруженных сил в 1954 г. В.И. Шестов работал старшим научным сотрудником 1-го Ленинградского военно-морского госпиталя (1958–1960) и Военно-медицинского музея (1960–1982). В 1968 г. в издательстве «Медицина» издана монография В.И. Шестова с соавторами – «Материалы по истории медицинской службы русского Военно-морского флота второй половины XIX и начала XX века (1850–1917)». Всего В.И. Шестовым написано более 120 научных работ в области ОТМС флота, военно-морской гигиены и истории военно-морской медицины. Умер в 1982 г., похоронен на академической площадке Богословского кладбища в Санкт-Петербурге. На его могиле установлено надгробье из красного мрамора.

Василий Иванович Шестов прошел большую школу в Военно-медицинской академии под руководством Б.К. Леонардова. Прodelал громадный объем научной и научно-методической работы по становлению научной дисциплины «Организация медицинского обеспечения флота» (в современной терминологии). В.И. Шестову принадлежит заслуга в интеграции и синтезе в рамках новой дисциплины наиболее важных разделов военно-медицинских и военно-морских знаний: формирующейся в недрах РККА системы этапного лечения раненых; новых взглядов на ведение морских операций, на роль и назначение кораблей различных классов и родов сил флота; особенностей боевой и повседневной деятельности личного состава и медицинского персонала в корабельных условиях. В наиболее интегрированном виде и

Надгробье на могиле В.И. Шестова.
Фото автора

Возложение цветов на могилу В.И. Шестова. Фото автора

системном изложении материалы по организации медицинского обеспечения сил ВМФ в боевых действиях (операциях), были представлены в диссертации Шестова (1935) и его монографии «Лечебно-эвакуационное обеспечение ВМФ в военное время» (1939). В.И. Шестов по праву считается основоположником теории лечебно-эвакуационного обеспечения флота.

На кафедре организации и тактики флота Военно-медицинской академии существует традиция – в день рождения Василия Ивановича Шестова, 14 января, отдавая дань памяти, возлагать цветы на его могилу.

¹ Л. д., инв. № 90740. Л. 19.

² Там же. Л. 9

³ Там же. Л. 9а.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 10.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 29.

¹⁰ Там же. Л. 10.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 29.

¹⁴ Там же. Л. 10–10а.

¹⁵ Там же. Л. 5.

¹⁶ Там же. Л. 11.

¹⁷ Там же. Л. 29.

¹⁸ Там же. Л. 11.

¹⁹ Там же. Л. 30а.

²⁰ Там же. Л. 11.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Ермаков А.А., Бумай О.К., Топорков М.Т. Кафедра организации и тактики медицинской службы флота (с курсом тактики и боевых средств флота) Военно-медицинской академии (исторический очерк к 70-летию со дня основания). СПб., 2008. С. 18.

²⁴ Л. д., инв. № 90740. Л. 37а.

²⁵ Там же. Л. 39.

²⁶ Там же. Л. 44–44а.

²⁷ Там же. Л. 6а, 59.

²⁸ Там же. Л. 61–61а.

С.В. Бусарев (Вильнюс, Литовская Республика)

ЧЕРТОВ МОСТ СЕГОДНЯ. СЕН-ГОТАРД, ШВЕЙЦАРИЯ*

РУССКИЕ ВОЙСКА соединились 14 (27) сентября, в 6 час. утра, у Андерматта. Впереди колонны был поставлен Орловский пехотный полк генерал-майора Мансурова. По воспоминаниям французов, «русские батальоны шли в атаку с развернутыми знаменами, под бой барабанов». Дорога шла по направлению реки Рейс, которая чем далее, тем стремительнее неслась в узкой щели между нависшими над ней горами. Через версту дорога врезалась в утесы, отвесно спускавшиеся в русло реки. В 1707 г. один из искусных итальянских минеров пробил в скале туннель, получивший название Урнер-Лох. Длиною шагов восемьдесят, темный, сырой и настолько тесный, что по нему едва мог пройти навьюченный мул... По выходе из туннеля дорога лепилась в виде карниза на отвесной скале, а затем круто спускалась под прямым углом к Рейсу, над которым нависала арка Чертова моста.

К сожалению, мне не попалось ни одного боевого расписания французской армии в Швейцарии на 14 (27) сентября 1799 г. По некоторым данным, сохранившимся во французской литературе, Луазон разместил 1-й батальон 38-й полубригады под командованием Жилье на участке между Гешененом и Урнер-Лохом. Три роты 2-го батальона 76-й полубригады отступили утром от окраин Андерматта к Чертову мосту; две роты ушли к Гешенену, а одна, под командованием капитана Сем-Женье, заняла позицию на середине ущелья. Сам мост и Урнер-Лох оборонялись 1-м батальоном 38-й полубригады под командованием бригадного шефа Дама, с несколькими орудиями. Позиция, занятая французами, находилась в

* Статья приводится в авторской редакции.

Андерматт сегодня. 3 октября 2016 г. Фото автора

узком горном ущелье Шеленен, ограниченная с одной стороны Урнер-Лохом, а с другой – Чертовым мостом, который был переброшен между кручами над бурным потоком Рейса. Дорога, ведущая к мосту, проходила по узкому серпантину: слева вход в ущелье заперла река, а справа – скалы. Левее моста, на высоте примерно 150 м над рекой нависал плоский скалистый выступ под названием Чертов камень: здесь Дама разместил несколько орудий под прикрытием роты стрелков. Непосредственно к выходу из Урнер-Лоха было выдвинуто одно орудие и две роты. За мостом в цепях развернулись два взвода пехоты. Прочие отряды Дама расположил в колонне на серпантинной дороге, ведущей к Гешенену.

Фельдмаршал приказал орловцам первыми вступить в бой, атаковав около 8 час. утра позицию противника при Урнер-Лохе. Французы позволили русским углубиться в тоннель и, как только первые шеренги мушкетеров показались из него, открыли огонь из ружей и пушки. С большими потерями орловцы откатились на исходные позиции. Стало понятно, лобовая атака не принесет успеха, и Суворов приказал двумстам егерям 13-го егерского полка под командованием майора Тревогина спуститься в ущелье, форсировать Рейс и выйти во фланг французам у Чертова моста. Одновременно триста солдат полка Мансурова во главе с полковником Свищовым полезли наверх, в обход

Урнер-Лох. 3 октября 2016 г. Фото автора

**Сегодня для того, чтобы подойти к Урнер-Лоху, сделан мостик и проведена небольшая тропинка. Вид с тропинки.
3 октября 2016 г. Фото автора**

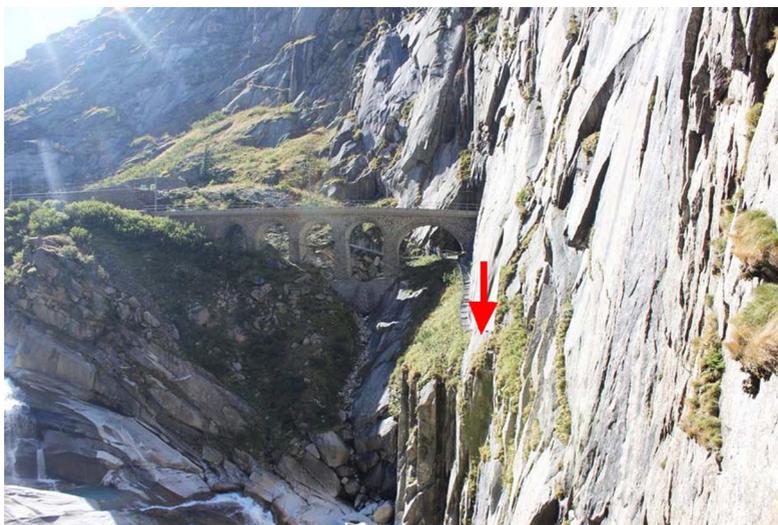
1 – вход в Урнер-Лох,
2 – выход из Урнер-Лоха на Чертов мост

Вид с левого берега на правый, с урнер-лохской тропинки
на русские позиции. 3 октября 2016 г. Фото автора

**Вид с французской стороны на русские позиции,
в районе Чертова моста. 3 октября 2016 г. Фото автора**

**Вид с моста на вход в Урнер-Лох.
3 октября 2016 г. Фото автора**

Вид на Урнер-Лох на Чертовом мосту. С русских позиций.
3 октября 2016 г. Фото автора

Русские позиции и вид на французские позиции.
3 октября 2016 г. Фото автора

Чертов мост. 3 октября 2016 г. Фото автора

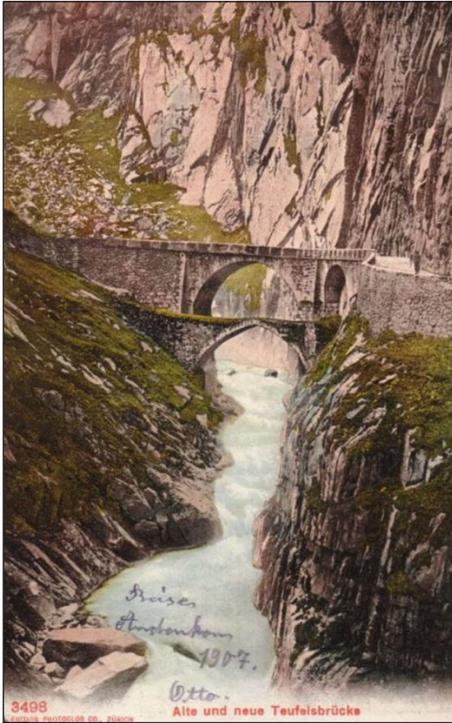
Урнер-Лоха. Несмотря на шквальный огонь врага, русские войска выполнили поставленную перед ними задачу. Для французов подобный маневр был полной неожиданностью, они подались назад к мосту. Воспользовавшаяся их замешательством русская пехота ударила в штыки и отбросила французские заградительные роты от выхода из Урнер-Лоха. Пушка перегородила дорогу, вызвав давку на узкой дороге, в ходе схватки большая часть французских солдат, защищавших выход из Урнер-Лоха, была переколота орловцами Мансурова и апшеронцами Милорадовича, и лишь небольшой горстке оборонявшихся удалось отступить от моста, сбросив оружие в реку.

Появление русских егерей на кручах левого берега Рейса вынудило Дама отдать приказ взорвать Чертов мост, однако последовавший взрыв повредил только одну арку, которая была перекинута не над руслом реки, а примыкала к отвесной скале на левом же берегу. Рассредоточившись на противоположных берегах, неприятели вели ожесточенную перестрелку с расстояния в 50–70 м. Подошедшие солдаты Азовского полка разобрали стоявший рядом с мостом сарай и, связав бревна офицерскими шарфами, сделали щит-настил через провал в арке моста, и ринулись в атаку на другой берег. Солдаты 38-й полубригады пытались удерживать

А.Е. Коцебу. Переход русских войск через Чертов мост

жать свои позиции, но в это время на вершинах слева появился Архангелогородский полк графа Каменского 2-го, посланный накануне вечером в обход позиций неприятеля через селение Бетцберг. Стремясь избежать окружения, силы Дама стали откатываться к Вассену. Вскоре их отступление стало походить на бегство: измотанные французские стрелки бросали по дороге не только шинели и ранцы, но даже патронные сумы и оружие.

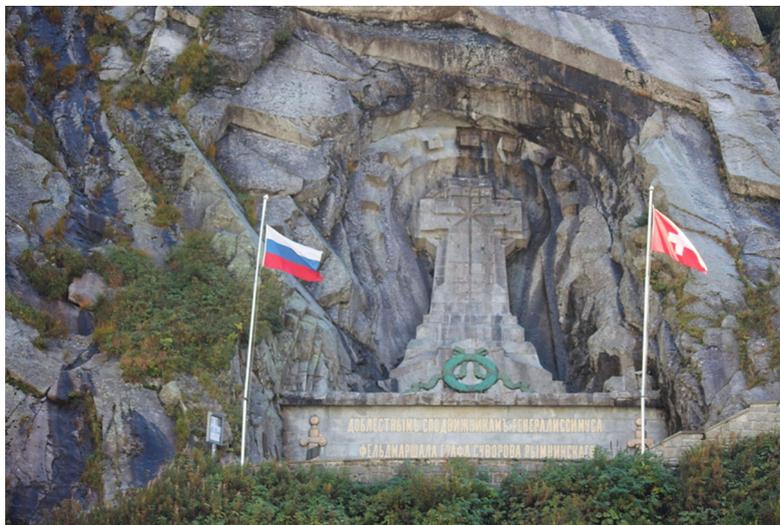
Открытка с изображением первого и второго мостов. До 1888 г.

ния сохранились до сих пор. Чертов мост представлял собой узкую каменную арку длиной около 25 м, переброшенную над ущельем на высоте 220–23 м над бурным грохочущим потоком.

В 1888 г. этот мост, простоявший почти три столетия и помнивший Швейцарский поход Суворова, рухнул. От него сохранились остатки левобережных опорных сооружений, напротив которых находится так называемая «французская площадка», на которой был разгромлен французский отряд. Однако еще в 1830 г. рядом с ним был построен новый мост, который стал называться так же. Наконец, в 1955 г. рядом был открыт современный автотранспортный Чертов мост.

Возле Чертова моста, вблизи селения Андерматт 14 (26) сентября 1898 г. был открыт памятник – 12-м крест, высеченный в

Деревянный мост у Андерматта существовал с 1230 по 1707 гг. Первый каменный мост был перекинут через ущелье Рейс в 1595 г. По преданию, местным жителям долгое время никак не удавалось построить мост, так как бурный поток сносил все время возобновляющуюся постройку. Тогда в стговор со строителями вступил черт. Он предложил помочь в строительстве моста, с тем условием, что заберет душу первого, кто перейдет по мосту. Мост был построен, однако местные жители перехитрили черта, пустив по мосту козленка. В память о легенде на скале красной краской были нарисованы черт и козленок. Эти изображе-

**Внизу у подножия гор, откуда начинался поход,
+25 градусов по Цельсию. 3 октября 2016 г. Фото автора**

скале. На подножье креста бронзовыми буквами высотой 0,5 м надпись по-русски: «Доблестнымъ сподвижникамъ генералиссимуса фельдмаршала графа Суворова-Рымникского, князя Италийского, погибшим при переходе через Альпы в 1799 год». Рядом – бронзовый меч с лавровым венком. Инициатива его создания принадлежала князю С.М. Голицыну, взявшему на себя все расходы. Первоначальная инициатива князя создать памятник Суворову была отклонена швейцарскими властями по той причине, что это увековечит факт прохождения через территорию страны иностранных войск. Однако швейцарское правительство не возражало против создания памятника русским воинам, погибшим в Швейцарском походе. При этом община Урзерна, не уведомив власти Швейцарии, постановила безвозмездно уступить России земельный участок для сооружения памятника. С тех пор скала, в которой высечен памятник, небольшая площадка перед ней и ведущая к памятнику дорожка являются российской территорией. Сооружение монумента продолжалось 3 года. Выступая на открытии, полковник швейцарской армии Сегессер заявил, что швейцарцы будут «свято хранить этот крест и что никто не нарушит его святости, ибо никто уже более не пройдет через Сен-Готард».

А.В. Вахтеров, А.Р. Косиковский (Москва)

**ОПЫТ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
В ФОРМИРОВАНИИ, БОЕВОЙ ПОДГОТОВКЕ
И ПРИМЕНЕНИИ МОБИЛЬНЫХ ОТРЯДОВ
ЛЫЖНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
И АЭРОСАНЫХ ЧАСТЕЙ
(НА ПРИМЕРЕ ПОДАВЛЕНИЯ ВООРУЖЕННОГО
МЯТЕЖА В ВОСТОЧНОЙ КАРЕЛИИ)**

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ развития военного дела в начале XX в. привели к созданию армии нового типа, получившей и новые образцы вооружения, и новые способы ведения войн. Если появление на полях сражений более совершенных видов оружия – процесс бесконечный и динамичный, то методы ведения боя – явление более постоянное, требующее пристального внимания и изучения.

Особенностью современных военных конфликтов является использование бандформированиями партизанских методов ведения боя, против которых применение войсковых сил по законам и принципам классической тактики малоэффективно.

Тактика специальных методов и способов ведения боя современными российскими силовыми структурами сложилась в ходе Гражданской войны. На фоне противостояния с бандами Н. Махно на Украине и борьбы с басмаческим движением в Средней Азии опыт первого применения отряда специального назначения в зимних условиях остался незамеченным.

**Возникновение основ и принципов
применения «зимнего» спецназа**

Традиционно пальма первенства в вопросе удачного боевого применения лыжных подразделений отдается финнам, по ре-

зультатам советско-финского военного конфликта 1939–1940 гг. При этом остается незамеченной боевая операция Красной армии, проведенная в 1921–1922 гг. по подавлению вооруженного мятежа в Карелии. Вот как об этом пишет О. Покровский: «Едва ли не первый случай, когда заранее спланированный удар был успешно нанесен в самое суровое время года, разом перевернул ход кампании...»¹ Речь идет о боевом опыте ударного лыжного отряда Тойво Антикайнена (см. ил. 1).

Силы восставших насчитывали до 5–6 тыс. чел., объединенных в отдельные партизанские отряды, для разгрома которых сформировано три колонны. Главная роль «отводилась лыжному отряду, составленному из финских и карельских курсантов Петроградской интернациональной школы»². Представляет интерес состав, вооружение, снаряжение лыжного отряда и боевой опыт его применения³.

Отряд насчитывал 124 бойца при 12 командирах, хорошо знавших местные условия в районе боевых действий и имевших боевой опыт. На вооружении отряда стояли автоматы Федорова, шесть пулеметов Мадсен, большое количество ручных гранат. В специальную зимнюю одежду входили: шлемы, полушубки, ватные штаны, валенки, теплое белье и белые маскхалаты.

7 января 1922 г. поездом отряд доставлен на ст. Масельская, после совершения 70-км марша расположился в д. Паданы. Отряд подразделялся на взводы и роты, которые при совершении

Ил. 1. Тойво Антикайнен

марша, сменяя друг друга, прокладывали лыжню. В результате общая скорость движения составляла в среднем до 10 км/час. С 11 января отряд вступил в боевое соприкосновение с противником: действовал внезапно, стремительно и очень успешно.

Главным условием успешных действий стало скрытное выдвижение к местам расположения противника и стремительная атака его позиций. Поэтому, имея на направлении действий превосходящего по численности противника, отряд добивался успеха: около сотни пленных, несколько десятков убитых. Потери отряда минимальны – убитыми и ранеными не более десятка. На направлении действия отряда находился штаб восстания, разгром которого полностью деморализовал противника. Лучшее всего оценил действия отряда чудом уцелевший руководитель южной группы повстанцев Токкинен: «С этого направления мы не ждали даже птиц, не только что лыжников»⁴.

В итоге с 11 января по 25 февраля 1922 г. от ст. Масельская до Кеми отряд прошел 1100 км (по другим данным – 940), провел 10 боев, разгромил штаб восстания, нанес противнику существенные потери. Залогом успеха отряда стало применение следующих тактических приемов: 1. *Разведка* противника и местности с целью определения неожиданного для противника направления; 2. *Внезапность* – ночные переходы, использование местных условий, для скрытного выдвижения; 3. *Быстрота* – атака позиций противника при непосредственном соприкосновении, уничтожение штабов и коммуникаций, создание паники и деморализация противника. Так частный эпизод Гражданской войны создал основу системы боевой подготовки и применения подразделений специального назначения в зимних условиях.

Развитие опыта во время Великой Отечественной войны

Тактика применения и методика подготовки лыжных подразделений частей и соединений вооруженных сил получили дальнейшее развитие после событий на советско-финском фронте в 1939–1940 гг. и окончательно сформировались в ходе боевого применения лыжных подразделений в Великой Отечественной войне, состоят из трех блоков.

1-й блок – разработка, в соответствии с боевым применением и оперативно-служебными задачами подразделения, правил: выбора и подготовки вооружения;

применения средств маскировки для лыжников, оружия и снаряжения;

подбора и подгонки снаряжения (лыжи под теплую зимнюю обувь, специальная зимняя одежда и обувь);

определения состава и количества продуктов питания, их употребления.

2-й блок – выработка устойчивых навыков:

обслуживания оружия в условиях низких температур;

способов и правил укладки снаряжения, боеприпасов, продуктов для переноски;

защиты от обморожения.

3-й блок – непосредственно лыжная подготовка, в том числе в сочетании с боевым применением оружия.

Боевая учеба лыжников

При изучении программ боевой подготовки военного времени обращает на себя внимание один существенный момент: при наличии единого для всех Наставления по лыжной подготовке Красной армии, в каждом отдельном случае для каждой части (соединения) предусматривались вариации в соответствии с опытом боевого применения и театром военных действий (далее – ТВД). Рассматриваемые в статье документальные материалы боевой подготовки разрабатывались и исполнялись в отдельных частях и соединениях (33 ОЛБр и 313 СД) 32-й армии (далее – 32 А) Карельского фронта, выполнявших боевые задачи на линии соприкосновения с противником.

33-я отдельная лыжная стрелковая бригада (далее – ОЛБр)⁵

Руководящими документами для личного состава бригады (см. ил. 2) на учебную неделю из 6 дней 12 час. отводилось на лыжную подготовку.

Первая учебная неделя – одиночная подготовка:

подбор лыж и уход за ними (подгонка снаряжения, ремонт лыж и т. д.);

отработка техники движения на лыжах (постановка на лыжи, повороты на месте, скользящий шаг без палок);

действия на лыжах с оружием (перенос лыж, постановка на лыжи, стрельба из положения лежа, движение в походных строях);

техника передвижения на лыжах (ходьба русским стилем⁶, подъемы и спуски).

с.м.б. № 110

ПРИКАЗ
по Лыжно-стрелковой бригаде
18.1.42г. - № 13 ЛЕСНАЯ БИРМА.

1. Препровождаю программу подготовки лыжных батальонов Медвежгородской опергруппы от 24.12.41г. за № 0-1 для исполнения.
Программу боевой и политической подготовки личного состава батальонов Лыжной бригады от 24.12.41г. № 12 отменить.

2. Командирам батальонов на основе программы указаний составить расписание занятий на 6 дней на расчета:

Политическая подготовка	4ч.
Лыжная подготовка	12ч.
Стрельба и изучение частей оружия	18ч.
Тактика	14ч.
ВСЕГО	48 часов.

3. В тех подразделениях, где бойцы сами варят пищу в котелках, занятия проводить по 8 часов в день.
В подразделениях, имеющие коллективные кухни, занятия проводить 10 часов в день.

4. В занятиях по лыжной подготовке включить хождение по асимуту в лесу и приемы ведения огневого боя на лыжах.

5. Для проведения практических стрельб боевыми патронами разрешаю расходовать по 6 штук патронов на винтовку и ручной пулемет, по 3 штук на ПММ. По 2 мины из миномета (стреляют только первые номера), из минометов выпустить не больше двух мин с каждого.

6. Командирам батальонов находить для проведения стрельб безопасные места. Составить схему стрельбища, с указанием места огневых позиций (постов) и только после моего утверждения проводить стрельбу.

7. По тактической подготовке особое внимание обратить на организацию взаимодействия между стрелками, ручными пулеметчиками и минометчиками.
С автоматчиками занятия проводить - заход на фланги противника, окружение и уничтожение мелких групп и кукушек противника.

8. Расписание занятий и схему стрельбища (место проведения стрельб) представить мне на утверждение к 18.00 20.1.42г.

9. Отмечаю неудовлетворительный ход занятий во всех батальонах. 3-й батальон до сих пор к занятиям не приступил.

ПРИКАЗЫВАЮ:
к занятиям приступить немедленно, привлечь весь начсостав для проведения занятий.
Командирам батальонов установить строгий контроль за качеством проведения занятий, устранить на дочеты на месте.
Плохо отработанные темы повторить до усвоения на хорошо.

Командир бригады майор (ВАЛЫ) Комиссар бригады бат. комиссар (ПЕРВАКОВ)
начштаба капитан (АЛЕКСЕЕВ).

Ил. 2. Приказ по боевой подготовке 33 ОЛБр

Вторая учебная неделя – действия на лыжах в составе подразделения:

отработка техники ходьбы (финский⁷ и норвежский⁸ стили) *без оружия и с оружием;*

приемы стрельбы на лыжах (с колена, стоя, с использованием палок);

метание гранат и совершение перебежек;

передвижение по пересеченной местности (ходьба всеми стилями, в зависимости от местности, преодоление подъемов и спусков) *без оружия и с оружием;*

марш на лыжах – за 5 час. – 20 км без дорог.

Как видно из приведенной программы подготовки, на постановку на лыжный ход отдельного военнослужащего и сколачивание лыжного подразделения в условиях боевой обстановки отводилось две недели. Примерно по такому же принципу строились программы лыжной подготовки других подразделений, но с некоторыми вариациями.

313-я стрелковая дивизия (далее – СД)⁹

14-час. программа лыжной подготовки дивизии рассчитывалась на месяц (см. ил. 3):

1-я и 2-я неделя обучения – одиночная подготовка солдата в условиях активного применения авиации, артиллерии и танков;

3-я и 4-я – действия в составе подразделения в тех же условиях.

Лыжная подготовка проводилась по тем же условиям и принципам (см. ил. 4), как указано выше, с одним исключением – приемы применения оружия отрабатывались в ходе тактической и огневой подготовки.

В помощь командирам подразделений в частях и соединениях назначали инструкторов лыжной подготовки¹⁰, с которыми регулярно проводились учебные сборы (см. ил. 5). Программой сборов (см. ил. 6), кроме основной части, предусматривалось изучение – см. табл. 1¹¹.

Изучение указанных в таблице тем, в дополнение к Наставлению по лыжной подготовке Красной армии – это результат влияния боевого опыта на дальнейшее совершенствование тактики применения и методики подготовки лыжных подразделений.

Большое внимание в период боевых действий уделялось предотвращению потерь личного состава в результате обморожения. Все случаи обморожения попадали во внеочередные сооб-

Табл. 1

№ п/п	Что отработать на уроке	Кол-во час.
11	Военные порядки лыжных подразделений	3
12	Устройство полевых лыжных построек в зимних условиях – заслоны, укрытия, шалаши, ракатулеты	3
13	Боевые действия лыжных подразделений в тылу противника	3
14	Инструкция по предупреждению обморожения	2

щения, приказы и распоряжения соединений. Характерным документом такого рода является приказание начальника штаба 32 А, разосланное командирам соединений и отдельных частей по факту обморожения в патруле пяти солдат 33 ОЛБр. Среди прочего в документе указано (см. ил. 7):

«1. Принять срочные мероприятия против обморожения. Весь личный состав обеспечить противообмораживающими средствами.

2. При назначении в наряд бойцов и командиров обеспечивать теплой обувью.

3. Провести занятия с к/с и бойцами по борьбе с обморожением»¹².

Лыжная подготовка подразделений в военный период не ограничивалась одиночной подготовкой солдата и отработкой слаженности (или сколачивания – как указывалось в документах военной поры) подразделений. Очень интересный материал представлен в архивных фондах 313 СД. В рамках командирской учебы на лыжную подготовку отводилось¹³ (см. табл. 2):

Табл. 2

Месяц обучения	Учебные группы / что отработать на уроке	Кол-во час.
Ноябрь 1942 г.	Одиночная подготовка (движение на лыжах, приемы ходьбы, команды):	
	Командиры батальонов, рот	2
	Комсостав штабов и управлений	2
	Командиры взводов	10

Командиры батальонов, рот, командный состав штабов и управлений всех уровней – 2, командиры взводов – 10 час. Кроме того, согласно приказанию командира дивизии, в декабре 1942 г.

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ОБУЧЕНИЯ

А- для 1-й и 2-й недель обучения

Подготовить одиночного бойца-специалиста для выполнения боевых задач самостоятельно и во взаимодействии с танками, артиллерией и авиацией.
Научить бойцов действиям против танков, авиации и пехоты пр-ка. Провести первоначальное слаживание отделения, взвод

Б- для 3-й и 4-й недель обучения

Подготовить отделение, взвод, роту для выполнения боевых задач самостоятельно и во взаимодействии с танками, артиллерией и авиацией.
Совершенствовать знания и практические навыки в боевых действиях бойца, полученные в первые две недели обучения.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ УКАЗАНИЯ

1. Программа составлена понедельно на один м-ц обучения. Каждая неделя обучения предусматривает определенную законченность в обучении бойца и подразделений по основным предметам обучения.

2. Продолжительность учебного дня-установить 10 час
Кроме этого, ежедневно отводить:

На утреннюю физическую зарядку- 20 минут;

На чистку оружия, материальной части и уход за ним-30 м

На самоподготовку- 2 часа.

Часы отведенные на самоподготовку использовать, ~~использовать~~ на устранение недочетов в боевой подготовке бойца за истекший учебный день, на повторение слабо усвоенного.

3. Утреннюю физическую зарядку проводить ежедневно 20 минут с рядовым и командным составом.

Содержание утренней физической зарядки на каждый день включать в ротное расписание занятий, пользуясь НФЦ-88, гла 3, обязательные комплексы утренних физических упражнений, стр. 185, 186, 191, 196, 197, 198. комплексы 1, 2, 4, 5, 7, 8.

Отработку комплексов чередовать: 2 дня вольные движения следующие два дня ходьба и бег или преодоление препятствий и элементы штыкового боя.

МЕ ГОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ

1. Учить только тому, что необходимо в бой не допускать в занятиях никаких условностей.

Тактические учения, начиная с отделения, проводить двусторонние, с отработкой каждой стороны полностью программой тем
Всемерно приближать учебную обстановку к боевой.

2. В основу обучения положить: четкий наглядный ~~цели~~ пример отличных действий в выполнении приема командиром; практическую работу /или действия/ обучаемых в выполнении ими учебных задач.

Все занятия проводить на местности независимо от состояния погоды и времени суток;

подготавливать бойцов и командиров к перенесению тягот и лишений походно-боевой жизни, тренировать в предельном напряжении сил бойцов при свершении марша.

3. Изучение приемов и действий проводить в такой пе

Ил. 3. Программа боевой подготовки 313 СД

ЛЫЖНАЯ ПОДГОТОВКА

умение ходить и действовать на лыжах является обязательным для всего личного состава РККА.

В условиях нашего фронта боец без лыж-это боец без оружия.

В течении месяца по 14 часовой программе отработать темы:

1. Преноска лыж и постановка на лыжи - 2 часа.
2. Повороты на месте.
3. Способы передвижения на лыжах, ходьба с попеременной работой палками, с одновременной работой палками.
4. Подъемы и спуски - 1 час.
5. Термование - 1 час.
6. Повороты в движении 2 часа.
7. Преодоление препятствий - 2 часа.
8. Перебежки-переползания - 2 часа.

Содержание. Научить бойцов: Переносить лыжи на плече, под рукой, правильной и быстрой постановки на лыжи, поворотам на лыжах, впером, поворот через ногу кругом, поворот, поворот прыжком с опорой на палки.

Научить способам передвижения на лыжах-ходьба без палок, с попеременной работой палками, техники обычного хода, ходьба в "переходку", ходьба с одновременной работой палками.

Техника одношажного хода, двух шажного хода. Отработать подъемы.

САПЕРНАЯ ПОДГОТОВКА

1-2 и 4 недели обучения.

Методические указания

1. В часоц, отведенные на саперную подготовку, прививать первоначальные навыки по самокапыванию, маскировке, устройству окопа на стрелковое, пулеметное, минометное отделение, оборудованию наблюдательного пункта и по преодолению искусственных препятствий, устройство противопехотных препятствий проводить на инженерном городке и на практике.

2. Тренировку бойцов по саперной подготовке проводить на всех тактических учениях в соответствии с обрабатываемыми темами.

Т е м а 1- Самокапывание - 2 часа.

Ц е л ь. Научить бойца самокапыванию и маскировке себя и ячейки подручными материалами.

С о д е р ж а н и е. Выбор места для стрельбы. Прием внимания лопаты из чехла и работа лопатой и киркой при отрывке ячейки. Отрывка ячейки для стрельбы лежа и дальнейшее ее развитие для стрельбы с колена и стоя. Маскировка бойца и ячейки подручными материалами и табельным имуществом.

Р у к о в о д с т в о. ИИИИ-39, ст. 43-65.

Т е м а 2. Устройство окопов - 5 часов.

Ц е л ь. Научить бойца отравать окоп, маскировать его в условиях лета, зимы.

С о д е р ж а н и е. Последовательное развитие окопа, усовершенствование окопов и ходов сообщения. Оснащение с устройством СОР. Маскировка окопов и ходов сообщения подручными и табельными средствами.

Т е м а 3 Противопехотные и противотанковые препятствия - 2 часа.

Итого.

Ил. 4. Программа лыжной подготовки 313 СД

К о п и я
Секретно
экз. № 3

113

пл. "УВ БРЖДАН"
НАЧ. ШТАБА 32 АРМИИ
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР БРАГИН /

19 ноября 1942 года

ПОУРОЧНАЯ ПРОГРАММА

ПРОВЕДЕНИЕ СБОРОВ С ИНСТРУКТОРАМИ ЛЫЖНОЙ ПОДГОТОВКИ
РОТ СЕДИНЕНИЯ 32 АРМИИ С 25.11. по 6.12.42 ГОДА

Перечень тем и расчет часов

Наименование тем	Кол-во часов
1. Материальная часть, уход, хранение и бережение лыж.....	4
2. Движение одиночного бойца на лыжах.....	12
3. Действие одиночного бойца на лыжах.....	12
4. Перевозка оружия и боеприпасов на волокушах и лодках-волокушах и прием служб с них их пулеметов.....	3
5. Боевые порядки лыжных подразделений.....	3
6. Устройство полевых лыжных постов в зимних условиях - заслоны, укрытия, шалаши и ракетауты.....	3
7. Боевые действия лыжных подразделений в тылу противника.....	3
8. Расчет всего пройденного материала.....	3
И т о г о.....	50 час

ЦЕЛЬ: Научить инструкторов: 1. Уходу, смазке, хранению и подготовке лыж.
2. Передвижению на лыжах различными способами на равнинной, пересеченной, лесистой местности.
3. Перебежкам, переползаниям и штыковому бою на лыжах, ведению огня лыжников.
4. Принять инструкторско-методические навыки по обучению бойцов действиям на лыжах.
5. Научить составлять конспект и проводить во нему занятия с бойцами.

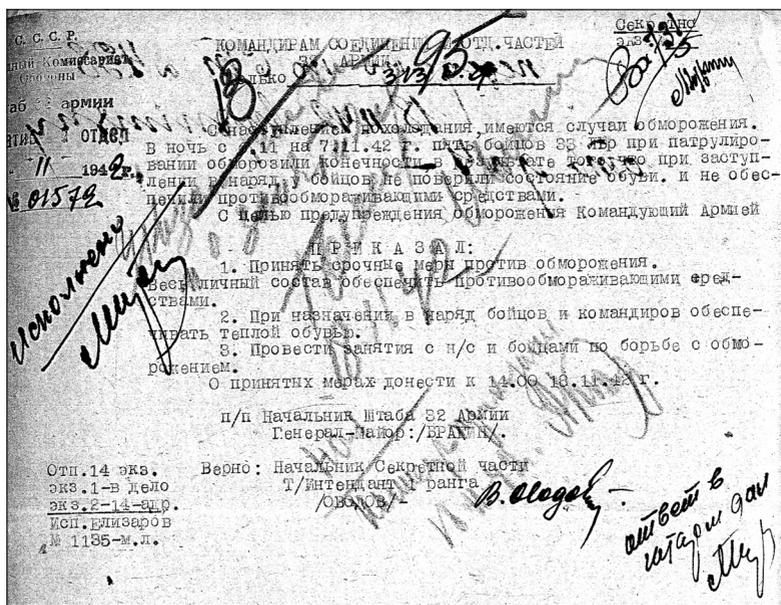
Последовательность уроков программы сборов.

Что обработать на уроке	Место проведения	Кто проводит	Кол-во часов	Пособие.
1-й д е н ь				
1. Материальная часть:				
а/ выбор лыж.....	класс	Группово-водья	2	Постановление по лыжной подготовке ИА.
б/ лыжные крепления и палки.				
в/ уход за лыжами и имуществом.				
2. Оснаивание лыж:				
а/ Лыжные мази и смазка лыж. Поле	" "	" "	2	" "
б/ Пользование мазями				
в/ Устранение неисправностей лыжного инвентаря.				
3. П. Движение одиночного бойца на лыжах:				
а/ Переноска лыж и постановка на лыжи.....	Поле	Группово-водья	3	" "

Ил. 5. Программа сборов инструкторов 32 А

3/ Повороты на месте в/ Способы передвижения на лыжах.....	Поле	Групп- поводы	3	Наст. по д подг НА.
4. Ходьба с переменной работой палками: а/ Ходьба с одновременной работой палками.....	"	"	2	"
5. Подъем "прямой", "елочной" спуски и торможение:	"	"	2	"
3-й д е н ь				
6. Повороты в движении, преобразование препятствий, перебежки и перепол- зания.....	"	"	5	"
7. Ш. Действие одиночного бойца на лыжах: а/ Виды стрельбы из винтовки, ППШ.....	"	"	4	"
3-й д е н ь				
8. Метание ручных гранат.....	"	"	2	"
9. Штыковой бой лыжника.....	"	"	4	"
10. 1У. Перевоска оружия и боепри- пасов на волокушах и ледках, волокушах и приеме стрельбы с них из пулеметов.....	"	"	4	"
4-й д е н ь				
11. Военные порядки лыжных подразделений.....	"	"	3	"
12. Устройство полевых лыжных построек в зимних условиях - заслоны, укрытия, шалаш и ракатулеты.....	"	"	3	"
13. Боевые действия лыжных подразделений в тылу противника.....	"	"	3	"
14. Инструкция по предупреждению обморожений.....	Помеще- ние	Нач. сан. ср.	2	"
5-й д е н ь				
15. Зачет всего пройденного материала.....	Помещ. и поле	"	8	"
			30	
<p>ПРИМЕЧАНИЕ: 1. Для сборов составить отдельный распорядок дня обязательно указать 30-и минутную утреннюю и ночь зарядки.</p> <p>2. Занятия проводить группами не больше 20-25 человек.</p>				
<p>ПН. НАЧАЛЬНИК ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТАРША 32 ПОЛКОВНИК /АФОНСКИЙ Берно: Н-к секр. части - Тех. инт. 1 ранга /СВ/ОВ/</p>				
<p>Отп. 3 экз. БЕРНО: НАЧ. ОПЕР. ОТДЕЛЕНИЯ ИТАИ ИВА 813-МАИОР <i>Винсент</i> ПР. АПИВИ</p>				
<p>23.11.42 г. м. в.</p>				

Ил. 6. Программа сборов инструкторов 32 А

Ил. 7. Приказание 32 А о мерах против обморожения

в частях дивизии (с командным составом в составе подразделения и отдельно) проведены лыжные кроссы с целью «проверить готовность подразделений к ведению боя на лыжах и совершенную маршей на время»¹⁴.

Кроссам-маршам на лыжах по-боевому (с оружием, средствами защиты, носимым запасом боеприпасов и продовольствия) на большие расстояния уделялось серьезное внимание. В архивных фондах 31-го стрелкового полка (далее – СП) 25 СД¹⁵ Архангельского военного округа (далее – АрхВО) сохранились интересные сведения: в феврале 1944 г. команда полка под началом капитана Зинкова и лейтенантов Большакова и Сараева (всего 31 чел.) привлекалась для лыжного пробега Онега – Молотовск (ныне – Пермь)¹⁶, расстояние по прямой – 1171 км.

Завершением боевой подготовки подразделений в зимний период являлись учения. Они проводились в соответствии с боевым предназначением частей и соединений.

Разница в программах обучения и планах проведения учений обусловлена тактикой применения частей. Стрелковые

дивизии использовали лыжи по мере необходимости, из условий оперативной обстановки. В основном для противодиверсионной борьбы с разведывательно-диверсионными группами противника, охраны районов и узлов обороны, наступательных и оборонительных действий в зимних условиях. Исключение представлял отдельный лыжный батальон, боевое предназначение которого было таким же, как и у лыжных батальонов лыжных бригад.

Учения 313 СД проводились на местности в соответствии с выполняемыми боевыми задачами. В архивных фондах соединения хранится план-конспект по теме «Организация наблюдения и несения боевой службы по побережью больших водных преград в зимних условиях»¹⁷. Конспект разработан применительно к району обороны дивизии по побережью Павенецкой губы: 12 X 10 км с оборудованными узлами обороны (см. ил. 8).

Лыжные бригады и батальоны использовались для действия на флангах, на коммуникациях противника и в его тылу, для налета на штабы, отдельные гарнизоны, а также для противодиверсионных мероприятий совместно с войсками НКВД или самостоятельно. Как говорится в таких случаях – «служили, не снимая лыж».

Соответственно, проводимые лыжными бригадами учения включали в себя совершение маршей на большие расстояния с практической отработкой вопросов: огневого поражения целей, связи подразделений и штабов, способов тылового обеспечения на марше и в бою. Архивные материалы свидетельствуют, что подобные учения в лыжных бригадах проводились часто: одно в 1–2 мес.¹⁸

Как видно из изложенного материала, в период Великой Отечественной войны отработаны все три блока войсковой лыжной подготовки. Но картина была бы неполной без рассмотрения одного важного обстоятельства.

Несмотря на сложные боевые условия, штабы всех уровней следили за обязательным и качественным выполнением программ боевой подготовки. В документах 33 ОЛБр сохранились приказы по итогам проверок проведения занятий¹⁹, количество приказов свидетельствует о частоте проверок: не реже двух раз в месяц.

Формирование лыжных подразделений

Зима 1941–1942 г. наступила рано, была снежной и морозной. Необходимость массового применения в бою лыжных подразделений в ходе первой зимней кампании привела к появлению отдельных лыжных батальонов в штатах армий, дивизий, бригад, полков.

Укомплектованию лыжных подразделений уделялось особое внимание. В документах 1-го гвардейского кавалерийского корпуса сохранился приказ, согласно которому в октябре 1941 г. в срочном порядке из кавалерийских полков отбирались и направлялись в 202-й запасной стрелковый полк, на базе которого формировались лыжные батальоны, военнослужащие – уроженцы северных районов страны взамен пополнения из Средней Азии²⁰.

Помимо боевого предназначения, в учебном плане армейские (дивизионные, бригадные) батальоны использовались как школы по подготовке инструкторов лыжной подготовки подразделений (инструктора готовились из расчета 1 чел. на взвод).

Если недостаточную выучку лыжников быстро решали проведением между боями интенсивной боевой подготовки, то сами полозья на первых порах, особенно подразделения, не предназначенные для ведения боя на лыжах, добывали всевозможными способами. Из донесения старшего адъютанта (начальника штаба) зенитного дивизиона 18-й танковой бригады (далее – 18 ТБр): «Доношу, что согласно Вашего приказа от 9.12.1941 г. зенитным дивизионом собрано от населения 7 пар лыж, которые просим оставить за дивизионом...»²¹

Примерную структуру, вооружение и снаряжение лыжных подразделений демонстрирует боевое распоряжение штаба 363 СД (впоследствии 22-й гвардейской) от 23 декабря 1942 г.: «Командир дивизии приказал:

В каждом стрелковом полку сформировать лыжный отряд в составе:

Командир отряда, военный комиссар отряда, 3 взвода по 3 отделения.

Отделение: 6 человек с командиром отделения.

Всего в отряде 60 человек.

Весь средний и младший командный состав вооружить автоматами.

На отделение иметь по 1 ручному пулемету, 1 автомату, остальным – винтовки.

На взвод – 2 подводы, на весь личный состав – маскхалаты, лыжи...»²²

Боевое применение лыжных подразделений

Боевое применение отдельных лыжных батальонов и лыжных подразделений частей и соединений Красной армии в зимнее время определило их маневренность, подбор личного состава и вооружение (насыщенность автоматическим оружием). Осуществлялось применение по нескольким направлениям.

1. В качестве *диверсионных отрядов и групп*: «Лыжный отряд использовать: для выброски его в тыл с целью дезорганизовать армейские тылы противника, нарушение связи, разрушения штабов, складов, баз, добывать пленных...»²³

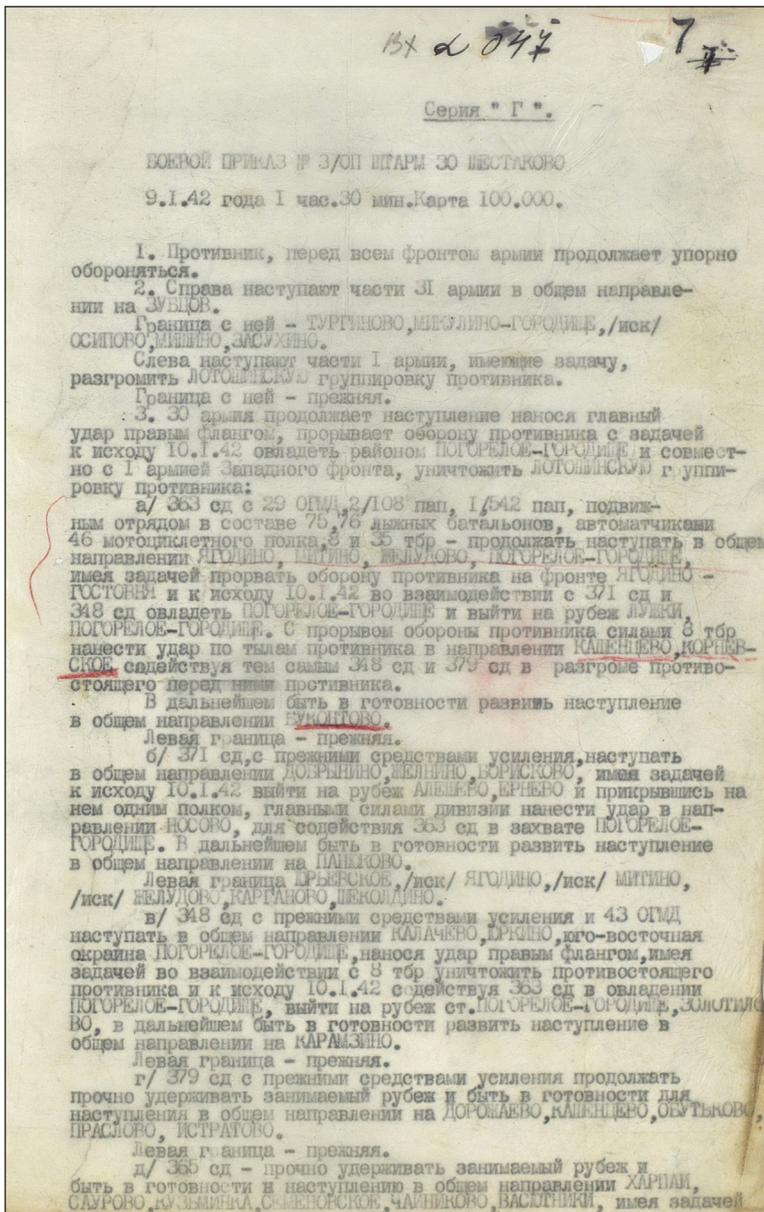
2. В боевых приказах и распоряжениях отдельных частей и соединений первой зимней кампании лыжные батальоны в составе *передовых (ударных, штурмовых, подвижных) отрядов и групп*²⁴ совместно с ТБр (отдельными танковыми батальонами), мотоциклетными и аэросанными подразделениями (см. ил. 9).

В боевых донесениях, журналах боевых действий ТБр периода контрнаступления под Москвой часто можно встретить выражения: «пехота отстала...», «танки остались без прикрытия и поддержки стрелковых подразделений...» В тяжелых условиях зимнего наступления – сильные морозы, заваленные снегом поля и дороги – стрелковые подразделения делали все возможное, но часто не успевали за танками.

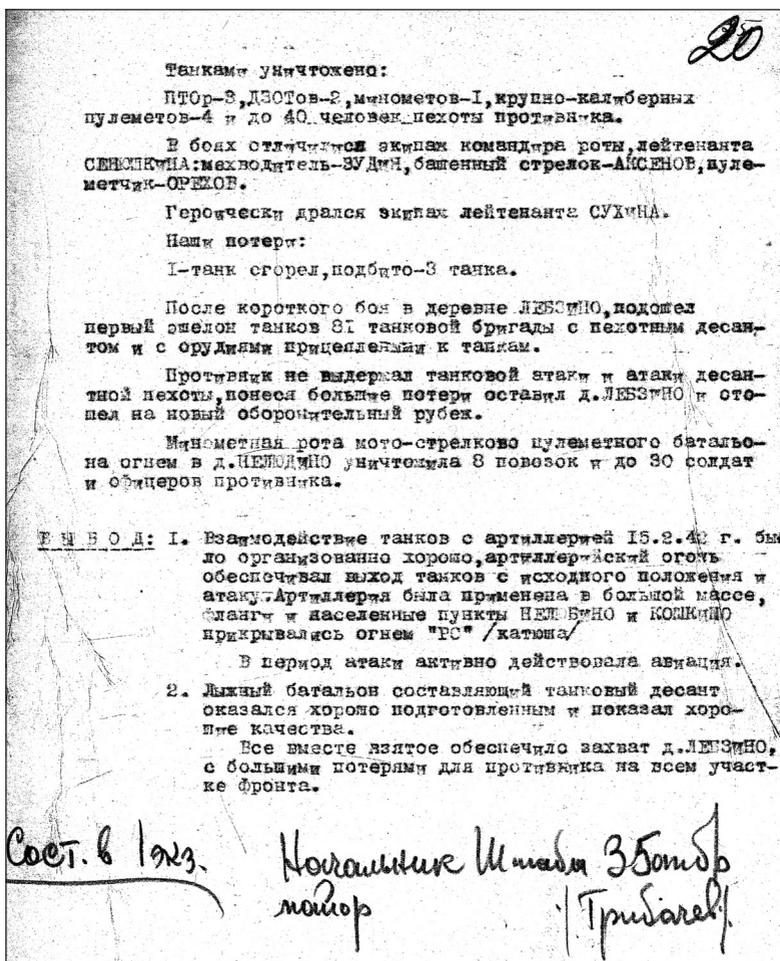
Подвижные лыжные подразделения часто становились серьезной, а порой единственной поддержкой атакующих танков, составляли танковые десанты, первыми врывались в населенные пункты, укрепленные позиции противника и удерживали их до подхода основных сил. Из боевого донесения 35-й отдельной ТБр (впоследствии – 42-й отдельной гвардейской): «После короткого боя в деревне Лебзино, подошел первый эшелон танков 81 танковой бригады с пехотным десантом и с орудиями, прицепленными к танкам.

Противник не выдержал танковой атаки и атаки десантной пехоты, понеся большие потери, оставил д. Лебзино...

Лыжный батальон, составляющий танковый десант, оказался хорошо подготовленным и показал хорошие качества...»²⁵ (см. ил. 10).

Ил. 9. Боевой приказ от 9 января 1942 г.

Ил. 10. Выписка из журнала боевых действий 35 ОТБр

3. В условиях ТВД Карельского и Волховского фронтов лыжные батальоны сводились в бригады, которые действовали самостоятельно. На труднопроходимой местности боевые действия лыжных бригад обеспечивали аэросанные части²⁶.

В программах боевой подготовки предусматривался значительный блок тем по отработке вопросов взаимодействия с лыжно-десантными подразделениями, по высадке и огневой поддержке.

ржке десантов, разведывательных и диверсионных групп²⁷. При изучении в архиве программ обучения аэросанных подразделений бросается в глаза, что в течение войны отрабатываемые учебно-боевые темы усложнялись. Например, боевые батальоны в декабре 1942 г. осваивали действия аэросанного батальона при атаке противника во взаимодействии с авиацией и лыжным аэросанным десантом; при прикрытии высадки аэросанного лыжного десанта; а в ноябре 1943 г.: действия аэросанного батальона в составе десантного отряда пехоты в наступательном бою; на открытом фланге в наступательном бою.

Транспортные батальоны в 1942 г. обучались действиям: транспортного аэросанного батальона при высадке десанта, а в 1943 г. – выброске грузов для частей, действующих в тылу противника под прикрытием боевого аэросанного батальона.

При изучении наградных материалов военнослужащих аэросанных батальонов обращает на себя внимание награждение политработников боевыми наградами за действия на поле боя: «... машина ... попала под минометный обстрел, в результате чего ... был сломан воздушный винт. На поле боя ... выключил винт, заменил винт...»²⁸; «лично руководил выброской десанта...»²⁹ Объяснение этому факту нашлось в документах по боевой подготовке. Согласно тематическому плану подготовки, замполиты командиров рот и батальонов за 44 час. в течение месяца изучали (см. табл. 3)³⁰:

Табл. 3

№ п/п	Предметы	Кол-во час.
1	Тактическая подготовка	15
2	Техническая подготовка	6
3	Огневая подготовка	8
4	Парковая служба	4
5	Топография	4

Перечень тем позволяет сделать вывод, что политработники аэросанных частей готовы были заменить своих командиров и управлять подразделениями в бою.

В заключение хочется отметить, что лыжная подготовка в современных условиях часто сводится к проведению занятий по типу спортивных соревнований. Обучение личного состава армей-

ских и специальных подразделений, не направленное на выработку практических навыков, необходимых в повседневной боевой и оперативно-служебной деятельности, как правило, приводит к неоправданным потерям. В условиях освоения Арктики и размещения на Крайнем Севере военных баз Вооруженных сил Российской Федерации, накопленный в войнах и военных конфликтах опыт формирования и ускоренной подготовки (переподготовки) частей и подразделений в соответствии со складывающейся оперативной обстановкой, местными условиями и временами года, может снова стать востребованным.

¹ Покровский О. Победный рейд лыжного «спецназа» // Военная история. 2015. № 12. С. 4–5.

² Там же.

³ Далее по: Там же.

⁴ Там же.

⁵ ЦАМО. Ф. 7 олбр. Оп. 1. Д. 1. Л. 10–16.

⁶ Ступающий шаг – ходьба на лыжах с поочередным приподниманием носков лыж, прижимая задний конец лыжи к снегу, правая рука выносятся вперед вместе с левой ногой и наоборот.

⁷ Ходьба с одновременной работой рук, или скользящий шаг – скользящие на лыжах с поочередным отталкиванием то левой, то правой ногой.

⁸ Ходьба с работой руками вперекидку, или попеременный двухшажный ход – цикл передвижения из двух скользящих шагов и толчка на каждый из них разноименной ногой и рукой с палкой.

⁹ ЦАМО. Ф. 1622 (313 сд). Оп. 1. Д. 13; Д. № 013. Планы, программы по боевой и политической подготовке, учета и другой переписке. Л. 106–109.

¹⁰ Там же. Л. 113 с об.: Поурочная программа сборов с инструкторами лыжной подготовки рот соединений 32 А.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 95: Приказание нач. штаба 32 А от ноября 1942 г. № 01572.

¹³ Там же. Л. 195–200: Отчет 313 СД, ноябрь 1942 г., по лыжной подготовке.

¹⁴ Там же. Л. 242–252.

¹⁵ 25 СД АрхВО в течение всей войны прикрывала побережье Белого моря от возможных вражеских десантов и Архангельск.

¹⁶ ЦАМО. Ф. 6179 (31 сп 25 СД). Оп. 111680. Д. 1: Приказы командира 31 СП, 1944 г. Л. 88–101: приказы от 19.02.1944 г. № 50 и от 26.02.1944 г. № 57.

¹⁷ Там же. Ф. 1622 (313 сд). Оп. 1. Д. 13. Л. 269: План-конспект по теме «Организация наблюдения и несения боевой службы по побережью больших водных преград в зимних условиях».

¹⁸ Там же. Ф. 7 олбр. Оп. 1. Д. 1.

¹⁹ Там же. Л. 18: Приказ по лыжно-стрелковой бригаде от 18.1.1942 г. № 14.

²⁰ Там же. Ф. 3531 (1 гв. КП). Оп. 2. Д. 7. Л. 126: Распоряжение 1 гв. КК от 13.10.1941 г. № 0502.

²¹ Там же. Ф. 3133 (42 отд. гв. ТБр). Оп. 1. Д. 14. Л. 30: Донесение от 10.12.1941 г.

²² Там же. Ф. 1095 (22ГСД). Оп. 1. Д. 2а. Л. 38: Боевое распоряжение Штадив 363 от 18.12.1941 г. № 11.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Ф. 3083 (10 отд. гв. ТБр). Оп. 1. Д. 10: Боевые приказы фронта, армии и дивизий, 1942 г. 154 л.

²⁵ Там же.

²⁶ Более подробно см.: Вахтеров А.В. Аэросанные части и подразделения Красной армии // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международ. научно-практич. конф. Ч. 2. СПб., 2016. С. 3–25.

²⁷ ЦАМО. Ф. 1 отд. асрр. Оп. 20331. Д. 4: Д. № 024. Программы по учебно-боевой подготовке, 1943. 32 л.

²⁸ Там же. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 309: из наградного листа на зам. ком. роты по полит. части 7 оасб Н.А. Рыбьяновак приказу ВС 5 А ЗФр от 7.04.1943 г. № 176.

²⁹ Там же: из наградного листа на зам. командира 7 оасб по полит. части А.М. Хмельковского, приказ ВС 5 А ЗФр от 7.04.1943 г. № 176.

³⁰ Там же. Ф. 1 отд. асрр. Оп. 20331. Д. 4: Д. № 024. Программы по учебно-боевой подготовке, 1943 г. Л. 19: Тематический план подготовки заместителей командиров рот и батальонов аэросанных батальонов К.Ф. на период май – октябрь месяцы 1943 г.

В.С. Великанов (Москва)

РОССИЙСКИЕ ГАРНИЗОНЫ В МАЛОРОССИЙСКИХ ГОРОДАХ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОЙ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ (В 1700–1708 ГОДАХ)

ВОПРОС российско-украинских отношений в начале XVIII в. и причин измены И.С. Мазепы является одним из наиболее дискуссионных в современной российской и украинской историографии. В последнее время целый ряд исследователей пытается обосновать тезис о последовательном «наступлении» российского правительства на права и полномочия гетмана и его администрации, которое в итоге «вынудило» И.С. Мазепу изменить принесенной царю присяге и перейти на сторону Карла XII. И одним из аргументов является наличие значительных российских воинских контингентов в городах Гетманщины¹. В рамках данной работы мы попробуем разобраться в вопросе численности царских гарнизонов в малороссийских городах, а также причинах отправки на Украину дополнительных воинских контингентов на начальном этапе Великой Северной войны (в 1700–1708 гг.) и их численности.

Левобережная Украина, или Гетманщина, в составе Российского государства к началу XVIII в. обладала правами очень широкой автономии. Все вопросы внутреннего управления, налогов, казачьего реестра и судопроизводства находились в руках гетмана и казачьей старшины. Все доходы, собираемые в украинских городах, шли на содержание казачьего войска и администрации. Представители российской администрации имелись лишь в четырех украинских городах: Киеве, Нежине, Чернигове и Переяславле. Это было связано с давними привилегиями этих городов, по которым они еще начиная с XVI в. находились под

королевским, а не гетманским управлением, и после 1654 г. эти права и привилегии были подтверждены царскими грамотами. В указанные города назначались российские воеводы и были введены незначительные гарнизоны, но при этом там сохранялось местное самоуправление и судопроизводство, и права воевод сводились, по сути, лишь к представительской функции и администрированию части налогов, шедших на содержание гарнизонов и укреплений. Отдельным административным объектом на левобережье была Новобогородицкая крепость, построенная в 1687–1688 гг. на правом берегу реки Самара недалеко от места ее впадения в Днепр (территория современного пос. Шевченко в черте Днепропетровска). Она была изначально выведена из-под юрисдикции гетмана, управлялась российскими воеводами и имела гарнизон из российских служилых людей.

Формально управление Левобережной Украины находилось в ведении Приказа Малой России (Малороссийского приказа), однако фактически он обладал крайне ограниченными полномочиями. В его ведении находились лишь российские воеводы и гарнизоны перечисленных нами выше крепостей и вопросы их снабжения, через него велась переписка с гетманом и его администрацией, а также с городами. В конце XVII в. все городские воеводы были подведомственны напрямую Малороссийскому приказу, однако летом 1700 г. Петр I определил главенство киевского воеводы над остальными, фактически сделав его главным представителем царской власти на Украине. С финансовой точки зрения все малороссийские гарнизоны были дотационными. Местные доходы («питейная прибыль», доходы «с перевозов», сборы на содержание укреплений и т. д.) в 1701 г. составляли всего 3509 р. в год, при этом расходы (без учета жалованья трем полкам московских стрельцов в Киеве) составляли 16 437 р.² Жалованье московским стрельцам (около 9,5 тыс. р. в год) выплачивалось напрямую за счет Стрелецкого приказа, и с учетом этой суммы совокупные расходы достигали 26 тыс. р. Таким образом гарнизоны фактически содержались за счет денег, присылаемых из Москвы, которые часто поступали с большими задержками (иногда этот срок доходил до 2 лет). Для того чтобы служилые люди могли как-то содержать себя, местные коменданты разрешали им заниматься ремеслами и торговлей, а также вести хозяйство. Как показали разборы начала 1700-х гг., боль-

шинство из них уже были стары и негодны к полевой службе. В городах, как правило, царские служилые люди были поселены вместе со своими семьями отдельными обособленными слободами внутри укрепленной части города («верхний город», или цитадель).

К началу 1700 г. общая численность гарнизонов в малороссийских городах составляла около 3,5 тыс. чел. Наиболее крупный гарнизон традиционно находился в Киеве, игравшем роль главного центра российского военно-административного присутствия на Украине. На начало 1700 г. киевским воеводой (с 1698 г.) был боярин князь Петр Иванович Хованский, но уже в сентябре вместо него в Киев на должность губернатора был прислан генерал-майор Юрий Андреевич Фамендин (фон Мегден). Как справедливо отметил в своем исследовании Я.А. Лазарев, полномочия и функции губернатора на тот момент ничем не отличались от воеводских³, и изменение названия должности, видимо, было обусловлено лишь принятым решением о назначении в Киев иноземца, а не представителя родовитого боярского рода. Киевский гарнизон в начале сентября 1700 г. при приемке города Фамендиным насчитывал около 2,7–2,8 тыс. чел.: жилой рейтарский полк майора Ивана Поздеева (7 офицеров, рейтар – 90), жилой солдатский полк полковника Вилима фон Залена (12 офицеров, солдат – 963), московские стрелецкие приказы стольников и полковников Ивана Ушакова (5 офицеров, 586 стрельцов), Ивана Скрипицына (6 офицеров, 492 стрельца) и Михаила Сухарева (8 офицеров, 513 стрельцов), 48 киевских пушкарей⁴.

Вторым по значимости после Киева традиционно считался Переяславль, где воеводой в 1700 г. был окольный Михаил Васильевич Собакин. Укрепления Переяславля состояли из «Нижнего города», окруженного сплошной стеной, и «Верхнего города», или «Острога». Его укрепления состояли из земляного вала общей длиной 708 сажень (около 1,5 км) и высотой 8–9,5 сажень (17–20 м) с восемью башнями и деревянной стеной высотой 6–8,5 м. На участке между реками Трубежа и Альта вал был усилен рвом шириной 15–17 сажень и глубиной 4 сажени. Почти все укрепления «Верхнего города» находились в плачевном состоянии: стены и башни во многих местах осели и обрушились, засыпав ров, а у гарнизона не было сил и средств на

приведение их в нормальное состояние. Вооружение переяславской цитадели составляли 47 пушек калибром от 2 до 6 фунтов⁵. Гарнизон города состоял из жилого солдатского «полка» (2 поручика, 3 прапорщика, 12 сержантов, 4 подпрапорщика, 8 капралов и 220 солдат) и жилой рейтарской «шквადроны» (2 поручика, 3 прапорщика и 50 рейтар) под общим командованием капитана Юрия Крафта.

Укрепления Чернигова состояли из двух частей, «Нижнего города» и «Замка», последний также иногда в документах назывался «Цитаделью», или «Старым (Верхним) городом». «Город» был окружен деревянной дубовой стеной («рублена дубовыми бревнами») длиной 1663,2 м и рвом шириною 21,6 м и глубиною 4,32 м. В стене имелись одни «проездные ворота». Укрепления «Верхнего города» состояли из земляного вала высотой около 26 м, на котором была сооружена деревянная стена с башнями и раскатами длиной 272 м. Вал был окружен рвом глубиной 8,28 м. На территории «Замка» находились дом коменданта, казармы, склады и погреб для боеприпасов. Гарнизон Чернигова под командованием полковника Ивана Стенцеля насчитывал всего 124 чел.: 3 офицера (капитан и два поручика), 12 драгун (один десятник и 11 рядовых) и 109 солдат (3 сержанта, 4 капрала и 102 рядовых).

В «Верхнем городе» Нежина под командой полковника Ивана Минстермана находилось 382 чел.: 12 офицеров (по 4 капитана, поручика и прапорщика), 40 драгун (4 десятника и 36 рядовых) и 330 солдат (8 сержантов, 12 капралов и 310 рядовых). Сама крепость пребывала в довольно плачевном состоянии: «...по стене изнутри города и за городом вал и под башнями быки во многих местах от дождей осыпались и обвалились, потому что починки вала многие годы не было».

Гарнизон Новобогородицкой и Сергеевской крепостей насчитывал в 1700 г. 241-го переведенного туда «на вечное житье» бывшего московского стрельца. Кроме этого, к ним на усиление «на годовалую службу» посменно присылались служилые люди белгородских и севских городов. В частности, весной 1700-го в Новобогородицкую были отправлены очередная половина добренских, орловских и козловских ратных людей городской службы (483 пушкаря, стрельца и казака) и по 200 чел. из Севска и Путивля⁶.

Летом 1700 г. была предпринята попытка ввести новые штаты российских гарнизонов, находившихся на содержании Приказа Малой России (т. е. без учета московских стрельцов): по 200 – в Чернигове и Переяславле, 600 – в Нежине и 900 – в Киеве – всего 1900 чел.⁷ Но на практике проводить изменения никто не стал, и численность гарнизонов фактически осталась прежней⁸.

В начале 1700 г. Россия уже всю готовилась к предстоящей войне со Швецией, однако мирный договор с Турцией так и не был заключен, и весной 1700 г. царское правительство решило принять превентивные меры и направить к Казыкермену и Тавани малороссийских казаков и царских служилых людей на случай возможного прихода турецких войск и крымских татар. Корпус белгородского воеводы генерал-майора стольника князя Ивана Михайловича Кольцова-Мосальского должен был насчитывать 5771 царского ратного человека: 25 московских чинов, 141 белгородец «сотенной службы», 395 донских, яицких и орешковских казаков, 2900 казаков слободских полков (Сумского, Ахтырского и Харьковского), 1000 солдат Севского новоприборного солдатского полка, 658 стрельцов Белгородского жилого полка Осипа Булгакова и 652 московских стрельца полка Ивана Нечаева из Путивля. Вместе с ними в поход также должны были выступить 6 тыс. малороссийских казаков (1,5 тыс. конных и 4,5 тыс. пеших). Всего с учетом казаков корпус Кольцова-Мосальского должен был насчитывать 11 771 чел.⁹ Цели и задачи, поставленные перед этими войсками, несколько раз менялись. Первоначально они должны были усилить гарнизоны Тавани и Казыкермени и заняться ремонтом и усилением крепостных укреплений. Затем, в августе воевода получил царский указ о полном разрушении крепостей и вывозе артиллерии и запасов в Запорожскую Сечь, а в октябре новый указ – эвакуацию Тавани и Казыкермени отложить, вывезти лишь половину артиллерии и оставить на зиму 1700–1701 гг. сильный гарнизон. В итоге Кольцов-Мосальский выступил с царскими ратными людьми из Ахтырки лишь 15 октября¹⁰. Включенные в состав его корпуса малороссийские казаки прибыли к Переволочной еще 7 августа, и 12 недель в чистом поле ожидали его подход, страдая от непогоды и недостатка запасов. К середине декабря Кольцов-Мосальский вывез из днепровских крепостей почти половину артиллерии (55 пушек и 4 мортиры из имевшихся в наличии 138 пу-

шек и 10 мортир) и, оставив на зимовку гарнизон в 4,2 тыс. чел. (включая 2,5 тыс. казаков), распустил своих ратных людей со службы¹¹.

В следующем, 1701, году для строительства новой крепости в Каменном Затоне вновь был отправлен корпус Кольцова-Моcсальского. В этот раз для работ было мобилизовано около 6 тыс. белгородских и севских ратных людей: 1002 московских чина и городских дворян, Севский новоприборный солдатский полк (с осени 1700-го им командовал полковник П. Гассениус), Белгородский жилой солдатский полк Осипа Булгакова (переформирован из одноименного жилого стрелецкого полка), Севский жилой стрелецкий полк Данилы Юдина и 2035 слободских казаков всех пяти полков¹². Статус новой крепости и ее гарнизона был аналогичен Новобогородицкой: управление осуществлялось царскими воеводами, подотчетными Белгородскому разряду, а гарнизон состоял из российских служилых людей. Гетман никакой власти над Каменным Затоном не имел.

Также спокойно прошел и 1702 год. Осенью, в связи с переносом военных действий в Литву и Польшу, было принято решение об усилении малороссийских гарнизонов за счет ратных людей Севского разряда, которые должны были служить по полгода. Планировалось, что в 1703-м на службу будут направлены 4412 чел.: в Киев – 1849 чел., в Нежин – 578, в Чернигов – 474, в Переяславль – 1511. Однако фактически на службу явилось значительно меньше – 2601 чел., в том числе: в Киев – 1285, в Нежин – 457, в Переяславль – 590, в Чернигов – всего 27. В киевском гарнизоне севские ратные люди были распределены следующим образом: солдатский полк фон Залена – 390, стрелецкий полк Ушакова – 240, Скрипицына – 401, Сухарева – 254 чел. Командированным стрельцам и пушкарям регулярно задерживалось продовольствие и жалованье, и до окончания срока командировки со службы бежало 905 чел. (более трети)¹³. 23 января того же года на место умершего Фамендина киевским губернатором был назначен генерал-майор Андрей Андреевич Гулиц, прослуживший в Киеве до 1723 г.

Одной посылкой севских ратных людей усиление малороссийских гарнизонов в 1703 г. не ограничилось. Начиная с февраля 1703-го гетман Мазепа несколько раз написал в Москву о том, что им получены достоверные сведения о планах шведс-

кого короля Карла XII перенести в 1703 г. боевые действия в южную Польшу, а также о готовности поляков поддержать его в случае, если он поможет им подавить восстание Палия и Самуся и возвратит полякам контроль над Правобережной Украиной. И якобы именно для этого возможного совместного наступления в Подолии были сосредоточены крупные силы коронной армии и посполитного рушения под командованием польного гетмана Адама Сенявского. В действительности ни о каких сепаратных переговорах со шведами речь на тот момент не шла, и польские войска были собраны исключительно для борьбы с казацким восстанием. Но Мазепа всерьез опасался, что казацки волнения могут перекинуться на Гетманщину и будут поддержаны запорожцами, и именно этим были вызваны его преувеличенные донесения в Москву. Петр I отреагировал на просьбу гетмана достаточно оперативно, и уже 9 марта 1703 г. последовал царский указ об отправке на Украину «для береженья богоспасаемого града Киева и Каменного Затона и великороссийских и малороссийских и украинских городов от приходу неприятельских воинских людей» белгородских ратных людей князя Михаила Григорьевича Ромодановского и севчан севского воеводы Семена Протасьевича Неплюева. Корпус Ромодановского должен был насчитывать более 17 тыс. чел.: 4255 московских чинов и городских дворян, 4 тыс. слободских казаков и 9 новоприборных тысячных солдатских полков (пять набранных Разрядным приказом в южных городах и четыре – Военным приказом)¹⁴. В состав корпуса Неплюева должны были войти 464 московских чина и городских дворян сотенной службы, 447 севских полковых казаков, 1879 копейщиков и рейтар (сведенных в два полка – Якова Вечеслова и Григория Веревкина) и 1261 севский солдат (полк Никиты Кунингама) – всего около 5 тыс. чел.¹⁵ Таким образом всего планировалось собрать около 23 тыс. чел., которые должны были явиться на службу не позднее 9 мая 1703 г. Однако фактически отправка этих войск на Украину так и не состоялась, и более того – эти многочисленные группировки так и не были собраны. Наступление шведов на Правобережную Украину и Киев в 1703 г. так и не состоялось, и войска Ромодановского и Неплюева все лето простояли в Севске и Путивле. В конце августа со службы были отпущены слободские казаки, а почти все солдатские полки отправлены на литовскую границу к Смолен-

ску. Лишь в конце октября Ромодановский неожиданно получил царский указ выдвинуться с частью сил в Сумы и Ахтырск для демонстрации поддержки И. Мазепы («для страхания лехкомышленных запорожцов и полках украинских зломыслящих недоброхотов»)¹⁶. Простояв в Сумах, Ромодановский 5 декабря получил царский указ о роспуске оставшихся ратных людей со службы.

В 1704 г. на Украину по просьбе Мазепы «для охранения украиннх городов и Каменного затона и тамошних краев от прихода короля свейского» вновь были направлены царские ратные люди под командованием князя Петра Ивановича Хованского. В состав его корпуса должны были войти 1514 московских чинов и городовых дворян, 3735 слободских казаков, солдатский полк Ивана Спешнева (1055 чел., набранных Разрядным приказом в южных городах), сборный стрелецкий полк Семена Зотова (867 чел.) и половина Курского жилого стрелецкого полка (209 чел.) – всего около 7,4 тыс. чел.¹⁷ Как и ранее, войска, предназначенные для посылки на Украину, были собраны из ратных людей приграничных Белгородского и Севского разрядов. На службу они должны были прибыть не позднее 30 мая, но явка сильно растянулась, и по состоянию на середину июля в наличии имелось лишь около 60 % от личного состава. Вплоть до конца июля корпус простоял в районе Сум и Ахтырки и только в середине августа прибыл в Киев, где в начале октября ратные люди были отпущены по домам.

В 1705-м Мазепа с казаками был направлен на Правобережную Украину и в южную Польшу для поддержки сторонников короля Августа. Вместе с ним в поход летом выступил пятитысячный корпус севского воеводы С.П. Неплюева (драгунский и 5 солдатских полков, набранных весной 1705 г. из севских ратных людей). Осенью Мазепа с казаками разместился в Бродах, а Неплюев – в Луцке. В ноябре один из солдатских полков (Ивана Хотунского) был размещен в гарнизоне Замостья, а в январе 1706-го полк Ефима Вердена – в Бресте. Зимой 1705–1706 гг. шведская армия Карла XII стремительным маршем блокировала главные силы российской армии в Гродно, и войска Мазепы и Неплюева были спешно переброшены в Литву, где приняли участие в неудачном сражении под Клецком 19 апреля 1706 г.¹⁸

В 1706 г. начался новый этап в жизни киевского гарнизона, связанный со строительством новой крепости на Печерской го-

ре. В мае в Киев из Гродно прибыла главная русская армия под командованием А.Д. Меншикова, который, осмотрев город и окрестности, пришел к заключению о необходимости сооружения новой крепости. В качестве основы для нового укрепления он предложил Печерскую гору, на которой располагался обнесенный крепкой каменной стеной Киево-Печерский монастырь. В июле в Киев прибыл сам Петр I, который, изучив город и окрестности, согласился с предложением своего фаворита. В июле-августе был подготовлен чертеж нового укрепления, и 15 августа состоялась торжественная церемония закладки новой крепости, получившей название Новой, или Киево-Печерской (Печерской), крепости. Первые земляные работы выполнялись посменно всеми полками главной армии, а после ее ухода из Киева в Литву «эстафета» по строительству новой крепости была передана севским ратным людям Севского полка воеводы С.П. Неплюева (пять солдатских полков, около 3 тыс. чел.), которые трудились на сооружении укреплений до ноября, после чего были отпущены со службы до весны. В том же году был проведен разбор киевского гарнизона и увольнение со службы всех старых и негодных к службе солдат и стрельцов. В итоге по новым штатам в Киеве должно было насчитываться всего 2 тыс. нижних чинов: 164 рейтара (6 офицеров и 158 рейтар), 1847 солдат и стрельцов (53 офицера и 1794 нижних чина) и 48 пушкарей¹⁹. Фактически это была фиксация имевшейся на тот момент структуры и численности гарнизона для определения необходимого для него жалованья. Также для усиления гарнизона из армейских полков и гвардии было переведено 8 поручиков, 13 прапорщиков и 11 урядников.

В начале 1707 г. Петром I было принято решение о фактическом объединении ресурсов Белгородского разряда и городов Малороссийского разряда под руководством белгородского воеводы князя Дмитрия Михайловича Голицына. Указом от 29 января 1707 г. Голицыну было велено «ведать к Белгородскому разряду Киев и все замки в черкасских городах, в которых русские люди, и для того из Киева велено быть вам в Киев, к будущему лету приготовление учинить, и к нам писать, а имянно во управлении артиллерии и магазинов; а городовое Печерского города дело вручено гетману на его люди»²⁰. Т. е. его основной задачей было строительство и вооружение укреплений новой Ки-

ево-Печерской крепости и обустройство магазинов. Во исполнение данного распоряжения руководителю Разрядного приказа Т.Н. Стрешневу было указано приписать к Белгородскому разряду «Киев, также и протчия замки в Черкасских городех, в которых наши воеводы». Подчеркнем, что речь в данных документах шла только о тех городах, где уже находились, в соответствии с договорными статьями, царские гарнизоны: Киеве, Чернигове, Нежине и Переяславле. Основной причиной, побудившей царя пойти на такой шаг, было неудовлетворительное состояние малороссийских гарнизонов и укреплений, и для их улучшения он планировал использовать ресурсы Белгородского разряда, для чего Голицын должен был уже весной прибыть для инспекции в Киев, «где много исправления требует, и для того надлежит ему Белгородским розрядом то исправлять»²¹. Окончательно упразднение военно-административных функций Приказа Малой России состоялось в марте 1707-го, когда последовал новый указ Т.Н. Стрешневу: «Киев с прочими замками Черкасскими возьми в Розряд»²². Здесь необходимо подчеркнуть, что во всех данных указах речь шла исключительно об административном переподчинении имевшихся малороссийских гарнизонов между российскими центральными ведомствами, никакого увеличения или расширения их полномочий не планировалось. Тем не менее, данные сугубо административные решения трактуются частью современных исследователей как некая административная реформа, направленная на уменьшение или даже упразднение автономии Гетманщины.

Первоначально планировалось, что основные земляные работы на строительстве Киево-Печерской крепости в 1707 г. будут выполняться силами малороссийских казаков, о чем Петр I напоминал И.С. Мазепе в своем письме весной того же года: «...а для достройки Печерской крепости к господину Голицыну изволь дать из Малоросиского народу работников сколько мочно, и о том надобно согласитца с ним, и чтоб ту крепость возможно было сим летом совсем совершить»²³. Однако сбор казаков по разным причинам постоянно откладывался, и, несмотря на царский указ, основные работы по строительству Киево-Печерской крепости, как и годом ранее, легли на плечи севских ратных людей. В 1707 г. на службу было назначено 4144 севчанина, но по факту в Киев явилось значительно меньше. Согласно от-

писке Неплюева, по состоянию на 19 июля 1707-го в пяти солдатских полках (Афанасия Рагозина, Якова Постельникова, Гаврилы Репьева, Якова Рагозина и Ивана Хотунского) в наличии были 86 офицеров и 2567 урядников и рядовых. Позднее в Киев прибыли еще 290 солдат, выбранных из комарицких крестьян²⁴. Севчане, как и год назад, строили земляные валы и больварки до октября, когда вновь были отпущены со службы по домам.

Ревизия малороссийских гарнизонов, проведенная Д.М. Голицыным в 1707 г., показала удручающее состояние войск и укреплений, что было вызвано нехваткой людей и денег. Имевшихся в наличии ратных людей едва хватало для караульной службы, но чинить укрепления уже было некому. В частности, в Киеве, «нынешнего году земляной работы не доделано», и новая Киево-Печерская крепость до сих пор не была вооружена. В том же Киеве, по словам Голицына, «салдаты... зело плохи и малое число, и без прибавки теми людми управить невозможно». В начале 1708 г. было принято решение об увеличении штатной численности киевского гарнизона до 3 тыс. чел.²⁵ По новому штату гарнизон должен был состоять из шести батальонов: одного – жилых солдат, трех – стрельцов и двух – новоприборных солдат. Тысячу солдат для двух новых батальонов было поручено набрать в белгородских городах тому же Голицыну, однако он смог собрать и выслать на службу лишь 531 чел.²⁶ В итоге новые батальоны так и не были сформированы, а набранные солдаты были распределены по прежним четырем батальонам, которыми командовали полковник Николай Геренк (назначенный 13 ноября 1707-го комендантом новой Киево-Печерской крепости), а также стрельцкие полковники Ушаков, Сухарев и Скрипицын. Это было единственное усиление малороссийских гарнизонов в 1708 г. ... Для земляных работ на строительстве Киево-Печерской крепости в этом году вновь решили привлечь малороссийских казаков И.С. Мазепы, о чем ему был послан 7 мая 1708 г. соответствующий указ²⁷. Однако, как и годом ранее, Голицын столкнулся с фактическим саботажем царского указа со стороны властей Гетманщины. 29 июня 1708 г. он сообщал, что «от гетмана работников прислано 200 человек и в оных работниках упинаетца и пишет, будущее, что присланы будут». При этом Голицын не имел никаких административных рычагов влияния на гетмана и его администрацию, и поэтому он просил главу Посольско-

го приказа Г.И. Головкина: «...аще воля ваша будет, прикажи ко мне написать письмо и спросить: Печерская крепость делаетца ль и сколько работников от господина гетмана прислано, дабы я то письмо мог показать гетману. И чаю, что по оному вас, моего государя, письму работников вскоре пришлет»²⁸. Таким образом киевский воевода был вынужден идти на дипломатические ухищрения для того, чтобы добиться от гетмана выполнения царской воли.

В августе 1708 г. Голицыным был подготовлен подробный отчет, позволяющий оценить состояние российских гарнизонов и крепостей в малороссийских городах накануне измены Мазепы и шведского вторжения на Украину. Новый губернатор был серьезно обеспокоен малочисленностью имевшихся в его распоряжении войск и плохим состоянием укреплений. По словам Голицына, укрепления новой Печерской крепости так и не были доделаны, и у него не хватало людей на земляные работы по возведению валов и палисадов. Старая крепость, по словам Голицына, была также «весьма слаба». В новой крепости на 12 батареях уже было установлено 102 пушки, 20 мортир и 9 гаубиц; в старой – 117 пушек. Гарнизон состоял из четырех батальонов по 500 чел. (в каждом по гренадерской и 4 мушкетерских роты), двух рот рейтар (150 чел.) и 59 пушкарей. При этом гарнизонные ратные люди не получали денежного жалованья уже больше двух лет! В Чернигове насчитывалось 156 рейтар и солдат и имелось 13 пушек медных и одна мортира, а к ним 500 ядер и 94 бомбы. В переяславльском гарнизоне имелось 200 чел. и 45 пушек (42 медные, одна чугунная, две «худые»), а к ним 9144 ядра. В Нежине – 4 рейтара и 244 солдата, а также 27 пушек (14 медных, 11 железных и две «худые») и 4520 ядер. В Новобогородицкой на Самаре – 220 стрельцов, 64 медные пушки, 2 мортиры и к ним 30 тыс. ядер²⁹. В Каменном Затоне в трех солдатских полках (подполковников Федора Спешнева, Гаврилы Вульфа и Фомы Щитовина) насчитывалось 54 офицера (3 подполковника, 3 майора, 19 капитанов, 28 поручиков и квартирмейстер) и 1551 урядник и рядовой. Примечательно, что в целях экономии в этих частях был установлен неполный офицерский штат (по подполковнику, майору, 8 капитанов, 10 поручиков и квартирмейстеру на полк), офицеры получали третное гарнизонное жалованье, и кроме этого многие из них получали оклады на чин

меньше (например, «вместо подполковника Зиновья Сарожинского быть из майоров подполковником Фоме Щитовскому и служить с майорского жалованья»)³⁰. На вооружении крепости находилось 80 медных и 30 железных пушек и 14 мортир, к которым имелось 30 тыс. ядер³¹. Дополнительно в 1708 г. на починку и строительство укреплений из белгородских городов должно было быть прислано 1200 чел. По оценке Голицына, Нежин был неплохо укреплен, а вот Чернигов и Переяславль «слабы и если неприятель придет немочны»³². Несмотря на то что крепости в Каменном Затоне и Новобогородицкая имели многочисленные гарнизоны и артиллерию, их укрепления также находились не в самом лучшем состоянии: земляные валы и больварки во многих местах обвалились, и не было леса и камня для их ремонта. Общая же численность царских гарнизонов в малороссийских городах (без учета Каменного Затона и Новобогородицкой) составляла всего около 2,8–2,9 тыс. чел. Полученные Голицыным инструкции предписывали ему в случае шведского наступления (если «неприятель пойдет к Киеву или Малороссийским городам») оборонять порученные ему города и сидеть в осаде, пока не подойдет помощь. Если же крымские татары решат нарушить мирный договор (несмотря на формальный мир с Турцией, российское правительство никогда не «списывало со счетов» крымский фактор и всегда предпринимало меры на случай возможного вероломного нападения с этой стороны) и подойдут к Каменному Затону или Самаре – то губернатор должен был послать на помощь «малое число людей» и ждать подкреплений из главной армии³³.

Таким образом, вплоть до 1706 г., т. е. до того момента, когда над Малороссией нависла угроза шведского вторжения, российское правительство не предпринимало никаких усилий по увеличению российских гарнизонов либо по усилению занимаемых ими укреплений. Общая численность гарнизонов малороссийских городов не превышала 3,5 тыс. чел., а сами укрепления находились в неудовлетворительном состоянии. Это позволяет на основании фактических данных опровергнуть тезисы некоторых исследователей об «оккупации» Левобережной Украиной или военном контроле со стороны российских войск. Все дополнительные посылки войск в 1703–1705 гг. осуществлялись каждый раз по прямой просьбе И.С. Мазепы и

были связаны с необходимостью усиления обороны Гетманщины от внешних угроз. И каждый раз, как только необходимость в войсках исчезала, они сразу же возвращались обратно в российские пределы. Реальное усиление гарнизонов и укреплений началось лишь в 1706 г. и затронуло только Киев, где было начато строительство новой Киево-Печерской крепости. Однако этот факт нельзя рассматривать как доказательство «покушения» на автономию Гетманщины: город Киев с округой пользовался правами магдебургского самоуправления и с 1654 г. находился под управлением царских воевод, что подтверждалось всеми статейными договорами между московским правительством и многочисленными украинскими гетманами. Но даже с учетом принятых мер численность малороссийских гарнизонов к середине 1708 г. оставалась незначительна, что наглядно опровергает тезис о том, что якобы именно резкое увеличение российского военного присутствия на Гетманщине стало одним из «катализаторов» измены И.С. Мазепы.

¹ Подробнее критику данного тезиса см.: Киселев М.А., Лазарев Я.А. Историографический призрак «Украинской дивизии»: к вопросу о российско-украинских отношениях в 1706–1708 годах // Славяноведение. 2013. № 2. С. 41–50.

² Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. 2-е изд. СПб., 1905. С. 96. Похожие цифры на основании данных Малороссийского приказа приведены в работе: Лазарев Я.А. «Не-каноничные» версии истории Украины второй половины XVII–XVIII вв. в новых исторических курсах // Исторический вестник. Т. 16 (163). М., 2016. С. 200–201.

³ Лазарев Я.А. «Великороссийская» администрация на Гетманской Украине в 1700–1727 гг.: эволюция институтов и их статуса. Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2012. С. 108.

⁴ Лебединцев П.Г. Росписной список г. Киева 1700 г. // Чтения в историческом обществе Нестора летописца. Кн. VI. Отд. III. Киев, 1892. С. 33–34.

⁵ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 63. Книги Киевского стола. № 36. Л. 868 об.

⁶ Там же. Оп. 9Е. Столбцы Севского стола. № 483. Л. 85–86.

⁷ Лазарев Я.А. Указ. соч. С. 104–105.

⁸ РГАДА. Ф. 19. Финансы. Оп. 1. Ч. 1. № 1. Ч. 8. Л. 46–49 об.

⁹ Там же. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 9Д. Столбцы Приказного стола. № 2410. Л. 45–46.

¹⁰ Здесь и далее все даты даны по старому стилю, отличавшемуся в XVIII в. от нынешнего на 11 дней.

¹¹ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 9Д. Столбцы Приказного стола. № 2410. Л. 571–574.

- ¹² Рабинович М.Д. Судьбы служилых людей «старых служб» в период формирования русской регулярной армии в начале XVIII в. Дис. ...канд. ист. наук. М., 1953. С. 390.
- ¹³ Там же. С. 376.
- ¹⁴ Северная война 1700–1721 гг. Сб. документов / сост. Р.Е. Альтшуллер и др. Т. 1 (1700–1709). М., 2009. С. 162.
- ¹⁵ Рабинович М.Д. Указ. соч. С. 392–393.
- ¹⁶ Северная война 1700–1721 гг. С. 163.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 5. Смотренные списки. № 80. Л. 323–232 об.
- ¹⁸ Подробнее о корпусе С.П. Неплюева и его участии в боевых действиях в Литве и сражении при Клецке см.: Великанов В.С. Формирование и службы севских полков набора 1705 г. // *Studia internatinalia: Материалы IV Международн. науч. конф. «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.»* (1–3 июля 2015 г.). Брянск, 2015. С. 95–102; Его же. «Непомысленная баталия»: участие корпуса С.П. Неплюева в сражении при Клецке 19/30 апреля 1706 г. // *Военно-исторический журнал «Старый Цейхгауз»*. № 63 (1/2015). С. 76–81.
- ¹⁹ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 6Д. Книги Белгородского стола. № 201. Л. 329.
- ²⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 5. СПб., 1907. № 1546. С. 56.
- ²¹ Там же. № 1547. С. 56.
- ²² Голиков И.И. Деяния Петра Великого. Т. 3. М., 1837. С. 228.
- ²³ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 7. Вып. 1. Пг., 1918. С. 155.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 7А. Дела разных городов. № 61. Л. 250–250 об.
- ²⁵ Там же. Оп. 6Д. Книги Белгородского стола. № 201. Л. 330.
- ²⁶ Там же. Л. 333.
- ²⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 7. Вып. 2. М.; Л., 1946. С. 672.
- ²⁸ Северная война 1700–1721 гг. С. 347–348.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II. № 7. Л. 504 об–509.
- ³⁰ Там же. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 6Д. Книги Белгородского стола. № 201. Л. 264.
- ³¹ Там же. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II. № 7. Л. 506–506 об.
- ³² Там же. Л. 509 об.
- ³³ Там же. Л. 502–502 об.

А.В. Величко, В.В. Коровин (Курск)

УЧАСТИЕ МОЛОДЕЖИ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В ЛЕЧЕБНО-МЕДИЦИНСКОМ ОБСЛУЖИВАНИИ РАНЕННЫХ ВОИНОВ КРАСНОЙ АРМИИ (1941–1943)

В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ войны восстановлению здоровья больных и раненых советских военнослужащих во многом способствовали не только оказание своевременной медицинской помощи армейскими санитарными службами и персоналом фронтовых госпиталей, но и повседневный уход за пациентами в лечебных учреждениях со стороны общественного актива, выделенного из числа гражданского населения. Жители прифронтовых районов, и, в первую очередь, представители молодежи, оказывали различную лечебную помощь своим защитникам и освободителям.

В условиях военного времени одной из действенных форм поддержки боеспособности вооруженных сил стало безвозмездное донорство, или сдача крови, для раненых бойцов Красной армии. С первых дней войны оно, по примеру молодежи Москвы и Ленинграда, приняло массовый характер. Только в первый год войны на территории РСФСР донорами стали 217,9 тыс. чел.¹

Уже 26 июня 1941 г. в постановлении бюро Курского обкома ВЛКСМ «О введении обязательной военной подготовки комсомольцев» указывалось на необходимость «обязать комсомольские организации принять активное участие в создании групп доноров при каждом госпитале, широко пропагандируя это движение среди молодежи...»²

К середине июля 1941 г. донорами на Курской биофабрике стали 60 женщин, а в железнодорожной больнице – 42 чел. На 5 июля 1941 г. в Ленинском районе г. Курска было зарегис-

трировано более 1000 доноров, а в начале августа 1941 г. более 2600 курских женщин сдавали кровь для раненых военнослужащих³.

16 апреля 1942 г. бюро Курского обкома ВЛКСМ одобрило обращение более 100 девушек Великомихайловского района, желающих стать донорами. Обком комсомола рекомендовал распространить почин великомихайловских девушек-доноров, организовать для молодежи выступления медицинских работников госпиталей, раненых бойцов и командиров, выздоровевших после переливания крови, с целью активизации донорского движения среди молодых людей⁴. Вскоре на призыв великомихайловских девушек откликнулись сотни их ровесниц. К примеру, в Старооскольском районе это 149 комсомолок, в Волоконовском – 42 молодые женщины и девушки⁵.

Весной 1943 г., уже после освобождения от оккупации, в Курске и области инициаторами донорского движения стали 119 комсомолок Дзержинского района Курска. В июльские дни 1943 г. количество сданной крови возрастало с каждым днем: 5 июля – 10, 7 июля – 16, 8 июля – 19, 9 июля – 24 л. В госпитали и медсанбаты Центрального, Воронежского и Степного фронтов в период боев на Курской дуге было доставлено 1179 л донорской крови⁶.

Всего за годы Великой Отечественной войны населением Курска и области было сдано 6266 л крови. Из 5275 доноров-курлян 25 были удостоены звания «Почетный донор СССР»⁷. «Дорогие наши подруги! Вы стали донорами, чтобы спасти раненых бойцов... Я был ранен в бою и обречен на смерть. Но врачи перелили мне кровь, и я снова живу. Спасибо не только за себя, но и от других раненых, которым вы и другие доноры спасли жизни», – сообщал в ответном письме курским донорам раненый Герой Советского Союза Ф.Ф. Сушков⁸.

Важнейшим направлением оборонно-массовой работы комсомольских организаций Курска и области стало участие в оказании помощи раненым бойцам и командирам Красной армии. С первых месяцев войны молодые женщины и девушки, школьницы-подростки принимали посильное участие в оказании помощи раненым в санитарных эшелонах, останавливавшихся на железнодорожных станциях, и в госпиталях, расположившихся в населенных пунктах.

1 июля 1941 г. газета «Молодая гвардия» сообщила: «Множество молодых патриотов пришли в райкомы комсомола на следующий день после выступления тов. Молотова по радио. В один только Ленинский райком комсомола г. Курска в первые два дня войны подали заявления и зачислены в сандружину более 100 девушек».

4 августа 1941 г. бюро Курского обкома комсомола приняло специальное постановление о помощи раненым в госпиталях⁹. В документе подчеркивалось, что «личный состав комсомольских санитарных дружин комплектуется из числа комсомолок, выдержанных и не болтливых. Комсомольские дружины разбиваются на 3 санитарных отряда, поочередно несущих дежурство в пунктах останковки эшелонов с ранеными...»¹⁰ Согласно постановлению бюро, на курсы медицинских сестер направлялось 485 комсомолок и 650 чел. привлекались к обучению в качестве сандружинниц¹¹.

В начале августа 1941 г. на курсах Общества Красного Креста (РОКК) обучалось 973 медсестры и 758 дружинниц¹². Для размещения фронтовых госпиталей в Курске были отведены здания школ № 2, 7, 11, 22, 23; учительский институт; школа колхозных кадров в Белгороде; здания школ № 4 в Щиграх, № 1 и № 2 в Валуйках¹³. Круглосуточно в них дежурили девушки-комсомолки.

11 августа 1941 г., обсуждая вопросы оказания помощи раненым военнослужащим в госпиталях, базировавшихся на территории Курской области, обком ВКП(б) рекомендовал первому секретарю обкома комсомола Л.В. Андриенко шире «привлекать комсомольцев к уходу за ранеными в госпиталях в порядке шефской работы»¹⁴. В рамках шефства над госпиталями комсомольцами и молодежью Ленинского района Курска для раненых было собрано 800 тарелок, ежедневно устанавливались дежурства молодежи в госпиталях (по 15–20 чел.)¹⁵.

Не во всех районах области обучение молодежи военно-санитарному делу велось на должном уровне. Так, 14 августа 1941 г. на заседании бюро обкома ВЛКСМ были отмечены факты неполной укомплектованности учебных групп, неявки на занятия основной массы слушательниц, характерные для Щигровского района. Обком ВЛКСМ признал работу райкома неэффективной и обязал «организовать массовое обучение всех комсомолок военно-санитарному делу...»¹⁶

Старооскольская районная комсомольская организация в течение июля 1941 г. организовала подготовку для отправки на фронт 115 молодых медицинских сестер¹⁷. В Шебекинском районе было также подготовлено 120 комсомолок – сандружинниц – и 30 медсестер¹⁸.

8 октября 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло специальное постановление «Об образовании Всесоюзного комитета помощи по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров Красной Армии». На создаваемые структурные подразделения комитета в краях и областях возлагалась организация широкой общественной помощи органам здравоохранения в деле обслуживания раненых и больных, повседневного контроля за работой в госпиталях¹⁹.

28 декабря 1941 г. была принята директива № 320 «О прикреплении лучших активистов-комсомольцев к госпиталям для работы среди раненых» Главного политического управления РККА, подписанная его начальником армейским комиссаром I ранга Л.З. Мехлисом и секретарем ЦК ВЛКСМ Н.А. Михайловым. Она была адресована начальникам политуправлений округов, секретарям обкомов, крайкомов, ЦК комсомола союзных республик. Согласно этому документу, «в целях усиления воспитательной работы среди раненых бойцов, находящихся в госпиталях», предлагалось отобрать в первичных организациях лучших активистов-комсомольцев в возрасте не моложе 16 лет и прикрепить их «небольшими группами, в зависимости от числа раненых и больных, к определенным госпиталям».

В задачи прикрепленных к госпиталям комсомольцев входили: «Читка газет раненым, устный пересказ содержания сводок и важнейших материалов, коллективная читка художественной и политической литературы, рассказов о героях Великой Отечественной войны. Проведение бесед с ранеными по темам, утвержденным комиссаром госпиталя, после его инструктажа. Оказание раненым помощи в отправке писем домой, своим товарищам в часть или чтении полученных писем. Помощь комиссару госпиталя в насаждении дисциплины в госпитале и в организации культурного обслуживания раненых (художественная самодеятельность, игры в шашки, шахматы, домино и т. д.)...»²⁰

Уже зимой 1941–1942 гг. по всей стране проявлялась значительная активность населения в развертывании патриотичес-

кого движения за оказание помощи раненым. В 1942 г. в нем участвовали миллионы граждан СССР. Благодаря им во многих госпиталях создавались благоприятные условия для ускоренного лечения раненых и больных²¹.

16 апреля 1942 г. бюро Курского обкома ВЛКСМ приняло постановление «О подготовке медицинских сестер и санитарных дружинниц»²². В нем отмечалось, что набор в учебные санитарные дружины и на курсы медицинских сестер необходимо проводить, точно соблюдая установленные требования: возраст – от 18 до 35 лет, образование для приема в сандружины – не ниже 4 классов – и на курсы медицинских сестер – не ниже 7 классов. Предлагалось провести комсомольские активы с выступлениями женщин-фронтовиков, медицинских работников – орденосцев – о деятельности медперсонала в условиях боевых действий²³.

По сведениям, представленным 20 мая 1942 г. в военный отдел обкома ВКП(б) секретарем Курского обкома комсомола В.А. Бабаниным, по 14 районам области военному делу обучалось 2185 женщин, в том числе 120 медицинских сестер и 163 сандружинницы²⁴. На 4 июня 1942 г. в 10 районах области проводилась подготовка 548 сандружинниц, на курсах медсестер обучалось 285 девушек-комсомолок²⁵.

В госпиталях, действовавших в восточных районах области, в этот период трудились более 270 комсомолок. Они следили за чистотой палат, стирали белье, создавали комфортные условия в палатах. Они проводили беседы с ранеными бойцами, читали им сводки Совинформбюро, помогали писать письма родным и знакомым. Было организовано 17 коллективов художественной самодеятельности, которые давали концерты для раненых в госпиталях. В 11 районах области было собрано 1200 книг художественной литературы для пополнения госпитальных библиотек. Во внеурочное время комсомолки артели «Красный Октябрь» Старооскольского района сшили для раненых 730 нательных рубашек. Комсомольцы области вели работу по сбору различных подарков раненым бойцам и командирам²⁶.

10 апреля 1942 г. был сформирован Курский областной комитет помощи раненым красноармейцам²⁷. Однако развернуть в полной мере свою работу в 1942 г. комитету помощи раненым красноармейцам так и не удалось. В конце июня – начале июля

1942 г. в ходе наступления немецких и венгерских войск в Курской области вне оккупации остались лишь 17 сельсоветов в трех районах – Воловском, Тербунском и Большеполянском (ныне они в составе Липецкой области).

Зимой 1943 г. после освобождения большей территории восточных, южных и северных районов Курской области²⁸, жители приняли деятельное участие в помощи раненым и больным бойцам и командирам Брянского, Центрального и Воронежского фронтов.

Так, жители Пристенского района на собственные средства содержали до 4 тыс. раненых и больных. Эвакуированные на ст. Ржава раненые были размещены по квартирам. Для разгрузки 9 эшелонов с ранеными было привлечено население пос. Марьино и окрестных деревень. Особую заботу о раненых бойцах проявили комсомолки пос. Марьино Ютина, Муратова, Маслова, Бабкина и др. Когда же потребовалось перевести раненых в Старый Оскол, население собрало им в дорогу продукты питания (120 кг хлеба, 12 ц картофеля, 150 л молока). При отсутствии железнодорожного сообщения большую часть раненых везли на коровах и на санках до Старого Оскола. За хороший уход за ранеными и оказание им помощи командование Воронежского фронта объявило благодарность всем жителям Пристенского района²⁹.

В феврале 1943 г., сразу же после освобождения Большесолдатского района, там был организован госпиталь на 80 чел. Около него постоянно дежурили 10 подвод, которые отвозили раненых в госпитали Обояни. Этот госпиталь функционировал в течение полутора месяцев. За это время раненым было передано более 550 подарков. Каждый подарок включал в себя 5–10 яиц, 2 кг домашнего печенья, 400–500 г масла, кувшин молока, 500 г мяса или зажаренную курицу и 2–3 стакана махорки³⁰.

Госпиталь в Свободинском районе на 150 коек функционировал с 8 февраля по 15 марта 1943 г. за счет постоянной помощи местного населения³¹. Михайловской районной больницей была оказана помощь 1000 раненым. Для проходивших воинских частей были организованы 5 бань с пропускной способностью до 10 чел. в час и 50 дегазационных камер³².

31 октября 1943 г. в рапорте, направленном на имя И.В. Сталина, колхозники и специалисты сельского хозяйства Старооскольского района указывали, что «население района заботилось

о раненых бойцах и командирах, находившихся на лечении в военных госпиталях. Для них оборудовали помещения, обеспечивали продуктами питания и дружеской лаской... Они чувствовали нашу заботу, родные освободители. Выздоровев, они с радостью возвращались в строй...»³³

Курск после освобождения от немецко-фашистских захватчиков стал основной базой для сосредоточения раненых, поступавших с мест боев. Военные госпитали не успевали за быстрым продвижением советских войск. Поэтому были приняты срочные меры для организации госпиталей в городе, подготовке для них помещений, оборудования необходимым инвентарем, постельными принадлежностями, по обеспечению медикаментами и перевязочным материалом³⁴. Уже через несколько дней раненых принимали госпитали, располагавшиеся в Доме пионеров (ул. Ленина), школе № 7 (ул. Дзержинского), школе № 21 (ул. Семеновская). Собранные у населения кровати были переданы в эти госпитали. Так, в школу № 7 передали более 300 кроватей. При активном участии райкомов комсомола организовывался сбор посуды, мягкого и твердого инвентаря. Как подчеркивал первый секретарь горкома ВЛКСМ В.Ф. Костин, к 19 марта 1943 г. для госпиталей молодежью города было собрано 86 матрацев, 58 подушек, 21 наволочка, 24 простыни, 176 ложек, 124 миски и вилки, 9 стульев, 2 скатерти³⁵.

В первые дни после освобождения от оккупантов в Курске было оборудовано 5 военных госпиталей с привлечением в них 20 врачей и 100 чел. среднего медицинского персонала. С 9 по 12 февраля здесь было принято 897 раненых. С прибытием военного медперсонала дополнительно было развернуто еще 5 лечебных учреждений. Таким образом, в конце февраля 1943 г. в Курске уже действовали 10 военных госпиталей³⁶.

10 марта 1943 г. Курский горком ВКП(б) (первый секретарь – П.К. Слизов) и горисполком (председатель – Н.А. Масленникова) приняли решение о закреплении за госпиталями, в порядке шефской помощи, коллективов предприятий и организаций города. Многие школы города тоже подключились к этой работе³⁷. 75 тыс. подарков было передано госпиталям шефскими организациями и общественностью города. Куряне выстирали и отремонтировали 32 тыс. пар белья для раненых³⁸. Учащимися музыкального училища было дано 40 шефских концертов в госпиталях³⁹.

Весной – летом 1943 г. в госпиталях Курска работало более 300 молодых сандружинниц и общественниц. 70 агитаторов регулярно вели беседы, читали газеты и листовки тяжелораненым бойцам⁴⁰.

10 молодых курянок (Г.А. Еремина, Н.Г. Гришина, Н.П. Зайцева и др.) за самоотверженную работу в госпиталях были награждены медалями «За боевые заслуги», а 22 чел. были поощрены денежными премиями⁴¹. Приведем лишь несколько выдержек из наградных листов, характеризующих специфику работы по уходу за ранеными: «Тов. Еремина работает общественницей со дня открытия госпиталя в Курске. Она обслуживает 9 палат. С большой заботой и вниманием относится к раненым бойцам. Своим добросовестным отношением она завоевала уважение защитников Родины...

Нина Зайцева, 1931 года рождения, работает общественницей с 12 марта 1943 года. Эта девочка всей душой любит раненых, видя в них родных и близких ей людей. Она успевает накормить бойцов более чем в двух палатах, помогает врачам в перевязочной, сутками дежурит у [постели] тяжелораненых...»⁴²

Процитируем еще одно письмо, которое поступило на имя первого секретаря Дзержинского райкома ВЛКСМ Курска Г.К. Михайловой от начальника одного из курских госпиталей: «Комсомолки Карташева Клавдия и Борисова Анастасия 21 марта прибыли в наш госпиталь по поручению РК ВЛКСМ для помощи в уходе за ранеными и больными... Несмотря на бомбежки, комсомолки Карташева и Борисова не отходили от больных и добросовестно работали, за что им красноармейское спасибо»⁴³.

Всего за период войны комсомольцами и молодежью области был полностью оборудован 31 госпиталь. Для транспортировки раненых в госпитали Курска ежедневно привлекались до 1500 сандружинниц.

К 25 марта 1943 г. на территории Курской области действовало 17 госпиталей, из них 13 – в областном центре. Количество раненых и больных военнослужащих в них составляло 15 530 чел., в том числе 12 630 чел. – в госпиталях Курска.

В марте 1943 г. в госпиталях 60-й армии, рассчитанных на 2600 коек, на излечении находилось 7566 раненых. Госпитали Центрального фронта, способные принять 3100 человек, спасали жизни 9964 раненых воинов.

В связи со сложившейся перегруженностью областной комитет ВКП(б) обеспечил подготовку дополнительных помещений под госпитали вместимостью 7175 чел., приняв меры по эвакуации раненых вглубь страны. Только с 25 марта по 1 апреля 1943 г. было вывезено в тыл 7530 чел.⁴⁴

Весной 1943 г. активно шефствовали над закрепленным за ними госпиталем комсомольцы Льговского железнодорожного узла. Они передали для раненых бойцов 83 подушки и наволочки, 20 простыней, 108 полотенец, 100 тарелок, 182 кисета с табаком, 153 конверта, 338 стаканов табака, 2846 кг картофеля, 218 кг ржи, 495 кг проса, 1396 кг сладкого бурака и 1227 яиц⁴⁵.

В марте 1943 г. на территории Беловского района был организован сбор посуды, марли, полотна для госпиталей. РК ВЛКСМ обратился к председателям сельских советов и секретарям первичных комсомольских организаций с просьбой оказать содействие в проведении этой работы⁴⁶.

17 апреля 1943 г. эвакогоспиталь № 3240 60-й армии посетил совместно с секретарем Льговского РК ВЛКСМ И.С. Соловьевым командующий армией, генерал-лейтенант И.Д. Черняховский. Здесь он выразил благодарность молодежи района за проявление заботы о раненых бойцах⁴⁷.

В справке инструктора спецотдела ЦК ВЛКСМ Е.П. Голубевой, направленной 21 мая 1943 г. на имя секретарей ЦК Н.А. Михайлова, Н.Н. Романова и А.Н. Шелепина, отмечалось: «Комсомольцы Иванинского района сдали в госпитали для раненых бойцов 3350 яиц, 330 кг пшеничной муки, 800 литров молока, 27 кг меда, 24 кг махорки, 1200 единиц посуды, девушки-комсомолки работают в госпиталях по уходу за ранеными.

Комсомольцы Мантуровского района (секретарь РК ВЛКСМ – Ф.С. Шаталова), собрали 9000 яиц для раненых бойцов, 3200 индивидуальных посылок, оборудовали госпиталь, собрали койки, мебель, посуду для раненых бойцов... После освобождения их района комсомольцы организовали переправу раненых бойцов на коровах, санках, оказывая им первую помощь. Комсомолка А.М. Волобуева за отличную работу в госпитале представлена к правительственной награде...

Всего по области комсомольцами собрано и передано госпиталям: 207 матрацев, 350 одеял, 747 простыней, 976 подушек, 496 тюфячных наволочек, 288 наволочек разных, 1289 полоте-

нец, 530 пар мужского белья, 365 резиновых мешков, 1356 кроватей, 90 тазов, 10 223 тарелки, 1144 столовых ложки, 1263 вилки, 1389 стаканов.

Ежедневно на имя секретарей райкомов ВЛКСМ – Дзержинского и Сталинского гор. Курска, Дмитриевского, Мантуровского и других, поступают письма от раненых бойцов и начальников госпиталей с благодарностями за работу девушек-комсомолок»⁴⁸.

Только в период подготовки Курской битвы комсомолыцы области для 18 госпиталей собрали 1847 кроватей, 2233 подушки, 3500 матрацев, 750 одеял, 1357 простыней, 3447 полотенец, 1311 пар белья, 6127 книг. Комсомолыцы передали в госпитали около 20 тыс. индивидуальных посылок, свыше 25 тыс. л молока, 10 500 яиц, 3100 л сметаны, 350 кг масла, 115 кг меда, 850 кг табака. В госпиталях области в качестве сандружинниц работало около 1300 девушек, которые посменно дежурили в палатах. Молодежь организовала для раненых 97 концертов художественной самодеятельности⁴⁹.

Но в работе некоторых районных комсомольских организаций в этом направлении имелись существенные недостатки. Так, 16 мая 1943 г. бюро Курского обкома ВЛКСМ обсудило вопрос «О шефской работе над госпиталями Фатежского и Стрелецкого райкомов ВЛКСМ»⁵⁰. Было обращено внимание на нежелание руководства Стрелецкого райкома ВЛКСМ выделять агитаторов для проведения массово-политической работы среди раненых, на отсутствие контроля за работой комсомольцев в госпиталях... Командование госпиталей часто не получало поддержки со стороны комсомольских вожakov Стрелецкого района в сборе книг и инвентаря⁵¹.

На состоявшемся 23 августа 1943 г. V пленуме Курского обкома ВЛКСМ отмечалось, что особую активность комсомолыцы проявили в дни Курской битвы с 5 июля. Так, только на территории Фатежского района (где разместилось 17 госпиталей) значительная часть комсомольцев приняла участие в обслуживании раненых. Даже пионеры и школьники дежурили в госпиталях в ночное время. В принятом пленумом постановлении предлагалось районным и городским комитетам комсомола «не ослаблять работу первичных организаций по шефству над госпиталями»⁵².

Комсомольцы обучались и на курсах медицинских сестер, организованных при областном комитете Красного Креста. Подобные курсы действовали в Новом Осколе, Льгове, Фатеже, Щиграх, Старом Осколе. На них обучалось 109 медсестер и 79 сандружинниц⁵³.

Для оказания медицинской помощи пострадавшим от вражеских бомбежек и содействия госпиталям по транспортировке раненых бойцов было сформировано 5 санитарных дружин. В Ленинском районе Курска 16 марта 1943 г. была организована сандружина во главе с А.Т. Черномуровой. В Сталинском районе такая же сандружина была сформирована 18 марта 1943 г. Помимо сандружин (численностью до 30 чел.), действовавших в Курске, санитарные дружины были организованы в Новом Осколе (20 чел.), Льговском и Валуйском районах (38 и 24 чел. соответственно)⁵⁴.

Зачастую рискуя жизнью, в условиях вражеских бомбежек, сандружинницы выносили раненых бойцов и командиров из санитарных эшелонов и доставляли их в территориальные госпитали. Например, во время налета вражеской авиации на ст. Валуйки Московско-Донбасской ж. д. в мае 1943 г., при разгрузке санитарного поезда, сандружинницы М. Захарская, Г. Захарская, Н. Лапушкина, Н. Лоскутова и другие вынесли из-под огня по 5-6 тяжелораненых бойцов⁵⁵.

По 40–50 сандружинниц Сталинского, Ленинского, Дзержинского районов Курска ежедневно участвовали в разгрузке санитарных эшелонов на станции Курск – город⁵⁶. Дружинницы Ленинского района города, участвуя в транспортировке раненых, с июня 1943 по январь 1944 г. выработали в эвакогоспиталях 9000 часов. Девушкам была объявлена благодарность командования⁵⁷.

В связи с боями, развернувшимися на белгородском направлении, в полевой подвижной хирургической госпиталь № 2252, с апреля по август 1943 г. расположенный в пос. Солнцево Солнцевского района⁵⁸, большим потоком поступали раненые. На помощь персоналу лечебного учреждения пришли более 50 колхозниц. Они носили воду, промывали бойцам раны, помогали транспортировать пациентов. Молодая колхозница Т.К. Холодова помогала в течение четырех суток без перерыва принимать раненых и проводить их санитарную обработку. Учитель Ломан-

ченко 18 часов подряд не покидала палат, ухаживала за ранеными. Только за три дня госпиталь получил 500 л молока, 50 л сметаны, 30 кг меда, много картофеля, хлеба и других продуктов⁵⁹.

В июле 1943 г. на территории Золотухинского района были размещены 29 полевых госпиталей. В строительстве землянок, палаток, бань для них участвовало около 1000 колхозников. В госпитали были направлены 725 сандружинниц. Во время эвакуации раненых вглубь страны колхоз им. Буденного выделил для их перевозки 12 лошадей⁶⁰.

Патриотическое движение по оказанию помощи военным госпиталям и эвакуационным пунктам позволило военно-медицинским службам Воронежского и Центрального фронтов организовать эффективное лечение раненых в прифронтовой полосе. Эта работа стала важной составной частью материальной и медицинской помощи, психологической поддержки, оказываемой воинам Красной армии молодежью Курской области в период боев на Курской дуге летом 1943 г.

Отметим, что только в этот период в госпиталях Курска медицинскую помощь получили более 213 тыс. раненых военнослужащих. В строй было возвращено столько обстрелянных бойцов, что их хватило на формирование почти 20 советских стрелковых дивизий⁶¹.

Помощь, оказанная молодыми жителями Курской области фронтовикам, получившим ранения и контузии, имела не только материальное выражение. Важное психологическое значение для выздоравливающих бойцов и командиров имела и моральная поддержка, забота, проявлявшаяся в ходе общения гражданского населения со своими защитниками в госпиталях.

¹ Колесник А.Д. РСФСР в годы Великой Отечественной войны. М., 1982. С. 212.

² ГАОПИКО (Государственный архив общественно-политической истории Курской области). Ф. П-131. Оп. 1. Д. 69. Л. 182; «Настоящий патриот любит свое Отечество...» Культурно-нравственное и гражданско-патриотическое воспитание молодежи Курской области (1935–1965 годы): Сб. документов. Курск, 2014. С. 135.

³ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2636. Л. 138, 174; Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 739. Л. 106; Суровая правда войны. 1941 год на Курской земле в документах архивов: Сб. документов. Ч. 1. Изд. 2-е, доп. и испр. Курск, 2010. С. 74.

⁴ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 16. Д. 387. Л. 8–9.

⁵ ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 207. Л. 11.

- ⁶ Там же. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 870. Л. 88 об.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Молодая гвардия. 1975. 1 апр.
- ⁹ ГАОПИКО. Ф. П-131. Оп. 1. Д. 69. Л. 281–283; Из истории Курской областной комсомольской организации. 1918–1970 гг. Курск, 1972. С. 207–208.
- ¹⁰ ГАОПИКО. Ф. П-131. Оп. 1. Д. 69. Л. 282.
- ¹¹ Там же. Л. 184.
- ¹² Там же. Д. 2776. Л. 7 об.
- ¹³ Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2785. Л. 109–110, 114.
- ¹⁴ Там же. Д. 2617. Л. 6–7.
- ¹⁵ Там же. Д. 2885. Л. 18.
- ¹⁶ Там же. Ф. П-131. Оп. 1. Д. 69. Л. 285–286; «Настоящий патриот любит свое Отечество...» С. 141.
- ¹⁷ ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 207. Л. 1.
- ¹⁸ Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2776. Л. 8.
- ¹⁹ Великая Отечественная война. 1941–1945. События. Люди. Документы. Краткий исторический справочник / Под общ. ред. О.А. Ржешевского. М., 1990. С. 60; Социология Великой победы. М., 2005. С. 317.
- ²⁰ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 920265. Д. 4. Л. 317–320.
- ²¹ Социология Великой победы. М., 2005. С. 318–319.
- ²² РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 16. Д. 387. Л. 7–8.
- ²³ Там же. Л. 8.
- ²⁴ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2883. Л. 35.
- ²⁵ Там же. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 207. Л. 11.
- ²⁶ Там же. Л. 10–11.
- ²⁷ Яценко К.В. Фронтовой регион. Курск, 2006. С. 231.
- ²⁸ Так, с 22 января по 10 марта 1943 г. советскими войсками были освобождены 56 районов и 14 городов Курской области (ГАКО. Ф. Р-3222. Оп. 10. Д. 5. Л. 81).
- ²⁹ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3140. Л. 2 об. –3, 60–61; Д. 3760. Л. 18–19.
- ³⁰ Там же. Д. 3140. Л. 23–24.
- ³¹ Там же. Л. 3.
- ³² Там же. Л. 33.
- ³³ Там же. Д. 3042. Л. 191–192; Все для фронта, все для победы (Сб. документов) / Под ред. Р.П. Шуваевой. Курск, 2005. С. 23.
- ³⁴ ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 870. Л. 87 об.
- ³⁵ Там же. Ф. П-131. Оп. 1. Д. 85а. Л. 137.
- ³⁶ Ковалевская И.П. «За нежность забот фронт вам спасибо шлет» // Курский край. Научно-историч. журнал. 2000. № 4-5 (13-14). С. 25.
- ³⁷ ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 870. Л. 87 об.–88; ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 2. Д. 11. Л. 7–8.
- ³⁸ ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 870. Л. 88.
- ³⁹ Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3140. Л. 63 об.
- ⁴⁰ Там же. Ф. П-131. Оп. 1. Д. 85. Л. 2.
- ⁴¹ Там же. Л. 18 об.
- ⁴² Татарский М.Л. Вклад курских медиков в победу // История Великой Отечественной войны в документах и судьбах (по материалам Курской области). Курск, 1995. С. 162.
- ⁴³ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3140. Л. 1–1 об.; Д. 3760. Л. 16–17; Яценко К.В. Фронтовой регион. Курск, 2006. С. 234.

- ⁴⁴ ГАОПИКО. Ф. П-131. Оп. 1. Д. 85. Л. 4 об.
- ⁴⁵ Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3070. Л. 26–26 об.
- ⁴⁶ Там же. Ф. П-32. Оп. 1. Д. 137. Л. 18, 28, 29.
- ⁴⁷ Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3070. Л. 10.
- ⁴⁸ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 203. Л. 80–80 об.
- ⁴⁹ ГАОПИКО. Ф. П-131. Оп. 1. Д. 85. Л. 18–18 об.; Яценко К.В. Указ. соч. С. 234.
- ⁵⁰ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 16. Д. 387. Л. 89–91.
- ⁵¹ ГАОПИКО. Ф. П-131. Оп. 1. Д. 81. Л. 58–60.
- ⁵² Там же. Д. 79. Л. 7; Д. 80. Л. 40, 54 об.
- ⁵³ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3136. Л. 94–95, 101; Д. 85. Яценко К.В. Указ. соч. С. 109.
- ⁵⁴ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3136. Л. 94; ГАКО. Ф. Р-5288. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
- ⁵⁵ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3136. Л. 94.
- ⁵⁶ Там же. Ф. П-131. Оп. 1. Д. 85. Л. 2; Суровая правда войны. Кн. 3. Курск, 2007. С. 219.
- ⁵⁷ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3459. Л. 9.
- ⁵⁸ Книга Памяти. Т. 10. Курск, 1996. С. 114.
- ⁵⁹ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3140. Л. 16–17.
- ⁶⁰ Там же. Л. 46–46 об.
- ⁶¹ Манжосов А.Н. Фронту помогало мирное население // Книга Памяти. Т. 12. Курск, 2000. С. 115.

В.А. Ветюков (Санкт-Петербург)

ДРЕВКОВОЕ ОРУЖИЕ ВЬЕТНАМА В ЭПОХУ ЛЕ (1428–1789)

ВОЕННАЯ ТРАДИЦИЯ ВЬЕТНАМА представля-
ет большой исследовательский интерес. Традицион-
ное оружие этой страны до настоящего времени изучено зна-
чительно слабее, чем комплекс вооружения Кореи, Японии и,
конечно же, Китая, оказавшего огромное влияние в том числе
и в области военного дела практически на весь дальневосточ-
ный регион. При наличии небольшого круга работ по клинко-
вому оружию этой страны (С. Барчевский «Клинковое холо-
дное оружие Вьетнама XIX – первой половины XX вв. Пробле-
мы атрибуции»¹, Скотт Роделл «Вьетнамский меч»², В. Ветю-
ков «Традиционное клинковое оружие Вьетнама – типология и
терминология»³) приходится констатировать практически пол-
ное отсутствие специальных исследований, посвященных ору-
жию древковому. Безусловно, отдельные аспекты обозначенной
проблемы затронуты в публикациях более общего плана. На-
иболее значительной среди них является докторская диссерта-
ция вьетнамского археолога Нгуен Тхи Зон «Собрание оружия
эпохи Ле из Нгоккхань (Ханой)», защищенная в 2001 г.⁴ В сво-
ем исследовании Нгуен Тхи Зон опирается на результаты архе-
ологических раскопок, непосредственным участником которых
она стала. Бесспорно, это первый крупный научный труд, пос-
вященный средневековому вьетнамскому оружию.

В 1983 г. в ходе строительных работ в Зангво (окраина Ха-
ноя) на дне озера Нгоккхань был найден ряд старинных пред-
метов, вследствие чего администрация района Бадинь приняла
решение провести здесь археологические раскопки. В ходе ис-
следования было обнаружено около пятисот предметов стари-

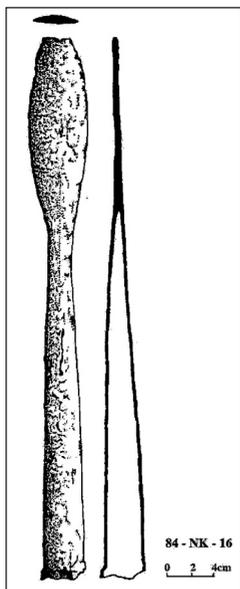
ны, в том числе – 338 предметов, атрибутированных как образцы средневекового огнестрельного и холодного (преимущественно древкового) оружия. Собрание ныне хранится в запасниках Ханойского исторического музея. В ходе кропотливой научной работы Нгуен Тхи Зон пришла к выводу, что обнаруженный на дне озера фундамент здания, а также найденное на этой территории оружие датируются примерно 1480–1490 гг. Таким образом, находки относятся к периоду Поздних Ле. Археологические сведения совпадают с данными письменных источников, согласно которым в 1481 г. государь Ле Тхань-тонг – один из наиболее успешных монархов этой династии, велел построить в данной местности Дворец военной академии – Занг Во Дием (Giàng Võ Diệm). По мнению Нгуен Тхи Зон, находки со дна озера Нгоккхань можно отнести к тем разновидностям оружия времени Поздних Ле, перечень которых содержится в энциклопедическом труде видного конфуцианского ученого Фан Хюи Чу (1782–1840) «Классифицированные записи по истории прошлых династий» (1821)⁵.

Это грандиозное сочинение было написано в целях ретроспективного обобщения опыта государственного строительства, накопленного на протяжении столетий существования феодального государства Дайвьет (X–XVIII). Изучение этого опыта было очень необходимо администрации недавно взошедшей на трон династии Нгуен (1802–1945), объединившей страну после многолетней смуты. В ходе работы над текстом ученый обращался ко всем основным летописным сводам, а также высочайшим указам, постановлениям и иным государственным документам, географическим картам и литературным сочинениям. Сведения были объединены в десять разделов, восьмой из которых, озаглавленный «Записи о военном деле», представляет большой интерес в свете заявленной проблемы. Состоящий из трех томов-кюйен, разбитый на семь глав, текст «Записей» в хронологическом порядке освещает различные вопросы военного строительства в их развитии на протяжении восьми столетий, с X по XVIII вв. Он содержит обширную информацию по штатному расписанию и комплектованию, материальному обеспечению, обучению и вооружению вьетнамских войск, а также военной юстиции, системе экзаменов на офицерские должности и военному церемониалу. Для нас наибольший интерес пред-

ставляет четвертая глава, названная «Способы тренировки солдат», которая включает и рубрику «Оружие»⁶. Эта рубрика содержит любопытную информацию о традиционном комплексе вооружения, в том числе – о древковом оружии периода Поздних Ле. По более ранним периодам в тексте информации нет⁷. Автор цитирует указ основателя династии – Ле Тхай-то – от первого года правления под девизом *Тхуан-тхиен* 順天 (Thuận-thiên – «Покорность воле Неба») (1428)⁸. Из документа следует, что уже в самом начале царствования новый монарх стремился превратить повстанческие формирования, приведшие его к власти, в регулярную армию. С этой целью была введена четкая регламентация штатов, системы комплектования, военного обучения и в том числе – вопросов материального оснащения войск. Указ 1428 г. содержит количественный перечень сигнальных и транспортных средств, а также предметов вооружения, которые по штату должны были находиться в распоряжении *вечу-т्योंга* 衛主將 (vệ chủ tướng) – командующего соединением *ве-вэй* (vệ)⁹. Такие формирования, насчитывавшие около 2000 чел.¹⁰, на вооружении имели в том числе и древковое оружие. Список включает 50 боевых «крюков-серпов» *каулием* 鈎鑷 (câu liêm), 50 длинных шестов *ч्योंган* 長竿 (trường cán), 40 серпов *киеу-лием* 翹鑷 (kiều liêm) либо *кхаклием* 剗鑷 (khắc liêm). Эти названия переводятся как «вертикально торчащий серп» и «серп для штурма (крепостей)»¹¹. Сообщается, что каждый солдат имел на вооружении *дайдао* 大刀 (đại đao) – широкий изогнутый клинок на длинной рукояти либо древке¹². Описывая комплекс вооружения в период *Чунг-хынг* 中興 (Trung Hưng) (1533–1789)¹³, Фан Хюи Чу упоминает и такие виды древкового оружия, как пики *китъ* 戟 (kích) и копья *зао* 稍 (giáo).

Образцы перечисленных в источнике предметов встречаются в собраниях вьетнамских музеев (Исторический музей и Музей армии в г. Ханой, Исторический музей в г. Хошимин). Большинство образцов имеют позднее происхождение (XIX–XX), некоторые датируются эпохой Поздних Ле и даже более ранними династиями.

В собрании оружия из Зангво доля копий *зао* составляет 50 процентов (33 предмета). 26 наконечников – копья, имеющие черен (хвостовик) для крепления на древке. Один тип (например, образцы 84 НК-18, 19) обладает обоюдоострым, зачас-

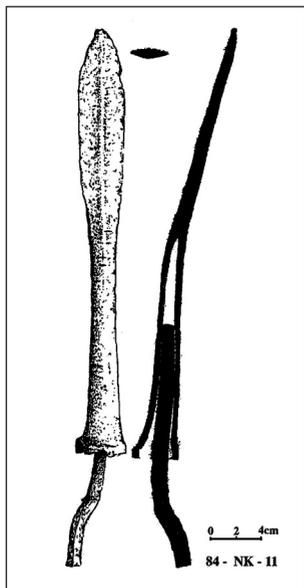
**Втульчатое копьё
из собрания Зангво.
Инв. № 84 НК-16.
Здесь и далее
рисунки и
фотографии
из диссертации
Нгуен Тхи Зон
2001 г. публикуются
с любезного
разрешения автора**

тую узким (3-5 см в ширину) и длинным двулезвийным пером в виде ивового листа, ромбовидным в сечении¹⁴. Общая длина наконечников – около 20–35 см, длина хвостовика составляет одну треть от общей. Такой тип копий, безусловно, использовался в рукопашной схватке.

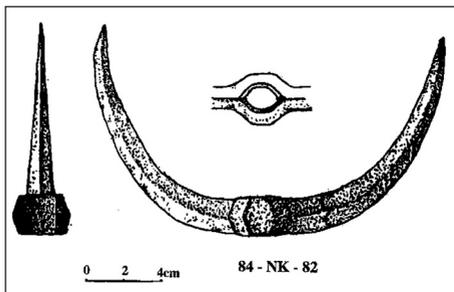
Второй тип – длинные (30–35 см) узкие (1–2,5 см) предметы (84 НК-23, 25), имеющие небольшой (5–6 см в длину) хвостовик и продолговатую прямоугольную в сечении центральную часть¹⁵. Короткая треугольная в сечении боевая часть (5–6 см) дополнена выступающим назад шипом и формой напоминает наконечник скифской стрелы. Такие копьё также вызывают ассоциацию с древнеримскими *пилумами*, что позволяет предположить их предназначение – метательное оружие.

К этой же категории, метательного оружия, Нгуен Тхи Зон относит также втульчатые наконечники дротиков *лао* (lao) – 24,5 см в длину (84 НК-46, 47)¹⁶. Диаметр втулки у основания – около 2 см. Боевая часть – около 6 см в длину, она имеет, ромбовидную в сечении, треугольную форму (нижние края треугольного наконечника слегка выступают, образуя подобие шипов).

Интерес представляют и 7 втульчатых копейных наконечников (например, образцы 84 НК-14, 16). Нгуен Тхи Зон называет их *заобунда* (giáo búp đạ) – «копья в виде бутона фикуса». В длину они достигают примерно 45–50 см¹⁷. Двулезвийная боевая часть, также напоминающая формой ивовый лист, небольшая (в среднем около 15 см в длину и 5 см в ширину). Сужающаяся кверху втулка составляет около 30–35 см в длину. Ее ширина у основания – 2,5–3 см, а у основания пера – меньше 2 см. Образец 84 НК-11 снабжен также дополнительным череном около 22 см длиной, игравшим роль распорки (один его

Втульчатое копье
из собрания Зангво.
84 НК-16. Рис.
из диссертации
Нгуен Тхи Зон

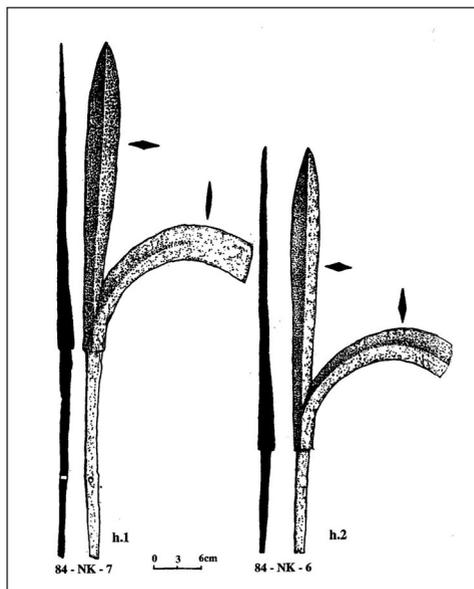

Трезубец из собрания Зангво. 84 НК-82.
Рис. из диссертации Нгуен Тхи Зон

конец вставлялся в древко, а другой – внутрь втулки). Это оружие также, несомненно, предназначалось для ближнего боя. Им можно было наносить широкий спектр колющих и режущих ударов.

Интерес представляют также узкие длинные (около 50 см) черенковые наконечники (84 НК-90, 91) шириной примерно 1,5 см, квадратные в сечении, не имеющие пера как такового, заканчивающиеся шилообразным острием¹⁸. Длина хвостовика составляет около 12–15 см. Все образцы имеют отверстие в хвостовике, в которое вставлялся штырек или гвоздик для крепления на древке. Последнее, по расчетам Нгуен Тхи Зон, достигало в длину 4 м¹⁹. Возможна их атрибуция как наконечников пик *кит*.

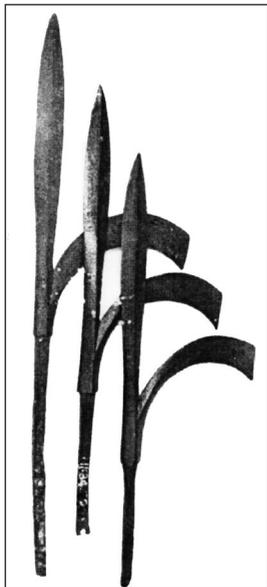
К числу образцов древкового оружия из собрания Зангво относится и деталь трезубца *диньба* (*đinh ba*) (84 НК-82)²⁰. Она представляет собой шестигранное металлическое кольцо-втулку со сквозным отверстием диаметром от 1 до 2 см. От втулки отходят два дугообразных ромбовидных в сечении заостренных отростка²¹. Расстояние между остриями – 19 см. Нгуен Тхи Зон полагает, что деталь надевалась на древко, после чего через втулку дополнительно вставлялся прямой черенковый наконечник, наподобие описанных выше пик²². Нам не удалось встретить упо-

**Копья с крюком-серпом
из собрания Зангво. 84 НК-6,7.
Рис. из диссертации Нгуен Тхи Зон**

минания о трезубцах в письменных источниках. Поздние образцы этого оружия действительно присутствуют в собрании Исторического музея (Ханой). Они сохранились в полном виде – со всеми деталями наконечника и древком. Один из экспонатов имеет резной наконечник сложной формы, у его основания сохранилось рудиментарное граненое кольцо, напоминающее таковое у экземпляра из Зангво, переходящее, однако в длинную коническую втулку, под которой подвязан бунчук из красных нитей.

К числу наиболее интересных находок из Зангво, бесспорно, относятся шесть наконечников копий с «крюком-серпом» *кау-лиемзао* (câu liêm giáo 鈎鑣). В Китае это оружие известно с рубежа I–II тыс. и освящено традицией, которая связывает его с легендарным полководцем Юэ Фэем (1103–1141). По преданию военачальник получил такое копьё от волшебной змеи во время долгого отшельничества в горах. Солдаты армии Юэ Фэя эффективно применяли данное изобретение в боях с конницей *чжурчженей*²³. Очевидно, что лезвием серпа можно было подрезать ноги вражеским лошадям, а острым навершием-крюком стаскивать с седел всадников. Что касается образцов из Зангво, то их конструкция несколько отличается от китайского прототипа (экземпляры 84 НК-4, 5, 6, 7)²⁴. В длину они достигают 50–60 см, для крепления на древке снабжены хвостовиком (длиной 10–28 см). Хвостовик образца 84 НК-7 в нижней части имеет отверстие для штырька, которым он крепился на древке. Бо-

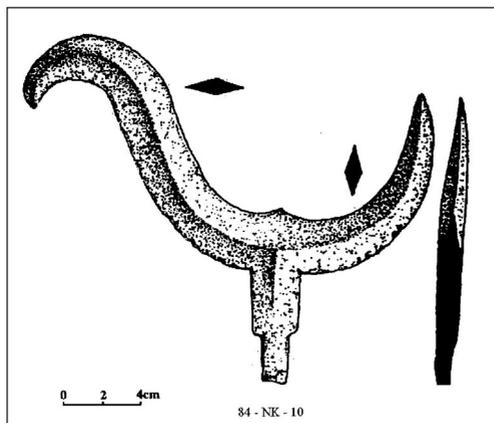
Копья с крюком-серпом *каулиемзао* из собрания Зангво. Фото из диссертации Нгуен Тхи Зон

евая часть наконечников представляет собой копейное перо в форме ивового листа с плавно закругленными лезвиями и отходящий от пера в бок изогнутый серповидный клинок, ромбовидный в сечении, с продольным ребром жесткости. По-видимому, клинок затачивался с обеих сторон и применялся для широких рубящих и подрезающих ударов. Особенностью оружия является скошенное тупое окончание серпа, который, таким образом, было труднее использовать для стаскивания противника с седла. Последнее неудивительно, учитывая не слишком большое значение кавалерии в странах Индокитая.

Впрочем, в собрании из Зангво присутствует и единственный предмет, обладающий заостренным крюком. Его квадратный в сечении наконечник имеет в длину более 30 см и 1–1,5 см в диаметре. Длина черена – 11–12 см. Боевая часть не превышает 10 см, лишена лезвий, равномерно сужается к острию. От нее отходит круглый в сечении острый крюк до 15 см длиной. Этот предмет также атрибутирован как *каулиемзао*, однако, вполне возможно, что это крюк погонщика боевых слонов²⁵.

В ханойских музеях (Исторический музей, Музей армии) представлены образцы копий с серпом, датируемые XIX–XX вв. Их серпы заканчиваются острием, что в большей степени роднит их с китайскими аналогами. В упомянутых собраниях присутствуют и боевые серпы, не имеющие дополнительного копейного наконечника. Последние крепятся не на длинном древке, а на короткой рукояти длиной около полуметра. Возможно, их прототипом является более ранний вид боевого серпа, присутствующий в собрании Зангво в единственном экземпляре.

Этот оригинальный предмет Нгуен Тхи Зон называет *китьмоку* (*kích mỏ cu* – «пика-голубиный клюв»), *чыонг бат са мау*

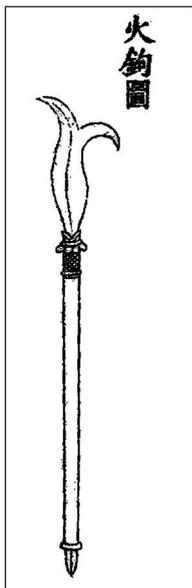

**Боевой серп *китъмоку* / *каулием*
из собрания Зангво. 84 НК-10.
Рис. из диссертации Нгуен Тхи Зон**

(trượng bát xà mâu 丈八蛇矛 – «змеиное копьё длиной 1 *чьюнг* 8 *са*²⁶») или *куа* (qua 戈 – «клевец»)²⁷. Для насадки на древко он снабжен коротким черенком, сломанным в 2 см от основания. Боевая часть представляет изогнутый в форме полумесяца клинок. «Рога» полумесяца не равны по длине. Более короткий «рог» имеет смотрящее вверх заточенное острие. Вто-

рой, длинный «рог» также заканчивается острием, но изогнутым вбок наподобие крюка или клюва. Расстояние между двумя остриями – 22 см. Средняя ширина клинка – 3 см, толщина – 1 см в средней части. В сечении клинок имеет ромбовидную форму. Средняя – самая толстая часть – образует продольное ребро жесткости, продолжающееся до каждого острия. Вероятно, это массивное оружие имело режущую кромку по всему периметру боевой части. В центральной, самой глубокой части клинка «полумесяца» имеется небольшой заостренный выступ. Он находится точно посередине между рогами серпа и является продолжением его основания и черена, на котором боевая часть крепилась к древку.

Этот предмет мог вполне применяться как многофункциональное боевое оружие. Тем не менее, Нгуен Тхи Зон склонна относить его к разряду церемониальных. По ее мнению, он играл роль значка воинской части, впереди которой и выносился на торжественных шествиях²⁸. Вьетнамский исследователь полностью не отрицает возможности практического применения этого оружия, подчеркивая, однако, что его использование было привилегией гвардейских частей.

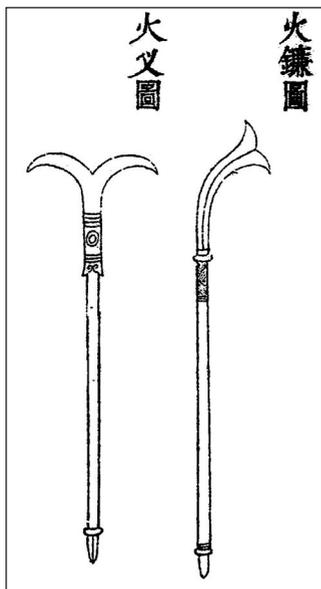

Древковое
оружие *хогоу*.

Рис. из
«Гу цзинь ту шу
цзичэн»
(по материалам
военной
энциклопедии
«У цзин
цзуньяо»)

Фан Хюи Чу сообщает, что, согласно подписанному в первый год под девизом *Доан Кхань* 端羨 (Đoan Khánh) (1505) государем Уй Мукде указу, на постах ночной стражи должно было находиться по пятьдесят комплектов обычного вооружения, включавших круглый щит, лук со стрелами и один клинок *дао*, а также «по пять боевых крюков *кау* 鈎 (câu), имеющих заостренное навершие, навершие тоже имеет крюк»²⁹. Из текста довольно сложно понять, о чем идет речь, однако, сопоставив информацию «Записей о военном деле» с археологическими данными, мы можем предположить, что в данном документе описано оружие, тождественное «церемониальному клевцу» из Занг Во. Последний как раз имеет два заостренных рога-«крюка», причем один из них изогнут, образуя как бы дополнительный крюк. Небольшой выступ у основания боевой части, возможно, и является «заостренным навершием», о котором говорится в документе. Это оружие также как нельзя лучше подходит под определение *каулием*, или «крюк-серп».

Сведения Фан Хюи Чу, с одной стороны, могут косвенно подтверждать правоту мнения Нгуен Тхи Зон о символическом значении *китьмоку*. Если на один такой боевой серп приходилось десять комплектов обычного вооружения, это значит, что он принадлежал младшему командиру и, соответственно, мог играть роль своеобразного значка подразделения. Согласно упомянутому выше регламенту вооружений от 1428 г., на соединение ве из 2000 чел. полагалось лишь 50 «крюков-серпов» *каулием* и 40 боевых серпов *киеулием* / *кхаклием*. Этим лишний раз подтверждается специальный характер данного вида оружия, но не исключается и его боевое применение. Крюки-серпы, в силу своей конструкции, были оружием многофункциональным, требовавшим хороших фехтовальных навыков. Те бойцы, которые обладали такими навыками, могли достойно сдать специальные экзамены

Древковое оружие *хоа* – «огненные вилы» – и *холян* – «огненный серп».

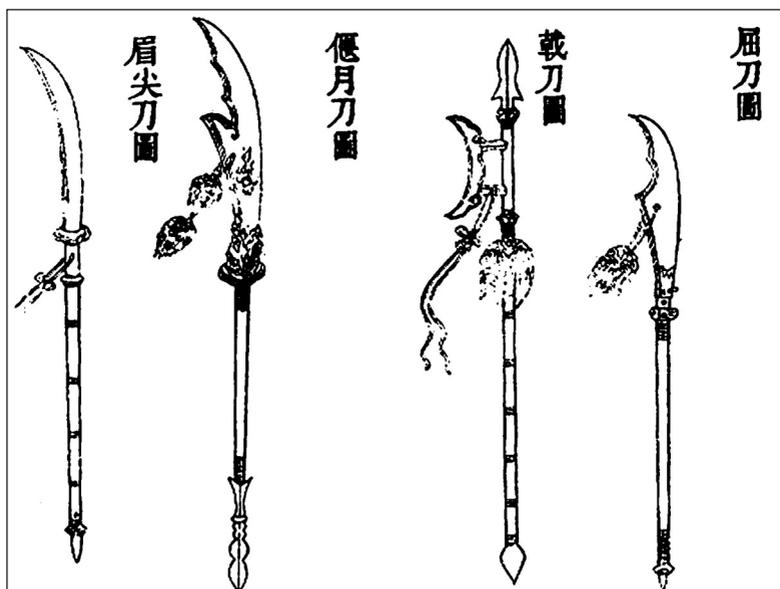
Рис. из «Гу цзинь ту шу цзичэн» (по материалам военной энциклопедии «У цзин цзуньяо»)

на офицерскую степень и получить должность младшего командира³⁰. Вполне возможно, что сложные виды древкового оружия, как и прямые обоюдоострые мечи *кием* 劍 (*kiém*), подтверждали одновременно и офицерский статус, и реноме умелого фехтовальщика. Здесь будет уместно сравнение с европейским военным делом той же эпохи (XVI–XVIII), когда такие виды древкового оружия, как протазан, эспантон и алебарда, наряду со шпагой, являлись принадлежностью пехотных офицеров, подтверждая их статус и одновременно имея боевое применение. Кроме того, эти предметы играли роль сигнальных приспособлений, при помощи которых офицеры указывали направление движения и визуально обозначали различные команды. Символическая и сигнальная функции эспантонов в некоторых европейских армиях сохранялись еще в эпоху наполеоновских войн (1796–1815).

В «Кратком трактате об основах военного искусства», приписываемом перу полководца XIII в. Чан Хынг Дао (?–1300), прославившегося победами над армиями монгольской династии Юань в 1285 и 1288 гг., есть описание еще одной разновидности боевых крюков. Это *хоакау* (hỏa câu 火鉤; 火鉤 вьет. разг.: *мок-лыа* – mớc lĩa) – «крюк [в виде языка] пламени». Насаженный на древко широкий клинок в последней трети раздваивается на изогнутые заостренные отростки. Своей формой он отдаленно напоминает описанную выше находку из Нгоккхань. Этот предмет описан как сугубо функциональное оружие, применявшееся во время осады и обороны крепостей³¹. Его рисованное изображение очень напоминает аналогичную иллюстрацию (изображение называется «*хогоу*») из китайской военной энциклопедии

«У цзин цзунъяо» 武經總要 («Важнейшее из основ военной науки»), первоначальная редакция которой относится к эпохе Сун (960–1279). Подборка рисунков из прославленного памятника сунской военной мысли была опубликована в 1934 г. в многотомнике «Гу цзинь ту шу цзичэн» (Собрание иллюстраций и книг с древности до наших дней)³². В этом издании можно увидеть интересные экземпляры традиционного китайского древкового оружия, в том числе и модификации боевых крюков-серпов, несомненно родственные вьетнамским образцам³³.

Описание древкового оружия времени Поздних Ле было бы неполным без упоминания о столь важном его подвиде, как *дайдао* 大刀 (*đại đao*) – «большой дао» (от китайского *дадао*). Во Вьетнаме это оружие также называется *даочьонг* (*đào trường*) – «длинный дао» – либо *чьонгдао* 長刀 (калька с кит. *чхангдао*)³⁴. Под этим названием понимается широкий изогнутый однолезвийный клинок *дао* 刀 (*đao*),³⁵ насаженный на древко. Таким образом, *дайдао* является комбинацией древкового и клинкового оружия. Исторически он имел массу вариантов, которые отличались друг от друга, в первую очередь, размерами и формой клинка³⁶. Это оружие появилось в Китае в первом тысячелетии нашей эры и затем широко распространилось по соседним странам.³⁷ Существует мнение, что во вьетнамском языке термином *дайдао* следует именовать двуручный вариант клинкового оружия, а древковый его родственник должен называться *сиудао*³⁸ 超刀 (*siêu đao*)³⁹. В собраниях археологических находок, относящихся к эпохе Ле, подобные предметы отсутствуют. Тем не менее Фан Хюи Чу упоминает о *дайдао* именно в контексте эпохи Поздних Ле. В соответствии с уже упоминавшимся указом государя Ле Тхай-то от 1428 г., каждый рядовой солдат соединения *ве* вооружался данным оружием⁴⁰. К сожалению, за отсутствием археологических находок мы пока не знаем, обладал ли вьетнамский *дайдао* той эпохи какими-либо местными особенностями или полностью копировал китайские прототипы. Представленные в музеях Вьетнама образцы этого оружия имеют весьма позднюю датировку – XIX–XX вв. Они практически ничем не отличаются от разновидностей *дао* с древком, изображенных в китайской военной энциклопедии «У цзин цзунъяо»⁴¹. Интересно, что один из рисунков, представленный на страницах этого памятника, напоминает изображение японской «алебарды» *наги-*

Различные виды *дадао* слева направо: *мэйцзяньдао*, *яньюэдао* (*дао* в виде месяца рогами вверх), *цзидао* (*дао* – алебарда), *цюйдао* (изогнутый *дао*). Рис. из «Гу цзинь ту шу цзичэн» (по материалам военной энциклопедии «У цзин цзунья»)»

ната. Запечатленный предмет вооружения здесь назван «*мэйцзяньдао*» 肩尖刀 (*дао* в виде заостренной брови). Вполне возможно, что рисунок был сделан при последующих редакциях энциклопедии, скорее всего – в эпоху Мин (1368–1643), когда на азиатский материк хлынуло качественное оружие с японских островов.

В этой связи необходимо упомянуть о японском влиянии на оружие Восточной Азии и Индокитая. Дело в том, что на протяжении XVI–XVII вв. предметы вооружения из Страны Восходящего Солнца пользовались огромным спросом и в китайской империи Мин, и во вьетнамских феодальных княжествах, а также в Сиаме, Камбодже и других государствах Юго-Восточной Азии. В один только Китай было импортировано более 100 000 японских клинков, которые по целому ряду параметров (качество стали, конструктивные особенности, эстетическое оформление) считались непревзойденными⁴². Оружейники некоторых стран

Юго-Восточной Азии также создавали оружие, порой мало отличающееся от японских прототипов⁴³. По свидетельству отечественного специалиста С. Барчевского, во Вьетнаме времен Вторых Поздних Ле популярностью пользовались не только знаменитые клинки⁴⁴ *катана*, но и такая любопытная разновидность японского древкового оружия, как *нагината*⁴⁵. В западном оружьеведении *нагината* нередко именуется алебардой, что не совсем верно. В действительности это оружие представляет собой изогнутый однолезвийный клинок, нередко расширяющийся к острию. Конструктивно и функционально оно родственно вышеописанному *дайдао* / *даочьюнг*. В японском языке принято записывать название «*нагината*» иероглифами 長刀, что в китайском варианте читается как «*чхангдао*», а во вьетнамском – «*чыонгдао*». Вполне возможно, что прототипами этого японского оружия послужили образцы, завезенные на рубеже I–II тысячелетий с материка. Творчески переосмыслив задумку китайских оружейников, их японские ученики создали более легкий вид древкового оружия, снабженный клинком высокой прочности и пробивной силы, впоследствии триумфально возвратившийся в континентальную Азию. Вьетнамские вариации богато украшенных *катана* и *нагината* нередко становились дипломатическими подарками, некоторые из которых оказались затем в Европе. Один такой набор богато декорированного вьетнамского оружия XVII столетия в отличном состоянии сохранился в собрании Рийксмузеума в Амстердаме. В этот набор входят в том числе образцы двух *нагината* с прекрасно сохранившимися клинками, закрепленными на лакированных древках при помощи специальных штырьков⁴⁶. Для лучшего крепления хвостовика каждое древко обжимает специальная трубка красной меди, украшенная затейливым чеканным орнаментом, фигурной резьбой и позолотой. В них угадываются мотивы, типичные для вьетнамского прикладного искусства. Трубка увенчана расширением в виде цветка лотоса, на котором расположена гарда-*цуба* с резными краями, дополненная уплотнительной муфтой *хабаки*. В набор также входят два копья, очень напоминающие японские *яри* со стальными наконечниками, имеющими хвостовики со штырьками (как и у некоторых копий из Зангво!), дополнительно закрепленные на древках при помощи обжимающих медных трубок, украшенных характерной резьбой и чеканкой⁴⁷.

Комплекс вьетнамского древкового оружия эпохи Ле отличался значительным разнообразием. Он включал различные виды колющего и в некоторых случаях метательного оружия. Наиболее массовыми разновидностями были втульчатые и черенковые копья *зао*, пики *китъ*, дротики *лао*. Ими вооружался преимущественно рядовой состав. Сложное древковое оружие для ближнего боя было представлено трезубцами *динь ба*, копьями с крюком-серпом *каулиемзао*, боевыми серпами с дополнительным крюком *каулием*, фальшионами на древке *дайдао* / *даочыонг*. Перечисленные виды, кроме, быть может, самых простых и дешевых в изготовлении вариаций *дайдао*, были оружием военной элиты, постоянно оттачивавшей навыки владения холодным оружием. Более сложные образцы *даочыонг* / *чыонгдао*, как и родственная им японская *нагината* (а также местные производные этого и других видов японского оружия), изготовленные на высоком качественном уровне и богато украшенные, были принадлежностью высшего командного состава и нередко выступали в роли дипломатических подарков.

Вышеперечисленные виды древкового оружия не ушли в прошлое после падения династии Ле. Они активно использовались в войнах, охвативших страну в последней четверти XVIII – начале XIX столетий. В правление династии Нгуен (1802–1945) традиционное древковое оружие также имело самое широкое применение. На протяжении всего XIX – середины XX вв. наряду с клинковым и огнестрельным оно состояло как на вооружении регулярных армий, так и повстанческих отрядов, боровшихся с французскими завоевателями. Это справедливо не только для периода колониальных войн 1858–1885 гг., но и для первого этапа вьетнамской революции и освободительной войны 1945–1950 гг.

¹ Барчевский С. Клинковое холодное оружие Вьетнама XIX – первой половины XX вв. Проблемы атрибуции // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Шестой Международ. научно-практич. конф. 13–15 мая 2015 г. Ч. I. СПб.: ВИМАИВиВС, 2015. С. 106–110

² Rodell Scott M. Vietnamese Sword // The Asian Art Newspaper. Vol. 2. Is. 7. 1999. May.

³ Ветюков В.А. Традиционное клинковое оружие Вьетнама – типология и терминология // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международ. научно-практич. конф. 18–20 мая 2016 г. Ч. II. СПб.: ВИМАИВиВС, 2016. С. 43–57.

- ⁴ Нгуен Тхи Зон. Сьу тап ву кхи тхой Ле о Нгок Кхань (Ха ной). (Собрание оружия эпохи Ле из Нгоккхань – Ханой). Дис... д-ра ист. наук. Ханой, 2001 (на вьет. яз.).
- ⁵ Нгуен Тхи Зон. Сьу тап ву кхи тхой Ле о Нгок Кхань (Ха ной). (Собрание оружия эпохи Ле из Нгоккхань – Ханой). Автореф. дис... д-ра ист. наук. Ханой, 2001 (на вьет. яз.). С. 19.
- ⁶ О специфике классификации материала у Фан Хюи Чу см.: Ветюков В.А. Военное дело Вьетнама в эпоху Ле (1428–1789) по материалам «Записей о военном деле» Фан Хюи Чу (XIX в.). Дис... канд. ист. наук. СПб., 2008. С. 68–70.
- ⁷ В годы китайской оккупации (1407–1428) большое количество документов было утрачено. Многие старинные тексты тогда были либо уничтожены, либо вывезены в Китай. Последующий период Поздних Ле оставил после себя гораздо большее количество документов. Хронологически он был наиболее близок Фан Хюи Чу.
- ⁸ Ле Тхай-то – посмертное храмовое имя Ле Лоя (1385–1433) – военачальника из низов, возглавившего повстанческие формирования в борьбе с оккупационной армией китайской династии Мин. Война, продолжавшаяся с 1418 по 1428 гг., закончилась освобождением страны и установлением династии Поздних Ле.
- ⁹ Фан Хюи Чу. Лить чиеу хиен чьонг лоай чи. (Классифицированные записи по истории прошлых династий). Ред. Дао Зуи Ань, пер. с вэньяня: Фам Хюи Зю, Чинь Динь Зы, Као Хюи Зю. Т. IV. Ханой: изд-во «Историческая наука», 1961. С. 25. (На вьет. яз.).
- ¹⁰ Ветюков В.А. Военное дело Вьетнама в эпоху Ле... С. 88.
- ¹¹ Здесь возможны разные варианты перевода. В оригинальном тексте источника употреблена трудночитаемая разнопись, которую мы интерпретируем двумя вышеуказанными образами. Во вьетнамском переводе 1961 г. употреблен термин *лиемвам* (liêm vât) – вариант перевода – «метательный серп» либо «серп на короткой рукояти». См.: Фан Хюи Чу. Указ. соч. С. 25.
- ¹² Там же.
- ¹³ Также именуется в литературе как «Вторые Поздние Ле». Период сопровождался фактическим разделением страны между враждующими феодальными кланами при сохранении номинальной власти монархов из династии Ле.
- ¹⁴ Нгуен Тхи Зон. Указ. соч. (Диссертация). С. 221, 222.
- ¹⁵ Там же. С. 223.
- ¹⁶ Там же. С. 234.
- ¹⁷ Там же. С. 218, 219.
- ¹⁸ Там же. С. 225.
- ¹⁹ Нгуен Тхи Зон. Указ. соч. (Автореферат). С. 8.
- ²⁰ Нгуен Тхи Зон. Указ. соч. (Диссертация). С. 230.
- ²¹ Нгуен Тхи Зон. Указ. соч. (Автореферат). С. 9.
- ²² Мнение высказано в личной беседе с автором.
- ²³ Ветюков В.А. Меч, сокрытый в глубине вод. Военная традиция средневекового Вьетнама. СПб., 2005. С. 93–94.
- ²⁴ Нгуен Тхи Зон. Указ. соч. (Диссертация). С. 227, 228, 257.
- ²⁵ Там же. С. 226.
- ²⁶ Вьетнамское прочтение китайских мер длины: 1 *чжан* 8 *чи*. Название заимствовано из старинного китайского романа «Троецарствие», где подобным оружием сражается один из персонажей. Это еще раз говорит о китайском влиянии на оружейный комплекс Вьетнама.

- ²⁷ Это вьетнамское произношение китайского 戈 *гэ*. В древнем Китае так именовался бронзовый клевец – один из самых популярных видов оружия.
- ²⁸ Мнение высказано Нгуен Тхи Зон в личной беседе с автором.
- ²⁹ В тексте: «每店用鈎五柄, 有尖頭. 頭亦有鈎». См.: Фан Хюи Чу 潘輝注 (著) Лить чиеу хиен чыонг лоай чи 歷朝憲章類誌 (Классифицированные записи по истории прошлых династий). Цзюани 39–41. Т. XI: Бинь че чи 兵制誌 (Записи о военном деле). [Рукописный экземпляр сочинения, сер. XIX в.] // Библиотека Института археологии (г. Ханой). Номер по каталогу Нв 48.
- ³⁰ О военных экзаменах см.: Ветюков В.А. Военное дело Вьетнама в эпоху Ле... С. 194–210.
- ³¹ Бинь тхы иеу лыок фу Хо чыонг кху ко (Краткий трактат об основах военного искусства, дополненный текстом «Основы полководческого искусства»). Ханой, 1977. С. 320. (На вьет. яз.).
- ³² Гу цзинь ту шу цзичэн 古今圖書集成 (Собрание иллюстраций и книг с древности до наших дней). Шанхай, 1934. Т. 964. С. 25. (На кит. яз.)
- ³³ Там же.
- ³⁴ В китайском и вьетнамском языках разный порядок определения и определяемого слова.
- ³⁵ Как клинковое оружие *dao* имеет средневековый европейский аналог – фальшон (от фр. *Fauchon* – «нож»). Его древковым аналогом является европейская *гвизарма* и русская *совня*.
- ³⁶ В частности, наличием либо отсутствием скоса обуха к острию (*елмань* в русской оружейной традиции), который отличался большим разнообразием форм.
- ³⁷ Асмолов К.В. История холодного оружия (Восток и Запад). Ч. 1. М., 1993. С. 13.
- ³⁸ От кит. *чхаодао*.
- ³⁹ URL: https://vi.wikipedia.org/wiki/M%C3%A3_t%E1%BA%A5u
- ⁴⁰ Фан Хюи Чу. Указ. соч. Ханой, 1961. С. 25.
- ⁴¹ Гу цзинь ту шу цзичэн. Т. 963. С. 53.
- ⁴² Ветюков В.А. Меч, сокрытый в глубине вод... С. 111.
- ⁴³ Барчевский С. К вопросу о японском влиянии на холодное оружие Индокитая // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международ. научно- практич. конф. Ч. I. С. 121–122, 124.
- ⁴⁴ Как правило, именуется термином «японский меч». Также существует мнение, что типологически этот вид оружия ближе европейским саблям.
- ⁴⁵ Барчевский С. К вопросу о японском влиянии... С. 121–124.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ URL: <https://www.rijksmuseum.nl/nl/rijksstudio/kunstwerken/dolken-sabels-degens/objecten#/NG-NM-6087-A,4>

С.Е. Виноградов (Москва)

**А.Ф. БРИНК – СОЗДАТЕЛЬ
12-ДМ МОРСКОГО ОРУДИЯ В 40 КАЛИБРОВ
ДЛЯ РОССИЙСКОГО ФЛОТА**

12-ДЮЙМОВОМУ (304,8-мм) 40-калиберному тяжело-му морскому орудию, главному оружию броненосных линейных кораблей Российского Императорского флота (классифицировавшихся в 1892–1907 гг. как «эскадренные броненосцы»), выпала исключительно насыщенная событиями служба. Его конструкция определилась зимой 1891–1892 гг. После испытаний опытного ствола в 1895 г. модель была принята на вооружение флота под наименованием «12-дюймового орудия в 40 калибров длиной образца 1895 года» (сокращенное обозначение 12"/40)¹. Орудие было установлено на борту 17-линейных кораблей и интенсивно участвовало в двух последних крупных войнах, которые вела Российская империя – Русско-японской (1904–1905) и Первой мировой (1914–1918). 12"/40 пушка продолжила службу в береговой обороне Советского Военно-морского флота и, в общей сложности, состояла на вооружении без малого 70 лет.

История русской морской 12"/40 артиллерийской системы восходит к началу 90-х гг. XIX столетия, когда для вооружения пяти новых линейных кораблей («эскадренных броненосцев»), постройка которых намечалась с 1891–1892 гг., было принято решение создать новые 12-дм орудия. К этому времени флот имел на вооружении отечественные 12-дм пушки в 20, 30 и 35 калибров длиной, уже установленные или устанавливавшиеся на 11 больших броненосных кораблях.

Немаловажным аспектом, повлиявшим на решение о создании новой модели 12-дм орудия, стали дебаты, развернувшие-

ся в 1891 г. в Адмиралтействе. По распоряжению управляющего Морским министерством адмирала Н.М. Чихачева в Морском техническом комитете (МТК) был поднят вопрос о том, «не следует ли для вновь строящихся судов уменьшить принятый у нас наибольший калибр орудий, т. е. вооружить их орудиями менее 12-дюймового калибра в видах уменьшения веса артиллерии и для достижения возможности действия орудиями ручную, или вообще не следует ли ввести промежуточный калибр между принятыми у нас 12- и 9-дм [228,6-мм] орудиями»². Оценивая проблему, специалисты пришли к выводу, что с уменьшением калибра хотя и получается выигрыш в весе артиллерии, но «действительность выстрелов значительно уменьшается и едва ли вознаграждается ускорением стрельбы, т. к. даже 9-дм пушка стреляет только в 1 ½ раза скорее, чем 12-дм орудие, а орудие калибром в 11 дм [279,4 мм] лишь в 1 ¼ раза скорее»³.

Действительно, с уменьшением калибра снарядов существенно уменьшалось и их разрывное действие. С другой стороны, с учетом перехода к проектированию уравновешенных установок крупных калибров, заключалось, что «ручное вращение орудий и прочие действия с ними вполне возможны»⁴. Таким образом, резюмировал МТК, «уменьшение калибра орудий не представляет особых преимуществ», а «принимая во внимание, что иностранные флоты ... сохраняют калибр не менее 12 дм для вновь строящихся судов, а на старых имеют орудия значительно больших калибров ... [очевидно,] что и в нашем флоте сохранение 12-дм калибра положительно необходимо»⁵.

Этот вывод, оформленный Журналом Артиллерийского отдела (АО) МТК № 23 от 5 августа 1891 г., удостоился одобрительной резолюции адмирала Н.М. Чихачева, который таким образом санкционировал разработку новой 12-дм модели. Принципиальные условия, предположенные в качестве ее основы, были определены на заседании АО МТК, состоявшемся 18 ноября 1891 г. при участии специалистов Обуховского сталелитейного завода (ОСЗ) – главного производителя артиллерии для Российского флота.

Они состояли в следующем. Во-первых, орудие подлежало существенному облегчению по сравнению с предшественником (12"/35). Во-вторых, новое орудие предполагалось более долговечным – оно должно было выдерживать не менее 150 выстре-

лов без потери меткости, что не допускало повышения давления, вызывающего интенсивное выгорание, свыше принятых величин (2500 атм.). Для «тяжелого» 12-дм снаряда весом 1111 фунтов (455 кг) это означало предел начальной скорости порядка 1800 фут/с вместо 2000 (т. е. 550 вместо 610 м/с), необходимых для подходящей бронепробиваемости.

Выход виделся в более продолжительном разгоне снаряда в канале ствола, для чего следовало увеличить длину последнего сверх уже достигнутых 35 калибров, причем первоначально она замышлялась до 45 калибров. Однако начальник ОСЗ А.А. Колокольцов заявил, что оборудование завода позволяет выделывать 12-дм орудия длиной до 40 калибров, для введения же 45-калиберной модели, на 1,5 м более длинной, необходимы приобретение и установка новых крупных станков, что потребует значительных средств и до двух лет времени. Ввиду срочности перехода к новой модели, постановили ограничиться длиной в 40 калибров, тем более что конструктивные мероприятия по предотвращению перегиба еще более длинных пушек только предстояло разработать⁶.

Возможность реализации обоих условий – и облегчения нового ствола, и обеспечения большей начальной скорости – следовала из достижений ОСЗ в выделке новых, высокопрочных сортов пушечной стали. Так, предел упругости стали, примененной в новом 12"/40 орудии, составлял 3300 атм., в кожухе – 2400 атм. против соответственно 2700 и 2000 атм. у материала более раннего, 6"/35 орудия⁷. Совещание АО МТК 18 ноября 1891 г. постановило, что при расчете нового орудия допускается руководствоваться минимальным значением предела упругости металла внутренней нарезной трубы в 3300 атм. При использовании углеродистой стали с подобными характеристиками сопротивления, уменьшая давление в канале ствола с принятых до этого 3000 до 2500 атм., признали возможным вписаться в вес орудия «не свыше 2500 пудов» (т. е. около 41 т; забегая вперед, отметим, что эти расчеты полностью оправдались)⁸.

Совещанием также был утвержден переход к измененной конструкции скрепления тела будущего орудия, с применением вместо многочисленных коротких колец (всего 108 шириной по 305 мм в 12"/35 модели «Чесмы» и «Георгия Победоносца») на

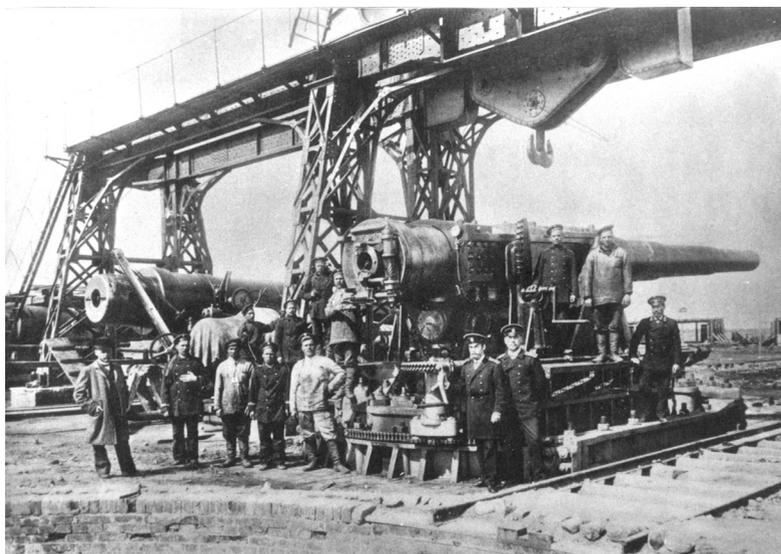
порядок меньшего количества длинных цилиндров, что существенно увеличивало продольную прочность.

Еще одним принципиальным решением стал переход с принятого до этого клинового на поршневой затвор французского типа. Протоколом МТК разъяснялось, что «система [затвора] Канэ отличается простотой и удобством в обращении, и, кроме того, вообще поршневой затвор увеличивает приблизительно на один калибр длину пути, проходимого снарядом в канале, и, таким образом, способствует увеличению начальной скорости»⁹.

Адмирал С.О. Макаров, в бытность которого главным инспектором морской артиллерии (в то время контр-адмирал; в должности с октября 1891-го по ноябрь 1894 г.) начиналась история 12"/40 орудия, оставил интересные заметки о самом начале его создания. Он писал: «Когда явился вопрос о заказе 20 новых 12-дм пушек, то я обратился к подполковнику Бринку, прося его проектировать чертеж. Подполковник Бринк предложил, для уменьшения веса орудия, увеличить упругое сопротивление стали с 3000 до 3300 атм., а также понизить давление в канале с 3000 атм., при которых происходит большое выгорание, до 2500 атм. Вышеперечисленные данные ... уменьшили вес 12-дм орудий с 3400 до 2600 пудов, несмотря на то что вместе с тем предложено было удлинить орудие с 35 до 40 калибров...»¹⁰

В это время Антон Францевич Бринк (р. 1.12.1851) состоял на службе в МТК. Он имел солидную теоретическую подготовку, окончив в 1878 г. курс Михайловской артиллерийской академии, после чего до 1886 г. служил на Обуховском заводе, досконально изучив производственные возможности последнего. Работа А.Ф. Бринка «Сопротивление труб, цилиндров и орудий, состоящих из одного или многих слоев, действию внешних давлений» (1889) удостоилась высокой оценки специалистов. С 1886 г. он служил в АО МТК, где «исправлял должность» помощника главного инспектора морской артиллерии. До 1 января 1892 г. А.Ф. Бринк состоял в чине капитана Корпуса морской артиллерии (КМА).

Выбор адмиралом Макаровым разработчика представляется не случайным. А.Ф. Бринк к тому времени уже имел прочную репутацию способного конструктора морских артиллерийских орудий средних и крупных калибров. Так, в 1884–1887 гг. им были спроектированы и приняты на вооружение флота 6"/35,

**12-дм орудие в 40 калибров длиной на испытаниях
на Главном морском полигоне под Петербургом, 1895 г.
В центре, вполоборота – подполковник КМА А.Ф. Бринк**

8"/30, 8"/35 и 9"/35 орудия, пошедшие на вооружение ряда броненосцев, крейсеров и канонерских лодок. Реноме А.Ф. Бринка как одаренного разработчика морских орудий основных калибров находилось на самом высоком уровне в глазах наиболее известных тогда отечественных теоретиков-артиллеристов, в том числе таких «светил» (выражение С.О. Макарова), как заслуженные профессора Михайловской Артиллерийской академии генералы Н.В. Маевский и А.В. Гадолин, к мнению которых внимательно прислушивался и сам главный инспектор морской артиллерии.

Поручение МТК было исполнено безотлагательно. В течение недели Бринк выполнил все расчеты и составил чертеж (№ 1590) 12"/40 орудия «весом 2490 пудов» (40,79 т), который еще до конца ноября 1891 г. был выслан на Обуховский завод «для соображений о том, каким образом Комитет понимает применение намеченных принципов». Поскольку структурно орудие следовало уже существующей идее составной (многослойной) предварительно-напряженной конструкции, А.Ф. Бринк

выдвинул смелую идею об изменении типа скрепляющих элементов. Особенностью его проекта стало применение в этом качестве исключительно только длинных (до 3 м) цилиндров. Успешная реализация подобного замысла сулила многие выгоды, принципиальными из которых были существенное увеличение продольной прочности ствола и снижение его веса¹¹.

Спустя месяц после совещания, в декабре 1891 г., ОСЗ доставил в МТК свои два варианта проекта 12"/40 орудия (чертежи № 1663, 1664), вес их составлял соответственно «2557 и 2566 пудов» (41,88 и 42,03 т). Их принципиальное отличие от проекта Бринка состояло в том, что скрепляющий слой на протяжении около 3 м от дульного среза к центру ствола выполнялся из коротких колец; из колец же состояли и три скрепляющих слоя над камерой орудия. Коренное же расхождение между подходами МТК и завода заключалось в том, что ОСЗ считал необходимым поместить кожух внутри ствола (2-м или 4-м слоём), в то время как А.Ф. Бринк проектировал кожух снаружи. С.О. Макаров отмечал в этой связи, что «принципиально следует признать, что чем ближе часть орудия находится к каналу, тем выше должны быть механические качества металла. Так как кожух, по его громоздкости, трудно сделать из стали высокого качества, то естественно, что кожух лучше иметь снаружи, чем внутри»¹².

Все основные решения по конструкции будущего 12"/40 орудия обсуждались и принимались на совещаниях в МТК с участием представителей Обуховского завода. После серии консультаций верх одержала конструктивная концепция МТК, которую отстаивал главный инспектор артиллерии адмирал С.О. Макаров, незыблемо полагавшийся на дарования А.Ф. Бринка. В итоге был выработан новый чертеж (№ 1757), содержащий несколько мелких уступок заводу в части скрепления кольцами отдельных мест, однако кожух орудия (свободной посадки) был оставлен снаружи. Ключевой аргумент заключался в идее перехода в ближайшей перспективе к кожуху, надеваемому с натяжением, что должно было позволить уменьшить диаметр орудия на 3 дюйма и сэкономить на весе ствола 4 т веса, т. е. порядка 10 %¹³.

Проектировался и затвор нового типа. Следует отметить, что переход к этой конструкции стал возможен, в первую очередь, благодаря использованию французской идеи, примененной в

120-мм/45 и 6"/45 орудиях инженера Г. Канэ (Canet). Лицензия на их производство была приобретена морским ведомством в 1891 г. (экспертом выступал А.Ф. Бринк, в составе комиссии посетивший несколько ведущих артиллерийских заводов Европы). Идея поршневого затвора заключалась в том, что канал ствола у казенной части снабжался нарезкой, в которую ввинчивался особый поршень. Так как при конструкции поршня в виде обыкновенного цилиндра с резьбой требовалось продолжительное время для его закрывания (завинчивания), часть ниток резьбы срезалась продольными полосами – секторами – по 30° (т. е. шириной $\frac{1}{12}$ окружности), так что оставшиеся сектора с витками чередовались с теми, где витки были срезаны. При закрывании затвора сектора с витками на поршне располагали напротив срезанных в казеннике орудия, после чего поршень полностью вдвигался внутрь на всю его длину, а затем поворотом на $\frac{1}{12}$ окружности канал ствола запирался. Разработка 6-секторного одноходового затвора 12"/40 орудия была поручена ОСЗ и успешно им реализована¹⁴.

И, наконец, последняя крупная конструктивная инновация нового орудия состояла в том, что была изменена система крепления его тела на станке. В прежних моделях на стволе, подобно архаичным гладкоствольным пушкам, имелась пара цапф, на которых ствол поворачивался в вертикальной плоскости и которыми удерживался на своем месте. При неуклонном росте веса орудий и начальной скорости снарядов крупнокалиберных морских орудий с начала 80-х гг. XIX столетия, крепление посредством цапф уже не удовлетворяло возникшим требованиям. Поэтому в 12"/40 орудии, наполовину более мощном, нежели предшествующее 12"/35, перешли, по примеру британского и французского флотов, на крепление ствола в станке посредством концентрических выступов, или гребней.

В конечном итоге 12"/40 орудие определялось как конструкция многослойного строения, где на внутреннюю нарезную трубу было насажено три ряда предварительно напряженных скрепляющих цилиндров и колец, поверх которых надевался кожух с ввинчиваемым в него казенником. Орудие оснащалось поршневым затвором системы ОСЗ, состоящим из рамы, поршня с обтюратором, стреляющего приспособления и передаточных валов с шестернями. Открывание и закрывание обеспечивалось вруч-

ную¹⁵. Воспламенение порохового заряда осуществлялось гальваническими или ударными трубками, но применение того или иного их типа требовало смены и стреляющих приспособлений. Нарезы – смешанной системы: в начале, на длине $\frac{1}{2}$ калибра, они были постоянной, весьма небольшой крутизны, затем шли нарезы прогрессивной крутизны, и в конце, на длине около 4 калибров, они снова были постоянной крутизны¹⁶.

Переход к новой 12"/40 модели совпал с внедрением «легкого» типа снарядов, относительный вес которых понизился с 16,1 до 11,7, т. е. на 27 %. Начальная скорость нового 12-дм снаряда на 10–20 % превышала таковую современных ему аналогичных британских и американских орудий середины 90-х гг. XIX в., и лишь незначительно – французских¹⁷.

Успех разработки в 1892 г. новой, более прогрессивной, 12-дм модели позволил поднять вопрос о переходе к 12"/40 орудию в проектах кораблей, создание которых еще не вышло из стадии проектирования и для которых изначально планировалось 12-дм орудие в 35 калибров длиной. В общей сложности таких оказалось пять – четыре для Балтики («Сисой Великий», «Полтава», «Петропавловск», «Севастополь», программа 1891–1895 гг.) и один для Черного моря («Три Святителя», программа 1883 г.)¹⁸. Помимо двадцати 12"/40 орудий для этих кораблей еще четыре таких же решили заказать и для перевооружения броненосца «Петр Великий» постройки 1870–1876 гг. Новые пушки были вдвое длиннее установленных в его башнях (12"/20), но, как предполагалось, «такая длина орудий не вызывает особых затруднений для приспособления к ним существующих на броненосце башен»¹⁹. Орудия для «Петра Великого» подлежали изготовлению после таковых для пяти новых броненосцев.

Примечательно, что, несмотря на значительное число внедренных в новой 12-дм модели инноваций (конструкция ствола, тип затвора, крепление на станке), не предполагался заказ хотя бы одного опытного ствола для увязки всех этих качеств посредством серии стрельб на полигоне до полного израсходования его ресурса. Данная задача, по определению, возлагалась на ствол № 1, предназначенный для броненосца «Три Святителя».

Первые 12"/40 орудия были доставлены на Главный морской полигон (ГМП)²⁰ осенью 1894 г., но испытание их откладывалось²¹. Сразу приступить к стрельбам не удалось. Проволочка

была вызвана несколько запоздалым стремлением МТК упорядочить испытания новых 12"/40 орудий, а также 10"/45 пушек для трех броненосцев береговой обороны. Как объяснялось в отчете Морского министерства, «оказалось необходимым испытание орудий соединить с испытанием стрельбой [узлов] судовых гидравлических башенных установок, а для этого потребовалось предварительно проектировать, изготовить и установить на опытовой батарее особую универсальную платформу, на которую можно было бы ставить поочередно судовые башенные станки для 10- и 12-дм орудий нового типа»²². Проектирование, изготовление и монтаж установки на батарее полигона были поручены петербургскому Металлическому заводу (ПМЗ), который уложился в 4 месяца. В декабре 1894 г. универсальная платформа была принята в казну²³. Для 12"/40 орудия № 1 на универсальной платформе был собран башенный станок, изготовленный Металлическим заводом для «Трех Святителей».

Первое испытание 12"/40 орудий было произведено в конце марта 1895 г.²⁴ 29 марта 1895 г. была выполнена первая испытательная стрельба в составе серии из трех выстрелов. В качестве заряда использовался бурый призматический порох предшествующей 12"/35 модели, выделки Охтинского завода (заряд 378 фунтов – 158 кг), а также снаряды весом 810 фунтов. При стрельбе были достигнуты значения давления 2840 атм., значение начальной скорости составило 2181 ф/с (665 м/с).

В конечном итоге для 12"/40 орудия был принят бездымный нитроцеллюлозный порох отечественной разработки и фабрики. Решение о переходе в новой модели на бездымный медленногорящий порох стало крупнейшим вкладом в концепцию нового орудия. Это позволило существенно повысить баллистические качества орудия и увеличить продолжительность его службы²⁵. При большей на 10 % температуре сгорания (2200 против 2050 градусов Цельсия), объем газов, выделяющихся на 1 г бездымного пороха, втрое превосходил аналогичный показатель бурого призматического пороха (950 куб. см против 315), а по количеству выделенной теплоты новый порох превосходил прежний на 20 % (915 ккал против 760)²⁶.

Разработкой и принятием на вооружение 12"/40 орудия в 1895 г. русский флот сделал крупный и своевременный шаг в своем развитии. Была решена важная задача вооружения мно-

гих серий перспективных линейных кораблей тяжелой артиллерией нового поколения на годы вперед. 12"/40 орудие было применено на семнадцати кораблях Российского Императорского флота постройки 1896–1911 гг. На их вооружение пошло 68 стволов, произведенных на ОСЗ в 1894–1908 гг. Еще 25 стволов было изготовлено в качестве запасных (в том числе 12 орудий – в 1915–1916 гг.), из которых 21 также был установлен на кораблях. 12 орудий по русскому чертежу, но со ступенчатым затвором системы А. Уэллина, в июле 1914 г. было заказано британской компании «Виккерс»²⁷.

Сравнение с основными параметрами предшествующей 12"/35 пушки наглядно свидетельствует о прогрессивности новой модели. При снижении веса орудия с 57,05 до 42,3 т (на 35 %) была достигнута увеличенная на 150 м/с начальная скорость. При этом значение дульной энергии возросло с 6715 до 10 407 тонно-метров (на 55 %). Увеличилась настильность (и соответственно меткость), бронепробиваемость и дальность стрельбы (на 20 кб). Внедрение же взамен прежнего клинового затвора нового затвора поршневого типа, более чем вдвое меньшего по весу (622 против 1360 кг), позволило почти вдвое увеличить скорострельность. При этом стоимость нового орудия понизилась на 14 % (87 100 против 99 179 р.)²⁸.

Успех, сопутствующий переходу к новой модели, стал следствием внедрения серии принципиальных технологических инноваций, генерированных отечественной научно-технической школой. Достижения специалистов в химии порохов («пирокolloдий» Д.И. Менделеева и И.М. Чельцова), теории проектирования орудий (А.Ф. Бринк), металлургии и технологий скрепления (А.А. Ржешотарский), затвора нового типа (М.Ф. Розенберг) создали условия для перехода к артиллерийским системам нового поколения. Отработка в 12"/40 модели методов скрепления ствола длинными цилиндрами сделала возможным появление в последующем новых моделей тяжелых морских калибров с еще большей относительной длиной ствола – 12"/52, 14"/52 и 16"/45 серийных и опытных орудий.

Боевое применение 12"/40 орудий было весьма интенсивным. Впервые эти пушки открыли огонь по противнику в день начала Русско-японской войны 27 января (9 февраля) 1904 г. во время первого большого боя между главными силами против-

борствующих флотов. До падения Порт-Артура в декабре 1904 г. они гремели еще много раз – в сражении в Желтом море 28 июля (10 августа), обстреле японских береговых позиций, при перекрестной стрельбе по неприятельским кораблям. Кульминацией применения 12"/40 орудий в войне с Японией стало Цусимское сражение 14 (27) мая 1905 г. Всего в Русско-японской войне участвовало двадцать 12"/40 орудий на пяти броненосцах 1-й Тихоокеанской эскадры и столько же на пяти кораблях 2-й эскадры (№ 3–7, 11, 13–30, 32–37, 39, 42, 45–52). Из них войну пережили только четыре орудия «Цесаревича» (№ 23, 28, 29, 32).

В межвоенный период (1906–1914) 12"/40 орудия состояли на вооружении восьми линейных кораблей: как более ранней постройки – 1897–1905 гг. («Три Святителя», «Пантелеймон», «Цесаревич», «Слава»), так и присоединившихся к флоту в 1911 г. «Евстафия», «Иоанна Златоуста», «Андрея Первозванного» и «Императора Павла I». Все эти линкоры в качестве тяжелого калибра несли по четыре 12"/40 орудия. В этот же период модель была усовершенствована введением нового затвора, позволившего кардинально увеличить скорость стрельбы²⁹. Четыре последних додредноута послевоенной постройки сразу получили 12"/40 орудия с усовершенствованным затвором ОСЗ/М.З. Шеманова с электроприводом и продуванием после выстрела. Впоследствии на вооружение были также приняты новые типы 12-дм снарядов (образца 1907, 1913, 1915 гг.), позволившие существенно усилить поражающую способность орудий.

В годы Первой мировой войны 12"/40 пушки проявили свои лучшие качества в боях на Балтике и Черном море; достаточно упомянуть, что оба боя черноморских линкоров-додредноутов с германским крейсером-дредноутом «Гебен» окончились причинением ему попаданий 12-дм снарядами, вынудившими существенно более мощный в боевом отношении корабль противника искать спасения в бегстве. С борта линкоров эти орудия участвовали в обстреле береговых батарей и укреплений противника, поддерживали приморские фланги сухопутного фронта на Кавказе, Балканах и в Курляндии.

После разработки 12-дм орудия в 40 калибров длиной инженерная деятельность А.Ф. Бринка продолжилась. В 1892 г.

Бринк, уже подполковник, по типу 6"/45 орудия Канэ разработал удачное 8"/45 орудие, которым вооружались броненосные крейсера «Россия», «Громобой» и канонерская лодка «Храбрый». В 1902 г. А.Ф. Бринк был назначен на ответственный пост председателя Комиссии морских артиллерийских опытов при МТК, в ведении которого состоял весь обширный круг вопросов об испытании предметов артиллерийского вооружения для флота – орудий, снарядов, порохов, станков, взрывателей, а также броневой защиты. Позднее, в 1907–1913 гг., Бринк достиг высшей ступени на служебном поприще – состоял главным инспектором морской артиллерии (начальником АО МТК, с 1911 г. – Главного управления кораблестроения). Проявляя на всех ступенях служебного поприща инициативу и эрудицию, соединенные с фундаментальной научно-теоретической подготовкой, А.Ф. Бринк внес весомый вклад в развитие отечественной морской артиллерии. Вершиной его деятельности на поприще разработчика орудий стало создание им конструкции 12-дм орудия в 40 калибров длиной, хорошо послужившего России.

¹ В специальной литературе по артиллерийскому делу распространено также его наименование как «образца 1877 года», принимая во внимание систему нарезки ствола.

² Всеподданнейший Отчет по Морскому министерству за 1890–1893 гг. СПб., 1895. С. 55.

³ Отчет о занятиях МТК за 1891 г. Ч. IV. По артиллерии. СПб., 1892. С. 54.

⁴ Всеподданнейший Отчет... С. 56.

⁵ Отчет о занятиях МТК... С. 54.

⁶ Там же. С. 57.

⁷ Яцына И.А. Курс морской артиллерии. Ч. II. Изд. 3-е. СПб., 1908. С. 113.

⁸ Отчет о занятиях МТК... С. 59.

⁹ Там же; Всеподданнейший Отчет... С. 56, 58. По свидетельству адмирала Макарова, идея перехода к поршневному затвору принадлежала А.Ф. Бринку: «Вместе с этим подполковник Бринк предложил перейти к поршневым замкам, которые отнимали меньшую часть канала и вообще в последнее время вытеснили замки клиновые...» // Макаров С.О. Беглый очерк работ по Морской Артиллерии с осени 1891 года до осени 1894 года. Прибавление III к Отчету о занятиях Морского Технического Комитета по артиллерии за 1894 год. СПб.: Тип. Морского министерства, 1897. С. 14.

¹⁰ Там же.

¹¹ О чертеже 12-дм орудий длиною в 40 калибров (Журнал МТК по артиллерии от 4 февраля № 12 и 3 марта № 24) // Отчет о занятиях Морского технического комитета за 1892 г. Ч. IV. По артиллерии. СПб., 1894. С. 62.

¹² Макаров С.О. Указ. соч. С. 15.

- ¹³ Отчет о занятиях Морского технического комитета за 1892 г. Ч. IV. По артиллерии. С. 76.
- ¹⁴ Кантерев. Обуховский сталелитейный завод. СПб., 1913. С. 54; Макаров С.О. Указ. соч. С. 16; Яцына И.А. Указ. соч. С. 133–138.
- ¹⁵ На «Трех Святителях», имевшем установки 12-дм орудий с гидроприводом – как вручную, так и с помощью гидравлики; на поздних 12"/40 моделях начиная с 1908 г. – посредством электропривода.
- ¹⁶ Яцына И.А. Указ. соч. С. 113.
- ¹⁷ Колтовской А.Е. Развитие типа линейного корабля нашего флота. СПб.: Цитадель, 1996. С. 10–12.
- ¹⁸ РГАВМФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 1080. Л. 8.
- ¹⁹ Всеподданнейший Отчет по Морскому министерству, 1894–1896 гг. СПб., 1898. С. 73, 74.
- ²⁰ В переписке того времени также по традиции именовался и как «Охтенская морская батарея».
- ²¹ Всеподданнейший Отчет по Морскому министерству, 1894–1896 гг. С. 67.
- ²² Там же.
- ²³ Макаров С.О. Указ. соч. С. 7.
- ²⁴ РГАВМФ. Ф. 423. Оп. 3. Д. 8. Л. 7.
- ²⁵ Бездымный медленногорящий порох был изобретен в 1884 г. французским химиком П. Вьелем. Его состав, составлявший во французском флоте государственную тайну, был самостоятельно воспроизведен в России спустя пять лет («пирокolloдий» Д.И. Менделеева и И.М. Чельцова). Производство этого типа пороха было достаточно быстро налажено в России, сначала на Охтенском пороховом заводе морского ведомства, а вскоре и на других, положив начало «бездымной» артиллерии нового поколения // Колтовской А.Е. Основания устройства орудий, снарядов и орудийных установок. Пг., 1918–1919. С. 18.
- ²⁶ Титушкин С.И. Артиллерия русского флота в 1877–1904 гг. // Судостроение. 1990. № 8. С. 58–64.
- ²⁷ На корабли они не устанавливались и нашли применение уже в советское время в составе тяжелых батарей береговой обороны Тихоокеанского флота на шести железнодорожных транспортерах ТМ-II-12.
- ²⁸ Всеподданнейший отчет по Морскому министерству, 1894–1896 гг. С. 74.
- ²⁹ Яцына И.А. Указ. соч. С. 139.

А.В. Витол (Санкт-Петербург)

ГЕНЕРАЛ А.Н. КУРОПАТКИН – ПИСАТЕЛЬ И ВОСТОКОВЕД

ОБ АЛЕКСЕЕ НИКОЛАЕВИЧЕ КУРОПАТКИНЕ знают «все»: достаточно в разговоре упомянуть, что он, генерал от инфантерии, «проиграл» войну 1904–1905 гг. с Японией – и ваш собеседник будет выглядеть «информированным» и «разбирающимся в истории». При подобном «общении» уже никто не затруднит вашего «информированного» собеседника вопросами о достоверности событий начала XX в., т. е. реалий первой большой войны России после русско-турецкой войны, а также последней крупной войны перед Первой мировой. Подобных опознавательных «тестов» не так уж мало. В каждом отдельном случае следует разбираться, почему тот или иной исторический деятель является обладателем «тернового венка», имя которому – клевета. Однако А.Н. Куропаткин – слишком крупная фигура, чтобы допустить различные толкования его жизни и деятельности. Впрочем, в последнее время появился ряд серьезных работ, посвященных его судьбе.

К концу его многолетней государственной и военной карьеры за генералом закрепилось немало прозвищ, в том числе «старик» и «почетный казак». Несомненно, что прозвища напомнили, прежде всего, о его почтенном возрасте. Возникает вопрос: как мог Николай II назначить главнокомандующим на Дальний Восток пожилого, четырежды раненного человека, «потраченного», как говорят в народе? – Генерал был в хорошей физической форме, а его колоссальный военный опыт и личная храбрость позволяли относить его к лучшим военачальникам России. И все-таки годы брали свое. Николай II, казалось бы, учитывал все «за» и «против», но назначил командующим (фактически все-

го на 4 месяца) бывшего начальника штаба у легендарного Скобелева – А.Н. Куропаткина. Царь ни разу не выразил ему какого-либо порицания за итоги войны с Японией, но и не прервал вакханалии либеральной прессы, направленной на шельмование офицерского корпуса и на подчеркивание личной вины командующего за создание трагической ситуации, в которой был виноват не один только А.Н. Куропаткин.

В заглавии статьи А.Н. Куропаткин назван и писателем, и востоковедом. С первым определением все более или менее ясно¹. Его литературный дар, потрясающая работоспособность обнаружались рано. Множество описаний-отчетов о годах обучения в Павловском пехотном училище, о поездке в Японию, о разведывательной миссии на Босфоре, публикации о восстании в Туркестане в 1916 г., три огромных тома «Россия для русских» с объяснением – оправданием своих действий во время русско-японской войны. В 1999 г. был опубликован отрывок из его воспоминаний «70 лет моей жизни» в четвертом номере «Исторического архива».

Павловское пехотное училище было в столице «первейшим из первых». К 1913 г. четверть состава наличных офицеров Генерального штаба состояла из бывших «павловцев». Шефами училища были императоры – начиная от Александра II до Николая II².

Училище с давних пор славилось не только своею безукоризненною выправкой, но и высоким уровнем подготовки учащихся (юнкеров до 1864 г., затем – кадетов). В училище преподавал знаменитый русский педагог и географ Аркадий Ильич Павловский (1828–1889). Именно он поднял изучение географии в России на высокий уровень. Павловский обогатил русскую географию курсом «Природа и люди» (за 1859–1868 – шесть выпусков). Дело в том, что Павловский был последователем знаменитого французского географа, историка и мыслителя Элизе Реклю, который надеялся, что наука география послужит в итоге сближению всех народов Земли, достижению ими более счастливого будущего. Реклю был сторонником социализма, он участвовал в боевых действиях Парижской Коммуны.

В тот период на Земле еще было много «белых пятен», в том числе и в так называемом Русском Туркестане. Напомним, что многим «павловцам» пришлось практически осваивать новые

территории в Азии и далее на Востоке, учреждая в них русскую администрацию, буквально «обустроивая» вновь присоединенные земли, внедряя в них элементы цивилизации. Сочинения Э. Реклю и А.И. Павловского открывали молодежи новые горизонты, способствовали расширению ее социальных взглядов, приобщали к передовым идеям европейских мыслителей. В этот момент такие сочинения по востоковедению и географии, как, например, «История Бохары и Трансоксании» венгерского востоковеда Арминия (Германа) Вамбери (СПб., 1873), переведенная А.И. Павловским, выглядели как новейшие книги по описанию новых территорий Российской империи.

Итак, с 1864 по 1866 гг. будущий генерал находился в Павловском пехотном училище, в Красном Селе. Напомним, что Красное Село называли «летней воинской столицей Российской империи»³. О пребывании здесь А.Н. Куропаткина можно получить некоторое представление по недавно появившимся его мемуарам «Как я стал офицером»⁴.

К моменту выпуска из училища А.Н. Куропаткин, показавший отличные результаты, имел шансы получить одну из лучших вакансий. Однако еще до выпускных экзаменов он принял решение служить офицером в Туркестане, где в 1855–1866 гг. шли серьезные боевые действия. На его решение, вероятно, оказали влияние его двоюродные братья и земляки, его товарищи по юношеским самостоятельным походам Петр и Павел Калинины. В боевых действиях в Туркестане действовала и целая династия Калининых⁵.

А.Н. Куропаткина, конечно, отговаривали: некоторые из начальствующих лиц не без основания выражали тревогу, что молодые люди в далекой беспокойной Азии «либо сопыются, либо будут убиты». Однако таких юношей, мечтавших о подвигах и приключениях, было не остановить.

При кратком рассмотрении служебного роста обычно указывают, что А.Н. Куропаткин был назначен в «один из туркестанских линейных батальонов». Уточним, что речь идет об Оренбургском стрелковом батальоне, сформированном в 1864 г. из лучших стрелков Кавказской армии⁶. Именно 1864 год (21 мая) считался временем окончания Кавказской войны⁷.

Именно тогда А.Н. Куропаткин с группой офицеров (7 человек-добровольцев) отправились в Ташкент. По железной дороге

они доехали до Нижнего Новгорода, потом на пароходе до Самары, затем на купленной телеге до Оренбурга⁸.

Место службы – Ташкент – представлял собой «столицу» Русского Туркестана. Ташкент был довольно благоустроен. В нем уже к середине XIX в. были почта, телефон, большая библиотека. Ташкент посещали путешественники и ученые, здесь давались концерты, ставились спектакли, основывались различные научные общества. Особое оживление внутренней жизни произошло в конце XIX – начале XX вв. – правда, нарушенное андижанским восстанием 1898 г.

В среде военнослужащих происходила своя активная жизнь, которая затрагивала прежде всего профессиональную сферу – постоянное обучение войск, рекогносцировки окрестных территорий, изучение сил вероятного противника – Англии, Афганистана, проблемы с Кашгарией, различные военно-научные экспедиции в самые разные районы Азии, на Тибет и т. д.

Несмотря на очень нелестные и несправедливые замечания известного сатирика (по-видимому, Салтыкова-Щедрина) о качествах людей, оказавшихся в Ташкенте – как о «пьянчугах, казнокрадах и всякой сволочи»⁹, Ташкент не был «забытой Богом территорией», а одной из российских окраин, уже соединенных с центром железной дорогой. Население там росло (продолжалось переселение людей из центральных губерний, некоторые новые жители были из числа недовольных).

Нас, конечно, интересует окружение А.Н. Куропаткина. Нельзя не сказать о признанном вожаке офицерской молодежи, командире 4-й роты М.Ю. Ашенбреннере (1842–1927), в будущем – активном народовольце¹⁰. Впоследствии А.Н. Куропаткин с благодарностью вспоминал об Ашенбреннере как о «дорогом, всеми любимом и уважаемом товарище», который подавал пример исключительно гуманного отношения к солдату в то время, когда кругом еще солдат били и обкрадывали. Куропаткин писал: «Вы заставляли нас не забывать книгу, разъясняли нам многое», «В среднеазиатской глуши, в походной обстановке, не давали нам, молодежи, опускаться: пьянствовать, играть азартно в карты. Мало того, благодаря Ашенбреннеру было много споров из-за Базарова, из-за героев романа Чернышевского “Что делать?” Вы будили нашу мысль, рекомендуя для чтения Белинского, Писарева, Добролюбова и других».

Как знак доверия сослуживцев можно воспринимать назначение Куропаткина в начале 1867 г. батальонным квартирмейстером (заготовка дров, упряжи, осветительных материалов, содержание и ремонт обоза, заготовка мишеней и прочие хозяйственные дела). Некоторые уже пророчили ему долгую службу интенданта. Однако Алексей Николаевич был озабочен тем, чтобы не пропустить очередной поход. Ему это было обещано, и свое обещание командование выполнило (правда, не сразу). В 1867 г. Куропаткин впервые участвовал в боях – это был Яны-Курганский поход. Более кровопролитным оказался Зеравшанский поход. Офицер участвовал во всех главных сражениях этого похода: в штурме Самаркандских высот, в бою под Катта-Курганом, при вторичном взятии Самарканда. В августе 1870 г. он был произведен в штабс-капитаны (обер-офицерский чин).

Естественным продолжением карьеры такого целеустремленного офицера, как Куропаткин, было поступление в Академию Генерального штаба. Куропаткин был в выгодном положении: он был в какое-то время единственным из поступающих из «азиатских» округов, остальные – из Петербургского военного округа. Его конкурентами оказались молодые офицеры без такого набора наград, без такого боевого опыта, как у него, без глубокого знания реалий театра военных действий, без практического опыта строительства военных и хозяйственных объектов.

Пребывание в среднеазиатском регионе, забота о быте и медицинском состоянии армии позволили ему резко сократить небоевые потери в походах, и постепенно он заслужил доверие как соратников, так и местного населения, что в условиях боевых действий было явлением исключительным.

Мы уже упоминали об общении А.Н. Куропаткина с М.Ю. Ашенбреннером. По-видимому, он в известном смысле приобщился ко взглядам народников (или даже разделял их) на общее состояние Российской империи, сейчас таких людей называли бы «левыми» или «революционерами».

Военная карьера просматривалась все более явственно, но мечты молодости, по-видимому, не оставляли в покое душу будущего министра. Конечно, это только эпизод в блестящей, казалось бы, со стороны, карьере будущего генерала Куропаткина. Так или иначе, но Куропаткин, не покидая Академии, поступает в Технологический институт. Он успешно выдержал экзамены и

около месяца посещал занятия в обоих заведениях. Однако у Куропаткина сразу сложилось впечатление, что в Технологическом институте слушатели не получают серьезной подготовки. Куропаткин был удивлен «недисциплинированностью и неопрятностью, царившими в стенах института» (что совсем неудивительно для выпускника Павловского училища, которое гордилось и славилось своей дисциплиной).

Курс в Академии Куропаткин окончил первым по списку, за что был поощрен премией для научной командировки за границу. Куропаткин намеревался сначала поехать в Индию или Испанию, но получил отказ – и решил поехать в Алжир (как тогда писали – в Алжирию). Через Германию он отправился в Париж, где подготовился для поездки в эту французскую колонию. Помощь ему оказал российский военный представитель (агент) барон Фредерикс, который предоставил Куропаткину материал по Алжиру, газеты с дебатами в Сенате по иностранным делам и другие материалы. В это же время в Париже находился генерал К.П. фон Кауфман¹¹, который передал Куропаткину рекомендательное письмо для генерал-губернатора Алжира – генерала Шанзи. Куропаткин провел в Алжире шесть с половиной месяцев. Надо сказать, что поездки офицеров Николаевской академии Генерального штаба не были таким уж редким явлением. Так, еще в 1849 г. была опубликована книга полковника М.И. Богдановича «Алжирия в новейшее время». Автор проводил параллель между политикой Франции в северном Алжире и политикой России на Кавказе. Автор делал вывод, что Россия не могла отказаться от сближения с Закавказским краем – в противном случае она постоянно бы подвергалась набегам полудиких кавказских племен.

Результатом поездки А.Н. Куропаткина в Алжир стала его первая большая научная работа (более 300 страниц) – «Алжирия», опубликованная в 1877 г. Научная конференция в Академии Генерального штаба высоко оценила эту работу и расценила ее как право на занятие профессорской кафедры. Куропаткину поручили вести курс «военной статистики» и «без испытания» допустили к должности адъюнкт-профессора. Эта работа показала талант Куропаткина как настоящего востоковеда-практика.

Что делал Алексей Николаевич в Алжире? Французский генерал-губернатор Алжира Маршал Мак-Магон, как считают

специалисты, правил не очень удачно. А.Н. Куропаткин не случайно осуждал французскую колониальную систему как «бесперспективную в политическом смысле и невыгодную в экономическом, поскольку она сопровождалась разорением населения»¹².

Тем не менее, русский офицер, принявший участие в «усмирительной»¹³ экспедиции французской армии в Алжире, не остался незамеченным во Франции: он был награжден рыцарским (военным) орденом Почетного Легиона и колониальной медалью¹⁴.

Как правило, такие экспедиции называли «рекогносцировкой»; внутри России употребляли слова «разведка» или «разведки». Как в Алжире, так и в Туркестане было еще немало белых пятен на картах.

Итак, переходим к новому этапу карьеры А.Н. Куропаткина. Если первые два можно назвать так: 1) становление офицера – Павловское офицерское училище, 2) служба в Туркестане, то далее следуют: 3) Военная академия Генерального штаба и поездка в Алжир, 4) Генеральный штаб, 5) вновь Туркестан, продолжение карьеры востоковеда, 6) со Скобелевым в Болгарии.

Не надо, конечно, считать, что вся без исключения пресса была «либеральной» и единодушно выступала против Куропаткина. Так, специальный корреспондент «Невы» писал о Куропаткине, что «в каждой мелочи был виден дух великого человека» (время войны с Японией). Известный царский и советский военный деятель А.А. Игнатьев, автор знаменитых мемуаров, писал о строжайшем запрете командующего нашими войсками в Японии пить сырую воду. Этот приказ спас нашу армию от самого страшного бича – тифа, и вот результат: «Впервые с существования мира потери от болезни оказались у нас меньше потерь от ранений»¹⁵. Можно ли это считать «мелочью»? Куропаткин заботился о питании солдат и своих сослуживцев еще в первый период своего пребывания в Средней Азии. Нововведением А.Н. Куропаткина стало и распространение полевых кухонь.

А сейчас нам хотелось бы остановиться на тех моментах, связанных с А.Н. Куропаткиным, о которых современные историки стараются не упоминать, хотя их значение для России весьма велико. Так, несмотря на все либеральные выпады, Николай II, на основании доклада А.Н. Куропаткина, согласился с его предло-

жением о создании особого отделения Главного (Генерального) штаба, которое было названо «разведочным отделением», но выполняло контрразведывательные функции¹⁶. Уже в преддверии русско-японской войны это разведочное отделение вскрыло ряд фактов шпионажа в пользу иностранных государств, в том числе и Японии¹⁷.

Отметим, что именно благодаря А.Н. Куропаткину в Главном штабе была образована Азиатская часть, которая ведала военным управлением Кавказа, Туркестана, Сибирского и Приморского округов¹⁸.

Россия не переставала готовиться к будущим военным действиям. Так, в 1902 г. прошли крупные учения Русской Императорской армии в Курской губернии. Был опробован ряд технических и организационных новшеств: развертывание полевой телефонной связи на протяженные расстояния с использованием частных телефонных линий. Для наблюдения за противником применялись воздушные шары, использовались 3 грузовых автомобиля иностранного производства; перевозка участвовавших в маневрах войск осуществлялась по железной дороге. Для этого потребовалось 229 военных эшелонов. Наиболее значительная работа выпала на долю Московско-Курской, Курско-Харьково-Севастопольской и Московско-Киево-Воронежской железных дорог. Транспортировка войск была осуществлена в течение 10 дней до начала маневров без крупных задержек и срывов. Южной армией командовал военный министр А.Н. Куропаткин. Император Николай II внимательно наблюдал за учениями, выезжая в места их проведения. На ст. Рышково литерным поездом прибыл персидский шах Музаффарэд-Дин Хан со свитой. Для встречи персидского шаха прибыл император Николай II. В конце парада были запущены два воздушных шара с надписями: «Петербург 1» и «Петербург 2».

В маневрах победила Южная армия. Легенда учений практически была повторена во время гражданской войны при наступлении на Москву Деникина, а позднее – Курской битвы 1943 г. Надо отметить, что многие известные офицеры белого движения приняли участие в больших курских маневрах 1902 г.¹⁹

Напомним также, что в 1899 г. по инициативе России была созвана Первая Гаагская конференция, которая обозначила ведущую роль России в принятии ряда документов, среди которых

3 декларации: о запрещении на пятилетний срок метания снарядов и взрывчатых веществ с воздушных шаров или при помощи иных подобных новых способов; о неупотреблении снарядов, имеющих единственным назначением распространять удушающие или вредоносные газы; о неупотреблении пуль, легко разворачивающихся или сплюсывающихся в человеческом теле²⁰. А.Н. Куропаткин настаивал на запрете скорострельных австрийских орудий.

В 1916 г. А.Н. Куропаткин в последний раз выручает династию Романовых: благодаря его действиям было ликвидировано восстание в Туркестане, вспыхнувшее в результате подрывных действий агентов западных стран и Турции. Именно то, что А.Н. Куропаткин прекрасно владел информацией о ситуации в этом непростом регионе, и позволило не развалить русско-германский фронт и сохранить империю до февральской революции 1917 г.

¹ «Писателем» А.Н. Куропаткина называют в дореволюционной «Военной энциклопедии», как на это указал в своем предисловии И.В. Карпеев, опубликованный в «Историческом архиве», № 4 за 1999, отрывки из воспоминаний генерала А.Н. Куропаткина «70 лет моей жизни».

² Напомним, что так называемый Павловский кадетский корпус был основан в 1795 г. императором Павлом в Гатчине. В 1797 г. был переведен в Санкт-Петербург и назван «домом военного воспитания», с 1798 г. – «императорским военно-сиротским домом». Его воспитанники – довольно молодые люди, поэтому их иногда сравнивали с янычарами в Османской империи. В 1877 г. выпуск Павловского училища вошел в ряды 4-й стрелковой бригады. Эта группа павловцев в дни Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. получила название «железной».

³ Гигантский военно-учебный комплекс, сформировавшийся на площади около 210 км².

⁴ Куропаткин А.Н. Как я стал офицером // Отечественные архивы. 1996. № 2. С. 68 ff.

⁵ Например, родной брат Павла Калитина, героя Болгарии, погибшего в бою с турками за Самарское знамя в 1877 г., – Петр Калитин (1853–1927) прославился как известный востоковед, знаток тюркских языков, нравов и обычаев народов Туркестана. Он стал первым русским путешественником, который пересек туркменские Каракумы в направлении с юга на север.

⁶ Офицеры для Оренбургского стрелкового батальона набирались из добровольцев («охотников») из разных среднеазиатских и кавказских подразделений и представляли собой прекрасный боевой элемент и пользовались безупречной боевой репутацией.

⁷ Бестужев И.В. Кавказские войны // Историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 6. Ст. 759–764.

- ⁸ Железная дорога Оренбург – Ташкент была закончена только в 1905 г.
- ⁹ Басханов М.К. У ворот английского могущества. А.Е. Снесарев в Туркестане. 1899–1904. СПб., 2015. С. 12.
- ¹⁰ В 1924 г. М.Ю. Ашенбрэннеру как ветерану революционного движения в армии было присвоено звание старейшего красноармейца // Историческая энциклопедия. М., 1961. Т. 1. Ст. 1017.
- ¹¹ Генерал-губернатор Туркестана и командующий войском Туркестанского военного округа.
- ¹² Сапронова М.А. Северная Африка в путевых заметках русских путешественников и офицеров Генерального штаба XIX века (Электронный ресурс). URL: <http://rodnayaladoga.ru/index.php/na-rubezhe-tsvilizatsij/318-severnaya-afrika-v-putevykh-zametkakh-russkikh-puteshestvennikov-i-ofitserov-generalnogo-shtaba-xix-veka>
- ¹³ Свириденко А.Н. Алексей Николаевич Куропаткин: драма неуместности // Вестник Челябинского государственного университета. 1999. № 2. Т. 1. С. 106.
- ¹⁴ Как награжденному орденом Почетного легиона А.Н. Куропаткину французский посол предложил перейти на службу во Францию. Генерал в это время был уже в отставке и жил в деревне Шешурино. Алексей Николаевич отказался покинуть Россию.
- ¹⁵ Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. Т. 1. Кн. 2. М., 1955. С. 251.
- ¹⁶ Хлобыстов О. Госбезопасность от Александра I до Путина. М., «Эксмо», 2005. С. 129.
- ¹⁷ Там же. С. 133.
- ¹⁸ Главный штаб Русской императорской армии (Электронный ресурс). URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D1%88%D1%82%D0%B0%D0%B1_%D0%A0%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%B8%D0%BC%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%B0%D1%80%D0%BC%D0%B8%D0%B8
- ¹⁹ Большие курские маневры (Электронный ресурс). URL: <http://www.mke.su/doc/BOLSHE%20KURSKIE%20MANEVRY%201902.html>
- ²⁰ Первая Гаагская конференция (Электронный ресурс). URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B0%D0%B0%D0%B3%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B8_%D0%B8_%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8_\(1899_%D0%B8_1907\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B0%D0%B0%D0%B3%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B8_%D0%B8_%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8_(1899_%D0%B8_1907))

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акишин Михаил Олегович – Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент.

Алексеев Алексей Иванович – Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург), заведующий отделом рукописей, доктор исторических наук.

Алексеев Денис Юрьевич – Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, доцент, кандидат исторических наук.

Алексеев Тимофей Владимирович – Военно-космическая академия им. А.Ф. Можайского (Санкт-Петербург), профессор, доктор исторических наук, доцент.

Алексеева Олеся Витальевна – Государственный исторический музей (Москва), научный сотрудник.

Алпеев Олег Евгеньевич – НИИ (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил РФ (Москва), научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Анисимова Мария Анатольевна – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи Минобороны РФ (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник.

Аптрейкин Сергей Николаевич – Военная академия Генерального штаба ВС РФ (Москва), старший преподаватель, кандидат исторических наук, доцент.

Афанасьев Владимир Анатольевич – Центральный музей Вооруженных Сил Министерства обороны РФ (Москва), главный научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Бабич Ирина Виленовна – Российская Государственная библиотека (Москва), ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Бабич Марина Виленовна – Российский государственной архив древних актов (Москва), главный специалист, доктор исторических наук.

Баранов Геннадий Валерьевич – Институт археологии РАН (Москва), член проблемного совета «Военная археология».

Барчевский Сергей Викторович – историк-исследователь (Москва).

Барышкова Людмила Константиновна – Военно-медицинский музей (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат медицинских наук.

Бей Евгений Васильевич – НИИ (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Москва), заместитель начальника отдела, кандидат исторических наук.

Белков Алексей Николаевич – НИИ (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, заместитель начальника отдела.

Белозерова Ольга Александровна – историк-исследователь (Санкт-Петербург), кандидат исторических наук.

Бельтюков Виталий Леонидович – Военно-космическая академия им. А.Ф. Можайского (Санкт-Петербург), профессор, кандидат исторических наук, доцент.

Бенда Владимир Николаевич – Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, кандидат исторических наук, доцент.

Бобков Владимир Александрович – Брянский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, преподаватель, кандидат исторических наук, доцент.

Бобров Леонид Александрович – Новосибирский государственный университет, ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук, доцент.

Богданова Нина Леонтьевна – член Новгородского общества любителей древности (г. Старая Русса Новгородской области).

Бодров Андрей Владимирович – Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат исторических наук, доцент.

Болокина Любовь Александровна – Тверской государственный технический университет, кандидат исторических наук, доцент.

Бормотова Александра Руменовна – Курский государственный университет, заведующая методическим кабинетом, кандидат исторических наук.

Бородина Марина Юрьевна – Российский государственный гуманитарный университет (Москва), преподаватель.

Бочаров Алексей Алексеевич – Санкт-Петербургский политехнический университет им. Петра Великого, кандидат исторических наук, доцент.

Будко Анатолий Андреевич – Военно-медицинский музей (Санкт-Петербург), директор, доктор медицинских наук, профессор.

Бумай Олег Константинович – НИИ промышленной и морской медицины, заместитель директора института, кандидат медицинских наук, доцент.

Бусарев Сергей Владимирович – историк-исследователь (Литовская Республика, Вильнюс).

Вахтеров Андрей Васильевич – Некоммерческая организация «Инновационный фонд “Социум”», ФГБОУ ВО РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева (Москва), вице-президент, начальник отдела.

Великанов Владимир Сергеевич – Фонд «Русские витязи» (Москва), эксперт, кандидат экономических наук

Величко Андрей Васильевич – Юго-Западный государственный университет (Курск), аспирант.

Ветюков Владимир Александрович – ГБОУ СОШ № 564 Лаборатория непрерывного математического образования (Санкт-Петербург), учитель истории, кандидат исторических наук.

Виноградов Сергей Евгеньевич – Центральный музей Вооруженных Сил Министерства обороны РФ (Москва), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Витол Александр Владимирович – Институт восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Грибовская Галина Алексеевна – Военно-медицинский музей (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат медицинских наук.

Журавлев Дмитрий Алексеевич – Военно-медицинский музей (Санкт-Петербург), заместитель директора, кандидат исторических наук.

Колотушкин Валерий Геннадьевич – Государственный архив новейшей истории Новгородской области (Великий Новгород), заведующий отделом.

Коровин Владимир Викторович – Юго-Западный государственный университет (Курск), доктор исторических наук, профессор.

Косиковский Александр Ричардович – Академия управления МВД России (Москва), начальник кафедры, кандидат исторических наук.

Окунев Сергей Юрьевич – Военно-космическая академия им. А.Ф. Можайского (Санкт-Петербург), кандидат исторических наук, доцент.

Сергиевский Илья Александрович – НИИ (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Москва), старший научный сотрудник, старший лейтенант.

Чigareва Наталия Григорьевна – Военно-медицинский музей (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, доктор биологических наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	3
<i>Акишин М.О.</i> Право войны в ходе присоединения Восточной Сибири и Дальнего Востока (XVII век)	7
<i>Алексеев А.И.</i> Боевая подготовка офицеров Лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады в 1899–1909 годах, по материалам дневника В.С. Савонько.....	21
<i>Алексеев Д.Ю.</i> 11-я Петроградская стрелковая дивизия в боях за Карелию (1921–1922).....	35
<i>Алексеев Т.В.</i> Облик Петроградского промышленного района в годы Первой мировой войны: общие подходы и перспективы исследований.....	41
<i>Алексеева О.В.</i> 4 и 5 января 1878 года в истории Лейб-гвардии Кексгольмского полка	52
<i>Алеев О.Е.</i> Развитие германского стратегического планирования в конце XIX – начале XX веков.....	62
<i>Анисимова М.А.</i> По следам коллекции оружия Великого князя Михаила Николаевича.....	74
<i>Антрейкин С.Н.</i> Полководческое искусство Г.К. Жукова в Берлинской стратегической наступательной операции.....	110
<i>Афанасьев В.А.</i> Роль Маршала Советского Союза В.Д. Соколовского в создании ракетно-ядерного щита Отечества.....	122
<i>Бабич И.В.</i> Двадцать лет на войне: служба нарвских ветеранов в координатной сетке офицерских сказок 1716–1722 годов.....	138
<i>Бабич М.В.</i> Вокруг комиссариата: государственный аппарат и провиантское обеспечение российской армии в 1730-е годы	153
<i>Баранов Г.В.</i> Византийский меч с территории Украины.....	171
<i>Барчевский С.В.</i> Клинковое оружие Вьетнама как часть оружейной традиции Индокитая	178

<i>Барчевский С.В., Ветоков В.А.</i> Система сигналов управления войсками на поле боя в армиях средневекового Вьетнама.....	184
<i>Бей Е.В., Сергиевский И.А.</i> «Об изобретении г. Братолобовым горючей жидкости с удушающими газами, могущей принести значительную пользу в деле обороны»	193
<i>Белков А.Н.</i> Генезис структур пропаганды Русской освободительной армии.....	209
<i>Белозерова О.А.</i> Генерал Куропаткин о целях и задачах военного министерства в конце XIX столетия.....	220
<i>Бельтоков В.Л., Окунев С.Ю.</i> Появление позиционного фронта в Первой мировой войне и способы решения проблемы его прорыва	233
<i>Бенда В.Н.</i> Вклад Артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса в подготовку офицерских и унтер-офицерских кадров во второй половине XVIII века.....	250
<i>Бобков В.А.</i> Международные экономические и военно-технические контакты России в области производства артиллерии в XVIII – первой половине XIX веков.....	262
<i>Бобров Л.А.</i> Центральноазиатский узкопластинчатый шлем из Центрального музея Казахстана.....	272
<i>Богданова Н.Л., Колотушкин В.Г.</i> Герой Советского Союза Сергей Александрович Блинников в документах и воспоминаниях	291
<i>Бодров А.В.</i> Франко-американское сотрудничество в годы Первой мировой войны в сфере авиации.....	303
<i>Болокина Л.А.</i> Воспоминания очевидцев как исторический источник по военной повседневности.....	312
<i>Бормотова А.Р.</i> Содержание и формы немецкой фашистской пропаганды среди населения Курской области в 1941–1943 годах.....	325
<i>Бородина М.Ю.</i> Генерал от артиллерии М.В. Ханжин: Луцкий прорыв	341
<i>Боچارов А.А.</i> Северо-восточная оборонительная башня Кронштадтской крепости: очерк дореволюционной истории	350
<i>Будко А.А., Барышкова Л.К., Грибовская Г.А.</i> Вклад Военно-медицинского музея в сохранение исторической памяти о подвиге женщин-медиков в Сталинградской битве	358

<i>Будко А.А., Журавлев Д.А., Грибовская Г.А.</i> Первое использование российской армией военно-санитарных поездов на театре военных действий (по опыту Русско-турецкой войны 1877–1878 годов).....	366
<i>Будко А.А., Чигарева Н.Г.</i> Музей – это «институт по изучению опыта отечественной войны, а следовательно, и последующих войн...» (К 75-летию со дня образования Военно-медицинского музея).....	371
<i>Бумай О.К.</i> В.И. Шестов – основоположник теории лечебно-эвакуационного обеспечения флота и истории военно-морской медицины	379
<i>Бусарев С.В.</i> Чертов мост сегодня. Сен-Готард, Швейцария	392
<i>Вахтеров А.В., Косиковский А.Р.</i> Опыт Гражданской войны в формировании, боевой подготовке и применении мобильных отрядов лыжных подразделений и аэросанных частей (На примере подавления вооруженного мятежа в Восточной Карелии)	402
<i>Великанов В.С.</i> Российские гарнизоны в малороссийских городах на начальном этапе Великой Северной войны (в 1700–1708 годах)	423
<i>Величко А.В., Коровин В.В.</i> Участие молодежи Курской области в лечебно-медицинском обслуживании раненых воинов Красной армии (1941–1943)	438
<i>Ветюков В.А.</i> Древковое оружие Вьетнама в эпоху Ле (1428–1789)	452
<i>Виноградов С.Е.</i> А.Ф. Бринк – создатель 12-дм морского орудия в 40 калибров для Российского флота	469
<i>Витол А.В.</i> Генерал А.Н. Куропаткин – писатель и востоковед.....	482
Сведения об авторах	492

Научное издание

Война и оружие
Новые исследования и материалы

Труды Восьмой Международной
научно-практической конференции

В четырех частях

Часть 1

Редактор: *Е.М. Пожидаева*
Художник: *Н.Ю. Якубовская*
Технический редактор: *В.И. Хоронко*
Верстка: *Т.И. Таранова*
Компьютерный набор: *Я.В. Камашина*

Подписано в печать 19.04.2017.
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 15,75.
Бумага офсетная. Гарнитура PeterburgC.
Тираж 150 экз.

ФГБУ «ВИМАИВиВС» МО РФ
197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 7.
Издательско-полиграфический центр Санкт-Петербургского
государственного университета промышленной технологии и дизайна
Санкт-Петербург, ул. Моховая, д. 26.

==== Для заметок ====

==== Для заметок ====